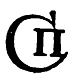
Антиох Кантемир

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

ЛЕНИНГРАД * 1956

АНТИОХ КАНТЕМИР

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья
Ф. Я. Приймы
Подготовка текста и примечания
З. И. Гершковича

АНТИОХ ДМИТРИЕВИЧ КАНТЕМИР

Освобождение русской культуры от опеки и вмешательства церкви было одним из важнейших результатов преобразовательской деятельности Петра I. В начале XVIII века в русской литературе одно за другим начали появляться имена писателей, ни принадлежностью, ни образом своих мыслей не связанных с духовным сословием или авторитетом церкви. Этот перечень открывается именем Антиоха Дмитриевича Кантемира, литературная деятельность которого по ее целеустремленности и общественному значению может быть смело названа подвигом.

Антиох Кантемир выступил убежденным сторонником и защитником того строя государственной жизни, который был создан преобразованиями Петра I, выводившими страну из вековой отсталости и носившими, при всей их социальной ограниченности, глубоко прогрессивный характер. Общественно-политическое сознание А. Кантемира, чутко отзывавшееся на противоречия жизни, отразило в себе лучшие приобретения общественной и политической мысли XVIII века.

А. Д. Кантемир жил в эпоху, когда только закладывались первые основы современного русского литературного языка; его сатиры написаны по доживавшей уже в то время свой век силлабической системе стихосложения, и тем не менее имя Кантемира, выражаясь словами Белинского, «уже пережило много эфемерных знаменитостей, и классических и романтических, и еще переживет их многие тысячи», так как Кантемир «первый на Руси свел поэзию с жизнью».[1]

Антиох Кантемир родился 10 сентября 1708 года в семье князя Дмитрия Константиновича Кантемира (1663—1723), принадлежав-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1955, стр. 614 и 624.

шего к среде высшей молдавской знати: еще в конце XVII века дед Антиоха, Константин Кантемир, получил от турецкого султана в управление Молдавию с титулом господаря. Сын Константина, Дмитрий Кантемир, отец писателя, провел свою юность и молодые годы в Константинополе в качестве заложника; там же получил он и блестящее для своего времени образование: владел многими европейскими и восточными языками, обладал незаурядными познаниями в философии, математике, архитектуре и музыке, имел склонность к научным занятиям и оставил после себя ряд ученых трудов на латинском, молдавском (румынском) и русском языках.

Взаимоотношения населения Молдавии с русским и украинским народами на протяжении столетий носили дружественный характер. Русские симпатии в Молдавии были чрезвычайно сильны не только в простом народе, но и в среде молдавского дворянства. Эти симпатии нашли свое отражение и в государственной деятельности князя Дмитрия Кантемира, получившего в 1710 году, вскоре после смерти своего отца, титул господаря Молдавии. Д. Кантемир, пользуясь начавшейся войной России с Турцией, стремился освободить свою страну от турецкого ига и, преследуя эту цель, вступил в тайные сношения с Петром I; в 1711 году в результате неудачного Прутского похода Д. Кантемир вместе со своей семьей, состоявшей из жены и шести детей, вынужден был навсегда переселиться в Россию.

Первое время по переселении в Россию семья Кантемира жила в Харькове, а затем в курских и украинских поместьях, пожалованных Д. Кантемиру Петром I. В 1713 году старый князь переезжает с семьей в Москву.

Из четырех сыновей Д. Кантемира младший, Антиох, отличался наибольшими стремлениями и способностями к образованию. Немаловажная роль в умственном развитии А. Д. Кантемира принадлежала наставникам его детских лет: Анастасию (Афанасию) Кондоиди и Ивану Ильинскому.

Анастасий Кондоиди, несмотря на свой священнический сан, был человеком светского образа жизни и интересов. Он обучал детей Д. Кантемира древнегреческому, латинскому, итальянскому языкам и истории. В 1719 году по повелению Петра I Кондоиди был взят из семьи Кантемиров на службу в Духовную коллегию.

Гораздо большее значение для умственного развития Антиоха Кантемира имел Иван Ильинский, получивший образование в Московской Славяно-греко-латинской академии. Он был хорошим латинистом, а также знатоком древнерусской письменности и языка. В «Опыте словаря о российских писателях» Н. И. Новикова сказано также, что Ильинский «писал много разного содержания сти-

хов». Ильинский обучал юного А. Кантемира русскому языку и письменности.

Биографы Антиоха Кантемира упоминают о том, что он проходил обучение в Заиконоспасском училище, оговариваясь при этом, что ни дата поступления, ни срок пребывания в нем А. Кантемира неизвестны. Систематическое обучение А. Кантемира в Московской Славяно-греко-латинской академии может быть поставлено под сомнение, однако близкие связи его с академией, ее наставниками и учащимися вполне реальны. Известно, например, что в 1718 году, в возрасте десяти лет, Антиох Кантемир публично выступал в названной академии с похвальным словом Димитрию Фессалоникийскому, которое было произнесено им на греческом языке. Своими связями с Московской академией Антиох Кантемир, вероятно, также был обязан Ивану Ильинскому.

Московская жизнь в начале XVIII века была полна самых разительных контрастов и ярких красок, самых причудливых сочетаний отживающих форм жизни с новыми. В старой столице нередко можно было встретить всевозможных ревнителей долгополой старины. Впечатления московской жизни оставили неизгладимый след в сознании и творчестве А. Кантемира.

В 1719 году по приглашению царя Д. Кантемир переселился в Петербург, и вслед за ним туда переезжает вскоре и вся его семья.

Стремясь втянуть Кантемира-отца в государственную деятельность, Петр I давал ему всевозможные поручения, а в 1721 году назначил членом Сената. И в доме отца и за пределами дома молодой Антиох Кантемир становится невольным наблюдателем придворной жизни. Образы сановных лиц, фаворитов и временщиков, которые позднее появятся в сатирах Кантемира, были живыми впечатлениями его юношеских лет.

В 1722 году Дмитрий Кантемир, большой знаток жизни и быта восточных народов и восточных языков, сопровождает Петра I в знаменитый Персидский поход. Вместе с Д. Кантемиром в этом походе принимал участие и 14-летний Антиох Кантемир.

Отзвуки впечатлений, вынесенных из длившегося около года Персидского похода, можно найти в ряде произведений А. Кантемира (первая редакция III сатиры, написанный на французском языке и посвященный г-же д'Эгийон мадригал и др.).

В августе 1723 года, на обратном пути из Персидского похода, скончался Д. Кантемир, и вскоре после этого вся его семья переселяется из Петербурга в Москву. В Москве и в подмосковном

поместье отца Черные Грязи наездами живет в это время и Антиох Кантемир, уже составлявший планы иной, вполне самостоятельной жизни, отвечающей сложившемуся в его сознании идеалу. В прошении, написанном 25 мая 1724 года на имя Петра I, 16-летний Антиох Кантемир перечислял науки, к которым он «имел немалую охоту» (история древняя и новая, география, юриспруденция, дисциплины, относящиеся к «стату политическому», математические науки и живопись), и для изучения их просил отпустить его в «окрестные государства». В этом юношеском заявлении Антиоха Кантемира в полной мере отразилась твердость его характера, его непреодолимое стремление к образованию.

В связи с осуществлением начальных мероприятий Петра I по организации Академии наук в Петербурге у Кантемира появляется, однако, возможность усовершенствовать свое образование и без выезда за границу. У петербургских академиков и проходит Антиох Кантемир в 1724—1725 годах недолговременный срок обучения. У профессора Бернулли берет он уроки математики, у Бильфингера — физики, у Байера — истории, у Хр. Гросса — нравственной философии.

Еще до окончания своего обучения в Академии наук Антиох Кантемир поступает на военную службу, в лейб-гвардии Преображенский полк. В течение трех лет Кантемир служит в звании нижнего чина и только в 1728 году получает первый офицерский чин — поручика.

К этому же периоду относится и начало литературной деятельности Антиоха Кантемира, которая первое время проходит под непосредственным руководством Ивана Ильинского. Первый печатный «трудок» Антиоха Кантемира «Симфония на Псалтырь», о котором в авторском предисловии сказано, что он «сочинился аки бы сам собой за частое в священных псалмопениях упражнение», представляет собою свод стихов из псалмов Давида, расположенных в азбучно-тематическом порядке. Написанная в 1726 и изданная в 1727 году «Симфония на Псалтырь» к поэтическому творчеству Кантемира имеет самое непосредственное отношение, так как для своего времени Псалтырь была не только «богодухновенной», но и поэтической книгой.

«Симфония на Псалтырь» — первое печатное произведение А. Кантемира, но не первый литературный труд его вообще, что подтверждается авторизованной рукописью мало известного перевода Антиоха Кантемира под названием «Господина философа Константина Манассиса Синопсис историческая», датированного 1725 го-

дом.[1] Хронику Манассии Кантемир переводил с латинского текста и только впоследствии, обратившись к греческому оригиналу, внес небольшие исправления в свой перевод.

Язык этого перевода назван Кантемиром «славено-российским», и в переводе действительно господствуют морфологические и синтаксические нормы церковнославянского языка, чего нельзя сказать ни об одном из других произведений Кантемира. Вместе с тем даже и в этом переводе элементы просторечия, заимствования из иностранных языков и неологизмы представлены весьма широко, в особенности если учесть сделанные Кантемиром на полях рукописи переводы отдельных встречающихся в тексте славянизмов и иностранных слов.[2]

В «Переводе некоего итальянского письма», сделанном А. Кантемиром только на один год позднее (1726), просторечие присутствует уже не в виде случайных элементов, а в качестве господствующей нормы, хотя язык и этого перевода был назван Кантемиром, по привычке, «славено-российским».

Быстро совершившийся переход от церковнославянской лексики, морфологии и синтаксиса к просторечию, как норме литературной речи, который прослеживается в наиболее ранних произведениях А. Кантемира, отразил эволюцию не только его индивидуального языка и стиля, но также и развитие языкового сознания эпохи и становление русского литературного языка в целом.

К 1726—1728 годам следует отнести работу А. Кантемира над не дошедшими до нас стихотворениями на любовную тему, о которых с чувством некоторого сожаления он писал потом во второй редакции IV сатиры.

В этот период Антиох Кантемир проявляет усиленный интерес к французской литературе, что подтверждается как названным выше «Переводом некоего итальянского письма»,[3] так

[1] Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Q. IV. 25.

[2] Приводим для примера несколько таких пояснений, сделанных А. Д. Кантемиром: *сокровищехранитель* — казначей, *элефанты* — слоны, *рамо* — плечо, *фабула* — скаска, *тривун* — народоначальник, *прехождение* — путешествие, *зритель* — тот, который смотрит, *навта* — мореплаватель, или матрос, *виктория* — победа, *скудельник* — гончар, *тиран* — мучитель.

[3] Оригиналом этого перевода было следующее анонимное издание на французском языке: Lettre d'un Silicien à un de ses amis. Contenant une agréable Critique de Paris et de François. Traduite de l'Italien. A. Chamberi, chez Pierre Maubal, Marchand Libraire près la Place, 1714.

и заметками Кантемира в его календаре 1728 года, из которых мы узнаем о знакомстве молодого писателя с французскими сатирическими журналами английского образца вроде «Le Mentor moderne», равно как и с творчеством Мольера («Мизантроп») и комедиями Мариво.[1]

К этому же периоду следует отнести и работу А. Кантемира над переводом на русский язык четырех сатир Буало и написание оригинальных стихотворений «О жизни спокойной» и «На Зоила».

Ранние переводы А. Кантемира и его любовная лирика были лишь подготовительным этапом в творчестве поэта, первой пробой сил, выработкой языка и стиля, манеры изложения, собственного способа видения мира.

С 1729 года начинается период творческой зрелости поэта, когда он вполне сознательно сосредоточивает свое внимание почти исключительно на сатире:

Одним словом, в сатирах хочу состарети,
А не писать мне нельзя: не могу стерпети.

(IV сатира, I ред.)

Новый этап в литературной деятельности Антиоха Кантемира был подготовлен длительным и сложным развитием не только эстетического, но также и общественного сознания поэта. Знакомство Кантемира с главой «ученой дружины» Феофаном Прокоповичем сыграло в этом развитии далеко не последнюю роль.

Расцвет проповеднической и публицистической деятельности Феофана Прокоповича, равно как и его служебной карьеры (от преподавателя риторики в Киево-Могилянской академии до должности первенствующего члена Синода) совпадает со второй половиной царствования Петра I. Как деятельный сподвижник царя по реформе русской церкви и, в частности, как автор «Духовного регламента», которым было упразднено патриаршество, Феофан Прокопович создал себе массу врагов в кругах цеплявшегося за старину духовенства и реакционного дворянства. Проявлявшаяся при жизни Петра I в скрытых формах, ненависть к автору «Духовного регламента» стала почти открытой в царствование Екате-

[1] Два томика издания «Le Spectateur françois» (nouvelle édition, vol. I—II), которые читал Кантемир в 1728 году, состояли исключительно из произведений Мариво. Там были напечатаны: L'avis de l'Imprimeur, L'indigent philosophe ou L'homme sans soucis, L'isle de la Raison ou Les petits hommes и др. комедии этого автора.

рины I и Петра II, когда в результате наступления политической реакции в церковной иерархии и в Синоде начали возвышаться Феофилакт Лопатинский, Георгий Дашков и другие лица, готовые свести с Феофаном свои старые счеты.

При восшествии на престол Анны Иоанновны (1730), как глава «ученой дружины», Феофан принимал деятельное участие в борьбе против верховников, стремившихся ограничить самодержавную власть императрицы так называемыми «кондициями». Вместе с Феофаном в этой борьбе участвовал и молодой Антиох Кантемир. С воцарением Анны Иоанновны угроза опалы была отстранена от Феофана, но не уничтожена полностью. Многочисленные враги путем доносов и интриг продолжали выступать против Феофана до самой его смерти.

Непримиримым противником старины выступал Феофан Прокопович и в своем литературном творчестве. Из литературно-художественных произведений Феофана известны: трагедо-комедия «Владимир», несколько «Разговоров», написанных в стиле «Диалогов» Лукиана, и множество од и мелких лирических стихотворений, написанных на русском, латинском и польском языках.

Личное знакомство А. Кантемира с Феофаном относится, по-видимому, к началу 1730 года. Превосходное знание не только общих задач, стоявших перед «ученой дружиной», но также и тех сил и лиц, с которыми она боролась, Антиох Кантемир обнаружил уже в первой своей сатире. Выдвинутые молодым сатириком положения и их аргументация во многом повторяли доводы и аргументацию речей и проповедей Феофана.

Первая сатира Кантемира, «На хулящих учение» («К уму своему»), явилась произведением огромного политического звучания, так как она была направлена против невежества как определенной социальной и политической силы, а не абстрактного порока; против невежества «в шитом платье», выступающего против преобразований Петра I и просвещения, против учения Коперника и книгопечатания; невежества воинствующего и торжествующего, облеченного авторитетом государственной и церковной власти.

Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Невежество знание уж местом поселю;
То под митрой гордится, в шитом платье ходит,
Оно за красным сукном судит, полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Из всех знатнейших домов с ругательством сбита.

С особой силой и смелостью нападает Кантемир в своей первой сатире на представителей церковной реакции, так как последняя пыталась возглавить борьбу реакционных сил против преобразований Петра I.

Вопреки предисловию к сатире, в котором автор пытался уверить читателя, что все в ней «в забаву написано» и что он, автор, «никого партикулярно себе не представлял», — первая сатира Кантемира была направлена против вполне определенных и «партикулярных» лиц, — это были враги дела Петра и «ученой дружины». «Характер епископа, — писал в одном из примечаний к сатире Кантемир, — хотя с неизвестного лица автором описан, однако много сходства имеет с Д***, который в наружных церемониях поставлял всю первосвященства должность». Высмеивая в сатире церковника, вся образованность которого ограничивается усвоением «Камня веры» Стефана Яворского, Кантемир недвусмысленно указывал на собственную идейную позицию — сторонника «ученой дружины». Созданным Кантемиром образам церковников соответствовали вполне реальные прототипы, и тем не менее это были образы-обобщения, они волновали умы, в них продолжали узнавать себя реакционные церковники новых поколений, когда имя Антиоха Кантемира стало достоянием истории и когда имена Георгия Дашкова и его соратников были преданы полному забвению.

I сатира Кантемира сразу же после ее появления получила широкое распространение в списках. О напечатании ее в то время не могло быть и речи, настолько смелым и политически острым было ее содержание. Распространение сатиры Кантемира вызывало бешеную ярость церковников. Так, например, известно, что когда возвратившийся из-за границы В. К. Тредиаковский прочитал I сатиру Кантемира в небольшом кругу лиц, то за этим последовала пространная жалоба в Синод, написанная архимандритом Платоном Малиновским.[1] Сложившаяся за молодым В. К. Тредиаковским репутация вольнодумца и безбожника во многом определялась, несомненно, его восторженным отношением к I сатире Кантемира.[2]

Русская сатира возникла задолго до А. Кантемира. Большое количество сатирических произведений было создано поэтическим творчеством русского народа. Широко была распространена она в письменности русского средневековья, в особенности в лите-

[1] См. И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 384.

[2] См. А. Малеин. Новые данные для биографии В. К. Тредиаковского. Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 430—432.

ратуре демократического направления. Элементы сатиры, и в том числе сатирические образы монахов, можно найти и в сочинениях Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича. Сатира проникала даже и в церковную нравоучительную литературу.

С сатирической традицией предшествовавшей русской литературы Антиох Кантемир был безусловно знаком, и она не могла не проявиться в его собственном творчестве. И вместе с тем в разработке названной традиции А. Кантемир выступил подлинным новатором. Новаторство Кантемира проявилось как в том, что он первый перенес на русскую почву возникший в античной литературе и оттуда усвоенный литературами Западной Европы жанр стихотворной сатиры как особого вида дидактической поэзии, так и в том, что, опираясь на опыт и традиции русской литературы, Кантемир поднял ее на новый уровень, сделал ее формой выражения передовых идей своего времени.

II сатира Кантемира, «На зависть и гордость дворян злонравных», возникла приблизительно в начале 1730 года. Написанная в форме диалога между Аретофилосом, выразителем идей автора, и Дворянином, представлявшим взгляды стародворянской реакции, эта сатира, по признанию самого Кантемира, ставила целью «обличить тех дворян, которые, лишены будучи всякого благонравия, одним благородием хвастают, к тому же завидят всякому благополучию в людях, которые из подлости чрез труды свои происходят». «Табель о рангах» Петра I, ущемившая привилегии старинных боярских родов и открывавшая доступ в дворянскую среду для выходцев из других сословий, была основана на признании и утверждении права личной заслуги. Защитником права личной заслуги выступает во II сатире и Кантемир, однако содержание его сатиры не ограничивается только этим. С поразительной для его времени смелостью он возвышается над понятиями о генеалогической чести и критикует «благородство» происхождения с точки зрения просветительской теории «естественного права».

Дворянин II сатиры Кантемира — это напудренный и разодетый столичный щеголь, потомок аристократического рода. Тонкий знаток придворного этикета и вместе с тем любитель картежной игры и заморских вин, пустой и высокомерный, он требует себе наград и почестей за древность своего рода, за иссохший пергамент, в котором исчислены заслуги его предков.

В словах и в вопросах, которые ставит Аретофилос перед надменным дворянином, раскрывается внутренняя несостоятельность последнего.

Победил ли сам враги? дал пользу народу?
Устрашил ли действами Нептуна власть — воду?
Сокровища ль царские тобой умножены?
Презрев покой, подъял ли сам труды военны?

Аретофилос не отрицает полезности дворянского сословия вообще («Не пустое дело есть знатная порода»), тем не менее он выступает убежденным поборником благородной идеи о внесословной ценности человека.

Адам князей не родил, но едино чадо
Его сад копал, другой пас по полям стадо.

Кантемир предвидел то недовольство, которое должна была вызвать его сатира в кругах дворянства, предвидел и обращенный к нему вопрос о том, кто позволил ему выступать столь строгим судьей дворянства. «На последний же их вопрос, — отвечал в предисловии к сатире Кантемир, — кто меня судьею поставил, ответствую: что все, что я пишу, — пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может». До Кантемира в русской литературе никто не высказывал таких смелых суждений. Это и дало право Белинскому при анализе второй сатиры писателя заявить, что в ней были выражены «святые истины о человеческом достоинстве».[1]

В событиях, связанных с восшествием на престол Анны Иоанновны в начале 1730 года, «ученая дружина» выступает как политическая организация. Предложенные новой самодержице от лица верховников «кондиции» были подписаны ею в Митаве, до приезда в Москву. Однако к моменту этого приезда в среде шляхетства образовалась довольно мощная оппозиция верховникам, возглавляемая кн. А. М. Черкасским. За спиною верховников стояла противодействовавшая петровским реформам старинная аристократическая знать, тогда как оппозиция представляла интересы нового дворянства.

К этой оппозиции примкнула и «ученая дружина». От имени шляхетства А. Кантемир составлял прошение на имя императрицы. Прошение было покрыто многочисленными подписями шляхетства. Как поручик Преображенского полка А. Кантемир принимал деятельное участие в сборе подписей под прошением среди офицеров гвардии. 25 февраля 1730 года возглавляемое кн. А. М. Черкасским

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1955, стр. 624.

шляхетство явилось на заседание Верховного тайного совета, где составленная А. Кантемиром челобитная была им уже прочитана императрице, после чего последняя предложенные ей верховниками «кондиции» «изволила» <...> издрать» и принять самодержавие.

«Первым знаком признательности, — пишет О. Гуаско, — полученной кн. Кантемиром от императрицы, было пожалование тысячи крестьянских дворов. Она награждала этим подарком не только А. Кантемира лично, но также его двух братьев и сестру, которые обладали весьма незначительной частью наследства отца. Это проявление монаршей благосклонности напугало придворных и особенно кн. Голицына, тестя Константина, старшего брата Антиоха; кн. Голицын опасался, как бы последний не воспользовался милостью к нему императрицы, чтобы возвратить поместья, несправедливо от него отчужденные.[1] Убедили императрицу отправить его к какому-либо иностранному двору в качестве посланника. Искавшая только повода для вознаграждения А. Кантемира, она поверила тому, что это предложение исходит из чистых побуждений. Однако крайняя молодость кн. Кантемира была причиной известной нерешительности с ее стороны».[2] Императрица окончательно согласилась с предложением отправить А. Кантемира в Лондон только после того, как оно получило решительную поддержку со стороны Бирона.

Итак, в отличие от других лиц, участвовавших в возведении Анны Иоанновны на престол, Антиох Кантемир не получил от нового правительства никаких личных наград. На протяжении почти двух лет, прошедших с момента воцарения Анны Иоанновны, А. Кантемир продолжал оставаться в чине поручика, полученном им еще в царствование Петра II, в 1728 году. Относящееся к 1731 году притязание А. Кантемира получить пост президента Академии наук также осталось неудовлетворенным. Какие-то скрытые от глаз исследователей причины препятствовали А. Кантемиру занять то общественное и служебное положение, которое соответствовало бы его дарованиям и образованию. Причиной, порождавшей в придворных кругах подозрительное отношение к А. Кантемиру, могла быть его литературная деятельность. Это предположение подтверждается наступившим в 1731 году и продолжавшимся шесть лет перерывом в сатирическом творчестве писателя. В пользу этого предположения

---

[1] В 1729 году Константин Кантемир, пользуясь покровительством своего тестя кн. Д. М. Голицына, получил, вопреки завещанию кн. Д. К. Кантемира, почти все его наследство. — *Ред.*

[2] O. G o u a s c o. Vie du Prince Antiochus Cantemir (Satyres du Prince Cantemir. Traduites du Russe en François, avec l'histoire de sa vie. A Londres. chez Jean Nourse. MDCCL), pp. XLI—XLIII.

говорит также и свидетельство Н. И. Новикова, который в «Трутне» за 1769 год заявлял о том, что на Руси были сатирики и посильнее его, «но и тем рога обломали».[1]

В последние два года своего пребывания в России (1730—1731), несмотря на личные неудачи, Антиох Кантемир с большим увлечением отдается научным занятиям и литературному творчеству.

В 1730 году он закончил работу над переводом «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля, представлявших собою популярное изложение гелиоцентрической системы Коперника.

Рукопись перевода «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля была сдана А. Кантемиром в Академию наук для напечатания в 1730 году. Однако только через 10 лет, в 1740 году, книга была издана.[2]

Из поэтических произведений в течение 1730—1731 годов, не считая мелких стихотворений, А. Кантемиром были написаны: первая (и единственная) песнь поэмы «Петрида», а также III, IV и V сатиры.

Особое место среди названных сатир принадлежит сатире IV («К музе своей»); она посвящена изложению эстетической программы автора и содержит ряд автобиографических признаний. По простоте и естественности построения, по ясности языка и искренности тона — это одна из лучших сатир Кантемира. Сатира представляет собой своеобразный диалог между автором и его музой. Автор знакомит музу с рядом лиц, недовольных его сатирою: одно из них обвиняет сатирика в безбожии, другое строчит на него донос за поношение духовенства, третье готовится привлечь сатирика к судебной ответственности за то, что он своими стихами против пьянства якобы умаляет «кружальные доходы». Положение автора безвыходно:

А лучше век не писать, чем писать сатиру,
Яже ненавистна мя, творца, чинит миру.

---

[1] См. «Сатирические журналы Н. И. Новикова. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, стр. 71 и 527.

[2] О значении, которое приобрела эта книга в развитии русской научной и общественной мысли XVIII века, позволяет судить возбужденное в 1756 году против нее церковником М. П. Абрамовым дело, как против атеистической «богопротивной книжичищи», сеющей «сатанинское коварство». Тогда же решением Синода перевод Кантемира был конфискован. В 1761 году в результате наступившего после смерти императрицы Елизаветы Петровны ослабления церковной реакции книга Фонтенеля в переводе А. Кантемира была издана вторично, а в 1802 году последовало новое, третье ее издание

Однако попытка сатирика заняться сочинением од и эклог также не приводит к успеху, и за нею следует признание автора:

Рифмы не могу прибрать, как хвалить желаю;
Сколько ногти ни грызу и тру лоб вспотелый,
С трудом стишка два сплету, да и те неспелы...

В результате автор приходит к решению, что сатира — его призвание и что он будет продолжать писать сатиры, какими бы неприятностями это ему ни угрожало.

Хоть муза моя всем сплошь имать досаждати,
Богат, нищ, весел, скорбен — буду стихи ткати.

Автора приводит к такому решению не столько его природная склонность к комическому, сколько его твердое убеждение в том, что искусство должно изображать действительные, а не вымышленные события. Он отказывается писать эклогу, посвященную Ирисе, потому что Ирисы нет в жизни:

И не смешон ли б я был, коль, любви не зная,
Хотел бы по Ирисе казаться здыхая,
А Ирис вымышленна — не видывал сроду;
Однак по ней то гореть, то топиться в воду,
И всечасно сказывать, что вот умираю,
Хоть сплю, ем сильно и в день ведро выпиваю.

Требуя от литературы сближения с жизнью в смысле *правдоподобия* литературных произведений, сатирик выдвигал вместе с тем требование *правдивости,* выражения в литературе нравственной *истины,* социальной *справедливости,* понимаемых в духе просветительской идеологии XVIII века.

Не могу никак хвалить, что хулы достойно, —
Всякому имя даю, какое пристойно;
Не то в устах, что в сердце, иметь я не знаю:
Свинью свиньей, а льва львом просто называю.

Сатира III «О различии страстей человеческих» и V («На человека», позднее получившая название «На человеческие злонравия вообще») как по теме, так и по содержанию имеют ряд сходных черт. Если в I и II сатирах осмеивались пороки определенных

сословий или социальных групп, то в сатирах III и V осмеиваются пороки и страсти как таковые, как страсти вообще. Так, например, в III сатире выставлена галерея портретов, посвященная изображению людей, одержимых различными пороками или страстями: скупостью, расточительностью, ханжеством и т д.

В сатирах III и V в большей мере, чем в других сатирах А. Кантемира, отразилось воздействие рационалистической эстетики классицизма с ее делением людей на хороших и дурных, с ее тенденцией изображать человека и его поступки в их статическом состоянии. Показательно, однако, и другое: даже здесь, следуя образцам Буало и Лабрюйера, Кантемир стремится наполнить заимствованную композиционную схему новым содержанием. Так, например, глубоко оригинален образ «войнолюбца» из V сатиры.

Глубокий интерес автора к окружающей жизни и «злобе дня» сообщает многим образам названных сатир вполне определенное социальное и национальное содержание. Таким является образ многоречивого помещика Грунния в III сатире, таким еще в большей мере является образ жалующегося на свою судьбу крепостного крестьянина в V сатире.

Пахарь, соху ведучи иль оброк считая,
Не однажды вздыхает, слезы отирая:
«За что-де меня творец не сделал солдатом?
Не ходил бы в серяке, но в платье богатом,
Знал бы лишь ружье свое да свого капрала,
На правеже бы нога моя не стояла,
Для меня б свинья моя только поросилась,
С коровы мне ж молоко, мне б куря носилась;
А то все приказчице, стряпчице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине».
Пришел побор, вписали пахаря в солдаты —
Не однажды уж вспомнит дымные палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,
Десятью в день заплачет по сером жупане.

В образе крестьянина-солдата творческая индивидуальность Кантемира проявилась с исключительной силой.

Приведенный отрывок и по содержанию и по манере изложения — не только лучшее место в V сатире, но и одно из лучших достижений в творчестве Кантемира вообще. Созданный писателем образ крепостного крестьянина, ставшего солдатом, открывает крестьянскую тему в русской литературе.

Кантемир первым из русских писателей дал правдивое и сочувственное изображение крепостного крестьянина, жалующегося на свою тяжелую судьбу, — и в этом незабываемая заслуга писателя перед русской литературой.

Назначение Антиоха Кантемира на пост русского дипломатического представителя («резидента») в Лондоне состоялось в ноябре 1731 года.

1 января 1732 года А. Кантемир выехал из России и 30-марта этого же года прибыл в Лондон. Начавшаяся с этого времени дипломатическая служба Кантемира продолжалась свыше 12 лет и прервалась лишь с его смертью.

Основные черты внешней политики, которую проводила Россия на протяжении всего XVIII века, были намечены Петром I. Еще при жизни Петра I в Западной Европе обозначилась коалиция враждебно расположенных к России держав, в которую входили Франция, Англия и Пруссия. В годы дипломатической службы А. Кантемира антирусская политика названных держав, и в особенности Франции, отличалась особенной активностью. Франция делала напряженные усилия, с тем чтобы создать антирусский блок из граничивших с Россией государств: Швеции, Польши и Турции. В сложившейся международной обстановке от русской дипломатии требовалась особая предусмотрительность и гибкость, уменье использовать существовавшие между западными державами противоречия. А. Кантемир как дипломат в полной мере обладал этими качествами.

Кантемир прилагает немало усилий для установления нормальных дипломатических отношений между Англией и Россией; он предпринимает, хотя и безуспешно, целый ряд шагов для того, чтобы добиться союза между обеими странами во время борьбы за польский престол в 1734 году; настойчиво хлопочет о признании английским правительством императорского титула за Анной Иоанновной, справедливо рассматривая эти хлопоты как борьбу за поддержание международного престижа русского государства. В 1735 году русское правительство сообщило своему резиденту в Лондоне о предосудительном поведении по отношению к России английского посла в Константинополе лорда Кинуля, и благодаря энергичному вмешательству в это дело А. Кантемира английское правительство вынуждено было осудить поведение своего посла и отозвать его с дипломатического поста.

Больших усилий требовала от А. Кантемира необходимость опровержения различных неприязненных, а то и просто клеветнических сведений о России, которые систематически распространялись иностранной прессой, а также различного рода международными авантюристами, состоявшими на службе у политических врагов России.

Служебные обязанности А. Кантемира не ограничивались чисто дипломатической деятельностью. По поручению русского правительства ему приходилось подыскивать за границей разных специалистов, выполнять разнообразные поручения С.-Петербургской Академии наук, проявлять заботу в отношении русских людей, отправленных по разным делам за границу и оставленных там без всяких средств и внимания со стороны русского правительства, выполнять отдельные поручения русских сановников и т. д.

Несмотря на огромное количество служебных дел, А. Кантемир не прекращает в это время своей литературной деятельности. В Лондоне Кантемир упорно работает над переводом «Анакреонтовых песен»; он же занимается там переводом «Юстиновой истории», рассматривая его как «повод обогатить народ наш переводами древних списателей, греческих и латинских, которые всего лучше могут возбудить в нас охоту к наукам»;[1] там же работает Кантемир и над не дошедшим до нас переводом научно-популярного сочинения «Разговоров о свете» итальянского писателя Франческо Альгаротти; перерабатывает написанные в России сатиры, и в 1738 году создает новую, VI сатиру.

За время своего пребывания в Лондоне А. Кантемир овладел английским языком и хорошо ознакомился с английской философской и общественной мыслью и литературой. Библиотека А. Кантемира насчитывала большое количество книг с произведениями Т. Мора, Ньютона, Локка, Гоббса, Мильтона, Попа, Свифта, Адиссона, Стиля и других выдающихся английских философов, ученых и писателей.[2]

Знакомство А. Кантемира с английским историком Н. Тиндалем, который перевел на английский язык и в 1734 году издал в Лондоне «Историю Оттоманской империи» Д. Кантемира, свидетельствует о том, что с английскими учеными и писателями у А. Канте-

---

[1] См. В. Дружинин. Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1887, декабрь, стр. 4.

[2] См. В. Н. Александренко. К биографии князя А. Д. Кантемира. Варшава, 1896, стр. 14—46.

мира были и непосредственные личные связи, к сожалению до сих пор не обследованные нашей наукой.

В середине 1737 года А. Кантемир получил от своего правительства предложение вступить в переговоры с французским послом в Лондоне Камбисом с целью восстановления дипломатических отношений России с Францией, прерванных в связи с польской войной. В результате успешного завершения названных переговоров А. Кантемир был пожалован от русского правительства в камергеры и со степенью полномочного министра был назначен русским посланником в Париже.

Кантемир прибыл в Париж в сентябре 1738 года. Еще до вступления в должность полномочного министра Кантемир получил инструкцию от русского двора, в которой ему предписывалось «оказать особливое почтение» кардиналу де Флери. Ставленник высшего духовенства, кардинал де Флери состоял главою правительства при Людовике XV и обладал гораздо большей властью, чем сам король. Возрастающее влияние России на политику северных стран было для всесильного кардинала де Флери причиной серьезных забот и опасений. Французское правительство через своего посланника маркиза де Шетарди вело дипломатическую игру с княжной Елизаветой Петровной в Петербурге, рассчитывая на то, что с ее воцарением французское влияние при русском дворе усилится; оно открыто интриговало против России в Швеции; руководило тайными переговорами Швеции с Турцией и т. д. И донесения и переписка А. Кантемира, в которых кардиналу де Флери и его правой руке, статс-секретарю Амело, отводится немало места, убеждают нас в том, что русскому посланнику в Париже были предельно ясны вся сложность и ответственность его миссии, равно как и истинная цена любезностям кардинала и его «негораздо простых министров». Даже в своих прогулках по улицам Парижа, согласно донесениям французских полицейских агентов, Кантемир нередко брал с собою слугу, который шествовал за ним следом и часто оглядывался назад.[1]

Помимо трудностей внешнеполитического характера, дипломатическая деятельность А. Кантемира встречала также ряд затруднений, создававшихся русским правительством и коллегией иностранных дел. Ведавший при Анне Иоанновне делами названной коллегии А. И. Остерман отказывал А. Кантемиру в самых минимальных средствах, требовавшихся русскому посольству в Париже

---

[1] В. Н. Александренко. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. 1. Варшава, 1897, стр. 371.

для ознакомления с политическим состоянием Европы, для борьбы с враждебной информацией о России и т. д. Тяжелое материальное положение А. Кантемира не изменилось и после того, как с воцарением Елизаветы Петровны делами коллегии иностранных дел стал ведать кн. А. М. Черкасский, ни после смерти последнего (1742), когда управление коллегией перешло в руки А. Бестужева.

Но даже и в этих условиях дипломатическая деятельность Кантемира была исключительно эффективной. Его тонкий ум, превосходная осведомленность в вопросах международной политики и хорошее знание особенностей французской жизни нередко обеспечивали успех его дипломатической деятельности, направленной на укрепление международного престижа России.

А. Кантемир с глубоким уважением относился к лучшим достижениям французского гения в области культуры и литературы. Задолго до своего отъезда за границу он изучал французских классиков, упражнялся в переводах с французского языка, следил за развитием французской литературы. «По прибытии в Париж, — рассказывает Гуаско, — он не пренебрег ничем, что могло бы сблизить его с литературной средой страны». [1]

У Кантемира были весьма тесные связи с представителем раннего французского просвещения Монтескье, имя которого в то время было известно французским читателям по его «Персидским письмам», литературному произведению, сатирически изображавшему феодально-сословную Францию. Следует сказать, что тогда же А. Кантемиром был сделан не дошедший до нас перевод этого произведения на русский язык. Знакомство Кантемира с Монтескье совпадает с периодом работы французского мыслителя и писателя над его знаменитым трактатом по законоведению «Дух законов», изданным только в 1748 году, когда А. Кантемира уже не было в живых. Близкие связи А. Кантемира с Монтескье подтверждаются рядом документов и в том числе — непосредственным участием великого французского просветителя в посмертном издании сатир Кантемира во французском переводе, осуществленном в 1749 году в Париже группой французских друзей русского писателя. [2]

В своем общении с французскими учеными и писателями А. Кантемир не только прислушивался к их мнениям и перенимал их опыт, но и выступал также как знаток жизни, быта и исто-

---

[1] O. Gouasco. Vie du Prince Antiochus Cantemir (Satyres du Prince Cantemir. Traduites du Russe en François, avec l'histoire de sa vie. A Londres, chez Jean Nourse. MDCCL), p. XCI.

[2] См. М. П. Алексеев. Монтескье и Кантемир. — «Вестник Ленинградского университета», 1955, № 6, стр. 55—78.

рии России, писатель и пропагандист лучших достижений культуры русского народа. И не случайно Гуаско называл его «ревностным пропагандистом установлений Петра Великого». «Мы, русские, — писал Кантемир о Петре I г-же Монконсель, французской своей знакомой, — имев счастье хоть на короткое время быть его подданными, неспособны на меньшее, как чтить его память за то, что он извлек нас из постыдной тьмы и вывел на дорогу славы». [1] Свое знакомство с парижскими художниками Субейраном и Виллем А. Кантемир использовал для изготовления гравированного портрета Петра I, с тем чтобы его «в чужих краях к удивлению народов размножить». [2]

Для ознакомления западноевропейской общественности с Россией и растущей русской культурой Антиох Кантемир не жалел ни сил, ни средств. К числу мероприятий, преследовавших эту цель, следует отнести также и издание французского перевода «Истории Оттоманской империи» Д. Кантемира. План этого издания, как это видно из переписки А. Кантемира, возник у него уже в 1736 году, во время первой поездки в Париж. «История Оттоманской империи» Д. Кантемира была издана на французском языке в переводе Жонкьера лишь в 1743 году. [3] А. Кантемир был не только инициатором издания этой книги, но также и автором приложенного к ней жизнеописания Д. Кантемира, а также, вероятно, во многих случаях и автором ее комментариев, намного превышающих комментарий английского издания книги. «История Оттоманской империи» Д. Кантемира во французском переводе выдержала два издания и получила широкое распространение во французских ученых кругах XVIII века. Достаточно сказать, что «Энциклопедия» Дени Дидро, рекомендуя своим читателям только два сочинения по истории Турции, в качестве одного из них называла «Историю Оттоманской империи» Д. Кантемира.

«История Оттоманской империи» Д. Кантемира была хорошо известна Вольтеру. В 1751 году, в предисловии ко второму изданию «Истории Карла XII», пренебрежительно отзываясь о греческих и «латинских» историках, создавших превратный образ Магомета II,

---

[1] Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. 71.

[2] См. Архив кн. Воронцова, т. 1. М., 1870, стр. 385, а также: В. Стасов. Галерея Петра Великого в импер. Публичной библиотеке. СПб., 1903, § 241, стр. 227.

[3] См. Histoire de l'Empire Othoman, où se voyent les causes de son aggrandissment et de sa décadence avec les notes très instructives. Par S. a. S. Demetrius Cantemir, prince de Moldavie. Traduite en François par M. de Joncquières. A Paris, 1743, vls. I—II.

Вольтер писал: «Сотни историков повторяют их жалкие басни; их повторяют европейские словари. Обратитесь к заслуживающим доверия турецким хроникам, собранным князем Кантемиром, и вы увидите, насколько смешны все эти вымыслы».[1] Трижды цитирует Вольтер труд Д. Кантемира об Оттоманской империи также и в «Опыте о нравах и духе народов». Любопытно и то, что первоначальный интерес Вольтера к названной книге Д. Кантемира возник в 1739 году, т. е. в то время, когда еще не было ее французского перевода. Письмо Вольтера к Антиоху Кантемиру от 13 марта 1739 года, а также ряд других данных убеждают нас в том, что «История Оттоманской империи» Д. Кантемира была использована Вольтером при написании им в 1739 году трагедии «Магомет».

Пребывание Антиоха Кантемира во Франции оказало сильное воздействие на развитие русской темы во французской литературе. В этом отношении показательны связи русского писателя-просветителя с французским драматургом Пьером Мораном (1701—1757), автором трагедии «Меншиков».

История создания этой трагедии раскрывается в письме П. Морана к А. Кантемиру от 13 января 1739 года.[2] Трагедия «Меншиков» была написана, поставлена на сцене одного из парижских театров и издана в 1739 году в Гааге при самом непосредственном участии А. Кантемира.

«Меншиков» положил начало героической трактовке образа Петра I во французской литературе и драматургии. Под сильным воздействием этой пьесы была написана в 1767 году трагедия «Амилка, или Петр Великий» Дора и ряд других произведений французской литературы XVIII века, унаследовавших от пьесы П. Морана трактовку Петра I как «просвещенного монарха».

В письме П. Морана к А. Кантемиру от 13 января 1739 года упоминается в качестве лица, хорошо известного адресату, Луиджи Риккобони.

Знаменитый итальянский артист Луиджи Риккобони (1677—1753) возглавлял на протяжении многих лет (1716—1729) театр итальянской комедии в Париже. Воспитанная на традициях национальной «комедии дель'арте», труппа Л. Риккобони по приезде в Париж сблизилась с жизнью французского театра и с течением времени стала играть на французском языке. Французской клас-

---

[1] Oeuvres complètes de Voltaire. Nouvelle édition... Paris, Garnier-frères, 1880, t. 16, p. 127.

[2] Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собрание автографов П. П. Дубровского, т. 139, лл. 159—160.

сицистической трагедии театр Риккобони противопоставил особую, опиравшуюся на искусство жеста и мимики технику игры и новый репертуар, представлявший будничную жизнь средних классов общества. Труппа Риккобони создала, в частности, широкую известность комедиям Мариво, подготовившим почву для возникновения просветительской драматургии.

В 30-е годы XVIII века Луиджи Риккобони создал ряд трудов по истории театра («Исторические и критические рассуждения о различных театрах Европы», «История итальянского театра» и др.), получивших широкую известность и оказавших, в частности, заметное воздействие на эстетические взгляды молодого Лессинга. В 1742 году Риккобони закончил работу над новой книгой «О реформе театра», которая была издана на французском языке в Париже в 1743 году. Этот труд, очевидно по совету А. Кантемира, автор решил посвятить русской императрице. Написанное Л. Риккобони посвящение было отправлено А. Кантемиром 20 июня (1 июля) 1742 года через Лестока русскому двору.[1]

Посвящение представляло собой проект учреждения в России театра на тех началах, которые излагались в книге. Естественно предполагать поэтому, что А. Кантемир, принимавший участие в издании книги Риккобони и так настойчиво добивавшийся согласия русской императрицы на напечатание этого посвящения-проекта, во многом разделял театральные взгляды Луиджи Риккобони.

Проект театральной реформы Л. Риккобони предвосхищал собой знаменитое «Письмо к д'Аламберу о зрелищах» (1758) Жан-Жака Руссо, равно как и драматические теории Дидро, Мерсье и Ретиф де ла Бретона. Проект заключал в себе смелую критику французского аристократического театра с позиций третьего сословия, выступавшего против изнеженного и аморального дворянского искусства. «Театр, — провозглашал Риккобони, — должен внушать отвращение к пороку и развивать вкус к добродетели тем людям, которые не ходят в иную школу, как только в театр, и которые без наставлений, получаемых ими там, весь век свой не знали бы о своих недостатках и не подумали бы вовсе об их искоренении».[2]

Дружеские отношения существовали также у Антиоха Кантемира и с французским драматургом Пьером-Клодом Нивелль де ла

---

[1] Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. 176.

[2] Louis Riccoboni. De la Réformation du théâtre. Paris, 1743, p. 100.

Шоссе (1692—1754).[1] Важно отметить при этом, что основоположник французской «слезливой» комедии Нивелль де ла Шоссе, так же как и Л. Риккобони, прокладывал путь новому, третьесословному театру.

Роль посредника в сношениях между С.-Петербургской и Парижской Академиями наук, которую добровольно взял на себя Антиох Кантемир, способствовала возникновению его связей с парижской ученой средой. Особенно тесными были связи Кантемира с французским математиком и натуралистом Пьером-Луи Мопертюи. Были у Кантемира знакомства и в парижских аристократических кругах. Однако культура салонов, высшего света и двора, как это показывает переписка Кантемира, не только его не привлекала, но даже тяготила.

Служебное положение обязывало А. Кантемира участвовать в светской и придворной жизни, но настоящую внутреннюю привязанность он испытывал лишь к небольшому кругу своих парижских друзей, одинаково с ним мысливших или одинаково воспринимавших искусство.

Несмотря на свои глубокие связи с мировой культурой и длительное пребывание за пределами своей родины, А. Кантемир, как писатель и просветитель, не растворялся в инонациональной культурной стихии. Занятиям русской литературой, в которых он видел свой гражданский долг, А. Кантемир отдавал почти весь свой досуг и свободное время. Из письма сатирика к Хр. Гроссу от 1 (12) мая 1740 года видно, как настойчиво добивался Кантемир издания своих произведений в России, однако его намерение не встретило поддержки в официальных сферах. Предосторожности ради писатель вынужден был неоднократно заявлять о том, что на литературный труд ему «только лишные часы употреблять дозволено». Трагедия писателя, насильственно лишенного общения со своими читателями, которую переживал Кантемир, нашла яркое выражение в его стихотворении «К стихам своим» (1743). Для того чтобы даже в таких тяжелых условиях продолжать свой поэтический труд, необходимы были не только чувство неразрывной связи с русской культурой, но и непоколебимая вера в ее великую судьбу.

До Кантемира доходили лишь отрывочные известия о русской литературной жизни. Вероятно, еще будучи в Лондоне, он получил и прочитал напечатанный в 1735 году в Петербурге «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского,

---

[1] См. М. П. Алексеев. Монтескье и Кантемир. — «Вестник Ленинградского университета», 1955, № 6, стр. 74.

представлявший собой первую попытку введения в русское стихосложение тонической системы. «Новый способ» не был оценен по достоинству и принят Кантемиром, и это объяснялось прежде всего тем, что попытка Тредиаковского в теоретическом отношении была противоречивой и непоследовательной, а в практическом — громоздкой и беспомощной. Правильное чередование ударных и безударных слогов Тредиаковский распространял только на «долгие» стихи, написанные при этом лишь хореями. Сам автор «Нового способа» не мог оценить всех преимуществ новой системы стихосложения и долгие годы после ее открытия в собственной поэтической практике продолжал пользоваться правилами силлабической версификации. Позиция, занятая А. Кантемиром по отношению к «Трактату» Тредиаковского, объяснялась отчасти также оторванностью Кантемира от русской литературной среды и жизни. Русские отклики на предложенную Тредиаковским реформу стихосложения, в том числе и смелое выступление в защиту тонического стихосложения Ломоносова, по всей вероятности остались неизвестны Кантемиру.

Предложенная Тредиаковским реформа русского стихосложения, отвергнутая Кантемиром как целое, поставила, однако, перед ним вопрос об упорядочении его собственного стиха. Согласившись с Тредиаковским в том, что организующая роль в стихосложении принадлежит ударению, Кантемир вводит в свой тринадцатисложный силлабический стих с ударением на предпоследнем слоге новое обязательное ударение, которое падает на седьмой или пятый слог. Введение этого принципа действительно сообщало вялому тринадцатисложному силлабическому стиху известную упругость и ритмичность. Стихи Кантемира, написанные им за границей, построены по этому принципу. Кантемир считал его настолько важным приобретением, что решил переработать в соответствии с ним все ранее написанные сатиры. В какой мере удалось писателю тонизировать силлабический стих, можно проследить хотя бы на примере первой и второй редакций начальных стихов II сатиры (ср. стр. 89 и 378).[1]

Если стихи 2-й, 3-й, 7-й и 9-й первой редакции имели по одному только ударению на предпоследнем слоге, то во второй редакции, подобно стихам 1, 2, 4, 5, 6, и 10, они получают второе ударение в первом полустишии (на 5 и 7 слоге), и весь отрывок получил вследствие этого довольно стройную ритмическую структуру тринадцати-

---

[1] Как здесь, так и ниже указания на страницы отсылают к настоящему изданию.

сложного силлабического стиха с обязательной цезурой после седьмого слога.

В своем «Письме Харитона Макентина к приятелю», которое явилось ответом на «Новый способ» Тредиаковского, Кантемир обнаружил большие познания и огромный интерес к вопросам теории поэзии. Его теоретическая мысль отнюдь не ограничивалась признанием тринадцатисложного силлабического стиха как единственно возможного и допускала 14 различных размеров стиха. Кантемир выступает в своем рассуждении сторонником простоты и ясности поэтического слова, решительно порывая тем самым с традициями русского силлабического стихосложения XVII века. Он отстаивает перенос стиха в последующую строку, справедливо видя в последнем средство, противодействующее «неприятной монотонии» длинного силлабического тринадцатисложника. Большое значение и в теории и в поэтической практике придавал Кантемир звуковой стороне стиха, и не случайно в VIII сатире он выразил свое отвращение к «бесплодному звуку» в стихе, затемняющему «дело». Содержавшееся в «Письме Харитона Макентина» признание важности ритмического упорядочения силлабического стиха было значительным шагом вперед по сравнению с предшествующим поэтическим творчеством Кантемира, но оно, разумеется, не могло явиться шагом вперед в истории русского стихосложения, обогащенного к этому времени теоретическими работами и поэтическими опытами Тредиаковского и Ломоносова.

Между первой и второй (заграничной) редакциями первых пяти сатир Кантемира существовали еще и промежуточные редакции,[1] свидетельствующие об исключительном упорстве, которое проявлял автор в совершенствовании названных сатир. Доработка преследовала цели не только ритмического упорядочения сатир, но и повышения их художественных достоинств. Этого улучшения Кантемир добивался путем устранения прямых заимствований из Горация и Буало и ослабления элементов подражательности. Перерабатывая сатиры, Кантемир стремился придать им вполне национальный русский характер. Так, например, нетипическая для русской жизни фигура Катона, издающего книги не для общей пользы, а для собственного прославления, не попадает при переработке III сатиры во вторую ее редакцию; вместе

---

[1] См. об этом статью Т. М. Глаголевой «Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира». (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1906, т. 11, кн. I, стр. 177—217). Точка зрения Т. М. Глаголевой была развита и уточнена З. И. Гершковичем.

с тем во второй редакции III сатиры появляется необычайно колоритная фигура архимандрита Варлаама, святоши и сластолюбца, которому

Когда в гостях, за столом — и мясо противно,
И вина не хочет пить; да то и не дивно:
Дома съел целый каплун, и на жир и сало
Бутылки венгерского с нуждой запить стало.
Жалки ему в похотях погибшие люди,
Но жадно пялит с-под лба глаз на круглы груди,
И жене бы я своей заказал с ним знаться.
Бесперечь советует гнева удаляться
И досады забывать, но ищет в прах стерти
Тайно недруга, не даст покой и по смерти.

Портрет Варлаама, в котором Кантемир создал образ большой обобщающей силы и вместе с тем изобразил реальное лицо (духовника императрицы Анны Иоанновны), так же как и целый ряд других портретов, намеков и авторских деклараций, содержащихся во второй редакции первых пяти сатир Кантемира, дают нам право решительно возразить против утверждения, что в парижский период жизни Кантемира «произошло несомненное понижение уровня его политической мысли».[1] Перерабатывая свои ранние сатиры с целью подготовки их к изданию, Кантемир в отдельных случаях снимал довольно острые намеки на видных сановников и церковников 30-х годов, так как эти намеки, имевшие общественно-политическую актуальность для своего времени, в 40-е годы XVIII века потеряли свое былое значение. В некоторых, очень редких, случаях Кантемиру приходилось вводить подобного рода изменения и по соображениям цензурного характера. Первые сатиры Кантемира в их первоначальной редакции были рассчитаны на их полулегальное, рукописное распространение, тогда как вторая редакция сатир предполагала их издание и связанное с этим неизбежное прохождение через «цензуру» императрицы Елизаветы Петровны.

Для характеристики соотношения первой редакции ранних сатир Кантемира с их второй редакцией показательна сатира V («На человека»), подвергшаяся первой переработке в 1737 году, за год до отъезда Кантемира из Лондона в Париж. В 1742 году сатира подвергалась дополнительной переработке, и, таким образом, вторую редакцию ее мы вправе назвать редакцией 1737—1742 годов.

[1] Л. В. Пумпянский. Кантемир («История русской литературы», изд. АН СССР, т. 3. М.—Л., 1941).

Во второй редакции сатира увеличилась на 284 стиха, т. е. свыше чем в полтора раза. Из первоначального текста сатиры во вторую редакцию вошло не более 200 стихов, остальные подверглись замене. Сатира получила во второй редакции диалогическую форму и новое название («Сатир и Периерг»). В первой редакции V сатира в большей своей части была подражательной и состояла из портретов-характеристик, многие из которых были весьма отдаленно связаны с русской жизнью. На первый взгляд, абстрактный характер носит начало V сатиры и во второй редакции, состоящее из диалога Сатира и Периерга, посвященного просветительскому восхвалению патриархальных нравов и критике городской цивилизации; однако основное содержание сатиры окрашено в чисто русский, национальный колорит. Изображение торжествующего плута-целовальника, ханжи и лицемера, обманывающего народ и окруженного толпою взяточников из администрации, и города, население которого, празднуя день «свят Николая», предается повальному пьянству, воспринимается как политический памфлет на русскую действительность того времени. Такого же рода памфлетом является и описание двух невежественных и властолюбивых царских сановников, Хирона и Ксенона.

Насквозь памфлетен также и образ временщика — «болвана» Макара, возвышающийся над другими, второстепенными персонажами сатиры. Будучи «годен лишь дрова рубить или таскать воду», он в мгновение ока вознесся к царскому престолу и столь же мгновенно «поскользнулся на льду скользком» и принужден доживать остаток жизни «между соболями», т. е. в сибирской ссылке. Образ болвана-временщика сто́ит многих политических намеков первой сатиры, так как автор стремился придать этому образу обобщающий смысл: временщик Макар не составляет исключения из правила, ибо таким же глупцом и негодяем был и его предшественник, который «народ весь озлобил»; нисколько не лучше его и те, которые поспешают захватить его место.

Перечисленные выше картины и персонажи отсутствуют в первой редакции V сатиры. Вторая редакция названной сатиры превосходит ее начальную редакцию как в идейном, так и в художественном отношении. Правда, и во второй редакции сатиры Кантемиру не удалось подняться до критики основ социально-политического строя тогдашней России. Отвратительная фигура болвана-временщика, с одной стороны, и сочувственно нарисованный образ бредущего за сохою крестьянина-пахаря, с другой, не даны в их взаимной социальной обусловленности, хотя они заметно возвышаются над уровнем русской бытовой сатиры XVIII века.

Уже в V сатире Кантемира мы находим противопоставление бушующих человеческих страстей «тишине» жизни.[1] Восхвалению этой «тишины» почти полностью посвящена VI сатира писателя «О истинном блаженстве» (1738). Нарисованный в этой сатире Кантемиром идеал «довольства малым», ограничения своих желаний и ухода в область античной культуры и современной науки буржуазно-либеральные критики прошлого века А. Д. Галахов и С. С. Дудышкин объяснили общественным индифферентизмом писателя, нежеланием его откликаться на запросы русской жизни.[2] Это ложное мнение о Кантемире получило с тех пор самое широкое распространение в литературе. Между тем именно в парижский период своей жизни А. Кантемир с особой настойчивостью работает над ознакомлением французского общественного мнения с Россией и русским народом, вместе с Л. Риккобони проявляет интерес к учреждению демократического театра в России, с просветительской целью занимается переводческой деятельностью (переводы «Персидских писем» Монтескье, «Посланий» Горация, «Нравоучений» Эпиктета), занимается составлением русско-французского словаря, подготовкой к написанию сочинения по истории России и т. д. Таким образом, погружение Антиоха Кантемира в «тишину» сопровождалось усилением его общественной деятельности. Вместе с тем поэтическая декларация VI сатиры вполне закономерна, так как созвучные ей настроения появляются также и во второй редакции I сатиры и в других произведениях писателя, указывая на какое-то действительное изменение в его общественно-политических взглядах. Прокламируемые писателем-просветителем «тишина» и «златая умеренность» были для Кантемира лишь своеобразной формой протеста против гнетущих условий русской жизни, единственным, по мнению писателя, средством избавления от Остерманов и Черкасских, от личной прикосновенности к интригам и политике русского двора.

Выраженное в VI сатире и других произведениях Кантемира стремление к «тишине» и уединению может быть правильно понято, если мы будем рассматривать его также в соотношении с общественными и эстетическими идеями представителей западноевропейского Просвещения. Теорию обуздания страстей как средства к достижению общего блага и идеализацию патриархальных об-

---

[1] В зачаточном виде прославление «тишины» и жизни, проводимой в окружении «мертвых друзей» — книг, встречается у Кантемира уже в первой редакции I сатиры (стихи 111—114).

[2] «Отечественные записки», 1848, № 11, отд. V, стр. 1—40, и «Современник», 1848, № 11, отд. III, стр. 1—40.

щественных отношений и свободной от вмешательства государства жизни частного человека — в том или ином виде мы встречаем у Локка и Шефтсбери, у Вольтера и Руссо и, в частности, у Л. Риккобони и Нивелль де ла Шоссе.

В VI сатире Кантемир не только мечтает о «тишине», но вместе с тем подвергает критике аристократическую мораль, мир богатства и чинов, придворных интриг и пресмыкательства. Кантемир изображает здесь изнемогающего от почестей и богатства сановника, близкого к царской особе. Сановник гибнет от интриг, изображаемых в качестве неотъемлемой принадлежности придворной жизни.

Критику аристократической морали находим мы и в сатире VII («О воспитании», 1739), перекликающейся с передовыми педагогическими идеями того времени, и особенно с трактатом Локка о воспитании.

Цель воспитания, провозглашает автор, — привить юношеству *добрые нравы, добродетельные поступки,* сделать из них *полезных отечеству граждан.* Воспитательные цели обязано ставить перед собою и искусство.

Главно воспитания в том состоит дело,
Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
И всегда желателен, — к тому все науки
Концу и искусства все должны подать руки.

Сатира «О воспитании» была откликом на коренные потребности русской действительности: об изложенных в сатире педагогических идеях и через сто лет после ее создания Белинский писал, что они «скорее новы, нежели стары».

Элементы социальной критики содержит и VIII сатира Кантемира (1739), хотя, по сравнению с I, II, III, V и VII сатирами, охват русской действительности в ней значительно у́же. VIII сатира носит название «На бесстыдную нахальчивость», однако в ней осмеиваются не пороки вообще, а «нахальчивость», наносящая вред обществу, проявляющаяся в злоупотреблении властью и стяжательстве. Подобно сатирам IV и VI, VIII сатира представляет интерес также содержащейся в ней характеристикой собственных настроений и взглядов Кантемира.[1]

---

[1] Помимо упомянутых выше восьми сатир, существует еще и так называемая «девятая сатира» Кантемира. Историкам русской литературы известны всего лишь три списка «девятой сатиры».

Итак, общественная активность Антиоха Кантемира не ослаблялась и в заграничный период его жизни. Не только не ослаблялась и не снижалась, но обогащалась новым жизненным опытом и общением с передовыми идеями Западной Европы также и его ищущая просветительская мысль.

В начале 1743 года Антиох Кантемир предпринял новую и последнюю попытку издать свои сатиры. В тщательно изготовленную им для этой цели рукопись вошло восемь сатир (пять ранних, в переработанном виде, и три, написанные за границей). В марте 1743 года, пользуясь приездом в Париж связанного с русским двором Ефимовского, Кантемир отправил через него М. Л. Воронцову рукопись своих сатир, а также рукописи с переводами «Анакреонтовых песен» и «Юстиновой истории». Кантемир был мало уверен в удачном исходе своего замысла и поэтому в письме к Воронцову от 24 марта (4 апреля) 1743 года, заявляя о своем желании увидеть сатиры напечатанными при С.-Петербургской Академии наук, предусмотрительно просил в случае задержки с изданием «дозволить князь Никите Юрьевичу Трубецкому переписать книгу сатир моих».[1] На дружеское участие Трубецкого возлагал писатель последнюю надежду, — надежду на рукописное распространение своих произведений.

Предпринять явно нереальную попытку издания сатир в Петербурге заставляли Кантемира крайние обстоятельства. Болезнь желудка, которой писатель начал страдать с 1740 года, прогрессировала, и советы наилучших парижских врачей не помогали делу. С каждым днем все более и более теряя надежду на выздоровление, писатель торопился подвести итоги своей литературной деятельности.

В самом начале 1744 года по совету врачей он пытается совершить поездку в Италию с целью «перемены воздуха» и в связи с этим обращается с соответствующим прошением к русскому двору. Разрешение последовало только 14 февраля 1744 года. К моменту его получения больной был настолько слаб, что не мог им воспользоваться, тем более что в выдаче необходимых для поездки в Италию средств ему было отказано. Но, даже и сраженный смертельным недугом, Кантемир не прервал своих ученых и

Характерно, что в книгу сатир, приготовленную в 1743 году для издания самим Кантемиром, «девятая сатира» не была включена. Впервые она была опубликована Н. С. Тихонравовым в 1858 году.

[1] Архив князя Воронцова, т. 1. М., 1870, стр. 359.

литературных занятий. С помощью Гуаско он переводит свои сатиры на итальянский язык и, вопреки советам врачей, усиленно занимается чтением. 21 марта (1 апреля) Кантемиром было составлено духовное завещание, в котором он распорядился своим имуществом и завещал похоронить себя «в Греческом монастыре в Москве без всякой церемонии ночью».

Умер Антиох Кантемир 31 марта (11 апреля) 1744 года в возрасте 35 с половиной лет, успев осуществить только небольшую часть своих жизненных и литературных планов.

Из произведений А. Кантемира при его жизни были напечатаны только упомянутые выше «Симфония на Псалтырь» и перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля. Объединенные в одну книгу «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» и перевод первых десяти «Посланий» Горация были изданы С.-Петербургской Академией наук в 1744 году, однако уже после смерти Кантемира и без обозначения его имени на книге.

Сатиры А. Кантемира были опубликованы впервые в Лондоне в 1749 году в прозаическом переводе на французский язык, осуществленном О. Гуаско. Только в 1762 году, через 18 лет после смерти Кантемира, в результате наступившего после смерти императрицы Елизаветы Петровны ослабления церковной реакции, появилось русское издание кантемировских сатир; с тех пор они не переиздавались до 1836 года. Даже в XIX веке почти каждая попытка переиздания сатир Кантемира встречала упорное сопротивление царской цензуры.[1]

Первое научное издание сочинений, писем и избранных переводов А. Д. Кантемира, куда вошел ряд ранее неизвестных сочинений писателя, было подготовлено П. А. Ефремовым и В. Я. Стоюниным и напечатано в двух томах в 1867—1868 году.

Изучение биографии А. Д. Кантемира оказалось в положении еще более печальном, чем приведение в известность его сочинений Многочисленные материалы, характеризующие деятельность А. Кан-

---

[1] Так, например, в 1851 году представители цензуры обратили внимание высших властей на содержащиеся в сатирах Кантемира «сарказмы на духовенство», и вопрос о предпринятом в этом году наследниками А. Смирдина издании сочинений первого русского сатирика был передан на рассмотрение самого царя, вынесшего следующее решение: «По моему мнению, сочинений Кантемира ни в каком отношении нет пользы перепечатывать» (ЦГИАЛ, Дело Главного управления цензуры за 1851 г., № 2647 (14896) л. 60).

темира за последние 12 лет его жизни, находились в малодоступных для исследователей зарубежных архивах. Многие материалы этого же рода оказались в самых различных отечественных архивах и в руках частных лиц. На протяжении многих десятилетий единственным источником сведений о жизни А. Д. Кантемира была биография его, напечатанная в 1749 году в качестве вступления к изданию французского перевода сатир Кантемира и написанная близким знакомым писателя Октавианом Гуаско. Научное изучение биографии А. Д. Кантемира возникло лишь в конце прошлого века (работы В. Я. Стоюнина, И. И. Шимко, Л. Н. Майкова и В. Н. Александренко).

Слабая документированность жизни А. Д. Кантемира и до сих пор составляет серьезное препятствие при изучении основных проблем мировоззрения и творчества писателя, при выяснении его философских и общественно-политических взглядов в особенности. Даже лучшая работа, посвященная выяснению названных проблем — глава о Кантемире в «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова, — не свободна от серьезных ошибок. Так, например, Плеханов не нашел ничего значительного в философских воззрениях А. Кантемира, а в его «Письмах о природе и человеке» (1742) увидел лишь «попытку отстоять религиозные верования, которые начали тогда сильно колебаться на Западе под влиянием просветительской философии».[1] Между тем религиозные верования не занимали в сознании А. Кантемира того места и роли, которые приписывал им Октавиан Гуаско, а вслед за ним и многие другие исследователи писателя-сатирика. На самом деле названный философский трактат Кантемира был выражением именно той философии, которая расшатывала религиозные верования. Изложенные Кантемиром в «Письмах о природе и человеке» взгляды имели много общего с картезианским рационализмом и деизмом, пытавшимися примирить религию с наукой. Важно отметить и то, что, признавая первопричиной мира бога, Кантемир в своих доказательствах обращался к авторитету Вергилия и Цицерона, а не священного писания, и, как сторонник рационализма, признавал наличие объективного мира и научные методы его познания. Философия деизма, сторонником которой был Антиох Кантемир, в условиях господства феодально-церковного мировоззрения, по определению К. Маркса, была одной из форм «избавления от религии».[2]

---

[1] Г. В. Плеханов. Сочинения, т. 21. М—Л., 1925, стр. 83.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, издание второе, т. 2. М., 1955, стр. 144.

В «Письмах о природе и человеке» Антиох Кантемир выступал с возражениями против атомистической теории Эпикура, и тем не менее можно утверждать, что отношение Кантемира к Эпикуру и другим представителям философского материализма было весьма противоречивым. Об этом свидетельствует усиленное внимание Кантемира к Лукрецию, трактат которого «О природе вещей» представлен в библиотеке А. Кантемира тремя различными изданиями. Получив от своей знакомой г-жи Монконсель известие о том, что кардинал Полиньяк работает над сочинением своего «Анти-Лукреция», Кантемир писал ей 25 мая 1738 года из Лондона:«...насколько могу судить, «Анти-Лукреций» есть произведение столько же ученое, сколько и привлекательное, равно как и та книга, которую оно критикует».[1]

В III сатире Кантемир поместил портрет «проклятого безбожника» Клитеса. Важно отметить при этом, что при переработке этой сатиры в 1742—1743 годах писатель выбросил из нее как названный портрет, так и относящееся к нему примечание.

Не исключена возможность, что направленные против Эпикура и «безбожников» места в первой редакции III сатиры были продиктованы Кантемиру тактическими соображениями. I сатира Кантемира, как известно, навлекла на него подозрение в безбожии, и поэтому, посвящая III сатиру Феофану Прокоповичу, который был также подозреваем в безверии, Кантемир вынужден был из соображений предосторожности отмежеваться от «хулителей веры».

Антиох Кантемир уже в первых своих сатирах выступил противником клерикализма и религиозного догматизма и продолжал оставаться им до конца жизни. За два месяца до смерти, узнав из письма сестры Марии о ее желании постричься в монахини, Кантемир писал ей: «О том вас прилежно прошу, чтоб мне никогда не упоминать о монастыре и пострижении вашем, я чернецов весьма гнушаюсь и никогда не стерплю, чтоб вы вступили в такой гнусный чин, или буде то противно моей воли учините, то я ввек уж больше вас не увижу».[2]

В пропаганде гелиоцентрической системы Коперника и защите положительных наук от вмешательства и посягательств церковников, в стремлении Кантемира к исследованию «причин действий и вещей» (см. VI сатиру) проявились материалистические

---

[1] Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. 105.

[2] И. И. Шимко. Новые данные к биографии кн. Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891, стр. 130.

элементы в философском сознании А. Кантемира, развитие которых, обусловленное исторической обстановкой и обстоятельствами личной жизни писателя-мыслителя, не вышло, однако, за пределы просветительского деизма.

Нельзя согласиться с Г. В. Плехановым и в том, что «дорогое Кантемиру западное просвещение не заронило в его душу ни тени сомнения относительно правомерности крепостной зависимости крестьян. Зависимость эта представлялась ему чем-то вполне естественным». [1]

Проблема «благородства» и «подлости», власть имущих и народа волновала Кантемира с самого начала его литературной деятельности. Уже в I сатире (1 ред., стихи 75—76) Кантемир противопоставляет «подлых» «знатным», и сочувствие его на стороне первых. [2]

В сатире II «польза народу» расценивается как высшее достоинство государственного деятеля (1 ред., стихи 123—126) и, наоборот, дворянин, равнодушно взирающий на «бедства народа», подвергается осмеянию (1 ред., стихи 167—168). В этой же сатире автором прославляется «соха» как первоначало всех званий и всех сословий (1 ред. стихи 300—309). В примечаниях к этой же сатире упоминаются труды Пуффендорфа, в которых содержится, по словам Кантемира, «основание права естественного».

В III сатире поступки Катона и Нарциза осуждаются потому, что они совершаются не в «пользу народа» (1 ред., стихи 211—212 и 225—228). Вспоминает сатирик о народе и в портрете подьячего, который «силится и с голого драти» (1 ред., стих 342).

В V сатире Кантемир не только упоминает о народе (портрет «войнолюбца», истребляющего народы, 1 ред., стихи 133—140, образ «бедного босого», 1 ред., стих 236), но и показывает народ в образе пахаря и солдата.

В сатире V дана кроме того изумительная по своей вырази-

---

[1] Г. В. Плеханов. Сочинения, т. 21. М.—Л., 1925, стр. 80.

[2] Слова *подлый, подлость,* возникшие в русском языке в XVI веке, употреблялись первое время для противопоставления словам *благородный, благородство* и не имели в то время того бранного смысла, который они получили впоследствии. В этом старинном значении употребляет это слово и Кантемир. Так, например, в примечаниях к сатире II сатирик пишет о «людях, кои чрез свои труды из подлости в знатную степень происходят» (стр. 77). Как в этом, так и во многих других случаях слова *подлый, подлость* в творчестве Кантемира обозначали чисто социальные, а не нравственные категории и понятия.

тельности и краткости характеристика антинародной сущности феодального судопроизводства:

Сколько сирот померло, сколько вдовиц тают,
Пока стряпчие с дьяком выписку счиняют.

(1 ред., стихи 183—184)

Поставленная в самом начале литературной деятельности Кантемира тема народа получает свое дальнейшее развитие в его последующем творчестве. В ранних сатирах писателя *народ* — это нередко или лишенное конкретных очертаний абстрактное понятие, или понятие, воспринимаемое сквозь призму древнерусской нравоучительной литературы («неимущие», «убогие» и т. д.). Во второй редакции ранних сатир и в сатирах, написанных за границей, понятие *народ* наполняется более конкретным социальным содержанием.

В первой редакции I сатиры о «естественном праве» было робкое замечание в примечании. Во второй редакции этой сатиры о существовании «гражданских уставов», «естественного закона» и «народных прав» Кантемир заявляет во всеуслышание в самом тексте сатиры (стихи 151—152).

Большую определенность получают во второй редакции также общественно-политические положения II сатиры.

Та же и в свободных
И в холопах течет кровь, та же плоть, те ж кости.
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть...

(стихи 108—111)

...пахарь и вельможа
Равны в суде, и одна правда превосходна...

(стихи 272—273)

...каменный душою,
Бьешь холопа до крови...

(стихи 289—290)

Термин «холоп», означающий крепостного, в первой редакции II сатиры отсутствовал. Не было в первой редакции II сатиры и таких гневных инвектив, как эта:

Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским,
Буде в нравах с гнусным ты не разнишься псарским.

(стихи 101—102)

Рассказывая о своей встрече с Кантемиром в день вступления

Франции в войну за австрийское наследство (1741), Гуаско сообщает: «Я встретил его возвращавшимся из театра, где он видел несколько министров. — Я не понимаю, — сказал он в связи с этим, — как можно спокойно идти в театр, подписав решение о смерти сотен тысяч людей».[1] Как показывает это воспоминание, проблема положения и благосостояния народа, «сотен тысяч людей», была одной из важнейших проблем в общественно-политическом сознании Антиоха Кантемира.

Антиох Кантемир жил на Западе в период, когда противоречия феодального строя, проявляясь во всех областях жизни, порождали идеологию непривилегированных классов, движение Просвещения. Вопросы, над разрешением которых работала передовая мысль Европы, не могли не привлечь к себе внимания и Антиоха Кантемира. Кантемиру приходилось наблюдать на Западе более развитые, чем в России, формы общественной борьбы. Не могло не отразиться пребывание Кантемира на Западе и на осмыслении писателем проблемы народа и массовых народных движений. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что библиотека А. Кантемира насчитывает значительное количество книг, посвященных английской революции 1648 года, борьбе Нидерландов за независимость, а также различного рода восстаниям и переворотам, от заговора Кола ди Риенци до дворцовых переворотов в Венгрии и Персии. Любопытно и то, что в библиотеке Кантемира из книг любимого им поэта Джона Мильтона были не только его художественные произведения, но и знаменитая «Защита английского народа» (1651), провозглашавшая народ единственным законным носителем суверенной власти.

В годы пребывания во Франции Кантемиру неоднократно приходилось наблюдать проявления недовольства народных масс режимом французского абсолютизма. Так, например, в депеше русскому двору от 18(29) июня 1741 года Кантемир сообщал о том, что «в Люневиле в конце прошлой недели было смятение в народе, который, чувствуя недостаток в хлебе, сбежался к двору королевскому, грозя зажечь оный» что король Станислав Лещинский, владевший герцогством Лотарингским и избравший Люневиль своей резиденцией, несмотря на то, что возникшее волнение было вскоре подавлено, вынужден был спешно выехать из города.[2]

---

[1] O. Gouasco. Vie du Prince Antiochus Cantemir (Satyres du Prince Cantemir. Traduites du Russe en François, avec l'histoire de sa vie. A Londres, chez Jean Nourse. MDCCL), pp. XCVIII—XCIX.

[2] Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив В. Я. Стоюнина, № 33, л. 20 об.

Подобного рода впечатления формировали общественное сознание Кантемира. Комментируя в своем переводе «Посланий» Горация то место, в котором римский автор изображал толпу, возбужденную театральным зрелищем и готовую вступить в драку, Кантемир писал: «Народ не терпит сопротивления: когда медведя требует, нужно медведя ему показать, инако сам медведем станет, забыв всякое к высшим почтение» (изд. Ефремова, т. 1, стр. 534).[1]

В своем понимании «естественного права» русский писатель не доходил до идеи всеобщего равенства. Этот крайний вывод из теории «естественного права» не был, однако, сделан к тому времени и подавляющим большинством западноевропейских просветителей. Громкий голос, который был поднят Кантемиром в защиту избиваемого до крови холопа, был своеобразным призывом «милости к падшим», а не выражением антикрепостнической идеологии. Но этот голос Кантемира, как и его творчество в целом, готовил общественную мысль России к восприятию антикрепостнических идей.

Нельзя также согласиться и с утверждением Г. В. Плеханова о том, что А. Кантемир был убежденным сторонником неограниченной монархии и что «в его переписке совсем незаметно сочувствия к свободе».[2]

Действительно, в переписке и творчестве как раннего, так и позднего Кантемира мы встречаемся с идеализацией личности Петра I. Однако этот царь, с точки зрения писателя, был явлением исключительным и соответствующим тому образу «просвещенного» монарха, попытку изображения которого находим мы в басне молодого Кантемира «Пчельная матка и Змея» (1730). В деятельности Петра I Кантемир видел выражение не узко сословных, не дворянских, а общегосударственных и народных интересов.

Верой в «просвещенного» монарха следует объяснить и то деятельное участие, которое принял в 1730 году А. Кантемир в утверждении абсолютизма Анны Иоанновны. Тем не менее даже в этот период, наряду с верой в «просвещенного» монарха, можно найти у Кантемира и понимание опасностей, которые таила в себе монархическая форма правления для общего блага. Так, например, явным выпадом против абсолютизма звучит наполненное иронией одно из примечаний Кантемира к I сатире в первой ее редак-

---

[1] Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира под ред. П. А. Ефремова, тт. 1 и 2. СПб., 1867—1868. Здесь и далее сокращенно: «изд. Ефремова».

[2] Г. В. Плеханов. Сочинения, т. 21. М.—Л., 1925, стр. 97 и 99.

ции (1729): «Король французский, вместо всех доводов, свои указы так кончает: Nous voulons et nous ordonnons, car tel est notre plaisir, т. е.: мы хотим и повелеваем, понеже так нам угодно» (стр. 504).

Наблюдавший в течение ряда лет деспотизм и произвол бездарных преемников Петра I, воочию убедившийся в антинародной политике французского абсолютизма и основательно изучивший просветительские теории государственного устройства, Антиох Кантемир впоследствии не мог относиться с прежним доверием к теории «просвещенного» абсолютизма. Изменилась при этом и его оценка событий 1730 года, в которых он участвовал на стороне шляхетства. «Князь Кантемир, — рассказывает об этом Октавиан Гуаско, — был одним из сторонников той партии, которая решительным образом воспротивилась планам Долгорукого; это не значит, что он был сторонником деспотизма: *«он с большим уважением относился к драгоценным остаткам свободы среди людей, чтобы не знать преимущества системы предлагаемого государства; но он считал, что в сложившейся обстановке нужно было сохранить установившийся порядок»*.[1]

Выделенные курсивом в этой цитате слова Гуаско заключил в кавычки, как принадлежащие Антиоху Кантемиру. Выражение «остатки свободы среди людей» проливает некоторый свет и на разделявшуюся Кантемиром просветительскую теорию происхождения и роли государства вообще.

В своих «Письмах о России» Франческо Альгаротти сообщал, что Кантемир называл свободу «небесной богиней, которая... делает приятными и улыбающимися пустыни и скалы тех стран, где она благоволит обитать».[2]

Приведенные примеры позволяют сказать, что политические взгляды А. Кантемира не оставались неизменными, в них находили отражение как процесс внутреннего развития писателя-мыслителя, так и движение передовой общественной мысли эпохи.

Вопреки утверждению Плеханова, Антиох Кантемир осуждал деспотизм и мечтал о политической свободе, однако неразвитость экономических, культурных и политических условий русской жизни препятствовала свободолюбивым мечтам писателя-просветителя оформиться в цельную систему политических взглядов.

---

[1]. O Gouasco. Vie du Prince Antiochus Cantemir (Satyres du Prince Cantemir. Traduites du Russe en François, avec l'histoire de sa vie. A Londres, chez Jean Nourse. MDCCL), pp. XXXII—XXXIII.

[2] Opere del conte Algarotti. In Livorno, 1764, t. V (Viaggi in Russia), p. 48.

Разочарование в идее «просвещенного абсолютизма» было истинной причиной стремления Кантемира оставить дипломатическую службу. Действуя в качестве частного лица, выдвигавшего различные просветительские планы, вроде разработанного в 1742 году вместе с Л. Риккобони проекта организации народного театра в России или неоднократно предпринимаемых попыток издания собственных сочинений и переводов, «всеподданнейший раб Антиох Кантемир» вынужден был обращаться за содействием к императрице, так как в подобном сотрудничестве с самодержавием он видел единственную возможность быть полезным своей родине и своему народу. Но даже при всей своей противоречивости, непоследовательности и незавершенности политические взгляды А. Кантемира стояли на одном уровне с лучшими образцами общественно-политической мысли западноевропейских просветителей.

Зачинатель русской светской литературы, Антиох Кантемир был вместе с тем и первым представителем классицизма в русской литературе. Будучи превосходным знатоком и ценителем античных классиков, сатирик придавал большое значение переводам их на русский язык с целью обогащения последнего. Кантемир был хорошо знаком также с произведениями французского классицизма XVIII века; в начале своей литературной деятельности молодой писатель, следуя поэтике классицизма, пытается создавать произведения не только в низком (сатира), но в высоком (поэма, ода) жанре.

Кантемир не мог не испытывать на себе сильнейшего воздействия классицизма как господствующего стиля эпохи. К эстетике классицизма восходят многие существенные стороны творчества русского сатирика. Самый жанр стихотворной сатиры, столь ценимый и превозносимый Кантемиром, сформировался и приобрел широкие права в литературе в период безраздельного господства в ней эстетики классицизма. Возникший в условиях преобразований Петра I, русский классицизм приобрел ряд специфических черт, резко выраженную социальную направленность и публицистичность. Крупнейшие представители русского классицизма XVIII века (Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Державин) в гораздо меньшей степени, чем их западноевропейские собратья, отдавали дань эстетическому догматизму. Таким образом, в гражданском пафосе и просветительских тенденциях творчества Кантемира нашли отражение не только личные свойства таланта сатирика, но также и национальные особенности русского классицизма в целом. Вместе с тем даже в рамках русского классицизма творчество Ан-

тиоха Кантемира — явление неповторимо самобытное. Среди представителей русского классицизма трудно найти такое равнодушие, а то и просто отрицательно-скептичесское отношение к выработанной эстетикой классицизма сословной регламентации форм и жанров, какое мы встречаем у Кантемира.

Попытка творчества Кантемира в высоком жанре не случайно не дала положительных результатов. Начатая им в 1730 году работа над поэмой «Петрида» была прервана в самом начале; задуманная в одическом плане его «Речь к императрице Анне» (1740), так же как и аналогичное стихотворение «Елизавете I, самодержице всероссийской» (1742) превратились в своеобразные рассуждения о том, что жанр оды совершенно чужд склонностям и возможностям автора; заметим кстати, что на этой особенности своего таланта Кантемир подробно останавливался уже в первой редакции IV сатиры. Свое отрицательное отношение к высоким жанрам Кантемир высказал и в примечаниях к переводу «Посланий» Горация (изд. Ефремова, т. 1, стр. 417), где трагедии, слог которых «пышен и надут быть имеет», сравниваются им с «пузырем, что в воде соломою вздуваем». В «Письме Харитона Макентина к приятелю» Кантемир считал необходимым указать на то, что слог трагедии, в такой же мере как и слог сатиры, и басни, должен «приближаться к простому разговору». Об отрицательном отношении Кантемира к высоким, «аристократическим» жанрам свидетельствует также и его участие в издании книги «О реформе театра» Л. Риккобони.

Вызванное к жизни эпохой Петра I, творчество Антиоха Кантемира отразило в себе борьбу новых начал с варварской стариной, ее предрассудками и суевериями. Будучи по своему содержанию новаторским, оно было вместе с тем органически связано с многовековой культурой русского народа, наследуя в ней наиболее здоровые, свободные от схоластики и клерикализма элементы. Традиции предшествующей русской литературы были хорошо известны А. Кантемиру. Он был знаком не только с старинными русскими лексиконами, летописцами и житийной литературой, но также и с различными видами русской рукописной повести. Знал Кантемир, как это доказано в работах недавнего времени, и такие жанры русской литературы, как школьная драма, интермедия и интерлюдия [1] с их несмелыми попытками правдоподобного изображения русской жизни и русских типов: ябедника-подьячего, купца, раскольника

[1] Д. Д. Благой. Антиох Кантемир. «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка. 1944, т. 3, вып. 4, стр. 121—131.

и т. д. Было знакомо Кантемиру также и творчество таких его предшественников и современников, как Димитрий Ростовский, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович и др.

Особый интерес представляет для нас знакомство А. Кантемира с русским народно-поэтическим творчеством. Об этом знакомстве мы узнаем от самого Кантемира из примечания его к переводу I Послания Горация, где переводчиком был приведен довольно большой отрывок народной исторической песни о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне, а также из стихотворения «К стихам своим» (1743), в котором Кантемир упоминает рукописную переводную повесть о Бове-королевиче, написанную под сильным воздействием русской народной сказки, и рукописную сатирическую повесть о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове. Тема последней сказки — судебное крючкотворство и мздоимство — занимает также видное место и в творчестве самого Кантемира.

Известно было А. Кантемиру и украинское народное поэтическое творчество. Слепцы-бандуристы нередко исполняли украинские народные песни в доме кн. Д. К. Кантемира в Петербурге. О выступлении одного из таких слепцов-бандуристов в 1721 году в доме Д. К. Кантемира рассказывает в своих мемуарах Берхгольц.[1]

Народную песню об Иване Грозном А. Кантемир склонен был рассматривать как «вымысл простолюдного нашего народа», как плод «голого движения природы» в мужиках (стр. 496), а повести о Бове и Ерше — как «презрительные рукописные повести» (стр. 220). Но насколько верно эти определения отражают истинное отношение А. Кантемира к народному поэтическому творчеству?

И старая церковно-книжная традиция и новая светская литература относились с презрением к творчеству народа, и этому традиционному отношению к народной поэзии должен был отдавать дань и А. Кантемир. И тем не менее писатель ощущал близость собственного творчества к поэтическому творчеству народа. О том, что сатира берет начало от «грубых и почти деревенских шуток», Кантемир писал в предисловии к своим сатирам (стр. 442). В примечаниях к переводу «Посланий» Горация Кантемир также указывал на то, что комедия в начале своего развития «столько же груба и гнусна была, каковы суть наши деревенские игрища» и что произошла она от «вольных и скаредных» фесценнинских стихов» (изд. Ефремова, т. 1, стр. 529). Но Кантемир признавал за названными «деревенскими игрищами» не только их, так

---

[1] Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Перевод И. Ф. Аммона. Часть 1. М., 1902, стр. 70.

сказать, историческое значение, но и объективную ценность. «Хотя те стихи, — продолжал свое рассуждение Кантемир, — были грубы и брани содержали, однако ж, понеже в забаву говорены были, не досаждали, и для того Гораций говорит, что вольность фесценнинская *приятно меж ними шутила»*.

Итак, Кантемир осуждал «деревенские игрища» за грубость и вместе с тем понимал, что между ними, с одной стороны, и комедией и сатирой, в том числе и его собственной сатирой, — с другой, существует родственная связь. Кантемир имел основание поэтому в своей «Речи к императрице Анне» назвать «чин» сатирика «подлым», а свой собственный стиль «подлейшим» (стр. 268).

Таким образом, подлинное отношение Кантемира к народному поэтическому творчеству нельзя выводить из отдельных замечаний писателя, в которых отразилась общепринятая точка зрения. Если бы отношение Кантемира к фольклору было заведомо отрицательным, то писатель не стал бы вменять себе в заслугу то, что он «всегда писал простым и народным почти стилем» (стр. 269). Слышанную в юности народную историческую песню об Иване Грозном Кантемир помнил всю жизнь и назвал ее «довольно приметной», а в стихотворении «К стихам своим» он высказал уверенность в том, что народные повести о Бове и Ерше будут «в один сверток свиты» с его собственными сатирами. В этих признаниях намечено гораздо более сложное отношение к народной поэзии, чем простое её отрицание. Мир народной поэзии был знаком Кантемиру, хотя нам и недостаточно известна степень этого знакомства. Вольно или невольно Кантемиру приходилось иногда измерять явления литературы критериями народной поэзии и поэтики. В этом отношении характерно одно из примечаний Кантемира к его переводу «Анакреонтовых песен». Комментируя выражение «Атридов петь», Кантемир пишет: «В греческом стоит: *«Атридов сказывать,* что у греков и латинов то же значит, что и *Атридов петь,* понеже слово *сказывать* в высоком слоге за *пение* у них употребляется» (изд. Ефремова, т. 1, стр. 343). То, что Кантемир в качестве эквивалента для слова *петь* подбирает слово *сказывать,* свидетельствует о знакомстве писателя с употреблением этого слова в его особом значении, для выражения торжественной, *сказовой* манеры речи. Но Кантемиру, вероятно, было знакомо не только особое «фольклорное» значение слова *сказывать,* но и различные виды народного сказа. Характерно и то, что в переводе стихотворения Анакреона «Хочу я петь Атридов» Кантемир слово «герои» переводит словом «богатыри», хотя в русском языке того времени слово «герои» уже существовало. Это слово у Анакреона применялось к героям гоме-

ровского эпоса, и то, что при его переводе Кантемир подбирает слово, связанное с русским народным эпосом, говорит о высокой оценке последнего переводчиком.

Литературная деятельность Кантемира с самого ее начала характеризуется тесной близостью к живым источникам народного слова. Установка на просторечие была у Кантемира вполне осознанной. О том, что он «изгонял» из русского литературного языка церковнославянизмы и иностранные слова, доказав тем самым, что русский язык «достаточно богат сам по себе», рассказывает Октавиан Гуаско, заимствовавший это суждение безусловно от самого Кантемира.[1] Широта демократизации русского литературного языка, намеченная Кантемиром, была беспримерной: она открывала доступ в литературный язык почти всем словам и выражениям просторечия, начиная с таких словечек, как инде, вишь, ин, намедни, трожди, околесная и кончая вульгаризмами («из уст смердит стервой», «поносный рез», «стольчак» и т. д.).

Кантемир смело черпал из разговорного народного языка простейшие виды народного творчества, меткие слова и выражения, пословицы и поговорки. В библиотеке Кантемира хранилась изданная в 1611 году в Венеции книга итальянских пословиц, — факт, свидетельствующий о сознательном обращении писателя к пословице как к средству усиления выразительности речи. В примечаниях ко II сатире пословицу «Спесь только лошадям пристала» Кантемир не случайно называет «умной русской пословицей».

Особое предпочтение отдает Кантемир сатирической пословице и иронической поговорке: «Как свинье узда не пристала» (стр. 76); «помогает как дьяволу кадило» (стр. 374); «лепить горох в стену» (стр. 58); «зашить себе глотку» (стр. 96) и т. д.

Заимствует Кантемир из просторечия также пословицы, в которых отразились нравственные понятия народа: «Кто всех бить нахалится, часто живет битый» (стр. 110); «Коли правдой все идти, таскаться с сумою» (стр. 389) и т. д.

Щедро рассыпанные в сатирах Кантемира меткие выражения и слова, направленные против духовенства, также заимствованы из народной речи: «Клобуком покрой главу, брюхо бородою» (стр. 60); «Не делают чернца одни рясы» (стр. 110); «Как поп с похорон к жирному обеду» (стр. 113); «Пространный стол, что семье поповской съесть трудно» (стр. 129); «Молитвы, что поп ворчит, спеша

---

[1] O. Gouasco. Vie du Prince Antiochus Cantemir (Satyres du Prince Cantemir. Traduites du Russe en François, avec l'histoire de sa vie. A. Londres, chez Jean Nourse. MDCCL), pp. LVI—LVII.

сумасбродно» (стр. 126) и т. д. Не исключена возможность, что отдельные пословицы этой группы были заимствованы Кантемиром из народных сказок о попах.

Творческое дарование Кантемира с большой силой проявилось в мастерстве портретных характеристик, в рельефности и зрительной ощутимости изображаемого. Образы «брюхатого дьяка на однокольных дорогах», попа, «бормочущего сумасбродно», архиепископа в карете, раздувшегося от полноты и самомнения, рыгающего Луки, «нового жителя света» — младенца, который *пялит* на все *чутко ухо, зорок глаз,* и многие, многие другие показаны с большой силой художественной выразительности, во всем своеобразии их индивидуальных особенностей.

Кантемир выступает в своих сатирах мастером яркой типической детали. Образу стариков,

Кои помнят мор в Москве и, как сего года,
Дела Чигиринского сказуют похода,

автор посвящает в VII сатире всего только четыре стиха и в них заключена исключительно богатая характеристика образа. Так же скупо и выразительно, посредством детали, озаряющей сущность изображаемого, даны портрет разодетого и напомаженного щеголя, с особой нежностью открывающего свою табакерку, в I сатире и портрет служителя Клита во II сатире, который

Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.

Портрет чиновника-просителя в VI сатире, охотно взявшего на себя обязанность всячески ублажать своего «добродетеля», постоянно льстить ему

И средь зимы провожать, сам без шапки, в сани,

образ Трофима (сатира III), восседающего у Тита за ужином, «пальцы полизая», образ скупца (сатира III), у которого «простыни гниют на постели», образ наглеца Иркана, который, оказавшись в толпе,

Распихнет всех, как корабль плывущ сечет воду,

равно как и многие другие образы также получают силу своей выразительности благодаря использованию приема характерной детали.

Мастер меткой детали и яркого образа-портрета, Кантемир не обнаруживает такой же силы мастерства в изображении внутреннего мира своих героев и взаимодействия их с общественной средой. Реалистические элементы сатиры Кантемира по условиям времени не могли возвыситься до реализма как *системы* художественного мышления, как *метода* художественного творчества, и вместе с тем они, не ограничиваясь одним внешним сходством с натурой, шли навстречу этому методу. «Голой правды сила» (стр. 216), которой восхищался сатирик, выступала своеобразным призывом к борьбе с общественными пороками и злом. Просветительское стремление Кантемира «достигнуть корень самыя правды» (изд. Ефремова, т. 2, стр. 25) способствовало отражению в его творчестве объективных закономерностей жизни. При всей исторической ограниченности и несовершенстве своего художественного метода Антиоху Кантемиру даже в пределах одного избранного им жанра удалось изобразить русскую жизнь с такой широтой охвата и с такой силой обобщения ее отдельных сторон, какого не знала предшествующая писателю отечественная литература. Длинная галерея портретов, созданная Кантемиром в результате глубокого изучения жизни, служила для последующих русских писателей ярким и поучительным образцом общественной сатиры. Творчество Кантемира положило начало обличительному направлению в русской литературе. Это значение сатирика хорошо понимал Белинский, считавший, что только «однообразие избранного им рода», неразработанность русского языка в начале XVIII века и устарелость силлабического стиха «не допустили Кантемира быть образцом и законодателем в русской поэзии». [1]

Первому изданию сатир Кантемира на русском языке предшествовал более чем тридцатилетний период их рукописного существования. В читательской и тем более писательской среде в России они получили за это время широкое распространение. О том, что «в Российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею аппробациею приняты», заявлял еще в 1748 году М. В. Ломоносов. [2] Есть веские основания предполагать, что Ломоносов принимал видное участие в издании сатир Кантемира

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 10. М., 1956, стр. 289.

[2] П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1873, стр. 133.

САТИРЫ

И ДРУГІЕ СТИХОТВОРНЫЕ СОЧИНЕНІИ

Князя Антіоха Кантемира

СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

1762 года. В этой связи полезно будет указать на то, что отправленное 27 февраля 1762 года из академической канцелярии в типографию приказание об издании сатир Кантемира было подписано М. Ломоносовым и Я. Штелиным.[1]

Устарелость стихосложения Кантемира не помешала Ломоносову увидеть в его сатирах живое и нужное литературное наследие. Любовь к родине и вера в ее великое будущее, защита преобразований Петра I, пафос научного творчества и открытий, просветительские планы, направленные к «общей пользе», борьба с ханжеством и клерикализмом — все эти особенности и свойства личности и творчества А. Кантемира были созвучны и Ломоносову. Сатирическое творчество Ломоносова испытало на себе воздействие сатир Кантемира.

Кантемир оказал могучее воздействие на русскую литературу XVIII века и в особенности на ее обличительное направление, родоначальником которого он выступил. Даже в творчестве Сумарокова, который называл сатиры Кантемира «никем не читаемыми стихами», мы находим следы их воздействия. Когда Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» призывал писателя-сатирика изобразить бездушного подьячего и невежественного судью, легкомысленного щеголя и картежника, гордого и скупого и т. д., то во всем этом перечне названий, не исключая и латынщика, не было ни одного имени, которое отсутствовало бы в репертуаре сатирических типов Антиоха Кантемира.

Сатиры А. Кантемира способствовали формированию реалистических и сатирических элементов поэзии Г. Р. Державина. Свое отношение к творчеству первого русского поэта-сатирика Державин выразил в 1777 году в следующей надписи к его портрету:

Старинный слог его достоинств не умалит.
Порок! не подходи: сей взор тебя ужалит.

В творчестве Кантемира Державин наследовал не только его обличительный пафос, но и «забавный слог», уменье сочетать сатирический гнев с переходящим в иронию и улыбку юмором.

Творчество А. Кантемира имело огромное значение для развития не только русской поэзии, но и прозы. Журналы Н. И. Новикова и русская сатирическая журналистика вообще своим развитием были обязаны во многом сатире А. Д. Кантемира. Восхищенные отзывы о Кантемире мы встречаем у М. Н. Муравьева, И. И. Дмитриева,

---

[1] Архив Академии наук СССР. Фонд 3, опись 1, № 473, л. 38.

В. В. Капниста, Н. М. Карамзина и многих других деятелей русской литературы XVIII века.

Законным преемником лучших традиций сатиры Кантемира был Фонвизин. В обличении крепостнических нравов русского дворянства, в художественном обобщении русской действительности Фонвизин сделал значительный шаг вперед сравнительно с Кантемиром. Тем не менее лучшие произведения Фонвизина — комедии «Бригадир» и «Недоросль» — близки творчеству Кантемира в целом и в особенности его сатире «О воспитании» как своей темой и проблематикой, так и приемами изображения и особенностями своего языка.

Значение литературного наследия А. Д. Кантемира для русской передовой общественной мысли и освободительного движения XVIII века наглядно подтверждается на примере деятельности Ф. В. Кречетова, политического вольнодумца и узника Шлиссельбургской крепости. В журнале «Не всіо и не ничево» (1786, лист шестой) Ф. В. Кречетов вывел писателя-сатирика, который в споре с Сатаной, выражая мысли автора, ссылался на достойный подражания пример Антиоха Кантемира: «А в Россах есть сатира, со князя Кантемира начавшаяся до днесь».[1] Несмотря на отсутствие документальных данных, есть основания предполагать, что в формировании мировоззрения самого выдающегося представителя русской революционной общественной мысли XVIII века, А. Н. Радищева, творчество Кантемира тоже сыграло далеко не последнюю роль.

Не потеряли своего значения сатиры Кантемира и для литературного движения начала XIX века. Об этом свидетельствуют отзывы о Кантемире В. А. Жуковского, К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, К. Н. Батюшкова, Н. И. Гнедича и других писателей.

Остроумная сатира Кантемира была по достоинству оценена Грибоедовым. В изображении нравов и быта старой патриархальной Москвы, с одной стороны, и в обличительных речах Чацкого — с другой, Грибоедов следовал традициям Кантемира, впервые изобразившего и изобличившего варварскую и пораженную умственной спячкой, упрямую московскую старину.

Творчество Кантемира привлекало к себе внимание Пушкина. В статье «О ничтожестве литературы русской» (1834) великий поэт

---

[1] Новое издание «Не всіо и не ничево». Журнал 1786 г. Текст с предисловием Е. А. Ляцкого. Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете за 1898 год.

с уважением упомянул имя «сына молдавского господаря» А. Д. Кантемира рядом с именем «сына холмогорского рыбака» М. В. Ломоносова.

Из всех русских писателей XIX века, пожалуй, самым внимательным читателем Кантемира был Гоголь. В 1836 году он приветствовал издание сочинений Кантемира, предпринятое Д. Толстым, Есиповым и Языковым; в 1846 году в статье «В чем же, наконец, сущность русской поэзии» Гоголь подчеркнул важную роль Кантемира в развитии сатирического направления в русской литературе. [1]

Историки литературы уже отмечали, что гоголевский «зримый смех сквозь незримые миру слезы» близок по природе к смеху Кантемира, сущность которого была определена им в следующих словах: «Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу». Нити преемственности, идущие от Кантемира через XVIII век к русской литературе XIX века и, в частности, к Гоголю, видел Белинский. О первом русском сатирике как далеком предшественнике Гоголя и натуральной школы великий критик писал в статье 1847 года «Ответ „Москвитянину"». В последние годы своей жизни, в разгаре борьбы за реальное направление в русской литературе, критик неоднократно возвращался к имени и примеру Кантемира. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», написанной за несколько месяцев до смерти, Белинский с особенной силой подчеркнул жизненность линии, намеченной в русской литературе Кантемиром. [2]

За время, отделяющее нас от Кантемира, русская литература прошла богатейший путь развития, выдвинула значительное количество гениальных творцов и выдающихся талантов, создавших художественные ценности непреходящего значения и получивших всемирное признание и славу. Выполнив свою историческую роль, творчество А. Кантемира, писателя, который «первый на Руси свел поэзию с жизнью», утратило с течением времени значение фактора, непосредственно формирующего эстетические вкусы и литературное сознание. И тем не менее пытливый и вдумчивый читатель наших дней найдет в творчестве первого русского сатирика, пусть даже в зачаточных и несовершенных формах, выражение многих благородных чувств, идей и понятий, волновавших и вдохновлявших всех

---

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1952, стр. 198—199 и 395.

[2] В Г Белинский. Полное собрание сочинений, т. 10. М., 1956, стр. 289—290.

выдающихся русских писателей XVIII, XIX и XX веков. Мимо творчества Кантемира не может пройти равнодушно тот, кого интересует история лучших традиций русской литературы. Строителям новой, социалистической культуры, нам близко и дорого имя Антиоха Кантемира, неутомимого искателя «кореня самыя правды», писателя-гражданина и просветителя, внесшего огромный вклад в развитие русской литературы и заложившего первые основы международной известности русского художественного слова.

Ф. Я. Прийма

СТИХОТВОРЕНИЯ

САТИРЫ

САТИРА I
НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЯ
К УМУ СВОЕМУ

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна марморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает, —
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:

Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали».
Силван другую вину наукам находит.
«Учение, — говорит, — нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, — должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах — подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину, — глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства,
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди —
Можно знать различие злата, сребра, меди.
Трав, болезней знание — голы все то враки;
Глава ль болит — тому врач ищет в руке знаки;
Всему в нас виновна кровь, буде ему веру
Дать хочешь. Слабеем ли — кровь тихо чрезмеру
Течет; если спешно — жар в теле; ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,

Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни кстати за одним ночь пятном не спать целу,
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца и час солнечного всхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле — без алгебры счислим».
Силван одно знание слично людям хвалит:
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.

Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга — на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино — дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких мягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу, —
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;

Пред Егором двух денег Виргилий не стоит;
Рексу — не Цицерону похвала достоит.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала, — без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить, — да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчесть смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила златые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.
Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикрост; повесь цепь на шею от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо — бородою,
Клюку пышно повели везти пред тобою;
В карете раздувшися, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пиша проповедь, выпись позабудет,
От чего доходам вред; а в них церкви пра́ва
Лучшие основаны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать — вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы —

Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.
  К нам не дошло время то, в коем председала
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к высшему восходу.
Златой век до нашего не дотянул роду;
Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Науку невежество местом уж посело,
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном, смело полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна — пусты руки».
  Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень — мзда уж невелика,
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях, — кричит безмозглый церковник, —
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».
Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.
  Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,

Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сатира сия, первый опыт стихотворца в сем роде стихов, писана в конце 1729 года, в двадесятое лето его возраста. Насмевается он ею невежам и презирателям наук, для чего и надписана была *«На хулящих учения»*. Писал он ее для одного только провождения своего времени, не намерен будучи обнародить; но по случаю один из его приятелей, выпросив ее прочесть, сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи и в дар к нему прислал книгу «Гиралдия о богах и стихотворцах». Тому архипастырю следуя, архимандрит Кролик многие в похвалу творцу стихи надписал (которые вместе с Феофановыми в начале книжки приложены) <стихи эти см. на стр. 442—443 настоящего издания>, чем он ободрен, стал далее прилежать к сочинению сатир.

Ст. 1. *Уме недозрелый, плод* и проч. Тут наука значит *наставление,* действо того, кто другого кого учит. Так, в пословице говорим: *Плеть не мука, да впредь наука.*

Ст. 4. *Творцом не слыти.* Творец — то ж, что сочинитель или издатель книги, с латинского — *автор.*

Ст. 5. *Нетрудные в наш век.* Слова *в наш век* посмешкою вставлены. Путь к истинной славе всегда бывал весьма труден, но в наш век легко многими дорогами к ней дойти можно, понеже не нужны нам уже добродетели к ея приобретению.

Ст. 7 и 8. *Всех неприятнее тот, что босы проклали девять сестр.* Всего труднее славы добиться чрез науки. Девять сестр — музы, богини и изобретательницы наук, Юпитера и Памяти дочери. Имена их: Клио, Урания, Евтерпе, Ератон, Фалия, Мелпомене, Терпсихоре, Каллиопе и Полимния. Обычайно имя муз стихотворцы за самые науки употребляют. *Босы,* сиречь убогие, для того, что редко ученые люди богаты.

Ст. 13. *Расцвеченна марморами саду.* Украшенного статуями или столбами и другими зданиями мраморными.

Ст. 14. *Овцу не прибавит.* Человек чрез науки не разбогатеет; каков от отца ему оставлен доход, таков останется, ничего к нему не прибавит.

Ст. 15. *В нашем молодом монархе.* О Петре Втором говорит, который вступал тогда в пятое на десять лето своего возраста, рожден быв 12 октября 1715 года.

Ст. 16. *Музам.* Смотри примечание под стихом 7.

Ст. 17. *Аполлин.* Сын Юпитера и Латоны, брат Дианы, у древних за бога наук и начальника муз почитан.

Ст. 18 и 19. *Чтяща свою свиту видел его самого.* В Аполлиновой свите находятся музы. Петр II собою показал образ почитания наук, понеже сам, пока не был обременен правлением государства, обучался приличным такой высочайшей особе наукам. Прежде вос-

шествия на престол его величество имел учителя Зейкана, родом венгерца; а потом, в 1727 году, взят для наставления его величества Христиан Гольдбах, Санктпетербургской Академии наук секретарь. По прибытии своем в Москву его величество изволил подтвердить привилегии Академий наук, учредив порядочные и постоянные доходы профессорам и прочим служителям того училища.

Ст. 20. *Жителей парнасских.* Парнас есть гора в Фоциде, провинции греческой, посвященна музам, на которой они свое жилище имеют. Ученые люди фигурально парнасскими жительми называются. Сим стихом стихотворец припоминает великодушие монарха к учителям, которые на его величества иждивении тщатся приумножить науки и ученых людей.

Ст. 23. *Расколы и ереси.* Хотя то правда, что почти все ересей начальники были ученые люди, однако ж от того не следует, что тому причина была их наука, понеже много ученых, которые не были еретики. Таков есть святой Павел — апостол, Златоустый, Василий Великий и прочие. Огонь служит и нагревать и разорять людей вконец, каково будешь его употреблять. Пользует он, ежели употребление добро; вредит — ежели употребление зло. Подобно и наука; однако для того ни огонь, ни наука не злы, но зол тот, кто их употребляет на зло. Между тем и то приметно, что в России расколы больше от глупости, чем от учения рождаются; суеверие же есть истое невежества порождение.

Ст. 25. *Приходит в безбожие.* Обыкновенное невежд мнение есть, что все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога. Весьма то ложно, понеже сколько кто величество и изрядный порядок твари познает, что удобнее из книг бывает, столько больше чтить творца природным смыслом убеждается; а невежество приводит в злые весьма о божестве мнения, как, например, богу уды и страсти человеческие приписывать.

Ст. 26. *Критон с четками в руках ворчит.* Вымышленным именем Критона (каковы будут все в следующих сатирах) означается тут притворного богочтения человек, невежда и суеверный, который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти.

Ст. 41. *Силван другую вину.* Под именем Силвана означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, охуждая то, что к распространению его доходов не служит.

Ст. 45. *Гораздо в невежестве больше хлеба жали.* Не гораздо ли смешно приписывать наукам в вину то, что от одной лености земледельцев или от непорядочного воздуха происходить может.

Ст. 49. *Довод, порядок в словах.* Тому учат витийство и наипаче логика, которыя дело есть право о вещи какой рассуждать и то другому ясными доказать доводами.

Ст. 51. *Кто души силу и пределы.* В сем стихе о метафизике говорится, которая рассуждает о сущем вообще и о свойствах души и духов.

Ст. 53. *Строй мира и вещей выведать премену иль причину.* Физика или естествословие испытает состав мира и причину или отменение всех вещей в мире.

Ст. 60. *Чтоб вызнать руд свойства.* Химия тому учит. Слово *руда* значит металл, каково есть золото, сребро, медь, железо и прочая.

Ст. 63. *Трав, болезней знание.* То есть медицина или докторство.

Ст. 64. *Ищет в руке знаки.* Докторы, желая узнать силу болезни, щупают в руке больного ударение жилы, от чего познают, каково течение крови и, следовательно, слабость или жестокость болезни.

Ст. 68. *Внутрь никто видел живо тело.* То есть, хотя анатомисты и знают тела состав и состояние, однако нельзя от того рассудить о тех непорядках, которые в живом человеке случаются, понеже еще никто не видал, каково есть движение внутренних человека.

Ст. 71. *К чему звезд течение числить.* О астрономии тут слово идет.

Ст. 72. *За одним пятном.* В солнце и в планетах астрономы пятна с любопытством примечают, по оным признавая время, в которое они круг своего центра вертятся. При соединении двух планет живет то, что нижний пятном кажется в вышнем планете. В луне усматриваются подвижные пятна, которые чаятельно суть тени ея высоких гор. Смотри Фонтенелла «О множестве миров».

Ст. 74. *Солнце ль движется, или мы с землею* (Фонтенелл «О множестве миров», вечер 1-й). Два мнения имеют астрономы о системе (состав) света. Первое и старое есть, в котором Земля вместо средоточия всего система имеется и неподвижна стоит, а около ея планеты Солнце, Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Луна и Венус вертятся, всякий в известное время. Система сие, по Птоломею, своему вымыслителю, называется *Птолемаическою;* другое есть, которое Солнце неподвижно (но около самого себя обращающееся) поставляет, а прочие планеты, между которыми есть и Земля, в учрежденное всякому время около его вертятся. Луна уже не планета, но сателлес есть Земли, около которой круг свой совершает в 29 дней. Система сие выдумал Коперник, немчин, и для того *Коперническою* называется. Есть и третие система, Тихона Брахея, датчина родом, которое, однако ж, из прежних двух составлено, понеже он с Птоломеем согласуется в том, что Земля стоит и что солнце около ея вертится, но с Коперником всех прочих планет движение около солнца поставляет.

Ст. 77. *В четверти делить без Евклида смыслим.* Четверть есть часть земли или пашни в 20 сажен ширины и 80 длины. *Евклид* был славный математик александрийский, где во время Птоломея Лага математическое училище держал в лето по создании Рима 454. Трудов его у нас, между прочим, остались «Елементы», содержащие в 15-ти книгах основание всей геометрии.

Ст. 78. *Без алгебры.* Алгебра есть часть математики весьма трудная, но и преполезная, понеже служит в решении труднейших задач всея математики. Можно назвать ее генеральною арифметикою, понеже части их по большей мере между собою сходны, только что арифметика употребляет для всякого числа особливые знаки, а алгебра генеральные, которые всякому числу служат. Наука сия, сказывают, в Европу пришла от арап, которых мнят быть ея изобретательми; имя самое алгебры есть арапское, которые ее называют *Алжабр Валмукабала,* то есть *наверстать* или *соравнять.*

Ст. 83. *Румяный, трожды рыгнув, Лука.* Лука — пьяница, с вина румяный и с вина, часто рыгая, говорит и проч.

Ст. 85. *К сообществу божия тварь стали.* Бог нас создал для сообщества.

Ст. 88. *Для мертвых друзей.* То есть для книг.

Ст. 95. *Вино — дар божественный.* Гораций нечто подобное говорит в следующих стихах своего V письма, книги I:

Quid non ebrietas designat? operta recludit:
Spes jubet esse ratas: in praelia trudit inermem;
Sollicitis animis onus eximit: addocet artes
Fecundi calices quem non fecere disertum!
Contracta quem non in paupertate solutum!

<Чего только не совершает опьянение! Оно обнаруживает скрытое, побуждает к осуществлению чаяний, увлекает в сражение безоружного, снимает бремя с озабоченных душ, учит искусствам. Обильные чаши кого только не одаряли красноречием! Кого только не освобождали от тягот крайней нищеты!>

Ст. 100. *Любовник легче вином в цель свою доходит.* Свидетельство сему есть Лотова история, которого дочери, его вином упоивши, похоть свою исполнили. Святый Павел говорит: *Не упивайтеся вином, в нем же есть блуд.*

Ст. 101. *Когда по небу.* Подражание из следующих Овидиевых стихов 7-й его Элегии:

In caput alta suum labentur ab aequore retro
Flumina, conversis solque recurret equis:
Terra feret stellas, cœlum findetur aratro,
Unda dabit flammas, et dabit ignis aquas.

<Глубокие реки потекут от моря назад к своему истоку, солнце побежит назад, поворотив своих коней, земля понесет звезды, небо будет разрезано плугом, волна загорится, а огонь даст воду.>

Ст. 107. *Медор.* Щеголь тем именем означен.

Ст. 109. *Завертеть завитые кудри.* Когда хотим волосы завивать, то по малому пучку завиваем, и, обвертев те пучки бумагою, сверх нея горячими железными щипцами нагреваем, и так прямые волосы в кудри претворяются.

Ст. 110. *Не сменит на Сенеку.* То есть не сменит на книгу Сенекову фунт пудры. Сенека был философ секты стоической, учитель Нерона — императора римского, от которого убит лета Христова 65. Сего Сенеки имеются многие, и почти лучшие из древних, нравоучительные книги.

Ст. 111. *Пред Егором Виргилий.* Егор был славный сапожник в Москве, умер 1729 г. Виргилий, стихотворец латинский, был сын некоего горшечника из города Аиды в провинции Мантуанской, где родился 15 октября в 684 лето по создании Рима, то есть в 27-е пред рождеством Христовым. В Рим приехав, за его превосходный ум охотно с ним дружбу свели многие из знатнейших города, между которыми были первые император Август, Меценат и Поллион. Весь свет дивится стихам его, которыми у всех достал себе имя *князя стихотворцев латинских.* Умер в Бринде, городе Калаврии, возвращаяся с Августом из Греции в лето по создании Рима 735, в 51 своего возраста, и погребен близ Неаполя.

Ст. 112. *Рексу — не Цицерону.* Рекс был славный портной в Москве, родом немчин; Марко Туллий Цицерон был сын римского некоего всадника из поколения Тита Тация, короля сабинского. Еще в юношестве своем Цицерон речи говорил в сенате, столь дерзновенны против друзей Катилиновых, что, убоявся за то на себя нападения, уехал в Грецию, где у знатнейших учителей обучився, в такое совершенство привел латинское сладкоречие, что отцом того назван. В 691 лето по создании Рима выбран он с Антонином Непотом в консулы. Антониевым повелением убит в лето по создании 711, в 43 прежде пришествия Спасителева и 64 своего возраста, рожден быв 3 числа января лета по создании Рима 648.

Ст. 115 и 116. *Когда нет пользы, ободряет к трудам хвала.* Всех наших действ два повода: польза или похвала. Не обыкли люди или редко следуют добродетели держаться для того, что добродетель собою красна.

Ст. 120. *Нежли купцу.* Имя купца значит посадского: известно, что они великие пиволюбцы и охотники к крепкому пиву, которого часто и в 5 пуд хмеля варю варят.

Ст. 126. *Твой суд.* Твое рассуждение.

Ст. 131. *Ключари святые.* Церковные пастыри, епископы.

Ст. 132. *Им же Фемис вески вверила златые.* То есть судьи. *Фемис* — богиня правосудия, дочь *Земли* и *Неба,* пишется с весками в руках.

Ст. 133. *Мало любят, чуть не все, истинну украсу.* Истинною украсою называет стихотворец науку; и подлинно, невежество голо и срамно.

Ст. 135. *Риза полосата.* Епанча из шелковой парчи безрукавна, сшита на подоле и разных цветов полосами поперек расшита, которую сверх всего платья архиереи надевают. Обыкновенно мантиею называют.

Ст. 136. *Цепь от злата.* Архиереи повседневно сверх рясы, а в священнослужении сверх саккоса повешену имеют на шее цепочку золотую или серебряную, к которой привешен образ, на финифти написанный, Спасителя, богоматери или какого святого. Обыкновенно цепочку тую с образом *панагиею* зовут, от греческого слова παναγία — *пресвятая,* прилагательное, которым обыкновенно богородица означается.

Ст. 137. *Брюхо — бородою.* Широкую бороду и по брюху распущенну невежды священническому чину за особливую украсу приписуют. Димитрий, митрополит Ростовский (писатель жития святых), целую книжицу сочинил против суеверия простолюдных о бороде. Напечатана в Москве в 1714 году. Раскольщики бороду брить в грех ставят.

Ст. 138. *Клюку пред тобою.* То есть *патерицу.* Когда архиерей выезжает с двора, один из его певцов верхом везет патерицу епископскую в знак его церковной власти.

Ст. 140. *Праву и леву.* Разумеется: руку.

Ст. 144. *Выпись позабудет.* Выпись есть письмо приказное, которым судья удостоверяет, что товар какой чист и что с него в государственную казну пошлина взята, или подтверждает владение земли, деревни, двора и проч.

Ст. 148. *Кто просит с пустыми руками.* То есть челобитчик, который подарков не дает, который ничего, прося, не подносит.

Ст. 151 и 152. *Граждански уставы, иль естественный закон, иль народны правы.* — *Гражданские уставы* суть законы, учрежденные от государей, для расправы в судах, каково у нас Уложенье. *Закон естественный* есть правило, от самой природы нам предписанное, которое всегда неотменно и без которого никакое сообщество устоять не может. *Народны правы* суть законы, которые содержать должны народы разных властей для удобного взаимного сообщения и взаимной пользы.

Ст. 155. *Лезть на бумажны горы.* То есть шевелить, читать такое множество книг.

Ст. 157 до 160. *К нам не дошло время то* и проч. Не дошло к нам то время, когда от одной мудрости ожидать было должно человеку свое награждение и повышение в вышние чины.

Ст. 160. *Златой век.* Стихотворцы разделяют времена на четыре века, а именно: на *золотой, серебряный, медный и железный,* и говорят, что в златом веке люди все одной только добродетели прилежали, отдаляяся всяких злостей.

Ст. 161. *Мудрость одолело.* В сем месте *мудрость* есть винительного падежа.

Ст. 163. *Под митрой. Митра* есть шапка архиерейская, в священнослужении употребляема.

Ст. 164. *Судит за красным сукном.* Во всех приказах стол, за которым судьи заседают, покрыт обычайно красным сукном.

Ст. 172. *На дудочке песни три играет.* Дудочка тут значит косой флейт, который был, когда сатира сия писана, в славе, и почти все молодые люди на нем играть обучалися.

Ст. 176. *Семи мудрецов.* Славные в Греции семь мудрецов были: *Фалес, Питакус, Биас, Солон, Клеобул, Минос и Хилон.* Некоторые вместо трех последних кладут *Периандра, Анахарса и Эпаминонда;* иные же — *Писистрата, Трасибула,* милетского тирана, и *Феницида* Сирийского. Смотри де Ларея в житии семи мудрецов, лист 1-й.

Ст. 178. *Часовник* — книга, содержащая повседневные молитвы греческой церкви.

Ст. 179. *Псалтырь и послания.* То есть книгу царя Давида и апостолов послания.

Ст. 180. *В Златоусте не запнусь.* В Златоустовом толковании на Евангелие, которое переведено с греческого весьма неясно.

Ст. 183. *Писец.* То есть *подьячий.*

Ст. 184. *Письмом ясным.* Наши подьячие, когда пишут, об одном только тщатся, чтоб письмо их было четко и красиво; что же до правописания касается, так мало к тому прилежат, что и не нужно то чают; для того, если желаешь какую книгу не разуметь, отдай ее подьячему переписать.

Ст. 186. *Семь бояр.* Известно есть, что боярский чин бывал в великом почтении; потому знать, что благородным звать себя может тот, из чьего роду семеро честь боярскую на себе носили.

Ст. 193. *Мудрость всеблагая.* То есть бог, понеже он не только мудр, но самая *премудрость,* к тому ж и всеблаг.

САТИРА II
НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯН ЗЛОНРАВНЫХ
ФИЛАРЕТ И ЕВГЕНИЙ

Филарет

Что так смутен, дружок мой? Щеки внутрь опали,
Бледен, и глаза красны, как бы ночь не спали?
Задумчив, как тот, что, чин патриарш достати
Ища, конный свой завод раздарил некстати?
Цугом ли запрещено ездить, иль богато
Платье носить, иль твоих слуг пеленать в злато?
Карт ли не стало в рядах, вина ль дорогого?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплет тебе дары полным рогом;
Ничто тебе не претит жить в покое многом.
Что ж молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь нам друг полезен в печали?
Сколь много здравый совет полезен бывает,
Когда тому следовать страсть не запрещает?
А, а! дознаюсь я сам, что тому причина:
Дамон на сих днях достал перемену чина,
Трифону лента дана, Туллий деревнями
Награжден — ты с пышными презрен именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность
И преимуществ твоих толпа неоспорных, —
А зависти в тебе нет, как в попах соборных.

Евгений

Часть ты прямо отгадал; хоть мне не завидно,
Чувствую, сколь знатным всем и стыд и обидно,
Что кто не все еще стер с грубых рук мозоли,

Кто недавно продавал в рядах мешок соли,
Кто глушил нас: «Сальные, — крича, — ясно свечи
Горят», кто с подовыми горшком истер плечи, -
Тот, на высоку степень вспрыгнувши, блистает,
А благородство мое во мне унывает
И не сильно принести мне никакой польги.
Знатны уж предки мои были в царство Ольги
И с тех времен по сих пор в углу не сидели —
Государства лучшими чинами владели.
Рассмотри гербовники, грамот виды разны,
Книгу родословную, записки приказны:
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного, наместника никто не был ниже;
Искусны в миру, в войне рассудно и смело
Вершили ружьем, умом не одно те дело.
Взгляни на пространные стены нашей салы —
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы.
В суде чисты руки их: помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик.
А батюшка уж всем верх; как его не стало,
Государства правое плечо с ним отпало.
Когда было выедет — всяк долой с дороги,
И, шапочку сняв, ему головою — в ноги.
Всегда за ним выборна таскалася свита,
Что ни день рано с утра крестова набита
Теми, которых теперь народ почитает
И от которых наш брат милость ожидает.
Сколько раз, не смея те приступать к нам сами,
Дворецкому кланялись с полными руками.
И когда батюшка к ним промолвит хоть слово —
Заторопев, онемев, слезы у иного
Потекли с глаз с радости; иной, не спокоен,
Всем наскучил, хвастая, что был он достоен
С временщиком говорить, и весь веселился
Дом его, как бы им клад богатый явился.
Сам уж суди, как легко мне должно казаться,
Столь славны предки имев, забытым остаться,
Последним видеть себя, куды глаз ни вскину.

Филарет

Слышав я важну твоей печали причину,
Позволь уж мне мою мысль открыть и советы;

А ведай притом, что я лукавых приметы —
Лесть, похлебство — не люблю, но сердце согласно
С языком: что мыслит то, сей вымолвит ясно.
Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю,
Сколь важно, и много в нем пользы признаваю.
Почесть та к добрым делам многих ободряет,
Когда награду в себе вершенных являет.
(Сыщешь в людях таковых, которым не дивны
Куча золота, ни дом огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь, сколь бы ни прохладна, —
К титлам, к славе до одной всяка душа жадна.)
Но тщетно имя оно, ничего собою
Не значит в том, кто себе своею рукою
Не присвоит почесть ту, добыту трудами
Предков своих. Грамота, плеснью и червями
Изгрызена, знатных нас детьми есть свидетель —
Благородными явит одна добродетель.
Презрев покой, снес ли ты сам труды военны?
Разогнал ли пред собой враги устрашенны?
К безопаству общества расширил ли власти
Нашей рубеж? Суд судя, забыл ли ты страсти?
Облегчил ли тяжкие подати народу?
Приложил ли к царскому что ни есть доходу?
Примером, словом твоим ободрены ль люди
Хоть мало очистить злых нравов темны груди?
Иль, буде случай, младость в то не допустила,
Есть ли показаться в том впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?
Бедных жалки ли тебе слезы и докуки?
Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззлобен,
Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?
Изрядно можешь сказать, что ты благороден,
Можешь счесться Ектору или Ахиллу сроден;
Иулий и Александр, и все мужи славны
Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны.
Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским,
Буде в нравах с гнусным ты не разнишься псарским.
Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Любы, как пиво, ему, — отречется трожжи;
Знает он, что с пива те славные остатки,
Да плюет на то, когда не, как пиво, сладки.

Разнится — потомком быть предков благородных,
Или благородным быть. Та же и в свободных
И в холопях течет кровь, та же плоть, те ж кости.
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы,
И, чужих обнажена красных перьев, галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.
Знаю, что неправедно забыта бывает
Дедов служба, когда внук в нравах успевает,
Но бедно блудит наш ум, буде опираться
Станем мы на них одних. Столбы сокрушатся
Под лишним те бременем, если сами в силу
Нужную не приведем ту подпору хвилу.
Светлой воды их труды ключ тебе открыли,
И черпать вольно тебе, но нужно, чтоб были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
К ключу: сама вода в рот твой не станет литься.
Ты сам, праотцев твоих исчисляя славу,
Признал, что пала она и делам и нраву:
Иной в войнах претерпел нужду, страх и раны,
Иным в море недруги и валы попраны,
Иной правду весил тих, бегая обиды, —
Всех были различные достоинства виды.
Если б ты им подражал, право б мог роптати,
Что за другими тебя и в пару не знати.
Потрись на оселку, друг, покажи в чем славу
Крови собой — и твою жалобу быть праву.
Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор — тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты под парчою,
Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно соплешь, пока дня пробегут две доли;
Зевнул, растворил глаза, выспался до воли,
Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая;
Из постели к зеркалу одним спрыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубоком,
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину:
Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам, в колечки завиты,

Свободно станет играть, часть уйдет за темя
В мешок. Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
Глотаешь очми себя. Нога жмется складно
В тесном башмаке твоя, пот с слуги валится,
В две мозоли и тебе краса становится;
Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
Деревню взденешь потом на себя ты целу.
Не столько стало народ римлянов пристойно
Основать, как выбрать цвет и парчу и стройно
Сшить кафтан по правилам щегольства и моды:
Пора, место и твои рассмотрены годы,
Чтоб летам сходен был цвет, чтоб, тебе в образу,
Нежну зелень в городе не досажал глазу,
Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело,
Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
Как искусные попы всякого дни звоны.
Долголетнего пути в краях чужестранных,
Иждивений и трудов тяжких и пространных
Дивный плод ты произнес. Ущербя пожитки,
Понял, что фалды должны тверды быть, не жидки,
В пол-аршина глубоки и ситой подшиты,
Согнув кафтан, не были б станом все покрыты;
Каков рукав должен быть, где клинья уставить,
Где карман, и сколько грудь окружа прибавить;
В лето или осенью, в зиму и весною
Какую парчу подбить пристойно какою;
Что приличнее нашить: сребро или злато,
И Рексу лучше тебя знать уж трудновато.
В обед и на ужине частенько двоится
Свеча в глазах, часто пол под тобой вертится,
И обжирство тебе в рот куски управляет.
Гнусных тогда полк друзей тебя окружает,
И, глодая до костей самых, нрав веселый,
Тщиву душу и в тебе хвалит разум спелый.
Сладко щекотят тебе ухо красны речи,
Вздутым поднят пузырем, чаешь, что под плечи
Не дойдет тебе людей все прочее племя.
Оглянись, наместников царских чисто семя,
Тот же полк, лишь с глаз твоих — тебе уж смеется,
Скоро станет и в глаза: притворство минется,

Как скоро сойдут твоих пожитков остатки.
(Боюсь я уст, что в лицо точат слова сладки.)
Ты сам неотступно то время ускоряешь:
Из рук ты пестрых пучки бумаг не спускаешь
И мечешь горстью твоих мозольми и по́том
Предков скопленно добро. Деревня за ско́том
Не первая уж пошла в бережную руку
Того, кто мало пред сим кормился от стуку
Молота по жаркому в кузнице железу.
Приложился сильный жар к поно́сному резу,
Часто любишь опирать щеки на грудь белу,
В том проводишь прочий день и ночь почти целу.
Но те, что стенах твоей на пространной салы
Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый;
Чужой глаз нужен тебе и помощь чужая
Нужнее, чтоб знать назвать черту, что, копая,
Воин пред собой ведет, укрываясь, к валу;
Чтоб различить, где стены часть одна помалу
Частым быстро-пагубных пуль ударом пала,
Где, грозно расседшися, земля вдруг пожрала;
К чему тут войска одна часть в четверобочник
Строится; где более нужен уж спомочник
Редким полкам и где уж отмененны силы
Оплошного недруга надежду прельстили.
Много вышних требует свойств чин воеводы
И много разных искусств: и вход, и исходы,
И место, годно к бою, видит одним взглядом;
Лишной безопасности не опоен ядом,
Остр, проницает врагов тайные советы,
Временно предупреждать удобен наветы;
О обильности в своем таборе печется
Недремительно; любовь ему предпо́чтется
Войска, чем страшным им быть и вдруг ненавидим;
Отцом невинный народ зовет, не обидим
Его́ жадностью, — врагам одним лишь ужасен;
Тихим нравом и умом и храбростью красен;
Не спешит дело начать; начав, производит
Смело и скоро — не столь бегло Перун сходит,
Страшно гремя; в счастии умерен быть знает,
Терпелив в нужде, в бедстве тверд, не унывает.
Ты тех добродетелей, тех чуть имя знаний
Слыхал ли? Самых числу дивишься ты званий,

И в один все мозг вместить смертных столь мнишь
трудно,
Сколь дворецкому не красть иль судье — жить скудно.
Как тебе вверить корабль? ты лодкой не правил,
И хотя в пруду твоем лишь берег оставил,
Тотчас к берегу спешишь: гладких испугался
Ты вод. Кто пространному морю первый вдался,
Медное сердце имел; смерть там обступает
Снизу, сверху и с боков; одна отделяет
От нея доска, толста пальца лишь в четыре, —
Твоя душа требует грань с нею пошире;
И писана смерть тебя дрожать заставляет,
Один холоп лишь твою храбрость искушает,
Что один он отвечать тебе не посмеет.
Нужно ж много и тому, кто рулем владеет,
Искусств и свойств, с самого укрепленных детства,
И столь нужней те ему, сколь вящи суть бедства
На море, чем на земле. Твари господь чудну
Мудрость свою оказал, во всех неоскудну
Меру поставя частях мира и меж ними
Взаимно согласие; лучами своими
Светила небесные, железце, немногу
От дивного камня взяв силу, нам дорогу
Надежную в бездне вод показать удобны;
Небес положение на земле способный
Бывает нам проводник и, когда страх мучит
Грубых пловцов, кормчего искусного учит
Скрытый камень миновать иль берег опасный,
И в пристань достичь, где час кончится ужасный.
Недруга догнать, над ним занять ветр способный
И победу исхитить, вступя в бой удобный, —
Труд немалый. На море, как на земле, те же
Прочи вождев должности: тебе еще реже
Снилась трубка и компас, чем строй и осада.
За красным судить сукном Адамлевы чада
Иль править достоин тот, кому совесть чиста,
Сердце к сожалению склонно и речиста
Кого деньга одолеть, ни страх, ни надежда
Не сильны; пред кем всегда мудрец и невежда,
Богач и нищий с сумой, гнусна бабья рожа
И красного цвет лица, пахарь и вельможа
Равны в суде, и одна правда превосходна;

Кого не могут прельстить в хитростях всеплодна
Ябеда и ее друг — дьяк или подьячий;
Чтоб, чрез руки их прошед, слепым не стал зрячий,
Стречись должен, и сам знать и лист и страницу,
Что от нападения сильного вдовицу
Соперника может спасть и сирот покойну
Уставить жизнь, предписав плутам казнь достойну.
Наизусть он знает все естественны права̀,
Из нашего высосал весь он сок устава,
Мудры не спускает с рук указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уже новый,
Не меньше стройный других, не меньше обильный,
Завидим врагу и в нем злобу унять сильный.
Можешь ли что обещать народу подобно?
Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменный душою,
Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
Вместо правой — левою (зверям лишь прилична
Жадность крови; плоть в слуге твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден:
Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
И все законно он мнит, что уж истощенной
Может дополнить мешок; нужды совершенной
Стала ему золота куча, без которой
Прохладам должен своим видеть конец скорой.
Арапского языка — права и законы
Мнятся тебе, дикие русску уху звоны.
    Если в те чины негож, скажешь мне, я, чаю,
Не хуже Клита носить ключ золотой знаю;
Какие свойства его, какая заслуга
Лучшим могли показать из нашего круга?
Клита в постели застать не может день новой,
Неотступен сохнет он, зевая в крестовой,
Спины своей не жалел, кланяясь и мухам,
Коим доступ дозволен к временщичьим ухам.
Клит осторожен — свои слова точно мерит,
Льстит всякому, никому почти он не верит,
С холопом новых людей дружбу весть не рдится,
Истинная мысль его прилежно таится
В делах его. О трудах своих он не тужит,
Идучи упрямо в цель: Клиту счастье служит, —
Иных свойств не требует, кому счастье дружно;

А у Клита без того нечто занять нужно
Тому, кто в царском прожить доме жизнь уставил,
Чтоб крылья, к солнцу подшед, мягки не расплавил:
Короткий язык, лицо и радость удобно
И печаль изображать — как больше способно
К пользе себе, по других лицу применяясь;
Честнее будет он друг, всем дружен являясь;
И много смирение, и рассудность многу
Советую при дворе. Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчит — виновен не стался,
Буде ложью утаить правду не посмеет;
Счастлив, кто средины той держаться умеет.
Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
Учтивость приличная, что дает род знатный;
Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь; —
Всего того я в тебе искать опасаюсь.
Словом, много о вещах тщетных беспокойство,
Ни одно не вижу я в тебе хвально свойство.
Исправь себя, и тогда жди, дружок, награду;
По тех пор забытым быть не считай в досаду:
Пороки, кои теперь прикрывают тени
Стен твоих, укрыть нельзя на высшей степéни.
Чист быть должен, кто туды не побледнев всходит,
Куды зоркие глаза весь народ наводит.
Но поставим, что твои заслуги и нравы
Достойным являют тя лучшей мзды и славы;
Те, кои оной тебя неправо лишают,
Жалки, что пользу свою в тебе презирают;
А ты не должен судить, судят ли те здраво,
Или сам многим себя предпочтешь неправо.
Над всем же тому, кто род с древнего начала
Ведет, зависть, как свинье — узда, не пристала;
Еще б можно извинить, если знатный тужит,
Видя, что счастье во всем слепо тому служит,
Кого сколько темен род, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни в людях приятны;
Но когда противное видит в человеке,
Веселиться должен уж, что есть в его веке
Муж таков, кой добрыми род свой возвышает
Делами и полезен всем быть начинает.
Что ж в Дамоне, в Трифоне и Туллие гнусно?

Что, как награждают их, тебе насмерть грустно?
Благонравны те, умны, верность их немала,
Слава наша с трудов их нечто восприяла.
Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думным и наместником деды не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.
И твой род не все таков был, как потом стался,
Но первый с предков твоих, что дворянин звался,
Имел отца, славою гораздо поуже,
Каков Трифон, Туллий был, или и похуже.
Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеюще стадо;
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных;
От них мы все сплошь пошли, один поранее
Оставя дудку, соху, другой — попозднее.

ПРИМЕЧАНИЯ

Намерение сей сатиры есть обличить тех дворян, которые, лишены будучи всякого благонравия, одним благородием хвастают, и к тому завидят всякому благополучию в людях, кои чрез свои труды из подлости в знатную степень происходят. Писана она месяца два спустя после первой, разговором между Филаретом и Евгением — два подложные имена, которых первое на греческом языке изобразует *любителя добродетели,* а другое — *дворянина.*

Ст. 2. *И глаза красны.* От слез глаза краснеют не меньше, чем от бессония.

Ст. 3. *Как тот, что, чин патриарш достати.* Всем известно высокомыслие бывшего архиепископа Р ***, который ничего так не жаждал, как быть главнейшим церкви российской, и для получения того чина много коней раздарил, которых он имел изрядный завод.

Ст. 5. *Цугом ли запрещено ездить.* В Санктпетербурге цугом ездить от императора Петра Великого всем запрещено было, кроме придворных.

Ст. 6. *Слуг пеленать в злато.* Обшивать платье слуг своих золотом. Узоры, коими обыкновенно то платье выкладывают, много на пеленанье схоже.

Ст. 7. *Вина ль дорогого.* Вином дорогим разуметь должно венгерское, шампанское и бургонское, которые подлинно в Москве дороги и за тем самым больше всех других вин в почтении.

Ст. 9. *Обильство сыплет тебе дары полным рогом.* Стихотворцы изобразуют обильство в лице жены, которая держит в руке боль-

ный рог, из которого сыплются овощи, деньги, бисеры и прочие вещи, столь человеком желательные.

Ст. 10. *Не претит.* Вместо не запрещает, не мешает.

Ст. 11. *Ужли твои уста косны стали.* Дивится Филарет Евгению, который знатно с природы был говорлив, а теперь, противно нраву своему, молчит.

Ст. 16. *Дамон.* Имя вымышленное, как в следующем стихе Трифон и Туллий.

Ст. 17. *Лента дана.* То есть пожалована кавалерия, понеже они на лентах носятся. Обыкновенно говорится: такому-то господину пожалована голубая лента, то есть орден святого Андрея.

Ст. 22. *Как в попах соборных.* Соборные церкви называются, у которых несколько попов служат. Редко в таких попах согласие живет, понеже одного ремесла люди в обществе без зависти пробыть не могут.

Ст. 31. *Никакой польги.* Лучше бы было написать *никакой пользы,* да нужда рифмы убедила употребить простолюдное слово вместо чистого русского.

Ст. 32. *Царство Ольги.* Ольга — жена Игоря, сына Рюрикова, первого российского самодержца, так христианской веры в России насадительница, как и распространительница сил и славы сего империя; от святого Владимира, ея внука, в святые вписана и почитается под именем Елены, которое приняла в крещении. Начала царствовать в 950-е лето по рождестве Христове («Синопсис русской истории», стр. 37).

Ст. 38. *Думного, наместника.* Думные бояре в старину то ж были, что теперь тайные советники. *Наместниками* назывались управители провинций. Имена сих чинов отменил император Петр Великий в начале 18 века по Христе.

Ст. 41. *Стены нашей салы.* Знать, у отца сего дворянина в сале по стенам расписаны были войны, в которых он присутствовал. Сала — слово французское, sale — *большая горница.*

Ст. 42. *Как рвали строй, как ломали валы.* То есть как, побеждая войска неприятельские, брали городы.

Ст. 49. *Выборна таскалася свита.* Выборные люди за ним следовали.

Ст. 50 *Крестова.* Я чаю, для того так *передняя горница* называлася, понеже в старину обыкновенно в ней отправлялися молитвы утренние и вечерние, и затем вся восточная стена убрана была иконами и крестами, отчего принадлежащие к господским домам попы *крестовыми попами* назывались.

Ст. 54. *С полными руками.* С подарками.

Ст. 60. *Клад богатый явился.* Многие у нас суеверно чают, будто клад, сиречь закопанные в землю сокровища, счастливым являются в виде кошки, собаки и других животных, которые где покажутся, на том же месте копать землю должно в надежде обильной находки.

Ст. 66 и 67. *Лукавых приметы — лесть, похлебство.* Два злонравия, весьма обычайные лукавым людям, и по которым тотчас их признать можешь.

Ст. 69. *Благородство, будучи заслуг мзда.* Когда почесть дворянства есть знак награждения заслуг, весьма оно важно; в противном случае — пустое и бесплодное имя.

Ст. 70. *Много в нём пользы признаваю.* Много пользы государству, понеже такие награждения и казне недорого становятся, и гораздо лучше ободряют людей к хвальным действам, не только для того, что дворянское имя, преходя от предков к потомкам, представляет свидетельство награждения добрых дел, но и затем, что в многих надежда богатств меньше действует, чем надежда чести и славы.

Ст. 77. *Но тщетно имя оно.* Оно, сиречь благородие, дворянство.

Ст. 80. *Грамота, плеснью и червями.* Грамота, которою почесть дворянства предкам нашим пожалована или подтверждена и за древностию уже червями и молию попорчена, засвидетельствует, правда, что мы происходим от знатных людей, но не покажет нас быть благородными. Одна собственная наша добродетель может нам присвоить благородие.

Ст. 82. *Благородными явит одна добродетель.* Nobilitas sola est atque unica virtus *(Ювенал. Сат. 8, ст. 20).*

Ст. 83. *Презрев покой, снес ли ты.* От сего стиха по 97-й есть подражание Боаловых, сат. V, от стиха 44 по 54.

Montrez nous cette ardeur qu'on vit briller en eux?
Ce zèle pour l'honneur, cette horreur pour le vice?
Respectez vous les loix? fuyex vous l'injustice?
Savez vous pour la gloire oublier le repos?
Et dormir en plein champ le harnois sur le dos?
Je vous connais pour noble à ces illustres marques, etc.

<Покажите нам тот дар, который пылал в них, ту ревность к чести, то отвращение к пороку. Уважаете ли вы законы? Избегаете ли несправедливых деяний? Умеете ли вы забывать покой для славы, и спать в чистом поле, не снимая доспехов? По этим знакам я признаю вас за благородного.>

Ст. 86. *Суд судя, забыл ли ты страсти?* Забыл ли ты свои страсти, которые часто право судить мешают?

Ст. 92. *Впредь воля и сила.* Ко всякому предприятию одна воля не довольна, нужна и сила; много мы хотим — мало что можем.

Ст. 96. *Веришь ли, что всяк тебе человек подобен?* Не предпочитаешь ли себя прочим людям? Чаешь ли, что они тебе подобны? Что ты их не лучше, не бесстрастнее, что они тебе в добродетелях соравняться могут, буде не превосходят?

Ст. 98. *Ектору иль Ахиллу.* Ахилл, сын Пелея и Фетиды, был храбрый князь греческий. На троянскую войну от отца с войском послан, многие свыше меры мужества знаки показал. Ектора, сына Приама, царя троянского, Еленина же брата, за которую война взгорелася, убил и греков всех почти сам один спас от рук троянских. Ектор по Ахилле был знаменитейший мужеством в помянутой троянской войне.

Ст. 99. *Иулий и Александр.* Иулий Цесарь, первый римский император, сын Луция Цесаря и Аврелии, Коттовой дочери, в 17-е лето своего возраста получил чин великого священника Юпитерова, потом, чрез чины трибуна, квестора, едилла и великого Понтифекса в консулы происшед, в том чину пять триумфов получил. Одолев Пом-

пей, своего неприятеля, вечным диктатором объявлен, и силою самовластие достал; в сенате внезапно убит, умер 15 марта, 43 лет прежде Христа, пожив 56. Александр Великий, царь македонский, сын Филиппа и Олимпии, Дариев победитель, родился июля 6, 356 лет прежде Христа; умер в Вавилоне, опоен ядом, в 33-е лето своего возраста.

Ст. 102. *Не разнишься псарским.* Разумеется: с псарским сыном.

Ст. 103. *Спросись хоть у Нейбуша.* Генерал-майор Нейбуш, приятель нашего стихотворца, был знатный пиволюбец, впрочем честный весьма человек и храбрый воин, к которому он имел крайнее почтение.

Ст. 107. *Разнится — потомком быть* и проч. Понеже одна добродетель может показать нас благородными, как выше сего упомянуто. Разницу должно поставлять меж истинным благородным и меж тем, который от благородных предков происходит; сего должно бы звать потомком благородных, а не благородным.

Ст. 108. *Та же и в свободных. Свободный* тут значит *дворянина* или *всякого вольного человека,* не холопа. Меж таким вольным человеком и холопом природа никакой разницы не поставила в составе тела: та ж кровь, те ж кости, та же плоть. Потому, ежели кто от холопа, от черни отличиться желает, должен отличаться добрыми делами, добрыми нравами. Одно имя дворянское не может прикрыть наши пороки; а те пороки, те наши худые нравы скоро могут то при умных людях учинить, что они позабудут, что мы происходим от славных и благородных родителей.

Ст. 110. *Буквы.* Из которых составлено титло князя, графа и прочих степеней дворянства.

Ст. тот же. *Злости.* Злые нравы.

Ст. 112. *Истребят вдруг древния в умных память славы.* Сродным порядком речей: вдруг истребят в умных людях память древния славы. Чернь дивиться будет твоим титлам, а умные люди, примечая твои злочинства, не только тебя презирать будут, но и совсем забудут древнюю славу твоего рода.

Ст. 113. *И, чужих обнажена красных перьев, галка.* В одной Езоповой притче читаем, что галка, укравши от разных цветных птиц перья, ими украсилася, но как скоро сии уведали воровство, напали на нее, и всяка свои перья отобрав; бедная галка осталася гола и в насмешку всех зрителей. Таков дворянин без добродетелей, в котором имя славное есть чужая украса.

Ст. 114. *Будет им.* Им — умным людям.

Ст. 115. *Неправедно забыта бывает.* Стихотворец, показав, что имя благородного ничем не должно пользовать злонравному, приступает уже доказывать, что и службы предков не можно таковому потомку приводить для получения почестей и степеней. Для побуждения к охотной службе нужно, чтоб потомки плодами трудов предков своих наслаждалися; понеже когда образец милости и благодарства высших в ком видим, тогда ревнуем усердно, чтоб могли и мы себе то же получить; как же инак в смертных нас можно продлить образец тот, — разве продолжая награждение потомству того, кто оного первый достоин показался? К тому же всяк, рассуждая краткость жизни своей, не так бы прилежал в пользу отечества если бы награждение трудов не шло в наследство; любовь же

САТІРА II.

ФІЛАРЕТЪ и ЕВГЕНІЙ.

ФИЛАРЕТЪ.

Что такъ смутенъ, другъ мой? щоки внутрь опали,
Блѣденъ, и глаза красны какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ такъ что то чи Латріаршъ достати

от себя происшедших убеждает и своего жития не щадить, чтоб их — благополучное было. Но все вышепомянутое тогда нужно, когда потомки в нравах успевают, то есть благонравия виды издают и надежду являют, что некогда могут быть полезны, и как обидно бы было лишать благонравных потомков плода трудов их предков, так безрассудно б было потомкам всю надежду свою поставлять на одни те предков службы и затем самим унывать в лености и в других злонравиях.

Ст. 118, 119, 120. *Столбы сокрушатся* и проч. Не должно опираться на одни службы предков, понеже они не дают нам никакого права требовать себе новое награждение, пока сами своими нравами не заслужим того, чтоб те, кои награждать нас могут, вспомнили службы наших предков.

Ст. 121 по 125. *Светлой воды* и проч. Предки тебе трудами своими расчистили ключ воды чистой, сиречь дорогу к чинам, к богатству, к славе; вольно тебе пользоваться их трудом, но нельзя пользоваться, буде не станешь черпать чистою чашею, т. е. буде сам ты не очистишь себя от злонравия, буде не приложишь собственный труд.

Ст. 125. *Ты сам, праотцев твоих.* Смотри выше сего стих 32 по 46.

Ст. 126. *Пала она и делам и нраву.* Предки твои достали свою славу чрез свои нравы и чрез свои дела.

Ст. 133. *Потрись на оселку, друг* и проч. Ты сам признал, что предки твои достали свою славу трудами своими и своим добронравием. Потому рассмотри сам свои дела и потом суди, являешь ли ты в себе такой знак благородного рождения и правильны ли твои жалобы, что тебя забывают в углу, когда подлых, но добронравных в чины производят. Известно, что на оселку трут серебро и золото, чтоб вызнать тех руд доброту.

Ст. 135. *Пел петух* и проч. Сатирик начинает Евгениеву жизнь исследовать, чтоб ему доказать, что никакой заслуги и хвального нрава и знания в себе не имеет и что потому достоин быть забытым.

Ст. 136. *Тогда войско выводили.* Подражание десятого стиха VIII Ювеналовой сатиры:

...Si dormire incipis ortu
Luciferi, quo signa duces et castra movebant.

<...Если ты засыпаешь на утренней заре, когда вожди выводят войска и снимают лагерь.>

Ст. 142. *Пойло, что шлет Индия.* Кофе или шоколад. Лучший кофе приходит из Аравии, но и во всех Индиях тот овощ обилен. Всем уж у нас известно, что тот овощ, сжарив, смолов мелко и сваря в воде, вместо завтрака служит, и прихотливым — в забаву после обеда. *Шоколад* есть состав из ореха, *какао* называемый, который растет в Индиях Западных, из сахару и из ванили, другого пахучего овоща той же Индии. Тот состав варят в воде или молоке, и пока варится оный, часто болтают, чтоб пить горячий с пеною, и то пойло вместо завтрака принимается во всей почти Европе.

Ст. тот же. *Иль везут с Китая.* Сиречь чай. Всем известно же,

что лучший чай (пахучий и вкусный листок древа, так называемого) приходит из Китая и что, того листика вложив щебень в горячую воду, вода та становится, приложив кусок сахару, приятное пойло.

Ст. 145. *Женских достойную плеч.* Евгений спит до полудни и позднее, проснувся, тянется и нежится в постели, пока по завтраке начинает убирать свои волосы. Для того убору вскинет на плечи тонкую полотняную завеску, которая в то время обыкновенно вздевается, чтоб остеречь платье или рубашку от пудры, что на волосы сыплется.

Ст. 146. *Волос с волосом прибираешь к чину.* Завиваешь кудри и устраиваешь волосок к волоску с многим прилежанием, чтоб все лежали красиво и порядочно.

Ст. 147. *Часть над лоским лбом* и проч. Так щегольство разделяет волосы убранные — на три доли: часть обыкновенно над лбом, коротенько обрезав, гребнем торчит, часть свободно играет, завиты в колечки, и большая часть к темю, связав тесьмою, вкладывается в черный тафтяной мешок, который висит по спине.

Ст. 150. *Племя тебе подобных.* Такому искусному убору волос твоих дивятся люди, тебе подобные, которые всю свою славу в убранстве ставят. Умный человек презирает внешнюю и об одной внутренней украсе печется.

Ст. 151 и 152. *Ты сам, новый Нарцисс, жадно глотаешь очми себя.* Тебе подобные дивятся твоему убранству; да ты и сам, как Нарцисс, не можешь на себя наглядеться, жадно себя в зеркале своем смотришь и любуешься. *Нарцисс,* по баснословию древних, был сын реки Цефица и нимфы Лириопеи, столь красивый, что все в него влюбливалися. В жаркие летние дни приклонився он в колодезю напиться и увидел себя, и сам в себя влюбился, но, узнав, что сам собою свою похоть исполнить не может, с печали умер.

Ст. 153. *Пот с слуги валится.* Слуга, надевая тебе тесные башмаки, вспотел.

Ст. 154. *В две мозоли и тебе.* Тесные башмаки часто натирают мозоли; однако ж щеголь готов и тою болезнию купить красу оную, чтоб иметь маленьку ножку.

Ст. 155. *Избит пол, и под башмак.* Чтоб натянуть тесный башмак на ногу, нужно долго и сильно бить ногою в пол, и подмазывается тогда подошва башмака мелом, чтоб не скользить, и тем лучше опираться можно было.

Ст. 156. *Деревню взденешь.* Взденешь кафтан пребогатый, который стал тебе в целую деревню. Видали мы таких, которые деревни свои продавали, чтоб себе сшить уборный кафтан.

Ст. 157. *Не столько стало народ.* Стих, у Виргилия взятый в Енеиде, книге I:

Tantae molis erat Romanam condere gentem.

<Столь большого труда стоило положить начало римскому племени.>

Смотри там, какие были труды Енеевы, пока прибыл в Италию и поселил своих людей. Не меньши были труды его наследников в утверждении и распространении римской области.

Ст. 159. *Щегольства и моды. Мода* — слово французское.

Mode — значит *обыкновение* в платье и уборах, и самых нравов человеков. Крестьяне у нас называют *поверьем.*

Ст. 161. и проч. по 165. *Чтоб летам сходен был цвет* и проч. Щегольские правила требуют, чтоб красный цвет, а наипаче шипковый не употреблять тем, коим двадцать лет минули; чтоб не носить летом бархат или зимою тафту, или в городе зеленый кафтан, понеже зеленый цвет в поле только приличен.

Ст. 170. *Фалды должны тверды быть.* Когда сатира сия писана, обычай был, чтоб фалды торчали тверды, а не висели б по ногам, для того подшивали их ситою.

Ст. 171. *В пол-аршина глубоки.* Глубина фалда есть ширина его сгибы.

Ст. 172. *Согнув кафтан, не были б станом все покрыты.* То есть чтоб стан был короче, нежели расстояние меж клиньями и подолом кафтана.

Ст. 178. *И Рексу.* Рекс — портной. Смотри примечание о нем под стихом 26-м сатиры I.

Ст. 179. *В обед и на ужине.* Филарет, описав, каково Евгений проводит время пред обедом в чрезмеру излишнем попечении о уборе своего тела, уже вступает исследовать прочие его пороки. Пьянство первое встречается, ибо пьяным часто свеча в глазах двоится и пол кажется под ногами вертится.

Ст. 186. *Вздутым поднят пузырем.* Пока Евгений, пьючи и обжираяся, толпа льстецов выхваляют в нем для своей корысти то, чего в нем сами не находят; он им доверяет и, тем разгордев, чает, что прочие люди с ним применяться не могут. Известно, что младенцы подвязывают себе пузыри, чтоб способнее плавать в воде.

Ст. 188. *Оглянись, наместников.* Выше сего Евгений сказывал, что из его предков никто не был ниже думного боярина или наместника, и для того Филарет насмешкою называет его *чистым семенем царских наместников.*

Ст. 193. *То время.* В котором, сиречь, похлебники твои уже и в глаза тебе станут смеяться.

Ст. 194. *Пестрых пучки бумаг.* То есть карты, в которые всю жизнь свою играешь.

Ст. 196. *Деревня за скóтом.* Промотал ты уже не одну деревню, которую купил у тебя человек незнатный, кузнец, но человек умный, бережный, прилежный.

Ст. 200. *Приложился сильный жар.* Беспрестанную игру и невоздержность в похотях приуподобляет сатирик двум болезням: жару и поносу; в самом деле, злонравия суть душевные болезни.

Ст. 201. *Часто любишь опирать.* Любишь спочивать на белых грудях, любишь часто валяться с невоздержными женами.

Ст. 202. *В том.* Сиречь в костырстве и насыщении похоти.

Ст. 203. *Но те, что стенах твоей.* Сии речи Филаретовы относятся к стиху 41-му, где Евгений упоминал о сале своих палат. «Хвастаешь, — говорит ему Филарет, — старым родом, заслугами предков, а сам не только всякими злонравиями изобилуешь, но и всякого приличного знания и искусства лишаешься: в начале и читать не умеешь».

Ст. 205. *И помощь чужая нужнее, чтоб знать.* Буде читать Евгений не умеет, еще больше невеж в искусстве военных наук.

Ст. 206. *Черту, что, копая* и проч. Сиречь *шанцы*. Всем известно, что когда приступ чинится к городу, войско осаждающее, для безопаснейшего приближения к стенам, копает прямые рвы, в которые врывается, идучи, и кидая землю против стен, чтоб тою защищаться от городовой стрельбы.

Ст. 208. *Где стены часть одна помалу*. Где, сиречь, стена городовая разбита пулями, где подорвана подкопом.

Ст. 212. *Спомочник*. Вместо помочь.

Ст. 213. *Редким полкам*. Редким за падежем убитых в бою.

Ст. 213 и 214. *И где уж отмененны силы*. Обыкновенно неприятель, чрез всякие способы изведав состояние войска, против которого биться имеется, наступает с той стороны, где знает слабейшим; потому искусный воевода иногда благовременно пред самым боем отменяет расположение полков своих и тем прельщает надежду оплошного неприятеля, который, чая напасть на слабый полк, находит против себя цвет всего войска.

Ст. 215. *Много вышних требует*. Дворянству предлежат три рода службы: военная, судейская, придворная; во всех тех к исправлению должности своей, наипаче в вышних степенях, требуется много различных знаний и искусств. То самое Филарет начинает изъяснять Евгению; не должен, однако ж, читатель искать в забавных стишках подробное исследование всех тех знаний, на которое дело целые большие книги уже от искуснейших составлены.

Ст. 216 и 217. *И вход, и исходы, и место*. Искусный воевода пред боем прилежно исследует не только чем бой начать и как место занять удобнейшее, но как из бою выйти, наипаче ежели случится неудачлив, чтоб, по меньшей мере, оставших людей спасти. Расположение войска к бою должно быть главнейшее попечение воеводы, понеже обыкновенно от того зависит удача или несчастие битвы.

Ст. 218 и 219. *Лишной безопасности*. Множество примеров в историях находим, что лишная безопасность воевод была пагубна и самым победоносным войскам; для того нужно не спускать с глаз неприятеля, всегда за ним смотреть и изведывать о его намерении и поступках так чрез посыльных, как и чрез переметчиков. О славном последнего Цесаря воеводе принце Евгении Савойском примечено, что он ни денег, ни трудов в том не жалел и всегда от того великую пользу получал.

Ст. 221. *О обильности в своем таборе печется*. Без корму сила воинов ослабевает, и часто хлеба недостаток производит недовольство, жалобы и иногда крамолу; кроме ж того, воевода должен воинов почитать детьми своими, не допускать их лишаться потребного не к прохладному, но к нужному пропитанию; часто же недостаток припасов причиною бывает сдачи городов и войск целых.

Ст. 222 и 223. *Любовь ему предпочтется войска, чем*. Весьма нужно воеводе держать войско и подчиненных себе полководцев в некоем приличном к себе почтении и в страхе, чтобы лишное бесстрашие не привело их в своевольство; но не меньше должен заслужить себе их и любовь. Кто страшен только, а не любим, тот подлинно уж ненавидим, и воинов сердца под таким воеводою не только унывают, но иногда в действе нарочно они славу свою презирают, чтоб могли воеводскую ущербить.

Ст. 224. *Отцом невинный народ.* Война производится против вооруженного неприятеля, потому всякое озлобление безоружного невинного народа, каковы суть в селах крестьяне, мещане в городах, не согласуется правам военным и человеколюбию противно. Многие воеводы такой народ утесняют, грабят, мучат, чтоб их бедными пожитками обогатиться. Те воеводы о благе отечества своего не пекутся, ибо известно, что охранение народов их сердца всего легче к победителю склоняет. Скорее завоюет землею тот, кто с жительми ласково поступает, чем тот, кто рубит и жжет без разбору и без милости: суровость не обыкла производить верных подданных.

Ст. 235. *Как тебе вверить корабль?* Следует уже рассуждение о должностях мореплавцев и морских воевод.

Ст. 237. *Гладких испугался ты вод.* Гладких вод, то есть тихой воды, каково в пруде в безветренное время.

Ст. 239. *Медное сердце.* Жестокое, отважное, несломимое сердце против всякого страху. Хотя и сухопутная военная служба трудов и бедства исполнена, однако ж много больше — морская, понеже на сухом пути воюем с одним неприятелем, на море — с неприятелем, с ветрами, с водою. Смерть со всех сторон обстоит, и толстота доски корабельной одна от нее мореплавцев отделяет.

Ст. 240. *Одна отделяет от нея доска.* Подражание следующих Ювеналовых стихов сатиры его XII:

I nunc, et ventis animam committe, dolato
Confisus ligno, digitis a morte remotus
Quatuor, aut septem, si sit latissima taeda.

<Ступай теперь и вверь свою душу ветрам, положившись на оструганную доску, удаленный от смерти только на четыре пальца или на семь, если доска слишком толста.>

Ст. 242. *Твоя душа требует грань с нею.* Мореплавцы на четыре пальца только от смерти отстоят — твоя трусливая душа требует гораздо большее от смерти расстояние.

Ст. 247. *С самого укрепленных детства.* Труды морской службы столь велики, что в самом деле должно с самого младенчества к ним обыкать, чтоб могли казаться сносны. Между прочим, известно, что движением корабельным сердце мутится у тех, кои измолода к тому движению не приобыкли.

Ст. 252. *Лучами своими* и проч. по стих 255. Для учреждения корабельного пути в море ум человеческий, между прочим, два способа изобрел: наблюдение светил небесных и компас. Тем познавает место, где корабль находится; сим — в которой стороне лежит восток, запад, юг и север. *Компас* есть ящичек, в котором в средине втвержена спичка медная, а на ней поставлена иголка железная, на камень магнит потертая таким образом, что на спичке та игла свободно лежать и оборачиваться может. Магнит такую силу в себе имеет, что той иглы один конец направляет всегда к северу, другой — к полдню.

Ст. 260. *Час ужасный.* Время ужасное мореплавания в бурях и опасных местах.

Ст. 261. *Над ним занять ветр способный.* Немалой важности в корабельном бою забраться под ветр таким образом, чтоб с нашего корабля дул на неприятельский.

Ст. 265. *Трубка и компас.* Трубка зрительная, которою наблюдаются звезды и прочие светила небесные. Много еще и других астрономических орудий употребляется на море, которые в одной трубке стихотворец включает. О компасе смотри выше примечание под стихом 252.

Ст. 266. *За красным судить сукном.* Стихотворец начинает исследовать должности судей и правителей гражданских.

Ст. 268. *И речиста деньга.* Деньги всякого довода сильнее при лакомых судьях, для того *речистою* названы; сильны они к всему склонить, к всему уговорить своего любителя.

Ст. 283. *Указы Петровы.* Указы должно разуметь и уставы императора Петра Великого, от которых народ получил столькую пользу. Известно, что его величество почти собственными трудами издал военный морской и сухопутный устав; гражданский старый, под титлом «Уложения», пополнил многими мудрыми указами; составил регламент церковный, по которому Синод церковные дела правит.

Ст. 290. *Что махнул рукою вместо правой — левою.* За малейшую вину, каково есть махнуть одною рукою вместо другой, буде то виною назвать можно, бьешь до крови слугу. Весьма обличения достойна такая суровость господ к служителям. Должно бы и к виновным поступать с милостью, и, сколько можно, отдаляться побоев; а когда и нужда настанет к наказанию, наказывать беззлобно и в одном намерении, чтоб наказуемого исправить и его примером других от злочинства удержать, а не для насыщения склонности своей к озлоблению человека, который обороны против нас не имеет.

Ст. 299. *Арапского языка.* Судья должен не только быть украшен различными добродетельми, и наипаче соболезнованием, но знать исправно естественные правы, наш гражданский устав и все указы и уставы Петра Великого. Ты над бедным и больше над слугою своим оказываешь свое бесчеловечие, деньги свои истощая беспутно; подлинно, к деньгам ты лаком, а в знаниях, приличных судейскому чину, столько невежда, что и самые речи *право, закон* кажутся тебе речми арапского языка, дикими русскому уху.

Ст. 301. *Если в те чины не гож.* Филарет столь сильно доказал Евгению его недостатки и пороки, для которых никаким образом требовать бы не должен, чтоб произведен был в морские или сухопутные воеводы, или в судьи и губернаторы, что Евгению ответствовать ничего не оставил. Предвидит, однако ж, что может представить, что придворная служба таких искусств и знаний не требует и что потому обижают его, Евгения, когда ему подобных, каков, наприклад, Клит (вымышленное лицо), производят в камергеры, а он еще забыт остается. Для того Филарет принимается изъяснить, что и придворному человеку нужно не меньше свойств добрых и искусства. В самом деле, плохо те судят, кои чают, что одно дворянское имя и богатство довольны тому, кто в дворе жить уставил; бедства и там предлежат, которых миновать не мало благорассудства требуется; не без труда — достать себе там высших милость, равных любовь, подчиненных почтение.

Ст. 302. *Ключ золотой.* Камергеры носят такой ключ в знак своего чина. Одним камергерским чином сатирик разумеет всякое придворное достоинство.

Ст. 304. *Из нашего круга.* Нам подобного.

Ст. 305. *Клита в постели* и проч. Ты дивишься, что Клит добился в такой чин, какой ты достать не можешь; но посмотри, какая разница меж ним и тобою. Ты ленив, тянешься весь день в постели или в забавах и похотей насыщении время провожаешь; он прежде зари ходит к сильным людям на поклон, кланяется всякому и самим слугам и проч.; к тому ж молчалив, таит свои намерения, всякому льстит и проч., и, сверх всего, Клит счастлив, а не должно счастливых себе брать в образец.

Ст. 306. *В крестовой.* У знатных, у сильных людей в крестовой.

Ст. 309. *Слова точно мерит.* Умеряет свои слова по времени и по лицу, с кем говорит.

Ст. 310. *Никому почти он не верит.* Всегда осторожен против наветов; не всякому доверяет; легковерный скоро в обман пасть может.

Ст. 311. *Новых людей.* Людей, которые из незнати в силу и великие степени пришли.

Ст. 314. *Идучи упрямо в цель.* Клит не спит, томится в передних, кланяется, ласкает, трудов своих не жалеет для исполнения своего желания; упрямо о том одном домогается, что получить желает, ничего его отвратить от своего намерения не сильно. Такой терпеливости люди редко бывают неудачливы.

Ст. 315. *Иных свойств не требует.* Счастливому без всякого труда все удается: глуп ли, ленив ли, лишен ли всякого знания и достоинства — счастье все те недостатки награждает.

Ст. 316. *А у Клита без того.* Ежели кто особливого счастья ласку не заслужил, тот должен иметь искусства и знания некие, желая жить в дворе царском. У Клита нечто занять он должен, сиречь не всем его поступкам подражать, но некоим приличнейшим, которые ниже сего изъяснены будут.

Ст. 318. *Чтоб крылья, к солнцу подшед.* Дедал, афинеец, изобретатель многих дивных механических орудий, заключен быв с сыном своим, Икаром, в лабиринте острова Критского, приделал себе и сыну крылья из перьев и воску и теми оттуду вылетел; но Икар излишно высоко поднялся, жар солнечный растопил воск его крыл, и пал он в море Егейское, которое потому назвалося Икарским. К сей басне относятся слова сатириковы, приуподобляя государя солнцу. Придворные ему близки весьма и потому стеречись должны, чтоб, излишно, как Икар, подымался, не растопились их крылья и не встретили свою гибель.

Ст. 319. *Короткий язык.* Должно у Клита занять короткий язык, сиречь умеренность в словах, и лицо, которое бы свободно могло и печальным и радостным казаться, применяяся по лицу тех, с коими находимся. Такое беззлобное притворство нравоучители добродетелью почитают, под именем Simulatio и Dissimulatio.

Ст. 322. *Честнее будет он друг.* Клит всем друг является, всякому льстит; не худо и в том ему подражать; но гораздо лучше являться и самым делом быть другом всякому.

Ст. 326. *Но и кто правду молчит. Правда глаза колет,* по посло-

вице; потому часто прилично правду молчать, но, однако ж, не таким образом, чтоб ее укрывать ложью, сиречь можно не объявлять правду, но отлыгаться не должно.

Ст. 331. *Ползать не советую.* Не советую подражать Клиту в снискании себе милости высших или дружбы равных всякими подлыми поступками, но весьма не хвалю быть спесивым; должно и в том держаться середки, сиречь быть смирным, учтивым, услужным.

Ст. 332. *Искать опасаюсь.* Всех показанных нужных придворному свойств в тебе искать опасаюсь, для того что знаю, что их в тебе не найду и, следовательно, тебя в большую образу приведу.

Ст. 337. *Пороки, кои теперь.* Пороки, недостатки, невежество и злонравие твое, которые теперь таятся в твоей незнатности, всему свету откроются, когда ты произойдешь в высокий чин, понеже весь народ на людей высоких степеней зоркие глаза наводит.

Ст. 339. *Не побледнев всходит.* Сиречь *без страху всходит,* понеже бледность обыкновенно знак боязни.

Ст. 356. *Полезен всем быть начинает.* Добрый человек в партикулярном состоянии не многим полезен быть может, если же произведен бывает в знатное достоинство, редко кто доброту его не искусит.

Ст. 357. *В Дамоне, в Трифоне и Туллие.* Смотри примечание в сей сатире под стихом 16-м.

Ст. 360. *Слава наша с трудов их.* То есть слава наша от их трудов несколько возросла; нечто они своими трудами помогли к возвращению славы нашего отечества.

Ст. 361. *В царство Ольгино.* Смотри примечание под стихом 32-м и 38-м («Синопсис истор. русской», лист 44).

Ст. 366. *Когда Русь греки крестить стали.* Российский народ в христианскую веру начал приходить в царство Ольгино, лета Христова 855.

Ст. 371 и 372. *Одно с двух чадо его сад копал, другой пас блеющe стадо.* Каин, Адамов сын, был земледетель, а Авель — пастух, так об них говорит Моисей: «И бысть Авель пастырь овец, Каин же бе делая землю» (*Бытия* глава...) *Блеющее стадо.* Стадо овец, ибо овцы блеют.

Ст. 376. *Оставя дудку, соху.* Оставя пастушество и земледельство; дудку обыкновенно пастухи употребляют, а соха есть земледельное орудие.

САТИРА III
О РАЗЛИЧИИ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
К АРХИЕПИСКОПУ НОВГОРОДСКОМУ

Дивный первосвященник, которому сила
Высшей мудрости свои тайны все открыла
И все твари, что мир сей от век наполняют,
Показала, изъяснив, отчего бывают,
Феофан, которому все то далось знати,
Здрава человека ум что может поняти!
Скажи мне (можешь бо ты!): всем всякого рода
Людям, давши тело то ж и в нем дух, природа —
Она ли им разные наделила страсти,
Которые одолеть уже не в их власти,
Иль другой ключ тому ручью искать нужно?
На Хрисиппа первый взгляд вскинь, буде досужно:
Хрисипп, хоть грязь по уши, хоть небо блистает
Огнями и реки льет, Москву обегáет
Днем трожды из краю в край; с торгу всех позднее,
Вчерашний часто обед кончает скорее,
Чем в приходский праздник поп отпоет молебен.
Сон, отрада твари всей, ему не потребен,
По вся утра тороплив, не только с постели,
Но выходит из двора — петухи не пели.
Когда в чем барыш достать надежда какая,
И саму жизнь не щадит. Недавно с Китая,
С край света прибыв, тотчас в другой уж край света
Сбирается, несмотря ни на свои лета,
Ни на злобу воздуха в осеннюю пору;
Презирает вод морских то бездну, то гору;

Сед, беззуб и весь уж дряхл на корабль садится,
Не себя как уберечь, но товар, крушится.
Торгует ли что Хрисипп — больше проливает
Слез, больше поклон кладет, чем денег считает.
Когда продает — божбы дешевле товару;
И хоть Москву всю сходить — другого под пару
Не сыщешь, кто б в четверти искусней осьмушку,
У аршина умерял вершок, в ведре — кружку.
Весь вечер Хрисипп без свеч, зиму всю колеет,
Жалея дров; без слуги обойтись умеет
Часто в доме; носит две рубашку недели,
А простыни и совсем гниют на постели.
Один кафтан, и на нем уж ворса избита
Нить голу оставила, и та уж пробита;
А кушанье подано коли на двух блюдах,
Кричит: «Куды мотовство завелося в людях!»
За пищу, думал бы ты, Хрисипп суетится,
Собирая, чем бы жить; что за ним тащится
Дряхла жена и детей куча малолетных,
Что те суть его трудов причина приметных.
Да не то, уж сундуки мешков не вмещают,
И в них уж заржавенны почти истлевают
Деньги; а всей у него родни за душою —
Один лишь внук, да и тот гораздо собою
Не убог, деда хотя убожее вдвое.
Скупость, скупость Хрисиппа мучит, не иное;
И прячет он и копит денежные тучи,
Думая, что из большой приятно брать кучи.
Но если из малой я своей получаю
Сколько нужно, для чего большую, не знаю,
Предпочитает? Тому подобен, мне мнится,
Хрисипп, кто за чашею одною тащится
Воды на пространную реку, хотя может
В ручейке чисту достать. Что ему поможет
Излишность, когда река, берег под ногами
Подмыв, с ними и его покроет струями.
Клеарх сребролюбия и тени боится,
Весь, от головы до пят, в золоте он снится;
Дом огромный в городе, дом и за Москвою,
Оба тщивости самой убраны рукою;
Стол пространный, весь прибор царскому подобен,
Чрез толпу слуг, золотом облитых, удобен

сатіра

Лишняго не льбви онъ д'мешинъ дене злону.
О глады до пя дсьо дъ не богато сіяетъ,
Столь пробранный, весь прибо д' золотъ блистае,
Домъ пышно весь убраный, питье дорогое:
Думалъ бы что Крезу онъ; нъ, дсьо то чуждое
Не столко о получи себъ дъ го доходу,
Столко дъ карта денегъ, броси на бы в' воду,
А что дъ домъ, что на не, та вся долго пахну,
Иногда смирье онъ, заимодавцы тахнутъ
Дамонъ неступъ, и нечи, д' роспаши умъре;
Спаза ничего нелзя, на танх не дъренъ.
Ванъ иногда ново віно вложенное дъ судно
Кипи, шипи, пънися, держа его трудно;
Дуе доски, обручи рве, и мъръ не зная,
Выбье втулку, свиръпо ума дытеная:

Дамон [illegible] и [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Кресуса богатство [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Пока Дамон [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

К нему доступ и певцам, и сводникам гнусным,
И б. . . .м, и всех страстей затеям искусным,
Которых он полною горстью осыпает.
Новы к сластолюбию тропы прочищает
Бесперечь, о том одном ночь, день суетится.
Крезуса богатее быть кому возмнится,
Хотя доходы его моих не пошире
И с трудом стают ему дни лишь на четыре;
Прочее в долг набрано обманом, слезами,
Клятвами и всякими подлыми делами.
Растет долг, и к росту рост на всяк день копится,
Пока Клеарх наш весь гол в тюрьме очутится,
Заимодавцам своим оставя в награду
Скучну надежду, суму, слезы и досаду.
Два-три плутца в пагубе многих разжирели,
Что и белок и желток высосать умели.
С зарею вставши, Менандр везде побывает,
Развесит уши везде, везде примечает,
Что в домех, что в улице, в дворе и в приказе
Говорят и делают. О всяком указе,
Что вновь выдет, о всякой перемене чина
Он известен прежде всех, что всему причина,
Как «Отче наш», — наизуст. Три дни брюху дани
Лучше не даст, чем не знать, что привез с Гиляни
Вчерась прибывший гонец, где кто с кем подрался,
Сватается кто на ком, где кто проигрался,
Кто за кем волочится, кто выехал, въехал,
У кого родился сын, кто на тот свет съехал.
О, когда б дворяне так наши свои знали
Дела, как чужие он! не столько б их крали
Дворецкий с приказчиком, и жирнее б жили,
И должников за собой толпу б не водили.
Когда же Менандр новизн наберет нескудно,
Недавно то влитое ново вино в судно
Кипит, шипит, обруч рвет, доски подувая,
Выбьет втулку, свирепо устьми вытекая.
Встретит ли тебя — тотчас в уши вестей с двести
Насвищет, и слышал те из верных рук вести,
И тебе с любви своей оны сообщает,
Прося держать про себя. Составить он знает
Мнению окружности своему прилично;
Редко двум ту ж ведомость скажет однолично,

И веру сам наконец подаст своей бредни,
Ежели прийдет к нему из знатной передни.
Сказав, тебя как судья бежит осторожный
Просителя, у кого карман уж порожный,
Имея многим еще в городе наскучить.
Искусен и без вестей голову распучить
Тебе Лонгин. Стерегись, стерегись соседом
Лонгина, не завтракав, иметь за обедом.
От жены, детей своих долгое посольство
Отправит тебе, потом свое недовольство
Явит, что ты у него давно не бываешь,
Хоть больну быть новыми зубами дочь знаешь:
Четвертый уже зубок в деснах показался,
Ночь всю и день плачется; жар вчера унялся.
Другую замуж дает, жених знатен родом,
Богат, красив и жены старее лишь годом.
Приданое дочерне опишет подробно,
Прочтет рядную всю сплошь, и всяку особно
Истолкует в ней статью. Сын меньшой, недавно
Начав азбуку, теперь чтет склады исправно.
В деревне своей копать начал он пруд новый,
Тому тотчас, иль чертеж с кармана готовый
Вытаща, под нос тебе рассмотреть положит,
Иль на ту стать ножики и вилки разложит.
Сочтет, сколько в ней земли, что́ берет оброку,
К какому всяк у него спеет овощ сроку,
И владельцев всех ее друг за другом точно
От потопа самого, и как она прочно
Из руки в руку к нему дошла с приговору
Судей, положа конец долгу с дядей спору.
Милует же тебя бог, буде он осаду
Азовску еще к тому же не прилепит сряду;
Редко минует ее, и день нужен целый —
Выслушать всю повесть ту. Полководец зрелый,
Много он там почудил, всегда готов к делу,
Всегда пагубен врагу. Тут-то уж без мелу,
Без верви кроить обык, без аршина враки;
Правды где-где крошечны увидишь ты знаки.
Да где все то мне списать, что он в стол наскажет!
Не столько зерн, что в снопах мужик в день навяжет,

Не столько купец божбы учинит в продаже
Товаров чрез целый год, и не столько в краже
Раз пойман, давши судье целовальник плату,
Очистит себя и всю казенну утрату.
Весь в пене, в поту, унять уст своих не знает,
Не смеет плюнуть, сморкнуть. Тогда же он чает,
Что весь — ухо, языка во рту не имеешь;
Говорить тебе не даст, хоть даст — не успеешь.
    Варлам смирен, молчалив; как в палату войдет —
Всем низко поклонится, к всякому подойдет;
В угол свернувшись потóм, глаза в землю втупит;
Чуть слыхать, что говорит; чуть — как ходит,
                                                                ступит.
Бесперечь четки в руках, на всякое слово
Страшное имя Христа в устах тех готово.
Молебны петь и свечи класть склонен без меру,
Умильно десятью в час выхваляет веру
Тех, кои церковную славу расширили
И великолепен храм божий учинили;
Души-де их подлинно будут наслаждаться
Вечных благ. Слово к чему, можешь догадаться:
О доходах говорить церковных склоняет;
Кто дал, чем жиреет он, того похваляет,
Другое всяко не столь дело годно богу;
Тем одним легку сыскать можем в рай дорогу.
Когда в гостях, за столом — и мясо противно,
И вина не хочет пить; да то и не дивно:
Дома съел целый каплун, и на жир и сало
Бутылки венгерского с нуждой запить стало.
Жалки ему в похотях погибшие люди,
Но жадно пялит с-под лба глаз на круглы груди,
И жене бы я своей заказал с ним знаться.
Бесперечь советует гнева удаляться
И досады забывать, но ищет в прах стерти
Тайно недруга, не даст покой и по смерти;
И себя льстя, бедный, мнит: так как человеки,
Всевидцы легко прельщать бога вышня веки.
    Фока утро все торчит у знатных в передней,
И гнет шею, и дарит, и как бы последней
Слуг низится лишь затем, чтоб чрез свою службу
Неусыпную достать себе знатных дружбу
И народ бы говорил: вишь, как почитают

Господа Фоку, — шепчут с ним, с собой сажают.
Застроил огромный дом, который оставит
Детей его по миру; даром тот доставит
Ему имя тщивого при позднем потомстве.
С родословными писцы, с творцами в знакомстве,
Сыплет он их деньгами, чтоб те лишь писали
В славу его. Кто сочтет, во что ему стали
Тетради, что под его именем недавно
Изданы? Услышав он, что гораздо славно
Ранами военными иметь полно тело, —
Нос разбить и грудь себе расчертить снес смело.
Так шалеет, чтоб достать в жизнь и по смерть
славы,
Когда к ней одни ведут лишь добрые нравы.
Гликон ничего в других хвально не находит:
Приятен ли кто во всем, святу ль жизнь кто водит,
Учен ли кто, своему в красу цветет роду,
Дал ли кто власть над огнем, иль укрощать воду,
Одолел ли кто враги сильны и отважны,
К пользе ли кто общества ввел законы важны —
Все то ничто. О себе Гликон уж противно
Рассуждает: всякое слово его дивно,
Все поступки — образцы. Что в ум ему вспало,
Не оспоришь вовеки; дивится немало,
Что главно правление всего государства
Царь давно не дал ему во знак благодарства.
В ум свой не может вместить, что не все вздыхают
Девицы по нем, любви кои сладость знают.
Собою наполнен весь, себя лишь чтить смыслит,
По своим годам почин счастья людей числит,
Чая, что смысленна тварь глаз, ухо имеет
Для того, чтоб дивиться тому, что он деет,
И слушать, что говорит; а то бы и дела
Не осталось нашего тем двум частям тела.
Клитес, отважней чернцов сует мирских бремя
Презирая, все живет беспечален время.
Глаза красны, весь распух, из уст как с захода
Вонь несет; доходы все не стают в полгода.
Когда примется за что — дрожат руки, ноги,
Как под брюхатым дьяком однокольны дроги.
Нищ, дряхл, презрен, лучшему счастью не завидит,
Когда полну скляницу в руках своих видит;

И сколь подобен скоту больше становится
Бессмысленну, столько он больше веселится.
В палату вшедши Иркан, где много народу,
Распихнет всех, как корабль плывущ сечет воду,
И хоть бы знал, что много злата с плеч убудет,
Нужно продраться вперед, взадь стоять не будет.
Садится ли где за стол — то то, то другое
Блюдо пред собой подать велит, снять иное;
Приходят из его рук с здоровьями кубки;
Зависеть от его слов всех должны поступки.
Распялив грудь, бровь подняв, когда знак ти оком
Подаст за низкий поклон, — в почтеньи глубоком
Имеет тя, ибо с кем проговорить слово
Удается не всегда, не всегда готово.
Мнит он, что вещество то, что плоть ему дало,
Было не такое же, но нечто сияло
Пред прочими; и была та фарфорна глина —
С чего он, а с чего мы — навозная тина.
Созим, смотря на него, злобно скалит зубы,
И шепчут мне на ухо ядовиты губы:
«Гораздо б приличнее Иркан протомою
Помнил бабушку свою и деда с сумою,
Умеряя по семье строй свой и походку.
Гораздо б приличнее зашил себе глотку,
Чтоб хотя один глупец обмануться станом
Его мог, а не весь свет окрестил болваном».
Созим дело говорит, но Иркану б мочно
Дружеский подать совет, чем ему заочно
Насмеваться без плода; но о всех так судит
Строго Созим: «Чистую удачливо удит
Золотом мягкий Силван супругу соседа;
У Прокопа голоден вышел из обеда;
Настя румяна, бела своими трудами,
Красота ея в ларце лежит за ключами;
Клементий, судья, собой взяться не умеет
Ни за что и без очков дьяка честь не смеет».
Ни возраст, ни чин, ни друг, ни сам ближний кровный
Язык Созимов унять не может злословный.
Я несчастливым тот день себе быть считаю,
Когда мне случится с ним сойтись, ибо знаю,

Что как скоро с глаз его сойду — уж готово
Столь злобное ж обо мне будет ему слово.
Сообществу язва он; но больше ужасен
Трофим с сладким языком, и больше опасен.
Может в умных клевета пороки заставить
Нечувствительны пред тем полезно исправить;
Трофим, надсажаясь, все хвалит без разбору, —
Прирастет число глупцов. Веру даем скору
Похвалам мы о себе, и, в сердце вскользая,
Истребят до корени, буде в нем какая
Крылась к добродетели ревность многотрудна.
Самолюбием душа ни одна не скудна,
И одним свидетелем совершенно чаем
Хвальными себя, затем в пути унываем.
Не успев Тит растворить уст, Трофим дивится
Искусной речи его; прилежно трудится
И сам слушать, и других слушать принуждает,
Боясь чихнуть иль дохнуть, пока речь скончает,
Котору мне выслушать нельзя, не зевая.
У Тита на ужине, пальцы полизая,
Небесным всякий зовет кусок, хоть противен
Ему гадит. Нигде он не видал столь дивен
Чин и столько чистоту. Все у Тита чудно
В доме, и сам дом почéсть раем уж нетрудно.
Если б Титова жена Парису знакома
Была, — Менелаева пряла б пряжу дома.
Все до облак Титовы дела возвышает,
Тит и нос сморкнуть кривой весьма умно знает.
И не отличен ему Тит один, но равно
Всякому льстит. Все ему чудно и преславно,
И мнит, что тем способом любим всем бывает.
В с. . . . . .м горшке, в столчаке твоем он признает
Дух искусный и без стыда подтверждать то станет.
Невий бос и без порток из постели встанет
Пятью и десятью в ночь, осмотрит прилежно,
Заперты ли окна все и двери надежно,
На месте ль лежит ларец, и сундук, и ящик.
Сотью шлет в деревню он изведать, приказчик
Не крадет ли за очми; за дворецким ходит
Сам тайно в ряд; за собой слуг своих не водит,
Чтоб, где берет, где кладет он деньги, не знали.
Котел соседу ссудил — тотчас думы вспали,

Что слуга уйдет с котлом; тотчас шлет другого
По пятам за ним смотреть; и спустя немного
Пришло в ум, что сам сосед в котле отпереться
Может, — воротить слугу третий уже шлется.
Вскинет ли глаз на кого жена ненарочно,
Невий чает, что тому уж ожидать мочно
Все от жены, и затем душу свою мучит:
Детей мать долги копить потаенно учит;
Друг шепчет ли что с другим — Невию наветы
Строят иль смеются те. Меряет ответы
Долго на всякий вопрос, боя́ся обмана
Во всем. Подозрителен весь свет, и изъяна
Везде опасается. В таком непрестанно
Беспокойстве жизнь свою нудит окаянно.
Я б на таком не хотел принять договоре
Ни самый царский престол: скучил бы мне вскоре
И царский престол. Суму предпочту в покое
И бедство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревоге, волнению ума непрестанну,
Хоть бы в богатство вели, в славу несказанну;
Часто быть обманутым предпочту, конечно,
Нежли недоверием мучить себя вечно.
Не меньше мучит себя Зоил наш угрюмый:
Что ни видит у кого — то новые думы,
Нова печаль, и не спит бедный целы ночи.
Намедни закинув он завистные очи
В соседний двор и видя, что домишко строит,
Который, хоть дорого ценить, ста не стоит
Рублей, побледнел весь вдруг и, в себе не волен,
Горячкою заболев, по сю пору болен.
У бедного воина, что с двадцать лет служит,
Ощупав в кармане рубль, еще теперь тужит.
Удалось ли кому в чин неважный добиться,
Хвалят ли кого — ворчит и злобно дивится
Слепому суду людей, что свойства столь плохи
Высоко ценит. В чужих руках хлеба крохи
Большим ломтем кажутся. Суму у убогих,
Бороду у чернеца завидит, и в многих
Случаях... да не пора ль, муза моя, губы
Прижав, кончить нашу речь? Сколь наши ни любы
Нам речи, меру в них знать здравый смысл нас учит;

Всякому лишно долга речь уху наскучит.
И должно помнить тебе, с кем мне идет слово.
Феофана чаешь ли не иметь иного
Дела, разве выспаться, досыта покушать
И, поджав руки, весь день стихи мои слушать?
Пастырь прилежный своем о стаде радеет
Недремно; спасения семя часто сеет
И растить примером он так, как словом, тщится.
Главный и церкви всея правитель садится
Не напрасно под царем. Церковныя славы
Пристойно защитник он, изнуренны нравы
Исправляет пастырей и хвальный чин вводит.
Воля нам всевышнего ясна уж исходит
Из его уст и ведет в истинну дорогу.
Неусыпно черпает в источниках многу
Чистых мудрость: потекут оттуду приличны
Нам струи. Труды его без конца различны.
    Знает же лучше тебя, сколь мыслью и делы
Разнит мир; жизни к тому тесны суть пределы
Списать то, что всякому любить на ум вспало.
Людей много, и страстей, ей, в людях немало:
Кастор любит лошадей, а брат его — рати,
Подьячий же силится и с голого драти.
Сколько глав — столько охот и мыслей различных;
Моя есть — стихи писать против неприличных
Действ и слов; кто же мои (и я не без пятен)
Исправит — тот честен мне будет и приятен.

ПРИМЕЧАНИЯ

В начале примечаний на первую сатиру изъяснено, каким образом оная и ея сочинитель от Феофана Прокоповича, архиепископа новгородского, приняты и похвалены. Оный его преосвященства поступок был поводом настоящей сатиры, которую стихотворец сочинил в 1730 году нарочно, чтоб в ней собрать приличные тому архипастырю похвалы, и ему же в знак своего благодарства ее приписать. Послана она к нему с следующими стихами (писаны в Москве 1730, августа месяца) < Стихи эти см. на стр. 262 настоящего издания. >

Содержание сатиры сей есть вопрос к вышепомянутому архиепископу, которым требуется от него знать: *для чего в людях, подобных телом и душою, столь различные находятся страсти?* И по сей причине описываются разные нравы людей под вымышленными именами Хрисиппа, Клеарха, Менандра и проч.

Ст. 2. *Высшей мудрости.* Небесной, божественной мудрости.

Ст. 5. *Феофан.* Феофан Прокопович, архиепископ новгородский, родился в Киеве лета 1681, июня 9-го, от родителей граждан того города. В крещении назван Елисеем. Маловозрастен родителей лишился; дядя его, ректор киевских училищ, принял его в свою опеку и обучил его латинских и русских письмен. В 1692-м дядя скончался. Феофан продолжал обучение свое в училище киевском, и прошел стихотворство, витийство и философию. В 1698 году, по обычаю учеников киевских школ, ездил в Польшу и оттуда, под именем униата, чрез Германию отъехал в Рим. Тамо обучился итальянскому языку и по трилетном пребывании возвратился в Киев. Тогдашний митрополит Ясинский принял его благосклонно и, причетши его к монашескому чину под именем Феофана, поставил его учителем стихотворства. В 1706-м, уже Феофан повышен будучи в степени префекта училищ и учителя философии, император Петр Великий прибыл в Киев. Чрез учиненное тогда его императорскому величеству поздравительное слово и другое потом, в 1709-м, после Полтавской победы, вызван быв, император повелел ему за собою следовать в начатой против турков войне в 1711 году, в котором походе отправлял должность проповедника; по возвращении с похода учинен игуменом киевского Братского монастыря.

В 1715-м император Петр Великий, по отрешении патриаршеского достоинства, желая исправить порядок и исправление чинов церковных, призвал Феофана в Москву и епископом псковским поставил. Тогда уже Феофан весь труд свой приложил в изыскании способов к произведению помянутого монаршего намерения. Те труды, под насмотрением его императорского величества, напоследок произвели «Регламент духовный», которым в России правительствующий Синод уставлен и хвальные законы к правлению церковных дел уложены. Между прочими членами Синода вице-президентом назначен.

В 1725-м от императрицы Екатерины епископом новгородским пожалован.

В 1728-м императора Петра Второго царским венцом венчал и миропомазал, как и императрицу Анну в 1730-м.

В 1736-м старая его каменная болезнь приумножившися, оною напоследок скончался 8 сентября. С самого 1720 году завел в доме своем школу для 60 дитят, о которых воспитании и обучении крайнее прилежание имел, учредив из своих собственных доходов все потребные на то иждивения и книгохранительницу, состоящую в 4000 книгах.

Феофан Прокопович четырем сряду государям любим и в почтении был: Петру Великому, императрице Екатерине, Петру Второму, императрице Анне. Между церковными не было его ученейшего, и в народе таким почитан. Кроме великого числа поучений, которые он говорил от большой части в присутствии монархов и к общему наслаждению слушателей, трудов его, в печать изданных, мне известны:

1. *Первое учение отроком.* Катехисм православныя веры, который на многие чужестранные языки печатан, переведен и в европейских разных школах читается, в 1714.

2. *Право воли монаршей,* в которой доказывает, что от монаршей власти зависеть должно определение наследника к престолу, в 1718.

3. *Толкование о блаженствах.* Нравоучительная книга, многого у ученых почтения, в 1722.

4. *Исследование о крещении,* в которой исследуется: равной ли силы обливание и погружение в крещении, в 1724.

5. *Исследование, в какой силе императоры римские назывались понтифексами.* Книжка, в которой показывает издатель свое многое знание в древней и новой римской истории.

6. *Слезы Российские,* то есть описание болезни и смерти Петра Великого. Первоначальное на русском языке, с которого сочинитель сам перевод издал на латинском, в 1725.

Ст. 8. *Тело то ж и в нем дух.* Сиречь подобное тело и в нем подобную душу.

Ст. 11. *Или другой ключ.* Природа ли различные страсти людям разделила, или тому страстей различию другое какое начало, другую какую причину искать должно.

Ст. 12. *На Хрисиппа. Хрисипп* — вымышленное имя, как и следующие во всей сатире.

Ст. 15. *С торгу всех позднее.* То есть *выходит;* часто так глаголы в простом разговоре оставляются, как, например: *Я лишь на двор, а он с двора долой;* вместо: *Я лишь въехал на двор, а он съехал с двора.* Впрочем, отсюда видно, что Хрисипп торговый человек, посадский мужик, понеже с торгу всех позднее выходит.

Ст. 16. *Вчерашний часто обед.* Обед, составленный из остатков вчерашнего обеда.

Ст. 17. *Чем в приходский праздник поп отпоет молебен.* Приходским праздником называем день святого, которого имени церковь прихода посвящена. Богочтительные прихожане, особливо в такие дни, молебные пения приносить обыкли, и, понеже многим числом живут, попы с необъятною скоростию оные отправляют.

Ст. 22. *С Китая.* Китай, по-европейски *Хина,* La Chine, — великое и богатое государство, российскому смежное и царству Сибирскому.

Ст. 25. *На злобу воздуха.* Вместо *на злой воздух,* на худое время.

Ст. 26. *Вод морских то бездну, то гору.* Движение вод морских во время бурное таково, что не инако тогда плывущим море кажется, разве как нечто, из превысоких гор и глубоких бездн составленное.

Ст. 30. *Поклон кладет.* Поклон вместо *поклонов* чрез сокращение.

Ст. 33 и 34. *В четверти искусней.* Четверть есть мера хлебная, в которой четыре осьмушки; в аршине 16 вершков; в ведре восемь кружек.

Ст. 36. *Без слуги обойтись умеет.* Часто слуги не имеет, чтоб спасть деньги, которые на содержание его нужны, сам себе служит.

Ст. 41. *А кушанье подано.* Свойственным порядком так бы слова лежали: *а кушанье коли подано на двух блюдах, кричит* и пр. Сей стих есть подражание следующих:

Dote tuum nummum Gallam nupsisse relatum est
Fongilio juveni: post quam damnabilis, inquit,
Invaluit luxus.

(Феофан Прокопович в сатире русской)

<Передают, что Галла вышла замуж за юношу Фонгилия, получив в приданое твои деньги, после чего, как он сказал, воцарилась проклятая роскошь.>

Ст. 43. *За пищу, думал бы ты, Хрисипп суетится* и пр. Нужно нам собирать для пропитания собственного, жены и детей наших, понеже естество и законы божии того от нас требуют. Глупо, напротиво, имея все нужное для своих и для себя, собирать в одном сребролюбия намерении.

Ст. 54. *Из большой приятно брать кучи* и проч. по ст. 62. Подражание следующих Горациевых, сат. I, книги I:

At suave est ex magno tollere acervo.
Dum ex parvo nobis tantumdem haurire relinquas:
Cur tua plus laudes cumeris granaria nostris?
Ut, tibi si sit opus liquidi non amplius urna,
Vel cyatho: et dicas, magno de flumine mallem.
Quam ex hoc fonticulo tantumdem sumere: eo fit,
Plenior ut si quos delectat copia justo,
Cum ripa simul avulsos ferat Aufidus acer.

<Ведь приятно брать из большой кучи! Но если ты предоставляешь мне черпать из малой столько же, то чего ради восхваляешь ты свои житницы больше, чем мою кладовушку? Ведь тут то же, как если бы, нуждаясь в кувшине или небольшой чаше воды, ты сказал: предпочитаю набрать ее из большой реки, а не из этого ничтожного ключа. От этого происходит, что тех, кого богатство услаждает сверх всякой меры, быстрый Ауфид уносит, увлекая так же, как и (размытые) берега.>

Ст. 55. *Но если из малой я.* Скупой говорит, что *приятно брать из большой кучи;* но когда я из малого своего мешка столько ж беру на удовольствование нужд своих, сколько он — из большого, не знаю, для чего б большое богатство предпочитать.

Ст. 57. *Тому подобен, мне мнится.* Скупого сатирик приуподобляет человеку, который, имея нужду в одной чаше воды и могучи оную в ручейке достать, однако ж тащится на большую реку и не рассуждает, что, пока в ней воду черпает, может берег под ним подорваться и потонуть в той большой реке, чего нельзя опасаться, черпая в ручейке. Ежели из малого богатства можешь получать нужное на твое содержание, зачем предавать себя бедствам, ища больших сокровищ.

Ст. 74. *Крезуса богатее.* Крезус, царь лидийский, наследовал Алиату второму в лето по создании мира 3496. Богатейший и сильнейший из всех царей своего времени, так что богатство его в пословицу вошло.

Ст. 80. *В тюрьме очутится.* В тюрьме, куда его заимодавцы напоследок посадят.

Ст. 83. *Два-три плутца.* Клеарх очутится в тюрьме, заимодавцы его останутся разоренны; в том их несчастье два или три плута, которые его объедали или которые ему в долг с великим ростом ссудили, разжиреют.

Ст. 91 и 92. *Три дни брюху дани лучше не даст, чем не знать, что*

привез с Гиляни. То есть легче ему три дня не есть, чем не знать, что привез гонец из Гиляни. *Гилянь* есть страна персидская, завоеванная Петром Великим в 1722 году, подвластна еще России, когда сатира сия писана; но в 1734 году, чрез мирный между двумя державами договор, Персии возвращена.

Ст. 95. *Кто выехал, въехал*. То есть в город, из города.

Ст. 101. *Когда же Менандр новизн наберет*. Гораций в 18-м письме своем, книги I, изрядно примечает, что лакомый к новизнам, любопытный человек неотменно живет говорлив. Те два злонравия меж собою нераздельны.

Percuntantorem fugito: nam garrulus idem est:
Nec retinent patulae commissa fideliter aures;
Et semel emissum volat irrevocabile verbum.

То есть:
Любопытного беги: говорлив он, бесперечь отверзтые уши не умеют вверенное сохранить, а слово, однажды выпущенное из уст, летит невозвратно.

Ст. 102. *Недавно то влитое ново вино*. Как новое вино дует бочку, обручи рвет и проч., так набранные ведомости в сердце Менандровом неугомонны, пока устами его исход свой получат.

Ст. 106. *И слышал те из верных уст вести*. Обыкновенно вестолюбцам уверять, что они слышали ведомости, о которых сказывают, от знатных и достоверных людей, чтоб тем не только себе веру привлечь, но к тому оказать, что они из самого ключа черпают те ведомости.

Ст. 107. *И тебе с любви*. Другое тех же людей обыкновение — показывать, что с особливой любви тебе вести сообщают, и просить прилежно, чтоб ты об них никому не говорил, как бы оные весьма тайное дело были, хотя сами всего жаднее ищут, кому б те рассказать.

Ст. 108 и 109. *Составить он знает мнению*. Вестолюбцы не довольны рассказывать, то, что слышали; но буде, наприклад, ведомость какая к ним дошла без обстоятельств, то те обстоятельства сами вымышляют таким образом, который их мнению и склонности сходен. Голую ведомость прикрасят, неприятную отменят в приятную.

Ст. 110. *Редко двум ту ж ведомость*. Правда всегда однолична; кто лгать любит, тот всякому лжет отменным образом, понеже вымышленные обстоятельства легко забываются.

Ст. 111 и 112. *И веру сам наконец*. Нередко случается вестолюбцам доверять той самой лживой ведомости, которую сами вымыслили, когда она, из уст в уста весь почти город обтекши, дойдет к ним из дому какого знатного человека.

Ст. 113 и 114. *Сказав, тебя как судья бежит* и проч. Высказав тебе все свои ведомости, бежит от тебя к другому, к третьему, кому б те ж вести рассказать и наскучить; так от тебя бежит, как судья от убогого челобитчика, которого, знает, не в состоянии принесть ему какой подарок.

Ст. 117 и 118. *Стерегись соседом Лонгина, не завтракав*. Для того стерегись, что, беспрестанно с тобой разговаривая, не даст тебе времени кушать.

Ст. 122. *Хоть больну быть... дочь знаешь.* Важная причина, для которой надлежало было посетить Грунния.

Ст. 124. *Плачется.* Дочь больная плачется; *жар вчерась лишь унялся.* Говорливый человек ни одно малейшее обстоятельство не минует, напротиву — все неважные околичности жадно описывает, чтоб тем распространить речь свою.

Ст. 134. *На ту стать ножики и вилки разложит.* То есть расположит ножики и вилки таким образом, каково положение его нового пруда.

Ст. 146 и 147. *Без мелу, без верви, без аршина.* Три вещи, которые от портных в кроении употребляются.

Ст. 149. *В стол.* Вместо: в обед или в ужину, то есть во время обеда или ужина.

Ст. 150. *Не столько зерн, что в снопах.* Сродным порядком слова так бы должны лежать: *Не столько зерн в снопах, что мужик навяжет в день,* и оное *что* относится к снопам.

Ст. 151. *Не столько купец божбы учинит.* Обыкновенно купцы, когда продают, чрезмерно божатся. Если у них что торгуешь, часто услышишь: *Как пред богом стать — себе больше стоит; бог свидетель — в лавку выше пришло; еже ей-ей для переду тебе в свою цену уступаю.*

Ст. 157. *Что весь — ухо, языка.* Что ты только на то сделан, чтоб его слушать, а не говорить.

Ст. 162. *Чуть — как ходит, ступит.* Чуть ступает, чуть на пальцы опирается; так тихо и с осмотрением ходит, смиренность себе притворяя.

Ст. 163 и 164. *На всякое слово страшное имя Христа в устах тех готово.* Худая повадка и противна закону, который запрещает имя божие напоминать всуе. *Не приимеши имя господа твоего всуе.*

Ст. 165. *Молебны петь и свечи класть.* Молитвы и приношения хвальны, но притворство в молитвах и приношениях мерзко. Бог сердце, намерение человека требует в службе своей. *Жертва богу дух сокрушен* (Псалом 50).

Ст. 173. *Другое всяко не столь.* Притворной святости люди за крайнюю добродетель вменяют подаяние церковным служителям; хотя подлинно и то не последнее, однако ж мы видим, что спаситель взаимную любовь больше всего хвалит, которая в таких людях редко находится.

Ст. 178. *Венгерского.* Разумей вина венгерского.

Ст. 187. *У знатных.* Разумеется *у знатных господ.*

Ст. 191. *Вишь.* Вместо *видишь;* простолюдная речь.

Ст. 193. *Застроил огромный дом, который оставит детей его по миру.* Для того что на строение того дому большую часть своего имения изнурил.

Ст. 195. *При позднем потомстве.* В долгие веки; потомкам, которые гораздо много лет спустя в мир придут.

Ст. 196. *С родословными писцы, с творцами в знакомстве.* Родословные писцы служат доказывать древность его рода, а творцы, т. е. сочинители книг или стихотворцы — чтоб прославляли его ум, искусство, доброту, тщивость, выхваляя то, что в нем не находят.

Ст. 198. *Во что ему стали тетради.* Сколько он заплатил за те-

тради, которые другой сочинил, а он свое имя к ним приписал, или которые ему приписаны.

Ст. 208. *Дал ли кто власть над огнем, иль укрощать воду.* Показал ли кто правильный и легкий способ, как искусно употреблять огненное ружье и мореплавствовать безопасно.

Ст. 209. *Одолел ли кто враги.* Получил ли кто победы над неприятельми отечества; усмирил ли кто их своими трудами военными.

Ст. 213. *Все поступки — образцы.* Все его поступки так совершенны, что должно их в образец всякому иметь.

Ст. тот же и 214. *Что в ум ему вспало, не оспоришь вовеки.* Нрав, обыкновенный самолюбивым, которые чают, что никто лучше их не смыслит, и потому мнение свое над всеми предпочитают.

Ст. 216. *Во знак благодарства.* За его превосходный ум, которым царь должен почитать себя обязанным ему, *Гликону.*

Ст. 217 и 218. *В ум свой не может вместить, что не все вздыхают девицы по нем.* Так пригожим и всеми изрядными свойствами себя украшенным почитает.

Ст. 220. *По своим годам почин счастья людей числит.* То есть чает, что с того году род человеческий счастлив стал, в котором он родился.

Ст. 221. *Смысленна тварь.* Сиречь *люди.* По определению Аристотелеву, *человек есть смысленное или словесное животно.*

Ст. 225. *Отважней чернцов.* Между прочими чернцы при пострижении обещают отчуждение сует мирских.

Ст. 233. *Подобен скоту становится.* Теряя смысл пьянством.

Ст. 236. *Распихнет всех, как корабль.* Раздвинет всех, чтоб себе сделать дорогу, как корабль, когда плывет, рассекает валы.

Ст. 237. *Что много злата с плеч убудет.* Протираяся сквозь людей, много сотрется золота с парчового кафтана.

Ст. 238. *Взадь стоять.* Вместо *позади стоять.*

Ст. 241. *С здоровьями кубки.* Он зачинает здоровье всякое пить.

Ст. 242. *Зависеть от его слов.* Ему следовать, его приказы исполнять.

Ст. 243 и 244. *Знак ти оком подаст.* Мигнет в знак благодарения.

Ст. 247. *Вещество то, что плоть ему дало.* Вещество то, из которого сделана его плоть, его тело; земля та.

Ст. 248. *Было не такое же, но нечто сияло пред прочими.* Не было подобное веществу, из которого сделаны прочие люди, но нечто пред теми превосходно было. Ювенал, обличая такое же мнение высокомысленных, говорит:

Te nunc delicias extra communia censes
Ponendum: quia tu gallinae filius albae;
Nos viles puli nati infelicibus ovis!

< Ты полагаешь, что ты теперь баловень судьбы и что ты должен быть поставлен вне обычных законов, потому что ты сын белой курицы, а мы жалкие птенцы, вылупившиеся из несчастливых яиц! >

Ст. 250. *С чего он.* Разумеется *сделан.*

Ст. 251. *На него.* Сиречь на гордого *Иркана.*

Ст. 252. *Шепчут на ухо ядовиты губы.* Вместо *ядовитые уста;* таковы суть злословного человека, каков из следующего описания *Созим* окажется. Обыкновенно злословные люди осуждают людей заглаза, являяся в глаза приятельми. Для того Созим на ухо шепчет, чтоб Иркан его не слышал.

Ст. 256. *Зашил себе глотку.* Молчал.

Ст. 257 и 258. *Чтоб хотя один глупец.* Созим говорит, что приличнее бы было Иркану молчать, чтоб, начав говорить, не оказал всему свету свою глупость; пока молчит, кто-нибудь из ему подобных простаков может обмануться его осанкою и почитать его умным.

Ст. 259. *Созим дело говорит, но* и проч. Стихотворец признавает, что Созим дельно в Иркане спесь, худо основанную, обличает; но можно б было, говорит, вместо бесплодного злословия за очми прямо ему, Иркану, подать дружеский совет, чтоб он не спесивился; такой поступок столько был бы хвален, сколько злословие хульно.

Ст. 261. *Но о всех так судит.* Созим, с сродной злобы, насмевается Иркану спесивому, да и не одному ему насмевается, но столь строго же судит о всех без изъятия, испытая всякого пороки, чтоб оным ругаться и тем обесславить иногда и самых друзей и кровных своих

Ст. 262. *Чистую удачливо удит* и проч. О всех Созим судит строго. По его словам, *Силван* подкупает к исполнению похоти своей жену своего соседа; *Прокоп* так скупо живет, что, кто у него обедает, голоден из-за стола выходит за недостатком яств; *Настя* белится и румянится; *Клементий,* судья, столь глуп и к делам негож, что без дьяка своего ни за что приняться не умеет, и проч.

Ст. тот же. *Чистую.* То есть целомудренную, или которая такою себя притворяет.

Ст. тот же. *Удачливо удит.* Ловит подарками и не без удачи, понеже склоняет ее к своему намерению.

Ст. 263. *Мягкий.* Вместо *нежный,* с латинского mollis. Все красики и волокиты обыкновенно крайним прилежанием тело свое нежат и ищут иметь мягкую кожу.

Ст. 266. *Красота ея в ларце.* Где она прячет румяны и белила.

Ст. 277. *Может в умных клевета* и проч. Похлебник опаснее и вреднее злословного человека, для того что клевета понуждает нас прилежнее себя испытать, и иногда тем поводом находим в себе пороки, которые пред тем были нечувствительные, и, нашедши оные, исправляемся; а похлебство служит только умножить число глупцов, ибо мы легко доверяем всему тому, что нам приятно; и потому, когда в нас выхваляют похлебники то, чего в нас нет, мы чаем, что они правду говорят, и тем дуемся и сами себя почитаем.

Ст. 282. *Изнурят до корени.* Ложные похвалы нас дуют, и тогда уже, собою довольны, престаем трудиться добродетельми похвалу себе достать, чая, что уже довольну имеем. Потому похлебство *изнуряет ревность к добродетели,* которая *многотрудна,* понеже к злонравию мы склоннее и путь к нему скользкий и веселый.

Ст. 284. *Самолюбием душа ни одна не скудна.* Для того легко доверяем похлебническим хвалам, что мы почти все самолюбивы. Самолюбие наше нам советует без испытания признавать в себе те совершенства, которые похлебник ложно нам приписует.

Ст. 285. *И одним свидетелем... чаем.* Все мы, будучи самолюбивы, довольно нам, чтоб один кто-нибудь выхвалил в нас какое изрядное свойство, тотчас доверяем его свидетельству и уже чаем, что мы совершенно добродетельны, и потому унываем в многотрудном пути добродетелей.

Ст. 291. *Котору мне выслушать нельзя, не зевая.* Хотя речь *Титова* столь глупа и скучна, что нельзя оную выслушать, не зевая, Трофим дивится той речи сам, с притворною прилежностию слушает и обстоящих понуждает докучными прошениями ее слушать.

Ст. 292. *У Тита на ужине.* Когда Трофим ужинает у Тита, то всякий кусок называет небесным, сиречь непонятно вкусным, хотя тот самый кусок столь плох, что ему в горле гадит.

Ст. 297 и 298. *Если б Титова жена. Парис,* сын *Приама,* царя троянского, послан от отца во Грецию, принят весьма ласково от царя греческого *Менелая.* Пребывая в его доме, столь он жестоко влюбился в *Елену,* Менелаеву жену, что, презирая всякое право гостеприимства, похитил и увез ее в свое отечество, отчего зачалася славная троянская война, которою царство Троянское опровержено. Красота *Еленина* была отменная, однако ж похлебник Трофим предпочитает ей красоту Титовой жены.

Ст. 300. *Тит и нос сморкнуть кривой.* Похлебник столь без разбору и без меры все Титовы дела повышает, что хвалит его искусство нос сморкать, *нос кривой,* который и тем не весьма приятен. Так, Ювенал говорит:

— — Laudare paratus,
Si bene ructavit, si rectum minxit amicus.

<Готовый хвалить, если друг хорошо отрыгнул, если надлежащим образом помочился.>

Ст. 322. *Детей мать* и проч. Столь Невию все подозрительно, что чает, что жена его детей учит мотать и долги наживать, чтоб тем ущерблять его богатство.

Ст. 332. *Бедство временно.* Бедство, которое кончится каким-либо уроном. В самом деле, лучше легковерием что-нибудь, хотя важное, потерять, чем беспрестанным недоверия беспокойством вечно себя мучить.

Ст. 343. *В себе не волен.* Не силен утишить свою страсть.

Ст. 352. *И в многих случаях...* Здесь сатирик вдруг пресекает описание завидливого *Зоила,* чтоб не наскучить Феофану.

Ст. 361. *Пастырь прилежный своем о стаде радеет.* Феофан имеет епархии Новгородскую и Великолуцкую, в которых правлении недремно печется.

Ст. 362. *Спасения семя часто сеет.* Часто, сиречь, проповедует слово божие.

Ст. 364. *Главный и церкви всея правитель.* Понеже он первейший член российского Синода.

Ст. 368. *Воля нам всевышнего ясна.* Проповедьми и книгами своими толкует нам волю божию.

Ст. 374. *Разнит мир.* Разнят люди меж собою.

Ст. тот же. *Жизни тесны суть пределы.* Жизнь коротка.

Ст. 377. *Кастор любит лошадей, а брат его — рати.* Касторов брат был Поллукс; оба (по баснословию древних) дети Юпитеровы («Гиралдии в истории богов»). От сего стиха по последний есть подражание следующих Горациевых (сатира I книги 2):

Castor gaudet equis, ovo prognatus eodem
Pugnis. Quot capitum vivunt, todidem studiorum
Millia; me pedibus delectat claudere verba.

<Кастор любит коней, а рожденный из одного с ним яйца (т. е. родной брат его) — кулачный бой. Сколько тысяч голов, столько тысяч стремлений; мне нравится заключать слова в стопы.>

Ст. 381. *И я не без пятен.* И я не без погрешений.

САТИРА IV
О ОПАСНОСТИ САТИРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ
К МУЗЕ СВОЕЙ

Музо! не пора ли слог отменить твой грубый
И сатир уж не писать? Многим те не любы,
И ворчит уж не один, что, где нет мне дела,
Там мешаюсь и кажу себя чресчур смела.
Много видел я таких, которы противно
Не писали никому, угождая льстивно,
Да мало счастья и так возмогли достати;
А мне чего по твоей милости уж ждати?
Всякое злонравие, тебе неприятно,
Смело хулишь, да к тому ж и говоришь внятно;
Досаждать злым вся жадна — то твое веселье,
А я вижу, что в чужом пиру мне похмелье.
Вон Кондрат с товарищи, сказывают, дышит
Гневом и, стряпчих собрав, челобитну пишет,
Имея скоро меня уж на суд позвати,
Что, хуля Клитесов нрав, тщуся умаляти
Пьяниц добрых и с ними кружальны доходы.
А Никон, тверды одни любящий довóды,
Библию, говорят, всю острожской печати
С доски до доски прошел и, не три тетрати
Наполнив, мудрые в них доводы готовит,
Что нечистый в тебе дух бороду злословит,
Что законоломное и неверных дело —
Полосатой мантию ризою звать смело.
Иной не хочет писать указ об отказе,
Что о взятках говоришь, обычных в приказе.
Одним словом, сатира, что чистосердечно
Писана, колет глаза многим всеконечно —

Ибо всяк в сем зеркале, как станет смотрети,
Мнит, зная себя, лицо свое ясно зрети.
Музо, свет мой! слог твой мне, творцу, ядовитый;
Кто всех бить нахалится, часто живет битый,
И стихи, что чтецам смех на губы сажают,
Часто слез издателю причина бывают.
Знаю, что правду пишу и имен не значу,
Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу;
Да правда редко люба и часто некстати —
Кто же от тебя когда хотел правду знати?
Вдругорь скажу: не нравна — угодить не можно,
Всегда правду говоря, а хвалить хоть ложно,
Хоть излишно, поверь мне, более пристойно
Тому, кто, живя с людьми, ищет жить покойно.
Чего ж плакать, что народ хромает душою?
Если б правдой все идти — таскаться с сумою.
Таков обычай! уйми, чтоб шляп не носили
Маленьких, или живут пусть люди как жили.
Лучше нас пастыри душ, которых и правы
И должность есть исправлять народные нравы,
Да молчат: на что вступать со всем светом к ссору?
Зимой дров никто не даст, ни льду в летню пору.
Буде ты указывать смеешь Ювенала,
Персия, Горация, мысля, что как встала
Им от сатир не беда, но многая слава;
Что как того ж Боало причастник был права,
Так уже и мне, что следы их топчу, довлеет
То ж счастье, — позволь сказать, что ум твой шалеет.
Истая Зевсова дочь перо их водила —
Тебя чуть ли не с другим кем Память родила.
В них шутки вместе с умом цветут превосходным,
И слова гладко текут, как река природным
Током, и что в речах кто зрит себе досадно,
Не в досаду себе мнит, что сказано складно.
А в тебе что такого? без всякой украсы
Болтнешь, что не делают чернца одни рясы.
Так ли теперь говорят, так ли живут в людях?
Мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях;

И, враг смертный будучи, тщись другом казаться,
Если хочешь нечто быть и умным назваться.
Зачнем, музо, в похвалах перья притупляти,
Ну-тка станем Туллию приветство писати.
Туллий, знаешь ты, лукав, что́ если рассудно
Истолковать, то в нем ум выхвалить нетрудно.
Оставя убо, что есть, сделаем такого,
Каков бы он должен быть; тропа та не нова:
Всяк так пишет, кто хвалить у нас кого хочет, —
Тому, кого въявь поет, сам в сердце хохочет.
Туллий не нравен тебе — выбери другого.
Вот хорош Силван; он тих, не добьешься слова
У него чрез целый день, и хотя ты знаешь,
Что он с глупости молчит, если пожелаешь —
Можешь сильно доказать, что муж он не про́стый,
Но с рассудства обуздал язык свой преострый.
И Квинтий, право, хорош; в десть книгу составить
Можешь, коль дела его захочешь прославить.
Видишь, как приятен он, честно всех примает,
Учтиво век говорит, всякого ласкает,
И всякому силится быть он благодетель,
Не однажды, как сулит, слов тех бог свидетель.
Полно того; а с чего таков он бывает,
Писать незачем: добро, что мало кто знает.
Не пиши того, что он затем столь умилен
И добр ко всем, что вредить никому не силен.
Да много таких, об ком списать стопу целу
Можно; легко их узнать, хоть нет в спине мелу.
Буде ж несроден тебе род тех стихов гадких,
Запой в Амариллиных объятиях сладких
Счастливого Титира иль Ирис, бесщадну
К бедну Филену. Свою Титир жизнь прохладну
Не сменит на царскую славу и обильность;
Филен носит на лице жалкую умильность;
Ведет ли стадо поить, иль пасти на поли —
Смутен станет, и текут с глаз слезы доволи;
Ирис, мимо идучи, ход свой ускоряет,
Смеясь, и, горда, его рану огорчает.
Вскинь глаза на прошлу жизнь мою и подробно
Исследуй: счастье ко мне ласково и злобно
Бывало, больше в своей злобе постоянно.

Почерпнув довольну тут печаль, нечаянно
Новым уж родом стихов наполним тетрати,
Прилично чтецам своим; и что больше кстати
Нам здесь, смертным, как печаль? Тужить не напрасно
Можем, приближаяся к смерти повсечасно.
Есть о чем писать, — была б лишь к тому охота,
Было б кому работа́ть — без конца работа!
А лучше век не писать, чем писать сатиру,
Что приводит в ненависть меня всему миру!
Но вижу, музо, ворчишь, жмешься и краснеешь,
Являя, что ты хвалить достойных не смеешь,
А в ложных хвалах нурить ты не хочешь время.
Достойных, право, хвалить — не наших плеч бремя,
К тому ж человечья жизнь редко однолична:
Пока пишется кому похвала прилична,
Добродетель его вся вдруг уж улетает,
И смраден в пятнах глазам нашим представляет
Себя, кто мало пред тем бел, как снег, казался.
Куды тогда труд стихов моих уж девался?
Пойду ль уже чучело искать я другое,
Кому б тые прилепить? иль, хотя иное
В нем вижу сердце, ему ж оставя, образу
Себе в людях навлеку, кои больше глазу
Верить станут своему, нежли моей бредни,
Не меряя доброту по толпе в передни.
Изодрав те, скажет кто, сочини другие,
Третие, десятые; как бы нам такие
Плыли с пера без труда стихи и без поту;
Пусть он сам отведает ту легку работу!
А я знаю, что когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, музо, твой нрав сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу и тру лоб вспотелый,
С трудом стишка два сплету, да и те неспелы,
Жестки, досадны ушам и на те походят,
Что по целой азбуке святых житье водят.
Дух твой ленив, и в зубах вязнет твое слово,
Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А как в нравах вредно что усмотрю, умняе
Сама ставши, — под пером стих течет скоряе.
Чувствую сам, что тогда в своей воде плавлю
И что чтецов я своих зевать не заставлю:

Проворен, весел спешу, как вождь на победу,
Или как поп с похорон к жирному обеду.
Любовны песни писать, я чаю, тех дело,
Коих столько ум неспел, сколько слабо тело.
Красны губки свежие, что на крайках сносят
Душу навстречу моей, губ же себе просят;
Молочны груди ладонь мою потягают,
И жарки взгляды моих глаз взгляд поджидают.
Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки, коих от денницы
До другой невидимо колет любви жало.
Шуток тех минулося время, и пристало
Уж мне горько каяться, что дни золотые
Так непрочно стратил я, пиша песни тые.
Кои в весне возраста жаркой любви служат,
Как невольники в цепях, — пусть о себе тужат,
Вина сущи своему беспокойству сами;
Я отвык себя ковать своими руками.
Мне уж слепое дитя должен беспрестанно
Поводы веселия подавать, и странно
Ему, чаю, все то, что к печали склоняет.
Если веселить меня собою не знает,
Тотчас с ним расстануся; с ним уж водить дружбу
В лишны я часы готов, но не сулю службу.
К чему ж и инде искать печали причину?
Не довольно ли она валится на спину,
Хоть бы ея не искать? Если в мои лета
Минувши скрыться не мог я вражья навета,
Если счастье было мне мало постоянно —
Я ль один тому пример? Весь свет непрестанно
Терпит отмены, и то чудно лишь бы было,
Если б мое в тех валах судно равно плыло.
Теперь счастливо плыву — то мне одно полно,
Забываю прошлое, и как мне не вольно
Будущее учредить время, так и мало
О том суечусь, готов принять что ни пало
Из руки всевышего царя в мою долю.
О дней числе моих жду, тих, его же волю;
Честна жизнь нетрепетна и весела идет
К неизбежному концу, ведая, что внидет
Теми дверьми в новые веки непрестанны,
Где тишина и покой царствует желанный.

Одним словом, сатиру лишь писать нам сродно:
В другом неудачливы; с нравом же несходно
Моим, не писав, прожить в лености с тобою.
Ин, каков бы ни был рок, смелою рукою
Злой нрав станем мы пятнать везде неостудно.
И правда, уж от того и уняться трудно,
Когда тот, что губы чуть помазал в латину,
Хвастает наукою и ищет причину
Безвременно всем скучать долгими речами,
Мня, что мудрость говорит к нам его устами;
Когда хлебник в золоте и цугом катится;
Раздутый уж матери подьячий стыдится,
И бояр лише в родню принять ему нравно;
Когда мельник, что с волос стрёс муку недавно,
Кручинится и ворчит, и жмурит глазами,
Что в палате подняли мухи пыль крылами.
Таким одним сатира наша быть противна
Может; да их нечего щадить, и не дивна
Мне любовь их, как и гнев их мне страшен мало.
Просить у них не хочу, с ними не пристало
Мне вестись, чтоб не счернеть, касаяся сажи;
Вредить не могут мне те, пока в сильной стражи
Нахожуся матери отечества правой.
А коим бог чистый дух дал и дал ум здравой,
Беззлобны — беззлобные наши стихи взлюбят
И охотно станут честь, надеясь, что сгубят,
Может быть, иль уменьшат злые людей нравы.
Сколько тем придастся им и пользы и славы!

ПРИМЕЧАНИЯ

Четвертая сатира писана в начале 1731 года. Слово в ней идет к музе, с которою стихотворец уговаривается перестать сатиры писать, и тем случаем с стороны злонравных пятнает.

Ст. 1. *Музо! не пора ли слог отменить твой грубый.* Слог — образ писания. Так Боало начинает свою сатиру:

Muse, changeons de stile et quittons la Satire,
C'est un méchant metier que celui de médire.

<Муза, переменим слог и оставим сатиру, злословить — ремесло дурное.>

Ст. 13. *Кондрат* — имя вымышленное, как следующие *Никон, Туллий* и проч.

Ст. 16. *Хуля Клитесов нрав.* В стихе 225-м и следующих третьей сатиры стихотворец под именем *Клитеса* пьяниц осмеивает.

Ст. 18. *Тверды.* То есть сильные, крепкие.

Ст. 19. *Острожской печати.* Русская библия впервые напечатана в Остроге-городе в 1581 году по указу острожского князя Константина Васильевича, которая хотя гораздо неисправнее той, что в 1663 году в Москве издана, однако ж суеьерные за старину предпочитают.

Ст. 22. *Бороду злословит.* Вся Кондратова злость устремляется против 135 и 137-го стихов I сатиры.

Ст. 25. *Об отказе.* Отказ в сей силе значит дачу какого владения чрез высшую власть.

Ст. 26. *Что о взятках говоришь.* В сатире 1, ст. 148, и в сатире 3, ст. 113.

Ст. 33. *И стихи, что чтецам смех на губы сажают.*

Et le mot pour avoir rejoui le lecteur
A couté bien souvent de larmes à l'auteur.

(Боало, ст. 7, сат. 7)

<И слово, чтобы позабавить читателя, очень часто стоило автору слез.>

Ст. 43. *Хромает душою.* Неправы совестью, злонравны. Недостаточны в благонравии, как хромой в ногах.

Ст. 45. *Таков обычай; уйми, чтоб шляп не носили маленьких.* Обычай теперь быть злонравным, как обычай есть маленькие шляпы носить. Буде ты не можешь отменить обычай шляп маленьких, оставь и людей в своих нравах.

Ст. 47. *Пастыри душ.* Попы и архиереи.

Ст. 50. *Зимой дров никто не даст.* Буде священники и священноначальники станут устремляться против злонравных, то станут лишаться всего потребного к прохладному житью. Дрова зимою и лед в лето гораздо к житью нужны.

Ст. 51. *Ювенала, Персия, Горация.* Славные три римские сатирики. Первый родился лета Христова 36, в 22-е Тибериева царствия, от отца Флакка и матери Фульвии, умер в 31-м году своего возраста. Второй был сын неизвестного отца, жил во время Домициана-императора, от которого сослан в Египет полковником за неприличную любовь с некаким танцовщиком. Третий жил во времена Августовы, у которого за превосходство своего ума был в особливой милости («Гиралдии, в истории стихотворцев»; Морериев лексикон).

Ст. 54. *Того ж Боало причастник был права.* Боало имел то же право, ту же удачу. Боало Деспро, французский сатирик, родился в 1637 году. В подражании древних стихотворцев весьма удачлив. Сатиры и письма его, нашего стихотворца лучшая забава и предводители, соравняться могут тем, которыми древность хвастает. Лудовик XIV, король французский, насладився его стихами, определил ему по 2000 ливров (400 рублей) жалованья в год, которое получал по самую свою смерть, случившуюся в 1711 году.

Ст. 55. *Что следы их топчу.* Что им следую, им подражаю.

Ст. 57 и 58. *Истая Зевсова дочь.* Тебе, говорит сатирик музе своей, не можно верстаться с Горацием, с Персием, с Ювеналом, с

Боалом, понеже они были особливым умом одарены от бога. Их перо водила муза, истинная дочь Юпитерова; а ты подлинно не дочь того Юпитера, и *Память,* мать твоя, с кем другим тебя породила. Смотри примечание под стих. 8-м сат. 1. *Зевс* у греков то ж, что *Юпитер* у римлян.

Ст. 66. *Мед держи на языке.* То есть весь гнев, всю злобу в себе тай, а словами льсти.

Ст. 74. *Тропа та.* Тот способ, тот обычай хвалить хульного человека не новый.

Ст. 88. *Не однажды, как сулит, слов тех бог свидетель.* Не однажды бога призывает в свидетели, что он тебе чистосердечно сулит свою помощь, свою дружбу.

Ст. 94. *Хоть нет в спине мелу.* То есть *хоть нет знаку на спине, мелом начерченного.* Когда воин в строю чем погрешит во время обучения, один из нижних офицеров напишет ему на спине крестик мелом, чтоб по окончании дела можно было узнать виноватого и учинить ему приличное наказание.

Ст. 95. *Род стихов гадких.* Гадкими стихотворец называет стихи, в которых содержится ложная похвала.

Ст. 96, 97 и 98. *Запой в Амариллиных объятиях* и пр. Пиши эклоги, т. е. стихи о лесах, стадах и любви пастухов. *Амарилла, Ирис, Титир, Филен* суть имена пастушии. В таких стихах между древними славен у греков Феокрит, у латин — Виргилий.

Ст. 105. *Можно, коль скучит, и то исследить подробно.* Здесь сатирик уговаривает музу свою писать элегии, то есть песни жалостные, взяв повод от своего жития.

Ст. 109. *Новым уж родом стихов.* Новым нашему сатирику, который до того элегий не писывал.

Ст. 117. *Но вижу, музо, ворчишь* и проч. От сего стиха по 142 есть подражание следующих Боаловой сатиры VII:

Mais à ce grand effort en vain je vous anime:
Je ne puis louer rencontrer une rime.
Des que j'y veux rever, ma veine est aux abois.
J'ai beau frotter mon front, j'ai beau mordre mes doigts;
Je ne puis arracher du creux de ma cervelle
Que des vers plus forcés que ceux de la pucelle.

<Но при том огромном усилии я тщетно оживляю тебя (музу): я не могу найти ни одной рифмы, чтобы воздать похвалу. И как только я начинаю раздумывать, мое вдохновение угасает; я могу сколько угодно тереть лоб и грызть себе ногти, но я не могу вырвать из недр моего мозга ничего, кроме стихов, еще более вымученных, чем стихи «Девственницы» (имеется в виду поэма Шаплена).>

Ст. 120. *Не наших плеч бремя.* Хвалить — не нашей силы дело.

Ст. 124. *В пятнах.* В злонравиях.

Ст. 128 и 129. *Иль, хотя иное в нем вижу сердце.* Пока я похвальные стихи кому пишу, он из добродетельного человека стался плутом, пристойно ли мне тогда искать другого, кому те стихи прилепить, сиречь некстати приписать, или первому оставить, хотя уже ему, за приключившеюся в его нравах пременою, не приличны?

Ст. 132. *Не меряя доброту по толпе в передни.* Не меряя добродетели человека по толпе хлебников, которые по вся утра собираются ему льстить в его передней. Похлебники чтут силу человека, народ вообще чтет человека добрый нрав.

Ст. 143. *Что по целой азбуке святых житье водят.* Максимович некто стихами описал и по азбуке расположил житье святых печерских. Книга та напечатана в Киеве в лист и пальца в два толщины; однако ж в ней, кроме имен святых и его высочества государя цесаревича Алексея Петровича, которому приписана, ничего путного не найдешь.

Ст. 151. *Любовны песни писать.* Большую часть стихов стихотворец прибавил в сию сатиру, будучи в Париже в возрасте 32 лет.

Ст. 153. *Красны губки* и проч. Пусть тот пишет стихи любовные, кто умом неспел и телом хвил; я инако намерен употреблять то время, которое любви посвящаю; охотнее оное употреблю, забавляяся с полюбовницею; и то самое она от меня ожидает, а не стихи.

Ст. 157. *Довольно моих поют песней.* Сатирик сочинил многие песни, которые в России и теперь поются.

Ст. 158. *От денницы до другой.* Всегда, непрестанно.

Ст. 163. *В весне возраста.* Сиречь в самом первом цвете юношества.

Ст. 164—165. *Пусть о себе тужат, вина сущи.* Подражание итальянского стиха:

Caggion del suo mal pianga se stesso.

<Пусть сам оплакивает причину своей беды.>

Ст. 167. *Слепое дитя.* Любовь, Купидин, сын Венерин, бог любви, изображается у древних младенцем, которому глаза завязаны, и то для того, что любовь слепит людей так в выборе лица любимого, как и во всех поступках.

Ст. 171 и 172. *С ним уж водить дружбу* и проч. Рад я лишние часы любви посвящать, но таким образом, чтоб я всегда был волен унять ту свою страсть, а не чтоб ей дать над собою власть неопределъну, как хозяину над рабом.

Ст. 180. *В тех валах.* В том непрестанном движении, в той непрестанной переменчивости дел сего света.

Ст. тот же. *Равно.* Равнолично, постоянно. Подлинно, чрезвычайно бы было одному человеку вести жизнь свою в постоянном и одноличном состоянии, когда все твари непрестанную премену терпят.

Ст. 181. *Счастливо плыву.* В море жития, сиречь.

Ст. 187. *Честна жизнь.* То есть честный человек в жизни своей без страху и весел идет.

Ст. 188. *К неизбежному концу.* К смерти, сиречь, которая всем человекам неизбежна.

Ст. 189. *Теми дверьми.* Смертию, кончиною своею.

Ст. тот же. *В новые веки непрестанны.* В другую, бесконечную жизнь, которую по смерти ожидать должны все те, кои бессмертну душу быть верят.

Ст. 191. *Нам.* Сатирик всегда с музою своею говорит.

Ст. 194. *Ин, каков бы ни был рок.* Так то же изобразил Гораций книги II, сат. 1, ст. 54 и следующие:

Seu me tranquilla senectus
Expectat, seu mors atris circumvolat alis;
Dives, inops, Romae, seu sors ita jusserit, exul,
Quisquis erit vitae, scribam, color.

<Суждена ли мне спокойная старость, или смерть уже покрывает меня своими мрачными крыльями, богач или бедняк, в Риме или в ссылке, буде так прикажет судьба, каким бы цветом ни была окрашена моя жизнь — я буду писать.>

Ст. 196. *И правда, уж от того и уняться трудно, когда* и проч. От сего стиха по 206 есть подражание следующих:

Cum tener uxorem ducat spado, Maevia Tuscum
Figat aprum, et nuda teneat venabula mamma:
Patricios omnes opibus cum provocet unus,
Quo tondente gravis juveni mihi barba sonabat:
Cum pars Niliacae plebis, cum verna Canopi
Crispinus, Tyrias humero revocante lacernas
Ventilet aestivum digitis sudantibus aurum,
Nec sufferre queat majoris pondera gemmae:
Difficile est Satiram non scribere.

(Ювенал, сат. 1)

<Трудно не писать сатиры, когда бессильный евнух берет себе прекрасную женщину, когда Мевия пронзает тусского вепря и держит копье у обнаженной груди; когда своими богатствами вызывает на состязание патрициев тот, под бритвой которого у меня, тогда юноши, поскрипывала отросшая борода; когда Криспин, бывший раб в Канопе, частичка нильской черни, небрежно набрасывает на плечи плащ из тирской ткани и проветривает на потных пальцах летнее кольцо, не желая выносить тяжести своего перстня с большим драгоценным камнем.>

Ст. 211. *Чтоб не счернеть.* Вместо чтоб не почернеть, за нужду меры стиха. Чтоб не учиниться им подобным, чтоб совесть свою их нравами не повредить.

Ст. 213. *Матери отечества правой.* Императрицы, государыни правосудливой.

Ст. 216 и 217. *Надеясь, что сгубят* и проч. Злонравным одним стихи мои будут противны, а добронравные и благорассудные люди возлюбят их, надеяся, что те стихи опровергнут или, по меньшей мере, убавят число злонравий в народе, и подлинно то одно есть намерение сатир.

Ст. 218. *Тем.* Чрез то много славы и пользы произойдет добродетельным людям оттого, что они взлюбят и честь станут стихи наши, ибо их пример прочих ободрит и уймет клеветы.

Ст. тот же. *Им.* Сиречь добродетельным людям.

САТИРА V
НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЗЛОНРАВИЯ ВООБЩЕ
САТИР И ПЕРИЕРГ

Сатир

Сильна Пана воля будь, хоть мне смерть случится,
Невозможно мне с людьми в городе ужиться.
Нравы наши меж собой чрезмеру различны,
К тому ж телу платья их мойму не приличны:
Беспокоят чрезмеру. Красоте радея,
Как осла златом себя тягчат; руки, шея,
Ноги, чреслы спутаны. Недруги покоя,
Зимой от стужи, летом не щитят от зноя.
Провалитесь от меня, тягости златые,
Глупцам чтительны, и вы, кудри накладные, —
Довольно уже страдал я в вашем обмане!

Периерг

Ба! что вижу я! Сатир в штанах и в кафтане;
Кривы ноги в сапогах его оказуют
И рога, что теперь вскрыл, — так изобразуют
Урода наши писцы. Какое-то чудо!
Откуду, кто и куды — испытать не худо.
Позволь мне, буде не в гнев, у тебя спроситься:
Кто ты таков? откуду и куды? Мне мнится,
По виду чужестранец ты: если в чем можно
Услужить, я весь готов к приказам неложно.

Сатир

Прочь от меня, неложно мне к службе готовый!
Ты человек, знаю я, — обман сей не новый
В вашем роде: обыкли вы все льстить словами,

И дружбу свою являть уст лише краями,
Злобны сердцем. Оставь мя, пожалуй, в покос,
Ничего не требую!

Периерг

Неправо худое,
Не знав меня, обо мне мнение имеешь;
Когда мысль мою и нрав ты уразумеешь,
Не скажешь, что люди все меж собою сходны.
Я сам знаю, что весьма в нашем роде плодны
Недостатки, и много есть чего гнушаться;
Люблю ж добрых, а злых тщусь людей удаляться.
На любопытство мое откройся как другу,
Узришь, что усты сулю и сердцем услугу.

Сатир

Ничего не требую, в лес свой возвращаюсь,
Однак удоволю тя, пока раздеваюсь.
Целый час, по милости, что зовете, моды,
Не станет весь вздор сей снять; бесконечны годы
Жизни вашей чаял бы тот, кто примечает,
Сколько в безделках часов человек теряет.
Прово́дите утро все, тело убирая
И волосы на главе; столько ж, раздевая
Тело, уйдет времени; хоть брюхо довольно
Можно в четверть насытить, вам мнится не полно
Три часа на ужину, три часа обеду;
В беседах остатки дня бесплодных, соседу
С вредом, или в забавах, как вы говорите,
Летят; буде случитесь одни, ночь всю спите;
Но к вопросу твоему слово обращаю.
Сатиром меня весь строй мой довольно, чаю,
Являет. Пан, славное Пенелопы чадо,
Кой лесами властвует, коим пасет стадо
Безопасно всякое, и благополучны
Браки бывают, — первы он свирели звучны
Составил; царем весь род сатир почитает.
Веселый с природы, бог на всяк день желает
Нову причину к смеху; наше того дати
Житье не может; в лесах жизнь мы провождати
Обыкли просту весьма; то одно желаем,
Что нам сродно, лишностей всяких отбегаем.

Того ради Пан обык в всякие три лета
Рассылать несколько нас во все краи света,
Всякого в различные места, в разны грады.
Меж людьми мы живучи, обычьи, обряды
И нравы приметим их; к нему возвращаясь,
Сказуем; он слушает, с смеху надсаждаясь.
Минулось уж два года, как ца́рскую волю
Исполнять мне череда пришла; в мою долю
Пал сей город, где изжить третий год нет силы.

Периерг

Обычай столько тебе сделал леса милы.

Сатир

Не лес мил — ваше житье мне несносно стало.

Периерг

Как же можешь исполнить во время так мало
Указ царев? набрал ли известий довольно,
Чтоб его увеселить? Мне мнится, не полно
Ста лет, чтоб человека вызнать хоть отчасти:
Столь многовидны его суть нравы и страсти.

Сатир

Вызнать вас намеренье в ум мне не входило —
Смеху причину набрать дело мое было,
В чем довольно преуспеть и месяца много.
Во всех почти ваших нет поступках иного,
Куды ни вскинешь глаза — нельзя не смеяться.
Знаю, трудно тебе в том со мной соглашаться:
Цветы вещей каковы собой, тот не волен
Видеть, но желты все мнит, кто желтухой болен;
Так впоенное с млеком мнение неправо
И повадка не дает вам рассуждать здраво
О состояньи своем, о своих поступках,
Хоть вы столь близки себе, что нет нужды в трубках.
Человек, что ссор бежит, снося брань, побои,
И в помочь свою зовет ноги лише двои, —
Благорассудным у вас мужем тот бывает,
Хоть совесть и вид его трусом быть являет.

Другой, что за взгляд один, за словцо неважно
Ищет ссору и драку и в мал час отважно
Не щадит и саму жизнь, чтоб вредить другому, —
Храбрый муж зовется в вас, хоть, по мне, такому
Безмозглого дурака имя лишь пристало.
Стенон, когда в беседе врет что в ум ни вспало,
Ни мал час покой дая языку болтливу;
Слыша его, колесо мельницы шумливу
Воду двигать мнитися в звучные обра́ты;
От хохотанья его звенят все палаты;
Своим смеется словам; част один смеется;
Руки вольны, сколь язык, куды удается —
Протягает, ни что стыд, ни учтивство зная;
Все, однако, ласково тщатся, принимая
Стенона, к себе привлечь; как день не видают,
Сотью спросятся об нем, шлют и ожидают
Нетерпеливо его, как лучшу забаву,
Нахала сказуя быть веселого нраву.
Критон целы двадцать лет над книгой трудился,
В которой древность коньков исследить потщился;
Скончав и издав ее в золотом преплете,
С похвальною речию посвятил Дамете,
Который в мал час прошел всю из край до края,
Одни лишь прилежно в ней коньки примечая,
Кивком главы наградив бдения и поты;
Однак того Критона, что столько работы,
Столько глупо стратил лет в деле, так неплодном,
И глупее судью книг искал в благородном, —
Мудрецом зовете вы, и мните Дамета
Искусным защитником наук в ваши лета.
Наши братья сатиры инак рассуждают
О ваших делах: все в них точно примечают
Обстоятельства, зорки и существо само
Проницают; потому смеху вину тамо
Находят, где вы, глаза пяля, порожните
Мешки похвал и еще мало то быть мните.
Я знаю, что тех одних если б описати
Пану, коим рок меня привел работати,
Живучи в вас, целый год есть чем забавляться.
В многих домех удалось мне у вас таскаться,

Каждый месяц нового почти господина
Имев, чему два мои свойства суть причина:
Разговор мой так, как строй, будучи забавен;
Всякому, кто ни встречал меня, был я нравен,
И в слуги меня тотчас охотно примали,
Шуты бо всегда у вас в почести бывали;
Но правдолюбив к тому, хвалить мне не можно,
Что хульно, — не, как вы, мысль обык осторожно
Таить, для чего не мог долго пробыть в службе
Того, кто вызнал меня: с правдой вы не в дружбе.

Периерг

Если беспечальну жизнь ты и лес твой любишь,
На мал час Паном меня почти; не погубишь
Труд твой. Стихотворец я: песню в твою славу
Сочиню, иль речь твою к исправленью нраву
Людей позднему предать потомству потщуся.

Сатир

Береги свои стихи, о мзде не пекуся,
Угождая всякому; вам лише пристало
Не делать даром ничто, и за словцо мало,
За кивок один, за взгляд ожидать, конечно,
Дары, поклоны, службу, благодарство вечно.
    Всю повесть мою тебе сказать — трудно бремя;
Часть скажу, сколько к тому позволит мне время.
    Когда Пан нас учредил уж всех к походу,
Всех в платье нас нарядил различного роду
И прилежно кудрями прикрыл наши роги
(Как обычай и у вас), сапогами — ноги.
С слезами в глазах, в сердце с несносным я болем
Вышед с лесу, продолжал путь горой и полем.
Прибыл я в город ваш в день некий знаменитый;
Пришед к воротам, нашел, что спит как убитый
Мужик с ружьем, который, как потом проведал,
Поставлен был вход стеречь; еще не обедал
Было народ, и солнце полкруга небесна
Не пробегло, а почти уж улица тесна
Была от лежащих тел. При взгляде я первом
Чаял, что мор у вас был, — да не пахнет стервом,
И вижу, что прочие тех не отбегают

Тел люди, и с них самых ины подымают
Руки, ины головы тяжки и румяны,
И слабость ног лишь не даст встать; словом, все пьяны.
Пьяны те, кои лежат, прочи не трезвее,
Не обильнее умом — ногами сильнее.
Безрассудно часть бежит, и куды — не знает;
В сластолюбных танцах часть гнусну грязь топтает
И мимойдущих грязнит, скользя, упадая,
Сами мерзки; другие, весь стыд забывая,
Телу полну власть дают пред стыдливым полом
И тщатся нахальливой рукой что подолом
Скрыл обычай обнажить; часто удается.
Шатаясь долго, один напоследок бьется,
Бахусом отягощен, в стену головою
И стену кровью кропит, и в смех над собою
Приводит смотрителей; другой, безрассудну
Прю начав с кем встретился, сносит битву трудну
И вместе с вином блюет зубы с уст смердящих.
Многих вижу вне себя двояко слезящих
Отца, сына, сродника, что живот кончали
Иль лишним хмеля ядом, иль острием стали;
Песни бесстудны и шум повсюду бесстройный,
Что и глухого ушам были б беспокойны;
Словом, крайний там мятеж, бесчинство ужасно;
Народ весь как без ума казался мне власно.
   Когда я ум углубил, о том рассуждая
И вину неистовству такову не зная
Сыскать, приступил ко мне старик сановитый,
Седою красен брадой, брюхом знаменитый
Пространным; красно лицо жиром все оплыло;
Чуть видны под лбом глаза, и голос унылой.
«Что ты, дружок, думаешь, стоя здесь без дела? —
Сказал мне. — По платью зрю и по строю тела,
Что ты к работе угож; буде ты охоту
Имеешь служить, я дам сносную работу;
Мне нужен верный слуга, ты доволен мною
Найдешься с малым трудом, будь лишь чист душою,
Но наперед скажи мне, кто ты и откуду?» —
«Службу ищу, — отвечал я, — и готов буду,
Коли угоден тебе, служить тебе сердцем.

Деду следуя, отец мой торговал перцем
И богатством сильным был в ближнем граде знатен,
Почтенный всем жителям купец и приятен;
И я бы перец еще продавал, жирея
С лакомства других, чресчур если б сей радея
О счастье моем, свое не сгубил бессудно.
В старости уже своей вздумал он быть студно
С таким богатством меня посадским оставить:
Дворянско имя любовь славы мне доставить
Взбудила его; итак, торг кинув, отдался
В ватаги господские, где весь промотался
В пирах, в дарах, и за пар потерял жаркое.
Умер сам нищ и мне дал наследство такое,
Как ты видишь, что службой принужден кормиться
И принужден сверх того нищете стыдиться».
Выслушав меня, пошел он и за собою
Мне велел идти, горесть чливою рукою
Мою осластить обещал. Идучи мы к дому,
Осмелился я спросить у него такому
Во граде пьянству вину. Старик со слезами,
Вздохнув, отвечал: «Дитя! не дивись меж нами
Беспорядку такову; свет уже сед тает
И к концу идет свойму. Злой нрав управляет,
Как уздой, волю людей, и сладку ту чают
Чашу, что чувствам манит, хоть в ней яд глотают.
Не довольны ж злобны быть и таким являться,
Злость под добродетели видом укрыть тщатся,
И ту виною своим злочинствам быть нудят,
Как хлебом сытным мертвят те, что рыбу удят.
Предки наши, кои жизнь и святу и честну
Сами водя и других на стезю небесну
Наставить крайне пеклись, с прочими уставы
Учредили хвальными, к расширенью славы
Всевысшего, посвятить дни некии года,
В кои, оставя всю мысль житейску и рода
Того труды, кои нам и нашим не нужны,
Воздержався от злых дел, меж собою дружны,
В деле божием имел только упражняться:
Ему поя, ему день весь тот прожить тщаться
Всяк человек без пола разности и чина, —
Так святой устав ты зришь, чему стал причина.
Точно исполняется одна часть закона:

Всяку работу кинет от вечерня звона
И тот самый, чья жена и малые дети,
Наги уже, вместе с ним должны глад терпети,
Впрочем, церковь иль пуста, иль полна однеми,
Кои казаться пришли иль видеться с теми,
Которых инде нельзя видеть столь свободно.
Молитвы, что поп ворчит, спеша сумасбродно,
Сам не зная, что поет, кто-кто примечает;
День весь в бесчестных потом злочинствах летает:
Праздность бо взносит в ум то, что век бы не вспало
Нам в трудах, и нудит к злу, как коня в бег жало.
Сегодня один из тех дней свят Николаю,
Для чего весь город пьян от края до краю».
Пока старик продолжал речь свою умильно,
По двум причинам богов прославлял я сильно:
Первая, что в стропотном и столь злобном граде
Добрый, как казался, муж встрелся мне к отраде;
Другая, что изъяснил он мне, что, конечно,
Я бы угадать не мог. Хоть бы мозг свой вечно
Крутить, никогда бы в ум не могло мне впасти,
Что глупый народ, людей угождая страсти,
Мнился бога чтить, вином наполняя брюхо
И шалея в лености. Когда Пану в ухо
Весть та дойдет, знаю я, как он надседаться
С смеху будет; да и я принужден был жаться,
Часто сморкать и губы искусать до крови,
Видя, что морщить старик начинал уж брови.
Целовальник промыслом, портнов сын с природы,
И в стряпчем он проводив доме млады годы,
Плута чин был исправлять по праву наследства,
По должности, по данну воспитанью с детства
Искуснейший в городе. Одно за мной дело
В службе его было — лить в вино воду смело.
Как скоро бочка с вином стала порожниться,
Нужно было за водой на реку тащиться.
Впрочем, утреню, часы, обедню, вечерни
Век свой он не пропущал; ни, следуя черни,
Праздник в пьянстве провождал, но продавал в будни
Воду, что в вино вливал в праздник пополудни.

Несколько раз уж я, в том труде упражняя
Спину и руки свои, хотел знать, какая
Причина, что весь народ воду покупает?
«Куды ты глуп! — он сказал. — Ведь народ
не знает,
Что воду я в бочки лью, и вино приходит,
А не воду покупать, кто в кружало входит,
Вино, что скотами нас чинит в людском зраку,
Инак бы ты не видал в доме ни собаку».
Услышав то, хохотать я стал из всей мочи,
И старик, буры на мя распяливши очи,
«Чему смеешся?» — спросил. «Тебе, — отвечаю. —
Немного тому назад ты сам, как я чаю,
С слезами в глазах тужил, что народа нравы
Кончиной света грозят, что святы уставы
В зло употребляются, и, гнушаясь пьянству,
Изъяснил следства того, вредные гражданству,
А ты же причину зла множишь сам бесстудно:
Дрова метая в огонь, пожар гасить трудно!
Слезы, сожаление, хоть бы непритворны, —
К исправлению людей средства не проворны.
Противиться должен злу, отнять всю причину
И корень самый иссечь, кто того кончину
Видеть хочет, — без того весь свой труд погубит.
Вино должен перевесть, кто пьяных не любит!
А ты, вино продая, пьяных осужаешь,
К тому же вседневно ты народ весь прельщаешь,
Кой, душе веря твоей, ценой покупает
С вином воду, что с реки даром достать знает;
А ты, богомольный муж, в праздник по уставу
Молишься, посвятив тот день в божию славу.
Из чистых устен тому молитвы лишь внятны —
Больше тех добры дела ему суть приятны.
Сколько часто ни молись, он твои обманы
Видит, и вот тяжкие грозят тебе раны».
«Видно, — отвечал старик, — что ум твой по телу
Груб, и не в людях ты рос: так ты врешь не к делу.
Кроме того, что товар дорог мне приходит
В лавку, сколько, знаешь ли, в подарках исходит
Судье, дьяку и писцу, кои пишут, правят
И крепят указы мне? и сколько заставят
В башмаках одних избить, пока те достану?

Сколько ж даром испою Сеньке и Ивану,
Ходокам и их слугам, что и спят с стаканом?
Неужто ж мне бог велит торговать с изъяном?»
Вымолвив, тотчас меня сбил с двора, молебен
Обещався петь, чтоб бог, каков мне потребен,
Ум даровал, языка отняв половину.
Сосед наш был знатному слуга господину,
К которому в тот же день я пристал слугою,
Дворецкого правил чин; с такою ж душою,
Как прежний хозяин мой, кладывал поклоны.
Знатный его господин, дворянства законы
И преимущство храня, век не суетился
Знать, что в доме делалось; в забавах лишь тщился
И в уборах провождать дни, месяцы, годы,
Ему оставя верстать с расходом приходы.
Богат подданных числом и богат землею,
Должников всегда водил толпу за собою.
Я господской глупости вначале смеялся,
Пока большую в слуге глупость быть дознался;
Не доволен, что того, все чрез его руки
Проходя, сокровищ часть без опаства муки
Мог большую проводить в свой карман искусно
(Хозяин бо росписи честь думал быть гнусно);
Не доволен, что жена, и дети, и внуки
В парче ходят; дом в Москве, дом, где бы от скуки
За городом погулять, и оба пышнее,
И что не в долг строены — хозяйских прочнее;
Несчетных и малую богатств его долю
Ему оставлять не мог сломить жадну волю;
Купя в дом потребные господский припасы,
Иль дорого, или в долг; в тихи потом часы
Большу часть переносил в дом свой и оттуду
В лавку, где те куплены. На всякий день груду
Мяса с поварни, склянок из погреба кучи,
Из амбаров хлеб таким образом, как тучи
Морские воды в море, кругом водить тщился.
К сему делу с прочими я ему годился;
Но век его не могли плутни утаиться
(Настижет злодеев казнь, хоть хрома тащится).
Пойман в краже, обнажен богатств похищенных,

И видел я уж с сумой детей разоренных
И семью всю хлеб просить в лоскутах обшитых.
Я один из числа слуг его, с двора сбитых,
Хирону — так знатного звали господина —
В дом принят, что был я той премены причина.
Бездетен и без жены, с деревню палаты
Хирон имел, и еще мнились тесноваты;
Хоть платьем целые три набиты чуланы,
На всякий день новые шил себе кафтаны;
Пространный стол, что семье поповской съесть трудно,
В тридцать блюд, еще ему мнилось яство скудно.
Народ весь, зная того в государстве силу,
Поутру сквозь тесные передни насилу
К нему кто-кто доступал; просьбы и поклоны
Как Йовиш с неба примал и кивком на оны
Одним весь ответ давал: иль власть свою чая
Тем являть, или, как мню, говорить не зная;
Отродок бо глупости гордость есть конечно.
И подлинно, Хирон мой завирался вечно,
Не смысля, бедный, двух слов сказать к делу складно;
Однако ж толпа льстецов, что с рук его жадно
Рвали сытные куски и большие ждали,
Лишь отворит рот — глаза распялив, зевали,
Всяку речь, сколь ни глупа, хвалить надсажаясь;
Смутны, по его лицу, или улыбаясь,
Готовы, если б то он сказать был намерен,
Признать, что сажа бела и снег собой черен.
Была ль смеху, сам суди, довольна причина,
Примечая иль гостей, или господина?
Но сей большу подал мне, когда в кратко время
Плешиво счастье ему показало темя.
Хирон, что дворецкого своего недавно
За кражу зло наказал, желая жить славно
И мало зная свои сберегать доходы,
Чужим добром дополнял лишние расходы:
Вверену царску казну грабя, полн надежды,
Что он лишь умен один, все люди — невежды,
Дела его распознать или не умеют,
Иль, силы его страшась, открыть не посмеют.

Ездок, что в чужой земле, ему неизвестной,
Видит на пути своем лес вкруг себя тесной,
Реки, болота, горы и страшны стремнины
И, оставя битый путь, ищет пути ины,
Блудит бедно, многие, где меньше он чает,
Трудности и наконец погибель встречает;
Так в течение житья, где предлежат многи
Бедства и страх, гинет тот, конечно, кто ноги
Сведет с пути, где свои расставила вехи
Добродетель, сгладив все опасны помехи.
Хирон оную презрел, и казнь зла наспела;
Вдруг с богатством вся его слава улетела,
И как прежде презирал весь свет под собою,
Так пред всеми ползал уж, низок, головою
Землю бья и подлыми поступки бесстудно
Ища милости у всех. Слаба душа трудно
Средину может держать: в светлый день гордится
Чресчур, и подла чресчур, как небо затмится.
Меж друзьями Хирона Менандр всех любее
Ему был не для того, что был всех умнее,
Ни что лучшие ему знал давать советы,
Но к любовницам носил письма и ответы
И ночные устроял все его забавы.
Дворянин был, не холоп, хоть так мало славы
В должности, что правил он, и тем не стыдился,
Доволен, что всяк к нему с подарком тащился,
Кто у Хирона достать милость был намерен.
Так честь презирается, когда неумерен
Имения властвует глад в корыстных грудях.
К тому ж Менандр (редко бо злонравие в людях
Найдешь без пары одно) сколь лакомством гнусен,
Столь неблагодарен был. Хироном искусен
Пользоваться в счастии того; как настала
Премена — как бы с ним век дружба не бывала:
Бежал его, все забыв добро и заслуги,
Как обыкли вы бежать липчивы недуги.
Он в Хироне больше всех укорял и глупость,
И гордость, и, кой ему не свой порок, скупость,
Обнародствуя все, что той объявлял в тайну
Как другу, и тем спеша его гибель крайну, —
Поступок, гнушения не меньше, чем смеха,
Достойный. Всех благих дел главная помеха —

Неблагодарство — вредит и в ком то гнездится,
А для него и тому, кто его чужится.
Скоро утомляются добро делать люди,
Сколь награжденье, что ждут, велико ни буди;
Суди ж, когда в Менандре сходным примечают,
Что, виноград насадив, терние ращают?
Не имеют ли совсем заткнуть свои ухи
К плачу бедных, жалея дать и хлеба крухи.
Менандров я быв слуга, ему утаити
Не хотел, сколь нрав его мне казался быти
Вреден ему и другим, но, речь презирая
Мою, «Не знаешь, — сказал, — ты, в людях какая
Дорога к счастью ведет. Если хвалить буду
Хирона, или беды за то не избуду,
Иль тех дружбы, что его на место засели,
Век не добьюсь. Хирона уже улетели
Светлые дни; нечего от него уж ждати —
Выжав сок весь, лимон мы обыкли бросати».
И не худо рассуждал; с такими речами,
С таким поступком Менандр полными руками
Встречен от наследника Хироновой власти,
Кой слушал его хулы, как бы сам век пасти
Не мог, ни могла быть речь Менандра подобна
И об нем, — столь мысль людей прельщаться
удобна.
Сей новый Менандров друг Ксенон назывался,
Коему и власть и чин высокий достался
В двадцать лет, юность когда и в узде ретива.
Сего уже разуздав богиня плешива,
Ты сам суди, как с одной рыскал на другую
Пропасть, потеряв совсем дорогу прямую.
Часто, смотря на него, я лопался с смеху,
Хоть меня шутом Менандр ему дал в утеху.
Неумерен в похоти, самолюбив, тщетной
Славы раб, невежеством найпаче приметной;
На ловле с младенчества воспитан с псарями,
Век ничему не учась, смелыми словами
И дерзким лицом о всем хотел рассуждати
(Как бы знанье с властию раздельно бывати
Не могло), над всеми свой совет почитая
И чтительных сединой молчать заставляя,
Хотя искус требует и труды и лета.

Периерг

Довольно об нем; одна та его примета
Дураком кажет. Свое кто век почитает
Мнение лучшим, в том лбу смысл не обитает.
Скажи, где по нем служил и что ты приметил?

Сатир

От Ксенона я отстав, Милон меня встретил,
Не убогий гражданин, кой знался со мною,
Когда еще я вино распложал водою.
Наскучил было уж я жить в господском доме,
Где счастье людей растет на слабой соломе,
Где должен на всякий был день я быть свидетель
Досад, что безвинна в них терпит добродетель,
Где без шуму и без лжи час нельзя пробыти.
Тем Милону рад я был и в службу вступити
Его столь скорей спешил, что муж он казался
Всему свету тих и свят; да в сеть я попался.
Прожил я с ним пять недель, один во всем доме
Слуга, худо кормленый и спя на соломе;
Девка в поварне одна; я с утра до ночи,
Пятерым хозяевам служа со всей мочи,
Надсажался; и снес бы труд, если б стерпети
Мог стропотной семьи нрав. И жена, и дети,
И сам Милон час пробыть без шуму не сильны,
И столь яры у себя, сколь в людях умильны;
Мала вещь, мало словцо — им причина ссоры,
И крик меж собой взнесут, что дрожат подпоры
И стены дома. Добро, если б, меж собою
То чиня, в моих трудах дали мне покою,
Но та беда — ссоры их всегда так кончались,
Что тучи над головой моей разрывались:
Как бы должен за всю их шалость отвечати
Я один и вины их казнь претерпевати.
Однажды, в избу я вшед, нашел всю в соборе
Семью, горит куча свеч, поп в святом уборе.
Сказал в себе: «Господа собрались молиться,
Посмотрю, страху тут нет, чтоб могли браниться».
Но в тот самый час один из детей, не знаю
Зачем пошед, матерний платок, что при краю
Лежал стола, уронил. Буря тотчас встала;
Отец сперва, потом мать волноваться стала;

И молитвы, и кресты, и земны поклоны
Различно сына ругать не дают препоны;
Винный извиняется, братья заступают,
Ворча, слово за слово ссору подымают,
Шум и гром — уж не слыхать ни чтенья, ни певу.
Поп, видя, что уж пришло дело не к издеву,
Спешит утолять огонь. Ему подражая,
И я прошу перестать, вину представляя
Распри маловажну быть и что тут к молитве,
Где любовь нужна, сошлись — не к брани и битве;
Но вдруг вижу, что свечи и книги летают;
На попе уж борода и кудри пылают,
И, туша, кричит, бежит в ризах из палаты.
Хозяин за мой совет мне вместо уплаты
Налоем в спину стрельнул; я с лестниц скатился,
Не знаю, как только цел внизу очутился.
Спадшие кудри мои тотчас схватив, роги
Прикрыл и ударился без оглядку в ноги.
Следовал я в дом попов, был ему слугою.
Да что речь распространять, ставя пред тобою
Здесь то того, то сего мого господина?
Куды ни вскинь, я сказал, глаз — везде причина
Смеху довольна у вас. Один безрассудно
Мечет горстью полною то, что отец трудно
Достал богатство ему, и поздно уж плачет,
Недостатки чувствуя. Другой крепко прячет
Кучу денег и над ней с гладу помирает,
Что ни вложит кусок в рот, то цену считает.
Как в красавицу, иной влюбившися в славу,
И, покой и всякий страх презревши, в кроваву
Бежит битву, где иль глаз оставит, иль ногу;
Крив и хром, топчет еще и к смерти дорогу,
Весел, что печатные собою так вести
Наполнит и будет жить по смерти век с двести.
Хвально идет, кто спешит к должности усердо
И кто за отечество положит жизнь твердо:
Память его честна быть ввеки заслужила;
Но о ком я говорю, не та его сила
В бой тянет; с ума сошед, голу славу ищет
Бесплодно, и без узды конь ретивый рыщет.
    Старик, без зуб, жаркую и в возраста цвете
Жену берет, и сосед ей уж на примете

Прежде свадьбы: гнусная причина бывает,
Что старика, пальцем всяк казав, осмевает,
Что чужие звать его будут отцом дети.
    Другой, удаляяся брака, в любви сети
Не умнее впутался, беспеременно вздыхает,
Ночь целую не спит, с глаз, с ума не спускает
Причину язвы своей; весел, скорбен сряду:
Зависит покой его от словца, от взгляду;
Седые кудри свои холит, вьет и мажет,
Цветными до пят себя тесьмами развяжет,
Песни пишет и поет; сгорбясь, танцы водит;
В дарах не один мешок в неделю исходит.
Ирис ту же сотерым любовь сулит верну,
Умильно на сотерых зеницу та черну
Хитро вскинет и крайком уст приулыбнется;
Все видят обман — один он, как мышка, гнется
В когтях кошки, но себе льстит, собой доволен.
    Макрин весь желт, уж оплыл, водяною болен,
Все утро без отдыху с врачами проводит;
Куча зелий ему в рот разных что день входит,
Лишной ествы, острого воздуха боится, —
Но повсядневно Макрин мертов пьян ложится.
    Молодик собой, богат, с богатым приданым
Берет бабу в сорок лет, и та несказанным
Самовластием его и дом его правит,
И часто молчать, дрожать пред собой заставит.
Единородный отцу сын, что ожидает
Наследство обильное, покой презирает
И, с зарею встав, бежит с передни в передню,
Гня спину, прося, даря и слугу последню,
Чтоб мог письмен несколько к своему прибавить
Имени и шапку снять пред собой заставить
Подлый народ, — часто ж век тщетою надежды
Кормится. Иной, любя блистанье одежды,
Тягчит всегда плоть свою вредительным златом,
Чая, что глупец не глуп уж в платье богатом.
    Мещанин, весь в золоте, с двора не съезжает
Без цуга и толпу слуг за собой таскает,
Расшитых тесемками по цветам печати, —
Что преж сего вывеска была больше кстати.
В огромном доме и пол и стены золотит;
За роспись пустых имен кучу денег плотит;

Ложных предков все дела исчислять не слаба
Его память; дуется, пока треснет, жаба.
Болваном Макар вчерась казался народу,
Годен лишь дрова рубить или таскать воду;
Никто ощупать не мог в нем ума хоть кроху,
Углем черным всяк пятнал совесть его плоху.
Улыбнулося тому ж счастие Макару —
И, сегодня временщик, уж он всем под пару
Честным, знатным, искусным людям становится,
Всяк уму наперерыв чудну в нем дивится,
Сколько пользы от него царство ждать имеет!
Поправить взглядом одним все легко умеет,
Чем бывший глупец пред ним народ весь озлобил;
Бог в благополучие ваше его собил.
Зависть мучит между тем многих, коим мнится
Себе то пристойнее место, и трудится
Не один Макара сбить из чужого места.
Царско ухо всякому завидна невеста,
Пенелопе, кажется; женихи толпою
За ней бегут, и купить ея хоть душою
Склонность рады все. Макар скоро поскользнулся
На льду скользком; день его светлый столь минулся
Спешно, сколь спешно настал; в прежну вдругорь сходит
Глупость свою, и с стыдом в печали проводит
Достальную бедно жизнь между соболями.
Кои на место его спешат, ждут и сами
Часто тот же себе рок; однако ж пихают
Друг друга и напрерыв туда поспешают.
Видел я столетнего старика в постели,
В котором лета весь вид человека съели,
И на труп больше похож; на бороду плюет,
Однако ж дряхлой рукой и в очках рисует.
Что такое? ведь не гроб, что ему бы кстати, —
С огородом пышный дом, где б в лето гуляти.
А другой, видя, что смерть грозит уж косою,
Не мысля, что сделаться имеет с душою,
Хоть чуть видят слабые бумагу уж взгляды,
Начнет писать похорон своих все обряды:
Сколько архипастырей, попов и причету
Пред гробом церковного и сколько по счету
Пойдет за гробом родни с горькими слезами,

С какими и сколькими провожать свечами,
Где вкопать и в какой гроб, лампаду златую
Свесить иль серебряну, и надпись какую
Поставить, чтоб всякому давал знать слог внятный,
Что лежащий под ней прах был господин знатный.
Бессчетных страстей рабы! от детства до гроба
Гордость, зависть мучит вас, лакомство и злоба,
Самолюбье и вещей тщетных гнусна воля;
К свободе охотники — впилась в вас неволя.
Так, как легкое перо, коим ветр играет,
Час мал пробыть на одном мысль ваша не знает.
То богатство ищете — то деньги мешают,
То грустно быть одному — то люди скучают;
Не знаете сами, что хотеть; теперь тое
Хвалите, потом — сие, с одно на другое
Пременяя мысль свою, и, что паче дивно,
Вдруг одно желание другому противно.
Малый в лето муравей потеет, томится,
Зерно за зерном таща, и наполнить тщится
Свой амбар; когда же мир унывать, бесплоден,
Мразами начнет, с гнезда станет неисходен,
В зиму наслаждаяся тем, что нажил летом.
А вы, что мнитесь ума одаренны светом,
В темноте век бродите; не в время прилежны,
В ненужном потеете, а в потребном — лежни.
Короток жизни предел — велики затеи,
Своей сами тишине глупые злодеи,
Состоянием своим всегда недовольны.
Купец, у кого амбар и сундуки полны
Богатств всяких и может жить себе в покое
И в довольстве, вот не спит и ночи уже с трои,
Думая, как бы ему сделаться судьею:
Куды-де хорошо быть в людях головою!
И чтят тебя, и дают; постою не знаешь,
Много ль, мало — для себя всегда собираешь.
Став судьею, уж купцу немало завидит,
Когда, по несчастию, пусто в мешке видит
И, слыша просителей у дверей вздыхати,
Должен встать, не выспавшись, из теплой кровати.
«Боже мой! — говорит он. — Что я не посадский?
Черт бы взял и чин и честь: в них же живот
адский».

Пахарь, соху ведучи иль оброк считая,
Не однажды привздохнет, слезы отирая:
«За что-де меня творец не сделал солдатом?
Не ходил бы в серяке, но в платье богатом,
Знал бы лишь ружье свое да свого капрала,
На правеже бы нога моя не стояла,
Для меня б свинья моя только поросилась,
С коровы мне б молоко, мне б куря носилась;
А то все приказчице, стряпчице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине».
Пришел побор, пахаря вписали в солдаты —
Не однажды дымные помнит уж палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,
Десятью заплачет в день по сером жупане.
«То ль не житье было мне, — говорит, —
в крестьянстве?
Правда, тогда не ходил я в таком убранстве,
Да летом в подклете я, на печи зимою
Сыпал, в дождик из избы я вон ни ногою;
Заплачу подушное, оброк — господину,
А там, о чем бы тужить, не знаю причину:
Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома,
Хлеба у меня чрез год, а скотам — солома;
Дальна езда мне была съездить в торг для соли
Иль в праздник пойти в село, и то с доброй воли,
А теперь — черт, не житье: волочись по свету,
Все бы рубашка бела, а вымыть чем — нету;
Ходи в штанах, возися за ружьем пострелым,
И где до смерти всех бьют надобно быть смелым;
Ни выспаться некогда, часто нет что кушать,
Наряжать мне все собой, а сотерых слушать».
Чернец тот, что день назад чрезмерну охоту
Имел ходить в клобуке и всяку работу
К церкви легку сказывал, прося со слезами,
Чтоб и он с небесными был в счете чинами,
Сегодня не то поет: «Рад бы скинуть рясу,
Скучили уж сухари, полетел бы к мясу;
Рад к черту в товарищи, лишь бы бельцом быти,
Нет мочи уж ангелом в слабом теле слыти».
В долгой речи малую страстей ваших долю
Исчел я тебе, твою исполняя волю;
Совершенно описать, смысленные твари

Сколь глупы, смешны собой, смотрены без хари,
Году мало, поверь мне, — довольно с собою
Несу, долго чем смешить царя и с ордою.
Да солнце уж начало за гору скрываться;
Я раздет, прощай! пора мне с тобой расстаться.
Речь мою про себя крой, буде в ней какую
Пользу чаешь; не ищи употреблять тую
К исправлению людей: мала к тому сила
Наша с тобой — исправит горбатых могила.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворец пред отъездом своим в чужие краи сочинил было сатиру на подражание осьмой Боаловой, которая надписана *на человека;* но потом, усмотрев, что почти вся состояла из речей французского сатирика, выбрав из нея малую часть стихов, составил сию пятую сатиру в Лондоне в 1737 году. Намерение его в ней есть оказать смеху достойные человеческие страсти, как сам чрез усты сатировы изъявляет от стиха 78-го по 81.

Писана она разговором меж *Сатиром* и *Периергом,* то есть *любопытным.* Откуду тот Сатир, как тут введен и зачем, сам изъясняет от 50-го стиха по 69, потому здесь о том излишно бы было распространяться. Довольно дать знать, что Сатиры, по баснословию древних, суть род неких лесных полубогов, которых тело от пояса вниз козлинно, а вверх — человечее, с рогами и долгими ушми. Описуются от стихотворцев Сатиры смешливы и сластолюбивы *(«Гиралдии, история богов», том I, столбец 413).*

Ст. 1. *Сильна Пана.* Пан — бог лесов, начальник Сатиров. Смотри об нем от стиха 50-го по 55.

Ст. тот же. *Хоть мне смерть случится.* Хоть бы меня Пан казнить велел. Сатиры, Фауны, Силваны и подобные лесные полубоги не бывали бессмертны, но долгой токмо жизни. Смотри Гиралдия в вышепоказанном месте.

Ст. 4. *Мойму.* Вместо *моему.*

Ст. 5. *Красоте радея.* О людях говорит.

Ст. 6 и 7. *Руки, шея, ноги, чреслы спутаны.* Руки запонками, шея галстуком, ноги подвязками и башмаками спутаны.

Ст. 7. *Недруги покоя.* То есть платья те беспокойны.

Ст. 9. *Тягости златые.* Так богатое платье называет Сатир.

Ст. 10. *Кудри накладные.* Перук.

Ст. 14. *Вскрыл.* Открыл, показал, сняв с них перук.

Ст. 15. *Наши писцы.* Наши живописцы. Писец обыкновенно значит маляра, понеже говорим: живописец, иконописец.

Ст. 17. *Позволь мне, буде не в гнев.* Тут Периерг начинает с Сатиром говорить.

Ст. 23. *В вашем роде.* В человеческом, сиречь.

Ст. 26. *Ничего не требую!* Ни в чем нужды не имею, ничего от тебя не требую.

Ст. 37. *Моды.* Мода слово французское, значит обычай в ношении платья, в употреблении всяких уборов и в самих наших поступках.

Ст. 38. *Вздор сей.* О платье говорит.

Ст. 46. *Соседу с вредом.* Понеже в ваших разговорах того, другого пересужаете.

Ст. 48. *Буде случитесь одни, ночь всю спите.* Буде одни случитесь; инако с товарищем в постели, а наипаче разного пола, не вся ночь спится.

Ст. 51. *Пан.* Бог лесной, иногда и *Силваном* от стихотворцев называется, сын Пенелопы. По баснословию древних, начальствует над всем родом Сатиров, над лесами, над садами и над браками. Он же выдумал дудку (*«Гиралдии, в истории богов»*).

Ст. 83. *Тот не волен.* Тот не может.

Ст. 85. *Впоенное с млеком.* Водруженное в ум наш чрез воспитание от младенчества и проч. Всегда мое мнение было, что воспитание есть от большей части причина всех наших нравов. Гораций изрядно говорит, что *чем новый горшок нальешь, долго пахнуть будет*:

> Quo semel est imbuta recens, servabit odorem 5
> Olla diu.

Ст. 88. *Нет нужды в трубках.* В зрительных, сиречь, трубках, чрез которые смотрим вещи, кои в дальном от нас расстоянии.

Ст. 90. *Ноги лише двои.* Которыми бежит, сиречь.

Ст. 100 и 101. *Слыша его, колесо мельницы... в звучные обраты.* Слыша его, кажется, что вода с шумом бьет в мельничное колесо, которое ворочается, звуча сильно: так он громко и беспрестанно говорит.

Ст. 103. *Своим смеется словам; част один смеется.* Сам своим словам смеется, как бы забавны весьма были, и часто только один смеется, понеже слушатели никакой забавы в них не находят. *Част* вместо *часто* за нужду меры.

Ст. 104. *Руки вольны.* Нахальчивого руки вольны, или, лучше сказать, продерзки, понеже протягает их без стыда на многие запрещенные места.

Ст. 108. *Шлют.* Разумеется *за ним.*

Ст. 110. *Нахала сказуя быть веселого нраву.* Называя его, нахала, человеком веселого нрава. По несчастию, весьма часто видим сему образцы.

Ст. 112. *Древность коньков.* Коньков, на которых на льду катаемся. *Коньки* вписаны здесь вместо всякой неважной вещи, в которой испытании приложенный труд суетен.

Ст. 117. *Наградив бдения и поты.* Заплатив одним кивком головы, одним малым поклонцем за все Критоновы труды.

Ст. 120. *Судью книг искал в благородном.* Чаял, что дворянин хорошо рассуждать умеет о доброте какой книги.

Ст. 127. *Глаза пяля.* Удивляяся гораздо, понеже тогда обыкновенно с прилежанием смотрим и для того глаза пялим.

Ст. 144. *Паном меня почти.* Почти меня Паном, царем твоим, и расскажи мне о тех, коим ты служил, живучи в людях.

Ст. 147. *Позднему предать потомству потщуся.* Стараться буду,

чтоб на многие будущие веки и на самые позднейшие речь твоя потомкам нашим служила в исправление их нравов.

Ст. 149 по 159. *Вам лише пристало.* Многие находятся такого нрава, которому сатирик смеется, не для того что неблагодарство хвальнее. Те, кои благодеяние получают, хулы достойны, если бывают неблагодарны; а те, кои благодетельствуют, гораздо хульнее, если себе благодарство требуют; наипаче же когда за малое благодеяние требуют великое благодарство. Кто великодушного имя нажить хочет, должен совсем забывать учиненное кому добро и помнить показанную обиду, чтоб оную исправить.

Ст. 158. *Как обычай и у вас. Рогатыми* называют тех, коих жена в обещаниях брачных не верна.

Ст. 162 и 163. *Что спит как убитый мужик.* Между прочими худыми пьянства следствиями гражданству не меньше вредительно пренебрежение должности. Тот пример здесь показывает сатирик в караульщике, который поставлен вход в город стеречь, а за пьянством спит и не знает, кто в город входит.

Ст. 165. *И солнце полкруга небесна не пробегло.* Еще не было полдня.

Ст. 171. *Тяжки и румяны.* Каковы живут головы у пьяных. Прилагательное *румяны* служит, чтоб показать, что те тела не мертвые.

Ст. 174. *Ногами сильнее.* Понеже еще ходить могут и хмель еще их не свалил.

Ст. 177. *И мимойдущих грязнит.* Понеже, падая и скользя, брызгают мимоидущих грязью, в которой танцуют.

Ст. 179. *Телу полну власть дают.* Испражняют, обнажают, движут тело без всякого воздержания.

Ст. тот же. *Пред стыдливым полом.* Пред женским полом.

Ст. 183. *Бахусом отягощен.* Вином, пьянством отягощен. *Бахус,* Юпитеров сын, у баснословцев за бога винограда и пьянства почитается.

Ст. 187. *Блюет зубы.* Которые в драке выбиты.

Ст. 188. *Вне себя двояко.* Пьянством, сиречь, и печалию лишения родителя или сродника.

Ст. 190. *Иль острием стали.* Острием меча или другого какого секущего оружия. Стихотворцы и самые историки часто *железо* вместо *оружия* употребляют; для чего ж бы *сталь* также не употреблять?

Ст. 206. *Чист душою.* Верен.

Ст. 210. *Деду следуя, отец* и проч. Сатир притворяет себе отца *посадского* и, описуя его поступки, осмевает граждан того чина, кои за славолюбием, за жадностию дворянского имени проживают все свое имение и оставляют детей своих в нищете и несчастии.

Ст. 221. *За пар потерял жаркое.* За дворянское имя потерял богатство. Пар, что из горячего мяса выходит.

Ст. 226 и 227. *Горесть чливою рукою мою сcластить обещал.* Обещався несчастие мое облегчить, чливо меня снабдевая.

Ст. 231. *Свет уже сед тает.* Свет, уже престарев, ослабевает, лишается сил своих. Седина — старости знак, и часто говорим о человеке, который из дня в день слабеет и сохнет, что он *тает.* Сие введение разговора показывает старика сего человеком притворного

богочтения. Обыкновенно такие люди осуждением ближнего ищут свое благонравие оказывать.

Ст. 233 и 234. *И сладку ту чают чашу.* Приятно им то, что чувства услаждает, хоть душе тем крайний вред, смерть самую наносят.

Ст. 236. *Злость под добродетели видом укрыть тщатся.* Так в настоящем примере видим, что пьяницы страсть свою извиняют праздником в божию славу.

Ст. 238. *Хлебом сытным мертвят.* Хлебом, который питает животных, смерть приключают. Известно есть, что на удицу рыбаки иногда хлеб или тесто кладут, которым обманутые рыбы живота лишаются.

Ст. 239. *Предки наши* и проч. Сатирик описует причину установления праздников и образ, которым оные торжествовать должно. Праздники установлены для славы божией; в те дни мы должны свято жить в молитвах, в любви междоусобной, в труде, но в нужном труде, то есть который потребен для нашего и своих содержания.

Ст. 240. *На стезю небесну.* На небесную дорогу, на добрый путь, на добрую жизнь.

Ст. 252. *От вечерня звона.* Праздники в церкви начинаются с кануна, и обыкновенно сегодня поется вечерня завтрашнему святому. Потому тотчас, как начнется звон праздничной вечерни, богочтительные люди оставляют и недоделанную работу.

Ст. 262. *Жало.* Шпора, чем лошадей тычем, чтоб скорее бежали.

Ст. 267. *В стропотном и столь злобном граде.* Сатир так о городе том рассуждает по словам старика, своего хозяина. Обыкновенно люди о делах по речам людским судят, мало суетятся исследовать истину собою.

Ст. 272. *Что глупый народ, людей угождая страсти.* Слова сего стиха в сродном порядке так бы должны лежать: *что народ, людей угождая глупой страсти.*

Ст. 276 и 277. *Принужден был жаться* и проч. Обыкновенные действа того, кто смех свой удерживать и утаить хочет.

Ст. 278. *Морщить старик начинал уж брови.* То есть начинал сердиться, ибо тогда обыкновенно брови и лоб морщатся.

Ст. 290. *Пополудни.* Для того пополудни, что поутру упражнялся в службе божией; как бы воровство могло согласиться с богопочтительством.

Ст. 297. *Что скотами нас чинит.* Отымая, сиречь, смысл, которым от скотов человек разнится.

Ст. 302. *Как я чаю.* Сей сумнительства знак здесь к делу стихотворец вставил, понеже стариковы дела с речми так различны, что Сатир сомневается, он ли то был, что намеднись ему против пьянства говорил, или другой кто.

Ст. 314. *Вино должен перевесть.* Парламент английский, усмотрев, что народ чрезмерно пьянству вдался, учредил в 1736-м уставом своим наложить на крепкие питья высокую весьма пошлину и запретить всем кабачникам продавать в розницу меньше двух галенков; таким образом отчасти чрезмерное вина употребление в Англии пресечено.

Ст. 324. *Тяжкие раны.* Тяжкое наказание.

Ст. 333. *Что и спят с стаканом.* Сильные пьяницы, что и когда спят — стакан в руках.

Ст. 338. *Знатному слуга господину.* Вместо *знатного господина слуга.* Обыкновенно во С<вященном> п<исании> дательный падеж вместо родительного употреблять.

Ст. 347. *Богат подданных числом.* О господине знатном говорит.

Ст. 366. *Как тучи.* Вместо *как облаки,* которые набираются пар водяных из моря и земли и, как те чрезмерно отяготятся дождем, опять воду морю и земле возвращают.

Ст. 370. *Настижет злодеев казнь.* Подражание следующих Горациевых стихов:

Raro antecedentem scelestum
Deseruit pede poena claudo.

<Редко свершенному прежде преступлению удавалось избегнуть хромоногого возмездия.>

Стихотворцы казнь изображают гнусною хромою женою с плетьми и подобными озлобительными орудиями в руках.

Ст. 376. *Той премены.* Сиречь той премены, что в Хироновом доме случилася отставкою дворецкого, понеже он знать то о плутнях дворецкого хозяину повестил. Многие служители чают противен совести такой поступок, извиняяся, что неприлично человека лишить своего хлеба; да не рассуждают они, что главная их должность есть верно служить господину и радеть о его пользе. Когда хозяйское добро тратится и они, ведая, молчат, сами причастники воровства становятся.

Ст. 384. *Тесные передни.* За многолюдством тех, кои хаживали к нему на поклон.

Ст. 386. *Йовиш.* Главнейший бог у многобожцев, сын Сатурна, которого, с неба сбив, всем светом обладал.

Ст. 397 и 398. *Готовы, если б то он сказать был намерен* и проч. Таков подлинно нахлебников нрав, которые в обществе столь вредительны, что дивно, как до сих пор никакого наказания похлебству не узаконено.

Ст. 402. *Плешиво счастье ему показало темя.* Стихотворцы описуют счастие с плешивою головою, оставя косу волосов на самом только лбу; для того, говорят, что надобно счастье хватать, пока к нам смотрит и пока не оборотит к нам зад; понеже тогда, за его плешивостию, не за что будет его ловить, и из рук наших уйдет. *Темя* здесь вместо *затылка* употреблено, понеже и оно зад головы составляет

Ст. 423. *И как прежде презирал* и проч. Обыкновенно гордым людям падать в крайнее малодушество, когда несчастье им какое настанет. Добродетель одна равномерно великодушна в бедах и смиренна в благополучии.

Ст. 427. *В светлый день.* В счастии.

Ст. 428. *Как небо затмится.* Как несчастье наступит.

Ст. 439. *Имения властвует глад в корыстных грудях.* Богатств жадность, сребролюбие в сердце, которое во всем корысть ищет. *Грудь* вместо *сердца* часто у стихотворцев употребляется.

Ст. 440 и 441. *Редко бо злонравие в людях найдешь без пары одно.* Так, скупость лакомству, самолюбие глупости, любочестие неправости соединено и проч.

Ст. 449. *Обнародствуя все, что той объявлял в тайну.* Ничто гнуснее того, как в несчастии приятеля искать большее ему несчастие, огорчевая против него людей сильных, открывая того речи, которые в тайну ему говорил как приятелю.

Ст. 452. *Всех благих дел главная помеха — неблагодарство.* Всех злонравий неблагодарство обществу вреднее, понеже пресекает охоту благотворения. Изрядно об нем Плаутус рассуждает:

——— Ingrato homine nihil impensius est;
Nimium praestat impendiosum te, quam imgratum dicier:
Illum laudabunt boni; hoc etiam ipsi culpabunt mali.

<Нет ничего хуже неблагодарного человека. Гораздо лучше, чтобы тебя назвали расточительным, чем неблагодарным. Первое похвалят добропорядочные люди, второе осудят даже злодеи.>

Ст. 458. *Что, виноград насадив.* Сиречь что за добро зло им воздается. Не помню, в коем месте бог чрез пророка Исаию говорит: *Насадих виноград и возрасте терние.*

Ст. 480. *Богиня плешива.* Фортуна, Счастие. Смотри примечание под стихом 402-м сей сатиры.

Ст. 484. *Хоть меня шутом Менандр.* Хотя Менандр меня Ксенону отдал в шуты, он чаще мой шут бывал; я чаще ему смеялся, чем он мне.

Ст. 500. *Когда еще я вино распложал водою.* Когда, служа целовальнику, ливал воду в вино. Смотри примечание под стихом 284-м сей сатиры.

Ст. 502. *Где счастье людей растет на слабой соломе.* Где людей счастье столь хлипко, как солома, или где счастье людей основано на соломе, то есть на основании, чрезмерно хлипком.

Ст. 508. *В сеть я попался.* Обманулся, как птицы и звери, кои в сеть попадают.

Ст. 512. *Пятерым хозяевам.* Знать, Милон был женат и три сына имел.

Ст. 534. *Не дают препоны.* Не мешают.

Ст. 542. *Где любовь нужна.* Что на молитве с взаимною любовью стоять должно, в многих местах Святое писание нас учит.

Ст. 556. *Трудно.* Вместо *с великим трудом.*

Ст. 564. *Крив и хром, топчет еще.* Славолюбец не доволен, что в войне ему глаз выбит или нога отбита, еще туды возвращается, и самую смерть презирая, только затем, чтоб его действа отважные внесены были в печатные вести и память их доставила ему славу по смерти.

Ст. 567. *Хвально идет* и проч. по ст. 572. Храбро идти на войну и жизнь свою положить за отечество весьма хвально; но такого осуждает сатирик человека, который не для пользы отечества, не для исполнения должности своей, но за одну голую любовь славы безрассудно бежит в бедства.

Ст. 573. *Жаркую.* К забавам весьма склонную, какова молодая жена.

Ст. 582. *Зависит покой его.* От одного слова, от одного взгляду полюбовницы зависит вся тишина его. Буде косо на него посмотрит — печалится; буде улыбнется к нему — радуется.

Ст. 587. *Ирис ту же сотерым.* Не довольно, что старик, противно приличности своего возраста, пав в любовные сети, упражняется в делах и уборах, юношам одним пристойных; он же к тому столь ослеплен самолюбием, что не видит, что Ирис, его полюбовница, его обманывает. Сотерым она ту же, что ему, любовь сулит, те же знаки любви дозволяет; весь свет то видит, он один не видит.

Ст. 605. *Чтоб мог письмен несколько* и проч. Чтоб достать чин или титло какое, которое прибавит к его имени несколько букв, для того что тогда уже будет зваться не просто, например, *Иван,* но *барон* или *граф Иван* и проч.

Ст. 607. *Часто ж век тщетою надежды кормится.* Часто не удается ему достать желанное и проводит жизнь свою, надеяся из дня в день, что его просьбы будут исполнены.

Ст. 609. *Вредительным златом.* Богатым платьем, которое за тягостию своею беспокойно и потому телу вредно, буде не карману.

Ст. 613. *Расшитых тесемками по цветам печати.* Платья нижних служителей, каковы суть лакеи, конюхи и проч., таким образом составляются, чтоб в них находилися цветы, которые находятся в гербе хозяйском. Наприклад, если герб чей состоит из голубого поля с красною поперек полосою, то кафтан должно сшить из голубого сукна, а камзол и обшлага кафтанные и штаны — из красного. Ежели такое платье (которое с французского слова ливреею называем) кто желает выложить по швам или по подолу одному тесьмами, чтоб тем был богатее, то должно, чтоб и в тех тесьмах содержалися цветы герба.

Ст. 614. *Что преж сего вывеска была.* Мещанин выкладывает свою ливрею тесьмами по цветам своего герба, который герб он составил из вывески, что висела у его лавки гораздо приличнее.

Ст. 616. *За роспись пустых имен.* За родословную роспись. Мещанин ищет показать себя старым дворянином, для того платит, чтоб себе приискать знатных предков.

Ст. 618. *Дуется, пока треснет, жаба.* В Езоповых притчах читаем, что малая жаба, увидев быка, прибежала к матери своей, крича, что видела превеликого зверя. Старая жаба спросила у дочери, будет ли тот зверь в ея величину? Дочь ответствовав, что гораздо он больше, мать начала дуться, чтоб прийти в его меру, по тех пор, пока, лишно надуваяся, треснула. Так мещанин, желая соравниться вельможе, лишние, не по своим силам иждивения чинит, пока разорится.

Ст. 627. *Сколько пользы от него.* Так об Макаре, временщике, похлебники его говорят, для того что он в силе.

Ст. 629. *Бывший глупец.* Бывший пред ним временщик, который был его не умнее.

Ст. 633. *Из чужого места.* Всякому кажется себе пристойнее место, которое Макар занимает; для того чает, что то место ему, Макару, чужое.

Ст. 634 и 635. *Царско ухо всякому.* Всякому милость царева, сила при царе кажется завидная невеста, какова была Пенелопе. Всяк добивается всеми способами достать себе при царе силу, как гре-

ческие князи добивалися достать себе в жену Пенелопу. *Пенелопе, дочь Икара и Перибеи, жена Улиссова,* заслужила себе имя целомудреннейшей во время двадцатилетнего отсутствия мужа своего, который пробыл десять лет при осаде Трои и другие десять лет блудил в море, возвращаяся в отечество. Многие из греческих князей представляли себя ей женихами, сказывая, что Улисс умер, и сильно старалися ее к браку склонить. Чтоб избыть их докук, она обещалася во второй брак вступить, выбрав из них одного, как скоро скончит начатую работу; а ночью распарывала то, что вышила днем, и так время протягала, пока Улисс, возвратився, всех тех женихов побил.

Ст. 636. *Хоть душою.* Сиречь хотя гибелью души своей, дерзая на всякие злочинства и мерзости для угождения ему, Макару.

Ст. 637 и 638. *Поскользнулся на льду скользком.* Человек в высокой степени гораздо похож тому, кто по льду катается; много предосторожности ему нужно, чтоб держаться прямо на ногах.

Ст. 638. *День его светлый.* Счастливое его время.

Ст. 639 и 640. *В прежню вдругорь сходит глупость.* Макар прежде своего счастья глупцом почитан; в счастье пришед, вдруг стался умным; минулося его счастье, паки стался глуп; уже все забыли, что мало пред тем его почитали человеком благорассудным и искусным.

Ст. 641. *Между соболями.* В ссылке в Сибири, откуду соболи приходят.

Ст. 646. *В котором лета весь вид человека съели.* Которого старость так уже изнурила, что человеческое подобие в нем насилу осталось.

Ст. 653. *Взгляды.* Вместо *глаза.*

Ст. 655. *Архипастырей.* Священноначальников, то есть архиереев и архимандритов.

Ст. 675. *Малый в лето муравей.* Подражание следующих Горациевых стихов:

Parvula (nam exemplo est) magni formica laboris
Ore trahit, quodcunque potest, atque addit acervo,
Quem struit, haud ignara ac non incauta futuri;
Quae simul inversum contristat Aquarius annum,
Non usquam properit, et illis utitur ante
Quaesitis sapiens.

(Книги I, сат. I, ст. 33 и следующие)

<Маленький муравей, он всегда пример большого трудолюбия, тащит ртом все, что может, и прибавляет к своей куче. Он складывает ее, очень хорошо зная будущее и заботясь о нем. Как только Водолей помрачит завершившийся год, муравей не ползет дальше никуда и мудро пользуется тем, что накопил заранее.>

Ст. 682. *В ненужном потеете.* О ненужном деле всею силою трудитесь; понеже пот в трудах есть знак великого усилия.

Ст. 690. *Головою.* То есть *начальником.* Так прежде сего *полковники* назывались *голова: голова стрелецкий; голова кабацкий* есть надзиратель питейных домов.

Ст. 691. *Постою не знаешь.* Ничего так посадским тягостно не кажется, как постой, от которого свободны все те, которые у государевых дел в службе. Манифактурщики имеют привилегию от императора Петра Великого, чтоб в их домех постою не ставить.

Ст. 699. *Соху ведучи.* Па́шучи землю, оря.

Ст. 701. *Творец.* Бог.

Ст. 702. *В платье богатом.* Крестьянину гораздо богат кажется суконный цветной кафтан, каковы суть солдатские.

Ст. 703. *Свого.* Вместо своего.

Ст. 711. *В зеленом кафтане.* Российские пехотные полки все одеты зелеными кафтанами с красными обшлагами и воротниками.

Ст. 721. *Съездит в торг для соли.* Редко за другим чем крестьяне в торг ездят, имея все нужное дома. Живет, что их за делами в город позывают; да тогда их везут, а не сами едут.

Ст. 724. *Все бы рубашка бела.* Устав военный повелевает, чтоб солдат, идучи в строй или на караул, имел белую рубаху.

Ст. 725. *Ходи в штанах.* Всякому то трудно, к чему не обык; а известно, что крестьяне больше в портках ходят и редко штанов употребляют.

Ст. 732. *Чтоб и он с небесными был в счете чинами.* Монашество, то есть чернцов состояние, которое ангельским чином церковь называет. От 686-го стиха по сей есть подражание отчасти следующих Горациевых, но с великою прибавкою (сат. I, книги I):

O fortunati mercatores, gravis annis
Miles ait, multo jam fractus membra labore;
Contra mercator, navem jactantibus austris,
Militia est potior. Quid? enim concurritur: horae
Momento cita mors venit, aut victoria laeta.
Agricolam laudat juris legumque peritus,
Sub galli cantum consultor ubi ostia pulsat.

<О счастливые купцы! — говорит расслабленный годами воин, у которого все члены поломаны от долгой службы; а, напротив того, купец, когда ветры бросают его корабль, говорит, что военная служба лучше. Как так? Просто: произошла стычка и в один час приходится или быстрая смерть, или радостная победа. Человек опытный в законах и праве, когда до петухов к нему в двери стучится проситель, хвалит положение земледельца.>

Ст. 740. *Смотрены без хари.* Рассуждая об них, каковы они в самой природе, каковы они кажутся собою, когда их рассматриваем без пристрастия, которое их, как харя красивая, дурное лицо украшает.

Ст. 742. *Царя и с ордою.* Царя моего, Пана, и весь народ Сатирский.

Ст. 747. *К исправлению людей.* Смотри стих 146-й сей сатиры.

САТИРА VI
О ИСТИННОМ БЛАЖЕНСТВЕ

Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен,
В тишине знает прожить, от суетных волен
Мыслей, что мучат других, и топчет надежну
Стезю добродетели к концу неизбежну.
Малый свой дом, на своем построенный поле,
Кое дает нужное умеренной воле:
Не скудный, не лишний корм и средню забаву —
Где б с другом с другим я мог, по моему нраву
Выбранным, в лишны часы прогнать скуки бремя,
Где б, от шуму отдален, прочее все время
Провожать меж мертвыми греки и латины,
Исследуя всех вещей действа и причины,
Учася знать образцом других, что полезно,
Что вредно в нравах, что в них гнусно иль любезно, —
Желания все мои крайни составляет.
Богатство, высокий чин, что в очах блистает
Люду неискусному, многие печали
Наносит и ищущим и тем, что достали.
Кто б не смеялся тому, что стежку жестоку
Топчет, лезя весь в поту на гору высоку,
Коей вершина остра так, что, осторожно
Сколь стопы ни утверждать, с покоем не можно
Устоять, и всякий ветр, что дышит, опасный:
Грозит бедному падеж в стремнины ужасны;
Любочестный, однак, муж на него походит.

Редко счастье на своих крылах кого взводит
На высоку вдруг степень, и если бывает
Столько ласково к кому, долго в том не знает
Устоять, но в малый час копком его спихнет
Одним, что, стремглав летя, не один член свихнет;
А без помочи того труды бесконечны
Нужны и терпение, хоть плоды ж не вечны.
С петухами пробудясь, нужно потащиться
Из дому в дом на поклон, в переднях томиться,
Утро все торча в ногах с холопы в беседе,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея. По обеде
Та же жизнь до вечера; ночь вся беспокойно
Пройдет, думая, к кому поутру пристойно
Еще бежать, перед кем гнуть шею и спину,
Что слуге в подарок, что понесть господину.
Нужно часто полыгать, небылицу верить
Большу, чем что скорлупой можно море смерить;
Господскую сносить спесь, признавать, что родом
Моложе Владимира одним только годом,
Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой;
Кривую жену его называть Венерой
И в шальных детях хвалить остроту природну;
Не зевать, когда он сам несет сумасбродну.
Нужно добродетелем звать того, другого,
От кого век не видал добра никакого,
И средь зимы провожать, сам без шапки, в сани,
Притворяясь не слыхать за плечми слух брани.
Нужно еще одолеть и препятства многи,
Что зависть кладет на всяк час тебе под ноги, —
Все ж те труды наконец в надежде оставят,
Иль в удачу тебе чин маленький доставят.
Тогда должность поведет тебя в поле вялить,
Увечиться и против смерти груди пялить;
Иль с пером в руках сносить шум и смрад приказный,
Боясь всегда не проспать час к делам указный,
И с страхом всегда крепить в суду приговоры,
Чтоб тебя не довели с сильнейшим до ссоры;
Или торчать при дворе с утра до полночи
С отвесом в руках и сплошь напяливши очи,
Чтоб с веревки не скользнуть; а между тем свищет
Славолюбие в ушах, что, кто славу ищет,
В первой степени тому стыд остановиться;

Убо, повторяя труд, лет с тридцать нуриться,
Лет с тридцать бедную жизнь еще продолжати
Станешь, чтоб к цели твоей весь дряхл добежати.
Вот уж достиг, царскую лишь власть над собою
Знаешь; человеческ род весь уж под тобою
Как червяк ползет; одним взглядом ты наводишь
Мрачну печаль и одним — радости свет вводишь.
Все тебя, как бы божка, кадить и чтить тщатся,
Все больше, чем чучела — вороны, боятся.
Искусство само твой дом создало пространный,
Где все, что Италия, Франция и странный
Китайск ум произвели, зрящих удивляет.
Всякий твой член в золоте и в камнях блистает,
Которы шлет Индия и Перу обильны,
Так, что лучи от тебя глаза снесть не сильны.
Спишь в золоте, золото на золоте всходит
Тебе на стол, и холоп твой в золоте ходит,
И сам Аполлон, тебя как в улице видит,
Свите твоей и возку твоему завидит.
Ужли покоен? — Никак! Покой отымает
Дом пышный, и сладк сон с глаз того убегает,
Кто на нежной под парчой постели ложится.
Сильна тревога в сердцах богатых таится —
Не столько волнуется море, когда с са́ма
Дна движет воды его зло буря упряма.
    Зависть шепчет, буде вслух говорить не смеет,
Беспрестанно на тебя, и хоть одолеет
Десятью достоинство твое, погибаешь
Наконец, хотя вину сам свою не знаешь.
    С властию славы любовь в тебе возрастая,
Крушится, где твой предел уставить не зная;
Меньше ж пользует, чем песнь сладкая глухому,
Чем нега и па́ренье подагрой больному,
Вышня честь — сокровище тому несказанно,
Кого надежда и страх мучит беспрестанно.
    Еще если б наша жизнь на два, на три веки
Тянулась, не столько бы глупы человеки
Казалися, мнению служа безрассудну,
Меньшу в пользу большия времени часть трудну
Снося и довольно дней поправить имея
Себя, когда прежние прожили шалея.

Да лих человек, родясь, имеет насилу
Время оглядеться вокруг и полезть в могилу;
И столь короткий живот еще ущербляют
Младенство, старость, болезнь; а дни так летают,
Что напрасно будешь ждать себе их возврату.
Что ж столь тяжкий сносить труд за столь малу плату
Я имею? и терять золотое время,
Отставляя из дня в день злонравия семя
Из сердца искоренять? и ища степени
Пышны и сокровища за пустые тени,
Как пес басенный кусок с зуб опустил мяса?
Добродетель лучшая есть наша украса,
Тишина ума под ней и своя мне воля
Всего драгоценнее. Кому богатств доля
Пала и славы, тех трех благ может лишиться,
Хоть бы крайней гибели и мог ущититься.
Глупо из младенчества звыкли мы бояться
Нищеты, презрения, и те всего мнятся
Зла горчае, потому бежим мы в другую
Крайность, не зная в вещах меру никакую;
Всяко, однако ж, предел свой дело имеет:
Кто пройдет, кто не дойдет — подобно шалеет.
Грешит пестун Неронов, что тьмы накопляет
Сокровищ с бедством житья, да и тот, что чает
В бочке имя мудреца достать, часто голод
И мраз терпя, не умен: в шестьдесят лет молод,
Еще дитя, под начал отдать можно дядьки,
Чтоб лозою злые в нем исправил повадки.
Сильвий, масло продая, не хуже кормился
И от досад нищеты не хуже щитился
Малым мешком, чем теперь, что, все края света
Сквозь огнь, сквозь мраз пробежав и изнурив лета
В беспокойстве сладкие, сундуки, палаты
Огромны сокровищу его тесноваты.
Можно скудость не терпеть, богатств не имея
Лишних, и в тихом углу, покоен седея,
Можно славу получить, хоть бы за собою
Полк людей ты не водил, хоть бы пред тобою
Народ шапки не сымал, хоть бы ты таскался
Пешком, и один слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малым прожить природа нас учит
В довольстве, коль лакомство разум наш не мучит.

Достать нетрудно доход невелик и сходен
С состоянием твоим, и потом свободен
Желаний и зависти там остановися.
В степенях блистающих имен не дивися
И богатств больших; живи тих, ища, что честно,
Что и тебе и другим пользует нелестно
К нравов исправлению; слава твоя вечно
Между добрыми людьми жить будет, конечно.
Да хоть бы неведом дни скончал и по смерти
Свету остался забыт, силен ты был стерти
Зуб зависти, ни трудов твоих мзда пропала:
Добрым быть — собою мзда есть уже немала.

ПРИМЕЧАНИЯ

Начало сей сатиры само собою показывает ея намерение, которое есть доказать, что тот только блажен в сей жизни, кто, малым довольствуяся, живет в тишине и добродетели следует. Писана сия сатира в начале 1738 года.

Ст. 1. *В сей жизни.* Блаженство будущия жизни иное есть, о котором в сатире говорить было бы неприлично.

Ст. 2. От суетных волен мыслей. Свободен, не прилеплен к попечению о суетных вещах.

Ст. 3. *И топчет надежну стезю добродетели.* Следует, держится добродетели, добрым делам благонравия.

Ст. 4. *К концу неизбежну.* К смерти, которая есть жития нашего конец неизбежный. Говорит Гораций (письмо 16, кн. 1):

...Mors ultima linea rerum.

<Смерть последний предел вещей.>

Ст. 5. *Малый свой дом.* Подражание следующих Горациевых стихов (книги II, сатира 6):

Hoc erat in votis: modus agri non ita magnus.
Hortus ubi, et tecto vicinus jugis aquae fons.
Et paulum sylvae super his foret.

<Вот чего я желаю: небольшое поле, где бы был сад и рядом с домом неиссякаемый источник воды, и сверх всего этого небольшой лесок.>

Ст. 11. *Меж мертвыми греки и латины.* Меж книгами древних греков и латин. Меры нужда не позволила стихотворцу нашему включить и новейших писателей, которых он не меньше старых почитает, признавая, что в философических и математических делах от сих больше научиться можно.

Ст. 12. *Исследуя всех вещей действа и причины.* Прилежа к фи-

зике и естественной истории, которые учат знать причины и действа вещей. Виргилий счастливым почитает того, кто в том знании удачлив.

Felix, qui potuit rerum cognoscere causas.

<Счастлив, кто мог познать причины вещей.>

Ст. 28. *Долго в том не знает устоять.* Счастье весьма пременчиво, на том же долго стоять не умеет; для того стихотворцы изобразуют Фортуну стоящу на шаре, который твердо установить не можно.

Ст. 31. *А без помочи того.* Сиречь без помочи счастья.

Ст. 32. *Плоды ж не вечны.* Плоды трудов и терпения.

Ст. 35. *Торча в ногах.* Чаю, обыкновенно говорят: *торча на ногах,* а не в ногах.

Ст. 36. *Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея.* Чтоб господина, к которому ты на поклон пришел, сон или покой не помешать. Так говорит и французский сатирик Ренье в сатире 4-й, ст. 29 и следующих:

Faire la cour aux grands, et dans leurs antichambres
Le chapeau dans la main, nous tenir sur nos membres,
Sans oser ni cracher, ni toussir, ni s'asseoir,
Et nous couchant au jour, leur donner le bon soir.

<Ухаживать за знатными и в их переднях стоять со шляпою в руке, не смея ни плюнуть, ни кашлянуть, ни сесть, и, ложась на рассвете, приветствовать их с добрым вечером.>

Ст. 44. *Моложе Владимира одним только годом.* То есть что его род моложе Владимира, российского самодержца, одним только годом. Владимир начал один царствовать около 982 года по Христе («Синопсис русской истории», стр. 54).

Ст. 45. *Как отец носил кафтан серой.* Как отец его был столько убог и незнатен, что ходил в серяке. Обыкновенно серым кафтаном называем платье простого народа.

Ст. 46. *Называть Венерой.* То есть называть чрезвычайною красавицею. Венера, по баснословию многобожцев, была богиня рождения, похоти и красоты, *мать Купида — бога любви.* Сказывают про нее, что родилася из морской пены.

Ст. 48. *Не зевать.* Не скучать, понеже обыкновенно зевается от скуки, когда кто сумасбродным разговором голову нам ломит.

Ст. 54. *Что зависть тебе кладет.* Зависть тут значит завидливых людей, которые обыкновенно ищут всякому мешать доставать себе счастье, облыгая их при тех, в коих они ищут, и стараяся опровергать все их труды.

Ст. 55. *В надежде оставят.* Одну только тебе надежду дадут, что впредь трудов своих плод получишь.

Ст. 56. *В удачу тебе.* То есть как бы за великое счастие.

Ст. 57 и 58. *В поле вялить, увечиться и против смерти груди пялить.* Таковы суть труды и бедства службы военной.

Ст. 59. *Иль с пером в руках сносить* и проч. Требует того должность судейская.

Ст. тот же. *Шум и смрад приказный.* Кто за делами хаживал, знает, какой шум в приказах и смрад живет от великого сходбища людей; наипаче то приметно в вотчинном.

Ст. 60. *Час к делам указный.* По генеральному регламенту служители приказные должны поутру в 6 часу быть уже у своего места, а судьи в 7 часов, и пеня уставлена тем, кои тот устав не исполняют.

Ст. 63. *При дворе.* При царском дворе, сиречь. В сем стихе и двух следующих описана служба придворная.

Ст. 64. *С отвесом в руках и сплошь напяливши очи.* Как те, сиречь, что по веревке пляшут, которые обыкновенно держут для отвеса шест в руках и глаза не подвигают от ног и веревки, чтоб с нее не скользнуть. Не худо придворные сим плясальщикам веревочным приуподобляются, понеже, будучи те непрестанно в присутствии государя, от которого руки жизнь и имение их зависит, должны весьма осторожно поступать, охраняя должное почтение наместнику божию на земле. Кроме того, что в таком месте больше подлежат зависти, которая не престает искать их гибели.

Ст. 70. *Чтоб к цели твоей весь дряхл добежати.* Чтоб достичь тот высокий чин, который ты достанешь, когда уже, за старостью своею, весь дряхл будешь.

Ст. 78 и 79. *Все, что Италия, Франция и странный китайск ум произвели.* Все, сиречь, лучшие уборы и дома украшения. Известно, что мраморные украшения и живопись лучшие из Италии выходят, что во Франции лучшие обои, столы и прочие домовые приборы делаются и что китайцы в своем странном уме искусны вымышлять так фарфоровые посуды разные, как и домовые украшения.

Ст. 81. *Которы шлет Индия и Перу обильны.* Алмазы, яхонты, жемчуги и прочие драгоценные каменья, также и золото приходит нам из Восточных Индий, то есть из Китая и окружных тому мест, да из Перу, провинции в Америке, обильных мест такими вещами.

Ст. 82. *Лучи от тебя.* Лучи, сиречь, которые от тебя выходят за камнями драгоценными и златом, в котором ты блистаешь.

Ст. 83 и 84. *Золото на золоте всходит тебе на стол.* На золотых блюдах подают тебе такое дорогое кушанье, что можно и то золотом почесть. Французские повары нашли то искусство, чтоб кушанье так дорогое стряпать.

Ст. 84. *Холоп.* Вместо *холопья.* Часто стихотворцы единственное число вместо множественного числа употребляют, так, например, *воин* вместо *войска.*

Ст. 85. *И сам Аполлон.* Аполлон, по баснословию древних, бог наук; он же и солнцем миру светит.

Ст. 86. *Свите твоей и возку твоему завидит.* Аполлонов воз или колесница, которую тащат четыре коня и в которой обегая все небо, миру светит, вся блистательна золотом и камнями дорогими, а свита его пышна весьма, понеже не только к ней принадлежат музы, но к тому дни, часы, месяцы, четыре времени года и время самое; однако, говорит сатирик, завидит нашего богача свите и возку, когда он с двора съезжает, что богатее и пышнее своего.

Ст. 87. *Покой отнимает.* Подражание следующих Сенековых стихов:

Aurea rumpunt tecta quietem,
Vigilesque trahit purpura noctes.
O si pateant pectora ditum!
Quantum intus sublimis agit
Fortuna metus! Brutia choro
Pulsante nitior unda est.

<Златые чертоги нарушают покой, и пурпур приносит с собой бессонные ночи. О, если бы открылись груди богачей! Сколько страха возбуждено в них огромным богатством. Брутийская волна гораздо спокойнее их даже и тогда, когда пускается в бешеный пляс.>

Ст. 93. *Зависть шепчет.* Завистливые люди против тебя тишком говорят, буде вслух не смеют, ища твоей погибели.

Ст. 95. *Достоинство твое.* Здесь достоинство стоит в именительном падеже и значит заслуги, свойства свои изрядные, то, что французы называют mérites.

Ст. 98. *Где твой предел уставить не зная.* Не зная, сиречь, на чем остановить твои желания, не зная, чем должен довольствоваться, но всегда ища большую славу и большее богатство.

Ст. 99. *Меньше ж пользует, чем песнь сладкая глухому.* Глухой, за болезнью орудий уха или за лишением слуха, не может чувствовать сладость песни. Так и тот, кто страстьми мучится, не может наслаждаться богатством и славою.

Ст. 100. *Нега и пáренье подагрой больному.* Подагра, сиречь болезнь в ногах, есть мокрота некая, так острая и внутренна, что нет таких лекарств, которые бы оную пресечь могли. Нужен порядок и великое воздержание в житии, чтоб ее вылечить. То ж можно сказать и о страстях душевных: все внешние лекарства почти бесплодны. Сии два и следующие два стиха взяты из Горациева 2-го письма, книги I:

Qui cupit aut metuit, juvat illum sic domus, aut res,
Ut lippum pictae tabulae, fomenta podagram,
Auriculas citharae, collecta sorde dolentes.

<Тому, кто жадничает или боится, его дом и имущество приносят столько же пользы, сколько слепому — картины, подагрику — припарки, глухому — кифара.>

Ст. 103. *На три веки.* Век тут значит время ста лет.

Ст. 109 и 110. *Да лих человек, родясь* и проч. Если рассудим глупость младенчества, дряхлость старости и болезни, которые нам в течение жизни случаются, человеческая жизнь подлинно так коротка, что насилу родимся — и уже к смерти приходим. Взяты сии стихи из следующих славного английского стихотворца Попа в его «Опыте о человеке»

...Life can little more supply
Than just to look about us, and to die.

<Жизнь мало что может предоставить большее, чем оглянуться вокруг себя и умереть.>

Ст. 112. *Младенство* вместо *младенчество.*

Ст. тот же. *А дни так летают*. Время наше, когда уж прошло, назад не ворочается, для того нужно оное всячески стараться в пользу себе употреблять.

Ст. 116 и 117. *Отставляя из дня в день.* Сиречь отлагая исправлять житие свое, оставляя исправлять злые нравы, к которым сердце наше из младенчества склонно. Ничего так не вредно, как оная леность в начинании своего исправления.

Ст. 118 и 119. *За пустые тени, как пес басенный.* В одной из Езоповых басен читаем, что собака некая, идучи чрез мост на реке с куском мяса во рту, увидела тень того куска в воде и тотчас, лакомством побуждена, кинулася ухватить ее, а между тем прямой кусок мяса, из зуб выскользнув, с рекою уплыл. Сему псу не худо уподобляется человек, лакомый чести и богатств, который, оные ища, теряет случай в приобретении добродетели, истинного, сиречь, добра человеческого.

Ст. 129. *Всяко, однако ж, предел свой дело имеет.* Во всяком деле есть своя мера; недостаток или излишек равно хулен. Так, высокомысленный человек, который славу и степени высокие с богатством жадно ищет, равно грешит, как и тот, что за леностью своею в нищете и незнатности тает. От стиха 128-го по сей есть подражание следующих Горациевых в первой сатире, книги I:

Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.

<Есть мера во всем; существуют же, наконец, определенные границы, вне которых не может существовать истина.>

Ст. 131. *Грешит пестун Неронов.* Учитель Неронов, *Сенека,* который, со всею своею философиею, к деньгам был весьма лаком и по смерти своей оставил великие сокровища. Ювенал в сатире X называет Сенеку пребогатым.

...Magnos Senecae praedivitis hortos
Clausit.

<Запер большие сады богача Сенеки.>

Известно, что повелением Нероновым он сам себе смерть дал, отворив жилы; пока вся кровь истекши, скончался. Смотри об нем примечание под стихом 110 сатиры I.

Ст. 133. *В бочке имя мудреца достать.* О Диогене, киническом философе, слово идет, который, чуждаяся всякого богатства, хвалился нищетою и живал в бочке, не имея другого дома,

Ст. 144. *Покоен седея. Седея* вместо *старея.*

Ст. 145. *Хоть бы за собою полк.* Можно славным учиниться, хоть бы ты не был в такой силе, чтоб за собою всегда водить большую свиту людей, которые приходят к тебе на поклон.

Ст. 148. *Один слуга.* Один — не два, не три, которых ты не имеешь.

Ст. 154 и 155. *Имен... больших.* Большие имена — знатные, многосильные люди.

САТИРА VII
О ВОСПИТАНИИ
К КНЯЗЮ
НИКИТЕ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ

Если б я, видя кого, что с рук не спускает
Часовник и пятью в день в церковь побывает,
Постится, свечи кладет и не спит с женою,
Хоть отняв у бедного ту, что за душою
Одну рубашку имел, нагим ходить нудит, —
Если б я, видя, сказал: «Дружок, ум твой блудит;
Тем путем не войдешь в рай, и буде радеешь
Душу спасть, отдай назад, чем худо владеешь».
Спылав, ревность наградит мою сим ответом:
«Напрасно, молокосос, суешься с советом».
И дело он говорит: еще я тридцатый
Не видел возврат зимы, еще черноватый
Ни один на голове волос не седеет;
Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и, как сего года,
Дела Чигиринского сказуют похода?
Напрасно охрип бы я, доводя доводом,
Что ум в людях не растет месяцем и годом;
Что хотя искус дает разуму подпору,
И искус можно достать лише в поздню пору,
Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает,
Так прилежность сильна дать искус в малы лета.

Презренны слова мои будут без ответа,
И свет, почти весь упрям, всегда верить станет,
Что старик трех молодых разумом потянет.
Не одно то мнение здравому разгласно
Видим смыслу втвержено; встречаем чточасно
Подобны и злейшие. Одни тех держаться
Любят, что полезны им и законны зрятся, —
Обман те свой чувствовать грубый не умеют;
Другие, и зная вред, бороться не смеют
С упрямою волею, котора их нудит
Предызбрать то, что им смысл здравый вредно судит.
Буде причину того спросишь у народа,
Скажет, что с зачатия нашего природа
Слабу душу нам дала, и к обману склонну,
И подчиненну страстям; и что ту законну
Над нами природы власть одолеть не можно.
Испытал ли истину он в том осторожно?
Не знаю, Никито, друг! то одно я знаю,
Что если я добрую, ленив, запускаю
Землю свою — обрастет худою травою;
Если прилежно вспашу, довольно покрою
Навозом песчаную — жирнее уж станет,
И довольный плод с нея трудок мой достанет.
Каково б с природы рук сердце нам ни пало,
Есть, есть время некое, в коем злу немало
Склонность уймем, буде всю истребить не можем,
И утвердиться в добре доброму поможем, —
Время то суть первые младенчества лета.
Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
Пялит; всяка вещь ему приметна, все ново
Будучи, все с жадностью сердце в нем готово
Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревке силою повадки танцуем.
Большу часть всего того, что в нас приписуем
Природе, если хотим исследовать зрело,
Найдем воспитания одного быть дело.
И знал то высшим умом монарх одаренный,
Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
Когда труды его нам в пользу были нужны.
Училища основал, где промысл услужный

В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев; осмелился и престол оставить
И покой; сам странствовал, чтоб подать собою
Пример в чужих брать краях то, что над Москвою
Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
Мужи вышли, годные к мирным и военным
Делам, внукам памятны нашим отдаленным.
Но скоро полезные презренны бывают
Дела, кои лакомым чувствам не ласкают.
Кучу к куче накоплять, дом построить пышной,
Развесть сад, завесть завод, расчистить лес лишной,
Детям уж богатое оставить наследство
Печемся, потеем в том; каково их детство
Проходит — редко на ум двум или трем всходит;
И у кого не одна в безделках исходит
Тысяча — малейшего расхода жалеет
К наставлению детей; когда же шалеет
Сын, в возраст пришед, отец тужит и стыдится.
Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится:
Богатства сыну копил — презрел в сердце нравы
Добры всадить. Богат сын будет, но без славы
Проживет, мало любим и свету презренный,
Буде в петлю не вбежит плут уж совершенный.
Главно воспитания в том состоит дело,
Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
И всегда желателен, — к тому все науки
Концу и искусства все должны подать руки.
Суд трудный мудро решить, исчислить приходы
Пространна царства и им соравнить расходы
Одним почти почерком; в безднах вод надежный
Предызбирать всегда путь; любитель прилежный
Небес числить всякого удобно светила
Путь и беглость и того, сколь велика сила
Над другим; в твари всему знать исту причину —
Мудрым зваться даст тебе и, может быть, к чину
Высшему отворит вход; народ будет целый
Искусным вождем тя звать, зря царства пределы,
Тобою расширенны, и вражии рати
И городы, стерты в прах. Но буде уняти

Не знаешь ярость твою, буде неприятен
К тебе доступ и тебе плач бедных невнятен,
Ежели волю твою не правит смысл правый,
Ежли развратны, одним словом, твои нравы —
Дивиться станет тебе, но любить не станет;
Хвалы нужда из его уст твои потянет,
Пользу свою лишь в тебе искать он потщится,
Гнушаясь тебя, и той готов отщетиться,
Только б тебя свалить с плеч. Слава увядает
Твоя в мал час; позабыт человек бывает
Скоро ненавидимый, и мало жалеет
Кто об нем, когда ему черный день наспеет.
Добродетель лишь одна может нам доставить
Покойну совесть, предел прихотям уставить,
Повадить тихо смотреть счастья грудь и спину
И неизбежную ждать бесстрашно кончину.
Добродетель потому над всем неотменно
Нужно младенцам внушать, пока совершенно
Вкоренится; притом ум изощрять в пристойных
Им и других знаниях. Так в детях, достойных
К всем чинам, отечеству дашь дар многоценный.
Если б предписан был с двух выбор неотменный,
С чистою совестью ум избрал бы я простый,
И оставил бы я с злым сердцем разум острый.
Вверил бы я все добро тому, кто с чужого
Стыдится жиреть добра, хотя он немного
Счету знает и рубить числа должен в палку;
А грош не дал бы беречь другому, что в свалку
Глотает одну свернув дом, и лес, и пашни,
Хоть числит он лучше всей Сухаревской башни.
Бесперечь детям твердя строгие уставы,
Наскучишь; истребишь в них всяку любовь славы,
Если часто пред людьми обличать их станешь;
Дай им время и играть; сам себя обманешь,
Буде чаешь поспешить, лишно спеша дело;
Наедине исправлять можешь ты их смело.
Ласковость больше в один час детей исправит,
Чем суровость в целый год; кто часто заставит
Дрожать сына пред собой, хвальну в нем загладит
Смелость и невременно торопеть повадит.
Счастлив, кто надеждою похвал взбудить знает
Младенца; много к тому пример способляет:

Относят к сердцу глаза весть уха скоряе.
Пример наставления всякого сильняе:
Он и скотов следовать родителям учит.
Орлий птенец быстр летит, щенок гончий мучит
Куриц в дворе, лоб со лбом козлята сшибают,
Утята, лишь из яйца выдут, плавать знают.
Не смысл учит, не совет — того не имеют,
Сего нельзя им подать — подражать умеют.
С двух братьев, кои росли под теми ж глазами
И коих тот же крушил учитель лозами,
Один добродетелей хвальную дорогу
Топчет; ни надежда свесть с нее, ни страх ногу
Его не могли; в своей должности он верен
И прилежен, ласков, тих и в словах умерен,
В бедности смотреть кого сухими глазами
Не может, сердцем дает, что дает руками.
Другой гордостью надут, яростен, бесщаден,
Готов и отца предать, к большим мешкам жаден,
Казну крадет царскую, и, тем сломя шею,
Весь уж сед, в петлю бежит, в казнь, должну злодею.
В том, по счастью, добрые примеры скрепили
Совет; в сем примеры злы оный истребили.
Если б я сыновнюю имел унять скупость,
Описав злонравия, и гнусность, и глупость,
Смотри, сказал бы ему, сколь Игнатий беден
Над кучей золота, сух, печален и бледен,
Бесперечь мучит себя. Мнишь ли ты счастливу
Жизнь в обильстве такову? Если б чресчур тщиву
Руку его усмотрел, пальцем указал бы
Тюрьму, где сидит Клеарх, и всю рассказал бы
Потом жизнь Клеархову, чрез меру прохладну.
Если б к подлой похоти видел склонность жадну,
Привел бы его смотреть Мелита в постели
И гнусны чирьи, что весь нос ему объели.
Кормилицу, дядьку, слуг, беседу, сколь можно
Лучшую, бы сыну я избрал осторожно.
Не одни те растят нас, коим наше детство
Вверено; со всех сторон находит посредство
Поскользнуться в сердце нрав: все, что окружает
Младенца, произвести в нем нрав помогает.
Так, не довольно одно изрядное семя

Дать изрядный цвет иль плод: нужно к тому время
Умеренно и красно, без мразу, без зною,
Без вихрев; нужна земля жирна, и водою
Нужно в пору поливать, и тихо и в меру;
Семя без всего того прельстит твою веру.
Филин вырос пьяница? — пьяница был сродник,
Что вскормил. Миртил блядун? — дядька его сводник.
У Савки век на губах правда не садится,
И врет, что на ум взойдет, что в ночь не приснится? —
Лгуньи бабушки его помним бесконечны
Басни, койми надоел язык скоротечный.
Сильвия круглую грудь редко покрывает,
Смешком сладким всякому льстит, очком мигает,
Белится, румянится, мушек с двадцать носит;
Сильвия легко дает, что кто ни попросит,
Боясь досадного в отказе ответа? —
Такова и матушка была в ея лета.
Обычно цвет чистоты первый увядает
Отрока в объятиях рабыни; и знает,
Унесши младенец что, небом и землею
Отлыгаться пред отцом, — наставлен слугою.
Слуги язва суть детей. Родителей — злее
Всех пример. Часто дети были бы честнее,
Если б и мать и отец пред младенцем знали
Собой владеть и язык свой в узде держали.
Правдой и неправдою куча мне копится
Денег, и нужусь всю жизнь в высоку добиться
Степень; полвека во сне, в пирах провождаю;
В сластях всяких по уши себя погружаю;
Одних счастливыми я зову лишь обильных,
И сотью то в час твержу; завидую сильных
Своевольству я людей, и дружбу их тщуся
Всячески достать себе, убогим смеюся, —
А, однако ж, требую, чтоб сын мой доволен
Был малым, чтоб смирен был и собою волен
Знал обуздать похоти, и с одними знался
Благонравными, и тем подражать лишь тщался;
По воде тогда мои вотще пишут вилы.
Домашний показанный часто пример силы
Будет важной, и идти станет сын тропою,
Котору протоптану видит пред собою.

И с каким лицом журить сына ты посмеешь,
Когда своим наставлять его не умеешь
Примером? когда в тебе видит повсечасно,
Что винишь, и ищет он, что хвалишь, напрасно?
Если молодому мать раку обличает
Кривой ход: «Прямо сама пойди, — отвечает, —
Я за тобой поплыву и подражать стану».
Нельзя ль добрым быть? — будь зол, своим не к изъяну;
Изряднее всякого убегать порока
Нельзя ль? — укрой лишнего от младенча ока.
Гостя когда ждешь к себе, один очищает
Слуга твой двор и крыльцо, другой подметает
И убирает весь дом, третий трет посуду,
Ты сам над всем настоишь, обежишь повсюду,
Кричишь, беспокоишься, боясь, чтоб не встретил
Глаз гостев малейший сор, чтоб он не приметил
Малейшу нечистоту, — а ты же не тщишься
Поберечь младенцев глаз, ему не стыдишься
Открыть твою срамоту. Гостя ближе дети,
Бо́льшу бе́режь ты для них должен бы имети.
Не один острый судья, знаю, зубы скалить,
Злобно улыбаяся, станет и бровь пялить,
И, качая головой, примолвит поважно:
«Смотри, наш молокосос какие отважно
Сказки нам рассказует и, времени цену
Не зная, скучает нам, лепя горох в стену.
Незнамо с чего зачав, нравов уж толкует
Вину, воспитанию склонность приписует
Нашу, уча, как растить детей; одним словом,
Продерзость та родилась в мозгу нездоровом».
Никито, друг! может быть, слово то рассудно
Явится тем, кои, жизнь чая время скудно,
Лучше любят осудить вдруг, что их несходно
Мысли, нежли выслушать доводы свободно.
Тех я людей уверять не ищу, негоден,
Да всяк открывать свое мнение свободен,
Если вредно никому и законов сила
Чтительна нужду молчать в том не наложила.
Пусть не чтет, кто мои мнит мнения неправы;
С досугу стишки пишу для твоей забавы.

Ты лишь меня извини, что, одно я дело
Начав, речью отскочил на другое смело.
Порядок скучен везде и немножко труден:
Блистает в сумятице умок — в чину скуден,
И если б нам требовать, чтоб дело за делом
Рассуждать и, не скончав одно, в недозрелом
Разговоре не ввернуть некстати другое,
В целой толпе говорить чуть станут ли двое...

ПРИМЕЧАНИЯ

Часто мы примечаем, что люди злых своих дел причину сваливают на слабость тела, на дряхлость ума, приписуя, таким образом, шалость свою несовершенству природы. Стихотворец наш старается сею сатирою опровергать такое вредное мнение и, напротиву, доказать, что мы правильнее должны приписывать страсти свои воспитанию, которого потом некие правила предписывает.

Не должно в сем творении искать подробного исследования и сильных доводов так важного дела. Мало бы на то целой книги, не только стишков с триста, которые в забаву писаны во время его посольства при французском дворе 1739 года.

Начинает он сатиру, осмевая неправое мнение людей, которые одной старости, как бы законное преимущество, разум приписуют, почитая, что здравое рассуждение несовместительно возрасту молодых людей; а потом, изъяснив, каким образом такие неосновательные мнения в людях вкореняются, сводит слово к своему намерению, показывая, что повадка тому начало, что повадки, которые в детстве получаем, почти всегда в гроб сносим и что, следовательно, главная причина злых и добрых наших дел — воспитание.

Ст. 1. *Если б я, видя кого* и проч. Легко усмотрит читатель, что здесь слово идет о человеке суеверном, который в наружных поступках и в одних обрядах являет себя богобоязливым, а в самом деле главную должность человека-христианина, сиречь любовь к ближнему, пренебрегает.

Ст. 2. *Часовник.* Известная молебная книга. См. примеч. под ст. 173, сат. 1.

Ст. 3. *Свечи кладет.* Пред иконами, сиречь.

Ст. тот же. *Не спит с женою.* Знаю я таких людей, которые от возлежания с женою воздерживаются, забыв, что брак есть таинство и что потому исполнение брачной должности богу противно быть не может.

Ст. 7. *Тем путем не войдешь в рай.* Молитвы, пост, радетельство в украшении храма божественного подлинно служат к нашему спасению, да те одни способы не довольны, если лишаемся любви к ближнему, наипаче если обижаем ближнего, — тем путем не войдем в рай. С<вященное> п<исание> подтверждает сатирика нашего слова в многих местах, которые с почтения здесь включить оставляю.

Ст. 11 и 12. *Еще я тридцатый не видел возврат зимы.* Еще не исполнилось мне тридцать лет. Стихотворец наш родился 10 сентября 1709 года.

Ст. 17. *Мор в Москве.* Случился он в <1654> году.

Ст. 18. *Дела Чигиринского похода.* Чигирин, город столичный запорожских казаков, осажден турецким и от осады освобожден российским войском под руководством кн. Ромодановского в 1676 году («История Азовская», стр. 126). Сии два приключения, сиречь мор в Москве и Чигиринский поход, стихотворец напоминает как дела, кои показывают старость человека, о котором здесь слово идет.

Ст. 20. *Ум в людях не растет месяцем и годом.* Подлинно, ум в нас не растет по летам, но по прилежанию нашему. Напротиву, часто видим, что человек, который в младенчестве казался острого ума, в возраст пришед, становится туп, бессмыслен и почти бездушный болван, и то — за недостатком прилежности.

Ст. 21. *Искус дает разуму подпору.* Чрез искус только мы получаем знание; искусом научаемся, о вещах и оных следствиях рассуждая, избирать добрые и отбегать злые, в чем одном состоит разум. Гораций, письмо 1-е, книга 2:

Nimirum sapere est abjectis utile nugis,
— Verae numerosque modosque ediscere vitae.

<Быть мудрым — значит уметь извлечь полезное из окружающих его мелочей и изучать меру и образ истинной жизни.>

Ст. 22. *В позднюю пору.* То есть в старости, которая есть поздняя пора нашей жизни. Для стяжания искуса многократное повторение случаев и оных примечание нужно, чего нельзя учинить разве со многим временем или со многим прилежанием.

Ст. 23 и 24. *Как время того, кто не примечает.* Сродным порядком слова так бы лежать должны: *как время не знает* (то есть, *не может) учинить искусным того, кто не примечает причины дел.* Голое видение разных случаев не может нас искусными учинить; нужно примечать, что им повод и причину подало, чтоб можно было основательно рассуждать о их состоянии и о их следствиях.

Ст. 29. *Не одно то мнение здравому разгласно* и проч. Представя образец неправого мнения, сатирик начинает исследовать, отчего подобные мнения происходят; и потом показывает, что от большей части худая повадка причина оным, а не природы совершенство. Одни держатся добровольно вредных мнений, для того что кажутся им или полезны, или приличны и, следовательно, нужны; другие не могут преодолеть свою волю, которая принуждает их держаться тех мнений, хотя употреблением смысла и здравого совета оных вред и неосновательство разумеют.

Ст. 37. *Буде причину того спросишь у народа.* Ежели спросишь у народа, для чего здравый смысл не может волю преодолеть. Речь *народ* тут значит то, что латинское vulgus, сиречь *простой народ, чернь, невежей.*

Ст. 43. *Никито, друг.* Писана сатира сия к князю Никите Юрьевичу Трубецкому, приятелю нашего стихотворца, который и сам не худые стихи составлял.

Ст. 44. *Что если я добрую.* Изрядную землю запуская, обрастет худою травою, песчаная — трудами становится жирна и плодоносна; так и сердце человека можно исправить или повредить, каково будет воспитание.

Ст. 53. *Первые младенчества лета.* Когда младенец чуть из утробы матери вышел, нужно с самого того времени начинать воспитание, инако дитя, уже в одну или другую дорогу направлен бывши, своротить его трудно.

Ст. 54. *Чутко ухо.* Причины, для которых повадки, в младенчестве принятые, отнять или трудно весьма, или невозможно суть: 1) состояние наших чувств, которые в том возрасте легче принимают в себя изображения предлежащих; 2) жадность к новизне.

Ст. тот же. *Новый житель света.* Сиречь младенец.

Ст. 64. *Петр, отец наш.* Император Петр Великий, названный, по достоинству, Отцом отечества.

Ст. 69. *Сам странствовал.* Император Петр Великий дважды ездил в чужие края, в 1700 и в 1715 году, и в тех самых поездках не только сам себя в знаниях, потребных государю, наставлял, любопытно исследуя все, что хвальное у других народов примечал, но с собою в отечество вывез искусных людей во всяких науках и ремеслах, и к тому многих дворян с собою возил и посылал на своих иждивениях в разные европейские городы для обучения.

Ст. 70. *То, что над Москвою сыскать нельзя.* Над Москвою, сиречь *в Москве,* где столичный город все государство значит, *сыскать нельзя.* Прибавить должно: *было,* понеже после принятых императором Петром Великим трудов, уже в России сыскать можно все то, что он искал в чужих краях.

Ст. 74. *Внукам памятны нашим отдаленным.* От трудов императора великого, которые были корень или начало нынешней российской славы, и от странствования дворян в чужих краях для принятия приличного воспитания произошли у нас люди, славные в делах мирных и военных, люди, которые в будущих веках будут памятны нашим потомкам. *Внуки* вместо *потомков.*

Ст. 91. *Главно воспитания.* Сатирик, показав, сколь воспитание полезно, начинает некие краткие правила того предписывать. Главное дело воспитания суть нравы, и о том вначале трудиться должно, чтоб младенца приобучить к добродетели; другие знания и науки за тем следовать и все к тому концу клониться имеют.

Ст. 97. *Суд трудный мудро решить* и проч. Все знания, все науки и искусства должно подавать младенцам в том намерении, чтоб разными способами, как бы по степеням, взводить их к благонравию, для того что благонравием только могут учиниться полезными отечеству и людям любезны и желательны. Знание прав правительства гражданского, искусное учреждение расходов и доходов государственных, мореплавание, астрономия, естествословие и прочие искусства доставят человеку имя мудрого человека и, может быть, подадут способ достать себе какое высшее достоинство; но буде лишается добродетели, буде он яростен, горд, жестокосерд и проч., люди его любить не станут.

Ст. 101. *Числить всякого удобно.* Астрономия учит числить путь, который совершают светила небесные, и с какою беглостию они идут.

Ст. 102. *Сколь велика сила над другим.* Ньютон, философ аглинский, показал, что все телеса в твари взаимно себя по некаким правилам привлекают. Ту силу телес называет аттракциею, и об ней-то здесь слово идет.

Ст. 114. *Хвалы нужда из его уст.* Станет тебя хвалить не добровольно, но по нужде, сиречь или для того что тебя боится, или для того что тебе льстит, чтоб тобою пользоваться.

Ст. 116. *Гнушаясь тебя.* Пользоваться станет твоим искусством, но в сердце своем станет гнушаться тебя, как злонравного.

Ст. тот же. *И той готов отщетиться.* Но и пользу свою презрит, если, наскучив твоими злонравиями, сыщет способы тебя с плеч свалить, т. е. избыть тебя.

Ст. 117. *Слава увядает.* Сколь человек ни искусен и ни украшен различными знаниями, больше еще скажу, сколь он ни принес пользы народу, если он не умел заслужить себе его любовь добронравием, недолго будет стоять его слава. Забудут его люди, как скоро с глаз их сойдет.

Ст. 121. *Добродетель лишь одна.* Не только добродетелию способны мы доставать себе любовь людей, что в житии должно быть всякого человека главное намерение; но к тому она одна сильна дать нам совесть покойную, умеренность в желаниях, постоянство и терпение во всяком счастья состоянии и смелость ждать нетрепетно смерть, — дары весьма драгоценные и которых злонравный лишиться должен.

Ст. 123. *Счастья грудь и спину.* То есть доброе и худое счастие. Когда к нам счастие ласково, оно к нам смотрит; когда от нас уходит, спину нам показывает.

Ст. 130. *Если б предписан был с двух.* Конечно, должно всего прежде обучать младенцев быть добронравными, для того что ежели б кто из двух, добронравного, сиречь, человека, но простяка, но невежу в других знаниях светских, и плута искусного и всему потребному обученного, имел одного выбрать в какой чин, к какому делу — полезнее народу и правильнее поступит, избрав честного простяка, чем искусного плута.

Ст. 135. *Рубить числа должен в палку.* Так безграмотные люди зарубливают на палочку числа: единицы — простою чертою, десятицы — крестиками.

Ст. 138. *Лучше всей Сухаревской башни.* В Сухаревской башне на Москве содержится училище, где дети обучаются началам арифметики, геометрии и других частей математики.

Ст. 139. *Бесперечь детям твердя.* Насаждение добродетели есть главнейшее дело воспитания. Следуют правила, по которым то намерение в действо производить должен: 1) Не должно чрезмерно утруждать детей, но наставлять их исподоволь, и больше ласкою, чем строго, понеже, беспрестанным наставлением ум младенцев отягчен, становится ленив; а строгость вводит в них ненависть к обучению; 2) Не должно их обличать пред людьми, для того что таким образом притупишь в них любовь славы, любовь доброго имени; кто часто пред людьми опозорен, стыда уже не боится; 3) Не должно страшить детей угрозами и побоями, ибо тем пресечешь в них хвальную и нужную смелость; повадишь со всего торо-

петь, которая торопость в житии часто возбраняет нам пользоваться предлежащими полезными случаями.

Ст. 149. *Счастлив, кто надеждо́ю.* Всего приличнее младенца побуждать к добрым делам надеждою похвал. Таким способом учинишь ему добродетель любезну.

Ст. 150. *Много к тому пример способляет.* Много способляет пример возбуждать детей к благонравию. Для того что чрез глаза предлежащее способнее доходит к сердцу, чем чрез слышание советов и наставлений.

Ст. 152. *Пример наставления всякого сильняе.* Свыше всякого совета, свыше всякого наставления пример силен. Ролен, следуя Сенеке, того ж мнения: Pour la vertu aussi bien que pour les sciences la voye des exemples est bien plus courte et plus sure que celles de preceptes.

(Ролен. Правила Наставл., том I, стр. 49)

<Для добродетели, точно так же, как и для науки, гораздо короче и вернее путь примеров, нежели путь наставлений.>

Ст. 153. *Он и скотов следовать родителям учит.* Против того мнения, что *воспитание есть причина нравов,* сильнейшие противоположения суть: 1) *действа бессмысленных,* которые кажутся быть голое движение сродной склонности; 2) *различие нравов в двух братьях,* коим равное дано воспитание. Сатирик те самые противоположения употребляет в довод и утверждение своего мнения.

Ст. 159. *Кои росли под теми ж глазами.* Коих вскормил тот же дядька, та же бабка, та ж кормилица.

Ст. 162. *Ни надежда свесть, ни страх.* Два сильные орудия к склонению сердца человеческого, скольким злочинствам награждений обещания или страх наказания причиною на всяк день бывают. Кто тем двум сильным советникам противиться может, много может.

Ст. 165. *Сухими глазами.* То есть не может смотреть, не прослезяся.

Ст. 166. *Сердцем дает, что дает руками.* Сиречь охотно, от всего сердца дает. Гораздо такое подаяние приятно тому, кто оное получает, и подателю гораздо больше хвалы доставляет. Много своей цены теряет дар, который кому дает угрюмым лицом с гневом и как бы попрекая докуки просящего и его бедности.

Ст. 173. *Если б я сыновнюю.* Пример, говорил сатирик выше сего, сильнее всякого наставления; теперь показывает, как должно пример употреблять к исправлению детей. Подражание следующих Горациевых стихов, сат. IV, книги 1:

...Insuevit pater optimus hoc me,
Ut fugerem, exemplis vitiorum quaeque notando.
Cum me hortaretur, parce frugaliter, atque
Viverem uti contentus eo, quod mi ipse parasset:
Nonne vides, Albi ut male vivat filius utque,
Barrus inops? magnum documentum, ne patriam rem
Perdere quis velit; a turpi meretricis amore
Cum deterreret: Sectani dissimilis sis.

Ne sequerer moechas, concessa cum Venere uti
Possem; deprensi non bella est fama Treboni,
Ajebat.

<Мой добрейший отец приучил меня избегать этого, показывая примеры всех пороков; когда он убеждал меня жить бережливо, порядочно и довольствуясь тем, что он мне оставит, то говорил: разве не видишь, как дурно живет сын Альбия или бедняк Барр? Вот сильное доказательство того, что не следует расточать отцовского наследства. Когда ж он меня отклонял от постыдной любви к продажной женщине, то говорил: не уподобляйся Сектану. Когда он убеждал меня не волочиться за чужими женами, готовыми на супружескую неверность, в то время как я мог бы наслаждаться дозволенною любовью, он говорил: «Позорна слава Требона, уличенного в прелюбодеянии.>

Ст. 174. *Злонравия.* Разумей того *злонравия,* сиречь *скупость.*

Ст. 180. *Где сидит Клеарх.* Клеарх, который, промотав отцовское имение, должниками в тюрьму посажен.

Ст. 182. *К подлой похоти.* Сиречь к *блядовству.*

Ст. 183. *Смотреть Мелита в постели.* Где болезнь, нажитая с бл. .ками, его держит.

Ст. 184. *Гнусны чирьи.* Каковы нетрудно наживаются с невоздержными женами.

Ст. 187. *Не одни те растят нас.* Воспитание не от одних тех зависит, коим мы воспитать отданы, но все, что младенца ни окружает, сильно в нем нрав произвесть; как для возвращения цвета или овоща одно семя не довольно, много других обстоятельств к тому нужно.

Ст. 196. *Прельстит твою веру.* Вместо *прельстит твою надежду.* Ты веришь, ты чаешь, ты надеешься иметь изрядный цвет, для того что посеял изрядное семя; но буде другие обстоятельства противны, семя изрядное произведет худой цвет или совсем в земле исчезнет.

Ст. 197. *Филин вырос пьяница.* Следуют примеры в довод тому, что все, что младенца окружает, сильно дать ему какой-либо нрав. Так, Филин вырос пьяница, для того что пьяница был его сродник, который его вскормил; Миртил — блядун, для того что дядька сводничал; Савка у бабушки своей лгать перенял; Сильвия — у матери предаваться в любовные забавы.

Ст. 202. *Язык скоротечный.* Сиречь бабушки его язык.

Ст. 203. *Сильвия круглую грудь.* Нетрудно читателю в сем и следующих стихах усмотреть, что стихотворец под именем Сильвии говорит о сластолюбных женах, кои всевозможное чинят для побуждения зрителей к невоздержным поступкам.

Ст. 207. *Боязя досадного в отказе ответа.* Боязя, чтоб тот, кому она откажет, не назвал ее *немилосердою, жестокою, каменною.*

Ст. 209. *Обычно цвет чистоты первый.* Столь истинно есть, что все, что младенца окружает, сильно в нем нрав произвесть, что обыкновенно дети лишаются своего девства в объятиях мамок и служанок домашних; и что буде крадут что у отца и отлыгаются, так тому наставлены бывают от своих слуг.

Ст. 214 и 215. *Часто дети были бы честнее, если б и мать и отец.* Дети были бы добронравнее, если б родители умели воздержаться пред ними от злочинств. Ювенал в сатире 14:

Plurima sunt, Fucsine, et fama digna sinistra,
Et nitidis maculam ac rugam figentia rebus,
Quae monstrant ipsi pueris traduntque parentes.
Si damnosa senem juvat alea, ludit et haeres
Bullantus, parvosque eadem movet arma fritillo.

Там же:

Sic natura jubet, velocius et citius nos
Corrumpunt vitiorum exempla domestica, magnis
Cum subeunt animos auctoribus.

<Фусцин, очень много дурного, пятнающего и растлевающего чистую натуру показывают и передают детям сами родители; если старика развлекают проклятые кости, то играет и несовершеннолетний его наследник, так же встряхивая кости в стаканчике... Так устроила природа, что домашние примеры пороков скорее портят нас, потому что переходят к нам от людей, которых мы уважаем.>

Ст. 217. *Правдой и неправдою* и проч. по ст. 232. Ежели я сам сребролюбив, любочестен, ленив, сластолюбив или другими злонравиями изобилую и в оные пред сыном своим повсядневно впадаю, весьма б безрассудно было мне требовать, чтоб мой сын тех злонравий отдалялся и держался противных добродетелей. Образец мой при нем будет важнейшей силы, чем мои советы, и будет он поступать так, как видит поступающа всегда отца своего.

Ст. 217. *Куча мне копится денег.* Коплю, собираю деньги, богатство.

Ст. 229. *По воде тогда мои. Вилами по воде писать* — русская пословица, значит то же, что *напрасно труд свой терять*, понеже на воде букв изображение удержаться не может.

Ст. 230. *Домашний показанный часто пример.* Ювенал в сатире 14:

Sed reliquos fugienda patrum vestigia ducunt,
Et monstrata diu veteris trahit orbita culpae.

<Остальные следуют по стопам отцов, увлекаемые привычным путем закоренелого порока.>

Ст. 237. *Если молодому мать раку.* Буде я худо живу, погружаяся в злонравиях, и за те самые журю сына, или ему добродетелей советую держаться, он отвечать может то, что в баснях Езоповых молодой рак отвечает своей матери, которая его обличала, что не умеет плавать прямо вперед, но идет всегда задом: *Пойди сама прямо, я буду тебе подражать.* — Живи ты сам благонравно, и тогда и я буду жить по тому же. Комедия Бурсова, притчи Езоповы·

Ma mère, nous rassamblons,
J'ai pris pour façon de vivre,
La façon dont vous vivez:

Allez droit, si vous pouvez,
Je tacherai de vous suivre.

<Матушка, мы похожи друг на друга: в своем образе жизни я подражаю вам. Идите прямою дорогою, если можете, и я постараюсь пойти за вами вслед.>

Ст. 240. *Нельзя ль добрым быть.* Буде тебе трудно унять свои страсти и воздержаться от злонравий, по меньшей мере укрывай свои злые поступки от глаз детей твоих; будь зол, но не к вреду своих детей.

Ст. 243. *Гостя когда ждешь к себе.* Ювенал, сат. 14, ст. 59 и следующие:

Hospite venturo, cessabit nemo tuorum:
Verre pavimentum: nitidas ostende columnas,
Arida cum tota descendat aranea tela:
Hic lavet argentum; vasa aspera tergeat alter:
Vox domini furit instantis, virgamque tenentis.
Ergo miser trepidas, ne stercore foeda canino
Atria displiceant oculis venientis amici,
Ne perfusa luto sit porticus; et tamen uno
Semodio scobis haec emundat servulus unus:
Illud non agitas, ut sanctam filius omni
Adspiciat sine labe domum, citioque carentem!

<Когда к тебе намерен прийти гость, то ни один из твоих слуг не смеет сидеть сложа руки: один мети пол, другой вытирай колонны, чтобы тощий паук исчез с них вместе со своей паутиною; третий тут же чисти серебро; четвертый вытирай чеканные кубки. Хозяин, держа плеть, кричит что есть мочи. И ты же, несчастный, дрожишь, как бы твои покои, загаженные собачьим калом, не поразили неприятно очей ожидаемого друга, как бы портик твой не был залит помоями; а ведь это в полчаса может очистить при помощи полуведра опилок всего один раб. О том же ты не беспокоишься, чтобы твой сын видел тебя достойным уважения, незапятнанным и беспорочным.>

Ст. 253. *Острый судья.* Именем судьи здесь разумеется всяк, кто рассуждает наши дела; французы имеют на то речь: critique, которыя жаль, что наш язык лишается.

Ст. 264. *Кои, жизнь чая время скудно.* Сколько таких людей, которые всякое предложение осуждают, не исследовав оного состояние и почти не ведая, о чем дело идет. Довольно им кажется презирать то, что не знают, и в том не тратить время, которое, по их мнению, лучше в забавах и в праздности употребляют.

Ст. 268. *Всяк открывать свое мнение свободен.* Сродным порядком так бы речи лежать должны были: *да всяк свободен* (волен) *открывать свое мнение, если никому вредно* (если оно никому не вредит) *и если чтительная сила законов не наложила в том нужду молчать* (если законы не запрещают о таком деле говорить). Мы должны с подобострастием послушны быть *чтительной силе законов,* и когда оная молчание в чем предписывает, должны мы молчать по меньшей мере до тех пор, пока у нас совета будут требовать. Зная сие, наш

стихотворец свое мнение о воспитании объявляет таким, которое никакой закон не запретил. Напротиву, законам и пользе общества оное согласно. Сколько бы большее число было благонравных граждан, если б за всякую нашу шалость ответствовать были должны наши воспитатели, или если б родители наши были уверены, что нет такого младенца, которого бы доброе воспитание не могло учинить благонравным человеком.

Ст. 272. *С досугу стишки пишу для твоей забавы.* Из сего стиха разумеется, что сатирик неповажно дело сие исследует, не философическое рассуждение пишет, но стишки в забаву приятеля. Потому не должно в них искать точного исследования сего дела и неоспоримых доводов.

Ст. 273 и 274. *Одно я дело начав, речью отскочил на другое.* Начал сатиру осмеянием суеверно злобного человека, а потом слово свел к воспитанию. Почти все Горациевы сатиры и письма таким образом составлены, что обыкновенно случается в разговоре, и для того он те сочинения назвал *Sermones — разговоры, беседы.*

Ст. 276. *Блистает в сумятице умок — в чину скуден.* Часто живет, что человек, который острого ума кажется, когда беспорядочно говорит, что на ум взойдет, не углубляя рассуждение и поверхностей однех касаяся, становится туп и нем, когда его понудишь разговор свой порядочно учреждать и доводить свои слова одно за другим. Стих сей кажется быть подражание следующего Вольтерова («Генриада», песнь I, ст. 11):

Tel brille au second rang qui s'eclipse au premier.

То есть:

Часто на второй степени блистает, кто на первой помрачается.

Ст. 279. *Не ввернуть некстати другое.* Смеется тому сатирик, понеже и впрямь то смеха достойно, как Гораций изрядно изобразил, приуподобляя такой разговор живописи, в которой написан зверь, составленный с женской головы, с гривы конской, с разных перьев, с различных удес разных скотов и кончается хвостом рыбьим. «Искусство стихотворное», ст. I и следующие:

Humano capiti cervicem pictor equinam
Jungere si velit, et varias inducere plumas,
Undique contractis membris, ut turpiter atrum
Desinat in piscem, mulier formosa superne.

<Если бы живописец захотел присоединить к человеческой голове лошадиную шею и покрыть ее разноцветными перьями, добавив члены от всех животных, так, чтобы женщина, прекрасная сверху, оканчивалась гадкою рыбою, то, допущенные взглянуть на это, удержались ли бы мы от смеха, друзья?>

Не напрасно речь *некстати* вставлена; служит она еще к оправданию самого нашего стихотворца, который отскочил от этого дела на другое *кстати,* понеже меж мнением суеверного, которому в начале сатиры смеется, некое сходство находится с мнением, что *старик трех молодых разумом потянет,* будучи оба погрешительны; и сие вяжется с следующим: что таким мнениям повадка причина, а повадке — воспитание.

САТИРА VIII
НА БЕССТЫДНУЮ НАХАЛЬЧИВОСТЬ

Счастлив тот, кто, на одной ноге стоя, двести
Стихов пишет в час один и что день полдести
Так наполнит, не смотря ничто, как ни пишет,
Мало суетясь, какой ветр на дворе дышит.
Меня рок мой осудил писать осторожно,
И писать с трудом стихи, кои бы честь можно.
Когда за перо примусь, совесть испытаю:
Не с страсти ли я какой творцом стать желаю,
Не похвал ли, что я жду от тех трудов, жадность,
Не гнев ли, не зависть ли, иль к ближним бесщадность
Волю ту мне взносит в ум? Действо бы никое,
Сколь бы ни добро собой, не может не злое
Быть, когда намеренье и повод неправы.
Если совесть не ворчит, людей уже нравы
Пред собой в смотр выведу и, сколь лучше знаю,
От вредных полезные чисто различаю,
Готовя одним хвалу, другим — смех беззлобный.
Избрав силам своим труд равный и способный,
Пущу перо, но в узде; херить не ленюся;
Много ль, мало ль напишу стишков, не пекуся,
Но смотрю, чтоб здравому смыслу речь служила,
Не нужда меры слова беспутно лепила;
Чтоб всякое, на своем месте стоя, слово
Не слабо казалося, ни столь лишно ново,
Чтоб в бесплодном звуке ум не мог понять дело.
Во всем между тем смотрю, не чресчур ли смело,

Не досадна ли кому речь, что с пера сплыла,
Стрегучись, чтоб, хуля злы нравы, не открыла
Злонравного ясная чрезмеру примета.

Видал ли искусного когда рудомета,
В жирном теле кровь пущать больному в отраду?
Руку сего обвязав, долго, часто, сряду
Напруженну щупает жилу сверху, сбоку
И, сталь впустив, смотрит, чтоб не весьма глубоку,
Ни узку, ни широку распороть в ней рану,
Чтоб не проткнуть, чтоб под ней не нанесть изъяну.
Того осторожности точно подражаю,
И когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю.
Кончав дело, надолго тетрадь в ящик спрячу;
Пилю и чищу потом, и хотя истрачу
Большу часть прежних трудов, новых не жалею;
Со всем тем стихи свои я казать не смею.

Стыдливым, боязливым и всегда собою
Недовольным быть во мне природы рукою
Втиснено, иль отческим советом из детства.
Здравый смысл часто потóм и труды и бедства
Грозил мне, если б я стал смел и стыд оставил,
И с тех пор я туды шел, куды он направил.

Верил всегда, что лицо, на коем садится
Часто красный цвет стыда, вдвое становится
Красивее и дает знаки неоспорны
Внутренния доброты; что язык проворный,
Когда бежит без узды, должен спотыкаться;
Что смелость только тогда хвальна может зваться,
Когда нудимся прогнать злобу нашей воли
Иль законно рвем венцы с вражиих рук в поли,
Когда клеветников ложь гнусну обличаем
Иль невинность слабую право защищаем;
Что кто, над всеми себя, ценя, повышает
Достойным похвал, себя сам не почитает.
Теперь те свойства мои чувствую, умилен,
Сколь вредны мне, и уже избыть их не силен.

Вредны не в одном лишь том, что мешают смело
Стихи писать и казать, и, как многи, дело
Свое в люди выводить, сам то выхваляя.
Часто счастливый случай, что у пальцев края
Моих лежал, упустил, не посмев вжать в руку;
Часто бесконечных врак тяжку снес я скуку,

Потея, сжимаяся и немее клуши,
Стыдясь сказать: пощади, дружок, мои уши.
Между тем другой, кому боги благосклонны
Дали медное лицо, дабы все законны
Стыда чувства презирать, не рдясь, не бледнея,
У всяких стучит дверей, пред всяким и шея
И спина гнется ему; в отказе зазору
Не знает, скучая всем, дерзок без разбору.
Сотью прогнан — сотью он воротится сряду,
Ни слуг, ни господскую помня он досаду.
И так с степени в степень счастье его взносит;
Чтоб избыть его, дают ему, что ни просит.
Пока я даром пять лет, вздыхая, истрачу
При красавицах — один смелому удачу
День доставит и его надежды венчает.
Заслуги свои, род, ум с уст он не спускает,
Чужие щиплет дела, о всем дерзко судит,
Себя слушать и неметь всех в беседе нудит,
И дивиться наконец себе заставляет.
Редко кто речи людей право весить знает
И склонен, испытав слов силу всех подробно,
Судить потом, каков мозг, кой родить удобно
Мог те слова: больша часть в нас по числу мерит
Слов разум и глупцами молчаливых верит.
Часто слышу — говорит: Арист мужик честный,
Тих, учтив и может быть другу друг нелестный,
Да в час сло́ва у него не можно добиться,
Сотью жеванная речь с уст его тащится
И недолга и тиха; век я с ним зеваю
И, как льзя умным его звать, не понимаю.
С древле добродетели средину держали
Меж двумя крайми, где злы нравы заседали;
В наших веках тот уже чин дел отменился:
Кто, умеренный доход имея, не тщился,
Правдой и неправдою золота приметны
Копя кучи, накопить богатства бессчетны —
Ленивец он и живет в презрении скудно.
Кто к делу лишь говорит, в меру и рассудно —
Угрюм, скучлив; кто свои дела смыслом правит —
Малодушен, над собой смеяться заставит.
Гоним за славой путем, дерзки и бесстыдны,

На коем славы следы ни малы не видны,
И кажемся нагонять сами себе любы.
Когда облак с наших мы прогоним глаз грубый
И наш увидим обман, что в пропасть нас вводит?
Ужли для нас истины солнце уж не всходит?
Напрасно мы льстим себе; сколь нам ни любезен,
Сколь ни нравен порок наш мнится и полезен —
Хулы достоин всегда и достоин смеха,
Долгого в нем ожидать не можно успеха.
Следует тому всегда зазор, страх и скука,
Долга малой сладости и тяжкая мука.
Что пользует множество людей безрассудно
Привесть в удивление, когда в одном трудно
Час они могут стоять, и что теперь хвалят,
Величают — спустя час хулят уж и малят?
Когда честный, мудрый муж, сколь часто случится
Ему на нас вскинуть глаз, от дел наших рдится?
Над всем, добродетели кто изменил истой,
Пусть не приближается престола, нечистой,
На коем лучший ея друг нас управляет.
Нераздельна от нея, Анна в лицо знает
Верных добродетели слуг и тем обильны
Дары сыплет; лучи снесть глаз ея не сильны
Злонравные, коих вся надежда в обмане,
Как из рук ея перун — скифы, агаряне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Осмеяние бесстыдной нахальчивости есть главное намерение сей сатиры, в которой издатель потом вкратце коснувся нынешнего века погрешительному суду о делах человеческих, заключает похвалами императрицы Анны. Писана она *в Париже* в конце 1739 года.

Ст. 1. *Счастлив тот, кто, на одной.* Для обличения бесстыдности и нахальчивости стихотворец начинает сатиру описанием своей собственной стыдливости и несмелости, которые два свойства сам в себе давно вкорененны усмотрел, и от того случай берет подробно изъяснить в таком намерении, с какою осторожностию сатиры писать должно и каков быть должен слог стихов, кои, как он говорит, честь бы можно.

Ст. 4. *Мало суетясь, какой ветр.* Мало печаляся, в каких обстоятельствах он находится; каковы люди, коих обличает; каково стихи его будут приняты.

Ст. 10. *К ближним бесщадность.* Склонность вредить ближнему.

Ст. 11. *Волю ту.* Сиречь волю *творцом стать,* желание стихи писать

Ст. 14. *Если совесть не ворчит.* Если совесть моя не обличает во мне никакой страсти, которая бы меня писать понуждала.

Ст. 22. *Не нужда меры.* Нужда меры стиха. Всякий героический в нашем стихотворстве стих должен состоять из двух членов: первый должен иметь седмь слогов, второй — шесть, и потому весь стих состоять имеет из тринадцати слогов. Часто подлым стихотворцам случается те тринадцать слогов дополнять речми, которые к делу никакого сношения не имеют.

Ст. 24. *Ни столь лишно ново.* Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна. Не могу удержаться напомянуть здесь изрядные правила, которые Гораций для сочинений стихотворных предписует во 2-м письме книги 2-й:

...Qui legitimum cupiet fecisse poëma,
Cum tabulis animum censoris sumet honesti:
Audebit quaecunque parum splendoris habebunt,
Et sine pondere erunt, et honore indigna ferentur,
Verba movere loco, quamvis invita recedant,
Et versentur adhuc intra penetralia Vestae.
Obscurata diu populo, bonus eruet, atque
Proferet in lucem speciosa vocabula rerum:
Quae priscis memorata Catonibus atque Cethegis,
Nunc situs informis premit et deserta vetustas
Asdciscet nova, quae genitor produxerit usus.
Vemens, et liquidus, puroque simillimus amni.
Fundet opes, Latiumque beabit divite lingua:
Luxuriantia compescet, nimis aspera sano
Levabit cultu, virtute carentia tollet:
Ludentis speciem dabit, et torquebitur; ut qui
Nunc Satyrum, nunc agrestem Cyclopa movetur.

То есть:

...Кто ищет правильное творение выдать,
К рассмотру приняв свои тетради, вдруг примет
Сердце честного судьи, и речи, которы
Или мало явственны, иль слабы, иль подлы,
Благодушно выхерит, хоть те неохотно
Покинут место свое, хоть те неисходны
Весты тайнолюбные кроются в затворах,
Ласков на свет выведет мрачные народу
Речи многосильные, которы знакомы
Катонам и Цефегам, а теперь под плесныю
Гнусною и древностью забытой стенают;
Присвоит и новые, которых, однако ж,
Обычай сам породил и произвел в люди.
Быстр и светел, и реке подобнейши чистой
Излиет сокровища и ублажит римлян

Славное отечество языком обильным.
Все, что в сочинениях излишно, убавит;
Здравым украшением все, что в них сурово,
Изгладит и умягчит; все, что ни приятно,
Ни важно, немилостив, выкинет и вытрет.
Станет казаться играть он, но в самом деле
Будет в поту мучиться, как изображаяй
Сатира иль Циклопа лесного — плясальщик.

Ст. 25. *Чтоб в бесплодном звуке ум не мог понять дело.* Когда слова наши невразумительны, то оные, право, назвать можно бесплодным звуком. Тогда уши слушателя, тем звуком наполнены, страждут.

Ст. 26. *Не чресчур ли смело.* Прилагательное *смело* относится к *слово* в предыдущем стихе 23-м.

Ст. 29. *Ясная чрезмеру примета.* Сиречь чрезмеру ясное описание.

Ст. 31. *В жирном теле.* Когда тело жирно, жилы гораздо глубже скрыты будучи, кровопущение становится труднее, и для того тогда больше осторожности требуется.

Ст. 34. *И, сталь впустив.* Сталью разумеется орудие лекарское, чем кровь пускают; обыкновенно, с французского *lancette,* мы *ланцетою,* сиречь *копейцом,* зовем.

Ст. 35. *В ней.* В жиле.

Ст. 36. *Чтоб не проткнуть, чтоб под ней не нанесть изъяну.* Чтоб жилу, сиречь, не проткнуть и, под ней коснувся артерии или натягательной жилы, не изувечить человека.

Ст. 50. *Красный цвет стыда.* Краска, которую стыд в лице производит.

Ст. 52. *Язык проворный.* Вместо *весьма говорливого человека,* которое несовершенство приходит от нахальчивости и лишной смелости.

Ст. 55. *Когда нудимся прогнать.* Когда, нашим злым склонностям сопротивляясь, ищем оные преодолеть, в таком случае смелость, благодушие и мужество особливо хвально.

Ст. 56. *Иль законно рвем венцы.* Или когда бьемся против неприятелей отечества и победу от них вырвать стараемся. *Венец* — знак победы. Не напрасно прибавлено наречие *законно,* ибо хитрое в наветах мужество хулы, а не хвалы достойно.

Ст. 60. *Достойным похвал, себя сам не почитает.* Если бы чаял себя достойным похвал, ожидал бы оные.

Ст. 61. *Те свойства мои.* Сиречь *стыдливость и несмелость,* о которых упоминал стихом 43 и 44.

Ст. 72. *Медное лицо.* В котором никакая премена цвета случиться не может, как в следующем стихе изъяснено.

Ст. 75. *И спина гнется ему.* Ему вместо *его.* Часто так и некрасиво дательный вместо винительного употреблять можно.

Ст. 78. *Помня он досаду.* Досаду, которую ему господин или слуги учинили, или грубо отказывая, или нечестно с двора сбивая, и проч.

Ст. 84. *Он.* Нахальчивый, сиречь, человек.

Ст. 87. *И дивиться наконец.* И напоследок такими поступками

к тому людей приведет, что ему как умному, как важному человеку дивятся.

Ст. 88. *Редко кто речи людей.* Желая разуметь связность следующих стихов с предыдущими, должно бы внести после *заставляет* в стихе 87: *для того, что редко кто речи людей* и проч. Для того заставляет себе как важному и умному человеку дивиться, понеже редко кто знает или хочет весить силу слов и проч.

Ст. 99 и 100. *С древле добродетели* и проч. Люди уже не только по числу речей рассуждают о разуме человека, не только в том одном ошибаются, но и о всех делах человеческих погрешительно судят. Преж сего добродетель стояла в средине, теперь ее на краях чают, в которых злых нравов было место. Например, преж сего меж *малодушием* и *продерзостию* стояла *храбрость, мужество, благодушие,* теперь *продерзость, нахальчивость* за добродетель почитается.

Ст. 105. *И живет в презрении скудно.* Не только живет в скудости, но и в презрении. Ювенал в сатире 3 говорит:

Nil habet infelix paupertas durius in se,
Quam quod ridiculos homines facit.

<Самое худшее в жалкой нищете — это то, что она делает людей посмешищем для других.>

Ст. 109. *Гоним за славой.* Ищем славу по той дороге, на которой она никогда не бывала.

Ст. 111. *И кажемся нагонять сами себе любы.* И сами себе лаская, сами собою довольствуяся, чаем доставать славу.

Ст. 113. *И наш увидим обман. Обман* тут значит *погрешение ума;* то, что латины зовут *error.* Рассуждая вышеписанным образом о добродетелях, слепо рассуждаем; еще более погрешаем, когда, видя злонравия удачу, полезным и приятным оное почитаем, ибо злонравие всегда хульно и смеха достойно; удача его коротка, и, конечно, ему следует зазор, страх и скука, которая беспокойной совести неизбежна.

Ст. 116. *Порок.* Злонравие, vicium.

Ст. 120. *Долга малой сладости и тяжкая. Малой сладости,* которую подает злонравия удача; долгая и тяжкая мука, какова есть зазор, страх и скука, приходящая от раскаяния.

Ст. 121. *Что пользует множество* и проч. по ст. 125. *Безрассудно* чрез сокращение вместо *безрассудное.* Кроме того, что злонравия удача недолговременна, что за нею зазор, страх и каяние, скучное по пятам следует, мало нам пользует злонравием в удивление приводить множество людей, но людей безрассудных, каков есть простой народ и ему подобные, которые, непрестанно себе самим несогласны, не могут на один час одного мнения держаться, но ветра пременчивее: теперь хвалят то, что мало спустя хулить станут.

Ст. 125 и 126. *Когда честный, мудрый муж* и проч. Мало пользует удача злонравия и тем еще, что хотя народ, непостоянное множество безрассудных людей, нам в той удаче дивится, всяк мудрый, сиречь благорассудый и честный человек, рдеется, стыдится, когда ни видит дела наши.

Ст. 127 по последний. *Словом, добродетели кто изменил* и проч. Сверх же всех показанных причин, для которых на удачу злонра-

вия полагаться мы покойно не можем, всех важнейша та, что императрица Анна, будучи лучший друг добродетели, знает ея слуг от изменников ея разлучать, и как тех награждает обильно, так сих ненавидит и презирает.

Добродетели истой. Истинной добродетели, какую, сиречь, стихотворец древле быть сказывал, не какову мы погрешительно почитаем.

Ст. 128. *Нечистой.* Скверен, Profanus. Таков, сиречь, который к священному месту, каково императорский престол, приближаться не может.

Ст. 130. *От нея.* От добродетели, сиречь.

Анна в лицо знает. Подлинно лучший друг добродетели, и такой друг, который век с нею неразделен живет, должен в лицо знать и одним взглядом узнавать ея верных слуг.

Ст. 133. *Коих вся надежда в обмане. Обман* тут значит *коварство, навет.* Злонравные инако не могут себе пользу обещать, разве чая, что обманут нас и глаза наши заслепить могут.

Ст. 134. *Как из рук ея перун.* Повторить должно: *снесть не сильны.* Злонравные снесть не сильны лучи глаз ея, как скифы и агаряне не сильны снесть перун из рук ея.

Скифы суть *татаре́,* и *агаряне* — турки. *Перун* значит оружие, которого силу те народы почувствовали в последней четырехлетней войне, в которой российское войско одержало над ними многие важные победы.

САТИРА IX
НА СОСТОЯНИЕ СЕГО СВЕТА
К СОЛНЦУ

Солнце! Хотя существо твое столь есть чудно,
Что ему в век довольно удивиться трудно —
В чем нам и свидетельство древни показали,
Когда тебя за бога чрез то почитали, —
Однако мог бы я то признать несомненно,
Что было б ты в дивности твоей переменно,
Если б ты в себе живость и чувства имело,
Чем бы могло всякое в свете познать дело.
Буде б честь от нас богу ты узнать желало —
В-первых, бы суеверий бездну тут сыскало.
Мужик, который соху оставил недавно,
Аза в глаза не знает и болтнуть исправно,
А прислушайся, что врет и что его вздоры!
Ведь не то, как на Волге разбивают воры.
Да что ж? Он ти воротит богословски речи:
Какие пред иконы должно ставить свечи,
Что теперь в церквах вошло старине противно;
Как брадобритье терпит бог, то ему дивно.
На что, бает, библию отдают в печати,
Котору христианам больно грешно знати?
Вон иной, зачитавшись, да ереси сеет;
Говорит: «Не грешен тот, кто бороду бреет».
Парики — уж всяк знает, что дьявольско дело,
А он, что то не грешно, одно спорит смело;
Платье немецко носит, да притом манжеты;
Кто их назовет добром? все — адски приметы;

А таки сказуют, что то не противно богу.
Ох! как страшно и слышать таку хулу многу!
Все ж то се нет ничего; вон услышишь новый
От него тверд документ, давно уж готовый.
«Как, — говорит, — библию не грешно читати,
Что она вся держится на жидовской стати?
Вон де за то одного и сожгли недавно,
Что, зачитавшись там, стал Христа хулить явно.
Ой нет, надо библии отбегать как можно,
Бо, зачитавшись в ней, пропадешь безбожно.
Есть и без нея что честь, лишь была б охота,
Вот, полно, мне мешает домашня забота,
А то б я купил книгу, котору, не знаю
Какой, пустынник писал, да Семик быть, чаю.
Так то-то уже книга, что аж уши вянут,
Как было грамотники у нас читать станут!
Там писано, как земля четырьмя китами
Стоит, которы ее подперли спинами;
Сколько Солнце всякий день миллионов ходит,
И где оно в палаты в отдышку заходит;
Как в нынешнее время не будут являться
Святцы и богатыри; что люди мерзятся
Брадобритием и всем бусурманским нравом,
Не ходят в старом отцов предании правом.
Все там есть о старине. С мала до велика
Сказать мне все подробну не станет языка».
Все ж то се еще сошник плесть безмозгло смеет;
Все врет, хоть слова складно молвить не сумеет.
Кто ж опишет которы по грамоте бродят?
Те-то суеверие все в народе родят;
От сих безмозглых голов родятся расколы;
Всякий простонародный в них корень крамолы;
Что же пьянство, то у них в самом живом цвете.
Тая-то вещь им мнится всех святейша в свете.
Ну-тко скажи такому, что всяк день воскресный
Не в пьянстве должно справлять во всей поднебесной,
Но лучше б в учениях церковных медлети,
Неж на кабаках пьяным бесчинно шумети, —
То уж он ти понесет представлять резоны,
Что с ума тя собьет, хоть ты как будь ученый,
Выймет тебе с сундука тетради цвелые,

Предложит истории все сполна святые,
Не минет и своего отца Аввакума —
Так его запальчивость тут возьмет угрюма.
И тотчас, те предложив, начнет уличати:
«Грешно-де весь день будет богу докучати;
Смотри, что истории в себе заключают:
Ведь и в небе обедни в часы отпевают,
А не весь день по-вашему в молитве трудятся;
Отпев час урочный там, с богом веселятся».
Сей-то муж в философии живет ненарушно:
Признают то пьяницы все единодушно;
Сей и Аристотелю не больно уступит,
Паче когда к мудрости вина кружку купит.
Да что ж сим дивиться? Вон на пастырей взглянем,
Так тут-то уже разве, дивяся, устанем;
Хочет ли кто божьих слов в церкви поучиться
От пастыря, то я в том готов поручиться,
Что, ходя в церковь, не раз пóтом обольется,
А чуть ли о том от них и слова добьется.
Если ж бы он подошел к попу на кружало,
То уж там одних ушей будет ему мало,
Не переслушаешь речь его медоточну:
Опишет он там кругом церковь всю восточну.
Да как? Не учением ведь здравым и умным,
Но суеверным мозгом своим, с вина шумным,
Плетет тут без рассмотру и без стыда враки;
В-первых, как он искусен все совершать браки,
Сколько раз коло стола обводити знает
И какой стих за всяким ходом припевает.
То, все это рассказав, станет поучати,
Как с честью его руку должно целовати.
«Не знаю, — говорит, — как те люди спасутся,
Что давать нам на церковь и с деньгами жмутся.
Ведь вот не с добра моя в заплатах-де ряса;
Вон дома на завтра нет купить на что мяса;
Все-де черт склонил людей и с немцами знаться.
О, проклятые! Зачем нас дарить скупятся?
Как такие исцелят души своей раны,
Что не трепещут смело знаться с бусурманы?
Каки б они ни были, да только не русски;
Надобно б их отбегать: уж в них путь не узкий,
Но широкие врата к пагубе доводят,

Они ж, несмотря на то, смело туда входят!
А нам-де уже затем пересеклась дача,
И с просфирами, увы! бедств, достойных плача!»
Но ежели те речи поверстать бы в дело,
То б казанье написал с залишком всецело.
Как же, на таких смотря, уж простолюдины
К заблуждению себе не возьмут причины?
Все ж то это мелкоту я здесь предлагаю,
Которую по силе могу знать и знаю;
Высших же рассуждений чрезмерну примету
О боге суеверий списать силы столько нсту.
Такие-то виды суть нашей к богу чести,
Не поминая чудес притворных и лести.
Не думай же, что все тут; нет тысячной части:
Списать то все как надо — в обмороке пасти.
Довольно и сих тебе я собрал к примеру.
Еще мало посмотрим нашу к властям веру.
Смотри: купец украшен в пояс бородою,
В святом и платье ходит, только не с клюкою,
Во всем правдив, набожен: прийдет до иконы —
Пол весь заставит дрожать, как кладет поклоны!
И чаял бы ты, что он весь в правости важен;
Погляди ж завтра аж где? — Уж в тюрьме посажен.
Спросишь: «За что тут муж сидит святой
и старый?» —
Воровством без пошлины провозил товары.
Этакой святец! Вот что делает, безгрешный!
К богу лицемер, к власти вор и хищник спешный!
Да что ж над сим дивиться, сей обычной моды?
Вон дивись, как учений заводят заводы:
Строят безмерным коштом тут палаты славны,
Славят, что учения будут тамо главны;
Тщатся хотя именем умножить к ним чести
(Коли не делом); пишут печатные вести:
«Вот завтра учения высоки зачнутся,
Вот уж и учители заморски сберутся:
Пусть как можно скоро всяк о себе радеет,
Кто оных обучаться охоту имеет».
Иной бедный, кто сердцем учиться желает,
Всеми силами к тому скоро поспешает,
А пришел — комплиментов увидит немало,
Высоких же наук там стени не бывало.

А деньги хоть точатся тут бесперерывно,
Так комплиментов много с них — то и не дивно.
Где если то мне о сем все сполна писати,
То книгу превелику надобно сшивати.
Полно, и так можно знать, как то сего много;
Добра мало, а полно во всем свете злого.
Смотри, и летописцы ведь толсты недаром,
Все почти нагружены этим же товаром.
Что ж уж сказать о нашем житье межусобном?
Как мы живем друг к другу в всяком деле злобном?
Тут глаза потемнеют, голова вкруг ходит,
Рука с пером от жалю как курица бродит.
Грозят нам права земски, но бог правосудный —
Чтоб богатый не был прав, а обижен скудный,
Не судило б нас сребро, но правда святая,
Винным казнь, а правым милость подавая.
Мы ж то помним и знаем, как сребра не видим,
И клянемся богу, что бедных не обидим,
Но в правости все будем о душах радети,
А на лица и сребро не станем смотрети.
Когда ж несут подарки, где злато блистает,
То вся та мысль за сто верст от нас отбегает.
Где божий и земский страх? Даром наши души,
Как звонят серебряным колокольцем в уши;
Подьячий ходит сух, худ, лишь кожа да кости,
Ведь не с труда ссох — с коварств да завистной злости,
Что ему не удастся драть так, как другому;
Нет чем жену потешить, как придет до дому;
Лучше б он изволил тут смерть перетерпети,
Нежель над чиим делом без взятки сидети.
Вон иному, хоть деньги он с казны считает,
А не взять ему гривны — душа смертно тает.
Так-то мы милостивы, к бедным правосуды:
Выше душ ставим деньги, не плоше Иуды.
Что ж когда еще глубже мы в свет сей заглянем?
Везде без удовольства удивляться станем.
Философ деревенский оброс сединами,
Сладкими рассуждает о свете речами.
«Как, — говорит он, — теперь черт показал моду
Грех велик творить, то есть табак пить народу,

От которого весь ум человечь темнеет
И мозг в голове весьма из дня на день тлеет;
Уж мы-де таких много образцов видали,
Что многие из того люди пропадали».
То он же обличает в людях моду грубу,
А себе четвериком сам валит за губу.
Так-то людей осуждать мы тотчас готовы,
Людей видим больных, а сами не здоровы:
Так вот иной хвастает, что славы не любит,
А сам за самое то с света людей губит;
Говорит: лицемерство ему неприятно,
А самим делом держать то внушает внятно.
Теперь в свете сем буде кто пожить желает,
Пускай правды далеко во всем отбегает.
Инако бо нельзя двум господам служити,
Нельзя богу и свету вместе угодити.
Так-то сей свет состоит, так всем злым причастный,
Всех бедств, мерзостей полон, во всем суестрастный.
Еще ж то тут у нас нет миллионной доли,
Ибо тое все списать нет силы и воли.
Что ж, Солнце? Погрешил ли я, так рассуждая,
Что если б ощущало ты в свете вся злая,
По-человечески бы могло премениться.
И, право, не престану я о сем дивиться,
Как так ти дана воля сиять терпеливно
На нас бедных, столь богу живущих противно.
Больше с удивления не могу писати,
И хоть не в пору, да уж принужден кончати.

Изъяснение

Писана сия сатира 1738 году месяца июля в последних числах, которую сатирик в немощи своей в забаву себе сочинил, рассуждая бедность человеческую, которой и он немало причастия имел; и понеже о состоянии света оную писал, то избрал речь оную положить к Солнцу, как к всесветному светилу прилично. Совершив он сю сатиру, с покорнейшим своим прошением вручил оную одному из чистосердечных и весьма доброжелательных приятелей своих к исправлению, не довольствуясь, по обычаю безмозглых, но высокомнительных в себе голов, своим скудным рассуждением. Говорит он к Солнцу, что (мнит он) если бы оно было в чувствах, то есть, чтоб могло разуметь, видеть, рассуждать, слышать, чувствовать и прочая, то, по человеческой напротивно их себе злобы, должно бы ему, конечно, своим сиянием, на наши всезлейшие и противнейшие

дела смотря, премениться, понеже так весь свет наполнен гнусными действами, что богу мерзкий и противный властям, неверный и хищный, да сверх того и самому себе вреден, на что он разные примеры представляет.

Ст. 11. *Мужик, который.* Сей пример о суевериях, от безмозглых голов мужичьих пахарских происходящих, весь не выдуман, по обычаю поэтическому, но многократно слышан был от таких суеверцев.

Ст. 17. *Что теперь в церквах вошло.* Всегда такие безумные головы и о великих вещах рассуждать смеют, а наипаче где что не по-старому делается, — что автор довольно приметил, живучи между ними.

Ст. 18. *Как брадобритье.* Брадобритие мерзостнее всего ставят пред богом за несносный грех глупцы.

Ст. 21. *Вон иной, зачитавшись.* Мужики глупые, которые старины держатся, отнюдь ничего не ведая и брадобритие, парики, платье немецкое и проч. в погибель людей крайнюю ставя, думают и утверждаются на том, что сии мнимые им ереси все происходят от тех, которые библию читают; а если спросишь его: что — библия, то он, никогда истины ея не ведаючи, скажет, что сказывано ему, будто какие тетрадки, от жидов написанные. Не раз автор сердцем сокрушался, на толь безумные, но у них твердые суеверия смотря.

Ст. 29. *Все ж то се нет ничего.* Сим стихом автор говорит, что прежние суеверные речи не столь еще важны, как следующие, ст. 16 и проч.

Ст. 33. *Вон де за то.* В Санктпетербурге 1738 году месяца июля в средних числах сожжен, по уложениям блаженныя памяти российских государей, бывший морского флоту капитан за то, что принял жидовскую веру и так крепко на оной утвердился, что, не смотря правды, упрямством своим в страшном на спасителя нашего Христа хулении погиб; который случай безмозгим невеждам немалую причину подал сумневаться о библии, когда они слышат, что жиды ветхого закона держатся. О, как безумные и дерзкие невежды! Причина ли библия святая дьявольского того орудия погибели?

Ст. 37. *Есть и без нея.* Подлинно, что бездельные тетради глупых дьячков лучше мужики почитают, неж святое что.

Ст. 40. *Да Семик, чаю.* Семик, после прежнего идолопоклонничества оставшийся богомерзкий праздник, и до сих пор от суеверных простаков с великою честью празднуется. Собираются тогда обоего пола особы, а наипаче в глупости застарелые, и поют на имени идолов сочиненные бесовские песни, напившися допьяна; между тем, вырубив березку, различных цветов лоскутками, лентами и платками убирают и потом весь день с гудками и скверными песнями коло ея скачут и танцуют, а по нескольких днях, опять собрався, с гудками и превеликим шумом песней оную березку относят к реке и на воду пускают с какими приговорами напоследок. Оные суеверцы признают, что этого праздника имя взято с некоторого святого пустынника, которому имя было Семик.

Ст. 43. *Там писано.* Сии все речи неоднократно произносили

суеверные головы, философствуя, как то Земля состоит и на чем, и совершенно утверждают, что Земля есть девица чистая и непорочная и стоит она на спинах четырех китов.

Ст. 45. *Сколько Солнце.* Помянутые пустые головы суеверных (буди достойно их назвать) философов доказывают, что Солнце святое есть девица ж непорочная, живая и чувственная, и что оно когда заходит, то в своих палатах через ночь отдыхает, понеже несколько, не упомню, сказуют они, миллионов миль ходит в день, по учению Семикову.

Ст. 47. *Как в нынешнее.* Все староверцы утверждают, что теперь ни святцам, ни богатырям явления не будет, понеже люди омерзились брадобритием и платьем немецким.

Ст. 69. *Не минет и своего.* Аввакум, первый расколов затейщик, самая безмозгая, буйная и упрямая голова был, от которого великие хулы на православную веру произошли, за что он по указам казнь достойную приняв, но в раскольников в святых есть.

Ст. 72. *Грешно-де весь день.* Случилось автору видеть об этом глупцов тетрадки, где написано, что некоторый пастух слышал, до коих мест в небе обедня правится.

Ст. 93. *Плетет тут без рассмотру.* Удивительная вещь, как <Россия> этим несчастлива, что пастыри в ней больше к пьянству и суеверию, нежели к поучению и поощрению добродетельному, людям угодны суть. В сем стихе хотя не кажется суеверие, однако многие суть непомянутые здесь у всех почти на примете, а и кроме того: не надлежало бы священству на кабаках пред простым народом к соблазну пустое врать и балы точить. Но не вообще о всех тут помянуто: суть бо некоторые благочестивые и постоянные, которых, как истинных отцов своих, почитать и славить должны.

Ст. 107. *Каки б они.* Весьма бы то здравое учение было, если б он учил веры бусурманской отбегать; но то беда, что он вообще учит их не любить, каковы б они ни были, а должность пастырская первая — то, что, умножая по закону божию братолюбие, должно проповедывать, что не должно за то ненавидеть людей, что они иностранны, но надлежит смотреть на их нрав, рассуждая то, что за всякого в свете человека кровь свою пролиял Христос; и правда, буди возможно, надобно бы их приводить к познанию истины, если же невозможно — иным в злочестие не сообщася, а их Христа ради любить; они за себя ответ свой богу воздадут, а христианин в любви ближнего пред богом чист будет.

Ст. 108. *Путь не узкий.* Обычно пьяным людям Священное писание всуе употреблять; так пьяница, когда принимает от целовальника стакан с вином, говорит: «Чашу спасения приму»; когда выходит вон с кабака, говорит: «Изыдите, винограда делателие», и проч. без числа.

Ст. 120. *О боге суеверий.* Подлинно, так того много, что все то описать нет силы, ибо и слышать страшно.

Ст. 122. *Не поминая чудес.* Много было и того в свете, что в прельщение народа претворяли чудеса из духовного чину, чем от иностранных народов и на истинные немало навели пороков богопротивные сии лестцы.

Ст. 123. *Не думай же.* Автор говорит к Солнцу, что еще суеверий народных и священных не показал он и тысячной части, пред-

ставляя тому доказательство, что если все тое подробну описывать, то надобно разве в обморок впасти ради бесчисленного их множества.

Ст. 155. *Как то сего много.* То есть неверности к властям нашим.

Ст. 157. *Смотри, и летописцы.* Правда, что в летописцах большая половина написано содержится о измене и всяких неверностях к властям, то есть государям нашим, в прежни времена бывших.

Ст. 159. *Что ж уж сказать.* Автор, смотря на наши междоусобные бездельные действия, не знает, что писать и что опустить, понеже неизмеримы суть.

Ст. 174. *Как звонят.* Звонит серебряным колокольцем в уши — есть фразес русская, то есть давать деньги.

Ст. 206. *Нельзя богу и свету.* Христос, спаситель наш, сказал в Евангелии: не можете работати богу и мамоне; а автор сей сатиры переменил, вместо мамоны свету написал, которо все едину силу имеет; ибо мамона, по разумению святых особ, дьявол толкуется, а дьявол со всем своим угодием и орудием противен богу; дела ж световые, которые от света, а не от бога, угодны дьяволу, убо дьявол и свет, по дьявольскому угождению, противен богу; итак, все злые дела света к дьяволу, яко начальнику и корени тех, воспитывать должно.

НА ЗОИЛА

Ей, змииного яда не столь вредит сила,
Сколько сердце и устне злобного Зоила!
По нем, может ли что быть в целом свете право?
Все не туды, один он мыслит только здраво.
Игрока осуждает и его повадку,
Что имение свое загнул на девятку;
Роскошного ругает: «Сам-де ты впал в бедства,
Для чего так промотал сильных три наследства?
Забыл ты яишницы кушать голубины,
Ортоланов нет: с нуждой промыслишь мякины;
И жена твоя ходит покрыта убрусом,
Как Лазарь обязан встал, воскресши Исусом».
Если с печальна сердца страждет, лицо в поте —
«Почто с детьми та ходит в французском бармоте?»
Обняла уж их нужда и бедность без меры —
«Не пора ли им отстать католицкой веры?»
Ах, хотя жалость сама оных защищает,
Но Зоилина стрела и тому ударяет.
Не так цельно чрез воздух шар летит с металла,
Сколь быстро мрачится честь от твоего жала.
Скажи, что тебе нравно, что по твоей моде?
Иной в девятый пишет не последний в роде,
Что уж слова на спинах легче писать мелом,
Неж вредительному быть без причины делом;
Хитрым твоим советом и твоей рукою
Чуть иного не пустил таскаться с сумою;

Да еще мало и той показалось злости —
Начал поносить, что он мот в карты и кости.
Пусть, государь, по-твоему, всяк бывает
страстный, —
Ты разве тех избежал и ни в чем причастный?
Вспомни, вспомни и к себе собственны досады:
Сладостно ли ты вкусил печальны обряды,
Где друзья, врази ль твои с тобой поступали,
Здравого в веселиях мертвым тя сказали,
Да в противность законам и в противность чести
Зловредным тем действием исполнили вести.
Ну, если бы я имел сердце свое злобно,
Конче б стихами во вред твой писать удобно,
Но оставлю грубым те краски и кисти.
Хоть ты меня обидел, а мне нет корысти
Равномерно воздавать хулы за обиды.
Разве уж позволено честь бить так, как гниды?
Возьми все имение, збавь жизнь, а не чести.
Правду я тебе сказал, написал без лести:
Ты рожден благороден, разумом доволен,
Изобилуешь во всем, разных искусств полон;
Дети тебе утеха зрятся благонравны,
Промыслом твоим будут почтенны и славны,
Коль страхом закона тех в добродетель
справишь, —
Почто, почто обыкность твою не оставишь?
Кому друг — там услуги, там честь, там и верность.
Сие хвально, да на что ж безмерность?
Кто недруг или хотя пришел не по нраву —
Злишься, терзаешь всяко и отъемлешь славу.
Престань, бедная муза! что так рассуждаешь,
Столь грубыми стихами почто исправляешь?
Про нас с тобой уж и так всякое зло трубят;
Иль тебе не печально, что люди не любят?
И не в твою пору, князь, красота Парнаса,
Кинул сатиры, смолчал, престал того ж часа
Злые нравы исправлять с забавою складно,
Когда уже усмотрел, что многим досадно.
А мы с тобой на свете малейша атома,
Счастие наше слабе паукова дома,
Да столь дерзновенны! ей, чтоб не пострадали,
Молчи убо впредь, а то быть так, как сказали.

ПРИМЕЧАНИЯ

Когда автор сей сатиры обижен стал быть безвинно Зоилом, тогда написал сию не в таком намерении, чтоб тем ему вреда нанести, но паче чувствительно показать, как всякая обида в чести несносна бывает. Притом же, может, и такую имел надежду, что когда дойдет ушей того, кто здесь под именем Зоила списан, и познав, сколь неприлично благородному человеку в злословии упражняться, если б свой худой обычай оставит. В прочем всякую хвалу приписуем, и остроту разума его почитаю; поистине сожалеть должно, что сия знатная персона в себе сию только погрешность имеет, которая ему сделалась обычаем худого сообщенства в младых его летах. Я могу сказать смело, если б его острый разум был учрежден и определен к важнейшему делу, конечно б сделал честь российской нации, что всякий со мной то ж сказать может, если кто об нем бесстрастно рассуждать будет.

Ст. 15. *Обняла уж их нужда.* Двократы пишучи к Демонику, другу своему, о поведении благонравну к людям, между прочим и сие ему советует, то есть никому бедностью не попрекати: счастие обще всем смертным непостоянно, а будуще время нам еще неизвестно.

ПЕСНИ. ПИСЬМА.
БАСНИ. <ОДЫ>. ЭПИГРАММЫ

ПЕСНЬ I
ПРОТИВУ БЕЗБОЖНЫХ

Тщетную мудрость мира вы оставьте,
Злы богоборцы! обратив кормило,
Корабль свой к брегу истины направьте,
Теченье ваше досель блудно было.
Признайте бога, иже управляет
Тварь всю, своими созданну руками.
Той простер небо да в нем нам сияет,
Дал света солнце источник с звездами.
Той луну, солнца лучи преломляти
Научив, темну плоть светить заставил.
Им зрятся чудны сии протекати
Телеса воздух, и в них той уставил
Течений меру, порядок и время,
И так увесил все махины части,
Что нигде лишна легкость, нигде бремя,
Друг друга держат и не могут пасти.
Его же словом в воздушном пространстве,
Как мячик легкий, так земля катится;
В трав же зеленом и дубрав убранстве
Тут гора, тамо долина гордится.
Той из источник извел быстры реки,
И песком слабым убедил схраняти
Моря свирепы свой предел вовеки,
И ветрам легким дал с шумом дышати,
Разны животных оживил он роды.
Часть пером легким в воздух тела бремя
Удобно взносит, часть же сечет воды,
Ползет иль ходит грубейшее племя.

С малой частицы мы блата сплетенны
Того ж в плоть нашу всесильными персты
И устен духом его оживленны;
Он нам к понятью дал разум отверзтый.
Той, черный облак жарким разделяя
Перуном, громко гремя, устрашает
Землю и воды, и дальнейша края
Темного царства быстр звук достизает;
Низит высоких, низких возвышает;
Тут даст, что тамо восхотел отъяти.
Горам коснувся — дыметь понуждает:
Манием мир весь силен потрясати.

ПЕСНЬ II
О НАДЕЖДЕ НА БОГА

Видишь, Никито, как крылато племя
Ни землю пашет, ни жнет, ниже сеет;
От руки высшей, однак, в свое время
Пищу, довольну жизнь продлить, имеет.

Лилию в поле видишь многоцветну —
Ни прядет, ни тчет; царь мудрый Сиона,
Однако, в славе своей столь приметну
Не имел одежду. Ты голос закона,

В сердцах природа что от век вложила
И бог во плоти подтвердил, внушая,
Что честно, благо, — пусть того лишь сила
Тобой владеет, злости убегая.

О прочем помысл отцу всемогущу
Оставь, который с облак устремляет
Перуны грозны и бурю, дышущу
Гибель, в приятно ведро обращает.

Что завтра будет — искать не крушися;
Всяк настоящий день дар быть считая,
Себе полезен и иным потщися
Учинить, вышне наследство жадая.

Властелин мира нужду твою знает,
Не лишит пищи, не лишит одежды;
Кто того волю смирен исполняет,
Не отщетится своей в нем надежды.

ПЕСНЬ III
НА ЗЛОБНОГО ЧЕЛОВЕКА

Того вы мужа, что приятна зрите
Лицом, что в сладких словах, клянясь небом,
Дружбу сулит вам, вы, друзья, бегите! —
Яд под мягким хлебом.

Если бы сердце того видеть можно,
Видно б, сколь злобна мысль, хоть мнятся правы
Того поступки, и сколь осторожно
Свои таит нравы.

Помочи в нуждах от него не ждите:
Одному только он себе радеет;
Обязать службой себе не ищите:
Забывать умеет.

Что у другого в руках ни увидит,
Лишно чрезмерно в руках тех быть чает
И неспокойным сердцем то завидит:
Все себе желает.

Когда вредить той кому лише сможет,
Вредит, никую имея причину;
Сильно в несчастье впадшему поможет
Достичь злу кончину.

Ни седина честна, ни святость сана,
Ни слабость пола язык обуздати
Его возможет: вся суть им попрана,
Всех обыкл пятнати.

Кому свое с ним счастие благое
Не дало знаться, хоть хул убегает.
Божие имя щадит он святое,
Что бога не знает.

О царю небес! иже управляешь
Тварь всю, твоими созданну руками,
Почто в нем наши язвы продолжаешь?
Просим со слезами —

Пусти нань быстры с облак твои стрелы,
Законоломцам скованны в погибель,
И человеческ радостен род целый
Узрит его гибель.

ПЕСНЬ IV
В ПОХВАЛУ НАУК

Уже довольно лучший путь не зная,
Страстьми имея ослепленны очи,
Род человеческ из краю до края
Заблуждал жизни в мрак безлунной ночи,
И в бездны страшны несмелые ноги
Многих ступили — спаслися немноги,

Коим, простерши счастье сильну руку
И не хотящих от стези опасной
Отторгнув, должну отдалило муку;
Но стопы оных не смысл правя ясной —
Его же помочь одна лишь надежна, —
И тем бы гибель была неизбежна,

Но, падеж рода нашего конечный
Предупреждая новым действом власти,
Произвел Мудрость царь мира предвечный,
И послал тую к людям, да, их страсти
Обуздав, нравов суровость исправит
И на путь правый их ноги наставит.

О, коль всесильна отца дщерь приятна!
В лице умильном красота блистает;
Речь, хотя тиха, честным ушам внятна,
Сердца и нудит и увеселяет;
Ни гневу знает, ни страху причину,
Ищет и любит истину едину.

Толпу злонравий влеча за собою,
Зрак твой не сильна снесть, ложь убегает,
И добродетель твоею рукою
Славны победы в мал час получает;
Тако внезапным лучом, когда всходит,
Солнце и гонит мрак и свет наводит.

К востоку крайны пространны народы,
Ближны некреям, ближны оксидракам,
Кои пьют Ганга и Инда рек воды,
Твоим те первы освещенны зраком,
С слонов нисшедше, счастливы приемлют
Тебя и сладость гласа твоего внемлют.

Черных потом же ефиоп пределы,
И плодоносный Нил что наводняет,
Царство, богатством славно, славно делы,
Пользу законов твоих ощущает,
И людей разум грубый уж не блудит
В грязи, но к небу смелый лет свой нудит.

Познал свою тьму и твою вдруг славу
Вавилон, видев тя, широкостенный;
И кои всяку презрели державу,
Твоей склонили выю, усмиренны,
Дикие скифы и фраки суровы,
Дав твоей власти в себе знаки новы.

Трудах по долгих стопы утвердила,
Седмью введена друзьями твоими
В греках счастливых, и вдруг взросла сила,
Взросло их имя. Наставленный ими
Народ, владетель мира, дал суд труден:
Тобой иль действом рук был больше чуден,

Едва их праздность, невежства мати
И злочинств всяких, от тя отлучила,
Власть уж их тверда не могла стояти.
Презренна варвар от севера сила
Западный прежде, потом же востока
Престол низвергла в мгновение ока.

Была та гибель нашего причина
Счастья; десница врачей щедра дала
Покров, под коим бежаща богина
Нашла отраду и уж воссияла
Европе целой луч нового света;
Врачей не умрет имя в вечны лета.

Мудрость обильна, свиту многолюдну
Уж безопасна из царства в другое
Водя с собою, видели мы чудну
Премену: немо суеверство злое
Пало, и знаем служить царю славы
Сердцем смиренным и чистыми нравы.

На судах правда прогнала наветы
Ябеды черной; в войну идем стройны;
Храбростью ищем, искусством, советы
Венцы с Победы рук принять достойны;
Медные всходят в руках наших стены,
И огнь различны чувствует премены.

Зевсовы наших не чуднее руки;
Пылаем с громом молния жестока,
Трясем, рвем землю, и бурю и звуки
Страшны наводим в мгновение ока.
Ветры, пространных морь воды ужасны
Правим и топчем, дерзки, безопасны.

Бездны ужасны вод преплыв, доходим
Мир, отделенный от век бесконечных.
В воздух, в светила, на край неба всходим,
И путь и силу числим скоротечных
Телес, луч солнца делим в цветны части;
Чувствует тварь вся силу нашей власти,

ПРИМЕЧАНИЯ

Песнью стихотворец наш называет то, что по-латине греческим словом *ода*. Приличнее ему показалося употребить своего языка речь, чем чужую, столь наипаче, что в церковных книгах уже греческое ode переведена по-русски песнь.

I. Сей первой песни основание взято из 34 Горациевой в книге I.

Parcus Deorum cultor, et infrequens
Insanientis dum sapientiae
Consultus ergo, nunc retrorsum
Vela dare, atque iterare cursus,
Cogor relictos, etc.

<Пока я заблуждаюсь, проникшись неразумною мудростью, я — редкий и нерадивый почитатель богов. Но теперь я вынужден снова распустить паруса и снова отправиться по уже пройденным мною путям.>

Доказывается в ней бытие божества чрез его твари.

Ст. 8. *Света солнце источник.* Сродным порядком *солнце — источник света.* Солнце одно и неподвижные звезды собственным своим светом светят; прочие светила, каковы суть: *Луна, Меркурий, Венус, Юпитер* и прочие планеты, от солнца свет получают и к нам чужой свет отсвечивают.

Ст. 9 и 10. *Луну, солнца лучи преломляти научив.* Луна собою тело грубое и несветлое, светла же нам кажется для того, что лучи солнца, в нее упираясь, к нам, как от зеркала, отсвечивают.

Ст. 11 и 12. *Чудны сии телеса.* Т. е. месяц, и звезды, и земля.

Ст. 14. *Все махины части.* Махина есть вещь, из многих частей так составленна, что, как перву пружину или отвес заведешь, собою на время движется; таковы суть, наприклад, часы. Здесь махиною весь мир повсемственный, которого части суть солнце, планеты, звезды и проч. означается.

Ст. 18. *Земля катится.* Общее теперь искусных астрономов мнение, что не солнце, но земля наша около солнца вертится. Уподобление земли к мячику тем приличнее, что как мячик, когда его

покатишь, и к назначенному месту бежит и между тем сам около себя вертится, так и земля, пока большой круг годовой около солнца совершает, и около своего центра между тем в 24 часа вертится. Смотри разговоры Фонтенелевы о множестве миров, вечер 1.

Ст. 20. *Тут гора, тамо долина гордится.* Земля, сиречь, здесь горою, тамо долиною гордится в убранстве трав и лесов.

Ст. 26. *Часть пером легким.* Часть летит, как птицы.

Ст. 27. *Сечет воды.* Плывет, как рыбы.

Ст. 28. *Грубейшее племя.* Люди, сиречь, скоты, звери и гадины.

Ст. 33. *Той, черный облак жарким.* Гораций, ода 34, кн. I.

Igni corusco nubila dividens,
Plerumque per purum tonantes
Egit equos, volucremque currum:
Quo bruta tellus, et vaga flumina
Quo Styx, et invisi horrida Taenari
Sedes Atlanteusque finis
Concutitur. Valet ima summis
Mutare, и проч.

<Ибо Юпитер, обычно разверзающий тучи искрометным огнем, погнал громоносных коней и летучую колесницу по чистому небу, и из-за этого недвижимая земля и зыбкие реки, из-за этого Стикс и внушающий ужас вход в незримый Тенар (т. е. в подземное царство), из-за этого пределы Атланта — все сотрясается. Он в силах поменять местами нижнее с верхним и проч.>

Ст. 36. *Темного царства. Ада,* сиречь.

Ст. 39. *Горам коснувся.* Царь Давид в псалме говорит: *Коснувся горам — и дымятся.*

II. Основание сей песни взято из Евангелия и из Горация. Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются в совете о отложении лишних попечений и сколь от того разгласные заключения производят. Смотри в святом Евангелии от Матфея, гл. 6, ст. 28 и от Луки, гл. 12, ст. 27, да Горациеву оду 9 книги I.

Ст. 1. *Видишь, Никито.* Ода сия писана к князю Никите Юрьевичу Трубецкому, приятелю нашего стихотворца. Гораций свою начинает:

Vides, ut alta stet nive candidum
Soracte.

<Видишь, как высится блестящий от снега Соракт.>

А в Евангелии чтем: *Воззрите на птицы небесные* и проч.

Ст. 5. *Лилию в поле видишь.* Лилия, крин сельный. Сия последняя речь была бы лучше, но нужда меры и рифмы понудила употребить слово украинское.

Ст. 6. *Царь мудрый Сиона.* Сиречь Соломон премудрый.

Ст. 8 по 12. *Ты голос закона* и проч. Ты, внушая себе голос того закона, который природа самая от век тебе в сердце вложила и слово

в плоти (сиречь Спасителя) потом утвердила, к тому одному прилежи, что честно и благо, бегая всякого злого дела.

Ст. 13 по 16. *О прочем помысл.* О прочем попечение оставь всемогущему богу, который устремляет из облак грозные перуны и который силен обратить в приятное вёдро бурю, дышащую гибель.

Permitte divis caetera: qui simul
Stravere ventos aequore fervido
Deproeliantes; nec cupressi,
Nec veteres agitantur alni.

<Предоставь богам все остальное; они только что усмирили ветры, бушующие на клокочущей поверхности моря, и ни кипарисы, ни старые ольхи не колышутся больше.>

Ст. 17. *Что завтра будет — искать не крушися.*

Quid sit futurum cras quaerere: et
Quem sors dierum cunque dabit, lucro
Apponne.

<Что произойдет завтра — избегай доискиваться, и сколько бы дней судьба ни подарила — считай это своим барышом.>

Ст. 20. *Вышне наследство жадая.* Ищите царство небесное.
Ст. 21. *Властелин мира.* Бог, сиречь, нужду твою знает.

III. В сей песни стихотворец описывает злобно-лукавого человека. Сочинена в 1735 году.

Ст. 4. *Яд под мягким хлебом.* Под лицом и словами приятными таится злоба. Так Виргилий сказал:

Fugite, o pueri, frigidus latet anguis in herba.

<Бегите, отроки, хладная таится в траве змея.>

Ст. 12. *Забывать умеет.* Службу, сиречь, ему показанную, забывать умеет. Таковы суть люди неблагодарные.
Ст. 21. *Ни седина честна, ни святость сана.* Т. е. ни старость, ни чин освященной особы.
Ст. 22. *Ни слабость пола.* Женского, сиречь.
Ст. 27. *Божие имя щадит.* Счастлив тот, кто ему незнаком: всех хулит и пересужает; и богу одному для того только щадит, что он бога не знает. Подражание с надгробного надписания итальянского стихотворца Аретина:

Qui giace, Aretin Poëta Tosco;
Disse di tutti mal for che di Christo,
Scusandosi con dir nol nosco.

То есть:

Здесь лежит Аретин, тосканский стихотворец,
Который всех злословил, кроме о Христе,
Тем извиняяся, что его не знает.

IV. В сей песни стихотворец описует мудрости начало, преуспеяние в разных народах и временах до наших веков, и пользу, которую от нея род человеческ получил. Именем Мудрости разумеет все науки и художества, наипаче же нравоучение, которое прежних мудролюбцев было лучшее, и по достоинству, обучение. Основа сей песни в начале занята из Лукианова разговору, под именем «Беглецы», в котором Аполлон, Юпитер и Любомудрие собеседуют. Выпишу здесь оное место, по которому всей песни разумение будет удобнее:

Любомудрие (говорит Юпитеру). Когда ты усмотрел, что мир исполнен прелестию и неправдою, соболезновал ты об нем и послал ты меня, чтоб отменить в лучшее человеков скотское житие, ибо, если ты не забыл, сказал ты мне: «Видишь, дочь моя любимая, в какое состояние люди пришли чрез их невежество и злобу; сойди к ним, понеже ты одна можешь прогнать их прегрешение и исцелить их».

Юпитер. Помню, что нечто подобное я тебе говорил; да расскажи мне, как они тебя приняли и что потом с тобой сделали.

Любомудрие. С самого начала не хотела пойти прямо к грекам. Пришла я вначале к индийцам, великому народу, который я, с слонов сведши, заставила меня слушать; и весь язык брахманов, смежны некреям и оксидракам, приняли мою науку. Вышедши из Индии, пришла я в Ефиопию и отсюду к египтянам, где я научила их священников и пророков богослужению. Потом я перешла в Вавилон, чтоб наставить халдеев и волхвов; потом в Скифию, откуду возвращаяся чрез Фракию, свидание имела с Евмельпом и Орфеем и послала их пред собою в Грецию, повелев первому научить греков моим тайнам, а второму наставить их в музыке. Недолго спустя я и сама за ними следовала, но по прибытии моем в Грецию приняли меня ни худо, ни изрядно, однако ж со временем я добыла себе седмь мудрецов.

Ст. 1. *Уже довольно лучший путь не зная.* Грубый человек, не наставлен к благонравию, не просвещен вышнею мудростию, в темноте блудит, не зная сыскать надежную дорогу, и потому впадает в пропасти и встречает свою гибель.

Ст. 5. *В бездны страшны.* Страшные бездны суть в течение жития злочинства, в которые впадаем.

Ст. тот же. *Несмелые ноги.* Одно благорассудство надежно нас ведет в житии, и потому, ему следуя, идем смело; безумный всегда торопок, все ему опасно, всего боится.

Ст. 6 и 7. *Спаслися немноги, коим, простерши.* Пока бог просветил мудростию род человеческий, заблуждал он в житии, и пали многие в бездны злочинств; немноги спаслися не по своему произволу, но ненарочно: счастье им руку подало и от опасной дороги отвело.

Ст. 9. *Должну отдалило муку.* Счастье отвело их от злочинств и спасло их должного им наказания. Злочинствам наказание, если и медлит, неотменно следует; по меньшей мере раскаяние бывает неизбежно.

Ст. 21. *Честным ушам.* Сиречь тем людям, кои беспристрастно, с прилежанием слушают.

Ст. 26. *Зрак твой.* К Мудрости говорит стихотворец.

Ст. 31, 32 и 33. *Народы, ближны некреям. Индианцы,* сиречь, понеже к краю востока поселены; а в их земле течет река Ганг и Инд. *Некреи и оксидраки* — народы такожде индийские. Смотри Бодранов «Лексикон географический».

Ст. 36. *Твого.* Вместо *твоего,* чрез сокращение.

Ст. 37. *Ефиоп.* Чрез сокращение, вместо *ефиопов, арапов.*

Ст. 38 и 39. *И плодоносный Нил что наводняет* и проч. Сродным порядком слова так бы лежать должны: *и царство, богатством славное, славное делами, что* (вм. *которое) плодоносный Нил наводняет, ощущает пользу твоих законов.* О царстве египетском говорит, чрез которое Нил-река к его особливому благополучию течет.

Ст. 42. *Но к небу смелый лет свой нудит.* К познанию, сиречь, божества ум свой возвышает.

Ст. 47. *Дикие скифы.* Татаре, сиречь.

Ст. тот же. *И фраки суровы. Фракия* — великая провинция в Европе, ныне *Романия,* в которой лежит Константинополь. Древле фраков народы за жесточайших и суровейших почиталися.

Ст. 50. *Седмью введена друзьями.* Знаменитых седмь греческих мудрецов тем означает. Смотри примеч. под ст. 176-м, сат. I.

Ст. 51. *И вдруг взросла сила.* Кто греческую историю читал, знает, в какую силу афинейцы и лакедемоны пришли способом наук и художеств. Малые общеправительства с удачею воевали против сильных царей персидских.

Ст. 53. *Народ, владетель мира.* Римский народ.

Ст. тот же. *Дал суд труден.* Народ римский так в военных действах и в науках учинился славен, что трудно судить, в котором из двух больше преуспел.

Ст. 58. *Презренна варвар от севера сила.* По разделении римской империи на восточный и западный престол в обоих с науками так добродетели, как и мужество и сила унывать стали, и напоследок северные народы, каковы вандалы, готфы и французы, опровергнули престол западный, на которого обломках основалася держава папская, германская, французская и иные; а потом турки (народ, которого начало от Каспийского моря пограничных произошло и потому еще северным назвать можно) опрокинули престол восточный взятием Константинополя.

Ст. 61. *Была та гибель нашего причина счастья.* Взятие Константинополя причиною было, что в XV веке науки в Европе возобновилися, ибо некоторые из греческих ученых людей при таком несчастии, оставя отечество свое, убежали в Италию, где приняты с особливою ласкою и щедротою от *Лоренца Медика,* названного *великим и отцом наук,* который тогда был начальнейшим правителем республики флорентинской и которого потомки учинилися великими князьями тосканскими.

Ст. 62. *Десница врачей.* Рука *медиков,* вышепомянутого и его наследников. Medicus — латинское слово, по-русски *врач, доктор.*

Ст. 63. *Бежаща богина.* Мудрость, сиречь. Под лицом Мудрости ученых греческих людей означает, о которых выше сего говорено. *Богина* вместо *богиня* за нужду рифмы.

Ст. 64. *И уж воссияла Европе целой.* Когда в Италии науки уже завелися, то помалу и в прочих европейских народах — во Францию, Германию, Англию, даже и до северных краев — распространились.

Ст. 67. *Обильна.* Всегда о Мудрости говорит.

Ст. 70. *Немо суеверство.* Первый плод наук — познание бога и правильное ему почитание. Известно, что до возобновления наук в Европе суеверство чуть было не подавило истинное христианство. Наука, прогнав обман, глаза людям открыла.

Ст. 74. *В войну идем стройны.* Чрез наставления, от наук получаемые, полки наши искусно строим и против неприятеля ведем изрядным порядком.

Ст. 76. *Венцы с Победы рук принять.* Одержать над неприятелем победу.

Ст. 77. *Медные всходят в руках наших стены.* Чрез искусство утверждения крепостей созидаем столь крепкие городы, что можно сказать, что стены их — медные. Часто стихотворцы латинские *медными* и *железными* называют стены крепкие.

Ст. 78. *И огнь различны чувствует премены.* Искусством различно употребляют огонь пороховой против неприятеля, и наступательно и к своей защите.

Ст. 79. *Зевсовы наших не чуднее руки.* Зевсом греки Юпитера называют, бога, по баснословию язычников, главнейшего, из которого рук молния и перун происходить сказывают.

Ст. 80. *Пылаем с громом молния жестока.* Тем руки Зевсовы наших не чуднее, что и мы, по изобретении огненного ружья и искусства рукодельных огней, кажемся из наших рук молнии и гром посылать.

Ст. 81. *Трясем, рвем землю.* Чрез подкопы, в которых уложенный порох землю ужасно подрывает.

Ст. тот же. *И бурю и звуки.* Таково есть действо пороха, который, из пушек, из бомб и из подкопов выходя, гремит и помрачает свет в глазах наших.

Ст. 83 и 84. *Ветры, пространных морь воды* и проч. Правим ветры и дерзостно, без всякой опасности топчем (вместо *преплываем*) ужасные воды пространных морь. Польза, которую нам искусство мореплавания доставило.

Ст. 85 и 86. *Бездны ужасны вод преплыв* и проч. Преплыв ужасное море океанское, доходим (или находим) Америку, новый мир, от нашего отделенный чрез многие веки; известно, что Христофор Колумбус Америку изобрел в 1492 году.

Ст. 87. *В воздух, в светила, на край неба всходим.* Помочию физики и астрономии, которые в наших веках в гораздо лучшее совершенство приведены.

Ст. 88. *И путь и силу числим скоротечных телес.* Числим дорогу и силу взаимную небесных телес, каковы суть планеты, звезды неподвижные и кометы. Новые астрономы в том дивную удачу имели, и наипаче в том преуспел англичанин Ньютон.

Ст. 89. *Луч солнца делим в цветны части.* Если в темной горнице впустить луч солнца чрез малую скважину на требочное стекло, которое обыкновенно *призмою,* а у нас *райком* называют, луч тот, преломяся, разделится на семь других лучей, из которых один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудо-желтый, седьмой красный. Сие явление первый усмотрел и исследовал вышепомянутый знаменитый аглинский философ Ньютон.

Оды то есть пѣсни.

Ода 1.

Къ императрицѣ Аннѣ въ день ея рожденія

* * *

1 Въ одномъ разумѣ сладость состоится,
Когда прочая подлежатъ вся смерти;
И когда оно гніетъ, оно тлится,
Преславный разумъ ни смерть можетъ стерти.

* * *

2. Хитръ умъ естество всего испытуетъ, звѣздный
Что кругъ сей ни объемлетъ; длинъ глубину с бездны
Нѣдръ самыхъ выводитъ,
Ломи стройно водитъ.

[illegible]

Всѣхъ дѣлъ поведенія устрояетъ мудро

* * *

Народами тойже Разумъ управляетъ,
Преступавшихъ же с злочинствъ достигаетъ:
Онъ Царства правитъ. Но тѣмъ недоволенъ
Небесну имѣя природу, весь воленъ
Въ небесамъ ся простираетъ,
И аки пернатный
Землю, кругъ сей блатный
Презрѣвъ въ вышня возлѣтаетъ.

Народы правитъ, Царствы управляетъ,
Царствы управляетъ, злобы отгоняетъ.
[illegible]
Небесныя рода, въ высь простираетъ
Свѣтлыя крилѣ, землю презираетъ.

* * *

Зная же небеснаго Царя благочестно
Того чтитъ, иже душу / намъ то неизвѣстно/
Разумную вложилъ въ тѣло,
Причастницу Божественна Духа

Царя же Творца знать почитаетъ
И тому служитъ, которого дѣло
Есть душа [illegible]
Божія духа [illegible] тѣло смертное

* * *

Многи правда храбры во бранѣхъ бываютъ,
Но тѣ безрассудно силъ употребляютъ,
Кои тѣло не умъ ищутъ подвизати:
Но сила [illegible] и [illegible], силою [illegible]
Превосходитъ войны, [illegible]
Столь многи храбрость [illegible] превосходятъ!

ОДА
К ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ В ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНИЯ

В одном разуме живот состоится,
Когда прочая подлежат вся смерти
И когда ово гинет, ово тлится, —
Преславный разум ни смерть может стерти.

Хитр ум естество всего испытует: звездный
Что круг сей ни объемлет, вин истинну с бездны
Недр самых выводит,
Полки стройно водит,
Всех дел поведения устрояет мудро.

Народами той же Разум управляет,
Преступающих же с злочинств достягает,
Он царства правит. Но, тем не доволен,
Небесну имея природу, весь волен,
К небесам ся простирает
И, аки пернатный,
Землю круг сей блатный
Презрев, в вышня возлетает.

Зная же небесного царя, благочестно
Того чтит, иже душу (как, то неизвестно)
Разумную вложил в тело,
Причастницу божественна духа.

Многи, правда, храбры во бранях бывают,
Но те безрассудно сил употребляют.
Колико же кормчий матроса честнейший,

Колико воина есть изящнейший,
Над храбростью толико
Мудрость нечто велико.

Греков против римска был всего защититель
Войска Архимед один, дивных вымыслитель
Орудий, поразив
Войско и превратив
В пепел, в прах флот воздушным
Огнем, уму послушным;
Хитростию и советы,
Оружие и наветы
Воспятив сопротивных,
В мужестве, в деле дивных.

Сего для музы всегда любимы, почтенны
Бывали тем, которы лучшим одаренны
Свыше разума светом.
Есть бо уму врожденно
Науки искати, которых советом
И действом свирепство народ усмиренно
Много бывает, и теми правы
Насаждаются, нам в пользу, нравы.

Тем одни радетели мудрости блаженны,
Хоть и таковых не нет, которы, разженны
Ненавистью, на нее зрят злыми глазами
И продерзством безумным; если б учинити
Можно было, готовы (злобны суще сами)
И саму добродетель вдруг искоренити;
Которы всезлобными терзают зубами
Всех дела, кроме своих; те токмо хвалити
Обыкши, завистью всегда изумленны,
Любовью к единым себе наполненны.

Но егда конь доброродный,
Иже в смелости блистает,
Или цинтия пресветла,
Краса и утеха ночи,
Смотрит на то, что с всей мочи
Рящийся пес в ветр лает?

Невредимо пребывает
Все, что мужественно, честно,
Благо, истинно, нелестно;
Яко же вдавшася в море
Камениста гора валы,
Возвышающися горе
С стремлением и немалый
Ужас с собою влекущи,
Сильны ветры, все гнев сущи,
Ни во что, тверда, вменяет.

Видел я многих, и неоднократно,
Которые, в старость достигше глубоку,
Горькие слезы с вздыханием лили,
Что оных лета глупо провожденны,
И «О, дай, боже, видеть возвращенны
Мне мои лета!» — умильно вопили;
Видел потерю мнящих ту жестоку,
Когда уж время стало невозвратно.

Отвсюду бессмертная хвала и велика
Тебе слава пристоит, о Анна; толика
Пространство, империя, яже управляешь
Праведными законы и счастливо знаешь,
Державствуя, добрые вводить в народ нравы,
Добродетели в себе дая образ здравый.
Долженствовать всяк тебе здравие согласно
Свое исповедует; и мир цветет красно,
Всеприятный при тебе, мир, един над многи.

ПИСЬМО I

К КНЯЗЮ НИКИТЕ ЮРЬЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ

Беллоны часто видев, не бледнея,
Уста кровавы и пламень суровый,
И чело многим покрыто имея
Листом победным, я чаял, ты новый
Начал род жизни; я чаял, ты, спелый
Плод многовидных трудов собирая,
В покое правишь крайние пределы
Пространна царства, что вблизи Китая.
Слава другую теперь весть мне трубит;
Слышу, что нужны труды твои судит
Матерь народов, коих она любит,
Сколько ее — бог, и бдеть тебя нудит,
Чтоб чин и правда цвела в пользу люду,
И в суде страсти вески не качали,
Чтоб был обидчик слаб себе в остуду,
И слезы бедных на землю не пали.
Нудит приятно кто в путь правой славы
Ввлекает славы любителя иста.
Сколько отрады сулят твои нравы
Честны и тихи! сколько твоя чиста
Совесть сулит тем, коих утесняя
Нападок, нужда и ябед наветы,
С зарею вставши, печально зевая,
Слепой девицы ждут косны ответы!
В общей я пользе собственную чаю.

Когда столичный град ты обитаешь,
Чаще, надежней твои ожидаю
Письма и вести, буде еще чаешь
Меня достойным другом твоим зваться.
И так довольно терпел я урону;
Косно без них мне, скудны дни течь мнятся,
Как попам праздник без пиру, без звону.

ПИСЬМО II
К СТИХАМ СВОИМ

Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
Жадно воли просите, льстите себе сами,
Что примет весело вас всяк, гостей веселых,
И взлюбит, свою ища пользу и забаву,
Что многу и вам и мне достанете славу.
Жадно волю просите, и ваши докуки
Нудят меня дозволять то, что вредно, знаю,
Нам будет; и, не хотя, вот уж дозволяю
Свободу. Когда из рук пойдете уж в руки,
Скоро вы раскаетесь, что сносить не знали
Темноту и что себе лишно вы ласкали.
Славы жадность, знаю я, многим нос разбила;
Пока в вас цвет новости лестной не увянет,
Народ, всегда к новости лаком, честь нас станет,
И умным понравится голой правды сила.
Пал ли тот цвет? больша часть чтецов уж присудит,
Что продерзостный мой ум в вас беспутно блудит.
Бесстройным злословием назовут вас смело,
Хоть гораздо разнится злословие гнусно
От стихов, кои злой нрав пятнают искусно,
Злонравного охраня имя весьма цело.
Меня меж бодливыми причислят быками:
Мало кто склонен смотреть чистыми глазами.
Другие, что в таком я труде упражнялся,
Ни возрасту своему приличном, ни чину,

Хулить станут; годен всяк к похулке причину
Сыскать, и не пощадят того, кто старался
Прочих похулки открыть. Станете напрасно
Вы внушать и доводить слогом своим ясно,
Что молодых лет плоды вы не ущербили,
Ни малый мне к делам час важнейшим и нужным;
Что должность моя всегда нашла мя досужным;
Что полезны иногда подобные были
Людям стихи. Лишной час, скажут, иметь трудно,
И стихи писать всегда дело безрассудно.

Зависть, вас пошевеля, найдет, что я новых
И древних окрал творцов и что вру по-русски
То, что по-римски давно уж и по-французски
Сказано красивее. Не чудно с готовых
Стихов, чает, здравого согласно с законом
Смысла, мерны две строки кончить тем же звоном.

Когда уж иссаленным время ваше пройдет,
Под пылью, мольям на корм кинуты, забыты
Гнусно лежать станете, в один сверток свиты
Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
(Буде пророчества дух служит мне хоть мало)
Вам рок обвертеть собой иль икру, иль сало.
Узнаете вы тогда, что поздно уж сети
Боится рыбка, когда в сеть уже попалась;
Что, сколь ни сладка своя воля им казалась,
Не без вреда своего презирают дети
Советы отцовские. В речах вы признайте
Последних моих любовь к вам мою. Прощайте.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Князь Никита Юрьевич Трубецкой в польской и турецкой войне упражнялся с 1732 по 1739 год в должности генерал-майора и генерал-кригс-комиссара. По объявлении мира, в 1740, пожалован кавалером святого Александра и назначен губернатором сибирским; но потом ея императорское величество, отменив ту резолюцию, пожаловала его тайным действительным советником и генерал-прокурором. Стихотворец наш, о том уведомясь и сорадуяся благополучию друга своего, писал к нему письмо сие из Парижа 9 октября 1740.

Ст. 1. *Беллоны видев.* Т. е. часто в войнах присутствовав. *Беллона* — богиня войны.

Ст. 3 и 4. *И чело многим листом победным.* И будучи венчан многими победосными венцами; ибо с самого начала польской войны до окончания турецкой войско российское непрестанно победы над неприятелем одержало. *Лист* вместо венца употреблен, подражая Горацию (Письмо 19, кн. I, ст. 26):

At ne me foliis ideo brevioribus ornes.

<Но не украшай меня столь недолговечными листьями.>

Ст. 4 и 5. *Новый начал род жизни.* Оставя военную и отправляя уже губернаторскую.

Ст. 8. *Царства, что вблизи Китая.* Сибирское царство китайскому смежно.

Ст. 11. *Матерь народов.* Императрица Анна.

Ст. 13. *Чтоб чин и правда.* От сего стиха по 17-й описана должность генерал-прокурора.

Ст. 24. *Слепой девицы.* Стихотворцы суд изображают в лице жены, у которой в руках вески и глаза перевязаны, показывая тем, что судьи не должны взирать на лица тех, коих судят, но правду чинить равномерно сильному — как слабому, убогому — как богатому.

Ст. 30. *И так довольно.* Во все время войны, за отсутствием князя Трубецкого, стихотворец наш от него писем не получал и писать к нему не мог в таком дальном расстоянии, не ведая, где он находился.

II. Письмо сие сочинено в Париже в начале 1743 году в подражание 20 письма Горациева, книги I. Имея стихотворец наш издать свои сочинения, чаял нужно оправдать себя пред теми, кои хотели бы его осудить, что упражнялся в сочинении стихов, которое упражнение некоторым может показаться маловажно и мало пристойно человеку нарочитого степени и зрелого возраста; и что, не могучи удержаться стихи писать, избрал род стихов бодливый, каковы суть сатиры. На те два обличения ответствует в письме сем, показывая, что стихи он писал в молодых своих летах и в лишных часах и что сатиры должно отличать от злословия, понеже тех намерение клонится к обличению злонравия, а не злонравного и, следовательно, если пользу не принесут, вредить никому не могут.

Ст. 1 и 2. *Десять лет целых тоскуете в тени.* Десять целых лет лежите скрыты и народу неизвестны. Первые пять сатир и большая часть басней, песней и эпиграмм сочинены в 1729 и 1730 году, сиречь когда еще стихотворцу не исполнилось 21 год.

Ст. 4. *Гостей веселых.* Для того веселых, что сатиры требуют слог забавный.

Ст. 10. *Когда из рук пойдете.* Когда, будучи изданы, выйдете в люди и начнете из рук в руки переходить.

Ст. 11 и 12. *Сносить не знали темноту.* Темноту ящика, в котором вы до сих пор лежали, знакомы двум или трем только приятелям.

Ст. 14. *Пока в вас цвет новости.* Честь вас станут, когда вы выйдете в народ, для того что народ жаден к всякой новизне; но когда будете вызнаны, осудят меня и пр.

Ст. 16. *И умным понравится.* Умным людям понравится содержимая в вас правда, хоть она гола, сиречь не украшена слогом красивым.

Ст. 19. *Бесстройным злословием назовут.* Бесстройным — сиречь таким, в котором ни чину, ни украсы, ни забавы не находится.

Ст. 23. *Меж бодливыми причислят быками.* Сиречь почитать меня будут злобным человеком, который без разбору вредить всякому ищет, как бодливый бык. Повод сему стиху подали следующие Горациевы, кн. I, сат. IV:

> Fenum habet in cornu, longe fuge, dummodo risum
> Excutiat sibi, non hic cuiquam parcet amico.

<У него в рогах сено (т. е. он бодлив), убегай от него подальше. Когда ему захочется вызвать смех, он не пощадит ни одного друга.>

Ст. 24. *Мало кто склонен.* Для того меня всяк почтет бодливым быком, что мало кто склонен собою исследовать действа и намерение человека. Кто-нибудь скажет, что мои стихи суть бесстройное злословие, по тем речам тотчас прочие злословным меня присудят. *Чистыми глазами,* т. е. без пристрастия, без предосуждения.

Ст. 30. *Доводить слогом своим.* Напрасно самый ваш слог неисправный доказывать станет, что вы сочинены в молодых летах; будут упрямо осуждать, что человек в 32 года стихи пишет, примечая теперешний его возраст, а не тот, в котором они впрямь писаны.

Ст. 33. *Нашла мя досужным.* Нашла меня должность всегда готовым упражняться в том, что она предписывает; когда дело нужное настояло, отлагал стихи на сторону.

Ст. 34 и 35. *Полезны иногда подобные были людям стихи.* Для того что к исправлению нравов служили. В самом деле, пересмешка злонравия есть лучший способ к исправлению.

Ст. 35. *Лишной час, скажут, иметь трудно.* Жизнь человеческая столь коротка, что многим кажется, что впрямь, когда кто какую должность имеет, лишных часов ему не остается; но если подробно исследуем, сколько времени теряем напрасно в чрезмерном сне, в обед и в ужину и наипаче в медленности начать дело, узнаем, что много б времени к всяким упражнениям нам оставалось, если б оное умели мы употреблять. К тому, если кто на всякий день четверть одну часа (которую нетрудно из целых суток себе спасти) употребит в письме, произойдет от того малого труда в год немалая книга. Беспрерывный труд, сколь ни маловременен, весьма спор.

Ст. 37. *Зависть, вас пошевеля, найдет.* Завистливые люди, строго вас испытав, скажут, что я окрал старых и новых творцов и только что их стихи с одного языка на другой переклал. Обыкновенно таким людям уничтожать чужой труд, хотя сами за него приняться или не смеют, или, принявся, мало удачливы бывают. Наш стихотворец, правда, много занял у латинских стихотворцев Горация, Персия и Ювенала и у французского — Боало, как сам то не утаил в сатире своей четвертой; но если кто те места, у них взятые, сличит с первоначальником, легко узнает, что не голо они переведены.

Ст. 40. *Не чудно с готовых стихов, чает,* и проч. Зависть чает, что не диковинка из готовых стихов составлять стихи, стихи рифмою и в которых бы здравое рассуждение содержалося.

Ст. 41. *Согласно с законом смысла.* Сиречь составлять стихи, в которых можно бы найти склад и знаки смысла здравого.

Ст. 42. *Мерны две строки кончить.* Всякий стих состоит в одной строке, которая иметь должна некое известное число сечений и слогов. Русский стих сочинять можно от 13 до 4 слогов. Если два стиха кончатся известным числом подобных слогов, то они писаны рифмою. Я чаю, что можно стихам быть не некрасивым и без рифмы. Впрочем, собою явно, что подобные слоги в конце двух стихов, сиречь рифма, производит в ухе подобный звон.

Ст. 43. *Иссаленным.* Каковы бывают тетради, которые чрез многие руки перешли. *Время ваше,* то есть время ваше счастливое, в котором еще цвет новости вашей не опал.

Ст. 46. *Иль с Бовою, иль с Ершом.* Две весьма презрительные рукописные повести о Бове-королевиче и о Ерше-рыбе, которые на Спасском мосту с другими столь же плохими сочинениями обыкновенно продаются.

Ст. 48. *Обвертеть собой иль икру, иль сало.* Не столько вы, стихи, под пылью лежать станете и забыты останетесь, как Бова-королевич иль Ерш; но напоследок и то станется, что станут в вас завертывать икру или сало как в негодную бумагу.

БАСНЬ I
ОГОНЬ И ВОСКОВОЙ БОЛВАН

Искусный в деле своем восколей, прилежно
Трудився, излил болван, все выразив нежно
В нем уды, части, власы, так что живо тело
Болванчика того быть всяк бы сказал смело.
Окончав все, неумно забыл отдалити
Болван от огня, где воск случилось топити.
Осягл жар пламени воск, расползлося тело
Болванчика; пропал труд, пропало все дело.

Кто, дело свое вершив, утвердить желает
В долги веки, должен все, что тому мешает,
Отдалять и, что вредит, искоренять скоро;
Без того дело его не может быть споро.

БАСНЬ II

ПЧЕЛЬНАЯ МАТКА И ЗМЕЯ

Змея, к пчельной на цветке подкравшися матке
И подражая льстецов прегнусной повадке,
Скучными стала взносить ее похвалами,
Славя в ней силу, красу над всеми пчелами,
Добрый чин, в ком подданный народ держать знает,
И пользу, что от трудов ея получает
Все племя пчел и весь свет. Потом же, склоняя
К цели своей хитру речь: «Заслуга такая
В веки б, де, могла твою утвердить державу,
Если б было чем тебе щитить свою славу
И власть против всякого, кто вред твой желает;
Но беззлобие твое злобных ободряет
Сердца, видя, что тебе бог, дав пчел корону,
Собственну против врагов не дал оборону.
Все скоты могут вредить и отмщать досады —
Ты безопасность свою от их ждешь пощады.
Взыди в небо к Йовишу испросить ти жала,
Никому так, как царю, лютость не пристала».
Простерши крыла, пчела от зверя лукавна
Отлетела, сказав: «Речь мне твоя не нравна.
От внешних врагов щитят меня мои дети;
Внутренних — любовь к моим не даст мне имети.
Изрядно ж бог в образ мя царям хотел дати,
Чтоб, будучи добрыми, как злым быть, не знати».

Злы советы правящим под небом народы
Бегать должно и добрым — не злым быть с природы.

БАСНЬ III

ВЕРБЛЮД И ЛИСИЦА

Увидев верблюд козла, кой, окружен псами,
Храбро себя защищал против всех рогами,
Завистью тотчас вспылал. Смутен, беспокоен,
В себе ворчал, идучи: «Мне ли рок пристоен
Так бедный? Я ли, что царь скотов могу зваться,
Украсы рогов на лбу вытерплю лишаться?
Сколь теми бы возросла еще моя слава!»
В таких углубленному помыслах, лукава
Встрелась лисица, и вдруг, остра, примечает
В нем печаль его, вину тому знать желает,
Всю возможную сулит ревностну услугу.
Верблюд подробно все ей изъяснил, как другу.
«Подлинно, — сказала та, — одними ты скуден
Рогами, да знаю в том способ я нетруден.
В ближнем, что видишь, лесу нору близ дороги
Найдешь; в нее голову всунув, тотчас роги
На лбу будут, малый страх претерпев без раны.
Там свои берут быки, козлы и бараны».
Лестный был ея совет; лев жил в норе хищный;
Да в голове, что рога ищет, ум нелишный.
Верблюд скоком побежал в лес, чтоб достать скору
Пользу, в нору голову всунул без разбору;
Рад добыче, лев тотчас в гостя уцепился,
С ушми был тогда верблюд — в них ногтьми
влепился.
Тянет лев, узнал верблюд прелесть, стало больно;
Дерет из щели главу, та идет не вольно.

Нужно было, голову чтоб вытянуть здраву,
И уши там потерять, не нажив рог славу.

Славолюбцы! вас поют, о вас басни дело,
Верблюжее нанял я для украсы тело.
Кто древо, как говорят, не по себе рубит,
Тот, большого не достав, малое погубит.

БАСНЬ IV

ЯСТРЕБ, ПАВЛИН И СОВА

Говорят, что некогда птичий воевода
Убит быв, на его чин из воздушна рода
Трое у царя орла милости просили,
Ястреб, сова и павлин, и все приносили,
Чтобы правость просьбы явить, правильны доводы.
Ястреб храбрость представлял и многие годы,
В которых службы на ся военной нес бремя;
Сова сулила не спать век в ночное время;
Павлин хвастал перьями и хвостом пригожим.
Кто, мнишь, казался царю в воеводск чин гожим? —
Сова; ястребу отказ, отказ и павлину.
Орел, своего суда изъяснив причину,
Сказал, что ястреб, хоть храбр, хоть и многи леты
В военной службе служил, достойно приметы
Ничего не учинил, почему уж мало
И впредь плода ожидать: в ком бо славы жало
С младых лет не действует — седина бесплодна;
Что павлину перья так, как и гордость, сродна;
А сова нравом тиха, ссор она напрасно
Не ищет, знает себя защищать согласно
Своим силам, когда кто вредить ей желает;
Недремно та бодрствует, пока унывает
Прочее племя во сне. Таков воевода
Годен к безопасности целого народа.

БАСНЬ V
ГОРОДСКАЯ И ПОЛЕВАЯ МЫШЬ

Издавна в дружбе к себе верною познанну,
Градскую некогда мышь полевая в гости
Зазвала в убогую нору непространну,
Где без всякой пышности, от воздуха злости
Щитяся, вела век свой в тишине покойный.
Мох один около стен, на полу солома
Составляла весь убор, хозяйке пристойный;
В лето собранный запас щель, лишь ей знакома,
К умеренну корму ей тут же сокрывая.
Торовата, для гостя крупы, и горохи,
И оглоданный кусок от окорка края
И подносит черствые ему хлеба крохи,
Разнством яств приятнее обед учинити
Желая; но гордым той зубом, пожимаясь,
Того, другого куснет — и невкусно быти
Все находит; а бедна хозяйка, стараясь
Гостю, пищу лучшую собя, угодити,
Ест сама вялый ячмень и гнилу мякину.
Напоследок он так к ней начал говорити:
«Никак я, дружок, дознать не могу причину,
Для чего ты на горах пустых меж лесами
Жить избрала, и людей обществу любезну,
И городов красоте, обильных сластями,
Так бедную предпочла жизнь и неполезну?
Оставь, поверь мне, твое жилище, так дико,
И мне следуй. Всякому животну земному
Земной рок пал, и хотя мало, хоть велико
Неизбежную смерть ждет, всякому знакому.

Для того можно пока, отложив все бремя
И печалей и сует, живи, наслаждаясь
Мира вещми, и помни, сколь коротко время
Жизни твоей, на всяк час к концу приближаясь».
Лестны дру́жины слова нетрудно склонили
Мышь лесную, и, тотчас из норы легонько
Выскочив, в намеренный обе путь вступили,
В темный час в город войти имея тихонько.
Средину неба уж ночь самую обняла,
Когда обеим был вход в огромны палаты,
Златотканна где парча обильно блистала
На кроватях костяных; останки богаты
Где пышной вчерашния ужины хранении
В многих зрились кошницах. Тогда полевую
Гостью уложив на те парчи позлащенны,
Гражданка бежит, тащит то ту, то другую
И подносит лакому еству, прикушая
Сама прежде, как слуги все звыкли чинити.
Поселянка, на златых себя растягая
Коврах, радость всю в себе не может вместити
В счастья премене такой: пирует обильно,
Веселым другу себя гостем являть ищет, —
Когда вдруг у дверей стук, поднявшийся сильно,
Обеих с ложа согнал. По комнате рыщет
Без ума, в дрожи, в поту, одна за другою;
Еще страх удвоился, когда зазвучали
Криком меделянских псов своды. Уж с душою
В зубах, лесная тогда другу, что с печали,
С стыда и страха поднять чуть голову может,
«Нет, такая, — говорит, — жизнь мне неугодна;
Пред тобой в лесу, в щели, хоть корку зуб гложет,
От наветов я живу в покое свободна».

Степень высока, богатство бывают
Без беды редко, всегда беспокойны.
Кои довольны в тишине быть знают
Малым, те зваться умными достойны.

БАСНЬ VI

ЧИЖ И СНЕГИРЬ

Язык один и лицо, к пременам удобно,
Человеку подобных себе уловляти
Посредство довольно есть; но то ж неспособно
Прочи животны ловить, коих засыпляти
Не может сладкая речь, ни смешок притворный:
Тенета, и неводы, и верши, и сети,
И сило вымыслил ум, к вреду им проворный.

Чижу некогда туда с снегирем летети
Случилось, где пагубны волоски расставил
Ловец, наветы прикрыв свои коноплями.
Мимо тотчас чижик свой быстрый лет направил,
Кой, недавно убежав из клетки, бедами
Своими искус имел, что клевать опасно
Зерны те, и снегирю лететь за собою
Советовал, говоря: «Не звыкли напрасно
Люди кидать на поле чистою душою
Свое добро; в коноплях беды берегися.
Я недавно, лаком сам, увязил в них ноги
И чуть вольность не сгубил навеки. Учися
Моим страхом быть умен; лежат везде многи
Зерна, хоть вкусны не столь, да меньше опасны».
Улыбнувшися, снегирь сказал: «Мое брюхо
Не набито, как твое, и без действа красны
Проходят голодному из уха сквозь ухо
Твои речи, коих цель, чтоб тебе остался
Одному корм». Вымолвив, на зерна пустился
И, два клюнуть не успев, в сило заплутался.

Напрасно ногу тащил и взлететь трудился:
Узел злобный вяжется, сколь тянут сильнее.
И ловец, пришед, в клети затворил, где, бедный, —
Жалостна детям игра — дни в два, несытнее,
Чем в поле был, испустил с духом глас последний.

Баснь нас учит следовать искусных совету,
Если хотим избежать беды и навету.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Следующие басни составлены в подражание Езоповым. Первые 4 писаны в Москве в начале 1731 года. Приличнее показалося такие сочинения назвать *баснями,* чем *притчами,* ибо по-гречески *притчи* paroimiai, а Езоповы басни modoi названы.

Ст. 1. *Восколей.* Воскового дел мастер; тот, сиречь, кто из воску образчики льет или лепит.

Ст. 2. *Излил болван.* То, что вылил образчик.

Ст. 7. *Осягл жар. Жар* тут в именит. падеже, *воск* в винительном.

Ст. тот же. *Расползлося.* Растопилося.

II. Ст. 7. *Все племя пчел и весь свет.* Племя пчел — чрез мудрое ея правление; весь свет — чрез мед, который в ульях собирается.

Ст. 13. *Дав пчел корону.* То есть право или власть царскую над пчелами. Известно, что матка пчел в улье главнейшего начальника должность исправляет, имея они меж собою некакой образ гражданского правления, которое столь искусно описал Виргилий в своих *земледельных.*

Ст. 14. *Не дал оборону.* Примечено, что матка пчел не имеет жала.

Ст. 17. *К Йовишу.* Йовиш, или Юпитер, по баснословию древних, начальнейший бог. См. примеч. под ст. 386, сат. V.

Ст. 21. *Мои дети.* Подданный мой народ, пчелы мои.

Ст. 25. *Под небом.* Под богом.

III. Ст. 7. *Сколь теми.* Сколько славы прибавилось бы мне, если б я еще и рогами был украшен.

Ст. 17. *Претерпев без раны.* Без всякого вреда.

Ст. 21. *Чтоб достать скору пользу.* Чтоб доставить себе желаемые рога.

IV. Ст. 1. *Воевода.* Начальник войска, фельдмаршал.

Ст. 2. *Из воздушного рода.* Из птиц, сиречь, понеже воздух обитают.

Ст. 16. *Славы жало.* Славы любовь, склонность та, которая нас

к трудам ободряет в надежде получения чрез них себе славного имени.

Ст. 17. *Седина бесплодна.* Старость не лучший плод принесет.

Ст. 18. *Что павлину перья так, как и гордость, сродна.* Что перья павлину никакого достоинства не придают, понеже они дар природы, а не трудами своими добыты. К тому ж та, без трудов, от самой своей природы данная ему красота его гордым делает. Сим стихом стихотворец означает дворян спесивых, которые, кроме своего знатного имени, которая украса им от предков доставлена, никакого собственного достоинства не имеют.

Ст. 22. *Недремно та бодрствует, пока унывает.* Не туды совет клонится, чтоб народа начальникам ночь не спать, но чтоб бодрствовать о благосостоянии народном гораздо больше своих подчиненных.

V. Сия басня переведена в Лондоне в 1738 г. из Горациевой в сат. VI, книги II, который ее занял у Езопа, хотя в нынешнем собрании Езоповых притч не находится.

Ст. 4. *От воздуха злости.* Как, наприклад, от дождя, от снега, града и прочих беспокойств, которым подлежат те, что живут не под крышкою.

Ст. 12. *И подносит черствые.* Порядочное расположение слов сие быть должно: *и черствые крохи хлеба ему подносит.*

Ст. 14. *Гордым той зубом, пожимаясь, того, другого куснет.* Tangentis male singula dente superbo. Изрядно сим стихом изображена нежность и прихотливость городской мыши, которая, к лакомым ествам приобыкши, грубую пищу есть гнушается.

Ст. 27. *Земной рок пал.* Следующие речи толкуют, что рок тот есть общий, сиречь смертным быть.

Ст. 31. *Мира вещми.* Забавами, сластьми сего света.

Ст. 37. *Средину неба уж ночь самую обняла.* То есть уже полночь была, понеже тогда ночь самую неба половину обнимает.

Ст. 46. *Как слуги все звыкли чинити.* Обычайно слугам прикушивать все, что хозяевам на стол подают, лакомством побуждены.

Ст. 53. *В дрожи, в поту.* Часто случается в великом страхе потеть и дрожать от стужи.

Ст. 55. *Своды.* Значит весь дом, хотя в самом деле голос наипаче в сводах отдается.

Ст. 59. *Хоть корку зуб гложет.* Хоть я ем корку сухую.

Ст. 63. *Те, что довольны* и проч. Порядок слов есть следующий: те, что знают быть довольны малым, те лишь достойны умными зваться.

VI. Ст. 1. *Лицо, к пременам удобно.* Лицо, которое притворяться умеет, отменяяся то в смех, то в печаль, по состоянию того, кого обмануть ищет.

Ст. 2. *Подобных себе.* Сиречь людей.

Ст. 4. *Засыпляти.* Льстить, услаждать сильно.

Ст. 7. *Ум, к вреду им проворный.* Ум человеческий, который проворен или искусен к вреду животных.

Ст. 9. *Пагубны волоски.* Сиречь *силки,* которые обыкновенно из конских волос делаются.

Ст. 11. *Быстрый лет направил.* Полетел.

Ст. 13. *Что.* Вместо *для того что.*

Ст. 18. *Лаком сам.* Сам, так, как ты, быв лаком те зерна клевать.

Ст. 25. *Коих цель.* Коих намерение.

Ст. тот же и 26. *Чтоб тебе остался одному корм.* Снегирь тут изъясняет чижу подозрение свое, дая знать, что для того сей ему советует не клевать те конопли, что про себя одного их беречь ищет. Обыкновенно мнение упрямых людей, которым все дружеские советы кажутся подозрительны.

Ст. 29. *Узел злобный.* Узел силка.

Ст. 30. *Затворил.* Разумеется снегиря.

Ст. 31. *Жалостна детям игра.* Детям ловца того снегирь жалостна быв игрушка.

Ст. 32. *Испустил с духом глас последний.* Умер, сиречь.

Ст. 33. *Следовать искусных совету.* Следовать советам искусных людей, кои, сиречь, дело, о котором советуют, лучше разумеют и чрез собственный искус все его следствия знают.

ЭПИГРАММЫ

I. НА САМОЛЮБЦА

Наставляет всех Клеандр и всех нравы судит:
Тот спесив, тот в суетах мысли свои нудит;
Другой в законе не тверд, и соблазны вводит,
И науки новостью в старый ад нисходит. —
Наведи и на себя, Клеандр, зорки очи,
Не без порока и ты; скажу, нет уж мочи:
Самолюбец ты, Клеандр; все, кроме тя, знают:
Слепец как ведет слепца, в яму упадают.

II. НА ИКОНУ СВЯТОГО ПЕТРА

«Что с ключом, Петре, стоишь?» — «Хочу
впустить дети
Восточныя церкви в рай». — «А что в папски сети
Впали, будут ли они стоять за дверями?» —
«Есть, есть у них свой ключарь; войдут те и сами».

III. НА БРУТА

Умен ты, Бруте, порук тому счесть устанешь;
Да и ты же, Бруте, глуп. Как то может статься?
Изрядно, и, как я мню, могу догадаться:
Умен ты молча; а глуп, как говорить станешь.

IV. НА СТАРУХУ ЛИДУ

На что Друз Лиду берет? дряхла уж и седа,
С трудом ножку воробья сгрызет в полобеда. —
К старине охотник Друз, в том забаву ставит;
Лидой медалей число собранных прибавит.

V. О ПРИХОТЛИВОМ ЖЕНИХЕ

Гораздо прихотлив ты, дружок мой Эраздо.
Все девки наши за тя сватались бесстудно,
А ты сед и неженат: выбрать было трудно.
Та стара, та неумна, та рода не славна,
Та не красна, та гола, та не добронравна;
Все негодны. Прихотлив ты, друг мой, гораздо.

VI. ХРОНОСТИЧЕСКАЯ НА КОРОНАЦИЮ ПЕТРА II

ПЕТР ПРІя СВышЕ КРеПКу ВЛАСТь НА ЛюДИ
Венчаньем. Творче, помощь крепка буди.

VII. К ЧИТАТЕЛЯМ САТИР

В обществе все писано, имена не ваши;
Чтите убо без гневу сии стихи наши.
А буде не нравен слог, что вам досаждает,
Смените нрав, — то сатир не вас осмевает.

VIII. НА ЛЕАНДРА, ЛЮБИТЕЛЯ ЧАСОВ

Пять стенных, пять столовых и столько ж карманных
Имеет Леандр часов; в трудах несказанных
Век за ними возится, заводя и правя,
И то взад, то наперед по теченью ставя
Солнца стрелки. С тех трудов кой плод получает?
Никто в городе, кой час, лучше его знает.

IX. НА ГОРДОГО НОВОГО ДВОРЯНИНА

В великом числе вельмож Сильван всех глупее,
Не богатей, не старей, делом не славнее;
Для чего же, когда им кланяются люди,
Кланяются и они, — Сильван один, груди
Напялив, хотя кивнуть головой ленится?
Кувшин с молоком сронить еще он боится.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Сия эпиграмма содержит описание человека самолюбивого, который всех, кроме своих, дела хулит. Писана, как и следующие, кроме двух последних, в Москве 1730 года.

Ст. 8. *Слепец как ведет.* Когда слепец ведет слепца, оба упадут в яму, так, когда злонравный злонравного наставляет, оба гибели не избегнут.

II. Ст. 2. *А что в папски сети впали.* Написты, т. е. принадлежащие к римской церкви.

Ст. 4. *Свой ключарь.* Папа римский называется наследником святого Петра, которому, одному из апостолов, по мнению церкви римской, власть от Христа дана решить и вязать грехи; для того папа ключи в своем гербе употребляет.

III. Ст. 1. *Порук тому счесть устанешь.* Все тебя, Бруте, умным признавают, все о том как бы ручиться готовы.

IV. Ст. 1. *Лиду берет.* В жену берет, женится на Лиде.

Ст. 2. *С трудом ножку воробья.* За слабость, или затем, что все зубы выпали с старости.

Ст. 4. *Лидой медалей число собранных прибавит.* Медалями называют старинные деньги. Многие охотники собирают такие медали, и то не без пользы, понеже к изъяснению хронологии много спомоществуют. Стихотворец наш Лиду-старуху приуподобляет старинным деньгам.

VI. В сей эпиграмме только приметного, что, сложив литеры первого стиха, которые число какое знаменуют (и кои нарочно крупно писаны), произведут перечень 1728 — число года, в котором император Петр II царским венцом венчан. Такой стих обыкновенно называется *хроностих.*

Ст. 1. *Прия свыше* и проч. Приял от бога власть самодержавную над народом венчаньем царского венца и миропомазанием.

Ст. 2. *Творче, помощь* и проч. О Творче, будь ему сильная помощь в его предвосприятиях. Молитва стихотворца к богу о императоре.

VII. Ст. 1. *Имена не ваши.* Все имена, употребленные в сатирах, суть вымышленные, а не тех, коих сатирик обличает.

Ст. 4. *Смените нрав, то сатир* и проч. Имена утаены, одни злонравия сатирик осуждает; потому, ежели вы те злонравия оставите, ежели нрав свой перемените, — уже обличение то вас не касается, уже сатирик не вам смеется.

VIII. Сей эпиграммой осмевается человек, который на маловажном деле много труда полагает. Леандр весь день возится за 15-ю часами; из всего того попечения, со всех тех трудов только пользы получает, что во всем городе он всех лучше знает, который час било.

IX. Ст. 5. *Хотя кивнуть.* Хоть малый поклон учинить, хоть немножко голову приклонить.

Ст. 6. *Кувшин с молоком сронить еще он боится.* Для разумения сей эпиграммы нужно ведать, что *Сильван,* прежде чем в люди вышел, торговал молоком, сам оное по улицам продая. Обыкновенно такие люди молоко носят в больших кувшинах на голове, для того не могут тогда кланяться, опасаясь сронить кувшин и пролить молоко. След., сим стихом стихотворец искусно напоминает подлое состояние Сильваново, изобличая вдруг его непристойную спесь.

САТИРИК К ЧИТАТЕЛЮ

Колынул тя? молчи, ибо тя не именую;
Воплишь? Не я — ты выдал свою злобу злую.

АВТОР О СЕБЕ (ЭПИГРАММА I)

Что дал Гораций, занял у француза.
О, коль собою бедна моя муза!
Да верна; ума хоть пределы узки,
Что взял по-галльски — заплатил по-русски.

АВТОР О СЕБЕ (ЭПИГРАММА II)

Кто я таков — не скажу, а вот мне примета:
Не русак, дик именем, млады мои лета.

АВТОР О СЕБЕ (ЭПИГРАММА III)

Аще и росски пишу, не росска есмь рода;
Не из подлых родиться дала мне природа.
Трудов, бед житье мое исполнено было,
Ища лучшего, добро, бывше в руках, сплыло.
Отца, матерь погребох в отрочески лета,
Хоть могу быть не отец, житель бедный света.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Не гневитеся, чтецы, стихами моими.
С музой своей говорю; нет дела с иными.
Коли кому и смеюсь, — ей, не с доброй воли,
Для украсы: ведь и в щах нет смаку без соли.

ИЗЪЯСНЕНИЕ

Без соли. В стихотворстве забавные и острые речи латин соль называются, и для того говорит автор, что смеялся иным для украсы своей сатиры, или прямо сказать: смешками посолил ее, чтоб была вкуснее уму чтущих.

НА ЕЗОПА

Хотя телом непригож, да ловок умишком,
Что с лица недостает, то внутре залишком.
Горбат, брюхат, шепетлив, ножечки как крюки, —
Гнусно на меня смотреть, а слушать — нет скуки;
Сам я, весь будучи крив, правду похваляю;
Не прям будучи, прямо все говорить знаю;
И хоть тело справить мне было невозможно,
Много душ исправил я, уча правду ложно.

ПЕТРИДА

ПЕТРИДА

ИЛИ ОПИСАНИЕ СТИХОТВОРНОЕ СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО

Книга 1

Я той, иже некогда забавными слоги,
Не зол, устремлял свои с охотою роги,
Бодя иль злонравия мерзкие преступки,
Иль обычьем ствердимы не в пользу поступки, —
Печаль неутешную России рыдаю:
Смеху дав прежде вину, к слезам побуждаю;
Плачу гибель чрезмерну в роксолян народе,
Юже введе смерть Петра перва в царском роде.
Петра когда глаголю — что не заключаю
В той самой речи? Мудрость, мужество к случаю
Злу и благополучну, осторожность сильну,
Любовь, попечение, приятность умильну,
Правдивого судию, царя домостройна,
Друга верна, воина, всех лавров достойна, —
Словом, все, что либо звать совершенным можно.
О, бы плачь сей мой быть могл, в стыд мне, нечто ложно!
Музы! аще когда бысть иным просить вольно
Вас в помощь, мне паче всех причины довольно
Требовать то: и дела бо мужа списати
Толь чудны, где страх смертный смысл взвыкл одоляти,
Нелеть смертну, и силы печаль отымает:
Когда скорбь сердце теснит, ум мыслить не знает.

Вы убо дайте силу, причины представьте
Бедства сего, вы ум мой, вы перо наставьте!
Ты же, Россия, когда недозрелу рану
Повесть моя вновь терзать имать отчаянну,
Не вовсе себя яви, ниже, унывая,
В слезах горьких томися — времена суть злая.
Правда, немалой, с Петром, лишились защиты,
Сильнейшие уже с ним стены твоя сбиты,
И видишь в персть твою красу обращенну, —
Но не вовсе надежду непщуй прекращенну:
Анна, с той же, что и Петр, преславныя крови,
Подымет опалые твои скорби брови,
Наградит твой весь упал, и, аще Петрову
Не прейдет славу, вижу явить тя готову
И недругам показать, что хоть ин владеет —
Оружие твое всяк раздражать не смеет,
Но страхом в иных руках ту же силу славит
И извнутрь обильну тя гражданам представит
Сторицею. Круг неба чрез пути пространны
Тещи начинал светлый отродок питанны,
Отнележе Петр, труд всяк сый смерть презирати,
Поморие Персиды власть его познати
Убедил и, дотоле непреходну гору
Кавказскую одолев, властелин бысть морю.
Ужасно, еже древность вси со страхом чтили,
Отколь с Запад до Восток росски стали силы!
И пространного царства пространны пределы
К Северу мраз удержал, и не сосед смелый —
К Югу, но вредный нам зной и место ненравно.
Когда всесильный творец, правящий всем славно,
Небо престол имея и землю под ноги,
Намерився народы воззреть свои многи,
Подъял веки всевидно и с единым взглядом
Узрел все, что на небе, на земле, под адом;
Узрел, что искони знал мир, в злобах обильный;
Узрел, как слабейшего топчет, теснит сильный,
Обиды, убивства злы и коварство в нравах,
И к сребру лепу склонность, беспредельность в правах —
Словом, видел, что мало добра в человецех,
Но злы ныне, якоже быша в прошлых вецех.
Вострепета вся земля от очей превечных,

Россия в ней паче всех, в страхах бесконечных
Чувствовася, не яко протчи превосходит
Злостью страны, но яко ту печаль наводит
Всевышний зеницу сий; и меж так пространным
Родом увидел Петра делом весьма странным —
Едина паче добра, его же носити
Землю недостойную возмнев творец быти,
К себе мужа возвести, и духом и телом
Божественна, смертных всех превозшедша делом,
Восхоте. Увы, воля того непременна
И с действом не, как смертных нас бедных, отменна.
Восхоте — и абие полки сил небесных
Обступают отца всех и ждут неизвестных
Повелений, грозные гласы во всей твари
Трепещут, не могуще снесть блистаний зари.
Есть между огненными его вои сильный,
Главнейший воевода, в блистаньи обильный,
Страх ада и сил его, душ главный хранитель —
Михаил, первый в святых чинов всех правитель.
Сего призвав: «Возлюбих, — рече, — Петра мужа,
Правяща скипетр российск, его же днесь ужа
Держат плоти, и хощу да царит со мною:
Не к тому жизни крушим есть печалью злою —
Хощу, да его ко мне возведши славно,
Со мной, хощу, да будет, что мне стало нравно.
Знаю, что скорбна будет России цветущей
Гибель сия, сирою тем быти имущей;
Но не терпит уж мужа сего совершенна
Благость быти небесных благ ему лишенна.
Сие же веждь, что того не прежде отъяти
Имаши от россиян, нежли бег начати
Вторый солнце имеет от запад к востоку,
С северным ветром ведущ хлад, зиму глубоку;
Суть бо, яже довершить с зачатых имеет
И нива, по нем расти имуща, посеет,
Да тако, исполнь славы, путь обрящет к небу,
Исправив и себе, что к вечности в потребу».
Рече той, и абие страшны воевода
Приемлет оружие от всякого рода:
Шлем блистательный златом главу прикрывает,
Тело латми оболче, в них же вся сияет,
Что в камнях драгоценно, и приемлют руки:

Одна — щит, им же весь ад терпит злые муки, —
В нем же бога вышнего страшно имя зрится,
Другая — меч пламенный, чим всяка страшится
Везде тварь, неступимый, острый обоюду;
Нозе шумят железом, носящим страх всюду.
Таже, распустив свои светозарны крыла,
Их же неведома сотка бога сила,
Полете владыки всех исполняти волю.
Яко же стрела легка спущенна в неволю
С тетивы крепка лука мужественны персты,
Делящи быстро воздух, путь себе отверзтый
Спешно творит и скоро в мгновенье доходит
Цели, в ню же зрение стрелец мудр наводит;
Иль яко же всецаря перун грозно смелый,
С одного исшед края, все мира пределы
Внезапно светом, звуком, страхом наполняет, —
Так сей с высоты, юже ум понять не знает,
Гремящ в пространстве, твердый воздух, землю, воды
Претек, преисподнего достигает входы.
Толкнул врага, спадают стальные запоры,
Стенят на твердых крюках железны затворы,
И звук страшный металла, всюду расширенный,
Ужаснул подземную и народ геенны.
Содрогнулся светонос, и все полки темны
Бегут в глубочайшие пещеры подземны,
Воззреть вспять никто смеет, топчет сей другова,
Адск правитель не может с страху рещи слова.
«Что се есть, — в себе мыслит, — что сей воевода?
Не паки ли прейде скореняти рода
Нашего власть, якоже сбил нас с неба прежде?
Не ада ли нам отъять хощет уж послежде
И безместны — увы мне! — убедит нас быти,
Неимуще где главы бедны преклонити?»
Так мыслил он, ибо, злый и слабым ужасен,
Ветра духом бывает прах мал ему страшен,
И казнь всяка, хоть ему не грозит, сумнится:
Достойна всего зная ся, всего боится;
Но не то всевышнего вестник твое было
Намеренье: не аду, но россам грозило
Сшествие твое, и сил не ада лишити
Хотел, но России смех в слезы преложити.
Пред дверьми там самими, в самом входе ада,

Сидит печаль и мысли тоя люты чада:
Старость скорбна, и ужас, и глад, предводитель
К смерти, тут и срамная нищета, и бдитель
Врат темных — грозна смерть видом и косою;
Также сродственный смерти лежит сон, рукою
Подперши главу, дремящ; внутрь же, за порогом,
Смертоносная война в оружии многом,
Со всех стран вредительна, и зависть всезлобна
С ехидными власами, и единородна
Сестра ея — ненависть; тут и скудоплотны
Лежат блед<н>ы болезни, к вреду нам охотны.
Бесчисленно множество сих убийцев тела:
Одна, чрезмерна люта, стоит вдаль несмела,
Яже неспешно свою показует злобу,
Показавши — чрезмерно, люто ведет к гробу.
Странгурио имя есть, римляне уж дали,
«Запором мочи» россы (впредь себе) звать стали.
Сию рассмотрев сильный Михаил подробну,
К исполнению ему веленных удобну
Изобрел, и се, вступив в страшну толпу тую,
Извлече ю едину и, основав злую,
Яко же скор вниз слете, так и вверх поднялся;
Двизанием крыл его весь ад облистался.
Странгурио влекома вожду вслед, рыдая,
Течет, куда ведется и на что, не зная.
Уже грозный перввестник претек пропасть бездны,
Уже землю, уж воздух, уж достиг и звездный
Круг, таже, вселенныя на лицо пространно
Наведши очи светлы, как ветр, несказанно
Сильный, на северные краи опустился,
Там точно, где новый град Петров поселился.
Плоды суть оружия, свыкшего в победах,
Земля тая, бывшая в долзе у соседах
Подвластна, — на ней же Петр град новый сзидати
Когда начал, и свершил так, что устрашати
Прежде видом сей зачал, неж вести успели
Прийти в мир, что российцы в Ингрии засели.
Течет меж градом река быстрыми струями,
В пространно тречисленными впадая устами
Море, его же воды брега подмывают
Северных царств, Балтицко древни называют.
Над бреги реки всходят искусством преславным

Домы так, что хоть нов град, ничем хуждши
давным,
И имать любопытно чим бы насладиться
Око; имать и недруг, чего устрашиться:
Шестибочная крепость, в воде водруженна,
Не боится усильства Марса воруженна,
Но, щитя своих, крепко грозит и смелейшим.
Тут рукой трудился Петр и умом острейшим;
Обонпол искусные древоделов руки
Производят сильные врагам нашим муки,
Растут суды всех родов, и флот, уже страшный
Многим, творят что дневно наипаче ужасный.
Оттоль вверх, в пряму черту, вельмож непресечны
Пространны зрятся дворы; где же скоротечны
Вторицей в граде струи Нева искривляет,
Деляся в два рамена, тут Петр обитает:
Не пространно жилище, довольно и покою —
Что внешна пышность тому, кто велик душою?
Седяще зде, Петр многим вельмож числом всюду
Окружен, иль обиды, учиненны люду,
Испытуя, иль в нуждах, наступить имущих
Народу, способ ища, или в бедности сущих
Награждая, законы счиняя полезны,
Иль обычаи в своих вводя всем любезны;
Не вем точно, что творил; знаю, что пристойны,
Что б ни делал, были б те дела и достойны
Мир весь к удивлению — не едино племя
Россов токмо побудить. Уже царства бремя
Сорало было лицо морщинми прекрасно,
Блистало величество, однак, в очах ясно,
И страшно было зрети вид мужа предивна,
Хоть приятству ни одна черта в нем противна.
Внезапно возвеял тих ветр во всю палату,
Невидим никому бысть вшедший, токмо злату
Подобен чист блеск очи помрачи стоящим,
Навел страх, молчание друг на друга зрящим.
Тогда внийде вождь светлый, сильною рукою
Связанну Странгурию влекущ за собою.
Вшед, очи к ней обратив, перстом показует
Петра, таже скорбный сей указ ей сказует.
«Сего, — рече, — не диви: хоть толь страшен делы,
Хотя силен, хотя царь, хотя в бранях смелый,

Твоей вручаю власти и свирепу нраву;
Вся, яже хощешь, твори; но токмо, да славу
Свою лучше окончит, не дерзай столь злобу
Твою люто изощрять и не прежде к гробу
Темный путь ему яви, нежели круг свой велий
Обтечет годом Фебус, как исполин смелый.
Тогда уже наведи хотя смерть с косою,
Так годно владеющу мною и тобою».
Рече — и возвысился в чертоги небесны.
Сверже с себя вредные оковы, ей тесны,
Радуется и грозит; яко же лев жадный,
Когда агнца усмотрит, бедный сей скот стадный
Трепещет весь, той же, лют, нань ся устремляет,
Веселяся добычи, с гневом нападает,
Безгласного терзая и углубив грубы
Когти в нем, злохищные насыщает зубы, —
Так Странгурио, прияв власть, в вред нам ей данну,
Устремися на Петра и, видя прерванну
Неволю свою, гордо смеет обладати
Тем, ему же скипетр всего мира можно б дати.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЧИТАТЕЛЮ

Первы труд мой в французском прими сей, друже,
Хотя неисправно, однако скончанный есть уже.
Вымарай, что недобро, исправь, что <не>ясно,
Да трудец мой погублен не будет напрасно.
Что же в нем содержится, первый лист являет, —
Да обратит и да чтет, кто знати желает.
Перевел се Антиох, званный Кантемиром,
Ты ж, впрочем, многолетно да живеши с миром.

METAPHRASIS PS. 36[1]

Кто любит бога, не ревнуй лукавым,
Ниже завиди грешникам неправым,
Ибо исчезнут, яко трава, вскоре,
Яже зелена при утренней зоре
И цвет ей красен, скрепленный росою,
Потом увянет, посечен косою.
А ты как начал, так твори благое,
Да на сей земли время немалое
Даст ти в богатстве бог земном пожити
И чад любимых на ней населити.
Та твоя сладость и утеха многа
Буди, всем сердцем уповай на бога,
Ему все нужды объяви смиренно,
И, как сын отца, проси умиленно.
Он, чего просишь зде, услышит горе
И твои нужды, щедр, исполнит вскоре,
И добродетель, юже творишь втайне,
И правду явит, да узрится крайне, —
Так, яко вещи, ко зрению трудны,
Всяк видит ясно при светлом полудни.
Паки глаголю: не ревнуй лукаву,
Хотя и спеет от славы во славу,
И аще бы был и всегда счастливый,
Ты о том желчен не будь и гневливый;
Да не погрешишь, худо рассуждая,
Что благим токмо случаются злая.
Се бо судии вышнего гнев правый
Разорит вскоре всяк совет лукавый,
И скоро, где был, грешника нечиста

---

[1] Переложение псалма 36 (лат.). — *Ред.*

Будешь искати, да не сыщешь места.
А тихий духом и муж терпеливый
Наследит землю в покое счастливый.
Правда есть, грешный его презирати
Будет и зубом нань злым скрежетати;
Но и бог ему посмеется выну,
Понеже видит злу его кончину;
Будет и меч свой грешный изостряти
И лук стрелами тугий натягати,
Дабы бедного убить непорочно —
Понеже сердце меч пронзит самого
И лук, сокрушен, не успеет много.
Лучше праведну имение мало,
Еже праведно тщание собрало,
Нежели многи корысти излишны,
Их же зле собрал с обидою грешный;
Ибо сим будет скорая премена,
И не дождутся ни внука, ни сына;
А имение праведных малое
Укрепит господь и умножит втрое,
Дабы от сынов до внуков сторично
Их преходило в наследие вечно.
Когда грешницы погибнут от глада —
Сих и в зло время сыты будут чада.
Враг божий только подымется в гору,
Как дым и пара исчезнет в ту ж пору;
А пока живет, хотя и богатый,
То непрестанно будет занимати;
Супротив того, праведник и нищий
Будет и ближним уделяти пищи;
Кто его, злобный, будет проклинати,
Тот и сам будет от бога проклятый.
Стопы праведных господь управляет
И все промыслы и пути их знает.
Не будут, хотя падут, повреждении,
От силы вышней всегда укрепленны,
Даже по старость не видех из млада
Любящих бога умерших от глада,
Не видех, дабы оных дети милы,
Просяще хлеба, по миру бродили.
Всех без коварства любит и попросту
И дает взаймы потребным без росту,

Не щадит скудным и последней лепты,
Аки вдовицы с Сидонской Сарепты;
Ни оскудеет, пока жити станет,
А после его и внукам останет.
Того ради перестань, иже творишь злое,
И начни за то творити благое, —
Да будешь богатств праведных причастен
И на сей земли в век глубокий счастен.
Видишь, господни како судьбы правы,
Как никогда же любящих остави,
А нечестивых потребляет имя,
Дабы злых плевел не остало семя.
У добрых людей премудрое слово
В устах на правду всякую готово,
И закон божий, в сердце изваянный,
Как ноги правит дела их избранны;
Сопротив того, клеветник лукавый,
Таковой правых ненавидя славы,
Будет лживые соплетати сети,
Как бы невинных злобно умертвити;
Но сих десница сохранит державна,
Да объявится лжа на суде явна.
Дай только сроку, буди терпеливый —
Ты на сей земле так будешь счастливый,
Что твое славно еще узрит око,
Как казнит злобных гнев божий жестоко.
Я не одного видел истукана
Гордого, яко кедр с горы Ливана,
И только прошел (сие правда иста),
Искал, где он был, и не сыскал места.
То лучше быть в жизни незлобиву
И просту иметь душу, а не криву.
Когда таковых по старость из млада
Бог хранит мирных, яко отец чада, —
Егда лукавы всегдашней боязни,
Ей же трепещут, не убегнут казни;
И то не диво, что бог заступает
Праведных в скорби и им помогает,
Что его к простым щедрота излишна,
Что их спасает от обиды грешна,
Ибо всем сердцем те нань уповают
И, кроме его, иного не знают.

METAPHRASIS PS. 72[1]

Аще из земли престанут реки
Истекати
И начнут моря брег свой великий
Преступати,
А падше небо землю покриет
Всю звездами,
Воздух, в огнь пришед, воссвирепеет
Молниями —
То ниже тогда благость вышняго
Многомощна
Предаст праведна в руки грешнаго
Беспомощна,
Ни душ избранных всеблагой отец
В злой печали
Оставит, дабы, лишенны, в конец
Погибали.
А моя едва не поползнулась
Нога слизка,
Егда божьей мерить коснулась
Судьбы сблизка
И плохим умом промысл безмерный
Рассуждати,
Коим раздает творец всемирный
Благодати.
Гневом завистным сердце кипело
От ревности,
Егда сим внешним оком смотрело
Полных злости

[1] Переложение псалма 72 (лат.). — *Ред.*

И потопленных во водах темных
Злобы зельны, —
Как процветают, сих благих земных
Изобильны;
Как с добрым счастье непостоянно
И неверно —
Сим служит всегда, яко связанно,
Весьма смирно,
Слепа фортуна ведет их, здравых,
Як стоока,
В старость глубоку по путех правых,
Без порока.
Егда праведным сердце снедают
Злы болезни —
Сии в радости век провождают
И дни жизни;
Чуждая печаль, беды, напасти
И кручина
Им веселия и новой сласти
Суть причина.
Уж лишних богатств дом их пространный
Не вмещает —
Счастия своего ни дух высокий
Обымает;
Роскошь надежду их и охоту
Утрудила,
Но не чрез сию самых щедроту
Насытила;
В таковом счастии полны гордости
И надменны,
Самолюбием жестоким в злости
Ослепленны,
Свиньею смотрят на люди равны
Как скотины,
И давят бедных, сильно злонравны,
Без причины;
Стращать грозными меньших словами
Не довольны,
Что ядом уст их и клеветами
Земли полны, —
Уже коснулась языка злого
Злоба многа

Небес и смеет и на самого
Лгати бога;
Сие егда зрит праведник в мире,
Озлобленный,
Не дивно, что весь шатнется в вере,
Изумленный,
И речет в себе: «Есть ли бог? или
Сущ, не видит,
Иль громовые потерял стрелы
И, тощ, сидит,
Когда грешный в сем и в том свете
Изобильный.
Не есть праведен в своем совете
Бог всесильный!
Всуе живется в краткой сей жизни
Беспорочно,
И с кротостью терпеть болезни
Есть непрочно».
Но егда ум свой обратит паки
На советы,
Бога боится чрез сии знаки
Погрешити,
Да не сих вменит як овец стада
Заколенна,
Их же он своя нарече чада
Возлюбленна;
В том сумнительстве праведный Давид,
Весь смущенный,
Егда трудился, да вины узрит
Утаенны,
Скрытых советов исследить дела
Не возможе,
Пока обратил ум свой в светила
Твоя, боже!
И тамо узрел конец сих, славных
В счастья цвете,
Коя премена ждет их, злонравных,
На сем свете.
И се ты, боже, сих гордых роги
Сокрушаешь,
Их славу и честь смирным под ноги
Повергаешь,

А прелести их платишь, прав, грозно,
И в сей жизни
И в оном веце ощутят поздно
Злы болезни,
Кроме совести, яже их мучит
Всегда тайно,
Паче тиранов лютых, и скучит
Чрезвычайно.
Гнев твой праведный гонит их везде
Непрестанно,
Пока с богатством исчезнут отзде
Окаянно,
Яко сон, иже мечтами спящих
Устрашает,
А потом, в мале оставя бдящих,
Исчезает.
Дондеже и аз сия постигох,
Как скотина
Бых неразумен, знати не могох,
Кая вина
Зельного счастья грешных, от тебе
Отверженных.
И уж едва не почтох себе
Меж прельщенных,
Но твоей руки тайная сила
Мя держала,
Промыслов твоих скрытые дела
Мне являла.
Се ныне познах, что ничто слава
Небес вышних
Без тебе, ничто земли держава
Есть у грешных.
Все мое тело, в злых изможденно,
Унывает,
К тебе в сердце, в злых утружденно,
Воздыхает.
Ты моя буди един довольна
Часть, о боже!
Без тебе небо и земля полна
Мне ничто же,
Когда безбожных, иже тя, отца
Всех, не знают,

И лживых богов за тебе, творца,
Почитают,
Как либо в свете сем суть счастливы,
Погубиши
И в конец чрез гнев зело страшный
Потребиши, —
Буду за сладость тогда едину
Почитати,
Тебе любити и на тя выну
Уповати,
И прославляти твой совет скрытый,
Весьма правый,
И твои хвалы в жизни сей пети,
Боже, славы!
Ты бог, и мирне иже не дремлешь,
Как Вил глухий,
Егда грешников вскоре отъемлешь
Злобных духи
И хранишь твоих сынов избранных
В злой печали,
Дабы тя, творца всех сих дел странных,
Прославляли.

«БЛАГОДАРИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ ФЕОФАНУ ПРОКОПОВИЧУ»

Устами ты обязал меня и рукою,
Дал хвалу мне свыше мер, заступил немало —
Сатирику то забыть никак не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулит трубою.
Нет! но силы воздавать дары равномерны
В знак благодарения — увы! — запрещают.
Приими убо сия, и хоть не блистают
Дары изящством, однак знаки воли верны.

EPODOS CONSOLATORIA

AD ODEN PASTORIS PIMINI SORTEM GREGIS SUB TEMPESTATEM DEPLORANTIS [1]

На горах наших, Пимене, славный
Сединами!
Ни свирелию тебе кто равный,
Ни стадами:
На рожку ль поешь, или на сопели
Хвалу богу,
Стихом ли даешь промежду делы
Радость многу;
Забывши травы, к ней же из млада
Наученны,
Стоят овцы и козлищ стада
Удивленны.
Сенька и Федька когда песнь пели
Пред тобою,
Как немазанны двери скрипели
Ветчиною;
Славному млека и волны зело,
Когдась вору
Лошадей столько в мысли не было
И Егору,

[1] Песнь утешения на песнь пастуха Пимена, оплакивающего участь стада во время ненастья (лат.). — *Ред.*

Сколько есть овец в твоей ограде
В летнем зною.
Молоко свежо при твоем стаде
И зимою.
Ты же был горазд и волков бити
Из пищали,
Беда не могла тебе вредити
И печали;
И еще сена у тебя много
Вместо травы;
Есть и хлевина, для дождю злого
Ту исправи.
Сии запасы твоему стаду
В зиму люту
И в осень мокру дадут отраду
И приюту.
А ты сам в теплой сиди хижине,
Можешь сети
Вязать, или что плесть при лучине,
Или пети,
Или, милую возвав дружину,
Промеж делы
Бражку и винцо поднось по чину,
Не унылый.
Они ти за то будут при делах
Помогати,
Масло и творог жирный в творилах
Истискати.
Для чего ж плачешь, чрез пять дней было
Что ненастье,
На дождь и стужу смотришь уныло
За несчастье?
Что мокра осень следует лету,
Той противо
Отъемлет зима остаток свету —
То не диво,
Послыша весну, уж ластовицы
Появились,
Уж журавли и ины птицы
Возвратились;
Солнце с барашка уж на близнята
Преступило,

С матерьми юны в полях ягнята
Блевут мило;
И славна в горах наших Диана
Благодатна,
Весны дарами, — цветы венчанна,
Всем приятна.
Оставя горы, в леса проходит
С дружиною
И, знатна, красных нимф превосходит
Лишь главою;
На ней черкесский в туле сияет
Лук; страшливых,
Готова на лов, уж примечает
Зверей дивых,
В коих вертепах щенков выводят
Львы ужасны,
Лютый бобр и барс, где детей плодят,
Пятном красны;
Вскоре ловитвы будет корысти
Разделяти,
Сих зверей кожи вместо монисты
Раздавати;
Она и тебя и твое стадо
Охраняет,
Да не вас льстивых волков зло чадо
Повреждает;
Ты бо ей главу шипковым венцом
Венчал красно,
Да в лике богинь России солнцем
Светит ясно.
Ты в ее праздник в жертву приносишь
Агнцев белых,
Сыченый братьи медок подносишь
С сотов зрелых,
И ее похвал ты певец славный
На сопели —
Так петь Амфион и Орфей давный
Не умели.
Для чего ж плачешь, чрез пять дней было
Что ненастье?
Уже сияет шестый день мило
В твое счастье!

Сим ныне вёдром буди довольный,
После зноя
Седьмый наступит любого полный
День покоя!
Тогда, богатый Пимене, сидя,
Безопасный,
Под дубом или под кленом, видя
Стада красны,
Висящи от гор и овец кущи
Исполненны,
Вымена млеком тяжки имущи
И раздменны,
Не забудь и нам, пастушкам малым,
Помогати.
Не дай Егора другам нахалым
Нападати:
У меня было мало козляток,
Ты известен,
Сей был моея паствы начаток
Некорыстен,
Но и сих Егор и его други
Отогнали,
Млеко и волну вороги туги
Всю раскрали.
Уж трожды солнце вкруг обежало
Путь свой белый,
А я не имею льготы нимало,
Весь унылый.
Лишен и стадца, лишен хижины,
Лишен нивы,
Меж пастушками брожу единый
Несчастливый;
Ниже в наймиты кто нанимает,
Ни козлятем
На завод бедну кто помогает,
Ни ягнятем!
То праведнейше, нежли в ненастье
Я скучаю,
Плачу тяжкого сего несчастья
И случаю.
Никто не счастлив, разве сравнится
С тресчастливым,

Или бессчастным, когда дивится
И плачливым.
Присмотрись токмо моему лиху
И несчастью —
Будешь в печали иметь утеху
И в ненастью.

РЕЧЬ

К БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ
АННЕ ИОАННОВНЕ
ИМПЕРАТРИЦЕ И САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ

Жена, превышающа женскую природу
И родом красяща и дающа роду
Царску многу красоту, Анна благонрава!
Дому, царству твоему беспритворна слава!
Если, зря твои дела, уст не отверзаю
И, молча, к твоей славе перст не направляю,
Если муза моя спит и не бренчит лира
В похвалах твоих — не тем, что одна сатира
Люба, будучи к иным мысль моя не склонна,
Ей, нет, и была бы та леность беззаконна!
Вижу мудрость в поступках твоих сколь есть многа,
Сколь тобой расчищена к истине дорога.
Раззнаю в лице людей, что сердца вещают,
Вижу, что россияне скачут, не вздыхают,
Звук поющих, радостны возгласы до ада
Пронзая, взбудить могут адамлева чада,
Смехи и веселия, довольствия знаки,
Блистательны подданных твоих творят зраки!
Все то, хоть скудоумен, и вижу и знаю,
Да ползать повадився — летать не дерзаю.
Боюся к твоим хвалам распростерти руку:
Помню Икара повесть, продерзость и муку.
Нужно бо обычайны пределы превзыти
Хотящу дела твои и тебя хвалити!
И столь славну имеяй писати причину,
Не подлого должен быть у Фебуса чину.

Трижды я принимался за перо, дрожащи,
В благодарство дел твоих хвалить тя хотящи,
Трижды, с неба прилетев, Аполлон отвагу
Мою с гневом обличил; вырвал с рук бумагу,
Изломал перо, пролил дерзостно чернило.
«Кое тя безумие, — рекше, — обступило?
За что ты хватаешься и на что дерзаешь?
Анну-самодержицу хвалити желаешь?
Не знаешь ли ты смолчать, уме беспокойный,
Что не твои для такой стихи суть пристойны.
Где тебе сплесть и сыскать слова, столь согласны,
Каковы дела ее дивны и ужасны?
Ведь тут нечего писать, чтоб было утешно,
К чему и мысль и перо твое скользит спешно.
И к хвале той негоден, слаб стиль твой подлейший,
Для ваги такой Атлас потребен сильнейший.
Виргилий, да и тому надобно б подумать,
Чтоб достойное для сей августы придумать.
Не успел бы он стихов так скоро прибрати,
Как сия злые нравы может скореняти.
Я, сам не подлейший бог, что хвалить дерзаю
Йовиша и пением всю тварь наслаждаю,
Не скоро б осмелился; сказать не стыжуся —
Похвалу ея соткать почти не гожуся.
Похлебства не любит та — правду ищет ясну;
Как же, не похлебствовав, составить песнь красну?
Знаю, что не нужно то — хоть правду писати,
Дела той многим царям в образ может дати, —
Да искусство требует наше стихотворно,
Чтоб меж правдою было нечто и притворно.
Покинь и впредь не дерзай в сие вступать смело,
Оставь мудрейшим себя, не твое то дело».
Сия изрек, вознесся в парнасски палаты,
Восшумели колеса блистательны, златы;
Содрогнулся, бедный, я, скочил с стула спешно, —
Что не мог благодарства явить, неутешно
Тужил. Но, однако же, безбедный молчати
Быть узнал, нежли грубы похвалы писати.
Молчу убо, но молча сильно почитаю
Тую, от нея же честь и жизнь признаваю.

Ст. 3. *Благонрава*. Как я думаю, сего титула ни лучше ни больше ино быть не может, и подлинно, что́ пристойнее императрице-христианке, как благонравие; власть, сила беспредельная, корона и скипетр — внешнее есть украшение, подчиненным к исправлению их полезное; доброта же нравов — внутренняя души краса, которая самой ей путь к неизреченному показует блаженству.

Ст. 7. *Лира*. Т. е. гусли, на которых Аполлон, стихотворцев бог, как сказывают, искусно играет.

Ст. 15. *До ада*. Т. е. до подземной, где мертвые лежат; стихотворцы греческие часто имя сие в таком разумении употребляют.

Ст. 20. Обыкши я подло и низким штилем писать, не смею составлять панегирики, где высокий штиль употреблять надобно.

Ст. 22. Сказывают стихотворцы, что Икар, которому отец его, Дедал, приделал крылья восковые, взлетел очень близко к солнцу; растопилися крылья, и он упал в море Егейское, которое потом Икарийское зваться стало. Для того и автор, помня его беду, не хочет в высокие вступать похвалы, боясь, что крыл не станет.

Ст. 26. Т. е. надобно, чтоб не последний был стихотворец. *Фебус* называется Аполлон, бог науки, которого описание смотри в первой сатире под стихом 9.

Ст. 27. Стихотворцы трижды вместо многажды употребляют, так, например, Виргилий.

Ст. 29. *Аполлон*. Смотри об нем в первой сатире в примечании под стихом 9.

Ст. 39. Не тако в оде легко похвалы писать, как сатиры; надобно, чтоб тут все речи были важные, а шутки и забавы не годятся.

Ст. 40. Т. е. к которым ты склонен и мало трудности знаешь. Потому, знать, что речь сия писана после сатиры. В том подражал автор Боало, который такожде к королю речь писал преискусную; оную видеть можно в первом его томе в начале.

Ст. 41. Подлинно, автор всегда писал простым и народным почти стилем, в чем, мне мнится, последовал он стихотворному правилу, которое велит, чтоб сатиры были просты.

Ст. 42. Стихотворцы говорят, что Атлас держит на пле́чах своих весь свет, — немалая б то сила, если б то не ложно было.

Ст. 43. *Виргилий*. Славный латынский стихотворец, которого у нас осталось три книги: «Георгика», «Буколика» и «Энеида», из которых последняя в великой во всем свете цене и почтении. Смотри об нем пространнее в первой сатире под стихом 39.

Ст. 44. *Для сей августы придумать*. Древние греки, когда их монархия цве́ла, называли императриц своих августами αυγοστν; слово же несвойственно греческое, но латынское, Augusta, которое по-русски сказать можно — расширительница или прибавительница. Augusta бо от augeo, еже есть прибавляю.

Ст. 48. *Йовиш и Юпитер* — тот же первый, или, лучше сказать, главнейший, язычников бог; сын Сатурнов, а брат Плутона, Нептуна и Дианы; отца своего с неба сбив, сам им обладал, дав в наследие Плутону ад, Нептуну — воды. Смотри «Гералдия», историю богов.

Ст. 56. *Нечто и притворно*. В стихотворном стиле фикции гораз-

до нужны; инако он слаб и скуден, что гораздо знали Омир и Виргилий, а Овидий чрезмеру в него влюбился, так что во всей его «Метаморфозисе» трудно распознать правду.

Ст. 59. Парнас есть гора в Фоциде, на которой музы обитают. Знать, Аполлон, выговорив слова свои к автору, поехал с ними повидаться.

Ст. 60. Для того что он пеш не ходит, как многие стихотворцы пишут, но ездит в коляске, да еще и четыре лошади впряжены, которых имена суть: Пиронс, Еоус, Ефон и Флегон.

Ст. 66. Не самую жизнь, но то, чем жить можно, сиречь способ, к провождению жития потребный, ибо жизнь самая всем от бога единого, кроме которого никто же есть живот даяй.

О ЖИЗНИ СПОКОЙНОЙ

О! коль мысли спокойны зрю в тебе, Сенека!
Ей, ты должен быть образ нынешнего века.
Всяк волен тя презирать или подражати —
Я тебе подобну жизнь хочу повождати.
Пусть клянет кто несчастья, а я им доволен,
И когда мя забыли, так остался волен.
Ах! дражайшая воля, с чем тебя сравняти?
Жизнь, так покойну, можно ль несчастием звати?
Если осталась хотя мала часть наследства,
Живу там, отдаленный, дни текут без бедства;
Когда заря румяна приступит к востоку
И прогонит всю с неба темноту глубоку,
За ней лучи златые солнца воссияют,
Цвет придав всем вещам, их оживотворяют;
Разны птицы под небом лишь любовь запели —
Отложив сон свой спешно, встаю я с постели.
Коли приятно время, иду гулять в пóля,
Сто раз в себе размышляю, коль блаженна воля.
Ниже желание чести и богатства мучит
Покойны во мне чувствы, все мне не наскучит.
Смотрю ли густы леса, верхи их зелены —
Разность несказанну древ и всякой премены
Исполнила природа обильной рукою,
Дивлюся и говорю тогда сам с собою:
«О, как вся тварь красна есть повсюду доброта!
Боже, неизмерима твоя к нам щедрота!
Неизмерима благость, ты всего начало,
Ты творец, от тебе все сие быти стало.

Небесное пространство, купно в нем светилы,
Смертным нашим очам и жизни столь милы,
Движение законы от тебя приемлет,
Всяко тело небесно ум наш не объемлет».
Оставя высокие мысли, мне невнятны,
Еще обращу очи на вещи приятны,
Которыми зрение мое веселится,
И чем место здешнее отвсюду красится.
Малы пригорки зрятся, а при них долины;
Различных трав множество, благовонны крины
Там с прочими цветами растут под ногами.
Страна вдали покрыта темными лесами;
Другая вся отверзста, где стада пасутся
И по лугам зеленым источники вьются.
Вокруг жатва златая места наполняет,
За труды земледельцев та обогащает.
Пройдет довольно время, и мысль веселится,
Когда уже надлежит домой возвратиться,
Где все просто, но чисто; пища мне готова;
Говорю что попало, нет коварна слова,
По обеде ту или другую забаву
Найду, приличную мне и моему нраву;
Иль, чиня брань животным, оных я стреляю,
Либо при огне книжку покойно читаю.
Знав все непостоянство и лесть всего мира,
Не тужу, что мя счастье оставило сира;
Доволен. что есть; впрочем, на что затевати,
Коли известная смерть всех имать пожрати.

О СПЯЩЕЙ СВОЕЙ ПОЛЮБОВНИЦЕ

Приятны благодати,
Танцы вы водя под древом,
Двигайте ноги легонько,
Велите играть тихонько,
Или, далее отшедши,
Приятные благодати,
Танцы вы свои водите:
Любимица моя близко,
Спочивает тут под древом,
Взбудить ее берегитесь;
Когда взглянут тыя очи,
Уже будут ничто ваши;
Уж вам, красны благодати,
Не похочется плясати.

СЛОВОПРИНОШЕНИЕ К ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕРВОЙ

Отрасль Петра Первого, его же сердцами
Великим и отцом звал больше, чем устами,
Народ твой! Отрасль, рукой взращенна самого
Всевышшего полкруга в надежду земного!
Если, видя общу я, при твоем восходе
На престол родителев, не только в народе
Твоем радость, но почти во всех краях мира,
В песнях твоих не брячит одна моя лира, —
Не возмни, что с лености мысль моя не склонна
Тебе петь, была бы та леность беззаконна!
Трижды я лиру снастил и дрожащи персты
Трижды на струны навел, и уста отверзты
Готовили тебе песнь; трижды, разделяя
Быстро воздух, прилетел из вышнего края
Небес белокурый бог, обличил отвагу
Мою с гневом; изодрав струны, лиру нагу
Вырвал из рук, изломал и стиснул мне губы.
Видел я в светлом его лбу морщины грубы,
Молний ярости в очах, и на лице — пламень;
Безгласен, недвижен я стал с страху, как камень.
Грозным тогда голосом «Кое тя обняло
Безумие? — сказал мне. — Тебе ли пристало
Богов вышних прославлять в смертном теле племя?
Не твоих сил на плеча кладешь себе бремя,
Ты поскользнешься под ним, причину дашь смеху
Тем, что с чуждого стыда чувствуют утеху.
Елисавету сердца́ на престол возводят,
И пусть, оставя Олимп, ей уж служить сходят
Веселие, и Любовь, и три Благодати;

Видя ее, с зависти плачет любве мати;
Бежат неправость ея и злые обиды,
И гордость, и лакомство, и все злочинств виды.
Добродетели делят с нею царства бремя,
Возвращая сладкое вам Петрово время;
И как Перун имя той с Север исхождая
Светло и страшно земли до другого края;
Столь славну песням своим имеяй причину,
Не подлого должен быть в Еликоне чину;
Тебе в низу той горы еще ползать кстати.
    Если же знак хвального благодарства дати
Твоего какой-либо августе желаешь,
Поднеси ей книжицу, в которой пятнаешь
Злые веселым лицом обычьи и нравы.
Августе смелость твоя придаст много славы,
Явно бо, что книжку раб дая ей такую,
Другом добродетели весь свет признал тую».
Сказав то, поднялся он в парнасски палаты,
Быстра воза колеса восшумели златы.
    Тяжек мне был тот заказ из уст властелина
Девяти сестр и тяжка заказу причина,
Котора невежество мое обличала, —
Да покорность мне всего более пристала.
    Убо, самодержице, прими, что дать знаю:
Вот книжка, обычай чем и злой нрав пятнаю.
Многих лет в ней приношу бдения и поты;
Не пощадил, боязлив, я своей работы;
Лист написав, два иль три изодрал, исхерил,
Да и так достойну глаз твоих быть не верил.
Аполлу послушен я, ты из край до края
Тихим сердцем ту прочтешь, зрак не пременяя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихи сии, которыми сатирик посвящает сатиры свои *императрице Елизавете,* посланы от него к приятелю в начале 1742 года, мало спустя по благополучном *ея императорского величества* восшествии на престол.

Ст. 1 и 2. *Его же сердцами звал больше, чем устами.* То есть *которого добровольно отцом и великим называл.* Уста могут с страху или в надежде какой приносить хвалу; а внутреннее почтение основано на одной любви и на добродетелях хвалимого лица.

Ст. 4. *Полкруга в надежду земного.* В надежду, сиречь, прост-

ранного Российского империя, которое в самом деле обдержит почти половину круга земного, понеже от Риги до крайнего мыса Камчатки находится не меньше ста семидесяти пяти градусов.

Ст. 8. *В песнях твоих не брячит одна моя лира.* То есть *ежели я не сочинял в похвалу твою песни.* Древние стихотворцы имели обыкновение петь стихи свои пред народом, приигрывая голос на лире, которая была отчасти лютне подобна; оттого похвальные стихи и песни высокого слога названы *лирическим стихотворством.*

Ст. 11. *Трижды.* Трижды вместо многажды стихотворцам употребительно.

Ст. тот же. *Лиру снастил.* Готовился составлять тебе похвалу.

Ст. тот же. *Дрожащи персты.* Для того *дрожащи* (вместо *дрожащие,* чрез сокращение), что с боязнию принимался хвалить столь высокое лицо.

Ст. 15. *Белокурый бог.* Аполлин, с итальянского *il biondo Nume.* См. об нем примеч. под ст. 17-м сат. I.

Ст. 16. *Лиру нагу.* Понеже с нее струны сорваны.

Ст. 18. *В светлом его лбу морщины грубы.* Знак гневу — морщины на лбу. Аполлин изобразуется с лучами около головы; для того светлый лоб.

Ст 23. *Богов вышних прославлять в смертном теле племя.* Стихотворец устами Аполлина по-стихотворчески говорит, вводя множество богов. Впрочем же, не только древние знаменитых государей и храбрых людей называли сыновьями божиими, но и в Святом писании не в одном месте то имя добронравным приписано.

Ст. 27. *Сердцá на престол возводят.* Сердца народа, любовь, желание народное.

Ст. 28. *Пусть, оставя Олимп.* Оставя *небо.* Олимп есть гора в острове Кипре. У Виргилия и других стихотворцев значит *небо,* понеже та гора гораздо высока.

Ст. 29. *Три Благодати.* Богини от свиты Венериной; можно еще и за дары душевные почитать.

Ст. 30. *Видя ее, плачет любве мати.* Венера, матерь любви, богиня красоты, плачет с зависти, видя красоту лица *императрицына.*

Ст. 33. *Добродетели делят с нею царства бремя.* Добродетели с нею царство управляют. Тут добродетели богинями изображаются.

Ст. 34. *Петрово время.* Время царствования *императора Петра Великого,* бессмертныя славы государя.

Ст. 38. *В Еликоне чину. Еликон* — гора в Беотии, музам посвященная.

Ст. 41. *Августе.* Императрицы греческие *августами* назывались, как императоры имя *Августа,* сиречь *распространителя,* носили.

Ст. 42. *Книжицу, в которой пятнаешь.* То есть сатиры.

Ст. 45 и 46. *Явно бо, что книжку раб... признал тую.* Для того что когда раб смеет своей государыне подносить книгу, в которой злонравия и злые обычаи обличает, знатно весь свет признает, что оной государыне ничего досадного в той книге не содержится и, следовательно, что оная государыня совершенно добродетельми украшена.

Ст. 47. *Парнасски палаты. Парнас* — гора в Фоциде, провинции греческой; см. примеч. под ст. 20-м сат. I.

Ст. 48. *Быстра воза колеса.* Аполлин обыкновенно пишется на золотой колеснице с четырьмя лошадьми.

Ст. 49 и 50. *Из уст властелина девяти сестр.* То есть из уст Аполлиновых, понеже некаким образом есть начальник муз, которых девяти сестрами стихотворцы называют, для того что они девять числом, одного отца и одной матери дочери. См. примеч. под ст. 9-м сат. I.

Ст. 55 *Многих лет бдения и поты.* Бдение и пот значат труд прилежный. Сатиры стихотворца нашего начаты в конце 1729, а довершены в конце 1742; так что десять лет он упражнялся в их сочинении и исправлении.

— — Et nonum premantur in annum

(Гораций, Иск. стих., ст. 385).

<И пусть они (т. е. стихи) лет девять полежат.>

Ст. 56. *Не пощадил, боязлив.* Боязлив, не смел сочинения свои выдавать, за страх многих неисправностей.

Ст. 60. *Тихим сердцем ту прочтешь, зрак не пременяя.* Ты прочтешь всю книгу и в ней ничего не найдешь, что б могло тебя прогневить. Тихое сердце есть знак безгневия, как внезапная лица премена есть знак сильной в сердце страсти.

ЕЛИСАВЕТЕ ПЕРВОЙ

Тебе ж [1], самодержице, посвятить труд новый
И должность советует и самое дело;
Извинят они ж мою смелость пред тобою.
Приношу тебе стихи, которы на римском
Языке показались достойными ухо
Августово [2] насладить; тебе он подобне
Расширив и утвердив, везде победитель,
Державы своей предел, по трудах покойно
Миром целым властвовал, в одной лишь различен —
Мести [3] к врагам, коих ты прощаешь славнее.
К нравов исправлению творец [4] писать тщался,
Искусно хвалит везде красну добродетель,
И гнусное везде он злонравие хулит:
Ты и добродетели лучшая защита,
И пороки прогонять не меньше прилежна.
Сильнее, приятнее венузинца [5] звоны [6],
Но я твоим говорю языком счастливым,
И, хоть сладость сохранить не могли латинских,
Будут не меньше стихи русские полезны;

---

[1] Для того *тебе ж,* что уже прежде сей книжки я приписал ея императорскому величеству другие три.

[2] Ухо Августа Кесаря, который особливо наслаждался стихами Горациевыми.

[3] Не можно читать без крайнего ужасу в римской истории кровопролитие, учиненное Августом под видом отмщения убийства Юлия Кесаря.

[4] Сиречь Гораций.

[5] Гораций родился в Венузе, городе Италии, смотри в его житии.

[6] *Звоны* вместо *речи* или *стихи.*

Недалеко отстою [1], хоть с ним не равняюсь,
Если ж удостоюся похвал твоих ценных [2] —
Дойдет к позднейшим моя потомкам уж слава,
И венузинцу свою завидеть не стану.

---

[1] *Недалеко отстою* — сиречь в переводе своем.
[2] *Ценных* вместо *драгоценных* за нужду меры.

<СТИХИ ИЗ ФИЛОСОФСКИХ ПИСЕМ>

Почитаю здесь закон, повинуясь правам;
Впрочем, волен я живу по своим уставам:
Дух спокоен, ныне жизнь идет без напасти,
Всякий день искоренять учась мои страсти
И взирая на предел, так жизнь учреждаю,
Безмятежно свои дни к концу направляю.
Не скучаю никому, нужды нет взысканий,
Счастлив тем, что сократил дней моих желаний.
Тленность века моего ныне познаваю,
Не желаю, не боюсь, смерти ожидаю.
Когда вы милость свою ко мне неотменно
<Явите>, то я счастлив буду совершенно.

MADRIGAL
À MADAME LA DUCHESSE D'AIGUILLON

En m'éloignant de cette Circassie,
Où naissent tant d'objets comparés a Vénus,
Je crus qu'en d'autres lieux je passerais la vie
En regrets de ne les voir plus

De leurs attraits vantés la mémoire si chère,
Bientôt sur ces bords m'a quitté:
Grâces à d'Aiguillon, j'ai vu que la beauté
Est le moindre des dons de plaire [1].

VERS SUR LA CRITIQUE

Cet art de dépriser, toujours si condamnable,
Par ses propres succés est bien souvent trahi;
Critique on est bientôt haï,
Moqueur on devient méprisable [2].

---

[1] Мадригал в честь герцогини д'Эгийон.

Покидая Черкессию, где рождается столько существ, достойных сравнения с Венерой, я думал, что в других краях буду всегда сожалеть о том, что не увижу их более. Но столь лелеемое мною воспоминание об их несравненных прелестях вскоре покинуло меня на этих берегах: благодаря д'Эгийон я понял, что красота — это наименее значительный из даров, способных вызвать восхищение. (Франц.) — *Ред.*

[2] Стихи о критике.

Это искусство делать вещи презираемыми, всегда столь достойное осуждения, очень часто предает себя своими собственными успехами. Критик вскоре становится ненавистным, насмешник — презренным. (Франц.) — *Ред.*

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ КАНТЕМИРУ

ПЕСНЯ

Житье — море неспокойно, а я челнок малый,
Посреди вод безнадежден; бьют отвсюду ва́лы.
Ветры дышат ужасны,
Стучат громы престрашны —
Пришло погибать. *(Два раза.)*
Нет надежды мне веселья зреть светлы лу́чи,
Бед, напастей обступили вкруг грозны тучи;
Камни грозят, то мели,
Темней ночи наспели —
Света не видать. *(Два раза.)*
Феб сокры свои лучи, знать, для мене вечно,
И бури мя согласились втопить непресечно.
Трещит суденко бедно,
Но увы! быти снедно
Рок злой не пущает. *(Два раза.)*
Охотно б я с того моря взад возвратился,
Да не в моей то, ах! воли, коль в то пустился.
Ты, боже, скончи беды!
Даждь впредь жить без обиды,
Где никто вздыхает. *(Два раза.)*

I. СТИХИ НА ЖЕЛАЮЩИХ ЧЕСТИ ПРИ ДВОРЕ

Не так мила птице холя
в роскошном питании,
Как приятна своя воля
в свободном летании.
Напрасно ей угождаешь
разными заедками,
Вотще услаждаешь
золотыми клетками —
Не смакует корм прилучны,
где без позволения
Потчевает двор докучны
всех на удивления.
Кажется быть многим любо
приятство придворное,
А мне мнится быти грубо
приветство притворное.
Тут и чести, тут и чины
ставятся в диковину,
Да мне уже те причины
набили оскомину.
Лише служба оплошает
в дворянском угождении,
Тотчас дружба обветшает
в прямом обхождении,
Чуть не вовсе пропадают
искательства прежние,
Скоро отпадают,
так, как цветы вешние.

Одних честью двор лаская
сулит повышение,
А других, вниз опуская,
дает в поношение.
Сперва разные припадки —
играют комедию,
А потом упадки —
сыграют трагедию.
Тут-то можно испужаться:
с таким устремлением
Колом счастии все кружатся
с матерым томлением.
То вверх, то стремглав летают,
ища быть многовластно,
И, слетев, хватают
опыт колосчастно.
Чуть не про всех сказать можно
про придворных жителей,
Что их житье пуще тошно
всех подлых служителей.
Вотще себя изнуряют
в уборство хвастливое —
Тем не закрывают
подданство спесивое.
Добродетель мало служит
в беспрестанной зависти,
Всегда тщета ино тужит
от лютой ненависти.
С поважными чуть не равны
беседы смешливые.
Одни только их не нравны
ухватки трусливые.
Иной, хваля, утесняет
своего соперника;
Иной, хуля, опасает
своего наперсника.
Мудрено в таком спастися
поступок в различии,
Трудно упастися
на страсти в наличии.
Иной хочет укрепиться
в настоящем счастии,

А иной в том торопится,
чтоб не быть в бессчастии.
Кто желает обороны,
в каком ни есть бремени
Нескуп на поклоны —
угождает времени.
Явно враждовать не смеют,
Таят в себе рвение.
Исподтиха сплесть умеют
на друзей с пересмешками,
Притом уязвляют
друг друга насмешками.
Друг на друга нападают
смешными издевками,
Притом себе толчки дают
разными наветками.
Улыбанием кажут дружбу,
когда к ним завернешься,
Да забудут службу,
лишь от них отвернешься.
Неусыпно ищут власти,
с великим радением,
Да в найденной нет им сласти
за новым хотением.
Кто при дворе прямым делом
всегда упражняется,
Зависть так, как стень за телом,
за таким гоняется;
А и пуще ненавидит,
чиня повреждение,
Если в ком увидит
прок и поведение.
Не дают себе покою
разными изветами,
Убивать без бою
тайными наветами.
От них часто и невинность
страждет беззаступная,
Всех влечет в повинность
гордость неприступная.
При дворе начал в охотку
побывать приманчиво,

А большую ждать походку —
то весьма обманчиво.
С кем захочешь повидаться —
возьми подорожную,
Не моги витаться
рукою порожнею.
Не един сей сан удельный
над прочим властвует,
Будто некий князь бездельный
при дворе государствует.
Если кто себе не скажет
поступать к ним смелости,
К тому не покажет
двор никакой милости.
Правда гола поступает
при дворе с опасностью,
Хоть напрасно выступают
с смелою отважностью.
Издавна в людях влекутся
трусость и обманы,
Об одном пекутся —
наполнить карманы.
Таковы ж и судьи падки
на поползновение,
Не престают их взятки
вводить в искушение.
Те то по приказам блазни,
неправды орудие,
Не страшатся злые казни
за неправосудие.
Виноват в том челобитчик,
что подарить нечего,
А подарком прав обидчик,
хотя теснит нищего.
Кто их просит — отрешают,
будто многоделием,
А сами мешают
все дела с безделием.
Особлива ж в том обрáза
закону позорная,
Что в духовный чин зараза
вкралася притворная.

Только себе упразднили
в одно попечение,
Чтоб не уронили
светское кичение.
Беспорядством обилуют,
забыв обещание,
Будто на том крест целуют,
чтоб нарушить звание.
Черствы подвиг первых ве́ков
старцам быть приличнее,
Однако ж ввели в церковь
нечто политичнее.
Оказуют свою верность
хвалу правоверие,
А предании древность
ставят в суеверие.
Вплетаются сами в сборы
и расправы светские,
Будто в том им власть соборы
вручили вселенские.
Не быть правым хлопотами,
давать будет отповедь,
Что за суетами
пренебрегли проповедь.
В корысть себе устремляют
захватчивым промыслом,
А поддостоль посрамляют
себя своим замыслом.
На воздухе сплошь обилуют
гишпанские городы,
Будто им голдуют
все светские слободы.
Мир сей — пестун, а плоть — сластей
бабка повивальная,
Двор — суеты и всех страстей
школа суехвальная.
Во всех сердцах гнезды свило
плоти вожделение,
Тем всех уязвило
общее разделение.
Во всех чинах силу взяли
страсти упорливые,

Хотя многих наказали
случаи страшливые.
Сколько кого ни стращают
злоключностей опыты,
А еще паки прельщают
житейские хлопоты.

* * *

Невелик хотя удел, но живу спокоен,
Скатерть, столик, пища есть, в мыслях своих волен.
Не прельщает вышня честь,
Для меня то трудно снесть.
Невиновну жизнь люблю, в ней моя забава.

Кто же хвалится искать, чести домогаться —
Коль удачливо ему, желаю стараться,
Пусть тот долго с тем живет,
Пусть великим век слывет.
Я ж пронырлив не бывал, не в том моя слава.

Не умею, весь сожмясь, низко поклониться
И, не знав кого в глаза, дружбою божиться,
Не умею тем сыскать,
Чтоб обманом приласкать,
Для корысти лишь одной — после хоть не знаться.

Мне несносна жизнь сия, бегу, не прельщаюсь,
Мил в посредстве мой покой, хранить той стараюсь,
Другой жизни не ищу,
Сладко ль, горько ль — не грущу,
Лишь спокойна б та была — не хочу расстаться.

* * *

Света лукавства и беды злые
Любитель славы пусть терпит там,
Я свое стадо, овцы малые,
Пасти в покою хощу впредь сам.

И солнце небу когда в потребу
Лучи являет — во луг вести,
Как закатится, месяц явится —
Без мыслей многих в дом побрести.

Богатство, славы, хотя прелестны,
Мне скучны, когда покоя нет;
Труды мне милы тихи и честны;
В свете друг друга к гибели гнет.

Я безопасен, ни в чем ужасен,
Живу по воле, как сам хочу;
Сердце не бьется, совесть не рвется,
Мысль к добру склонну быть учу.

О чем тужити мне нет причины,
Малым доволен, знаю свое.
Не сманят тщетно мирские чины,
Чего не знаешь, то звать твое.

Зависть тем страшна, зло злых ужасно,
Совесть, мятежи, беспокойство;
Меня, хоть дождик смочит днем трожды, —
Лучи солнечны сушат свойство.

Малое стадо — моя забава,
Дудочка, сладка дающи глас,
Ты моя будешь желанна слава, —
Честь и богатство все мое в вас.

С вами мне жити, вас веселити, —
Прочая всяка мысль неумна.
Кто ищет много, пусть убо того;
Житейская печаль, ах, мне скучна!

ПЕРЕВОДЫ

О СВОИХ ГУСЛЯХ

Хочу я Атридов петь,
Я и Кадма петь хочу,
Да струнами гусль моя
Любовь лишь одну звучит.
Недавно я той струны
И гусль саму пременил;
Я запел Ираклев бой —
В гусли любовь отдалась;
Ин прощай богатыри,
Гусль одни любви поет.

О ЖЕНАХ

Природа быкам — рога,
Копыто дала коням,
Зайцам — ноги быстрые,
Львам — свирепы челюсти,
Рыбам — плавать искусство,
Птицам — удобность летать,
Мужам — рассуждение.
Женам дала ль что? — Дала!
Что ж такое? — Красоту,
Вместо всякого ружья,
Вместо всякого щита:
Красавица бо и огнь
И железо победит.

О ЛЮБВИ

Некогда в часы полночны,
Когда медведь уж вертеться
Начал под рукой Воота,
Человеков же вси роды
Спят, утомлены трудами,
Любовь, пришед к моим дверям,
Громко стал у них стучаться.
«Кто стучит там, — закричал я, —
И сну моему мешает?» —
«Отвори, — Любовь сказал мне, —
Младенец я есмь, не бойся.
Весь обмокл в безлунной ночи,
С пути, бедный, заблудился».
Сжалился я, то услышав,
И, свечу тотчас зажегши,
Отворил; и вижу, правда,
Крылата младенца с луком
И с тулом стрел за плечами.
Посадив к огню, я начал
В ладонях греть его руки
И с волос отирать воду.
Он, как скоро лишь нагрелся,
«Дай отведать, — говорил мне, —
Не вредилась ли водою
Тетива моего лука».
Натянув же, той язвил мя,
Как оса, прямо средь сердца.

Потом, захохотав сильно,
Вскакал: «Не тужи, хозяин, —
Сказав, — лук мой есть невреден,
Да ты будешь болеть сердцем».

О БЕСПЕЧНОМ ЖИТИИ

На мягких молодых миртах,
На трилистнике зеленом
Протянувся, хочу пити.
Любовь, платье подвязавши
Тесемкою за плечами,
Вино пусть он мне подносит;
Как колесо бо тележно,
Быстро бежит жизни время,
И мал прах мы все бываем,
Когда кости расползутся;
К чему ж благовонным мирром
Мазать гроб мой и напрасно
В землю лить драгие дары?
Меня лучше, пока жив я,
Мажь, и, шипками венчав мя,
Приведи мне красну девку,
Любовь! прежде, нежель сниду
К подземным умерших танцам,
Здесь хочу разбить я мысли.

О СЕБЕ

Говорят мне женщины:
«Анакреон, ты уж стар.
Взяв зеркало, посмотрись.
Волосов уж нет над лбом».
Я не знаю, волосы
На голове ль, иль сошли,
Одно только знаю то,
Что найпаче старику
Должно веселитися,
Ибо к смерти ближе он.

О ЛЮБВИ

Хочу, хочу я любити.
Любовь к тому побуждал мя;
Но я тогда, безрассуден,
Совет его не послушал;
Он же, тотчас лук свой взявши
И златой тул, меня вызвал
На битву; я же, на плечи
Надев латы, как Ахиллес,
Копье ж и щит в руки взявши,
Против стоял Любови.
Стрелял он, я ж бежал спешно;
Как уж стрел ему не стало,
Разъярился и как с лука
Стрельнул на меня собою,
И, пронзив меня средь сердца,
Учинил меня бессильна.
Щит убо мне уж негоден:
К чему бо извне щититься,
Когда войну внутрь ся чую?

О СЕБЕ

Ты фивов поешь войну,
Той шумы фригов поет,
А я свою пою плень.
Не всадник меня пленил,
Не пехота, не корабль,
Но новый вид воинства,
Что с глаз стреляет на мя.

О СТАКАНЕ СЕРЕБРЯНОМ

Искусный художниче,
Выточи приятный мне
Весенний глубок стакан,
Вначале вырежь на нем
Шипконосную весну;
Расширив же серебро,
Любимый вырежь мне пир.
Не режь чужие на нем
Обряды жертвенные,
Ни ужасны повести;
Вырежь лучше Бахуса,
Красно Йовиша дитя,
Наставляюща людей
Пить приятное вино,
Иль плясящую Венеру
Вместе с Именеями;
Вырежь и Любви бессбруйны
И веселы Благодати
Под высоким виноградом,
Полным кистьми сладких ягод;
Приложи же и красивых
Молодцов тут же толпу,
Буде играющий Фебус
Тебе не угоднее.

ЧТО НАДОБНО ПИТЬ

Земля выпивает дождь,
А деревья землю пьют;
Моря легкий воздух пьют,
И солнце пиет моря;
Месяц же солнце пиет.
Для чего убо, друзья,
Журить меня, что пью?

О БОГАТСТВЕ

Если б куча золота
Жизнь нашу могла продлить,
Охотно б я набирал
И берег сокровище,
Да, когда приступит смерть,
Дав что ей, отгнать могу;
Но понеже, смертным, нам
Дней лишних купить нельзя,
На что даром воздыхать
И на что себя крушить?
Коли неизбежна смерть,
Что пользует золото?
Потому одна печаль
Мне будь — сладко пить вино,
Веселиться с друзьями
И на мягкой постели
Угождать любимице.

О СЕБЕ

Понеже смертен родился,
Пробежать путь сего века
И минувшее я только
Своей жизни время знаю,
Будущее ж неизвестно.
Прочь все думы и печали,
И не будь мне с вами дела.
Прежде нежели кончина
Мне найдет, хочу играти,
И плясати, и смеяться
С Бахусом, мне всеприятным.

О СВОЕЙ ПОЛЮБОВНИЦЕ

Превосходнейший меж всеми
Живописцы и начальник
Ты родийского искусства,
Ну-тко, примись напиши мне
Полюбовницу отсущу,
Такову, как я скажу ти;
Напиши ты мне вначале
Мягки черноваты кудри,
И, буде воск того сможет,
Пусть те будут благовонны.
Напиши от двух щек выше,
Под пресмуглою косою,
Чело из кости слоновой.
Брови пусть не отдалены,
Не близки будут друг к другу,
Да не чувственное будет
Что порожжее меж ними;
Пусть черны будут ресницы,
Огненные сделай очи,
Как Минервиные серы
И как Венусовы светлы.
Шипки с молоком смешавши,
Тем напиши нос и щеки,
Уста сделай таковые,
Чтоб все чувства побуждали
И лобзания прощали.
Ниже мягкого бородка,
Вокруг белой, как снег, шеи,
Пусть летят все Благодати.

Облачи ты ее в прочем
В бледно-багряну одежду,
И сквозь ту мала часть плоти
Пусть видна будет, чтоб, тело
Каково, с того познати.
Полно столько: уж всю вижу;
И вот воск говорить станет.

НА ЛАСТОВИЦУ

Ты, любима ластушка,
Чтогодно в весеннюю
Пору прилетая к нам,
Искусно строишь гнездо,
Зимою ж, невидима,
Отлетаешь к Мемфису
Или к Нила берегам;
А Любовь в сердце моем
Гнездо строит беспеперечь.
Из цыплят его один
Периться уже начал,
Другой еще в яице,
Третий вылупается,
И непрестанный есть шум
Пищущих любовишек.
Кормят малых бóльшие;
А тые, лишь вырастут,
Других тотчас народят.
Что мне делать? как помочь?
Невозможно бо мне есть
Уместить столько любвей.

К ДЕВИЦЕ

Не бегай ты от меня,
Видя седу голову;
Ни затем, что красоты
Блистает в тебе весна,
Презирай мою любовь!
Посмотри, хотя в венцах,
Сколь красивы, с белыми
Ландышами смешанны,
Розы нам являются.

О ВЕСНЕ

Смотри, как с весны возрастом
Обилуют благодати
Шипками; смотри, как мóря
Валы страшны тишиною
Умягчаются приятно;
Смотри, как гуси ныряют,
И как журавль прилетает,
И как ясно светит солнце;
Убегают облак тени;
Труды ж людей процветают;
Плодами земля гордится,
Олива цветы приносит;
Бакха лоза уже зрится,
Венцом листов своих тяжка:
По ветвям и по листам всем
Простираясь, цветет овощ.

О СЕБЕ

Когда я вина напьюся,
Сердце тогда, исцеленно
Мое песньми, начинает
Прославлять небесны музы.
Когда я вина напьюся,
Поручаю все печали
И беспокойные думы
Ветрам злым, море биющим.
Когда я вина напьюся,
Игреливый тогда Бахус
В многоцветный меня воздух,
Веселого пьянством, взносит.
Когда я вина напьюся,
Из цветов венцы завивши
И на голову вложивши,
Тишину пою я жизни.
Когда я вина напьюся,
Помазуя благовонным
Мирром тело и обнявши
Девицу, пою Венеру.
Когда я вина напьюся,
В широких, глубоких кубках
И ум мой распространивши,
В приятнейшей мне ватаге
Молодиков веселюся.
Когда я вина напьюся,
В том лишь выигрыш себе знаю:
Одно то возьму с собою,
Отходя из сего света;
Смерть бо мне обща со всеми.

К ТРЕКОЗЕ

Трекоза, тя ублажаем,
Что ты, на древах вершинке
Испив росы малы капли,
Как король, поешь до полна.
Твое бо все, что ни видишь
В окружных полях, и все, что
Года времена приносят.
Ты же, пахарей приятель,
Никому вредна бывая;
Ты же честен человекам
Весны предвещатель сладкой;
Любят тебя и все музы,
И сам Фебус тебя любит,
Что звонкий тебе дал голос;
И не вредит тебе старость.
Мудрая земли отродок,
Песнолюбка! беспечальна,
Легкоплотна и самим чуть
Богам во всем не подобна.

О СКУПОЙ ЛЮБВИ

Не любити тяжело,
И любити тяжело,
А тяжелее всего —
Любя, любовь не достать.
В любви ничто старый род,
Ничто мудрость, добрый нрав —
Деньги одни лише чтят.
Сгинь тот, что первый из всех
Деньги в свете возлюбил!
За ними нет ни отца
Уж в людях, ни брата нет;
Для них убийства, войны;
Всего ж пуще гинем мы
За ними — любители.

О БЛЮДЦЕ, НА КОТОРОМ ВЫРЕЗАНА БЫЛА ВЕНУС

Кто таков вырезал море?
Кое вышнее искусство
Разлило валы на блюдце
Поверх моря? кто на море
Вырезал мягку Венеру,
Разум к богам возвышенный,
Природную богов матерь?
Нагу ее показал он;
Что лишь видеть неприлично,
То только валы скрывают.
Венера по ним несется,
Как легкая бела пена
В тихом море; свое тело
Вплавь пуская, пред собою
Гонит воды; частью тела,
Что выше шипковых титек,
Белыя ж шеи пониже,
Сечет теперь вал великий,
И так, как ландыш в виолках,
Блещет бела плоть сквозь воду.
Вокруг же Венеры едут
На игреливых дельфинах
Младого, но лестна вида
Любовь и Имер смеяся;
И горбатых рыб ватага
Пред очми Пафры играет,
Да та плавает смеяся.

О ШИПКЕ

С венценосною весною
Вместе пою летний шипок.
Ты, дружок, петь помоги мне!
Он бо свойственный богов дух,
Он увеселенье смертных,
Благодатям украшенье
Во время обильноцветных
Любовей и Афродиты
Приятнейшая забава.
Он попечение басней
И музам цветок любимый,
Сладок же, хотя и колет
Тому, кто из терний щиплет.
Сладко его, с стебля снявши,
Мягкими нагрев руками,
В пустом кулаке изведать,
Счастливы ль наши любови.
И мудрецу он приятен;
В пирах, на столах, и в праздник
Бахусов он же приличен.
Что же без шипка быть может?
Ибо заря шипкоперстна,
Шипколокотные нимфы,
И шипконожна Венера
Зовутся от стихотворцев,
Он пользует и болящим;
Он и мертвым помогает;
Он одолевает время,

Приятна бо шипка старость
Юношества дух имеет.
Но убо род его скажем:
Когда с веселого моря
Орошенную Кифиру
Пеною порождал Понтус
И войнолюбну Минерву
Выводил из чела Йовиш,
Зрелище, страшно Олимпу, —
Тогда и красивый шипок,
Цвет земля процвела новый,
Рождение многоцветно.
Собор же богов блаженных,
Да шипок совершен будет,
Нектаром помазав оный,
Произвел великолепный
И пахучий цвет из терний.

О ЛЮБИТЕЛЯХ

Кони убо на стегнах
Выжженный имеют знак,
И парфянских всяк мужей
По шапке может узнать.
Я же любящих тотчас,
Лишь увижу, познаю;
Того бо, что, бедные,
В сердце скрывают своем —
На лице видится знак.

Писем книга I

ПИСЬМО I
К МЕЦЕНАТУ

Меценате, петый мне первыми стихами
И которого еще в последних петь стану,
Довольно уж вызнанна меня, отставного,
В прежнее позорище вновь ты включить ищешь.
Не те же годы уж мне, и мысль уж не та же.
Веяний, к дверям ружье Геркуля привесив,
В селе тихое житье, отдален, проводит;
Чтоб вдругорь на площади краю у народа
Не был принужден просить милость и свободу.
В уши, уж очищенны, часто слышу голос
Звонко мне советовать: коню, что стареет,
Благовременно покой дай, буде ты зваться
Умным хочешь, дабы той напоследок зрящих
В смех падежом не привел и не впал в одышку.
Ныне убо, и стихи оставя и шутки,
Что честно и истинно прилежен собою
И чрез других я искать, весь в том упражняюсь.
Учреждаю и коплю сокровища, кои
Тотчас в пользу бы я мог употребить многу.
Предупреждая вопрос твой, под каким вождем,
В какой ватаге живу, скажу тебе словом:
Особно воле ничьей одной не божился
Следовать я, но, куды буря ни закинет,
Гостем бываю. Теперь, гибок и проворен,
Погружаюся в волнах гражданских, страж твердый
И друг добродетели истыя; потом же,
Под знамя Аристина подкравшися, силюсь
Вещи себе — не себя вещам подчиняти.

Как ночь долга тем, что ждут любовницу лживу,
И день долог кажется тем, кои работу
Дневну должны, как ленив мнится год питомцам,
Коих тяжка матерня опека стесняет, —
Так тихи мне времена текут неприятны,
Что укосняют мою надежду и волю
Благодушно совершить то, что равномерно
Убогим и богачам пользовать имеет
И вредно, если б презреть, молодым и старым.
Остается мне себя утешать и править
Сими начальнейшими мудрости законы;
Хоть не можешь сильный взор иметь ты, как Линций,
Затем больные глаза не оставляй мазать;
Ни, отчаяваяся непреодоленна
Гликона уды нажить, затем в свое тело
Леностию допущай скучную хирагру.
Можно до некой достичь точки, коль не дале.
Пылает ли лакомством и скупостью сердце —
Найдешь песни и слова, что облегчить могут
Болезнь и недуга часть немалу убавить.
Любовью ль похвал надуть — чистительны книги
Суть, кои трижды чтены, исцелить тя сильны.
Гневливый, завистливый, пьяница, ленивец,
Сластолюбец — словом, всяк, сколь бы ни свирепый
Друг злонравий, усмирен наконец быть может,
Если терпелив внушать советы похочет.
Добродетель есть бежать злой нрав и есть перва
Мудрость не иметь глупости. Видишь ты, какие
Нужны важные труды и ума и тела,
Чтоб избежать мал доход и отказ зазорный,
Который ты крайними злами почитаешь.
Не ленив, в крайню бежишь Индию для торгу,
Убегая нищеты сквозь море, огнь, камни.
Не пекись о том, чему глупо ты дивишься
И жадаешь. Слышать ты, учиться и верить
Не хочешь умнейшему? Кой борец, что села
И распутии одни подлы обтекает,
Презрит в великих играх венец Олимпийских,
Если б надежда ему, если б ему слово
Дано было без труда одержать победу!
Как золота серебро подлее, так злато
Подлей добродетели. Граждане, граждане!

Деньги вы прежде всего доставать трудитесь,
Добродетели — потом. Сие с краю Яна
До другого твердят все, и один другому
Пересказывает всяк молодой и старый,
Нося под левой мешок рукою и счеты.
К четыреста тысячам если не достанут
Шесть, семь, хоть бы храбр ты был, речист,
добронравен
И верен во всем, — в числе народа пробудешь.
А младенцы говорят, меж собой играя:
Буде право поступать станешь — царем будешь.
Сие нам медною будь в защиту стеною —
Иметь совесть чистую и в своих поступках
Не иметь с чего б бледнеть. Скажи, буде смеешь,
Росциев лучше ль закон, иль песня младенцев,
Право поступающим что подносит царство,
Песня, храбрым Куриям люба и Камиллам?
Кто лучший дает совет: тот ли, что богатство
Велит копить правдою иль, буде не можно
Правдою, каким-нибудь способом возможным,
Чтоб сблизи слушать стихи Пуппия плачевны;
Иль тот, что советует, всегда неотступен,
И желает, гордого чтоб ты, и свободен
И смел, счастья презирал так ярость, как ласку?
Если б когда у меня спросил народ римский,
Для чего, в одном живя городе, не то же
С ним у меня мнение, и то, что он любит, —
Не ищу, и не бегу — что он ненавидит;
Осторожной я в ответ лисицы представлю
Слова, что больному льву некогда сказала:
«Для того — что страшны мне следы в твою нору:
Все в нее, ни один вон из нее не вижу».
Зверь ты многоглавный. Что искать я имею?
В ком надежду положу? к кому я пристану?
Одни ищут откупать подати и таможни,
Другие ловят вдовиц яблоком и коркой,
И стариков, коих бы в пруд свой сажать, удят;
Многим лихвою растет тайною богатство.
Еще сносно, если бы разным прилежали
Вещам люди разные; да человек тот же
Не может чрез час один пробыть в той же мысли.
Нет места, если богач скажет, во всем свете

Краснейшего Баиев приятных, — уж море,
Уж озеро чувствует в здании горячность
Скорого хозяина. Тому ж буде воля
Беспорядочна завет й отложный предпишет —
Завтра вы, работники, завтра пренесете
В Теанум сбрую свою. Жену ли имеет —
Над всем он безбрачное житье выхваляет.
Каким я пременчива удержу Протея
Узлом? Что же делает, скажешь мне, убогий?
Смейся. Пременяет он подклети, постели,
Бани, балбера; равно наемная лодка
Гадит и скучит ему, как богачу судно
Собственное, золотом блистательно всюду.
Если грубого на мне балбера рукою
Волосы острижены не равно усмотришь,
Если уж изношенну под новым кафтаном
Рубашку иль епанчу, так оплошно вздету,
Что один высок подол, а другой тащится, —
Смеешься. Что же когда во мне моя воля
Себе противна самой? теперь презирая,
Что мало пред сим желал, и ища усердно,
Что недавно презирал? в движении вечном
Нестройной жизни моей сам себе несходен?
Строю, ломаю, на круг четвероугольник
Меняю, и потом круг на четвероугольник?
С обществом шалеть меня мня — ты не смеешься,
Ни чаешь нужно меня врачу отдать в руки
Или дядьке под начал, хотя ты защита
Моя и криво один не стерпишь обрезан
Ноготь у приятеля, который зависит
От тебя и глаз своих с тебя не спускает.
Заключу словом одним. Мудролюбец бога
Знает только над собой: он богат, свободен,
Честен, пригож, царь царей, и здоров, конечно,
Буде мокротный насморк ему не скучает.

Писем книга 1

ПИСЬМО VI
К НУМИЦИЮ

Один, Нумице, почти способ нас блаженны
И сделать и сохранить — всему не дивиться.
Суть, кои солнце, звезды и времена смотрят,
В известны сходящие часы, безмятежны:
Что убо о земли мнишь дарах, что о моря,
Богатяща индиян и аравлян крайних?
Как чувствовать, каким мы смотреть должны глазом
Зрелища, ладоней бой и дары народа
Благосклонного? Кто тем противных боится,
Равно дивится и он, как тот, что желает;
Оба равно трепетны, равно устращает
Обоих нечаянный случай, наступивши.
Что в том, веселится ли кто или печален,
Желает, боится ли, когда, что ни видев
Чаяния своего лучше или злее,
Втупя глаза и душой и телом недвижен?
Праведный неправедна, умный глупца имя
Наживет, если искать добродетель саму
Станет больше нужного, больше, чем пристойно.
Дивись богатству теперь, марморам и меди
Древним, и художества отменному делу;
Дивись бисеру, дивись тирейскому цвету;
Радуйся, что с глаз тебя целый не спускает
Народ, когда говоришь; беги с утра рано
На площадь и оттоль в дом поздно возвращайся,

Чтоб Муций с приданного поля больше хлеба
Не пожал. Подлейша он сущи тебя рода,
Гнусно, чтоб не он тебя — ты ему дивился.
Все, что кроется в земле, наверх взнесет время
И, что над ней высится, вкроет и вкопает.
Когда уж Агрипповым вратам и дороге
Аппиевой ты знаком довольно, всю славу
Твою высмотрит народ, принужден, однако ж,
Будешь сойти, куды сшел и Нума и Анкус.
Буде в почках иль в боку чувствуешь боль острый,
Отдалить ищи недуг; хочешь ли блаженным
Прожить — кто б то не хотел! — если добродетель
Одна лишь то может дать, сласти и забавы,
Благодушен, отложив, ея тщись держаться.
Мнишь ли добродетель быть пустое лишь имя,
Как древо священный лес — опасно стрегися,
Чтоб кто ранее тебя пристани не занял,
Чтоб ты торг не потерял Цибиры й Вифины,
Тысячу скопи талант, потом и другую,
И третью прибавь еще, и четверту к куче.
Царица бо деньга! род и жену с приданым,
И верность, и красоту, и друзей дарует;
Украшает денежных Пифо и Венера.
Каппадокийский король, рабами обильный,
В деньгах недостаточен, — не будь ему сходен.
Говорят, что некогда Лукулл, прошен бывши
Ссудить к зрелищной игре сто багряниц «Как то
Мне иметь, — сказал, — число так велико можно?
Однак, спрошусь у себя и все, что имею,
Пришлю». Отписал потом, что дома пять тысяч
Багряниц нашел и что все ль иль часть взять могут.
Убог тот дом, в коем нет много вещей лишних,
Невестных хозяину и ворам полезных.
Потому, если одно имение может
И сделать и сохранить блаженным, — трудися
Над всеми о том одном и не спускай с мысли.
Буде прибор или власть блаженство дать сильно —
Купим раба, кой бы нам имена гражданов
Сказывал и, тыча в бок левой, понуждал нас
Руку к безопасному подавать им ходу,
Кой на ухо б шептал: сей в Фабиевом силен
Колене, в Велинском — сей; всякому сей может

Докучник вручить пучки консульски и кресла
Похитить слоновые. Зови отцом, братом;
По возрасту всякого присвояй, лаская.
Будет тот, кто ужину и обед ест вкусный,
Блажен; пойдем с светом вдруг, куды нас обжирство
Поведет, начнем ловить и рыбы и звери,
Как преж сего делывал Горгилий, который
Рано с утра сквозь площадь, набиту народом,
Провожал рабов своих, тенета и жерди,
Чтоб народу показать, назад возвращаясь,
Купленную, на осле, одну дику свинью.
Надуты несваренным еще в брюхе еством,
Пойдем в баню, забыв, что прилично, что гнусно,
Достойны в Церетские вписаны быть книги,
Злонравны сопутники мудрого Улисса,
Что отечеству предчли возбраненны сласти.
Буде, как Мимнермус мнит, ничего приятно
Без любви и без игры — в них ты живи, здравствуй;
Если что лучшее сих правил знаешь — ласков,
Мне сообщи; если нет — пользуемся теми.

Писем книга I

ПИСЬМО XX
К СВОЕЙ КНИГЕ

К Вертумну, книга моя, кажешься и к Яну
Смотреть, хочется тебе, сиречь, показаться
Чиста и украшена у Сосиев в лавке,
Ненавидишь ты замок и печати, кои
Смирным приятны детям. Скучаешь немногим
Быть показана, и над всем площадь почитаешь.
Не к таким воспитана от меня ты нравам;
Ин пойди, беги, куды тянет тебя воля, —
Выпущенной, уж тебе возврату не будет.
«Что я, бедна, сделала? что,— скажешь,— желала?»,
Когда кто подосадит тебе; а ты знаешь,
Как я сам, любовник твой, когда мне наскучишь,
Тебя, сжимая, верчу. Если меня ярость,
Котору вина твоя вспалила, не нудит
Слепо прорекать твой рок: любима ты Риму
Будешь, пока новости твоей не падет цвет,
Когда ж, измята в руках черни, впадать станешь
В презрение, или моль, праздна, молчалива,
Кормить станешь, иль, сальна, сошлешься в Илерду,
Иль в Утику побежишь, — тогда твой презренный
Советник станет тебе со всех сил смеяться,
Как тот, что упрямого, прогневався, в пропасть
Сам спихнул осла своего; кто бо против воли
Собственной кого спасти трудиться похочет?
И то станется тебе, что, когда уж старость
Достигнет заиклива, детей учить станешь

Первым основаниям учения в дальных
Улицах. Когда же зной солнца приумножит
Слушателей, скажи им, что был свобожденник
И скуден родитель мой; я большие крылья,
Чем гнездо было мое, протянул, и тем ты
Добродетели придашь, что роду отымешь;
Скажи, что я нравен был римским так в военных,
Как и в гражданских делах начальнейшим мужем,
Мал телом измолоду, сед, снося зной солнца
Без трудности, к гневу скор, но скор же смириться;
Если кто по случаю спросит мои лета,
Скажи, что исполнилось сорок и четыре
Декабрей в самой тот год, когда консул Петрий
Товарищем себе быть Лепида доставил.

Писем книга II

ПИСЬМО I
К АВГУСТУ

Когда столь важны дела и столь многи правишь
Ты один, ружьем щитишь царство, исправляешь
Законами, и красу в нем нравами множишь,
Пользе общества бы я, Кесарю, нанес вред,
Если б утратил твое время долгим словом.
Ромул и вольный отец, и с Кастором Полукс,
По чудных действах в богов приятые храмех,
Пока с людьми на земле живучи, жестоки
Войны вершили, поля населяли, грады
Сзидали — достойное получить заслугам
Благодарство не могли. Той, что злую идру
Сокрушил и страшные одолел уроды
Предуставленным с небес трудом знаменитым,
Узнал, что лишь смертию зависть смирить можно.
Кто искусство под собой прочих подавляет,
Блистанием тот своим раздражает, он же
Мертвый будет уж любим. Тебе мы живому
Почесть благовременну воздаем, сзидая
Олтари, на них твоим именем клянемся,
Признавая, что тебе ни минувши веки
Видели, ни будущи увидят подобна.
Но сей народ твой, в одном умный, правосудный,
Предпочитая тебя греческим и нашим
Вождям, о прочем судит образом не тем же.
И то лишь хвалит одно, то лишь одно любит,

Что далеко отстоит, что давно минулось;
Столь сильный друг древности, что готов божиться,
Что на Албанской горе музы сами склали
Десятьми сочиненны мужами законы,
И договоры царей с народом габийским
Иль с суровы сабины, и первосвященник
Книги, и старинные гадателей свертки —
Буде для того, что сколь старее, столь лучше
Греков сочинении и римлянов книги.
На тех же весить весках хотим — уж не нужно
И нечего говорить, — прямо сказать можем,
Что мягки в сливе ядро, скорлупа в орехе,
Что мы наверх уж дошли счастья и искусней
Боремся, пишем, поем мазанных ахивов.
Буде стихи, как вино, лучше становятся
Со временем, знать бы я хотел, в сколько точно
Лет стихи могут достичь вышню свою цену.
Списатель, что за сто лет назад уж скончался,
К древним и совершенным иль к новым и подлым
Писцам должен быть причтен? Уставим известный
Предел, чтоб весь спор пресечь. Добр есть тот и древен,
Кому уж исполнилось сто лет совершенно.
Что ж, кому недостает один год иль месяц,
К коим причислить его — к древним стихотворцам,
Иль к тем, коих и наш век и потомство презрит?
Изрядно меж древними того почесть можно,
Кому нестает один год иль один месяц.
Позволенным пользуюсь, и, как с хвоста конска
Выдирая волосы помалу, помалу,
Один за одним я год из ста убавляю,
Пока обманут падет, подобно громаде,
Что осыпается в круг, тот, кто к летописцам
Прилеплен и по годам ценит добродетель,
И дивится лишь тому, что уж Ливитина
Богиня освятила. Энний мудрый, храбрый
И второй Омир, словам судей буде верим,
Мало кажется тужить, чем сны Пифагорски
И обещанья свои вершиться имеют.
Невия в руки никто не берет, но знают
Все наизусть, как бы он новый был, столь святы
Все древние стихи, Сколь часто спор идет,

Кто лучший из двух творец: Пакувий иль Акций?
Мудрости — той, высоты — сей славы одержит.
Соравняется почти Афраний Менандру;
Плавтус сицилийского следы Эпихарма
Сблизи топчет и спешит к цели своей прямо;
Цецилий в движении страстей превосходит,
Нравов в описании искусством — Теренций.
Сих твердит, сих в зрелищах, всегда люду тесных,
Смотрит державный Рим, сих имеет и числит
Творцов с веку Ливия до самых дней наших.
Народ право иногда судит; иногда же
Грешит. Если древних так хвалит стихотворцев,
Если так дивится им, что ничто над ними,
Ничто равно чает им — судит он неправо;
Если некои места в них, мерой и старым
Слогом изображенны, многие суровым,
И многи подлым весьма признает — рассудным
Себя являет, со мной и с правдою судит.
Не настою, ни сужу, что гнушаться должно
Ливия стихов, кои, помню, мне, младенцу,
Твердил к ладоням моим нещадный Орбилий;
Но дивлюсь, что оные кажутся исправны
И красивы, и совсем везде совершенны.
Если складна одна речь, если в них проглянет
Нарочитый стих другой — неправо всю книгу
Затем станем выхвалять и ценить высоко.
Того я снесть не могу, что хулят, пятнают
Книгу не затем, что та груба, некрасива,
Но для того, что она писана недавно,
Ни древним прощение требует, но славу
И награду. Если б я хотел сумневаться,
Прямо ль басни Аттовы идут по шафрану
И по цветам, почти весь синклит сановитый
Вскричит, что я потерял весь стыд, охуляя
То, что поважный Есоп и Росций премудрый
Представили в зрелищах действием искусным;
Иль для того, что одно изрядно лишь мнится
Ему то, что возлюбил, иль затем, что стыдно
Кажется согласовать мнению молодших
И признавать, что забыть в старости то должен,
Что в молодости своей с трудом перенял он.
Кто ж Нумы творенье салийское хвалит,

И тем тщится показать, что он один смыслит
То, что, равно как и я, подлинно не знает;
Не мертвым он угождать и славу дать ищет,
Но нас, живых, укорять, нас и труды наши
Ненавидит с завистью. Если б столько грекам
Была ненавидима новость, сколь меж нами,
Что теперь бы древнего мы уже имели?
Что к общей пользе могли б всяк читать особно?
Как скоро, кончав войны, Греция в забавах
Упражняться начала и, счастьем обильным,
Впадать в сластолюбие, горячую склонность
Показала то к коням, то к единоборцам,
Резьбу, мрамор и костей слоновых взлюбила,
Втупила на живопись и ум свой и очи,
Услаждалась зрелищем, и звуком свирелей,
И, как маловозрастно дитя, что играет
При грудях кормилицы, что жадно желала
Достав, и насытився того, — возгнушалось.
Нет того, что мы любить или ненавидеть
Вечно можем. Долгий мир и долгое счастье
Непостоянство рождать такое обыкли.
В Риме долго обычай бывал и забава
Иметь с утра самого отворенный дом свой,
И законы изъяснять тем, которы помочь
Законов и знание нужно себе мнили,
Надежным лишь людям в долг давать свои деньги,
Слышать стариков совет, наставлять молодших,
Как растить имение, как умалять страсти.
Непостоянный народ отменил ту склонность,
К одному уж прилежит только стихотворству,
Дети и суровые отцы, уж листами
Венчанны, на ужине стихи сочиняют.
Я сам, что век не писать стихов обещался,
Лживей парфян становлюсь, и пред всходом солнца
Прошу бумагу, перо и ящик чернильный.
Кто неискусен в морском деле, не берется
Корабль править. Не дает больному лекарство
Разве тот, кто знает дать; врачи обещают
То, что зависит от их нужного искусства;
Кует железо кузнец; плотник бревно тешет;
Стих сплошь и ученые и невежды пищем.

Сколько, однако, добра в себе заключает
Порок сей и легкое безумство, — послушай.
Стихотворец редко скуп и богатства жаден;
Стихи любит; об одних стихах он печется;
Урон всякий, побег слуг, пожар опечалить
Не могут; ни другу он, ни питомцу козни
Век не строит; зелием кормится и черным
Хлебом. Хотя он ленив к войне и негоден,
Полезен отечеству, буде ты признаешь,
Что великим малые вещи пособляют.
Уста шепетливые, нежные младенца
Складно речь изображать стихотворец учит;
В самом мягком возрасте от скверных отводит
Речей ухо, и потом сердце исправляет
Сладким наставлением, изгоняя зависть,
Суровость, гордость и гнев. Поет дела славны,
Собит наступающим временам примеры,
И убогим и больным подает отраду;
Чистых юнош и девиц, мужа неискусных,
Лики кто бы научил священным молитвам,
Если б не произвели музы стихотворцев?
Просят чрез них лики те помочь, чрез них чувствят
Бога присутствующа исполнять их просьбу,
С небес умоляют дождь мудрою, умильны,
Мольбою, опасные отгоняют бедства,
Отвращают недуги, мир нам доставляют;
Чрез них венчают плодов изобильством лето;
Стихами вышни боги, стихами подземны
Умилостивляются и гнев свой смиряют.
Земледельцы древние, сильны телом люди
И малым счастливые, собрав свою жатву
И в те праздничны дни дать отдых ища телу
И уму, кой в надежде конца труды сносит,
С сотрудившимись, с детьми, с верною женою
Земле — свинью, молоко — Пану приносили,
Вино и цветы — духу, кой помнит сколь жизнь кратка.
В таких изобретенна забавах отважность
Фесценински на стихах деревенски брани
Произвела, коими взаимно друг другу
Против ответствовали тые поселяне.
Вольность та долго, на всяк год возобновляясь,

Приятно шутила в них, пока уж игра та,
Свирепей став, в явную ярость обратився,
Честным домам досаждать стала безвоздержно.
Жалобу принесли те, которых кровавый
Зуб той узрыз, и прочи, коих не коснулся,
Участие приняли в общем уж опастве,
Так, что уставлен закон и казнь на тех, кои
Стихи станут сочинять кому в укоризну.
Склонность творцов тогда страх отменил уж казни,
Хвалить и забавить те принуждены стали.
Греция, плененная, гордого пленила
Победителя свого и ввела науки
В дикую Италию; тогда спадать стали
Суровы сатурнские стихи и прогнала
Искусная чистота грубость и яд древний.
Долго, однако, потом стояли и ныне
Еще не изгладились следы поселянства,
Ибо поздно римляне греческие книги
Честь стали и по войнах пунических только,
В покое видя себя, искать прилежали,
Что полезного в себе Софокл, Есхил, Феспис
Содержат; тогда ж они на свой попытались
Язык сочинения перевесть творцов тех,
И нравился им свой труд, ибо народ римский
С природы умом высок, острый и довольно
Плачевну изображать суровость угоден,
И смеет удачливо, но скрести стыдится
И боится, пишучи, поправлять и херить.
Мнится, в сочинении комедии мало
Быть трудности, для того что в ней слово идет
Часто о подлых делах и обыкновенных;
Но столь больш она трудна, сколь меньше надежды
Прощение получить, когда неисправна.
Смотри, Плавтус каково нрав изобразует
Юного любителя, отца домостройна
И хитрого сводника; смотри, сколь Доссенус
Жадными искательми обедов докучен,
Сколь он, оплошно обут, по полку тащится;
Видно, что деньги копить он лишь суетится,
Беспечален — прямо ли, криво ль повесть идет.
Кого на позорище ветреная славы

Колесница вознесла — от лица зависит
Зрителей его покой: буде те зевают —
Унывает; дуется — когда те прилежны;
Столь мала, сколь легка вещь сильна и довольна
Уничижить иль вознесть славолюбно сердце.
Я охотно отстаю от всякой потехи,
Если с отказу венца сохнуть я имею,
Иль разжиреть, когда той будет мне дозволен.
Часто еще смелого стихотворца гонит
И страшит то, что числом большие, хоть честью
Подлее и нравами грубые невежи,
И всегда готовые с всадниками в драку
Вступить, буде спорят им, в средине игрища
Медведя или борца требуют продерзко,
Ибо услаждается чернь вещми такими;
Да и сами всадники уже ждут утеху
Не от ух, но от очей, которы не сильны
Дать разве минучее и тщетно веселье.
Четыре иль более часов занавеска
Опущена и стоят действители немы,
Пока бегут конницы полки и пехоты.
Тащат царей за плечми с связанными руки,
Едут возы разные, и корабли плавлют,
Несут плененный Коринф из слоновой кости, —
Если б Демокрит еще в живых был, смеялся б,
Видя, что целый народ глаза свои втупил
На зверя, составленна с рыси и верблюда,
Иль на белого слона. Гораздо прилежней
На народ бы он смотрел, чем на игру саму,
Больше в нем, чем в зрелищи, находя забаву.
Повести ж писателя возмнил бы глухому —
Рассказывать баснь ослу, и правда, кой силен
Голос грохот зрелищей преодолеть наших?
Гарганск лес реветь возмнишь, иль море тосканско —
С таким шумом смотрятся игры, и искусства,
И богатство, с чуждого принесенно края.
Оным преискрашенный действитель, как скоро
Предстанет на зрелище, народ тотчас руки
Сложит, удивляяся. Промолвил ли слово? —
Нет еще! Чему ж народ столь сильно дивится? —
Шерсти, тарентинскою выкрашенной краской,

Котора фиалкову цвету подражает!
Но дабы не чаял ты, что я осуждаю
С зависти ремесло то, в коем успевают
Другие и кое я отправлять не склонен,
Ведай, что мне кажется, что и по веревке
Ходить стихотворец тот может, кой напрасно
Силен в сердце возбудить моем беспокойство,
Раздражить, и усмирить, и ложными в мал час
Страхами меня, как волхв искусный, наполнить,
И то в Афинах меня, то в Фивах поставить.
Но если Аполлина достойный дар хочешь
Дополнить ты книгами и дать стихотворцам
Нову силу восходить на верх Еликона
Вечно зеленеюща, Кесарю, потщися
Благосклонно облегчить нужду и тех, кои
Читателю вверить свой труд предпочитают,
Чем гордого зрителя претерпевать нежность.
Правда (чтоб и о себе не минуть мне слово),
Часто много мы себе, сами стихотворцы,
Зла приключаем, когда тебе, утружденну
Иль упражненну в делах важных, мы приносим
Книги свои; когда мы в досаду приймаем,
Если кто из друзей смел осудить один стих,
Когда уж прочтенные стихи повторяем
Непрошенны, когда мы жалуемся горько,
Что наш в сочинениях наших труд не виден
И не примечается скрыто в них искусство,
Когда льстим себе, что ты, как скоро услышишь,
Что знаем стихи писать, тотчас ты собою
Должен нас в милость принять свою благосклонно,
И нужду нашу прогнать, и писать заставить.
Нужно, однако ж, тебе совершенно вызнать
Певца добродетели, искушенной в мире
И в войне, чтоб не предать ее стихотворцу
В руки недостойному. Александр великий,
Взлюбив Херила, ему за стихи нестройны
И грубые царский дар дал — много филиппов.
Но как чернило пятнит чего ни коснется,
Так худой творец дела худыми стихами
Помрачает славные. Тот же Александр царь,
Кой столь дорого купил так смешную книгу,
Указ выдав, запретил, чтоб, кроме Апелла,

Никто писать, ни кроме Лисиппа из меди
Лицо сильного дерзал вылить Александра.
Если бы того царя разум, столько острый
В художеств различии, хотел ты заставить
О книгах и о дарах судить девяти сестр,
Клялся б ты, что в грубых он родился Беотах.
Тебя же не остудят суд твой и обильны
Дары, коими себе в славу наградил ты
Любезных тебе творцов Варья и Марона,
Да и подлинно, не столь медные кумиры
Изображают лица черты совершенно,
Сколько в сочинениях своих стихотворцы
Знаменитых людей уж и нрав изъявляют;
Ниже бы я предпочел подлые сатиры
Сочинять, чем важные описывать действа,
И земли пространные, и реки, и царства,
Варвар покоренные, и сильные тверæи,
Горам наложенные, и войны, тобою
Совершенны счастливо от восток до запад,
И заключенны врата миростража Яна,
И римску в твоих руках власть, парфянам страшну, —
Если б воли равная во мне была сила.
Но ни подлые стихи твоему приличны
Величию, ниже я дерзаю приняться
За дело, кое мои силы превосходит;
Знаю же, что глупая прислужливость скучит
Тем самим, коих ласкать чаем, наипаче
Когда стихами свою ревность являть ищем.
Доле помним и скорей то перенимаем,
Чему смеемся, чем то, что мы чтим и хвалим.
Я и себе не хочу докучной прислуги:
Ни в воску видеть себя вылита дурнее,
Ни выхваленным в стихах глупых быть желаю,
Чтоб не краснеть мне с такой почести обильной;
И с писцом моим в один ящик непокрытый
Уклав меня, не снесли в ряд, где продаются
Ладан, перец, и духи, и прочие вещи,
Кои ввертываются в негодну бумагу.

РЕЧЬ КОРОЛЮ

Воин млады и храбры, мудрость в ти высока
Дает плод скорый, не так, как старость глубока;
Без помощников, един, богам подражаешь,
Правишь все сам собою, повсюду взираешь.
Царю великий! если здесь мое желанье
С почтением нудит мя имети молчанье, —
Не для того что б сердце к тому воспрещало,
Дать достойную жертву, ей, тебе пристало!
Но хвалить мало знаю, и муза боится,
Бежит: тяжкое бремя несносно ей мнится.
Лучи высокой славы тую осияли,
Коснуться ти не смеет: лавры б не увяли.
Ослеплен любовию быти не желаю,
Но по слабому смыслу бег свой размеряю;
Искуснее в почтении, неж други бывают,
Неприлично хвалами места исполняют,
Идуще в поле славы, куда мзда их нудит.
Твое имя без силы поэт не рассудит.
Дерзновенно всякий день уж тебе скучает,
Когда собственны дела твои вычитает.
Один высоким слогом стихи полевые,
Убрав, в нову одежду, чает быть иные;
Тамо свои таланты вмещает всечасна,
Как же хвала воина с невеждой согласна?
Другой всуе прилежно конец стиха гладит
Сто раз с трусом и пилой — того не наладит;
О чем разум великий и выдумка нова,
Если тя зовет солнцем, скончавая слова.

Труды пренебреженны напрасно те рвутся,
Только лишь на свет выйдут — девять сестр смеются.
Никогда Каллиопа им не отвечает,
Пегас для них ленивый с крылы не летает;
Однако же, видя всяк гордость несказанну,
Мнил бы благость Парнаса чрез них ти посланну.
Чаются иметь конче уши Аполлона,
Определяя все так, как с самого трона;
Поверь, только то скажут, что под их державу
Фебус поручил оным хранить царску славу,
И твое имя с краю до другого краю
Бессмертно от их стихов, скоро скажут, чаю.
Но разве сие имя, его же свет сильный,
Коликим трудам грубым дает луч обильный?
Книгу их изданную стыдно читать миру,
В пыли гниющу, червям оставленну, сиру;
Под сению державы твоей прибегает,
Так, как древцо слабое в поле возрастает;
Без частливой подпоры, котора скрепила,
Падше бы все на землю, печально уныла.
Да не мнит кто, что перо в неправде дерзает
Хулить старание тех, кто ти угождает.
Известно мне, что между такими творцами
Аполлон добре знает, кто годен с хвалами;
И ведаю, какова в трудах живет сила,
Между Пелетие быть считают Корнила!
Но не могу стерпети, кто свыше науки,
Рифмы две прибрав, чает поймать стихи в руки,
Тебя хвалить силится, да потеет пуста:
Виргилием быть нужно, коли петь Августа.
Хвалю нравы монарха, что не мог взирати
Художника, дерзая что-либо писати
Неискусной рукою для жадной корысти,
Не оставлял портрет свой Аппелевой кисти.
Феба почти не знаю, плоды все суровы,
Между девяти сестр я еще житель новы;
Жду, чтоб муза дозрела, не так, как есть ныне,
Для тебя ону учу ко всякой причине.
Когда твоя десница, правяща народы
Стрелами, уставляет закон для свободы,

И, держа злых в неволи, казни даешь правы,
Тогда я пером смелым укоряю нравы.
Умерность и себе притом сохраняю,
Сердца моего тайность бумаге вручаю;
Нужно только один раз в стихах распалиться —
То, как весною пчела прилежно трудится,
Мед сладкий с разных цветов в улей к себе носит;
Нашего века глупость хулить желчна просит.
Пойду тамо повсюду, где охота клонит,
Хотя бег мой прямую дорогу уронит;
Мысль и перо свобожду, не стану держати,
Отважно по бумаге пущу их бежати.
Одно худо, что моя муза легко мыслит,
Все именем назовет, молчати не смыслит,
Стращает в сих временах разумы безмерно,
Белы, как снег, снаружи, а внутри суть черны.
Боятся, что хулитель, когда смелость примет,
Чаются — их работ тотчас маску сымет.
В нравах ищет порока, столько есть упрямы, —
Не вывел бы истину из глубокой ямы.
Все таковые люди, знав, что есть сатира,
Видят шутки; ступай в суд, больше нету мира!
Тяжко, сказывают, тем, кто умом пониже;
Смотри, как низвержено стало быть в Париже.
Хотя слух мало идет, что творец желает
Играть Тартюфа, на что и людей сбирает,
Бегут, как люта зверя, иль чинят препону:
Поэт тот хулит небо, смеется закону.
Всуе кроют слабость, взяв другой вид худаго,
Ибо добре знает всяк — что ложь, что есть право.
Коль разум гордится, ей! ничего не стоит,
И плащ добродетели только его кроет;
А сердце уже знает, оно всему мера,
Коль закон осмевает, боится Мольера.
Но почто в рассуждении себя отделяю?
Царю великий, порок тот, что льстить не знаю;
Невежду не назову жителем Парнаса, —
Прилично ли мне делать из карлы Атласа?
Всегда в неволи другим рабам подражати —
Не хощу богам ладан напрасно кидати;
Чаю, никто не видал, чтоб в трудах, прилежно
Пишучи твою хвалу, да скрыл мысли нежно.

Как живет ни велика царственная сила —
Если б сердце стихами здесь не говорила,
Никая б благ надежда не могла заставить;
Кто ж принудит рифмами имя твое славить?
Но когда тебя вижу все разумно строя,
О своем величестве рачить беспокоя,
Не так, как другие, быть мнят в трудах препону,
Праздно дни провождают носящи корону.
Те видят твою мудрость и ея уставы,
Сколь обильно подданным ты желаешь славы.
Гордость Тибра и Таги презирать ти воля
И с пространного моря делать чисто поля;
Воины твои славны, напрягущи жилы,
Орлу возвращают все потерянны силы;
Даешь людям законы, наводя фортуну;
Корабли твои грозят самому Нептуну;
Ветр презирая, злато и сребро находят,
С востока до запада повсюду те ходят.
Тогда, не справясь Феба, так ли мне писати,
Муза моя ревнует только хвалу дати;
Потом разум приходит, помощь обещает, —
Намерение видя, труды запрещает,
Изъясняя мне при том, что услуги милы,
Да их нужно оставить, коли нету силы.
Тотчас страшуся слышать и, дух весь смущенный,
Оставляю то бремя, которым прельщенный;
Далее уж не пишу и все скончеваю, —
Будто сплавец средь моря, гибель избегаю,
Лишь только брег стал видеть, где того не числит,
И, хотя вплавь далеко, однак, спастись мыслит.

САТИРА ПЕРВАЯ

Дамон, творец великий, парнасское чада,
Забавлял долго дворец и жителей града,
Одет только рубищем, чуть прикрыто тело,
Без платья ходил летом и зимою смело;
Видны кости сухие и лицо все бледно;
Хотя везде той славен, да платье столь бедно;
Устал сочинять рифмы, пожитки теряя,
Називнял во всех местах, чем платить не зная;
Нет ни денег, ни платья; что ж пришло начати?
Взяв одну свою бедность, умыслил бежати.
От приказов далеко в чистом поле бродит,
Ищет себе покоя — да нет, не находит.
Не ждет, чтоб судейская неприятна сила,
Поймавши, в тюрьму вечно его засадила;
Иль бы злы рассыльщики незапно напали,
Ругаяся бесчестно, лавры с него сняли.
День, в который побежал, слабы, чуть дыхает,
Так, как великопостник пост свой скончавает,
А сердце трепещет с гневу; распаливши очи,
«Прости, — сказал печально, — терпеть нету мочи;
Если здесь моя муза не знает свободы,
Достоинство и разум не в те зашли годы, —
Говорит стихотворец и всех проклинает, —
Видно, что добродетель здесь жить не желает;
Пойдем где-нибудь искать каменные горы,
Там ни солдат, ни писец не прийдут, как воры;
Престанем просить небо, что сердце желает,
От злого времени там сень нас прикрывает;

Когда еще свободен своими делами,
Тело не скорчилося старыми годами,
Крепко ступают ноги, не хотят упасти,
Дней моих еще Паркам осталось что прясти,
В бедном своем несчастьи мыслить мне свободно;
Пусть живет здесь Фабиус, коль ему угодно:
Целый миллион денег он умел накрасти
И с последних копеек знал в гра́фы попасти;
Не замай и Тулия, что хитрость снедает
Больше, неж война и мир беды налагает;
Он все свои доходы по азбуке справил,
Так велики, что целый Калепин составил.
Пусть царствуют в местах сих; знать, для них есть право;
Мне что делать в Париже, коли жить не здраво:
Обманывать, лукавить, ни манить не знаю.
Хотя б сделать то и мог, да нет, не вступаю;
Склонности есть противно, чтобы мне трусити,
При глупце гордом для мзды век свой проводити,
Или стихи посылать то в Лондон, то в Вену,
Продавать их за деньги, кто даст больше цену.
В такой низкой степени спесивится муза —
Высокомерна душа живет у француза;
Именем все назову, та во мне примета,
Кличу я кошку кошкой, а вором — Ролета.
Угождать любовнику смысл не успевает,
Не знаю в том силы, что метрессу склоняет;
И здесь беден с печали, нету за мной дела;
Живу в Париже, власно как душа без тела.
Но почто добродетель, скажут, одичала?
Знать, она в богадельну куда забежала,
Богатому спесцою можно быть бесспорно,
А бедному нужно жить низко и проворно.
Тем творец себе найдет, чтоб люди любили,
Коли звезды бессчастна его учинили;
Видим, что предел странный железного века
Тотчас возвысил князем проста человека, —
Так-то добродетелью фортуна играет,
Часто доброго низит, злого возвышает;
Богатая ливрея с разными цветами,
Везут его в карете шестью лошадями,
Если б не в царских правах глупые советы

Несколько раз нанесли бессчастны наветы,
То б, чаю, непрестанно между нами зрился,
А теперь на время он отсель удалился.
Причина сему ссылка, что нету в параде;
Конечно, скоро опять проявится в граде
И, вступя в перву славу, снову всех обидит;
Не престает от зла, хоть небо гневно видит.
Иной, весь в грязи, клянет долю свою горьку,
По поварням бегает, где бы сыскать корку;
Можно сказать, что учен и многие любят, —
Да что ж делать, коль в целом Париже не ссудят.
Правда, что царска милость иногда бывает:
Видя музу в бедности, горесть утоляет;
Смотрит прилежно, чтобы науки не пали,
Часто самого Феба берет из шпитали;
Есть надежда ожидать всем благой премены,
Да что будет в Августе, коли нет Мессены!
И оставлен так, как я, от всех забыт ныне,
Кому дать случай нужно к счастливой причине.
Голодных стихотворцев как проникнуть можно,
Столько их много бегут все неосторожно,
И первые хвастают, лишь бы им попало,
Отъемля все то, что дать другим надлежало;
Как ленивые шмели, коль нечем кормиться,
То крадут мед, где пчела прилежно трудится.
Сие награждение престанем желати,
И, как достать не можно, коли не скучати.
Марк Антоен герардии взял разум от неба,
Да век свой изжил почти без платья, без хлеба;
Все тут богатство — войлок, зипун да шкатула;
Лучше сказать герардии не имел ни пула.
Устал в такой бедности всю жизнь провождати,
Заложил последнее, чем счастие искати,
Взял стихи для печати, в которы влюбился,
Надеждою ведомый, в дворце очутился.
Что же там приключилось его музе бедной?
Возвратился осмеян и покрыл стыд вредный;
Да пришла к нему фебра, где то жар, то холод,
Пригнали прежде к смерти, неж бы сделал голод.
Есть, что и стихотворцы часто были в моде,
Но дураками зовут их в нынешнем годе;
Хотя б был лучший разум и творец рассудны,

Пред Ангелием шутом вход ему есть трудный.
Разве, жизнь мне оставя, играть нову ролю,
Скучая Аполлоном, приходить к Бартолю?
Пербирая там листы, взять книги тяжелы,
Да с долгою епанчой в судах мести полы.
Когда только вздумаю, несносно то мнится;
К чему пристало там мне в делах очутиться,
Где обидимый всяк день чает обороны,
Пока еще сбирают Дедала законы.
Лукавые ябеды чудное есть дело:
И что видят все черно — у них станет бело.
Там худой стряпчий с криком пред славным гордится,
У него Цицероном можно научиться.
Если во мне мысль нову уставить премену,
То в Петровки увидят льдом покрыту Сену,
Папа, Рим град оставя, кальвинистом будет,
А езуит разумный лукавить забудет.
Лучше покинуть град сей — почто жити втуне! —
Где вся честь уступает прелестной фортуне;
Здесь только злость едина приняла державу,
Митра на главу и жезл взяла в руку праву;
А наука печальна, нету места жити,
Сбита отвсюду, негде главу приклонити.
Будет честен и славен, не может пропасти
Тот, кто знает искусно, как много накрасти;
Каков бы ни терпелив был человек в нравах,
Удержаться не может, зря людей лукавых;
Сколько ему ни молчать, да пришло сказати,
Что злы, либо против их стихами писати.
Коли в таком случае что сказать на ссору,
Нет нужды тому войтить на парнасску гору
Иль бы искать возгласы приятного звона, —
Ярость только едина стоит Аполлона.
«Ты уже вправду, — скажут, — на всех рассердился,
Не злословь, но, молю тя, чтоб гнев утолился;
Иль войди на катедру, поучая сильно,
Где бы слышатели твои заснули умильно.
Там худо или добро расскажешь, что видел», —
Говорит такой, кого сатирой обидел.
Кто же в сей погрешности свободен бывает,

Если всех учителей грубость осмевает,
Видячи, что человек дрожит и слабеет,
Мнит, будто он надежду на бога имеет;
Коль гремит — руки к небу, в церковь спешно йдет;
Стих воздух — смеется, что людей слабых видит,
И не верит бога всем всесильно владети:
Не можно всего мира причины имети;
Или есть жизнь будуща и по нашей смерти,
Ей, совестно, не скажет — хоть пилой растерти.
Я, когда здрав и в силе, дивлюсь, что жить вечно
И душа есть бессмертна бог гремит, конечно;
Удалиться от сего лучше будет, чаю;
Скажу Парижу: «Прости, тебя оставляю».

САТИРА ВТОРАЯ
К МОЛЬЕРУ

Дивны разум повсюду плод распростирает
И в самых делах трудных тягости не знает;
Ему же Аполлона тайны все открыты,
Он ведает, в какую форму стихи литы.
В прении разумном сильно всюду себя славишь,
Научи меня, Мольер, как ты рифмы ставишь;
Кажутся, тебя ищут, а не ты в них рвешься,
И никогда при конце стиха не споткнешься;
Без дальних слов, которы часто отвращают,
Лишь только б ты что сказал, сами ся вмещают.
А мне не так бывает: нека странна сила
За грех мой стихотворцем меня учинила;
Художество столь трудно все я имею,
Ни в чем не успеваю, напрасно потею;
Где с утра до вечера прилежу безмерно,
Коль хочу сказать бело — напишется черно.
Любителя описать, чтивость его злата —
Перо в рифму находит мне Пура аббата;
Или мышлю изъяснить творца без пороку,
Мысль говорит: Виргилий — Кинот идет в строку.
Наконец, что б ни делал, тому то мне дивно,
Как намерению все бывает противно;
И когда от ярости, что чинить, не знаю,
Печален, смущен, устал, мыслить оставляю,
Заклиная демона, что подал причину,
Обещаясь: навсегда, ей, писать покину.

Но когда всех добре клял, то музу, то Феба,
Вижу их пред собою, когда меньше треба;
Поневоле во мне огнь тогда распалится,
Взяв перо и бумагу, опять стал трудиться;
Суетные все клятвы скоро забываю,
Стих за стихом как придут, только ожидаю.
Если б чинить рифмы мя не допущало,
В трудах терпела б муза, что холодно стало,
И я бы сделал, как другой: нейдя в краи чужды,
Нашел бы чем сшить стихи безо всякой нужды.
Коли хвалю Филису, к дивности удобну,
Тотчас поставлю: в свете не найдешь подобну;
Или бы некую вещь славил добру сущу,
Напишу: паче солнца красоту имущу.
Одним словом, все звезды и свет несказанны,
Созданные от неба, в красоте избранны;
Подобными словами, невзначай прибравши,
Свободно мне составить, искусства не знавши,
Где то глагол, то имя сто раз пременяти,
Всего Мальерба в стихах могу я соткати.
Но разум выбирает все слова опасно,
Ни единого из них не скажет напрасно;
Невозможно стерпети, где падает сила,
Что б ни есть в конце стиха пустоту прикрыла.
Труды свои двадцать раз я вновь зачинаю,
Как три строчки напишу, то две замараю.
Будь проклят, кто выдумал первый не учити,
Как в стихе кратком мысль всю свою заключити,
Пространны слова в тюрьму тесну запирая,
Рассуждение с рифмой вместе сплетая.
Без сего б труда мысли покойно лежали,
Без зависти дни мои свободно б бежали;
Пил бы, ел и смеялся, отовсюду волен,
Как в монастыре жирный старец, вседоволен.
Проводил бы все время, веселяся разно,
И всю ночь крепко бы спал, а в день ходил праздно.
Беспечальное сердце, от страстей свободно
Размерно б желало все, что ему угодно.
Величество бегая, льстящее нас втуне,
В Лувер бы я не пошел кланяться фортуне.
Будучи так счастливый, конча б, ся спокоил,
Если б мя стихотворцем предел не устроил.

От часа того, когда мысль к трудам понудит,
Пира б густым смущенна, глава не рассудит;
И завидливый демон жизни, столь прохладной,
Возбуждает мя писать, чтобы слог был складной.
Поневоле каждый день, как гвоздем прибиты,
Черню листы иль слова, высправне забыты;
Всю жизнь так мне провождать печально, обидно,
Трудясь, Пелетиеву счастию завидно.
Счастлив есть и Скудери, его же всяк славит
За то, что каждый месяц волюмен составит.
Правда, все его стихи слабы и унылы,
Можно видеть — сочинял, не знаючи силы;
Однако ж, не бессчастны, можно то сказати,
Найдет купца продавать и глупца читати.
Когда рифмы при конце стиха положенны,
Не смотрят, достальные так ли совершенны.
Тысячью раз бессчастны, кто знати желает,
Как их правильно писать разум утруждает.
Невежда той всем своим доволен бывает,
Складно ль что придет — того он не разбирает;
Только б было все любить, ему добре мнится,
Смотря свою работу, прилежно дивится.
Когда ж разум высокий потеет без лени
И с трудом к совершенной приходит степени,
Мало веселится сам своими стихами
И, хотя всем угодить мнит, щетит похвалами;
Такой-то, во всех местах славен и почтенный,
Однако ж не хочет быти письмом отягченный.
А ты, муза, видишь все, почто ж в бездну плыти?
Молю тя, научи мя, как рифмы забыти,
Коли прилежность твоя не может исправить.
Мольер, укажи хоть ты, как стихи оставить.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Кая нова причина тебя так смущает,
Нечаянная печаль откуды бывает?
Почто бледное лицо, как винны в приказе,
Когда пред судьею смерть сулена в указе?
Где красота цветуща и нежность безмерна?
Роза б той уступила, всяк бы сказал верна,
Прилежны взгляды очей на тя привлекала,
И где вино, как яхонт, прекрасно сияла.
А теперь смутны мысли тебя уступили.
Разве роскошь, подарки уже запретили?
Не дождь ли сильны побил твои винограды?
Не знал, что так печален, без всякой отрады.
Молю, скажи подробну, либ тебя покину.
— Постой, выслушай скорби моея причину.
Негде был я у глупца, тебе можно ведать,
Нечаянно удержал у себя обедать.
Прежде желал безмерно, как бы мне отбыти,
Когда за несколько дней стал к себе просити.
Но вчерась повстречался, взяв за обе руки:
«Приди завтра, государь, посидим от скуки,
Не медли ж; у меня есть двадцать три бутылки.
У купца вины стары, не будут так пылки;
Смело бьюся об заклад, кто б ни был, откуды,
Коли те отведает, скажет, что не худы.
Мольер Тартюфа ролю играть свою станет,
И Ламберт хоте там быти, кончи, не обманет;
Ты сам знаешь, каков он, лучше быть не можно». —
«Кто, Ламберт?» — «Да, Ламберт. Сам приди ж безотложно».

Ныне поутру не знай что меня прельстило,
Пошел после обедни, полдни уж пробило.
Еще не успел войтить, хозяин встречает,
Крепко руками обняв, усердно ласкает;
Видом приятно кажет веселые взгляды:
«Мольера, Ламберта нет, да мне и не нады;
Коль тебя вижу, мысли довольны бывают,
Честь мне велика; войди, все уж ожидают».
Тогда познал, но поздно, что в том сам виновен.
Пошел в палату наверх я, немногословен,
Где сквозь затворов лучи солнца проницали,
Горящую пещь среди лета сочиняли.
Там накрыта скатерть, чтоб были игры, смехи;
Увидал я двух дворян вместо всей утехи.
Великую честь отдали без всякой уроны,
Почти прочли Кируса, чиня мне поклоны.
Потом поставили суп красный на фарфоре,
Да петух показался в богатом уборе;
Перменил свое имя: столько видом странный,
Что смело от всех гостей каплуном названный.
По стороне две тарелки, одна з них убранна
Языками в похлебке, персиком венчанна;
На другой жирно мясо почти все сгорело,
Где прегорькое масло весь стол одолело.
Тотчас гости посели, накрепко стеснились,
За четвероугольный стол едва вместились;
И каждый неволею друг друга пихает,
Поворотясь налево, сам с блюда хватает.
Рассуди же ты, как мне там сидеть не грустно,
Кажется, что ни мясо, ни вино не вкусно;
Если бы при обеде так было свободно,
Как при худой предике, то бы всем выгодно.
Однак везде прилежно хозяин трудится,
Говорит: «Каков вкус вам супа быти мнится?
Слышите ль свежий лимон, где сок положенный
С яичными желтками приятно смешенный?
Будь здоров, Минот, добрым все тебя узнали».
Между тем мои власы на мне дыбом стали:
Понеже про Минота, чаю, весь свет знает,
Как он своим кушаньем многих оскверняет.
Однако ж я все хвалю, когда он сам славит,
Мысля, вось либо вино наконец поправит.

Для опыту я спросил, да и то напрасно:
Тотчас лакей нагло мне подал вино красно,
Где примешана не знай сандал, не знай сажа,
Которое куплено вместо эрмитажа.
Видом густо и темно, вкусом было сладко,
Лише только отведал — показалось гадко.
Узнать было нетрудно, что оно нецельно,
Для обману к продаже смешано бездельно;
Тогда принужден в него воду положити,
Дабы такой вкус странный могла утолити.
Кто же бы чаял, что и то скуку прибавляло,
Когда в жаркое время льду недоставало.
Боже мой, как нету льду в месяце июле!
Так уже я взбесился, сидючи на стуле,
Что мыслил лучше к черту весь обед отправить,
И сто раз подымался, как бы стол оставить.
Не так, чтоб един, хоть бы бранили и трое,
Конча б ушел, но тогда принесли жаркое.
Заяц да шесть цыпленков, видно эконома,
Да три зайчика мерших, вскормленные дома:
Знать, молоденьких в избе запертых держали,
Кормленные капустой, которой воняли.
Сверх того, что ни было мяса положенна:
Спица с жаворонками, тут же угнетенна,
Еще на том же блюде голуби лежали,
Где, можно сказать, сожгли, а не задержали.
По сторонь две тарелки: салата зелена
На одной, а на другой трава, так, как сена;
В них вонялое масло противно всем было,
Хоть с уксусом смешано, однак наверх всплыло.
Тотчас все мои глупцы вид свой перменили
И порядок банкета искусно хвалили;
А хозяин, видячи, тут приободрился,
«Извините меня прошу», — низко поклонился.
Не знай какой рассказчик, ни лица, ни стану,
Голодный, знать, за обед, конча, зашел спьяну,
Видно, что есть гуляка, в том себя не правит,
Со всех блюд почти берет и тем обед славит.
Смешно было мне смотреть, как он не стыдился:
В долгом галстуке сидит, парук развалился,
Морских зайцев ест, хвалит, сказывает — вкусно,
Смотри, как зажарены голуби искусно,

Хозяина веселя, и смотрит, что нравно, —
Глазами угождает, говорит исправно.

<Утерян лист.>

Творец! угнулся, она, летучи, попала
В стену; оттоль отскоча, назад отбежала.
По таком стыде не мог за столом сидети,
На недруга свирепым стал оком смотрети;
И хотя между ими осторожно стали,
Однако ж за волосы друг друга поймали.
Стол весь под ноги упал, блюды, ножи, вилки,
Кушанье все пролито, разбиты бутылки;
Напрасно слуги хотят все сбирать по блюду,
Быстрые ручьи текут от вина повсюду,
Наконец, как бы драку удержать, не знают,
Силятся вновь кричать, все опять разымают.
Тогда в них перву ярость тщились утишити,
Прилежно старалися, чтоб к миру склонити;
Казались быть согласны, почти все готова, —
А я до дверей добрался, не сказав ни слова,
С доброй клятвой присягнул впредь не очутиться
На пирах тех, где можно и ума лишиться.
Глупость свою наказать — стерплю что иное:
Вместо доброго вина пить бы мне худое,
А в Париже бы зимой дичь недоставало,
Хотя б в августе плодов в садах не бывало.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ
К ГОСПОДИНУ АББАТУ БАЕРУ

Любезный мой Баер, откуду бывает,
Что всяк мудрость в едином себе только чает?
Прочих мнит всех безумных, и хотя не смыслит,
А своего соседа сумасшедшим числит.
Ученый спорит крепко, что знает науку,
Нужно по-гречески врать, приводит всех в скуку;
Разве изо ста творцов на память читает,
Со всем тем малоумным себя объявляет.
Мнит, что книга все может, и без Аристота
Рассудок мрачен, смысла падает доброта.
С другой страны любовник, — только за ним дела,
Что из двора да во двор всюду бегать смела;
В паруке светло-русом, чается, что кстати
Скучливыми речами весь свет утруждати.
Такой гонит науку, письмы ненавидит,
Незнание чтет за смысл, себя не обидит.
Придворным обыкность есть давать почет злату,
А ученых отсылать в другую палату.
Ханжа лукавый кажет везде себя честным,
Мнит и бога обмануть усердием лестным
И под видом святости страсти свои кроет,
Человеков всех винит, по-своему строит.
К тому ж иной безбожник, без души, без веры,
Волю свою чтит в закон, а там все химеры;
Демона и адский огнь не чает имети,
Мнит старинные басни, чтоб боялись дети.

Рачение то лишно; почто нудит нравы?
Чай, у всякого ханжи в главе мозг нездравы.
Единым словом сказать, никто не исчислит
Все обыкность и как кто различно мыслит.
Удобнее счесть людей, что одной весною
От докторов и лекарств покрыты землею;
Иль сколько девиц знатных чистоту теряют —
Замуж выходят честны, любимы бывают.
Почто изъяснять всуе все уже готова?
Мысль свою вмещу в стихах только чрез два слова:
Не в гнев глупцам греческим, мудрыми названным,
Что в сем свете в мудрости нельзя быть избранным, —
Ей, все люди безумны, как бы ни рачити,
Разнь та больше иль меньше в них кажется быти.
В пространнейшем лесу, где сто путей бывают,
Идучи тамо, себя незапно теряют;
Тот вправо, иной влево, но бегают праздно,
Ибо едина за́быть объемлет всех разно.
Всяк следует в мире сем путем неизвестным,
Где за̀быть его водит игранием лестным;
Тот искусным ся ставит и нас презирает,
Кто под видом мудреца глупей всех бывает.
Хотя на сие точно пишется в сатире,
Но каждый в мудрость ставит глупость свою в мире,
Следуя во всем своему разуму кривому,
Добродетели имя нраву дает злому;
Убо желает ли всяк верно себя зрети,
Премудр тот есть, кто мудрость не чает имети;
И кто всегда с другими живет добронравно,
Знает сам себя, в делах все творит исправно,
Собственной погрешности не хранит в приязни
И нелестно нравом злым злые дает казни,
Но всякий сам за собой вину отпущает.
Скупой дрожит на деньги, мешки запирает,
И там ему голод, где изобильность зрится,
Дурачество разумом дивным быти мнится.
Кладет всю свою славу и счастье любезно
Собирать сокровище, себе неполезно.
Что больше множит, меньше то употребляет,
Скупость чудная есть страсть, смертными владает.
Другой столько ж кажется безумен немало,
Кидает свое добро кому ни попало;

Душа в нем неспокойна, сам о себе тужит
И скучает каждый день, что фортуна служит.
Кто ж из них двух глупее тебе быть возмнится?
По мне, знать, у обеих в главе мозг вертится,
Марки в зерновой избе лучше на то скажет,
В игре своей вседневной доводом покажет,
Четырнадцати либо семи ожидая,
Из рога слонова жизнь или смерть будет злая.
Несчастного предела хитростны наветы
Уничтожают часто игроков приметы;
В таком случае на нем дыбом власы станут,
С ужасом несказанным очи к небу взглянут.
Ей, беснующемуся подобится сильно,
За него же поп святых всех просит умильно.
Пусть его свяжут страшно, смотреть не в потребу,
Дабы сей новый титан не приступил к небу.
Но оставим свободна в такой злой боязни,
Глупость сама бывает вместо лютой казни.
Еще ина есть зáбыть, в ней же яд приятный —
Наводя сладость, творит смысл наш весь развратный;
От любезна нектара память оставляет.
Иной стал стихотворцем; почто? — сам не знает.
И хотя слог весь грубый, рифмы не даются,
Чему во многих местах публично смеются,
На то мало взирает, труды свои хвалит,
Виргилия в Парнасе за спиною ставит.
Что б он учинил, увы! если б кто был в мочи
Открыть ему на беду ослепленны очи,
Показав стихи грубы, без красы, без силы,
На двух словах подняты, власно, как на вилы,
Речь безрассудна, одна с другой отдаленна,
Украшением гнусным к строке приплетенна, —
То б, чаю, проклял свои дни и душа познала,
Что приятно зáбыти мысли потеряла.
К тому ж иной лицемер, и не вовсе глупый,
В странной своей болезни мозг столь имел тупый,
Что чаял, слышит духов в дому своем верно,
Гармонию дающих сладостну безмерно.
Один и доктор разумный, конче то я знаю,
Что вылечил искусством или по случаю,
Но когда стал требовать за то себе плату,

«Мне платить, — сказал больной, — деньгам чинить трату!
Прокляты буди тут же и наука злая,
За́быть мою излеча, да лишили рая!»
Гнев его похваляю; коли сказать внуже,
Из всей нашей худобы рассудок всех хуже,
Ибо страшит в той час, где веселье блистает,
Совесть угрызая, нам лежать воспрещает.
Он уж безмилосердно поступает с нами,
Будто учитель в школе, стоит за плечами,
Всегда нас журит, но мы о том мыслим мало,
Так как у попа время в казанье пропало.
Ей, всуе казнодей криком тем всечасным
Рассудок над чувством поставляют власным,
За божество на земле вменяя, конечно;
Верят, что и в небо он преселит нас вечно,
Мыслят, что той едины добро всяко учит.
Хорош рассудок в книге, читать не наскучит,
И я тож держу: но как кто ни размышляет,
А невежда чаще всех доволен бывает.

О ДВУХ ЛЮБВЯХ

К ГОСПОЖЕ ДЕ ***

Есть дитя, которого с страхом всяк ласкает,
Сладостным злобу свою смешком прикрывает.
Всюду отбегает, то пред собою водит
Смехи и Веселие; но часто тащится
Лютая печаль за ним. В сердца наши входит
Гибко, покорно; когда там уже вселится —
Дерзко, гордо властвует; когда отлетает —
Того же гнушаяся сердца, презирает.
Есть и другая любовь, дочерь неоспорна
Чистого Почтения, в печалях покорна
И в желаниях своих непоколебима;
Добродетель силы ей придает любима,
И Чистосердечие ее ободряет;
Суровости одолеть знает терпеливно
И в утехах сладостных растет она дивно.
Сея любви хоть свеча не столько обильна
Блистанием, но весьма приятнее пламя.
Сея богини готов следовать я знамя.
Она мною властвовать самовластно сильна,
И подвластным ей мое сердце склонно быти,
Но для тебя лишь одной хочу ей служити.

<ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК>

ACTE I

Сцена 1-я

В доме загородном у Доранта. Во Франции.

Филинт

Издавна иже ко мне любовь показуешь,
Ею же мя в вечность си и верность связуешь.
Лучшу милость показать надо мной не можешь,
Как когда печальному сердцу днесь поможешь.
Сестра моя, ея же почтенье известно
К тебе, сколь велико есть и сколь есть нелестно.
Мужа в сих любезного днях, бедна, лишилась,
Тужит, плачет, сетует — совсем сокрушилась.
Оставила общество, от людей отстала,
Ушла к себе в деревню, в горесть тяжку впала,
Заперлась в доме своем; в слезах уныввая
Дни и ночи провождает, сердечно рыдая.
Ты своим присутствием можешь утешити:
Прошу, поедем мы к ней, потщись ускорити,
Уговори ю престать от суетной туги;
Велики чрезмерны мне будут те услуги.

Дорант

Крайня всегда охота служить тебе была,
Только бы служба моя была тебе мила.

Нет того, чтоб для тебя мне не сотворити,
Наипаче Арсене во всем рад служити.
Поедем, друже, тотчас, медля, мню — грешити;
Печаль растящу легче можно скоренити.

Дорант с Филинтом и входит слуга.

Вели лошадь оседлать и подвесть скорее.

Слуга

Тотчас будет государь, как можно спешнее.

(Выходит и, помедля, входит.)

Лошади подведены.

Дорант

Едем убо, друже.

Чтоб поспеть...

У крыльца лошадей подводят и, севши, оба отъезжают.

Сцена 2-я

В городе, у Арсены.[1]

[1] На этом сохранившийся текст обрывается. — *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

САТИРЫ КАНТЕМИРА В ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

САТИРА I
НА ХУЛЯЩИХ УЧЕНИЕ
К УМУ СВОЕМУ

На первую сатиру к читателю предисловие

Не столько обычаю, сколько нужде последуя, предувещание сие пишу. Нужно мне показалося, прежде нежели усмотришь стихи мои, предъявить тебе, с каким намерением они писаны. Ни зависть, ни злобная хулить охота принудили меня осмеять смеющихся учениям; но излишество времени почти побудило к тому. Итак, все то, что тут я написал, в забаву писано; между тем, хотя многие могут в беззлобных стихах моих сыскать свое состояние и нравы изображенны, ведали бы, что я никого партикулярно себе не представлял, когда писал характеры, в сей сатире содержащиеся; и, охуждая злонравие, не примечал злонравного. Прочее, кому стихи мои не нравны, того прошу, чтоб их не чел; а кто меня за них хулить станет, тот помнил бы, что дурной лицом николи зеркала не любит.

Уме слабый, плод трудов недолгой науки!
Покойся, если хочешь прожить жизнь без скуки:
Не писав дни летящи века проводити
Можно и хвалу достать, хоть творцом не слыти.
Противно учение, творец немил, чаю,
Когда чту книгу кому — говорит: скучаю!
Правда, наш младый монарх немала надежда
Есть музам: постыдится пред ним всяк невежда;
Аполлон не слабу в нем ощутил защиту,
Видел того самого чтяща его свиту,
И под сенью милости его всем обильно
Тщится множить Парнаса жителей он сильно.
Но то беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзостно ругают.

Никаков плод, все кричат, не видим науки:
Ученых хоть голова полна — пусты руки.
Любят больше телесну — не ума украсу.
Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Да прикроет; на шею повесь цепь от злата,
Клобуком покрой главу, брюхо — бородою,
Клюку пышно повели нести пред тобою;
Раздувшися в карете, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Под видом смирения зависть преглубока,
Да цветет в сердце к власти охота жестока.
Священноначальника всяк тя в сих познает
Знаках; благоговейно отцом называет.
Что в науке? Что с нея пользы церкви будет?
Иной, пиша проповедь, выпись позабудет,
От чего вред доходам и церковной славы;
Лишь сокровище б цело, хоть души нездравы.
Ереси и расколы суть науки дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
В безбожие приходит, кто над книгой тает, —
Говорит тот, кто и сам мало бога знает.
Щеголь тужит, что много бумаги исходит
На печатание книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудры;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором Виргилий двух денег не стоит;
Рексу — не Цицерону похвала достоит.
Стоит философии кафтан, сшит богато,
Где, мудро изложено, блещет сребро, злато.
Как красно распещренный павлин хвалит тело,
Ноги той, главу же сей презирает смело;
Полна ль она иль пуста — та не сокрушает
Мысль его, коли платью вид добрый дать знает.
Злато обыкш за крайно добро почитати,
Мыслит, как бы то на рубль пять алтын достати;
А наука, говорит, мешку не прибыток,
Дому — изнурение, пагуба; убыток
Давать за пусты слова, мешку не полезны,
Деньги, по́том нажиты, всем на свете любезны;
Тратить над книгой время, только чтоб мудр звался,
Сумнится, чтоб кому труд не глуп показался.

Завистный, видя в ином, что сам не имеет,
Вредный нося в сердце яд, злы плевелы сеет,
Ищущи семя наук учинить бесплодно,
Без стыда гремя слово, древним глупцам сродно.
«Живали мы, — говорит, — не зная латине
Преж сего, хотя просты, лучше, нежли ныне;
В невежестве гораздо больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
На что нам грамматика? Естество нас учит
И без правил говорить: без плода труд скучит.
Мужеска пола имя, что с женским вязати
Не надлежит, причину мне знать с коей стати?
Полно мне не погрешить в моем разговоре,
Не сказать: *зла,* но *злый* есть, говоря о воре.
Плодовито говорить — врать дает причину;
Прилично молчаливу быти дворянину.
Казанье писать — пользы нет ни малой меры:
Есть для исправления нравов Камень Веры;
Доводом речь утверждать — подлых то есть дело;
Знатных есть — хотя не знать, только спорить смело.
Силы духов и души разыскать пределы —
Напрасно время тратить, хотя между делы;
Бога неприлично есть свойства испытати:
Каков бог — что нужно знать? полно признавати.
Трав, болезней знание — голы все то враки.
Глава ль болит — тому врач ищет в руке знаки;
Что смешнее — в всех бедах кровь бедну винити
Тщится. Тихо ли идет — мусит слабость быти;
Коли спешно — жар в теле; на все резон смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
Здоровье больным сулят — всегда ль то бывает,
Не вем, — только в их руках карман чахнет, тает.
Учиться руд качеству? — о, как глупо дело
Коптить в дыму очеса, жечь при огне тело;
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что веди —
Можно знать различие сребра, злата, меди.
Когда вижу, что солнце всходит и заходит,
Что греет, что силою того семя всходит,
Что месяц свет подает, день и ночь бывает,
Зима стужею скучна, лето нагревает —
К чему звезд течение и свойства счисляти,

Для одного в планете пятна ночь не спати,
Для любопытства только лишиться покою,
Ища, солнце ль движется или мы с землею?
Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле, без алгебры счислим».
Пьяница, раздут с вина, чуть видя глазами,
Раздран, смраден, по лицу распещрен угрями,
Советует в веселье житье провождати:
«И так-де то не долго — на что коротати?
Крушиться над книгою и повреждать очи
Почто? не лучше ль с кубком прогуливать ночи?
Ведь мы для сообщества в свете сотворенны,
Не в нашу только пользу умом одаренны:
Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
Когда все содружество будет мне чернило,
Перо, бумага? Ей, то житье не всем мило.
А вино не таково; много в нем провору:
Дружит людей, причину дает к разговору,
Веселит, все тяжкие думы прекращает,
Смела творит, к взаимной любви побуждает,
Жестоких умягчает сердца, всеполезно,
Вином легче всяк может достать, что любезно.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
И будут тещи к ключам своим быстры реки,
И возвратятся опять к нам минувши веки,
Когда Дунай протекать престанет чрез Вену,
Сребро, злато в приказах потеряет цену,
Когда лучше свежины взлюбит умный стерву, —
Тогда разве предпочту Бахусу Минерву».
Еще то не все, уме! Кто все то исчислит,
Чем злоба добродетель охуждати смыслит?
Довольно, однако же, можешь разумети,
Что в наш век не к пользе нам что ни есть умети;
А зная то, можешь ли иметь ты охоту
Хулу искать в мзду себе за тяжку работу,
Бдеть и беспокойствовать, думать, надседаться —
А за что? Чтоб было чем над тобой ругаться?
Когда пользы нет, хвала к трудам ободряет,
А как и ту не иметь — сердце унывает;
Кольми паче — вместо хвал да хулы терпети!

САТЇРА I
НА ХУЛЯЩИХЪ УЧЕНІЕ
КЪ УМУ СВОЕМУ.

Уме слабый плодъ трудовъ недолгой науки!
Покойся, естли хощешь пожить жизнь безскучни

Изъясненіе

Сатира сія сочинена в концѣ 1729 года, и есть пер-
вая в трудахъ Авторовыхъ, который и для своего упра-
жненія прочитавъ всѣхъ почти сатириковъ, в ней и насмѣ-
хаяся невѣжеству описываетъ многихъ злое мнѣ-
ніе о наукахъ.

Можно сказать что сатира сія ни с чего не имитова-
на, но есть вымыслъ нашего автора: понеже
из всѣхъ сатириковъ, никто особливо сатиру на-
хулящихъ ученіе не издалъ. Авторъ нашъ сочинилъ
сію сатиру не много себѣ для утѣхи, такъ что стыду-
ясь ни одному читателю ее не показалъ; который
ее списать выпросилъ, показалъ преосвященно-
му Архіепископу Ѳеофану сей прочетши ее, кто авторъ и-
звѣстився, прислалъ в похвалу его стихи [которые
в началѣ сей книжицы приложенны] к нему, послалъ прило-
жити вдаръ книгу от Гераклія о богатыхъ и нищихъ.
Сему Архипастырю послѣдовалъ и Ѳеофилъ и Колица
Пречестный Архимандритъ Новоспасскій, такъ что и иные.

Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли попу не славить святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.
Уж минулось то время, когда за богатство,
За честь — за всё мудрости имели изрядство,
Когда сенатор овцы сам пасть не стыдился,
Не пыхою, но нравы чин свой славить тщился.
Теперь, с платьем, и нравов пременилась мода,
Златой век до нашего не достигнул рода;
Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Невежество знание уж местом посело;
То под митрой гордится, в шитом платье ходит,
Оно за красным сукном судит, полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Из всех знатнейших домов с ругательством сбита;
И в самой богадельне места не находит,
Мразна, нага, голодна, беспомощна бродит;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбу,
Как, страдавши на море, корабельну службу.
Коли кто карты мешать, вин разных вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит смело за одну ночь все промотати,
Что чрез целую отец жизнь тщался собрати,
Довольно искусен есть, достоин тот быти
Первым по Аполлоне и Платоном слыти.
Таковому высша честь — мзда есть не чрезмерна,
Ничто пред ним порода, ум и служба верна.
Одним словом, угодным к всем чинам ся числит,
Кто три и два что чинит — угадать не смыслит.
«Нет в людях правды, — гласит безмозглый церковник, —
Еще я не епископ, а знаю часовник.
Псалтырь и послания честь бегло умею,
Не запнусь в Златоусте, хоть не разумею».
Воин, что не фельдмаршал, ропщет, воздыхает;
Резон тому? — подписать имя свое знает.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
А что знает? — преписать дело письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети.
Таковы слыша слова и примеры видя,

Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Хоть тяжко, да бесстрашно есть не быти в знати,
Чем, познан быв, за добро да злое страдати.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не тщися, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, терпеть хулу злую.

САТИРА II
НА ЗАВИСТЬ И ГОРДОСТЬ ДВОРЯН ЗЛОНРАВНЫХ

На вторую сатиру к читателю предисловие

Надеюсь, что между прочими читательми будут и такие, которые, лише прочтут титул сатиры, взбунтуются на бедного сатирика. «Что же! — скажут. — Уж враль сей мер своих не знает. Не довольно было того, что сначала хулил тех, которые до наук не охотники, — теперь еще без панциря против дворян наступает; напоследок он нам ничего не оставит, что б, по его мнению, можно бы правильно делать. Кто его поставил судьею над нами?» У таковых читателей покорно прошу, чтоб терпеливо выслушали короткие мои резоны, которые им представить имею: неправеден бо суд, где ответчику потакают, а челобитчика не слушают.

В первой моей сатире если я кого хулил, то подлинно таких, которые по всему хулы достойны, и нимало я не вышел из правды пределов; защищал науку от невежд и неприятелей ея, да не от таких невежд, которые ничего не знают, но которые ничего знать не хотят и для того всякое знание хулят, проповедуя, что не только оно не полезно, но и вредно народу. Согрешил ли я в том? чаю, нет. Если убо тогда, одну добродетель защищая, не согрешил, виноват ли я теперь, когда все вместе защищаю? ибо я не благородие хулить намеряюся, но устремляюся против гордости и зависти дворян злонравных, чем самим всякое благонравие защищаю. Я в сей сатире говорю, что преимущество благородия честно, и полезно, и знаменито, ежели благородный честные имеет поступки и добрыми украшается нравами; что темнотою злонравия всякое благородства блистание помрачается и что не тому достоинства высшие приличны, чие прозвище в летописцах за несколько лет поминается, но которого имя праведно в настоящих временах хвалено бывает; потом показываю, что гордость неприлична дворянству и что гнусно дворянину завидовать благополучию подлейших себе, коли они чрез добрые свои дела в честь и славу происходят, что должны сами не в играх и уборах время свое провождать, но пóтом и мозольми в

пользу отечества доставать себе славу; напоследок насмеваюся обычаям неполезным, которые, однако ж, не мешают, если к добродетели соединены. Кто за вся сия может правильно на меня гневаться? Разве тот, кто теми самыми злонравиями опятнан, которые я обличаю? Гораций, описуя разные виды злонравных людей, сими словами период кончает: Omnes hi metuunt versis, odere poëta (книга сат.) — все сии боятся стихов, ненавидят стихотворцев. Им неприятна добродетелей похвала, им противна хула злонравий, им убо и сатириков имя ненавистно. Для того я больше сожалею тех, которые на меня сердитовать станут, нежели плачу о себе, что в их гнев впасть имею. На последний же их вопрос, которым ведать желают, кто меня судьею поставил, ответствую, что все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может. Не для того же такую ревность в себе показываю, якобы в сожаление я пришел, видя своего дворянства непорядочное житье. Не буди того! Но, предуспевая злому, то делаю: столь бо гнусными и противными красками описав портрет злонравного дворянина, всякий, чаю, всеми способами стараться станет, чтоб никое с ним сходство не имел, отбегать всего того будет, что может его подобна тому учинить. Напоследок, желая изъяснить мнение мое о преимуществе благородства, предъявляю, что не только оное не презираю, но почитаю и хвалю, яко способ преизрядный для побуждения к добродетели: мужества, благоразумия, ревности и верности воздаянием обыкло быть благородство. Редко в наши веки добродетель за внутреннюю ея самой красоту любят: коли добро делают — ждут воздаяния, а когда не делают — ждут наказания; для того имя благородного нужно и полезно, ибо таким (благородия имени) способом воздаяние за добродетель продолжается от предков к потомкам и от настоящих к будущим векам, и потому беспрестанно прочих тою же дорогою то ж себе проискивать ободряет. Так, довольно, как мне кажется, очистив стихи мои, остается, любезный читателю, предложити тебе, что сатира сия писана на образ разговора между Аретофилом, то есть мужем, который, добродетель одну любя, в той крайнее свое ищет благополучие, да между дворянином, всякого благонравия лишенным. Сего Аретофил, печального и задумчива встретив, вопрошает: «Что так смутен, друже мой», и проч.

Аретофилос

Что так смутен, друже мой? весь в знаках печали:
Бледен, очи все в слезах, темны, красны стали;
Задумчив, как хотевший патриархом стати,
Когда лошади свои раздарил некстати;
Сух и худ, как подьячий в вотчинном приказе,
Когда казнь за взятки, смерть сулена в указе?
Цугом ли запрещено ездить, или злато
На ливреях иль платье носить пребогато?

Карт ли не стало в рядах иль вина драгого?
Отец, знаю, что живет и матерь здорова.
Что молчишь? разве в устах и речи пропали?
Не знаешь ли, что друг есть полезен в печали
И что много пользовать может совет здравый,
Когда по нем поступать не претят злы нравы?
А, а! дознаюсь я сам, что тому причина:
Дамон на сих днях достал перемену чина,
Луцию лента дана, Туллий деревнями
Награжден — ты с славными презрен именами.
Рода знатность забыта и над гербом латы
С царскою короною — знаки в поле златы;
А зависти в тебе нет, как в попах соборных,
Как в бабах из богадельнь, по природе вздорных.

Дворянин

Не худо ты отгадал; да мне не завидно
Одному, но знатным всем стыд небезобидной:
У кого еще не все стерты с рук мозоли,
Кто лаптями торговал, кто продавал голи,
Кто горшком с подовыми истер бедно плечи,
Кто извозничал в Москве, кто лил сальны свечи —
Тот честен, славен, богат, тот в чинах сияет,
А во мне благородство стонет, воздыхает.
Предки мои за семьсот и четыре лета
Имя несли хвальное, чудо были света:
Прапрадеда прадед мой сам владел собою;
Дед прадеда много войск топтал с похвалою;
Отец его на море целым флотом правил;
Кого так, как прадеда, свет когда прославил?
Деда имя, славного умом, славна делы,
Все света исполнило четыре пределы.
Каков же мой отец был — кто того не знает?
Паллас, Марс, судилище об нем воздыхает:
В делах войны искусен, ран полно все тело;
Битвы, осады, миры — все то его дело.
Посмотри, коли хочешь, салы нашей стены —
Увидишь тут чудные и славны премены
Фортуны, одоленны всегда им счастливо
(Что он смертью побежден — мне немало диво).
Медалей, цепей златых по нем сто остались,
В стаканы я перелил, чтоб не завалялись.

В гражданском правлении, ей, был не последен —
Ришелье и Мазарин пред ним в делах беден.
В науках весьма глубок, над книгами ночи
Просиживал — тем горбат был и слаб на очи.
Библиотека его предивная была,
Хоть не очень велика — совершенна слыла;
Книги разны собраны по лучшей примете
(Помню, книга в них была добра о пикете);
Мне было хотелося убрать ими стены,
Да мышей побоялся: вещи они тленны;
Затем на цуг променял лошадей изрядных,
С нея же шесть себе сшил кафтанов нарядных.
Одним словом, с трудностью можно рассудити,
Что в нем больше — шпагу ли иль перо хвалити:
В обоих бо совершен, украсил он оба,
Муж достоин в веки жить и чужд быти гроба.
Возьми ж опять побочных всех моего рода;
Не умалил никто честь, что дала природа:
Адмиралы, вожди войск, судьи чрез все время
Главные — моей крови все то одно племя.
Рассмотри гербовники, грамот виды разны,
Книгу родословную, записки приказны —
Увидишь дела моих предков и кто были;
Николи вторыми те, ей, в людях не слыли,
А всю славу, всю ту честь достали трудами,
В мире нравы, а в войнах проворны руками.
Разсуди ж ты потому, сколь легко терпети,
Столь славны имев предки, славы не имети?

Аретофилос

Вижу я правость твою и скорби резоны,
Да позволь, если можно, сказать без препоны
И мне мое мнение, дружески советы;
А притом ведай, что я лукавых приметы —
Лесть, похлебство — не люблю, но что помышляю
В сердце, то и устами другу открываю.
Не пустое дело есть знатная порода;
Знаю я, сколь изящно славного быть рода,
Носить на себе имя, еже вечна слава,
Знаменитое в войнах, в хранении права;
Но то, когда потомок, предкам подражая,
В путь добрых ся направив, отбегает злая,

Когда делы хвальными в пользу всех сияет,
От себя себе красу — не от своих чает.
Признаю, что с корене сего так рожденны
Отрасли неправедно бывают презренны,
Что неправо заслуги забыты бывают
Предков, когда потомки в нравах успевают,
И в равном достоинстве что предпочесть должно
Благородного — спорить никому не можно;
Но что, когда корень здрав, да отрасли гнилы?
Ведь те уж не так честны, не так уж всем милы.
Спросись хоть у пьяницы, таковы ли дрожжи
Любы ему, как пиво, — отречется трожжи.
Знает он, что с пива те славные остатки,
Да плюет на то, коли не, как пиво, сладки.
Благородство голое, добрых дел лишенно, —
Суетно для ленивых имя вымышленно,
Которые, крася ся чуждыми делами,
Хвастают честью, юже не достали сами.
Верю: мужества предков летописцы полны,
Грамоты, в гербе знаки — доводы довольны;
Да что в сем собрании славы неполезной,
Коли ничто показать можешь в поднебесной?
Разве ссохший пергамент, который чрез лета
Долгия от червей мог избежать навета.
Коли, с хвального ключа ведучи начало,
Ничего не имеешь, чтоб роду пристало,
Глупою только надут гордостью не з меру, —
Лошадям только годен для статей к примеру;
Не пользует, верь, зваться хоть цесарско чадо,
Коли нравом грубее, неж пасущий стадо.
Добродетель, к природе знатной соплетенна,
Благородного чинит во всем совершенна;
Труды, разум, прилежность и добрые нравы
Лучшие благородству суть и крепки правы.
Победил ли сам враги? дал пользу народу?
Устрашил ли действами Нептуна власть — воду?
Сокровища ль царские тобой умноженны?
Презрев покой, подъял ли сам труды военны?
Иль, коли случай, младость в то не допустила,
Впредь в том показать себя есть ли ум и сила?
Изрядно можешь сказать, что ты благороден,
Ахиллу иль Гектору можешь счесться сроден;

Иулий и Александр и все мужи славны
Могут быть предки твои, лишь бы тебе нравны.
Ты сам, праотцев своих славу исчисляя,
За труды их, сам сказал, была им честь тая:
Иной в войнах победил, претерпел страх, раны;
Иным в море недруги и валы попраны,
Иной правду всем чинил, бегая обиды, —
Всех достоинства были различные виды.
Тем если б ты подражал, право б мог роптати,
Что тебя за другими и в пару не знати;
Что иссох уже, извял, в переднях зевая,
Когда встанет фортуна — с хлопцы ожидая;
Что спина, шея болит, жертвуя и мухам:
Им же доступ позволен к временщичьим ухам.
А ты, друг мой, рассмотри, есть ли хотя мало
В тебе, чтоб красу твоих имени придало.
Где военные труды, иль дел тех наука?
Ты об них и не слыхал — дядька твой порука.
Как войско расположить, как раскопать шанцы,
Столь дико тебе, как нам — китайские танцы;
Осады, окоп, наступ когда поминаю,
Чаешь ты, что арапским языком болтаю;
Блеск мечей и звук пушек ужаснее грома
Мнятся; не в поле сохнуть — любишь толстеть дома.
Как тебе поверить флот? ты лодкой не правил;
Рыбу, что живет в воде, ловить уж оставил;
Корабль ти кажется гроб, веревки — удавка,
Море — ад, парус — саван, буря — житью сбавка;
Компас, правило в судах столь тебе знакомы,
Сколь сибирским вотякам мраморные домы.
Правительство гражданско николи не снилось
(Разве в полиции за б. .дь посидеть случилось).
Гроциус и Пуфендорф и римские правы —
О тех помнить нечего: не на наши нравы.
Так ин Уложение? — трясешь головою,
Что то за зверь, говоришь, хоть уж с бородою.
Как доходы умножать, как прекратить бедства
Народа, лишно тебе мнится — шутки детства.
Оставляю науки высшего степени:
Тех не только существо, не видал ни сени;
И знаю, что те у нас уж вышли из моды:
Нескладно ученым быть и знатной породы.

Неполезны те? — быть так! Да в чем пользу знаешь,
И того, ей, в тебе нет: в злой глупости таешь.
Не только ж гол знанием, но так тебе мило
То, как, попросту сказать, дьяволу кадило.
Вместо знания прав и как свою весть волю,
Вместо искусства, как плыть по мокрому полю,
Вместо управления военного дела —
В распестренных бумажках вижу тебя смела.
Разложив табор велик в фараонном бою,
Дерзок приступ терпиши сущих пред тобою.
Не страшит тя бел металл, ни бомбы златые;
То твое войско побьют, то ты рвешь иные;
Осторожен, чтоб не мог неприятель знати,
Где твой воин слабее, где б легче достати;
Тасуешь полки твои сколько стает сила,
Чтоб недруга коварна надежда прельстила;
Как сова, распяливши на все страны очи,
С оружием в руках день бодрствуешь и ночи.
Напоследок, как сия уж кончится битва,
Трудней тебе без дела сидеть, неж как бритва
Тупа по твоей браде, не смоча водою,
Грубого влачима есть барбера рукою;
Легче дьяку не рыгнуть, теши в щах поевши,
Писцу не чесать главу, на край стула севши.
Непокоен, ищеши, где войну зачати,
Иль аламброю гремя, иль костьми стреляти.
Когда же ночь застигнет, неприятель станет,
Тогда уж тебе скука, тогда скорбь настанет;
И небом и землею клянешь человека,
Что во сне погребает пол своего века.
Что же, когда умным быть уж тебе наскучит,
А воля, в чем вскормлена, того искать учит, —
Собрав друзей, по виду имя то носящих,
Внутри же злословием против тя смердящих,
Флот целый велишь принесть плетеных сосудов,
Отъемлющих главе ум, силу прочих удов,
Ведущих к пристанищу злу и беспокойну —
В болезнь и в бесславие, в скудость непристойну;
Тотчас с стула сам скоча, конопать осмотришь,
Не идет ли где хоть дух, в микроскопий смотришь.
Та же малы ладии разделив всем вскоре,
В сладкое беспамятства впускаешься море,

Правишь, сказываешь ветр и тщишься чрезмерно,
Чтоб кто не сбился с пути, всяк плавал бы верно,
И толь искусство морских в палате сияет,
Что, на твердом спя полу, всюды тя качает.
Вот уж о знаньи твоем, как платье носити
И прочий убор, — слова нельзя говорити;
Плод сей долголетнего пути в краи чужды
Есть трудов прилежности; не без многой нужды,
Недаром ты потерял деревни, пожитки:
Знаешь, что фалды должны тверды быть, не жидки,
В пол-аршина глубины и ситой подшиты, —
Если кафтан согнешь, то б станом не покрыты;
Обшлагу какову быть, сколь клинья высоки,
Сколь в грудях окружности, клапаны широки —
Твое дело, и сам Рекс ничто пред тобою,
Только что ты усты, он проворен рукою.
Вкус в платьях опять кому больше есть знакомый?
Растрелли столь искусно не весть строить домы,
Как ты — кафтан по вкусу, по времени года,
В нем же богатству ни в чем уступает мода.
Что летом, что весною, что осенью кстати,
Что зимою для верху и чем подбивати,
Какой металл приличен: сребро ль или злато —
Лучше тебя иному знать уж трудновато.
Ликург когда составлял народу уставы,
Когда Минос критянам славные дал правы,
Не столько осторожны имели поступки,
Как ты, когда в град идешь для парчей покупки.
Тут-то правила разны щегольства и моды
Рассмотреть должно тебе, исчислить и годы
Свои, чтоб, как цветущи суть возраста леты,
Так блистательны в платье твоем были цветы;
Тут воздуха, времени и места все виды
Примечать, чтоб искусству не было обиды,
Чтоб в граде зелен кафтан не досаждал глазу,
А в поле чтоб уступал всяк позумент газу,
Чтоб бархат в иулии не тягчил бы тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело,
Но знал бы всяк свой предел, право и законы,
Как попы искусные всякого дни звоны.
С каким искусством власы стрижены, подвиты,
Как в мешке завязаны, пудрою набиты,

Котора, с них падая на платье богато,
Трудность дает рассудить, что в них лучше — злато,
Иль ею расписанны фигуры различны,
Столь великодушию, щегольству приличны.
Где ж в открытии сыскать табакерки можно
Стольку нежность? В ступаньи столько осторожно
Подгибаешь колена, пальцы направляешь,
Что хоть ходишь, танцовать многим ся являешь.
Во всем, от пят до главы, совершенство всюды,
Все в согласном убранстве радуются уды,
И можно б совершенным в щегольстве тя звати,
Если б щегольству имя совершенства кстати.
Да не сии, я сказал, благородства знаки:
Внутрення краса красна, прочее все — враки.
Достоинство сильно есть, если рассуждати
Хочешь, кого почитать, кому славу дати;
Впрочем, тому, кто род свой с древнего начала
Ведет, зависть, как свинье узда, не пристала.
Что гнуснее, как совесть иметь неспокойну,
Видя, что муж получил бедный мзду достойну!
Еще б прилично было знатна сущу рода
Тужить, коли той высок, его же природа
Сколь низка, столь и нравы плохи и развратны,
Ни отечеству добры, ни в людях приятны;
Если же противное зрит в том человеке,
Радоваться уж должен, что есть в его веке
Муж таков, иже делы род свой возвышает
Добрыми и полезен всем быть начинает.
Множество благонравных высокого чина
Есть благополучию общества причина.
И столь меньше воздыхать обиды нас нудят,
Сколь больше святы нравы тех, иже нас судят.
Что ж в Дамоне, в Луции и в Туллии гнусно?
Что, как их награждают, тебе насмерть грустно?
Благонравны те, умны, верность их немала,
Слава наша с трудов их нечто восприяла;
Только что прапрадеда прадед их собою
Не владел и счесть годы не могут с тобою;
Но что в том? Как роду той твоему дал славу
Первый, так первы сии дают своим праву.
Твоих знают за семьсот и четыре лета,
Да ведь не тогда было творение света.

Край же рода немного и всех утешает:
Всяк бо аще добре свой рассмотреть желает,
В сохе сыщет начало блистательну роду;
Часто адмиральский дед таскал в дворы воду,
Но добродетель того славна быть причина,
Что, подлость отложивши, первого стал чина.
Адам князей не родил, но едино чадо
Его сад копал, другой пас по полям стадо;
Ное с собой в кивоте спасл все себе равных
Простых земледетелей, богу только нравных;
От сих начало всем нам, — убо чем гордимся?
Предков имя не красит, аще мы лишимся
Нравов добрых и труды не явим нас быти
Достойных так, как предки, и нам в людях слыти.
Ни подлость рода может право возбраняти,
Чтоб трудами добрыми мзду не получати.
Славней есть скудость рода нравы украшати
Добрыми, нежли злой нрав титлом прикрывати.
Плешивость Иулию не отняло славы:
Лаврами бо ю прикрыл и добрыми нравы.

САТИРА III
О РАЗЛИЧИИ СТРАСТЕЙ В ЧЕЛОВЕЦЕХ
К ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ ФЕОФАНУ, АРХИЕПИСКОПУ НОВГОРОДСКОМУ И ВЕЛИКОЛУЦКОМУ

Мудрый первосвященник, ему же Минерва
Откры вся сокровенна и все, что испéрва
В твари бысть и днесь яже мир весь исполняют,
Показа, изъяснив ти, отчего бывают:
Феофан, ему же все известно, что знати
Может человек и ум человечь поняти!
Скажи мне (ты бо можешь!): всем всякого рода
Людям давши тело то ж и в нем дух, природа
Как страстьми столь различны сердца их исполни,
Их же власть преодолеть никако же вольны?
  Заря еще не стала, солнце почивает,
Еще ночь темнотою небо покрывает,
Все всюду покоятся, и спит вся тварь смело,
А Тиций ворочает по постели тело,
Стрясает с глаз сон спешно, дабы день в постели
Не застал. Исходит вон — петухи не пели;
Чаял бы, что пищи той к утру не имеет,
Так чтоб час не пропустить, жаден, торопеет;
Да не то! уж сундуки под вагой вздыхают,
В мешках уж заржавенны деньги молью тают.
Что же? Жадность несчетно множить беспрестанно
Богатство мучит его ночью, в вечер, рано;
Так всю жизнь свою нурит, не зная покою,
Все сбирая, будто в гроб все возмет с собою.
Сегодня услышал, что караван с Китая
Прибыл, в нем фарфорная посуда драгая

Множеством привезена и за малу цену
Продают, которую, если везти в Вену,
Велик барыш принесет; бежит убо спешно,
Чтоб кто прежде не скупил, тужит неутешно,
Торгует больше просьбой, неж денег считает.
Купил — тотчас на воз склал, в путь ся направляет;
Не смотрит злость воздуха в осеннюю пору,
Презирает вал морских то бездну, то гору.
Дряхл, уже бо осмьдесят и полпята лета
Изжил, вага лишняя бывши сего света,
Трясется весь, однако ж на корабль садится,
Не себя как уберечь, но товар, крушится.
Дождь ли, гром, ветр или зной — бдит сам беспрестанно,
Чтобы кто что не унес ночью нечаянно.
Что глупее Тиция? Когда будет полно?
Надобно ль коли сказать — уж теперь довольно?
Никак! Да на что ж ему столь сильно богатство,
Коли спит на войлоке, все его убранство —
Один кафтан, в котором уж ворса избита
Нить голу оставила, и та уж пробита;
А кушанье подано коли на двух блюдах,
Кричит: «Куды мотовство завелося в людях!»
Уж слышу ответ его, гремят, как из тучи,
Глупы речи: «Приятно брать из большой кучи».
Но будет время, что те, в мешочках зашиты,
Деньги выйдут наружу: иль в корчме пропиты,
Иль в карты проиграны, иль в платье богатом
Изношены, в каретах изъезжены с златом.
Уж он над гробом весь свис, а внук ожидает:
Хоть сколько ни запирать, сей свободить знает,
И богатство, что теперь того бедно мучит,
Потом у сего в руках нам уже наскучит.
Таков Тиций, а сосед его уж противно
Расточает вся: все грош, все ему не дивно;
Уже сей не печется, как множить мамону,
Лишнего не любит он в мешке денег звону,
Не ищет тот прибыли с дорогой посуды.
Одна мысль, чтоб убор был весь красен повсюды,
От главы до пят все в нем богато сияет.
Столь пространен экипаж в золоте блистает,
Дом недурно убранный, питье дорогое.

Думал бы, что Крезус он? Нет, все то чужое!
Не столько он получит себе в год доходу,
Сколько в картах денег в час бросит, как бы
в воду;
А что в доме, что на нем, та вся долгом пахнут,
И когда он жиреет, то деревни чахнут.
В обоих нет посредства: один через меру
Сребролюбив, скуп; другой торовáт не в меру.
Дамон не скуп и не тщив, в роскоши умерен,
Сказать ничего нельзя: на секрет неверен.
Как когда ново вино, вложенное в судно,
Кипит, шипит, пенится, держать его трудно:
Дует доски, обручи рвет и, мер не зная,
Выбьет втулку, свирепо устьми вытекая, —
Так в нем тайное слово усидеть не знает:
Дует брюхо, ум вредит, выдти вон желает;
Коли час затворено лежит в сердце слово,
Мнит, что бедство предлежит в том ему готово.
Сват его не меньше зло иное имеет:
Охотник к ведомостям был млад, в том седеет.
С утра самого вставши, свесит уши всюды,
Слышать, в домех говорят, что в улицах люди.
Легче ему не давать брюху три дни дани,
Нежли не знать, что привез курьер с Гиляни;
Куды всяк из офицер посланы в посылку;
Господин сей или той за что сослан в ссылку.
Придет ли к тебе — тотчас, будто нужно дело
Сказать имеет, возьмет за руку тя смело.
«Не слыхал ли, — говорит, — что пишут с Парижу?
Войско в Италью идет; война будет, вижу.
Ишпанец передался, и союз их силен;
Теперь-то в Италии, чаю, всяк умилен.
В сенате закрепили указ к воеводам,
Чтоб доимочный список прислать прошлым гóдам;
В гвардии вчера была чинам перемена;
Цена уже поднялась и дровам и сена;
Синод умножен будет по Петра уставу,
Да лучше распространит церковную славу;
Генерал из Персии будет сюды вскоре,
Уж, я чаю, он в судне, уж пустился в море».
Все ему нужно есть знать, будто все прилично.
Редко двум ту ж ведомость скажет однолично.

Окончав речь, не ссидит двух минут на стуле —
Как у пьяницы полны скляницы в шкатуле,
Как у спасской обедни дьяк к взяткам удобный,
Когда хулят в казаньи суд чрез деньги злобный, —
«Прости, — говорит, — друже! но прошу покорно,
Не всем сия сказывай». Таже, дверь проворно
Отворив, исходит вон, к иному отходит,
Оттоль опять к другому — весь день вести плодит.

Кто ж Фабия описать может вид и нравы?
Те, сколь извне суть красны, столь внутри неправы.
Бледн лицом, нерасчесан, в лоскутах одежды,
Как сын млад, когда отца видит без надежды
На смертном суща одре, сердцем унывает,
И сколь тяжка его скорбь — вид лица являет.
Так сей тих, смирен, молчлив, как в палату войдет —
Всем низко поклонится, к всякому подойдет,
Таже, в угол скрывшися, очи в землю втупит;
Чуть слыхать, как говорит; чуть — как ходит, ступит.
Спросишь ли что у него — покорно чрезмеру,
Не отвещав на вопрос, похваляет веру;
Как священные отцы в пустынях трудились,
Как молилися долго, как много постились,
Как красив тот весь устав, что в церковну славу
Уставил обычаи, дал пользу тем здраву
Душам, великолепные учинил храмы.
К чему слово, можете догадаться сами:
О доходах говорить церковных склоняет;
Кто дал, чем он жиреет, того похваляет,
Другое всяко не столь угодно есть богу
Действо; тем только может достать всяк мзду многу.
Когда где зван за столом — и мясо противно,
И пить много не может; да то и не дивно:
Дома съел целый каплун, да на жир и сало
Бутылки венгерского с нуждой запить стало.
Кто не знает внутрний строй притворного мужа —
Солнцем его назовет; а он — гнусна лужа.
Тих видом, а сердцем — тигр; в людях богомолен,
Лакомством как мех надут и гордостью болен.
Когда же прельстить тщится бедны человеки,
Мнит прельщать и всевидцы бога вышня веки;

Да, чаю, не удастся: изрядно той знает,
В каком теле какой дух и мысль обитает!
Не дай бог, чтоб когда в пир к другу позван будешь,
Возле Грунния ты сел — уж кушать забудешь.
Если ты ему знаком, то сперва поздравит,
От жены, детей своих поклон ти отправит;
Потом спросит о тебе: все ль благополучно
Живешь? чем забавишься? дома ли не скучно?
Также подробну начнет сказывать, как новый
Пруд в деревне копать стал, или, уж готовый
Того вынув с кармана чертеж, ти предложит,
Иль на ту стать ножики и вилки разложит.
Сочтет тебе что́ пашни, что́ берет оброку,
К какому всяк у него спеет овощ сроку,
Сколько давно владеет он деревню тую,
Крепость имеет или грамоту какую;
Как дом застроил в Москве, как завод заводит,
Как одна в год у него двух овец приплодит,
Как в полпуда качаны капустные весом
(Правду любит говорить немного с примесом).
Не оставит ничего, если что сам знает,
Чтоб тебе не рассказать; тогда же он чает,
Что ты нем и говорить никак не умеешь;
Говорить тебе не даст, хоть даст — не успеешь.
Если же ты незнаком, начнет вопрошати
(Молчать бо нельзя): как тя и отца назвати?
Какого роду? кто ты — русак или странный?
Сам ли выехал сюды иль приехал званный?
В каком чину? женат ли? есть ли у тя дети?
Почему в год доходу можешь ты имети?
Сколько лет? Да не все тут, не конец то делу:
Нужно о себе сказать. Тут-то уж без мелу,
Без верви, без аршина начнет кроить враки;
Правды где-где увидишь крошечные знаки.
Не тужи, уж будешь знать: какого он роду,
Кто таков, с какого взят в службу дня и году,
Под сколько осадами, в скольких войнах смело
Присутствовал, пробито где пульками тело;
Сочтет целый календарь имен воеводам,
Вспомнит, кто был в их роде приставлен к заходам;
Не забудет рассказать, сколько терпел нужды

В войнах, в делах, отлучен всегда в краи чужды,
Как нигде взад не бегал, везде был передний,
Напоследок — как достал уж чин свой последний.
Да где все то мне списать, что он в стол наскажет?
Не столько зерн в снопах, что мужик в день навяжет,
Не столько божбы купец учинит в продаже
Товаров чрез целый год и не столько в краже
Раз пойман целовальник, судье давши плату,
Очистит себя и всю казенну утрату,
Не столько раз мы грехи осудим соседа,
Сколько выйдет с его уст речей в пол-обеда.
О, если бы те слова возмогли приняти
Хоть малейшу на ся плоть, где бы их девати?
В цехауз бы не вместил число так несчетно,
Хотя здание сие пространством приметно.
    Катон если зол, если добры имать нравы,
Все то чинит, чтоб достать в жизнь и по смерть славы;
Если богу молится, если обижает,
Если приятен или зол ко всем бывает,
Если храм строить ищет или разорити
Ближнего создание — славен хочет быти.
Книгу ль издаст — не затем, чтоб в пользу народу,
Но чтоб имя известно было его роду,
Большими литерами в заглавьи сияет:
Кто творец — нельзя не знать тому, кто читает.
Казанье ли говорит — не раны желает
Исцелить душевные, но похвал жадает;
Для похвал — не для себя и дни ищет здравы;
Одним словом, не давай есть — дай ему славы.
Нарцизу все не нравно, все ему противно;
Продерзок ли кто — ничто; мирен ли — не дивно;
Одолел ли кто враги сильны и отважны —
Невелико, говорит, дела те неважны;
Исправил ли кто закон, судит ли кто право,
Благонравен ли, или рассуждает здраво,
Учен ли кто, пользу ли сделал кто народу,
Дал ли власть кто над огнем иль укрощать воду —
Все то плюнуть! Перед ним и весь человеков
Род — ничто. Один только он изо всех веков
Есть, его же почитать всем прилично всюды.

По его словам, скоты суть прочие люди;
Он пригож, он добр, учен, он старого рода;
От прочих отняв, ему все дала природа.
Все поступки — образцы, закон — всяко слово;
К войне ли, к миру его есть сердце готово —
В обоих бо он один может показати,
Как ввесть обильство в народ и врагов смиряти.
Собою весь наполнен, о себе и мыслит;
Чает, что всех прочих бог и в твари не числит.
И все, что есть смысленно, глаз, ухо имеет
Для того, чтоб дивиться ему, и что деет
И говорит он — слушать, а то бы и дела
Не было им; лишние б были части тела.
Хоть повсюду глупостью людей в свете полно,
Нарцизами больш всего набит он довольно.
Клитес жалок и смешон; словом, подпить любит;
И когда прочим немил — нищ и себя губит;
Где пир, где гуляние — без него уж пусто;
Не пьет вино слабое — грызет пиво густо.
Глаза красны, весь распух, в лоскутах кафтана
Честь можно, что на ком он — ярыжного сана.
Когда приймется за что — дрожат руки, ноги,
Как под брюхатым дьяком однокольны дроги;
До тех пор с похмелья он, пока с сна проснется;
Редко в вечер ложится, пока не напьется;
Весь день философствует, показуя ясно,
Что есть пусто в твари; кто спорит — врет напрасно.
О, если бы сей муж был в египетском роде,
Где всяк себе изберет бога по природе,
Где иной собак, иной кошек почитает,
Ин — солнце, ин — чеснок, что сад его рождает, —
Без сумнения, вину он бы принес жертву.
Солнце мало видит он, кошку знает мертву,
Собаку — також, чеснок гнусно в брюхе трется;
Сколь же тот блажен живет, кто вином напьется:
Бесстрашен, весел, один что все презирает
Бедства, скорби, доволен собою бывает!
Целадон на всех плюет и мнит, непристойно
Говорить с людьми, сидеть <с ними> недостойно.
Как войдет в палату, где множество народу,
Распихнет всех, как корабль плывущ сечет воду,

И хоть бы знал, что много злата с плеч убудет,
Нужно вперед выступить, позадь стать не будет.
Садится ли где за стол — первый стул захватит,
Перву рюмку он выпьет — чести не утратит;
Облокотится на стол, то то, то другое
Блюдо пред себя подать велит, снять иное;
Из его рук приходят с здоровьями кубки,
Все его слушать слова, зреть должны поступки.
Распялив грудь, бровь подняв, когда знак ти оком
Подаст на низкий поклон — в почтеньи глубоком
Тебя имеет, ибо говорить с кем слово
Не всегда удается, — не всегда готово.
Мнит он, что вещество то, что плоть ему дало,
Не такое же было, но нечто сияло
Пред прочими; и была та фарфорна глина —
С чего он, а с чего мы — то навозна тина.
Словом, Целадон спесив; все в том заключаю
Страсти, ибо в ком та есть — и вся быти, чаю.
Еще сии извинить можно в людях страсти,
Хоть прочим горьки; в ком те — тем те не без сласти:
Влечет к злу людей мысль та, что доброе ищут
Иль пользу имеют, иль мнят, что пользу сыщут.
Тиций богат, в Фабии святость почитают,
Дамон прост, свата всех дел сведома быть знают,
Сосед Тициев время проводит забавно,
Грунний речист: искусство то многим есть нравно,
Катон славен, а Нарциз хоть собой доволен,
Честь Целадон хранит, от мыслей Клитес волен;
Не вем же, Зоил какую слать в страсти находит
Своей, когда бо иным постыл, сам наводит
И себе мучение; знаешь ли что сила
Речей моих? — завистью зло сердце Зоила...
Шабаш, музо моя! что ж мер в речах не знаешь?
Забыла с кем говоришь, кому докучаешь?
Иль чаешь Феофана праздного сидети
И, кроме чтенья сатир, дела не имети?
Паство имать и церкви управитель главен,
В дворе, в храме, в городе не напрасно славен,
Трудится сам то пером, то властию, много
Пользу добрым подая, наказуя злого.

Или хочешь Калепин всем страстям составить
И толикого мужа зевать тем заставить?
Полно, довольно ему; больше тебя смыслит,
Сколь разнит свет злобою; коли хочет — счислит!
Мне с тобой философом делаться столь кстати,
Сколько слепому в очках при свечке читати.
Да думаешь ли, чтоб дней моей жизни стало,
Что списать, что всякому любить на ум вспало?
Малейшую часть страстей не успел списати,
А стенают уж не две под виршми тетрати;
Сколько ж еще не стает! Где еще лукавый,
Который ласков видом, а всем вреден нравы?
Где лакомый, что хочет, чтоб все его было:
Земля, вода, воздух и небо его слыло?
Где костей смел любитель, иже всю забаву
В них ставит, и жизнь, и смерть, и всю свою славу,
Что дрожит весь, как трясет в рожке зуб слоновый,
Ждя, бездушен, чтоб трижды шесть легли готовы,
А то ни тварь, ни творец хулы не отбудет?
Кто помнит, что проиграл, тот бога забудет!
Где охотник, ему же псы суть вся утеха,
Который в людях скорбен, в скотах рвется с смеха?
Где проклятый безбожник, без души, без веры,
Иже волю за закон вменяет без меры,
Иже духи и адск огнь, в нем же злым страдати,
Басни сказывает быть, чтоб ребят стращати?
Неудобь, верь мне, то все исписать и слушать,
Легче заставить можешь чернца мясо кушать.
Людей много, и страстей, ей, в людях немало,
К одним то, к другим ино злое да пристало:
Кастор любит лошадей, а брат его — рати;
Подьячий же силится и с голого драти.
Сколько глав — столько мыслей и охот различных.
Моя есть — стихи писать против неприличных
Действ и слов; кто же мои (и я не без пятен)
Исправит — тот мне честен и будет приятен.

Полно, музо! перестань, не налагай бремя
Лишно мужу, ему же есть дорого время.
Довольно на вопрос твой примеров к доводу:
Скорлупой не вычерпнешь всю морскую воду!

А право, можешь скучить, коли по сю пору
Не скучила; наконец, то верно без спору,
Что коль худо кто пишет — добро писать мало;
Тебе к чему на стихах врать долго пристало?

САТИРА IV

К МУЗЕ СВОЕЙ

Музо! не пора ли стиль отменить твой грубый
И сатир уж не писать? Многим те нелюбы,
И ворчит уж не один, что, где нет мне дела,
Там вступаюсь и кажу себя чересчур смела.
Много видел я таких, которы противно
Никому не писали, угождая льстивно,
Да и так мало счастья возмогли достати;
А мне чего по твоей милости уж ждати?
Всякое злонравие, тебе неприятно,
Смело хулишь, а к тому и говоришь внятно;
Досаждать злым вся жадна — то твое веселье,
А я вижу, что в чужом пиру мне похмелье.
Вон Клеоб уже протест на меня готовит,
Что нечистый в тебе дух бороду злословит;
Иной не хочет писать указ об отказе,
Что о взятках говоришь, обычных в приказе;
И Лентул с товарищи, сказывают, дышет
Гневом и, стряпчих собрав, челобитну пишет,
Хочет-де скоро меня уж на суд позвати,
Что, хуля Клитесов нрав, тщуся умаляти
Пьяниц добрых и с ними кружальны доходы.
А Брутус, тверды всегда любящий доводы,
Библию, говорит, всю острожской печати
С доски до доски прошед, готов показати,
Что противно закону и безбожных дело
Мантию полосатой ризою звать смело.
Одним словом, сатира, что чистосердечно
Писана, досаждает многим, всеконечно,

Ибо всяк в сем зеркале, как станет смотрети,
Мнит, зная себя, лицо свое ясно зрети.
Музо, свет мой, стиль твой мне, творцу, ядовитый,
Кто бить всех нахалится, часто живет битый;
И стихи, что чтецов всех на смех побуждают,
Часто слез издателю причина бывают.
Знаю, что правду пишу и имен не значу,
Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу;
Да правда редко люба и часто некстати —
Кто же от тебя когда хотел правду знати?
Вдругорь скажу: не нравна, — угодить не можно,
Всегда правду говоря, а хвалити ложно
Приличнее живущему между человеки,
Нежли правдиво хулить, — таковы днесь веки.
Чего ж плакать, что люди хромают душою?
Коли правдой все идти — таскаться с сумою.
Так мода: иль закажи, чтоб шляп не носили
Маленьких, или люди пусть живут как жили.
Лучше нас пастыри душ, которых и правы
И должность есть народа исправляти нравы,
Да молчат: на что в ссору вступать со всем светом?
Зимой дров никто не даст, негде гулять летом.
Буде мыслишь, что Персий, Ювенал, Гораций
Римлянов всех осмеял, славных из всех наций,
И ничто претерпели, не страх тем, но слава
Следовала от сатир, и что того ж права
Причастник был Боало, всей Франции чудо, —
Позволь учтиво сказать, что ты мыслишь худо.
Где римлянов тех и где француза сатиры?
Их дозрелые стихи не как твои, сыры, —
В них шутки вместе с умом цветут превосходным
И слова гладко текут, как река природным
Током, и что в речах кто себе зрит досадно —
Не в досаду себе мнит, что сказано складно.
А в твоих что такого? без всякой украсы
Болкнешь, что не делают чернца одни рясы.
Так ли теперь говорят, так ли живут в людях?
Мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях;
И, недруг сущи смертный, тщись другом казаться,
Если хочешь нечто быть и умным назваться.
Зачнем, музо, в похвалах перья притупляти,
Ну-тка станем Туллию приветство писати.

Туллий, знаешь ты, лукав, что́ если рассудно
Истолковать, то в нем ум похвалить не трудно.
Оставя убо, что есть, сделаем такого,
Каков бы он должен быть; мода та не нова,
Всяк так пишет, кто хвалить у нас теперь хочет:
Тому, кому вьявь поет, сам в сердце хохочет.
Если Туллий не нравен, выбери другого.
Вот хорош Сильвандр; он тих, не добьешься слова
От него чрез целый день, и хотя ты знаешь,
Что он с глупости молчит, если пожелаешь,
Можешь сильно доказать, что муж он не про́стый,
Но с рассудства обуздал язык свой преострый.
Хорош, право, и Квинтий; в десть книгу составить
Можешь, коль дела его захочешь прославить.
Видишь, как он приятен, всякого ласкает,
Учтиво все говорит, честно всех примает
И силится всякому быти благодетель,
Как сулит, — не однажды слов тех бог свидетель.
Полно того; а с чего таков он бывает,
Писать незачем: благо, что мало кто знает.
Не пиши того, что он затем столь умилен
И добр ко всем, что вредить никому не силен.
Да много таких, о ком списать стопу целу
Можно; легко их узнать, хоть нет в спине мелу.
Поверь мне, убытку нет хвалить, хотя ложно,
Коль мзды в том не получишь — пострадать не можно.
Буде ж тебе род стихов таковых несроден,
Запой, как Тирсис-пастух Люцинде негоден;
Как, когда овец своих на водные токи
Приводя, плачет: раны от любви глубоки;
Как, блудящи с горести в лесу край до края,
Часто петь нудит эхо, Люцинду взывая.
Коли ж петь скучишь, можно причину сыскати
Печальное что писать; и что больше кстати
Нам здесь, смертным, как печаль? Тужить не напрасно
Можем, приближаяся к смерти повсечасно.
Есть о чем писать — была б лишь к тому охота;
Было б кому работа́ть — без конца работа.
А лучше век не писать, чем писать сатиру,
Яже ненавистная мя, творца, чинит миру!

Но всуе тебя к сему, музо, побуждаю:
Рифмы не могу прибрать, как хвалить желаю;
Сколько ногти ни грызу и тру лоб вспотелый,
С трудом стишка два сплету, да и те неспелы,
Тверды, ушам досадны и на те походят,
Которы по азбуке святых житье водят.
А как что вредно в нравах усмотрю — прилежно
Стихи под пером текут, и выразить нежно
Так мне легко, как тому, кто был в краи чужды,
Узнать доброе вино и кое пить с нужды.
Не могу никак хвалить, что хулы достойно, —
Всякому имя даю, какое пристойно;
Не то в устах, что в сердце, иметь я не знаю:
Свинью свиньей, а льва львом просто называю.
Нескладно же, мне мнится, в доме стадо гнати,
И рог громкий посреди Москвы надувати,
И, сидя в теплой избе, бранить ветры злые,
В стенах нудить эхо петь песни полевые.
И не смешон ли б я был, коль, любви не зная,
Хотел бы по Ирисе казаться здыхая,
А Ирис вымышленна — не видывал сроду;
Однак по ней то гореть, то топиться в воду,
И всечасно сказывать, что вот умираю,
Хоть сплю, ем сильно и в день ведро выпиваю.
Печальное же писать нет воли, ни силы.
Хоть я знаю, что умру, да дни, ей! мне милы,
И глупо, мне кажется, что гроб близк, тужити,
Коли в нем хоть сегодне, хоть завтре, а быти!
Одним словом, в сатирах хочу состарети,
А не писать мне нельзя: не могу стерпети,
Когда вижу, что мельник, с волосов недавно
Стрёсший муку, нажив уж имя в людях славно,
Спесивится и, гневом полн, жмурит глазами,
Что в палате делают мухи пыль крылами.
Коль глупец, что губы чуть помазал в латину,
Хвастает наукою и ищет причину
Безвременно всем скучать долгими речами,
Ест и пьет аргументом, говорит стихами;
Коли напудрен гребец и в парче сын дьячий,
Мудрец спит на войлоке, на пуху — подьячий,
И чтят того, кто может денег больше дати, —
Трудно уж воистину сатир не писати.

И для того, хотя смерть рысцой или скоком
Доедет меня скоро, или уж в глубоком
Узрю возрасте свои седины в покою,
В чужестранстве ль буду жить или над Москвою,
Хоть муза моя всем сплошь имать досаждати,
Богат, нищ, весел, скорбен — буду стихи ткати;
И понеже ни хвалить, ни молчать не знаю,
Одно благонравие везде почитаю, —
Проче в сатиру писать в веки не престану,
Разве в жидах не станет денег и обману,
Разве пьяных в масленой неделе не будет
И целовальник в вино воду лить забудет.

САТИРА V
НА ЧЕЛОВЕКА

Предисловие на пятую сатиру

Признаю с Горацием, что на так малую книжицу, какова есть одна сатира, неприлично есть долгое предисловие; а наипаче пишучи правду, к чему нужно извинение, для которого особливо предисловие пишется? Да в наш век лучше не вовремя и не к месту многоречием себя оправдить, нежели искать равномерность, и, говоря правду, весьма нужно показывать, что говорено то не по злобе. И для того и мне позволено будет на мал час скучить моим читателям.

Немалая и почти лишняя (многие скажут, увидя сию сатиру) смелость есть писать против целого рода человеческого, когда и одному учиненная досада достойна бывает отмщения. Но таковых людей сколь скор суд, столь и неправеден, потому что во всяком действе прежде надлежит рассуждать волю и намерение человека, а потом судить, добро ли или зло действо то; понеже часто случается, что с первого взгляду действо какое нам зло кажется, а как оное основательно рассмотрим, находим противное.

Если по сему правилу разбирать мою сатиру, не знаю, что бы могло найтиться в ней человеческому роду противное, ибо титул самый «На человека» хотя мнится таков, много, однако, сатира от того разнится, будучи в ней воля моя та только, чтоб, изобразив развращение нравов, обличить злых человеков поступки, чрезмерное их непостоянство и глупую их суету; намерение же — ввести людей в путь добродетели, понеже то известно, что кто злое хулит, тем самым доброе хвалит.

Тут может мне кто сказать: когда ты намерен был охулить злых людей поступки, для чего не против одних злых пишешь, но на всех устремляешься? и пословица говорит, что в большой семье не без

урода; не сумнимся мы все, что есть много злых людей, да есть же и добрых, и потому обличения, которые тем приличны, сим неправедно чинимы бывают. Выговор сей весьма правилен был бы, если бы я против всех неизъятно писал да того у меня не бывало: имя *человека* как добрым, так и злым обще есть, и потому, на злых пишучи, правильно мог я надписать сатиру свою: «На человека». Впрочем, все характеры, которым я смеюся, суть злых, а не добрых людей характеры, и все стрелы мои летят на злонравных, а добронравие (и потому и добронравных), сколько случай и место позволяло, хвалю и почитаю.

Во всей сатире одно только место есть, в котором я говорю, что злость человеков так обща и велика есть, что насилу десять добрых людей можно счесть от самого начала света до нынешнего века; да кто ж не видит, что сей образ речения стихотворный больше для украшения, нежели для доводу поставлен? Можно ли думать, что во время пророка и царя Давида не было ни одного доброго человека? Однако ж он пишет, что господь, с небесе приникши на сыны человеческие видети, аще есть разумеваяй или взыскаяй бога, ни одного такого не нашел; вси уклонишася вкупе неключими быша, несть творяй благостыню, несть до единого! (Пс. 13, ст. 2 и 3). И Боало в десятой сатире говорит, что во всем Париже только трех честных жен счесть может:

On peut trouver encore quelque femme fidèle
Sans doute et dans Paris, si je sais bien compter,
Il en est jusqu'à trois que je pourrais citer.

(сатира 10, ст. 42)

Да нельзя потому сказать, что он так думал, как кажется, что говорил, понеже в таком великом городе, каков есть Париж, нельзя было ему быть сведому о всех женщинах.

Сии два примера имея (один священный, а другой мирской), можно ли мне в вину причесть, что я им следовал? Обвинение то или мне неправедно, или и тем двум стихотворцам прилично. Но понеже одному из тех за великую святость, а другому за пространную славу то учинить невозможно, убо ни мне, имеющему их себе предводительми; и сие я во оправдание свое мня быть довольно, не распространяя более, прошу всех читать без пристрастия то, что беспристрастно писано, и рассмотрять прилежно, что мои стихи, хотя под общим именем *на человека* устремляются, однако ж доброго гораздо от злого различают и, досаждая злонравию, силятся угодить добродетели.

Что же склада и силы стихов касается, в том полную власть всяк имеет осудить, охулить и исправить, понеже суть юношества произведение и плод весьма малой науки.

Вы, которы прилежны подражать природе,
Что та ни произвела твари в всяком роде,
Художною рукою звыкли представляти
В сладость очам и мертвым сильны живность дати!
Коль по прочих трудах ум к вымыслам удобный
Силите рождать странны уроды и злобны,
Не сфинксе, не химере тщитесь образ дати,
Ни из разных тел чудных одно составляти;
Оставьте зверей лютых, киньте скотов грубость!
Желаяй нечто собрать, в чем бы крайня глупость,
Крайня свирепость была и все без порядку, —
Человека напиши, пиши без оглядку!
Где так чудну сыщешь тварь, кой урод дичее?
Право, тот, что Гораций описал, складнее.
Пройди ж землю из края до другого края,
Зачни с Москвы до Перу, с Риму до Китая —
Не найдешь зверя столько, как человека, злобна,
С всех животных в глупости не сыщешь подобна.
Разбери человека, не мне емли веры —
В воле его и в нравах ни складу, ни меры.
Видишь ли купца того, кафтан весь в заплате? —
Не один сундук с сребром в кладовой палате;
Всего много, и можно б жить ему в покои,
Да нет! вот уже не спит, бедный, ночи с трои,
Думая, как бы ему сделаться судьею:
Куды-де хорошо быть в людях головою!
И чтят тебя, и дают; постою не знаешь;
Много ль, мало ль — для себя всегда собираешь.
Став судьею, уж купцу немало завидит,
Когда, по несчастию, пусто в мешке видит
И, просителей слыша у дверей вздыхати,
Не выспавшись, должен встать с теплой кровати.
«Боже мой! — говорит он. — Что я не посадский?
Черт бы взял и чин и честь: в них же живот адский.
Блаженны купцы наши: они жить умеют,

В богатстве и в покою растут и седеют».
Пахарь, соху ведучи иль оброк считая,
Не однажды вздыхает, слезы отирая:
«За что-де меня творец не сделал солдатом?
Не ходил бы в серяке, но в платье богатом,
Знал бы лишь ружье свое да свого капрала,
На правеже бы нога моя не стояла,
Для меня б свинья моя только поросилась,
С коровы мне ж молоко, мне б куря носилась;
А то все приказчице, стряпчице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине».
Пришел побор, вписали пахаря в солдаты —
Не однажды уж вспомнит дымные палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,
Десятью в день заплачет по сером жупане.
«То ль не житье было мне, — говорит, —
в крестьянстве?
Правда, тогда не ходил я в таком убранстве,
Да летом я в подклети, на печи зимою
Сыпал, в дождик из избы я вон ни ногою;
Заплачу подушное, оброк господину,
А там, о чем бы тужить, не знаю причину:
Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома;
Хлеба у меня чрез год, а скотам — солома;
Дальня езда мне была съездить в торг для соли
Иль в праздник пойти в село, и то с доброй воли,
А теперь — черт, не житье: волочись по свету;
Все бы бела рубашка, а вымыть чем — нету;
Ходи в штанах, возися за ружьем пострелым,
И где до смерти всех бьют надобно быть смелым;
Ни выспаться некогда, часто нет что кушать,
Наряжать мне все собой, а сотерых слушать».
Чернец тот, что намеднись чрезмерну охоту
Имел ходить в клобуке и всяку работу
К церкви легку сказывал, прося со слезами,
Чтоб с ангельскими в счете был и он чинами,
Сегодня не то поет: «Рад бы скинуть рясу,
Скучили уж сухари, полетел бы к мясу;
Рад к черту в товарищи, лишь бы бельцом быти,
Нет мочи уж ангелом в слабом теле слыти».
Младый сын в жизни отца за десятьми прячет
Замками рубль один, а за грош горько плачет;

Умер отец-то он же велики намерен
Дела делать богатством, исправитель верен
Отцовского приказу: петь сорокоусты
Хочет, создати церкви, и, которы пусты,
Монастыри обновить, и создать убогим
Богадельню. А потом, временем немногим
Одумавшись, говорит: «Нет! полно, умнее
Будет деньги те беречь; всяк себе милее.
Возьму волю, поеду гулять в краи чужды,
Слава богу, есть мне чем, нет мне ни в ком нужды».
Да опять: «Коли ездить? пора мне жениться».
И ходит — свадьба в уме, и спит — свадьба снится;
Купил перстень, вот завтра обручаться станет —
Кто б думал, что с другою мыслью завтра встанет!
А встав — уже все не то: «Куды мне деваться, —
Говорит, — с женой? разве с людьми уж не знаться.
Нет, не женюсь!» Между тем пришли навещати
Друзья в печали: ну-тко, сел в кости играти —
Сыплет молодец мешки. Где сорокоусты?
Где церкви, свадьба, езда? — уж мешки все пусты.
Так мы тверды, таковы одноличны нравы!
Тот, кто поутру жадал достать себе славы,
Всяким способом ища, ни совести зная,
Ни милости, ни сродства на союз взирая,
Тот к вечеру уж мыслит, как бы бежать с света,
Как в тишине без шуму дожить дряхлы лета.
В один час ищет случай, чтоб жену пояти,
В другой час того же брак слышишь проклинати.
То богат хотел бы быть — то деньги мешают;
То грустно быть одному — то люди скучают.
Сам человек невесть что хотеть: теперь тое
Хвалит, а потом сие; с одно на другое
Пременяет мысль свою, и — что паче дивно —
Вдруг одно желание другому противно.
Кратка жизнь человека — велики затеи;
Ума полон, а висит глупых дел на шеи
Не один кулек; к воле чрезмерна охота,
А ни в ком так не впилась, как в него, работа;
Полну власть в воле зная, сам в себе не волен;
Как иными, так собой всегда недоволен.
Все то часть несовершенств, часть разности чудной:

Все списать — глупа смелость, труд бы был
претрудной!
Злостью же человека кой зверь одолеет?
Когда лев на льва или медведь свирепеет
На медведя? Кто слыхал, чтоб тигры войною
На тигров же поднялись? Злобны под водою
Крокодилы знают ли, разбився на части,
Истреблять сами род свой для прибавки власти?
Всякий зверь, хотя как лют, в другом почитает
Звере подобность свою и пределы знает
Злости своей полагать с тем, в ком род свой видит:
Один другого добру никогда завидит.
Человек только в злобной ярости честь чает,
Когда человека съесть может и желает,
И того славным зовет, кто больше был вредный
Прочим людям, от кого страдал род наш бедный.
Видишь ли войнолюбца? И земли пространны,
И довольство имеет, однак в чужестранны
Власти с яростью бежит на слаба соседа,
Жжет, рубит без милости, не оставит следа
Жилища его, целы истребит народы;
А потом, чтоб действо то на многие годы
Памятно было, люди ж ему посвящают
Башни, храмы, ворота, богом называют.
Вельможа той, вышню власть не могий терпети
В иных руках, свирепством своим того ж дети
Отечества взаимну гибель подущает;
Того ж града жители друг друга ссылает,
И один другому смерть, жаден, ищет дати;
Под подобным знаменем — враждебные рати;
Блещет зло оружие, текут струи крови,
А он, сердцем радостен, поднимает брови
И хвастает, что его совет столь был здравый,
Что жизни не пожалел для воли и славы.
Другой явно наступать, слаб сый, не дерзает,
Тайны ямы к гибели сильнейшим копает:
То ядом поит, то сном в доме отягченна
Огню предаст, и рука, тайно воруженна,
Скольких без проводника ввела на путь ада.
Мать свирепа, о боже! жрет собственны чада,
Забыв страх и жалость всю; брат своего брата,
Сын отца побивает, лише бы утрата

Чести не была какой иль бы в том прибыток:
Жизнь ничто, когда дело — чтоб не был убыток.
Сверх того, зверь, когда зол, пользу себе чает:
Пищу ищет себе волк, как овцу терзает,
Лев, тигра умерщвляя, недруга сбыть тщится,
И бык, рогами вредя, от вреда щитится;
А человек без пользы себе иным вреден:
Хоть бы силен был, славен и собой небеден,
Коли видит, что другой его превышает
В славе, в силе, в богатстве, мертва себя чает,
Мучится сердце его, не знает покою,
Пока не сгубит кого; коли сам собою
Не силен к тому, прельстит сильного невежду;
Между тем он с того зла никую надежду
Себе ждет: не прибудет ни денег, ни чести,
Не наполнит действом тем печатные вести.
Мало ему, что рука бесовским советом
Наставлена показать искусным наветом
Чрез мал прах велику смерть пылать из металла;
Мало, что железо, сталь ядовитей жала
Змеиного остротой — в крайну гибель бедну
Роду человеческу ввел ябеду вредну,
Истинный Пандоры дар. Сколько погибает
Людей чрез нее, сколько всю жизнь воздыхает,
Сколько сирот померло, сколько вдовиц тают,
Пока стряпчие с дьяком выписку счиняют.
А в лесах звери того нимало боятся,
Без лукавства ссорятся, без злости мирятся,
Не заводятся дела, приказов не знают;
Орлы орлов на доску стать не вызывают;
Николи волк не всадил волка же в колоду,
Для чего без пошлины взмутил его воду;
Большой медведь от меньших улей с рук отняти
Не смеет за то, что он ему лучше кстати,
И волк, что трудом достал, хоть завистну оку
Подпал бы, не утратит тем, что не стал к сроку.
Да что ж, скажет кто-нибудь, человек уставы
Вымыслил и правила, чем добрые нравы
Вводить и злых свирепость в пользу укрощати,
Не знак ли то доброты? где то зверям знати?
Подлинно — знак, но впротив: не доброты — злости.
На что б пила, каб не столь тверды были кости?

Если б не зол человек, на что бы уставы?
Законы уставлены, чтоб исправить нравы
И удержать склонность к злу, что нам с детства сродно;
Нужда сделала закон; а то б, ей! несходно
То самое исправлять, что право собою.
Звери, понеже чище, нежли мы, душою,
Законов не требуют, да живут согласно:
Один у другого век не грабит напрасно,
Ни разбоев нет у них, нет кражи без нужды,
Свое место всяк знает; не вступает в чужды
Чистосердечны дела; вредят ли — то явно
И за нужду, не затем, что вредить есть славно.
Но ни зло, ни добро им, скажет, неизвестно,
Не знают, что прилично, что гнусно, что честно,
И как злы невзначай, так добры не нарочно.
Столь и лучше такое невежество прочно!
А мы что? знаем добро и то похваляем —
Любим злое и в том жизнь свою утверждаем;
Добродетель, хвалима гладом, хладом тает,
Злонравие все бранят, а всяк снабдевает.
Еще оправдание, скажет, я имею:
Человек один может добро и злодею
Своему делать, пищу дает неимущим,
Печальным утеху и помощь в бедах сущим,
А в зверях уж того нет, и слухом не знают.
Случается, правда, то, да скольких считают
Таких? Есть ли хоть десять в семьсот слишком веков?
Трудней таковых сыскать можешь человеков,
Нежли сливам средь зимы расти на соломе
Иль трезвых видеть певчих в епископском доме.
Итак, сумнюсь добро то совершенным звати,
Не навыкли мы даром добрыми бывати:
Коль милостыню даем — верь, себя жалеем;
Если то не чужое, наградить умеем
Убыток тот: не медлим отнять у другого
Стократ больше. Кто обул бедного босого,
Ведай, что башмаки те отнял и с штанами;
Когда кто утешает сладкими речами
В печали слезящего — иль весел с природы,
Иль смеется бедному, иль те ему годы;
Когда кто утесненну в бедах помогает —
Иль противнику его досадить желает,

Иль обиженный родня иль быти имеет,
Иль что не пуст у него мешок разумеет.
Кто даст, что себе нужно, кто, вред себе зная,
Бедному хочет помочь? ветр — надежда тая.
Такого-то Диоген ища человека,
Не сто свеч даром изжег и был смехом века.
Да полно уже о том; к глупости приступим
Смысленного животна. Но тут уж притупим,
Увы, не одно перо, ниже все списати
Воля мне есть; чрез век бо мой то б не скончати,
Столько она над нами заграбила власти.
Все места, и углы все, и все света части
Тоя в себе имеют преясные знаки;
И хоть кто стихи мои почитай за враки,
Лучше б людям дел своих в память не писати,
Полезней забвению было б предавати.
А то стыд и срам роду, и гнусно терпети,
Чтоб тварь, мниму умную, столь глупою зрети;
Ибо, хоть книги разбей, действа содержащи
Минувших времен, хотя смотри в настоящи
Веки дела человек — глаза потемнеют,
Пока сыщешь таких, что с умом сходство имеют.
Глупость, лишь родимся, к нам с лаской приступает
И чрез всю жизнь нам дружный товарищ бывает;
Ею в младенцах игры и смех происходит,
Она безрассудных в огнь, в воду прямо вводит
И все страхи презирать смело побуждает.
Множащимся же летам и та возрастает,
Отчего видим в юных: иного жадати
Крайню чести суету и тую искати,
Всяку добродетели красу презирая,
Не на нрав, но на злато свое уповая.
Иной, как в красавицу, влюбившися в славу,
Как на пир, в битву бежит злобну и кроваву;
Страх всякий и смерть саму ни во что не ставит,
Полн надежды, что имя свое так прославит.
Иной, любовью пленен, всю ночь воздыхает,
Не спит, лицо любезной с мысли не спускает;
Утро все пред зеркалом в уборах проводит,
Целый день, если можно, с глаз ея не сходит,
Для нее друзей, и жизнь, и все презирает,
Одну за крайне добро мнит и почитает.

Иной ни Марса труды, ни Венеры сладость
Ищет, — вся в картах стоит его крайня радость,
В тех все жития время своего теряет;
Ниже́ о ином когда лучшем помышляет,
Нежли как бы и ночи днем сделать, играя;
Богатство ему ничто, и злату какая
Цена невесть; ниже́ той умные советы
Друзей слушает, ниже́ почтительных леты
Родителей приказы полезны внимает —
Вся за сладость пагубной игры расточает.
Ин с корчмы не исходит, век свой пребывая,
Когда есть склянка с вином — мнится среди рая;
Ни о здравии мыслит, ни в что честь теряет,
Без вина, как без воды рыба, жить не знает.
Увидишь двух с ярости вне себя бывати,
Мечами друг другу смерть злу ищущих дати —
За что? за то, что им двум б. . дь люба едина.
Куды важна не щадить жизнь свою причина!
Полный возраст имеет свои недостатки:
В тот доспев люди, чины мнятся им быть сладки,
И затем видишь многих покой оставляти
В доме своем и трудам себя предавати
Жестоким, и питаться тщетою надежды.
Иные, блистание любящи одежды,
Отягчают плоть свою вредительным златом,
Мнящи глупца не глупым быть в платье богатом.
Иные, в безбрачии провождати время
Не терпящи, тяжкое на ся берут бремя,
Да и отца наживут имя, им приятно,
Вздыхают потом поздно уж неоднократно.
Ниже́ брак хулю честный: его же любови
Пламень — нрав сходство вина; но сии готови
Неизвестну с край света в жены себе взяти,
Лишь бы в рядной росписи было что читати.
Не лицо, не нрав, не ум они рассмотряют —
Много ли приданого в-первых вопрошают.
В старых, им же должно бы, чтоб искус прибавил
Ума, право, то ж видим: ин себя прославил
Изнуренными силы в Венерином поле;
Ин, все расточая, стал убог с доброй воли;
Ин над кучей денег с гладу помирает,
И что вложит кусок в рот, то цену считает.

Без зубов и с сединой с морозу колеет,
Боясь тронуть мешков, а сам разумеет,
Что весь свет смеется им; но мысль его знаю:
Я сам-де, в сундук смотря, себя похваляю,
Хотя надо мной народ безумно хохочет;
Всякому воля дана — живет всяк как хочет.
Увидишь столетнего старика в постели,
В котором лета весь вид человека съели,
И на труп больше похож; на бороду плюет,
Однако дряхлой рукой и в очках рисует.
Что такое? ведь не гроб, что ему бы кстати, —
С огородом палаты, где б в лето гуляти.
А другой, видя, что смерть грозит уж косою,
Не мысля, что сделаться имеет с душою,
Хоть чуть видят бумагу слабые в нем взгляды,
Начнет писать похорон своих все обряды:
Сколько архипастырей, попов и причету
Церковного пред гробом и сколько по счету
Родни за гробом пойдет с горькими слезами;
С сколькими и какими провожать свечами,
Чем покрыть гроб, где вкопать, и надпись какую
В память себе поставить; медну ль, золотую
Над ним лампаду свесить, кому панихиды
По нем петь; а ближнему сделанны обиды
Наградить и смириться, с кем брань имел вечно, —
О том ни слова, мнит бо лишным то, конечно.
В коем скоте покажешь мне действа такия?
Все об нужном пекутся и лишное тыя
С вредом себе не хранят, и суеты полны
О будущих мысли их не мучат, довольны
Сущи иметь в жизнь свою, что к тому полезно;
Любят без ссор так один, как два, что любезно;
Время знают к похоти, и обжорством тело
Не вредят, ниже́ пьянство известно им дело.
К тому ж видывал ли кто, чтоб за кусок злата,
За парчицу, чем будет красивей палата,
За вещь, правда, вкусную, но нам в естве вредну,
Чрез целые полгода скот терпел жизнь бедну,
Посреде вал подвержен бурям непрестанным,
И вверил ветрам живот свой непостоянным?
Видывал ли кто, чтоб скот пред другим гордился
И, худшего знав себя, лучшим являть тщился,

Или бы в лето лежал, а тужил зимою,
Что есть нечего и нет деньги за душою?
Ей, нет! равенство в себе хранят все любезно,
Трудятся, запас чиня в том, что им полезно.
Мала пчела с коликим трудом себе в зиму
Готовит мед, чтоб пищи не зреться лишиму,
Когда север иссушит цветы все на поли!
И муравей чтогодно пóтом и мозоли
Наполняет амбар свой богатством Цереры;
А как мразов свирепством, не знающих меры,
Естество начинает унывать бесплодно —
Животно то из гнезда станет неисходно,
Наслаждаяся зиму тем, что нажил летом.
    Человек, один ума одаренный светом,
В темноте ходит век свой; не в время прилежен,
В чем не нужно — трудится, а в потребном — лежень;
Все, что он ни делает, — без смысла, некстати,
Все нравно и не нравно, и обыкл бывати
Без причины радостен, без причины скорбен;
Наудачу он любит, гонит, смирен, злобен,
Делает, портит, множит, малит, возвышает,
Низит, ищет с жадностью или обегает.
И да словом в глупости явим крайность рода,
Вспомним мы, что человек, — его же природа —
Прах, ничто, и подвержен бедам непрестанным,
Болезням, страхам, смерти, страстям несказанным,
Который каплю дождя не силен есть дати,
Ни жизни знает конец, ни как продолжати, —
Дерзнул богом себя звать и таковым мнился,
Честь, ему должну, себе искать не стыдился.
Вспомним, что люди и те, своими руками
Излив или вырезав болван, того ж сами
Как бога чтят, боятся, помощь ожидают
От него, когда мертва, бесчувственна знают;
Иль животно бедное как суще пресильно
Чтят; или пред чесноком молятся умильно;
Люди ж те, что столь дивный чин во твари зрящи,
Стольки телá пречудны в воздухе висящи,
Так порядочный тех ход и пользу приятну,
Разность видов животных, умом непонятну,
И телес наших состав, и жизни причину —
Природы дело (увы, с страху перо кину!) —

Природы дело то быть, безумно болтают;
Все то собой сделалось, и никого знают
Твари творца, и что уж двизатися стало —
Движенью не требует своему начало,
Ниже́ есть кто создатель преумный, превечный,
Правящий вся, пресильный, страшный, бесконечный, —
Что же прибыли им в том? все их обегают;
Страха полны, хотя вид дерзостный являют,
Беспокойна совесть их, терпит мысль ужасно,
Юже не быть силу мнят, той самой чточасно
Трепещут и почти ждут бесконечну муку —
Только затем, что нову следуют науку.
Право, если все то знать умным можно дело —
Можно сказать, что душа вкупе есть и тело!
Здесь пора бы уж кончать, но зрю пред собою
Толпу людей брадатых, черною главою
Кивающих, и слышу с яростью вопити —
Временной вечной казни мя достойна быти
За то, что тварь изящну, чудну, несказанну,
Наподобие творца премудро созданну,
Так охулить дерзнуло перо неучтиво.
Доброе в худо вменять велико ли диво?
Убо оправдаться в том есть мне только воля,
А потом, собрав ружье, сам ударю с поля.
Хоть я невеликий чтец, столько, однак, знаю,
Что известная бога милость с край до краю,
Персть взявши, создала нас самому подобных,
Мудрых, правых и чистых, к греху неудобных,
И дав жизнь бесконечну, полну всякой сласти,
Без страху и без труда, без бед, без напасти.
Но вем и то, что Адам, получив супругу,
Слышал указ, что в раю, гуляя с досугу,
Мог бы от всяких древес, что в раю, вкушати,
Кроме того, что сильно есть знание дати.
Но той когда с сладких уст супруги любезной
Услышал, сколь красив плод и сколь вкус полезной,
Как лицом, так и умом равен богу быти,
Забыв заказ, возжадал, взял плод, смел вкусити.
Тотчас, сколь пагубна сила того древа,
Узнали, да уж поздно: и Адам и Ева
Впали в беды и труды и подпали власти
Смерти, и пленили их многовидны страсти,

И когда всемудрому равны быть искали —
Во́спою греховною и вид потеряли,
Так, что, изгнанны с рая, если б кто им дати
Мог зеркало, чуть себя могли бы узнати.
Мы же, которы из них род свой весь изводим,
Их любопытством на них, бедные, походим.
И коли б не так, то кто б мне велел писати
Ложь на себя; принужден бо то признавати,
Что и я, хотя пишу против человека,
Человек один с многих нынешнего века;
Но истину утаить не могу, не знаю,
И затем, как кто хочет, а я вот кончаю.

ПИСЬМО ХАРИТОНА МАКЕНТИНА К ПРИЯТЕЛЮ О СЛОЖЕНИИ СТИХОВ РУССКИХ

Государь мой!

Я не знаю, для какой причины отправленные вами книги в прошлом годе только на сей неделе ко мне дошли; но вы из того изволите узнать, для чего я медлил удовольствовать желание ваше в том, что касается до книжицы под титлом «Нового и краткого способа к составлению стихов русских».

Приложенный от остроумного ея сочинителя труд столь больше хвален, что в самом деле народ наш до сих пор лишается некаким образом предводителя в стихотворном течении, многие часто с прямой дороги сбивалися. Наипаче же хвален, что с необыкновенною стихотворцам умеренностию представляет опыт свой к испытанию и исправлению тех, кои из нас имеют какое-либо искусство в стихотворстве.

Тем данным от него позволением пользуясь, больше же еще ревности его споспешествуя, отважился я некакие примечанийцы составить, которые к тому ж концу, *то есть к установлению правил стихосложения русского,* служить могут и притом меня окажут послушным к приказам вашим.

Глава 1
О РОДАХ СТИХОВ

Стихи степенные

§ 1. Я стихи русские разделяю на *три рода. Первого* составлены, наподобие греческих и латинских, стопами без рифм, каков есть следующий:

Христе любви пламень един еси вышнего сыне.

§ 2. Правда, что тот род стихов никто из наших стихотворцев не употреблял; но, однако ж, я не вижу, для чего б они не могли иметь места в русском стихотворстве. Различие русского языка с греческим в составе грамматическом не столь велико, чтоб то было довольным поводом смеяться Максимовской количественной просодии.

§ 3. Я к ней отсылаю тех, кои любопытны отведать свои силы в том роде стихов, и не советую презирать вещь какую для того только, что до сих пор не было в употреблении. Может быть, что по употреблении найдется приятна.

Стихи свободные

§ 4. *Второго рода* стихи состоят из некоего определенного числа слогов, хранящих некую определенную же меру в ударении голоса, и которые я бы назвал, итальянцам последуя, *свободными,* каковы суть следующие:

Долго думай, что о ком и кому имеешь
Сказать. Любопытного беги: говорлив он;
Бесперечь отверстые уши не умеют
Вверенное сохранять; а слово, однажды
Выпущенное из уст, летит невозвратно.

§ 5. Как я не чаю, что стихотворство русское *одно и тое же с французским,* так и не могу согласиться, что *такие, без рифм, стихи некрасивы на русском языке* для того, что у французов не в обыкновении. Язык французский 1) не имеет стихотворного наречия; те ж речи в стихах и в простосложном сочинении принужден он употреблять. К тому ж 2) непременно поставлять местоимение прежде имени, имя прежде слова, слово прежде наречия, и, наконец, управляемую словом речь в своем падеже, то есть не позволено на французском языке *преложение* частей слова, без которых двух помочей необходимо нужно украшать стих рифмою; а инако был бы он речь простосложная.

Наш язык, напротиву, изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога и укрепить тем стихи свои; также полную власть имеет в преложении, которое не только стих, но и простую речь украшает. Итальянцы, гишпанцы, англичане и, может быть, другие еще, коих

ПИСМО.

Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских.

Государь мой!

Я не знаю для каких причин отправленные вами книги в прошлом году только на сих неделях ко мне дошли; но вы из того изволите узнать для чего я медлил удовольствовать желание ваше в том что касается

язык мне незнаком, имея подобные нам способы, были много удачливы в *свободных стихах.* Для чего ж бы нам не предпочесть суд стольких народов?

Стихи однокончательные

§ 6. *Третьего рода* стихи совсем предыдущим подобны, только что по меньшей мере всякие два должны кончаться рифмою; каковы суть следующие:

Ездок, что в чужой земле, ему неизвестной,
Видит на пути своем лес вкруг себя тесной,
Реки, болоты, горы и страшны стремнины
И, оставя битый путь, ищет пути ины,
Бедный, блудит, многие, где меньше он чает,
Трудности и наконец погибель встречает;
Так в течение житья, где предлежат многи
Бедства и страх, гинет тот, конечно, кто ноги
Сведет с пути, где свои расставила вехи
Добродетель, сгладив все опасны помехи.

§ 7. О сих двух последних родах стихов у нас слово впредь будет; но прежде нежели к правилам оных приступим, чаю, не должно миновать некакие примечании о рифмах.

Глава II
О ВЫБОРЕ РИФМ

Определение рифмы

§ 8. *Рифма* изрядно определена *подобным окончанием последних слогов двух речей,* но, чаю, нужно к тому примечать, что многосложные речи русские иные имеют *ударение голоса* на последнем слоге, как *рука, звезда, толокно,* иные — на предпоследнем, как *сажа, сочевица, окошко*; иные на препредпоследнем, как *стенание, изряднее, любимица* (не упоминая о других, в которых ударение еще далее относится, как в слове *всяческая,* понеже к нашему делу не служат).

Рифма скольких видов

§ 9. Потому рифмы могут быть *односложны, двухсложны* и *трехсложны.* Первые называются *тупыми,* вторые — *простыми,* третьи — *скользкими.*

Правила рифм тупых

§ 10. *Тупые,* кончающиеся на гласные, должны иметь по меньшей мере одну букву пред тем гласным подобну, а что больше, то лучше; так *сноха* и *веха* лучшую рифму составляют, чем *крупа* и *сова,* и еще гораздо лучшую *тесло* и *весло, блоха* и *соха.*

§ 11. Когда же кончатся на согласное — не только предыдущее тому гласное, но и последующее припряжногласное должны быть подобны неотменно, как в сих речах: *поклон, звон, труд, пруд* и проч., ибо *звонъ* и *вонь, ядъ* и *ядь,* за одним различием припряжногласных *ъ, ь,* рифму не составляют.

Правила рифм простых

§ 12. *Простые* рифмы должны иметь два слога подобных, таким образом, чтоб по меньшей мере с гласного в предпоследнем слоге, на котором лежит ударение, все буквы до конца, не выключая припряжногласные *ъ* и *ь,* были те же, как в сих речах:

Примета, ответа. Рубашка, Ивашка.
Книга, вязига. Играют, ступают.

§ 13. А еще лучше, ежели и предыдущие тому гласному одна или две буквы найдутся подобны, каковы суть в сих речах:

Обезьяна, изъяна. Летаю, встретаю.

Правила рифм скользких

§ 14. *Скользкие* рифмы требуют, чтоб с самого гласного в препредпоследнем слоге, на котором лежит ударение, все прочие буквы были подобны, не выключая припряжногласные, как в следующих речах:

Летание, звание. Сколзают, ползают.

Глава III
О ВОЛЬНОСТЯХ РИФМ

§ 15. Хотя точное исполнение сих правил в составлении рифм мне необходимо кажется в сочинениях недолгих, каковы суть эпиграммы и прочие, которые не превосходят ста стихов, нужно, однако ж, от того увольняться; например:

1. Можно почитать подобными согласные *д* со *т*, *б* со *п*, *ж* со *ш*, *г* со *х*, когда за ними следует согласное, так, что нарочиту рифму составляют:

Водка, глотка.
Утка, дудка.
Удобный, стопный.
Нужный, воздушный.
Дроглый, иссохлый.

2. Можно почитать подобными гласные *а*, *е*, *и* двухгласным *я*, *ѣ*, *ы* в слоге предпоследнем так, что нарочиту рифму составляют:

Выти, вопити.
Сыто, влито.
Вялю, салю.
Сияю, внимаю.
Скоротечный, вечный.
Сияние, блистание.
Унылые, хвилые.
Хмельные, цельные.

3. Можно подобными почитать припряжногласное *ъ* со *ь* между двумя согласными, так, что нарочиту рифму составляют:

Полный, вольный.

Все те три вольности в рифмах *тупых* места не имеют; сносны в *простых*; в *скользких* совсем извинительны за малым числом таких рифм.

4. Можно выкинуть согласное из среди двух гласных, так, что нарочиту рифму составляют:

Известный, тесный.
Сластный, красный.

5. Можно рифму составлять из той же речи в различном знаменании, как:

Лук — зелие; *Лук* — орудие.
Царю — звательное имя царя; *Царю* — царствую; и проч.

6. Можно прилагать букву *и* к неопредельным, чтоб учинить, например:

Писати вместо писать.
Пети — петь.
Пити — пить.

7. Можно отметать в прилагательных *й*, так, что рифму нарочиту составляют:

Пряны, пьяный.
Волны, полный.

8. *Простый* и *острый* иногда могут составлять рифму за многим подобием звона в произношении тех двух речей. Не знаю, найдутся ли другие две подобные.

§ 16. О всех тех вольностях нужно помнить, что сколь реже употребляются, столь лучше, и что весьма худо употреблять вдруг две вольности, как, например, в сей рифме:

Пряны, званый.

где *я* поставляется подобно букве *а* и краткое *й* отметается в речи *званый.*

§ 17. Наипаче советую оставлять подлым стихотворцам рифму неопредельных на *ати,* понеже она уху весьма неприятна, разве когда одна речь есть имя, а другое — слово; каковы, например:

Мати, спати; тетрати, писати; и проч.

§ 18. Совсем не хвалю преложение силы с одного слога на другой, так, чтоб вместо *главá* писать *глáва,* вместо *закóн* писать *зáкон* и проч.

Глáва IV
О МЕРЕ СТИХОВ

Скольких видов стихи

§ 19. Стихи русские могут составлены быть от тринадцати до четырех слогов.

Стоп рассуждение не нужно

§ 20. По моему мнению, рассуждение стоп в составлении всех оных излишно. Но нужно наблюдать, чтоб во всяком стихе на некоторых двух слогах лежало ударение голоса.

Что слог долгий и короткий?

§ 21. Такие слоги называю я *долгими,* а прочие все *короткими.* Например, в речи *изрядная,* слог *ря* есть долгий, *из, дна, я* — короткие.

Перенос позволен

§ 22. Я не вижу, для чего б *перенос* речи из первого стиха в другой, следующий, когда одним целое разумение речи кончить не можно, был запрещен. Греки, латины, итальянцы, ишпанцы, англичане не только в порок то не ставят, но и украшение стихам почитают. Перенос не мешает чувствовать ударение рифмы доброму чтецу, а весьма он нужен в сатирах, в комедиях, в трагедиях и в баснях, чтоб речь могла приближаться к простому разговору. К тому же без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифмы повторением, от которого напоследок происходит не знаю какая неприятная монотония, как то французы своим стихотворцам сами обличают.

Слитии не отметаются

§ 23. *Слитии* (разумея тем *й*) мне нимало вредными не кажутся. Напротиву, я чаю, что сколь больше их в каком стихе вмещено, столь он уху приятнее, понеже производят некую удобность в течении голоса, которую нежное ухо с наслаждением различает.

§ 24. Но частое повторение тех же согласных в одном и том же стихе, а еще больше усугубленных, как в сем поправленном:

Ум так слабый плод трудов краткия науки,

весьма уху досаждает, и потому должно того убегать.

Правила тринадцатисложного стиха

§ 25. *Тринадцатисложный* стих, который изрядно *эроическим* назван, для того что всех способнее соответствует эксаметру греческому и латинскому, должен состоять из двух полустиший.

§ 26. Речь, которая кончает первое полустишие, должна быть связана с предыдущими, а не следующими в последнем, так, что все союзы, предлоги, местоимения возносительные не могут быть слогом пресечения. И сие правило есть общее сечениям и прочих стихов.

§ 27. Первое полустишие имеет семь слогов, второе — шесть.

Тот/ лишь/ в жи/зни/ сей/ бла/жен,//
1 2 3 4 5 6 7
кто/ ма/лым /до/во/лен.
1 2 3 4 5 6

§ 28. Слоги первого полустишия по четвертый могут быть долгие и короткие, как ни случатся; но неотменно нужно, чтоб или *седьмой* был долгий, или *пятый*. И в сем последнем случае — чтоб *шестой* и *седьмой* были короткие.

§ 29. Второго полустишия *предпоследний* слог всегда должен быть долгий; так, что ежели рифмами пишется, то была бы она неотменно двухсложная, ибо мне мнится, что тупые рифмы в таких стихах весьма уху несносны.

Пример:

Что/ поль/зу/ет/ мно/же/ство // лю/дей/ без/рас/суд/но
1 2 3 4 5 6 7 1 2 3 4 5 6
Привесть в удивление, когда в оном трудно.

Час/ о/ни/ мо/гут/ сто/ять // и /что/ те/перь/ хва/лят,
1 2 3 4 5 6 7 1 2 3 4 5 6
Величают, спустя час низят уж и малят,
Когда честный, мудрый муж, сколь часто случится
Ему на нас вскинуть глаз, от дел наших рдится.

§ 30. Но буде кому угодно кончить сей стих тупою рифмою, то должен последнее полустишие таким образом учреждать, чтоб *третий* и *шестой* слог были долгие, а *четвертый* и *пятый* — короткие неотменно.

Пример:

Что/ поль/зу/ет/ мно/же/ство // без/рас/суд/но/ лю/дей.
1 2 3 4 5 6 7 1 2 3 4 5 6

Правила стиха двенадцатисложного

§ 31. *Двенадцатисложный* стих делится на два шестисложные сечения, которых последнее неотменно должно

иметь *пятый* слог долгий, *шестой* — короткий. А первое может 1) или совсем быть подобно второму, или 2) иметь, и гораздо лучше, *шестой* долгий, или 3) *четвертый* долгий, а *пятый* и *шестой* неотменно короткие.

Пример:

Лег/ко/ не/воз/дер/жный // я/зык/ в бе/ду/ вво/дит.
1 2 3 4 5 6 1 2 3 4 5 6

Дой/дет/ тот/ да/ле/е // кто/ и/дет/ не/ спеш/но.
1 2 3 4 5 6 1 2 3 4 5 6

Не/воз/врат/но/ бе/жит // кры/ла/то/е/ вре/мя.
1 2 3 4 5 6 1 2 3 4 5 6

§ 32. Потому сей стих требует неотменно рифму простую.

Правила стиха одиннадцатисложного

§ 33. *Одиннадцатисложный* стих составляется также из двух полустиший, которых первое имеет пять слогов, второе — шесть.

Пример:

Мед/ны/я/ всхо/дят // в ру/ках/ на/ших/ сте/ны.
1 2 3 4 5 1 2 3 4 5 6

§ 34. Второе полустишие следует правилу, предписанному о втором же полустишии эроического и двенадцатисложного стиха.

§ 35. Первое же, пятисложное, должно иметь ударение на *четвертом* слоге.

Пример:

Вла/сте/лин/ ми/ра // нуж/ду/ тво/ю/ зна/ет,
1 2 3 4 5 1 2 3 4 5 6
Не лишит пищи, не лишит одежды
Кто того волю, смирен, исполняет,
Не отщетится в нем своей надежды.

§ 36. Собою явно, что и сей стих не терпит другой рифмы, кроме двухсложной.

§ 37. Ежели ж хочешь, чтоб кончался тупою, то первое полустишие учини шести слогов, а второе — пяти, и в первом *пятый* слог долгий, а во втором *второй* и *пятый* долгий, *третий* и *четвертый* короткий неотменно.

Пример:

В нем/ не/от/ще/тит/ся // на/деж/ды/ сво/ей.
1 2 3 4 5 6 1 2 3 4 5

Правила эндекасиллаба катуллианского

§ 38. Если кто склонен подражать катуллианским *эндекасиллабам,* должен: 1) делить одиннадцатисложный стих на два полустишия таким образом, чтоб в первом было шесть, во втором пять слогов; и 2) неотменно хранить в первом полустишии *четвертый* слог долгий, *пятый* и *шестой* короткие, а во втором — *четвертый* долгий.

Пример·

Ко/му/ дам/ но/ву/ю // книж/ку,/ ис/прав/но
1 2 3 4 5 6 1 2 3 4 5
Многим очищенну трудом недавно?
Книжку забавную тебе дам, другу,
Никито, ты мои стишки с досугу
Охотно преж сего чел, признавая,
Что в шутках кроется польза какая.

Правила стиха десятисложного

§ 39. *Десятисложный* стих должен состоять из двух пятисложных полустиший или (и гораздо лучше) из одного четырехсложного, а другого шестисложного.

§ 40. Когда стих состоит из двух пятисложных полустиший, то второе должно неотменно иметь *четвертый* свой слог долгий. В первом полустишии ударение голоса лежать должно или на *третьем* слоге (и в том случае четвертый и пятый имеют быть неотменно короткие), или на *четвертом,* или на *пятом;* но в сем последнем случае и *второй* слог должен быть долгий неотменно.

Пример:

К кон/цу/ бли/жим/ся // мы/ по/вся/час/но,
1 2 3 4 5 1 2 3 4 5
Те/бе/ мы/ слу/жим, // силь/но/му/ бо/гу.
1 2 3 4 5 1 2 3 4 5
Те/бе/ мы/ по/ем, // тва/ри/ вла/ды/ке.

§ 41. Я чаю, что все те три вида стихов десятисложных можно одно с другим мешать не некрасиво.

§ 42. Ежели стих состоит из четырехсложного и шестисложного полустишия, то первое должно всегда быть четырехсложное, а второе — шестисложное.

§ 43. Четырехсложное может ударение иметь или на *третьем* слоге:

Ви/дим/ страш/ну // на/ле/та/ти/ бу/рю
1 2 3 4 1 2 3 4 5 6

или на *четвертом,* и гораздо лучше:

Те/бе/ по/ем, // выс/ше/му/ вла/ды/ке.
1 2 3 4 1 2 3 4 5 6

§ 44. Второго полустишия *пятый* слог должен быть неотменно долгий.

§ 45. По всему тому явно, что сей стих требует рифму двухсложную.

§ 46. Но можно еще сочинять *десятисложные* стихи и другим способом, без сечения, которые приятно кончаться будут тупою рифмою.

Пример:

Сла/бо/е/ здра/ви/е/ лю/бит/ по/кой,
Стужа скучна тому, скучен и зной,
Всего ж вреднее бывает печаль,
Что сердце грызет та, как ржа грызет сталь.

Такого вида стихи должны необходимо иметь *седьмой* и *десятый* слог долгие, *осьмой* и *девятый* короткие; но будет стих звончае, если и *первый* слог будет долгий.

Правила стиха девятисложного

§ 47. *Девятисложный* стих имеет свое сечение, и потому — два полустишия. Первое — четырех, второе — пяти слогов.

§ 48. В первом и втором полустишии *четвертый* слог должен неотменно быть долгий, и потому рифма — двухсложная.

Пример:

Пер/вый/ о/тец // на/ше/го/ ро/да
1 2 3 4 1 2 3 4 5
Вкусом плода // рая лишился.

§ 49. Поставя первое полустишие вместо второго, а второе — на место первого, сей стих изрядно кончаться будет тупою рифмою.

Пример:

На/ше/го/ ро/да // пер/вый/ о/тец
1 2 3 4 5 1 2 3 4
Рая лишился // вкусом плода.

Но тогда сверх вышеписанного примечать должно, чтоб второго полустишия (которое уже четырехсложное) *первый* слог был долгий, а *второй* и *третий* — неотменно короткие.

§ 50. Есть еще и другой способ к составлению *девятисложных* стихов без сечения, но трудный, для того что неотменно требует *скользкую* рифму и чтоб *первый, четвертый* и *седьмой* слог был долгий, а *осьмой* и *девятый* — короткий неотменно же.

Пример:

Лиш/ня/ го/ряч/ность/ к поз/на/ни/ю
1 2 3 4 5 6 7 8 9
Зла и добра была гибелью
Нашего рода начальнику.

Правила стиха осьмисложного

§ 51. *Осьмисложные* стихи сечения не имеют, но нужно примечать, чтоб *третий* и *седьмой* слог были долгие.

Пример:

Сколь/ко/ бед/ный/ су/е/тит/ся
1 2 3 4 5 6 7 8
Человек за малу славу.
Ночь не спит, и день томится,
Чтоб не сел сосед по праву,
Чтоб народ ему дивился
И с хвостом всегда тащился;
Знатно бедный забывает,
Что по смерти прах бывает.

§ 52. Красивее еще будет сей стих, ежели хранить будет *первый, четвертый* и *седьмой* слог долгие, а прочие все — короткие.

Пример:

Тва/ри/ вла/ды/ко/ все/моч/ный,
1 2 3 4 5 6 7 8
Если мой глас тебе внятен,
Нуждам доход моим точный,
Кратку хоть жизнь, но без пятен,
В здравом дай теле мысль здраву,
В страшный день дай стать по праву.

§ 53. Собою явно, что и сей стих требует рифму простую.

§ 54. Но ежели желаешь, чтоб кончился тупою, то должно, чтоб *пятый* и *осьмой* слог были долгие, а *шестой* и *седьмой* — короткие неотменно, и еще лучше, ежели и *второй* слог будет долгий.

Пример:

Не/дол/го/ чис/ло/ на/ших/ дней,
1 2 3 4 5 6 7 8
За днем другой бегло летит.

§ 55. Кто умеет сочинять стихи тринадцати-, двенадцати-, одиннадцати- и десятисложные, то уже легко может сочинять стихи *семи-, шести-, пяти-* и *четырехсложные,* понеже сии суть полустишия первых и сечений не требуют.

Правила семисложных стихов

§ 56. Следуя убо показанным уже правилам, *семисложный* стих должен иметь ударение или на *седьмом* слоге, или на *пятом,* и в сем случае *шестой* и *седьмой* имеют быть неотменно короткие.

Пример:

Тот,/ кто/ до/бро/де/те/лей
1 2 3 4 5 6 7
Идет путем, дерзостно
Ждет себе свидетелей,
Зная, что те мерзостно
Де/ло/ об/ли/чить/ е/му
Не могут, и тишину
Совести он предпочтет
Богатству, славе, чину
Высокому и всему
Тому, что бессудно чтет,
В сластях погруженное,
Сердце изнуренное.

§ 57. Следует, что рифма тупая или скользкая сим стихам прилична.

Правила шестисложного стиха

§ 58. Разбив двенадцатисложный стих на свои два полустишия, родятся стихи шестисложные.

Пример:

Лег/ко/ не/воз/дер/жный
1 2 3 4 5 6
язык в беду вводит.

Дой/дет/ тот/ да/ле/е,
1 2 3 4 5 6
кто идет неспешно.

Не/воз/врат/но/ бе/жит
1 2 3 4 5 6
крылатое время.

§ 59. Потому в сем стихе можно употреблять рифму тупую, простую и скользкую.

Правила стиха пятисложного

§ 60. *Пятисложный* стих может иметь ударение голоса или 1) на *третьем* слоге, и в том случае *четвертый* и *пятый* должны быть неотменно короткие, или 2) на *четвертом*, или 3) на *пятом*. И, следовательно, все три рода рифм и в сем стихе употребительны.

Пример:

Ес/ли/ зо/ло/та
1 2 3 4 5
Ку/ча/ мог/ла/ бы
1 2 3 4 5
Жизнь продлить нашу,
Я бы охотно
Сби/рал/ и/ ко/пил
1 2 3 4 5
Сильно богатство.

Правила четырехсложного стиха

§ 61. *Четырехсложный* стих может иметь *третий* слог долгий, а *четвертый* короткий, и потому кончаться рифмою простою.

Пример:

Чи/сты/ нра/вы
 1 2   3 4
Суть приятны
Царю славы.
Из уст чистых
Ему внятны
Мольбы. Истых
Он слуг знает,
Проницает
Человека.
Его века
Утаиться,
Сколь ни тщится
Сердце злобно,
Неудобно.

§ 62. Может и, напротиву, иметь *четвертый* долгий, а *третий* короткий, и потому рифму тупую.

Пример:

Те/бе/ по/ю,
 1 2   3 4
Те/бе/ сво/ю
Жизнь предаю,
Небес царю.

§ 63. Из всех вышепредставленных правил можно приметить: 1) Что долгие стихи (каковыми называю все от тринадцати- по девятисложный, оба включая) красивее кончаются простою рифмою, чем всякою другою. 2) Что в некоих не неприятна рифма скользкая, но тогда слоги требуют особливого расположения. 3) Что буде тупыми рифмами кончать их желаем, то неотменно нужно, чтоб пред тою рифмою находилися два слога коротких, которые бы тот падеж в ухе предуготовляли. И 4) что в тех стихах, которые имеют два полустишия неравных, нужно же, желая кончить рифмою простою, чтоб первое полустишие было долее второго. Например, в одиннадцатисложном стихе чтоб первое полустишие было шести-, второе — пятисложное. Буде кто спросит у меня всему тому причину, я иную показать не могу, разве что ухо мое мне те осторожности советует.

§ 64. Не худо же однажды за все изъяснить, что о ко-

торых слогах в тех правилах не показано, каковы быть имеют, долгие ли или короткие, то разумеется, что могут быть долгие и короткие, как ни удастся.

§ 65. Чтоб столь спорее и одним взглядом усмотреть все меры различных стихов, о которых слово у нас было, прилагаю при сем следующую табель, в которой числа значат число слогов; — слог долгий; ◡ слог короткий; двойною чертою отгородка — сечение стиха.

ТАБЛИЦА СТИХОВ РУССКИХ

ВИДЫ СТИХОВ	МЕРА СТИХОВ													РИФМЫ, ИМ ПРИЛИЧНЫЕ
Тринадцатисложный	1	2	3	4	5	6	7 ‖	1	2	3	4	5	6	
	.	.	.	.	—	◡	◡ ‖	.	.	.	.	—	◡	} простая
	.	.	.	.	.	.	— ‖	.	.	.	.	—	◡	
	.	.	.	.	—	◡	◡ ‖	.	.	—	◡	◡	—	тупая
Двенадцатисложный	1	2	3	4	5	6 ‖	1	2	3	4	5	6		
	.	.	.	.	—	◡ ‖		.	.	.	—	◡	}	простая
	.	.	.	—	◡	◡ ‖	.	.	.	.	—	◡		
	.	.	.	.	.	— ‖	.	.	.	.	—	◡		
Одиннадцатисложный	1	2	3	4	5 ‖	1	2	3	4	5	6			
	.	.	.	—	◡ ‖		.	.	.	—	◡			простая
	1	2	3	4	5	6 ‖	1	2	3	4	5			
	.	.	:	.	—	◡ ‖	.	—	◡	◡	—			тупая
Эндекасиллаб катуллианский	1	2	3	4	5	6 ‖	1	2	3	4	5			
	.	.	.	—	◡	◡ ‖	.	.	.	—	◡			простая
Десятисложный двух равных сечений	1	2	3	4	5 ‖	1	2	3	4	5				
	.	.	—	◡	◡ ‖	.	.	.	—	◡				
	.	.	.	—	◡ ‖	.	.	.	—	◡	}			простая
	.	.	.	.	— ‖	.	.	.	—	◡				

Продолжение на следующей стр.

Продолжение

ВИДЫ СТИХОВ	МЕРА СТИХОВ											РИФМЫ, ИМ ПРИЛИЧНЫЕ
Десятисложный двух различных сечений	1	2	3	4 ‖	1	2	3	4	5	6		
	.	.	—	◡ ‖	.	.	.	.	—	◡	}	простая
	.	.	.	— ‖	.	.	.	.	—	◡		
Десятисложный без сечения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
	—	.	.	—	.	.	—	◡	◡	—		тупая
Девятисложный с сечением	1	2	3	4 ‖	1	2	3	4	5			
	.	.	.	— ‖	.	.	.	—	◡			простая
	1	2	3	4	5 ‖	1	2	3	4			
		.	.	—	◡ ‖	—	◡	◡	—			тупая
Девятисложный без сечения	1	2	3	4	5	6	7	8	9			
	—	.	.	—	.	.	—	◡	◡			скользкая
Осьмисложный	1	2	3	4	5	6	7	8				
	.	.	—	.		.	—	◡			}	простая
	—	◡	◡	—	◡	◡	—	◡				
	.	—	.	.	—	◡	◡	—				тупая
Семисложный	1	2	3	4	5	6	7					
	.	.	.	.	—	◡	◡					скользкая
	.	.	.	.	.	.	—					тупая
Шестисложный	1	2	3	4	5	6						
	.	.		—	◡	◡						скользкая
	.	.	.	.	—	◡						простая
	.	.	.	.	.	—						тупая
Пятисложный	1	2	3	4	5							
	.	.	—	◡	◡							скользкая
	.	.	.	—	◡							простая
	.	.	.	.	—							тупая
Четырехсложный	1	2	3	4								
	.	.	—	◡								простая
	.	.	.	—								тупая

Глава V

О ВОЛЬНОСТЯХ В МЕРЕ СТИХОВ

Для чего вольности нужны?

§ 66. Кто не отведал еще стихи сочинять, почает, что нетрудное дело несколько слогов вместить в одну строку. И правда, кто чает, что стих в том одном состоит, — легко, на одной стоя ноге, много их намарать может, но не то же, когда дело идет составлять порядочные, по правилам, и уху и уму приятные стихи. Трудность тогда немалая встречается так в соглашении здравого смысла с рифмою, как и в учреждении слогов; для того стихотворцы принуждены иногда от правил удаляться, но таким образом, чтоб то отдаление было неважное и маловременное, а не конечное с ними разлучение, и то называется *вольностию.*

§ 67. Выше сего уже я представил те вольности, которые можно употреблять в выборе рифм; теперь слово будет о тех, которые в мере стиха простительны.

§ 68. Свойство языка нашего определило всем односложным речениям, каковы, наприклад: *все, ты, друг, стол, лоб* и проч., ударение голоса. Следовательно (по § 21), все подобные речи суть долгие. Но в нужде изрядно могут почтены быть короткими, которую вольность самое ухо наше извиняет. Так, в сем стихе междоимение *мой* составляет слог короткий:

— ◡ ◡ — ◡ — — ◡
если мой глас тебе внятен.

Сокращение речи изрядная вольность

§ 69. Все сокращения речей, которые славенский язык узаконяет, можно по нужде смело принять в стихах русских, так, например, изрядно употребляется *век, человек, чист, сладок* вместо *веков, человеков, чистый, сладкий.* Всего же реже употреблять советую *мя, тя, ми, ти* вместо *меня, тебя, мне, тебе.*

Окончания славенские в прилагательных позволены

§ 70. Не с меньшею смелостию должно употреблять все окончания славенские в прилагательных вместо русских; так, изрядно стоит *сладкий* вместо *сладкой, изряд-*

ный вместо *изрядной.* Но сия вольность больше рифмы, чем меры касается.

Некаких особливых наречий и союзов сокращение

§ 71. Вместо *буде, больше, ежели, или, коли, между, позади, хотя* и подобных можно писать *будь, большь, ежель* или *ежли, иль, коль, нежель* или *нежли, однак, меж, позадь, хоть.*

Сокращение прилагательных на *ами* и на *ою*

§ 72. Изрядно употребляется вместо творительного на *ами* или *ою* сокращенное на *ы, и* и *ой;* так, писать можно *роги* вместо *рогами, советы* вместо *советами, рукой* вместо *рукою.*

Но о сих последних примечать должно, что ежели случаются два прилагательных или прилагательное и существительное, то оба неотменно должно кончить тем же образом. Например, вместо *чистою рукою* можно писать *чистой рукой*; но гораздо уху противно *чистою рукой.*

Сокращение неких местоимений

§ 73. Не знаю, не вольно ли же учинить *твойму* или *твому* вместо *твоему*; *свойму* или *свому* вместо *своему*; *мойму* или *мому* вместо *моему*; *свого* вместо *своего.*

Переменение слогов *ие* на *ье*

§ 74. Можно бессумненно все имена, кончащиеся на *ие,* кончать на *ье* и писать, например, *счастье* вместо *счастие, знанье* вместо *знание.*

С вместо *из* позволено обычаем

§ 75. *С* вместо *из* общий обычай разговора узаконяет. Кто не ведает, что по вся дни говорим *с уст его, с золота* вместо *из уст, из золота.*

Приращение буквы *о* к предлогу *из*

§ 76. Помнить должно, что за предлогом *из* вольно вставливать гласное *о,* когда следующая речь гласною начинается: *изо уст* вместо *из уст.*

Во, со, ж, б вместо *в, с, же* и *бы*

§ 77. Так, изрядно пишется *во, со* вместо *в, с* и, напротиву, *ж* и *б,* когда предыдет гласное, вместо *же* и *бы.*

Отменение второго лица в глаголах на *шь* вместо *ши* и неопредельных на *ть* вместо *ти*

§ 78. Можно в глаголах второе лицо единственного числа кончить на *ши* вместо на *шь* и неопредельные на *ти* вместо на *ть*; например, *пишеши* вместо *пишешь, читати* вместо *читать.* Но я гораздо того бы убегать хотел, когда тою речью стих кончается, понеже такие рифмы весьма уху противны.

Отменение наречий на *ей* вместо *ее*

§ 79. Наречия, кончащиеся на *ее,* можно кончить *ей* и писать, например, *умней, честней* вместо *умнее, честнее* и проч.

§ 80. Не сумневаюся, что сыщутся еще и иные вольности, которые столько ж могут быть простительны, но мне под руки те не попалися. Найдут их и обыкновенными учинят со временем искусные наши творцы; и нужны те находки, понеже, правду сказать, мне стихов наших сочинение кажется весьма трудное, и в тесных пределах заключено.

§ 81. Впрочем, много себе творец пособить может, присвояя стихотворные образы речений греческих и латинских, которыми обогатив язык свой, в состоянии найдется одно дело многими различными образами изображать и потом избирать образ речения, который в меру стиха приходит.

§ 82. Остается о том одном напомянуть, что когда

имеем сочинять какую песню по данному голосу, то уже совсем от вышепредписанных правил, сколько меры касается, увольняться можем, ежели состоянию напева не согласуются, понеже в песнях нужно, чтоб ударение в речах соответствовало долготе или краткости голоса и число слогов стиха соглашалося числу нот, а сечения — падежам песни.

§ 83. Итак, уже мне мнится, государь мой, что я некаким образом исполнил приказ ваш содержанием письма своего, которое заключаю, чистосердечно подписуяся

Ваш, государя моего, покорный слуга *Х. М.*

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Поэтические произведения А. Д. Кантемира при жизни автора не были изданы. Связанный служебным положением, он не мог напечатать собственные сочинения без разрешения императриц — Анны Иоанновны, а затем Елизаветы Петровны. Добиться такого разрешения Кантемиру не удалось. Отсутствие печатного издания не помешало тем не менее широкому распространению произведений сатирика. В сотнях списков сатиры Кантемира разошлись по стране и, по свидетельству Ломоносова, были «в российском народе с общей апробациею приняты» (П. Пекарский. История Академии наук в Петербурге, т. 1. 1870, стр. 37—38).

Впервые сатиры были опубликованы уже после смерти их автора, в 1749 г., в прозаическом переводе на французский язык. В 1750 г. издание это было повторено [1]. Оба французских издания были подготовлены другом Кантемира — итальянцем Октавианом Гуаско, при непосредственном содействии выдающегося французского просветителя Монтескье. В 1752 г. фон Шпилькер выпустил в Берлине вольный стихотворный перевод сатир на немецком языке. Имя Кантемира приобрело европейскую известность. Русский поэт по справедливости стал в один ряд с прославленными сатириками мира. Между тем в России сатиры Кантемира продолжали распространяться в списках.

Только в 1762 г., спустя 18 лет после кончины поэта, его сатиры и другие поэтические произведения были изданы в Петербурге «при Академии наук». Издание осуществлялось с разрешения тогдашнего президента Академии наук К. Г. Разумовского на «собственный кошт» издателя И. Тауберта; редактирование было поручено поэту и переводчику И. С. Баркову. Академическое издание 1762 г. и по составу и по тексту определило печатную традицию сочинений Кантемира на целое столетие. Так, издание, вышедшее в серии «Русские классики» (Сочинения князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, изд. Толстой, Есипов, Языков. СПб., 1836. Вышли только 4 тетради), издание А. Смирдина (Сочинения Кантемира.

---

[1] См. список основных изданий сочинений А. Д. Кантемира на стр. 530.

СПб., 1847), издание П. Перевлесского (Избранные сочинения князя Антиоха Кантемира. М., 1849) и ряд других воспроизводили текст издания 1762 г.

Так продолжалось до 1867 г., когда появилось новое издание сочинений Кантемира, подготовленное В. Я. Стоюниным под редакцией П. А. Ефремова (Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, т. 1 и 2. СПб., 1867—1868).

Первоначально В. Я. Стоюнин и П. А. Ефремов, как и все предшествующие издатели, использовали в качестве источника текста издание 1762 г., редактированное И. С. Барковым. Но затем, когда том уже был сдан в производство и набран, академик А. А. Куник, как сообщает П. А. Ефремов, нашел «превосходный по отчетливости и выправке текста список с подлинной рукописи сатир и мелких стихотворений Кантемира, сделанный при Академии наук в 1755 году, т. е. за семь лет до напечатания 1-го издания». Этот список был предоставлен в распоряжение редакторов нового издания, и те, уничтожив набор, заново, по найденному списку отпечатали содержащиеся в нем произведения.

С появлением нового издания стали явственны недостатки первого. Оказалось, что И. С. Барков весьма вольно обошелся с текстами Кантемира. П. А. Ефремов специально приложил два отпечатанных листа ранее подготовленного текста по изданию 1762 г., чтобы, как он пишет, было «нагляднее видно обращение Баркова с порученными ему для издания творениями Кантемира».

В текстологическом отношении издание П. А. Ефремова считалось одним из образцовых в XIX веке, и не без оснований. Редакторы его задались целью представить сочинения Кантемира «в том самом виде, как были им написаны», и в известной степени достигли успеха. Достоинства этого издания несомненны, особенно с исторической точки зрения, но их не следует преувеличивать. В свете требований современной текстологии оно, бесспорно, устарело. В нем имеется ряд ошибочных чтений и других упущений, не говоря уже об опечатках. Кроме того, не все источники текста, использованные издателями, можно в настоящее время признать в достаточной мере авторитетными. Позднее были обнаружены списки ряда произведений Кантемира, более точные, чем те, какие были в распоряжении В. Я. Стоюнина и П. А. Ефремова. Наконец, в настоящее время это издание не может быть признано полным по составу, ибо за его пределами остаются произведения Кантемира, найденные и опубликованные после выхода данного издания в свет (особенно должны быть здесь отмечены богатые находками разыскания Т. Глаголевой).

В дальнейшем новых изданий Кантемира не появлялось, если не считать перепечатки его стихотворных произведений в издании С. А. Венгерова «Русская поэзия» (вып. I, СПб., 1893).

В советское время Кантемир отдельно не издавался. Избранные сатиры его печатались в различных хрестоматиях по литературе XVIII века, в сборнике «Вирши», вышедшем под редакцией П. Н. Беркова в малой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1935).

Настоящее издание является собранием избранных стихотворных произведений Кантемира. В него включены все известные нам оригинальные произведения поэта. В этом отношении оно более

полно представляет поэтическое наследие Кантемира, чем какое-либо из предыдущих изданий. Переводные произведения даны избранно. По сравнению с предыдущими изданиями здесь впервые воспроизводятся переводы Кантемира из Буало, перевод стихотворения Вольтера «Les deux amours» («О двух любвях»). В более полном виде публикуется текст оды «К императрице Анне в день ея рождения». В свое время Т. Глаголева напечатала отрывок оды, от 24-го до 88-го стиха. Составителю удалось найти недостающее начало и, таким образом, представить почти законченный текст этого произведения. В настоящем издании публикуется также ряд произведений, приписываемых Кантемиру. В разделе «Приложения» печатается текст пяти первых сатир в так называемой первоначальной редакции. О мотивах, по которым эта редакция воспроизводится в настоящем издании, см. ниже, на стр. 501—503. В этом же разделе помещено «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских».

Все произведения, предназначавшиеся Кантемиром для издания, снабжены примечаниями, им самим составленными. Примечания эти — не внешнее приложение к тексту, а органический элемент последнего. Как показывают данные творческой истории, Кантемир создавал свои произведения с расчетом на их последующее обязательное комментирование. Подобная установка оказывала существенное влияние на весь творческий процесс. В примечаниях раскрываются многие стороны мировоззрения и литературно-эстетической концепции Кантемира, не всегда ясно или полно выраженные в стихотворном тексте. Вместе с тем свод авторских примечаний образует один из важнейших элементов в системе литературно-тактических средств, применявшихся Кантемиром в целях защиты своей творческой позиции поэта-гражданина. Сам Кантемир подчеркивал, что примечания «к совершенному понятию моего намерения служат». Воля автора оказалась закрепленной двухсотлетней традицией печатных изданий Кантемира: примечания в них неизменно сопровождают стихотворный текст. По всем этим мотивам авторские примечания воспроизводятся в настоящем издании, но по техническим причинам они подаются не в форме подстрочных, как того требовал Кантемир («Примечания должно печатати на низу страницы, вмещая всякое примечание под стихом, к которому оно принадлежит»), а в виде общего свода, вслед за текстом произведений, к которым относятся.

При подготовке настоящего издания тексты подавляющего большинства произведений проверены по рукописным источникам — сохранившимся авторизованным спискам и наиболее исправным копиям. В тех случаях, когда рукописные источники отсутствуют, текст печатается по наиболее авторитетным публикациям, что и оговаривается в примечаниях.

Из многочисленных списков, содержащих произведения Кантемира, особо следует выделить упоминавшийся выше список, обнаруженный впервые А. А. Куником и переданный им П. А. Ефремову и В. Я. Стоюнину. Список этот раньше находился в Библиотеке Академии наук в Ленинграде (ф. 34, оп. 6, № 6), затем был передан в архив Института русской литературы (Пушкинский Дом), где и хранится ныне под шифром Р. II, оп. 1, № 132. На од-

ном из чистых листов в начале книги надпись: «Списана при Академии 1755 году». Книга озаглавлена «Сатиры и другие стихотворные сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями».

Сборник открывается «Письмом стихотворца к приятелю»:

Государь мой!

За несколько лет пред сим вы требовали от меня ведать, упражняюсь ли я еще в сочинении стихов, и, буде какие вновь сочинил, желали, чтоб я оные к вам переслал. Истинно в то время я вам ответствовал, что, вступая в новую должность, времени не имел к такому делу, к которому только в лишних часах прилежать позволено. Потом удалось мне три новые сатиры, несколько песней и басней и другие малые творенийцы составить; но усмотревая слог их весьма различествовать от прежних моих сочинений, которые до отъезда моего из отечества и кроме моей воли в люди вышли, принялся сии исправить. Много в том труда я положил, находя в них многие несовершенства и пороки, много в них отменил, много прибавил, больше же убавил, и могу сказать, что почти все сызнова переделал. Понеже вам, государю моему, преж сего мои сочинениицы явились отчасти угодны, отваживаюся исправленные и новые, все в одну книжицу собранные при сем к вам отправить, больше для исправления, чем для прочитания, и «чтоб лишних моих часов употребление вам было известно». Впрочем, неотменно пребываю

Ваш, государя моего,
покорный слуга * * *

Из Парижа 1743
Марта

P. S. Приложенные под всяким стихом примечанийцы нужны для тех, кои в стихотворстве никакого знания не имеют, и, кроме того, к совершенному понятию моего намерения служат.

За этим «Письмом», играющим роль своеобразного предисловия, следует «Таблица содержимых в книге сей сочинений». Приведем ее полностью, чтобы получить представление о составе и композиции сборника:

I. Архиепископа Новгородского и архимандрита Кролика похвальные автору стихи.
II. Словоприношение к императрице.
III. Предисловие на сатиры.

Сатиры

I. На хулящих учения. II. На зависть и гордость дворян злонравных. III. О различии страстей человеческих. IV. О опасности сатирических сочинений. V. На человеческие злонравия вообще. VI. О истинном блаженстве. VII. О воспитании. VIII. На бесстыдную нахальчивость.

Песни

I. Противу безбожных. II. О надежде на бога. III. На злобного человека. IV. В похвалу наук.

Письма

I. К князю Трубецкому. II. К стихам своим.

Басни

I. Огонь и восковой болван. II. Пчельная матка и змея. III. Верблюд и лисица. IV. Ястреб, павлин и сова. V. Городская и полевая мышь. VI. Чиж и снегирь.

Эпиграммы

I. На самолюбца. II. На икону святого Петра. III. На Брута. IV. На старуху Лиду. V. О прихотливом женихе. VI. Хроностическая на коронацию Петра II. VII. К читателям сатир. VIII. На Леандра, любителя часов. IX. На гордого нового дворянина.

Происхождение списка выясняется из писем Кантемира к М. Л. Воронцову (см. Архив князя Воронцова, т. I. М., 1870, стр. 357—365). По всем данным, список этот, который мы в дальнейшем будем именовать Академическим, восходит к рукописному сборнику, составленному Кантемиром незадолго до смерти (в марте 1743 г.) и посланному Воронцову для представления Елизавете Петровне и, в случае благоприятной резолюции императрицы, для последующего издания. В свое время В. Я. Стоюнин высказал другое предположение. Он считал, что данный список имеет своим источником особую рукопись, отличавшуюся по своему составу от упомянутого выше предсмертного сборника, отправленного императрице (В. Я. Стоюнин. Князь А. Кантемир в Париже. — «Вестник Европы», 1880, т. 5, стр. 190). Однако специальное исследование этого вопроса убедило составителя настоящего издания, что предположение Стоюнина основано на недоразумении и неточных данных. К сожалению, дальнейшая судьба предсмертного сборника, посланного императрице, неясна. В письмах к Воронцову Кантемир просил, в случае если указанный сборник не будет сразу передан в Академию наук для напечатания, позволить Н. Ю. Трубецкому снять с него копию и для сохранности передать его в императорскую библиотеку. (Просьбу эту сатирик мотивировал тем обстоятельством, что другой такой исправной рукописи у него не осталось.) В этой связи остается неясным, восходит ли Академический список, изготовленный в 1755 г., непосредственно к рукописной книге, отправленной Кантемиром, или же к какой-либо копии, снятой с этой книги до 1755 г. (возможно, Н. Ю. Трубецким).

Но и в том и в другом случае ценность Академического списка совершенно исключительна. Это самый полный сборник произведений Кантемира. К тому же он является единственным списком, представляющим текст окончательной редакции сатирического цикла и других сочинений Кантемира. Некоторые произведения — три сатиры (VI, VII, VIII), песни, письма, часть басен и эпиграмм —

вообще известны только по этому списку. Наконец, почти идеальная исправность Академического списка делает его весьма авторитетным в текстологическом отношении и заставляет предполагать максимальную близость к тексту Кантемира. По всем этим соображениям Академический список положен в основу композиции и текста настоящего издания.

При расположении произведений составитель, следуя воле автора, стремился, по возможности, придерживаться жанрового деления, а внутри жанровых рубрик — хронологического порядка. Однако выдержать этот композиционный принцип до конца не удалось. Отступления от него оказались неизбежными в виду того, что в настоящее собрание, наряду с произведениями, вошедшими в Академический список (предсмертный сборник), включены и стихотворения, оставшиеся за его пределами. Часть из этих последних распределена в соответствии с их жанровыми особенностями по рубрикам, установленным в названном списке. Остальные произведения, не укладывающиеся в эти рубрики, объединены в раздел «Разные стихотворения».

Трудности возникли и при расположении произведений внутри рубрик. Здесь помехой для последовательного осуществления хронологического порядка прежде всего служит авторская нумерация тех произведений, которые предназначались Кантемиром для печати. Номера эти стали неотъемлемым атрибутом наименования произведений и закрепились как в издательской, так и исследовательской практике. Чтобы не вносить путаницы и не нарушать устоявшейся за два столетия нумерации, пришлось поступить следующим образом: в рубриках, выделенных автором, сначала помещаются произведения, отобранные и пронумерованные им самим, а затем — включенные в эти рубрики составителем. Первые сохраняют авторскую нумерацию, вторые даются без нумерации. Исключение делается лишь для так называемой IX сатиры, поскольку ее номерное обозначение утвердилось давно. Выдержать до конца хронологический порядок мешает и то обстоятельство, что датировка многих произведений Кантемира до сих пор точно не установлена. Ряд коррективов, внесенных при подготовке настоящего издания, не решает проблемы в целом.

В примечаниях, принадлежащих составителю, указывается первая публикация (последующие упоминаются лишь в случае, если отличаются от первой), источник, по которому печатается текст, и рукопись, по которой произведена сверка. Ранние редакции, варианты и разночтения, встречающиеся в списках произведений Кантемира, как правило, в примечаниях не приводятся. Исключение делается лишь в тех случаях, когда это имеет существенное значение в идейном или художественном отношениях.

Примечания к переводам даются суммарно к каждому автору, а для комментирования отдельных произведений используются — выборочно и в сокращении — примечания, составленные самим Кантемиром. Первоначальная редакция сатирического цикла в данном издании печатается без авторских «Изъяснений». Однако последние имеют ряд существенных отличий от автокомментариев Кантемира к окончательному тексту сатир. В виду этого в примечаниях к отдельным сатирам первоначальной редакции приведены

наиболее важные в идейном отношении выдержки из названных выше «Изъяснений». Остальные сведения, касающиеся сатир этого цикла, читатель найдет в примечаниях к окончательному тексту.

Время написания многих произведений указано самим Кантемиром в авторских примечаниях. Но иногда здесь требуется уточнение, что и сделано в примечаниях составителя. Там, где представлялось возможным, сделана попытка датировать и те произведения, относительно которых не сохранилось свидетельств автора. Поскольку в ряде случаев это делается впервые, пришлось в примечаниях привести соответствующую аргументацию.

Большие затруднения возникают в связи с орфографией текстов Кантемира. Известно, что в его время нормы русского правописания еще не устоялись. Сам он зачастую испытывал колебания в употреблении соответствующих грамматических форм, в написании одних и тех же слов. Кроме того, следует учесть, что значительная часть поэтического наследия Кантемира дошла до нас в списках, «преписатели» которых, несомненно, также привнесли свои собственные написания, усилив и без того значительный орфографический разнобой, царивший в текстах Кантемира. При этом сейчас абсолютно невозможно определить, какие орфографические особенности принадлежат автору и какие «преписателям». В таких условиях требовалось соблюсти максимум осторожности. Стремясь в принципе приблизить текст настоящего издания к нормам современной орфографии, составитель вместе с тем счел необходимым сохранить наиболее существенные черты правописания Кантемира. Безусловно сохраняются написания, характерные для Кантемира и связанные с требованиями рифмы или размера стихотворения. В некоторых произведениях раннего периода, в частности в стихах, обращенных к Феофану Прокоповичу, Кантемир, судя по рифмам, по-видимому, произносил букву «ять» по-украински, т. е. как «и» (так же как и Прокопович в стихах к сатирику). Однако в настоящем издании буква «ять» всюду в соответствии с современной орфографией передается буквой «е». В угловые скобки заключен текст, не принадлежащий Кантемиру.

Все повторяющиеся в тексте устаревшие слова вынесены в словарь; в примечаниях объясняются только те слова, которые в тексте употреблены в особом, нераспространенном значении или в редкой форме.

СОКРАЩЕНИЯ И НАЗВАНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Академический список — Рукописный сборник произведений Кантемира, хранящийся в архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Р. II, оп. 1, № 132).

Архив Воронцова — Архив князя Воронцова, т. 1. М., 1870.

БАН — Рукописное отделение Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде.

БЗ — «Библиографические записки».

ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.

Глаголева. Материалы — Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1906. (Первоначально: «Известия Отделения русского языка и словесности», 1906, т. 11, кн. I и II.)

ГПБ — Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ИРЛИ — Архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

Курбатовская рукопись — Отрывки из рукописного сборника с пометками, сделанными рукою Кантемира. Хранится среди автографов Кантемира в рукописном отделении Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Летописи (с указанием тома) — Летописи русской литературы и древности, тт. 1—5. М., 1859—1863.

Петухов. Заметки — Е. В. Петухов. Заметки о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко. Киев, 1895.

Родосский. Описание — А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894.

Ст. — стих, строка.

Стр. — страница.

Кроме того, сокращения, принятые в наименовании печатных изданий Кантемира, см. на стр. 530 в списке основных изданий его сочинений.

СТИХОТВОРЕНИЯ

САТИРЫ

Кантемир неоднократно предпринимал попытки издать свои сатиры. Первая такая попытка относится к 1731 г., когда он, незадолго до отъезда из России, составил сборник, содержавший пять сатир, известных теперь по так называемой первоначальной редакции. Вторая попытка была предпринята в мае 1740 г., третья — в конце того же года. Состав сатир в этих сборниках был, по-видимому, одинаков и включал семь сатир (I—VII). Возможно, впрочем, что первый содержал только шесть сатир. Наконец, последняя, четвертая попытка (март 1743 г.) привела к созданию предсмертного сборника, содержавшего восемь сатир (I—VIII) в так называемой окончательной редакции. Копию с этого не дошедшего до нас сборника представляет упомянутый выше Академический список. Долгое время считалось, что указанные восемь сатир исчерпывающе представляют все, что создал Кантемир в данном жанре. Но в 1859 г. Н. С. Тихонравов опубликовал текст новой, дотоле неизвестной сатиры «К солнцу. На состояние сего света». Наконец, в 1906 г. Т. Глаголева напечатала еще одну сатиру «На Зоила», предположительно приписав ее Кантемиру. Отобранные для предсмертного сборника восемь сатир были пронумерованы автором в

порядке, отражающем хронологию их создания. Вновь обнаруженную Н. С. Тихонравовым сатиру первые издатели назвали девятой, но не в соответствии с хронологией, а по тому чисто внешнему обстоятельству, что она была открыта после восьми известных.

В настоящем издании в наименовании сатир имеются некоторые особенности. Как известно, сатиры Кантемира, за немногими исключениями, имеют два заглавия. Одно заглавие — «тематическое» («На хулящих учение», «На зависть и гордость дворян злонравных» и т. п.). Другое заглавие — «нетематическое» — как правило, обозначает адресата, к которому обращается автор («К уму своему», «К Архиепископу Новгородскому» и т. д.), либо — в случае диалогического построения сатиры — участников диалога («Филарет и Евгений», «Сатир и Периерг»). Какое заглавие является основным, какое — дополнительным? В Академическом списке, отражающем последний этап творческой истории сатир, авторская воля в этом отношении не выражена прямо, явно. Тематические заглавия в списке приведены в «Таблице» (оглавлении), нетематические — в тексте, но при этом неясно, какому ряду заглавий Кантемир отдавал здесь предпочтение. В изд. Ефремова основным заглавием было признано то, какое в Академическом списке помещено в тексте (т. е. нетематическое). Вслед за ним в скобках дано тематическое заглавие, взятое из «Таблицы». Однако никаких оснований для того, чтобы так поступить, у Ефремова и Стоюнина не было. Если обратиться к практике самого Кантемира, то можно установить, что решающее значение автор придавал именно тематическим заглавиям, помещая их соответственно на первом месте. В дошедших до нас списках первоначальной редакции сатир, имеющих двойное заглавие, тематическое всегда стоит впереди. Данные истории текста и творческой истории сатир свидетельствуют о том, что Кантемир проявлял особую заботу о том, чтобы снабдить все сатиры тематическими заглавиями, в то время как две сатиры (VI и VIII) в окончательной редакции так и остались без второго — нетематического заглавия. Выделение тематических заглавий в качестве основных обеспечивает соблюдение единого принципа наименования сатир, к чему, по-видимому, и стремился сатирик; выделение же нетематических заглавий приводит к непоследовательности и половинчатости, особенно ярко проявившимся в изд. Ефремова, где большинство сатир (6) имеют в качестве основного заглавия нетематическое, а две (VI и VIII) — тематическое. По изложенным соображениям в настоящем издании сатир основным заглавием принято тематическое. Оно и поставлено впереди.

Широко распространено мнение, будто сатиры Кантемира написаны обычным силлабическим стихом. Авторы пособий по русскому стихосложению, как правило, даже цитируют сатиры Кантемира в качестве классических образцов силлабики.[1] Однако более внимательное изучение вопроса приводит к выводу, что традиционное мнение ошибочно. В известном смысле стихосложение сатир — явление уникальное в русской поэзии. Кроме Кантемира, почти никто им не пользовался. Стих его сатир в основе своей, конечно,

---

[1] Речь идет об окончательной редакции: именно она обычно и приводится для иллюстрации.

силлабический, но это не обычная, не «классическая» силлабика, а реформированная. В нее введены элементы тонического принципа, и потому вернее будет определить ее как своего рода тонизированную силлабику. Сатиры написаны тринадцатисложным стихом с обычной для силлабической системы женской рифмой. Каждый стих обязательно имеет цезуру, делящую стих на два полустишия; в первом полустишии семь слогов, во втором — шесть. Обычное силлабическое стихосложение совершенно не регламентировало ударений в строке, за исключением ударения, связанного с рифмой. Именно таким обычным силлабическим стихом Кантемир писал первоначальную редакцию сатирического цикла из пяти сатир, созданных в период 1729—1731 гг.

В более поздний период — к концу 1730-х, началу 1740-х годов — у Кантемира вырабатываются новые правила ритмической организации тринадцатисложного стиха. Теоретически эти правила были изложены им в специальном трактате («Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских») и практически претворены в окончательной редакции восьми сатир, вошедших в предсмертный сборник, подготовленный для печати. Суть нововведенных Кантемиром правил сводится коротко к следующему. Как уже указывалось выше, единственным фиксированным ударением в традиционном силлабическом тринадцатисложнике было ударение, связанное с рифмой, т. е. на двенадцатом, предпоследнем слоге. Оно, разумеется, не могло служить ритмическим центром всего стиха из-за местоположения. Сохраняя за этим ударением роль ритмической опоры для второго полустишия, Кантемир создает новую ритмическую опору в первом полустишии, связывая ее с цезурой. Кантемир требует точной регламентации ударений в предцезурных слогах, чего не было ни в практике, ни в теории силлабического стихосложения в России до него. В первом полустишии ударение, согласно Кантемиру, должно обязательно падать либо на седьмой слог, либо на пятый, но ни в коем случае не на шестой.[1] Закрепляя ударение в предцезурных слогах, новые правила усилили ритмическую роль цезуры. Вместе с тем они увеличили число слогов, регламентированных в тоническом отношении. Если в традиционном тринадцатисложном стихе было всего два таких слога (двенадцатый обязательно ударный, а тринадцатый безударный), то в кантемировском таких слогов оказывается уже минимум четыре (кроме названных выше двух, еще шестой — непременно безударный и седьмой — ударный), а в отдельных случаях и пять (если ударение приходилось на пятый слог, то в этом случае не только шестой, но и седьмой должен был быть обязательно безударным). Все это говорит о том, что попытки Кантемира реформировать силлабику, как уже указывалось выше, вели к ее тонизации. Правда, попытки эти следует признать очень робкими, половинчатыми, особенно если сравнить их с реформаторской

---

[1] Запрещение ставить ударения на шестом слоге вызвано, видимо, опасением ритмической аналогии между обоими полустишиями (и в первом и во втором ударение пришлось бы на предпоследние слоги), что могло бы в известных условиях привести к распаду тринадцатисложного стиха на два самостоятельных.

деятельностью в области стихосложения Тредиаковского и тем более Ломоносова. Но все же это был шаг вперед по сравнению с обычной, традиционной силлабикой, шаг в том направлении, в каком пошло дальнейшее развитие русского стихосложения.

Сказанное выше о строении стиха Кантемира позволяет уяснить, как следует читать его сатиры. Поскольку ритмической основой стихосложения сатир остается равносложность строк (общий принцип силлабического стихосложения), то при чтении необходимо скандировать по слогам, выделяя каждый слог.[1] Наряду с этим важно соблюсти при чтении цезуру — после седьмого слога следует сделать заметную паузу, что позволит расчленить стих на два полустишия. При этом в первом полустишии требуется выделить ударением соответствующий слог перед цезурой (либо пятый, либо седьмой, считая от начала стиха); во втором полустишии ударение связано с рифмой и падать оно должно обязательно на предпоследний, двенадцатый слог стиха. Для иллюстрации того, как нужно читать сатиры, приведем небольшой отрывок, расчленив слоги, проставив в строках предцезурное ударение и отметив место цезуры:

Тот/ в сей/ жи/зни/ лишь/ бла/жéн, // кто/ ма/лым/ до/во/лен,
В ти/ши/не/ зна/ет/ про/жи́ть, // от/ су/ет/ных/ во/лен
Мыс/лей,/ что/ му/чат/ дру/ги́х, // и/ топ/чет/ на/деж/ну
Сте/зю/ до/бро/дé/те/ли // к кон/цу/ не/из/беж/ну.

В изд. Ефремова редакторы специально проставили предцезурные ударения в стихотворном тексте, имея в виду помочь правильному чтению произведений сатирика. Однако целесообразность подобной операции с текстом весьма сомнительна. Сам Кантемир ударений не расставлял, а всякая позднейшая расстановка зачастую неизбежно оказывается произвольной, ибо далеко не всегда можно безошибочно определить, каково было ударение на том или ином слове в первой половине XVIII века, а тем более в индивидуальном произношении сатирика (что очень важно). Искусственная «подгонка» ударений под известные из «Письма Харитона Макентина» правила (как это сделано в изд. Ефремова) создает иллюзию, будто поэт в окончательной редакции абсолютно строго выдерживал указанные правила, не допуская от них ни одного отступления. Между тем специальный анализ доказывает, что на самом деле отступления имели место, что правила являлись нормой, к которой стремился сатирик, но не во всех случаях ему удавалось ее достичь. По этим соображениям предцезурные ударения в настоящем издании не проставляются.

---

[1] Вопрос о том, как следует читать силлабические стихи, окончательно не выяснен. См. по этому поводу статью Б. В. Томашевского «К истории русской рифмы». — «Труды Отдела новой русской литературы». Л., 1948, стр. 257; статью И. П. Еремина в книге: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.—Л., 1953, стр. 256—258; а также рецензию П. Н. Беркова на это издание («Известия Академии наук. Отделение литературы и языка», 1954, № 3, стр. 302—303).

В Академическом списке к разделу «Сатиры» имеется эпиграф:

L'ardeur de se montrer, et non pas de médire,
Arma la verité du vers de la Satire.

Boileau. Art Poét. Chant. II, v, 145.

То есть:

Не злословить, но себя оказать меж нами
Жадность правду воружи сатиры стихами.

Буало. Искусство стихотв. Песнь II, ст. 145.

В этом же списке помещено следующее «Предисловие к сатирам».

«Сатиру назвать можно таким сочинением, которое, забавным слогом осмевая злонравие, старается исправлять нравы человеческие. Потому она в намерении своем со всяким другим нравоучительным сочинением сходна; но слог ея, будучи прост и веселый, читается охотнее, а обличения ея тем удачливее, что мы посмеяния больше всякого другого наказания боимся.

Сатира начало свое приняла на позорищах, где между действами трагедии вводилися для увеселения смотрителей смешные явления, в которых действители, в образе сатир, грубыми и почти деревенскими шутками пятнали граждан злые нравы и обычаи. Такое изображение римляне, грекам последуя, на своих позорищах завели; а потом и кроме зрелища порядочными стихами сатирические творения составлять стали. Луциус некто в том дорогу показал Горацию, Персию и Ювеналу, а сии итальянским, французским и прочих народов сатирикам.

Я, в сочинении своих, наипаче Горацию и Боалу, французу, последовал, от которых много занял, к нашим обычаям присвоив. Читателям моим оставляю судить, сколько я в сем опыте нового на нашем языке сочинения преуспел. Новость предприятия, может быть, извинит погрешения слога; а осторожное обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презирая».

С а т и р а I. Н а х у л я щ и х у ч е н и я... (стр. 57). Впервые — изд. 1762 г., с искажениями. Более точно — изд. Ефремова. В настоящем издании текст сверен и исправлен по Академическому списку. Первоначальный текст сатиры был создан в конце 1729 г. Он подвергся многократным переработкам. Окончательная редакция определилась к началу 1743 г.

В автокомментариях Кантемир рассказывает, что, написав сатиру, он, «по обычаю всех почти сатириков», скрыл свое имя и не думал ее «обнародить», но затем она стала известна Феофану Прокоповичу, который «ее везде с похвалами стихотворцу рассеял». Прокопович, возвращая список сатир, приложил к нему написанное в похвалу автора стихотворение «К сочинителю сатир»:

I

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоин ты славы;
Да почто ж было имя укрывати?

Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы, ты блажен трикраты.
Благо, что дал бог ум тебе, столь здравый.
Пусть весь мир будет на тебя гневливый,
Ты и без счастья довольно счастливый.

II

Объемлет тебя Аполлин великий,
Любит всяк, кто есть таинств его зритель;
О тебе поют парнасские лики,
Всем честным сладка твоя добродетель
И будет сладка в будущие веки;
А я и ныне сущий твой любитель;
Но сие за верх твоей славы буди,
Что тебе злые ненавидят люди.

III

А ты как начал течи путь преславный,
Коим книжные текли исполины,
И пером смелым мещи порок явный
На нелюбящих ученой дружины,
И разрушай всяк обычай злонравный,
Желая в людях доброй перемены.
Кой плод учений не един искусит,
А дураков злость язык свой прикусит.

Эти стихи Прокоповича (о нем см. примечания к III сатире) обычно относят к 1729 г., однако в списках они датируются «апрелем» 1730 г. (в одном списке: «1-го дня», в остальных: «дня 22»). Противоречит также фактам утвердившаяся без должных оснований версия о том, будто Прокопович непосредственно инспирировал создание первой сатиры. В действительности первая сатира была создана Кантемиром по собственному почину, без ведома Прокоповича, и последний, как сообщается в автокомментариях, узнал о ней от «приятеля» сатирика. Похвальные стихи Феофана Прокоповича сыграли важную роль в литературной судьбе молодого поэта, утвердили его на избранном им поприще сатиры и вдохновили на создание новых обличительных произведений.

Вслед за Прокоповичем Кантемира приветствовал Феофил Кролик — видное духовное лицо, сторонник Ф. Прокоповича в борьбе против церковной реакции. Ф. Кролик написал на латинском языке стихотворения, в которых высоко оценивает значение сатирической деятельности Кантемира. Вот их подстрочный перевод:

«Важно искусство распознавать людские глупости, колоть пороки острым стихом и истреблять вредные, господствующие в умах предрассудки. Немаловажна заслуга открывать следы дурных нравов и смешивать в стихах полезное с приятным так, чтобы воля сама собою стремилась к лучшему. То и другое совершаешь ты, как мощный властелин, кто бы ты ни был под скрытым именем; но если ты сам избегаешь того, в чем укоряешь других, то совершенно успеешь в своем намерении».

«Какие достойные почести воздаст тебе мудрость, почтенная тобою столь лестным образом, остроумный писатель, когда и сама глупость, уязвленная колким стихом, восхваляет твой гений!»

«Пусть невежда, чуждый всего священного и коснеющий в своем неведении, порицает мудрого; пусть празднолюбец, гордящийся своею блестящею одеждой, издевается над познаниями, приобретенными неусыпным трудом; пусть сластолюбивый богач, бедный среди куч золота, изрыгает хулы на просвещение: все это развеваешь ты, как ветром, своим стихотворением и научаешь ценить достоинство наук. Как же музам (касталидам) тебя, увенчанного мудростью, не назвать оплотом и украшением, приятным богу». (Перевод заимствуется из изд. «Сочинения князя А. Д. Кантемира», 1836.)

Обычно вслед за приведенными в переводе стихами Ф. Кролика печатается эпиграмма «Ad lectorem satyrae» («К читателю сатиры»). Считая Кантемира автором этой эпиграммы (см. об этом ниже в примечаниях к эпиграммам), мы помещаем ее в настоящем издании среди произведений, принадлежащих сатирику (см. стр. 237).

Стихи Прокоповича и Кролика Кантемир помещал впереди сатиры, а в предсмертном сборнике включил их в вводную группу произведений, открывавших сборник. В списках перед I сатирой (в первоначальной редакции) встречается стихотворение Ф. Кролика на русском языке, не вошедшее в предсмертный сборник:

Творче, не с малым полком брань тебе и дело,
Но с чудачеством, еже весь свет одолело
И давно наполнило глупыми вселенну;
Того для кое диво, что тебе, ученну,
Несть в градах русских места, но между сатиры!
В лес тя темный прогнали глупы богатиры,
Так что никто твоего имени не знает;
Но мне — князь честный, иже злобы побеждает.
Я боголюбец, хотя из малой зверины,
Или царык, желаю сему злу премены
И тебе: да будеши и именем явный
И славен, обличая обычай злонравный.

(В этих стихах зашифровано имя автора: боголюбец — русский перевод греческого имени Феофил; царык — по-польски кролик.)

В некоторых списках первоначальной редакции перед текстом сатиры помещено «На первую сатиру к читателю предисловие» (текст его см. в «Приложениях»). В тех же списках встречается ряд эпиграмм, связанных с I сатирой (о них см. в примечаниях к эпиграммам на стр. 471—472).

В рукописном отделении БАН хранится список (ф. 1, оп. 1, № 22), содержащий наиболее ранний текст I сатиры. По сравнению с так называемой первоначальной редакцией в нем недостает первых четырнадцати стихов и отсутствует второе заглавие: «К уму своему». Кроме того, имеются некоторые разночтения.

Ст. 40. *Поместья и вотчины весьма не пристали.* В начале XVIII века русская церковь владела огромными земельными богатствами. Ей принадлежало около одной пятой всей обрабатываемой земли в стране. Петр I предпринял ряд мер к ограничению церков-

ного землевладения и поставил его под контроль государства. Это вызвало сопротивление реакционной части духовенства, стремившегося сохранить экономическую мощь церкви. В речи изображенного в сатире церковника-мракобеса Критона осуждается мнение тех, кто считает, что духовенству не пристало владеть поместьями и вотчинами.

Ст. 49. *Подлых* — т. е. недворян.

Ст. 61. *Буки, веди* — в церковно-славянской азбуке названия букв «б» и «в».

Ст. 90. *Песок.* Песком присыпали написанное, чтобы скорее высыхали чернила.

Ст. 105. *Чернец одну есть станет вязигу* — т. е. монах перестанет в пост употреблять мясо.

Ст. 110. *Фунт доброй пудры* — имеется в виду пудра, употребляемая для париков.

Ст. 114. *Немее быть клуши.* В ряде местностей клушей называется курица-наседка, в других — галка, чайка. У Кантемира — в первом значении.

Ст. 134—142. В образе епископа воплощены черты, свойственные реальному лицу, которого Кантемир в окончательной редакции не называет по имени. В первоначальной редакции в авторских примечаниях (к стиху 18) оно обозначено инициалом: Д***. Кого именно разумел Кантемир, современные читатели хорошо знали. В ряде списков первоначальной редакции имя названо на полях: Егор Дашков. Георгий Дашков — Ростовский архиепископ, обскурант и политический реакционер (о нем см. ниже, стр. 478).

Ст. 137. *Клобук* — высокая цилиндрическая шапка с покрывалом, надеваемая епископами.

Ст. 147. *Вздень перук с узлами* — надень парик с буклями. Такие парики носили судьи.

Ст. 155. *Подьячий* — мелкий чиновник, писец, помощник дьяка. Впоследствии слово подьячий сделалось синонимом взяточника, крючкотвора.

Ст. 156. *Крепить приговоры* — подписывать приговоры.

Ст. 162. *Науку невежество местом уж посело* — т. е. невежество взяло верх над наукой.

Ст. 163. *Гордится то* — т. е. гордится невежество. *В шитом платье ходит* — имеется в виду вышитая одежда придворных.

Ст. 168. *Как, страдавши на море, корабельной службы* — т. е. как страдавшие морской болезнью избегают корабельной службы.

Ст. 171. *Карты мешать* — играть в карты.

Ст. 181. *Полком не владеет* — т. е. не командует.

Ст. 183. *Писец тужит, за сукном что не сидит красным.* За столами, накрытыми красным сукном, сидели судьи. Писец, т. е. подьячий, тужит о том, что он еще не судья.

Ст. 195. *Изъясняя тую* — т. е. изъясняя пользу наук.

Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных... (стр. 68). Впервые — изд. 1762 г., с искажениями. Более точно — изд. Ефремова. В настоящем издании текст сверен и исправлен по Академическому списку. Окончательная редакция определилась к началу 1743 г. В одной из промежуточных редакций

сатира завершалась басенно-аллегорической концовкой. Но затем Кантемир исключил эту концовку, переделав ее в самостоятельное произведение (см. басню «Ястреб, павлин и сова», стр. 225). Название сатиры менялось. Первоначально: «На зависть и гордость дворян злонравных», в одной из промежуточных редакций: «На дворянскую спесь и зависть»; в окончательной редакции Кантемир возвратился к первому заглавию. В первоначальной редакции текст предварялся предисловием («На вторую сатиру к читателю предисловие». См. «Приложения», стр. 368).

В тех же списках первоначальной редакции вслед за предисловием встречаются латинские стихи Феофила Кролика с русским переводом, обращенные к автору сатиры (Ad autorem satyrae). Приводим только русский перевод:

Чем красно благородство? и славного герба
Как удержати целость без славы ущерба?
Здесь учишь сатирою юнош благородных
И нравом твоих красишь кровь предков свободных.
То нельзя (хотя таишь имя) тя не знати:
Можно князем юности по-древнему звати.

Далее следовал эпиграф из Лабрюйера на французском языке с переводом на русский:

«S'il est heureux d'avoir de la naissance il n'est pas moins d'être tel qu'on ne s'informe plus si vous en avez (La Bruière dans son livre de Caractères ou moers decesiècle).

То же по-русски: Если добро есть быть благородным, не меньшее есть быть таким, чтоб никто не спрашивал, благороден ли ты? (Лабрюйер в книге своей о нравах сего века)».

Лабрюйер, Жан (1645—1696) — видный французский писатель-моралист, прославившийся своим сатирическим произведением «Характеры или нравы этого века» (1688).

II сатира посвящена острой социальной проблеме, волновавшей современников Кантемира. Со времени введения «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» (1722) был положен конец старому порядку, при котором занятие соответствующих государственных должностей зависело исключительно от знатности рода. Новый порядок требовал от дворян выслуги чинов. «Мы для того никому никакого ранга не позволяем, — писал Петр, — пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут». Вместе с тем табель открывала возможность для лиц недворянского происхождения выслужиться до определенного чина, который давал право на дворянское звание. Табель о рангах вызвала злобную реакцию со стороны родовитого дворянства, потерявшего свои былые привилегии, и положительно оценена передовыми кругами русского общества. В сатире Кантемир выступает на защиту петровской табели о рангах и лежащего в ее основе принципа предпочтения личных заслуг перед одною древностью рода, смело ополчается против спеси, паразитизма и эгоистического своекорыстия тех дворян, чьи нравы «ни отечеству добры, ни в людях приятны». Используя диалогическую форму, Кантемир в сатире противопоставляет друг другу два образа — Евгения (т. е. «благородного»; в первоначальной редакции — Дворянина) и Филарета (т. е. «любителя добродетели»; в

первоначальной редакции — Аретофилоса), олицетворяющих собою консервативные и прогрессивные силы, столкнувшиеся в тогдашней общественной борьбе. Жизненный источник данной сатиры определил и ее подлинную оригинальность. Кантемир имел все основания подчеркнуть в «Изъяснении» к первоначальной редакции, что хотя тема данной сатиры разрабатывалась Ювеналом в VIII сатире и Буало в V сатире, он их «весьма мало имитовал, что ясно может рассудить, кто всех трех сверстать похочет». В процессе дальнейших переработок Кантемир стремился еще более тесно связать содержание сатиры с реальными явлениями русской действительности, добиваясь одновременно и усиления социального звучания произведения. В окончательной редакции критика дворянских злонравий стала более острой и смелой. Более последовательно проводится идея о естественном равенстве людей: если в первоначальной редакции утверждалось равенство «знатного» и «незнатного», то в окончательной речь идет уже о естественном равенстве «свободного» и «холопа». Появились стихи, обличавшие дворян за жестокосердное обращение с «холопами», — стихи, которые Белинский цитировал как торжественное и неопровержимое доказательство того, «что наша литература в самом начале ее была провозвестницей для общества всех благородных чувств, всех высоких понятий. Да, она умела не только льстить, но и выговаривать святые истины „о человеческом достоинстве"» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 624).

Ст. 3—4. Имеется в виду Ростовский архиепископ Георгий Дашков (см. о нем на стр. 478).

Ст. 7. *В рядах* — в торговых рядах на рынке.

Ст. 14. *Тому следовать* — следовать совету.

Ст. 28. *Кто с подовыми горшком истер плечи.* Намек на А. Д. Меншикова (1673—1729) — ближайшего сподвижника Петра I, талантливого полководца и видного государственного деятеля. В молодости Меншиков, по преданию, торговал подовыми пирогами. В презрительном отзыве Евгения о Меншикове отразилась ненависть родовитого дворянства к «новым» людям, выдвинувшимся в петровскую эпоху благодаря своим личным заслугам.

Ст. 35. *Гербовники* — книги, содержащие изображения и описания дворянских гербов.

Ст. 36. *Книгу родословную* — книгу, заключающую сведения о происхождении, преемстве и родстве старинных дворянских родов.

Ст. 43. *Чисты руки* — т. е. не брали взяток.

Ст. 45. *Всем верх* — т. е. превосходил всех.

Ст. 46. *Государства правое плечо с ним отпало* — т. е. государство лишилось в нем своей главной опоры.

Ст. 68. *То* — т. е. сердце; *сей* — т. е. язык.

Ст. 72. *Вершенных дел* — т. е. совершенных дел.

Ст. 74. *Льстивный* — привлекательный, заманчивый.

Ст. 81. *Знатных нас детьми быть свидетель* — свидетельствует о нашем знатном происхождении.

Ст. 118. *На них одних* — т. е. на одних дедов, предков.

Ст. 129. *Иной правду весил тих, бегая обиды* — т. е. судил справедливо, избегая наносить обиды.

Ст. 134. *И твою жалобу быть праву* — и твоя жалоба будет справедливой.

Ст. 139. *Соплешь* — храпишь.

Ст. 160. *Пора* — время года, сезон.

Ст. 169. *Ущербя пожитки* — растратив, уменьшив состояние.

Ст. 195—196. Проигрываешь в карты добро, скопленное трудом твоих предков.

Ст. 203. *Стенах твоей на пространной салы* — на стенах твоего обширного зала.

Ст. 210. *Расседшися* — раздавшись, разверзшись.

Ст. 211. *Четверобочник* — воинский строй, каре.

Ст. 220. *Временно предупреждать удобен наветы* — способен своевременно предупреждать козни врагов.

Ст. 228. *Перун* — древнеславянский языческий бог грома и молнии. Здесь — в значении: гром, молния.

Ст. 232. *Званий* — названий.

Ст. 243. *Писана смерть* — картина, изображающая смерть, гибель, сражение.

Ст. 246. *Владеет* — правит, управляет.

Ст. 264. *Прочи вождев должности* — остальные обязанности вождей, военачальников.

Ст. 266. *Адамлевы чада* — детей Адама, людей.

Ст. 267. *Кому* — у кого.

Ст. 277. *Знать лист и страницу* — знать статью закона.

Ст. 282. *Из нашего высосал весь он сок устава* — т. е. изучил до тонкости все наши законы.

Ст. 286. *Завидим врагу* — вызывающий зависть врага.

Ст. 292. *Плоть в слуге твоей однолична* — плоть у слуги такова же, как у тебя.

Ст. 311. *С холопом новых людей* — со слугами временщиков, выскочек.

Ст. 341. *Поставим* — допустим.

Ст. 347. *Над всем* — кроме всего.

Ст. 357. В авторских примечаниях ошибочно вместо Трифона назван Луций.

Ст. 363. *Дворянства старостью* — древностью дворянского рода.

Ст. 373. *Ное* — Ной, библейский патриарх.

Сатира III. О различии страстей человеческих... (стр. 89). Впервые — изд. 1762 г., с искажениями. Более точно — изд. Ефремова. В настоящем издании текст сверен и исправлен по Академическому списку. В списках первоначальной редакции сатира ошибочно датируется 1731 г. «Когда автор наш, — пишет Кантемир в «Изъяснении» к первоначальной редакции, — получил в похвалу свою стихи от преосвященного архиепископа Новгородского... рассуждал, каким бы образом откупиться от такого долгу, и для того в том же 1731 году нарочно сочинил сию сатиру». Но, как указано выше (стр. 443), похвальные стихи Феофана Прокоповича, о которых говорит Кантемир, были написаны в апреле 1730 г. «В том же году» — значит не в 1731, а в 1730. Подтверждается это и тем фактом, что «Благодарительные стихи», которые в списках предваряют III сатиру, датированы августом

1730 г. Сатира была написана между апрелем и августом 1730 г. Текст ее многократно перерабатывался. Окончательная редакция определилась к началу 1743 г.

Сатира обращена к Феофану Прокоповичу (1681—1736) — крупному политическому деятелю, видному писателю и передовому мыслителю первой трети XVIII века. Прокопович был смелым и едва ли не самым талантливым пропагандистом петровских преобразований, деятельным проводником политики Петра I в церковных вопросах. Человек широкого кругозора, Прокопович поражал современников своими обширными и разносторонними познаниями, весьма далекими от его духовных обязанностей архиепископа сперва Псковского, а затем Новгородского и Великолукского. После смерти Петра I, особенно в период господства «верховников», положение Прокоповича пошатнулось. Враги его, реакционные церковники, подняли головы. Над Прокоповичем нависла серьезная угроза: его пытались обвинить в отступничестве от православия и т. п. Однако внезапная смерть малолетнего Петра II и последовавшие за ней февральские события, связанные с воцарением Анны Иоанновны, в которых Прокопович (а также Кантемир и Татищев) принял самое деятельное участие, резко изменили его положение. Он вновь вошел в силу и до смерти оставался самым влиятельным церковным деятелем России. Литературные отношения его с Кантемиром завязались после упомянутых февральских событий 1730 г., круто изменивших судьбу обоих писателей.

Познакомившись с I сатирой, Прокопович восторженно приветствовал Кантемира стихотворением, в котором ободрял молодого сатирика продолжать «путь преславный, коим книжные текли исполины» (см. примечание к I сатире, стр. 442). В ответ Кантемир посвятил Прокоповичу свою III сатиру (ко времени написания Прокоповичем приветственных стихов Кантемир уже успел создать и II сатиру), а также написал ряд произведений, обращенных к Прокоповичу. В числе их были, в частности, «Благодарительные стихи», которые Кантемир предпослал тексту III сатиры в первоначальной редакции. В окончательной редакции Кантемир переработал эти стихи, поместив их в примечаниях к сатире (стихи эти см. в настоящем издании на стр. 260). Далее, в списках первоначальной редакции перед текстом сатиры находилась эпиграмма «Сатирик к читателям» («В обществе все писано. . .») (см. настоящее издание, стр. 234). Заглавие самой сатиры в этих списках несколько отличается от окончательной редакции: «О различии страстей в человецех». (В изд. Ефремова это заглавие опущено, хотя в списках, которыми пользовались редакторы, например Q, XIV, 6 из ГПБ, заглавие это имеется.) В одном списке первоначальной редакции (ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 130) после III сатиры помещены стихи: «Читатель некто к автору сатиры»:

Исчисляющу страстей различных роды,
Не всегда о себе мнит, какой он породы;
К числу бо страстей сие возможно причести,
Кто от рода, не от дел ищет себе чести.

Ст. 12. *Хрисипп.* Некоторые исследователи (например, В. Я. Стоюнин; см. изд. Ефремова, т. 1, стр. XLVI) полагают, что

прототипом образа Хрисиппа явился Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (167?—1738). Рагузинский вел крупную торговлю и одновременно выполнял ряд политических поручений русского правительства, в частности был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Китае, откуда возвратился в 1728 г. Рагузинский отличался скупостью. Впрочем, не все в характеристике Хрисиппа соответствует Савве Рагузинскому (ср., например, примечания Кантемира к ст. 15). Видимо, Кантемир использовал лишь некоторые черты прототипа для создания обобщенного образа скупца.

Ст. 15. В авторских примечаниях ошибочно вместо Хрисиппа назван Тиций.

Ст. 68. *Золотом облитых* — т. е. одетых в вышитые золотом ливреи. *Удобен* — легок.

Ст. 79. *Рост* — проценты.

Ст. 87. *В приказе.* До XVIII века приказом называлось ведомство, ведавшее какой-либо отраслью государственного управления. Здесь — официальное учреждение.

Ст. 90. *Он известен* — он знает.

Ст. 102. *Судно* — сосуд.

Ст. 104. *Устьми* — через отверстия.

Ст. 109. *Окружности* — подробности.

Ст. 119. *Посольство* — здесь: поклон, привет.

Ст. 122. *Хоть больну быть новыми зубами дочь знаешь* — хоть знаешь, что у дочери его болят новые зубы. В авторских примечаниях вместо Лонгина ошибочно назван Грунний.

Ст. 128. *Рядную* — опись приданого. *Особно* — отдельно.

Ст. 135. *В ней* — в деревне.

Ст. 152—154. И не столько раз пойманный в краже целовальник, дав судье взятку, оправдает себя и скроет ущерб, нанесенный казне. *Целовальники* — продавцы вина в кабаках, сборщики пошлин, податей и т. п.

Ст. 163. *Четки* — шнурок с нанизанными на него бусами, при помощи которых верующие отсчитывали сделанные поклоны и прочитанные молитвы.

Ст. 185—186. И льстя себя, бедный думает, что, так же как и людей, легко обманывать всевидящие веки (здесь — глаза) всевышнего бога.

Ст. 207. Отличается ли кто ученостью, служа тем украшением своему роду.

Ст. 225—226. Клитес, презирая отважнее, чем монахи, бремя мирских сует, живет все время без печали.

Ст. 227. *С захода* — из отхожего места.

Ст. 230. *Однокольны дроги* — двухколесная легкая повозка

Ст. 243—246. Если в ответ на твой низкий поклон он только мигнет, это значит, что он глубоко тебя почитает, ибо поговорить с кем-нибудь ему трудно: он не всегда способен подобрать слова.

Ст. 253. *Протомоя* — портомоя — прачка.

Ст. 255. Держал бы себя соответственно своему незнатному происхождению.

Ст. 260. *Ему* — над ним.

Ст. 274. *Ему* — у него.

Ст. 298. *Менелаева пряла б пряжу дома* — т. е. жена Менелая,

Елена, не прельстила бы Париса и осталась бы дома (см. примечания автора, стр. 107).

Ст. 317—318. *Сосед в котле отпереться может* — сосед может не признать, что брал котел.

Ст. 329—330. Я на таком условии не согласился бы даже занять царский престол.

Ст. 331. *Суму* — нищету.

Ст. 357. *С кем мне идет слово* — с кем я веду беседу, разговор.

Ст. 362—363. Он часто сеет семя спасения и стремится растить его как словом, так и примером.

Ст. 367. *Хвальный чин* — достойный хвалы порядок.

Ст. 370—371. Неутомимо черпает из чистых источников многую мудрость.

Ст. 379. *Сколько глав* — сколько голов, сколько людей.

Ст. 380. *Моя* — моя охота, мое желание.

Ст. 381. *Мои* — мои недостатки.

Сатира IV. О опасности сатирических сочинений... (стр. 109). Впервые — изд. 1762 г., с искажениями. Более точно — изд. Ефремова. В настоящем издании текст сверен и исправлен по Академическому списку. Первоначальная редакция датируется началом 1731 г., окончательная редакция оформилась к началу 1743 г. В первоначальной редакции сатира имела только одно название: «К музе своей». В промежуточных редакциях, представленных отрывками Курбатовской рукописи (см. стр. 502), заглавие сатиры изменилось: «К музе в свое оправдание». Приведенное в настоящем издании двойное заглавие появилось в окончательной редакции.

Замышляя IV сатиру, Кантемир имел в виду заключить сю цикл сатир, написанных к тому времени, и подготовить их вместе с другими произведениями к изданию. Отсюда своеобразный «итоговый» характер сатиры. Кантемир оглядывается в ней на пройденный путь и размышляет о своей творческой судьбе в будущем.

Создавая сатиру, Кантемир опирался на опыт прославленных сатириков прошлого (Ювенала, Буало), но корни авторского замысла выросли из русской жизни. Содержание сатиры было подсказано Кантемиру обстоятельствами его собственной творческой деятельности. Первые сатиры Кантемира вызвали живейшие отклики в самых различных кругах русского общества. В примечаниях к I и II сатирам приведены стихи Ф. Прокоповича и Ф. Кролика, восторженно приветствовавших молодого сатирика. В рукописных сборниках, содержащих первоначальную редакцию сатир, встречаются и анонимные отзывы, бесхитростно передающие те впечатления, какие испытывали от чтения сатир безымянные «railписатели», рядовые любители русского поэтического слова. В одном из сборников в ответ на призыв Кантемира к читателям «исправлять» его сатиры «railписатель» отвечает:

Что исправлять, когда само собою все исправно.
Не знаю — как другому, а мне все нравно.

(ГПБ, Собр. Вяземского, F, CXXIX)

Другой автор пишет «Эпиграмму» о Кантемире:

Чим Гораций у римлян, у французов Боало,
Тим Кантемир у россов славится немало.
Но те только по уму; сей же не в том едином,
Но родом, нравом, умом, да к тому же чином.

(ГПБ, Сб. разнояз. Q, XVII, № 258)

Третий раскрывает имя автора сатир, считая необходимым подчеркнуть его достоинства:

Стихи сии, мудрости исполнены мира,
Удоб являют творца князя Кантемира.

(ГПБ, Собр. Вяземского, F, CXXIX)

Однако совершенно иначе встретили сатиры Кантемира приверженцы старины. В начальных стихах IV сатиры Кантемир ярко рисует реакцию этих кругов. Сатирик здесь не измышляет и не преувеличивает. Он отражает реальные факты, которые естественно навели его на мысль, ставшую темой данной сатиры и давшую ей заглавие: «О опасности сатирических сочинений». Сатира носит программный характер: в ней изложены эстетические принципы Кантемира, формулируется собственная творческая программа. Ни угрозы врагов, ни бедствия, которые на него неминуемо обрушатся, не заставят его изменить избранному направлению и отказаться от обличения общественных злонравий. В первоначальной редакции текст сатиры предварялся эпиграммой «К читателям» (см. стр. 238 настоящего издания). В ряде списков (ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 130 и др.) после IV сатиры следует двустишие, озаглавленное «Преписатель к автору»:

Исправляющу других превратные нравы,
О, коль нужно шествовать всегда стези правы.

Ст. 11. *Жадна* — жаждешь.

Ст. 17. *Кружальны доходы* — доходы от питейных домов, кабаков.

Ст. 22. *В тебе* — в музе.

Ст. 24. См. ст. 135 сатиры I.

Ст. 25. Намек на продолжавшееся судебное дело о наследстве молдавского господаря Дмитрия Кантемира, отца поэта.

Ст. 26. *В приказе* — здесь: в суде.

Ст. 47. *Прáвы* — правá.

Ст. 58. *Память* — Мнемозина — в греческой мифологии богиня памяти, мать девяти муз, рожденных ею от Зевса.

Ст. 76. *Въявь поет* — открыто восхваляет.

Ст. 79. *Чрез целый день* — в течение целого дня.

Ст. 82. *С рассудства* — сознательно, намеренно, по расчету.

Ст. 83. *В десть*: Десть — мера бумаги. Старинная русская десть равна 24 листам.

Ст. 86. *Век* — всегда.

Ст. 97. *Бесщадну* — беспощадную, бессердечную. В изд. Ефремова неправильное чтение: бесчадну.

Ст. 98. *Прохладну* — полную неги и покоя.

Ст. 141—142. *И на те походят, что по целой азбуке святых житье водят.* Имеется в виду стихотворная книга черниговского архиепископа Иоанна Максимовича, напечатанная в 1705 г. под заглавием: «Алфавит собранный/ Рифмами сложенный/ От старых писаний,/ Из древних речений,/ На пользу всем чтущим,/ В правой вере сущим,/ Прежде от языка римска,/ А ныне слогом словенска/ Прочих напечатася/ Во спасении собрася». Книга представляет образец схоластического рифмоплетства. Вся она от заглавия до послесловия написана виршами (всего 10322 стиха). Книга содержит жития святых и посвящена царевичу Алексею Петровичу.

Ст. 157. Любовные песни Кантемира до нас не дошли, вернее — неразличимы среди лирических песен второй четверти XVIII века, известных ныне.

Ст. 179. *Отмены* — перемены.

Ст. 181. *Полно* — достаточно.

Ст. 195. *Неостудно* — т. е. не стыдясь, открыто.

Ст. 197. *Губы чуть помазал в латину* — едва только приступил к изучению латинского языка.

Ст. 201. *Хлебник* — торговец хлебом. *Цугом катится.* Цугом, т. е. упряжкой гуськом в несколько пар лошадей, разрешалось ездить только знатным вельможам.

Ст. 202. *Раздутый уж матери подьячий стыдится* — возгордившийся подьячий стыдится уж своей матери.

Сатира V. На человеческие злонравия вообще... (стр. 119). Впервые — изд. 1762 г., с искажениями. Более точно — изд. Ефремова. В настоящем издании текст сверен и исправлен по Академическому списку. По свидетельству Кантемира, «зачата сатира сия в августе месяце 1731 года». В 1737 г. в Лондоне Кантемир коренным образом переработал сатиру, создав фактически новое произведение («Так основание, как и содержание совсем ново», — указывает Кантемир в примечаниях Курбатовской рукописи). После 1737 г. текст сатиры еще переделывался. Окончательная редакция определилась к началу 1743 г. В результате текст увеличился почти вдвое (в первоначальной редакции 464 стиха, в окончательной — 748). Первоначальное монологическое построение заменилось диалогическим уже в Курбатовской рукописи, из чего можно заключить, что эта перестройка произошла, по всей вероятности, в 1737 г. Менялось и заглавие сатиры. В первоначальной редакции — «На человека», в промежуточных редакциях, представленных в Курбатовской рукописи, — «На смешные нравы и обычаи людей». (Это заглавие сохранилось в уцелевшей части «Таблицы».) Видимо, тут уже появилось и второе заглавие — «Сатир и Периерг». Но утверждать это с полной уверенностью нельзя, так как начальный лист с текстом сатиры утерян.

Существенно изменилась и идейная концепция сатиры. Если в ранней редакции моральные пороки объяснялись в религиозно-догматическом духе и трактовались как результат первородного

греха, будто бы тяготеющего над человечеством, то в окончательной редакции Кантемир исключает все рассуждения, основанные на библейской истории грехопадения Адама и Евы. Теперь Кантемир предупреждает против огульного обвинения всех людей в прирожденной склонности «ко злу», требует различать «добрых» и «злых» и делает попытку глубже раскрыть общественные корни обличаемых пороков. Исключаются выпады против материалистов-безбожников; усиливается критика политических язв русской жизни — вводятся стихи, обличающие фаворитизм, и т. п. Первоначальная редакция была мало оригинальной: «почти вся она, — по словам Кантемира, — состояла из речей французского сатирика», т. е. Буало. Это обстоятельство явилось одним из главных мотивов, побудивших Кантемира заняться переделкой сатиры. Преодолевая в процессе переработки следы влияния Буало, Кантемир одновременно пересматривал все содержание сатиры, изменяя его в соответствии с эволюцией, происшедшей в его мировоззрении. В первоначальной редакции текст предварялся специальным «Предисловием на пятую сатиру» (см. стр. 393).

Ст. 10. *Глупцам чтительны* — почитаемые глупцами.

Ст. 13. *Его оказуют* — выдают его.

Ст. 20. *К приказам* — к услугам.

Ст. 24. *Уст лише краями* — только на словах.

Ст. 34. Увидишь, что искренно предлагаю услугу.

Ст. 36. *Удоволю тя* — удовлетворю тебя (твою просьбу).

Ст. 44. *В четверть* — в четверть часа.

Ст. 76. *Многовидны* — многообразны.

Ст. 83—84. Тот, кто болен желтухой, не в состоянии различать действительные цвета вещей, ему все кажется окрашенным в желтый цвет.

Ст. 114. *Дамете* — следовало: Дамету; форма «Дамете» принята для рифмы.

Ст. 115. Прочел всю книгу.

Ст. 122. *В ваши лета* — в ваш век, в вашу эпоху.

Ст. 140. *Что хульно* — что заслуживает порицания.

Ст. 155. *Учредил* — здесь: назначил, снарядил.

Ст. 169—170. Прочие люди не сторонятся тех тел. *Самых* — лежащих тел.

Ст. 186. *Прю начав* — начав спор, ссору.

Ст. 203. *Угож* — пригоден, способен.

Ст. 218. Любовь к славе побудила его доставить мне дворянское звание.

Ст. 220. *Ватаги* — компании.

Ст. 237. *Ту* — т. е. добродетель.

Ст. 241—242. Наряду с прочими похвальными порядками учредили.

Ст. 279. *Промыслом* — по ремеслу, занятию. *С природы* — по происхождению.

Ст. 297. *Что скотами нас чинит* — что делает нас в глазах людей скотами.

Ст. 312. *Того* — зла.

Ст. 317. *Ценой* — за настоящую цену.

Ст. 321. *Устен* — уст. *Тому* — богу.

Ст. 322. *Тех* — молитв.
Ст. 331. *Те* — указы.
Ст. 347. *Богат подданных числом* — имеет много крепостных крестьян.
Ст. 350. Пока не заметил в слуге еще большей глупости.
Ст. 352. *Без опаства муки* — без страха наказания.
Ст. 354. Хозяин думал, что неприлично ему самому проверять счета.
Ст. 359. И малую долю его несметных богатств.
Ст. 371. *Обнажен* — здесь: лишен.
Ст. 386. *Йовиш* — Юпитер.
Ст. 387—388. *Иль власть свою чая тем являть, или, как мню, говорить не зная* — или думая этим власть свою проявить, или, как мне кажется, не умея говорить.
Ст. 389. *Отродок* — порождение, следствие.
Ст. 401. *Большу* — более вескую причину.
Ст. 421. *Оную* — добродетель.
Ст. 446. *Липчивы недуги* — заразные болезни.
Ст. 448. *Ему не свой порок* — не свойственный ему порок.
Ст. 453—454. Неблагодарность вредит и тому, в ком она гнездится, и тому, кто избегает быть неблагодарным.
Ст. 460. *Крухи* — крохи.
Ст. 472. *Полными руками* — с распростертыми объятиями.
Ст. 477. В образе Ксенона отражены многие черты, свойственные Ивану Алексеевичу Долгорукому, фавориту Петра II.
Ст. 493. Хотя опытность приобретается с трудами и годами.
Ст. 497. *Где по нем* — где после него.
Ст. 524. *И вины их казнь претерпевати* — и за вину их терпеть наказание.
Ст. 525. *В соборе* — здесь: вместе, в сборе.
Ст. 535. *Винный* — виновный.
Ст. 538. *Не к издеву* — не на шутку.
Ст. 539. *Утолять сгонь* — мирить.
Ст. 540—541. Представляя, что причина распри маловажна.
Ст. 550. *Ударился без оглядку в ноги* — пустился без оглядки бежать.
Ст. 565. *Печатные... вести* — газеты.
Ст. 577. Что чужие дети будут его звать своим отцом.
Ст. 586. *Не один мешок* — разумеется мешок денег, золота.
Ст. 591. *Себе льстит* — себя обманывает.
Ст. 592. *Водяною* — водянкою.
Ст. 594. *Что день* — ежедневно.
Ст. 607. *Подлый народ* — простой народ. Слово «подлый» во времена Кантемира не имело бранного значения, оно применялось к людям, принадлежащим к податному сословию.
Ст. 612. *Без цуга* — см. примечание к ст. 201 сатиры IV.
Ст. 655. *Причет* или причт — духовенство данной церкви.
Ст. 670. *Скучают* — докучают, надоедают.
Ст. 678—679. *Когда же мир унывать бесплоден мразами начнет* — когда наступят морозы.
Ст. 680. А вы, которые думаете, что одарены светом ума.

Ст. 683. *Затеи* — здесь: замыслы.

Ст. 691. *И дают* — имеются в виду взятки. *Постою не знаешь* — твой дом освобожден от постоя солдат.

Ст. 704. *На правеже* — в старину для принуждения к уплате долга или подати ставили в правеж, т. е. избивали палками.

Ст. 710. *Палаты* — здесь: полати.

Ст. 715. *Подклет*<ь> — нижнее помещение в крестьянской избе.

Ст. 720. *Чрез год* — каждый год.

Ст. 726. *И где до смерти всех бьют* — т. е. в бою, в сражении.

Ст. 728. *Наряжать мне все собой* — делать мне все самому.

Ст. 735. *Бельцом быти* — т. е. снова стать мирянином (в отличие от чернеца, монаха).

Ст. 740. *Харя* — маска.

Ст. 746. *Тую* — речь.

С а т и р а VI. О и с т и н н о м б л а ж е н с т в е (стр. 147). Впервые — изд. 1762 г., с искажениями. Более точно — изд. Ефремова. В настоящем издании текст выверен по Академическому списку. Известна только в одной редакции, представленной в этом списке. Написана в Лондоне. Название сатиры менялось. В Курбатовской рукописи в «Таблице» озаглавлена: «На высокомыслие или о прямом блаженстве». Самый текст сатиры в этой рукописи не сохранился.

В «Примечаниях» Кантемир разъясняет «намерение» сатиры, «которое есть доказать, что тот только блажен в сей жизни, кто, малым довольствуяся, живет в тишине и добродетели следует». За этой общей и крайне абстрактной формулой, как видно из содержания сатиры, скрывается в сущности программа просветительской научно-литературной деятельности. Г. В. Плеханов, разбирая кантемировский идеал «истинного блаженства», изложенный в данной сатире, справедливо писал: «В этом идеале нет ничего радикального. Это действительно идеал „златой умеренности“. Но умеренность Кантемира не имеет ничего общего с умеренностью и аккуратностью Молчалина. Он советует не унижаться, а беречь свое человеческое достоинство, не угождать тем, от которых можно чем-нибудь попользоваться, а учиться, „исследуя всех вещей действа и причины”. В тогдашнем обществе человек, проповедывавший такую умеренность, являлся настоящим „учителем жизни“... Число людей, способных увлекаться наукой и пренебрегать ради нее жизненными благами низшего рода, хотя и медленно, но все-таки увеличивалось на Руси, а по мере того как увеличивалось это число, увеличивалось и влияние того идеала, к которому стремился Кантемир» (Г. В. Плеханов. Соч., т. 21, стр. 217—218).

Ст. 19—20. *Стежку жестоку топчет* — идет трудным путем.

Ст. 28. *Не знает* — не может.

Ст. 29. *Копком* — пинком ноги.

Ст. 35. *С холопы* — с холопами, слугами.

Ст. 41—42. Нужно часто лгать и верить небылице, более несуразной, чем та, что скорлупой можно море вымерить.

Ст. 57. *Вялить* — сохнуть, страдать от зноя и ветра.

Ст. 61. *Крепить* — скреплять подписью, подписывать, утверждать.

Ст. 68. *Нуриться* — изнуряться.

Ст. 97—98. Вместе с властью любовь к славе в тебе возрастая, сокрушается, не зная, где поставить тебе предел.

Ст. 99. *Меньше ж пользует* — меньше приносит пользы.

Сатира VII. О воспитании... (стр. 157). Впервые — изд. 1762 г., с искажениями. Более точно — изд. Ефремова. В настоящем издании текст сверен и исправлен по Академическому списку. Сатира известна только в одной редакции, представленной в этом списке. Написана в Париже в 1739 г. (до сентября). Обращена к другу Кантемира — Никите Юрьевичу Трубецкому (1699—1767). О нем см. в примечаниях Кантемира к I письму, стр. 218. Белинский писал о VII сатире: «Эта сатира исполнена таких здравых, гуманных понятий о воспитании, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающие в брак предварительно заучивали ее наизусть» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, стр. 628).

Ст. 8. *Худо владеешь* — не по праву владеешь.

Ст. 29—30. Видим, как не одно то мнение (о котором речь шла в предыдущих стихах), противоречащее здравому смыслу, укоренилось.

Ст. 31. *Тех* — ложных мнений.

Ст. 36. *Что им смысл здравый вредно судит* — что здравый смысл считает вредным для них.

Ст. 66—68. Где услужливая забота наставляла бы младенцев на путь добродетели.

Ст. 95—96. Для достижения той цели все науки и искусства должны действовать совместно.

Ст. 123. *Повадить* — здесь: приучить.

Ст. 138. *Хоть числит* — хоть умеет считать.

Ст. 143. *Лишно спеша дело* — излишне спеша с делом.

Ст. 151. Т. е. глаза скорее, чем уши, доставляют весть сердцу

Ст. 157. *Того* — смысла.

Ст. 158. *Сего* — совета.

Ст. 160. *Крушил* — сек, бил.

Ст. 162—163. Ни надежда, ни страх не могли совлечь его с пути добродетели.

Ст. 171—172. В одном — добрые примеры, к счастью, подкрепили наставление, в другом — дурные примеры истребили его.

Ст. 196. *Прельстит твою веру* — обманет твои надежды.

Ст. 203. По мнению ряда биографов, Кантемир в образе любвеобильной Сильвии вывел свою бывшую невесту Варвару Алексеевну Черкасскую (в замужестве гр. Шереметьеву).

Ст. 205. *Мушек*. Во времена Кантемира модницы ставили себе на лицо мушки — наклеивали кусочки черного пластыря или тафты в виде родинки.

Ст. 211—212. Слуга научил младенца, укравшего что-нибудь, клясться небом и землею, и тем отрицать перед отцом свою вину.

Ст. 218. *Нужусь* — стараюсь, прилагаю усилия.

Ст. 221 Т. е. счастливыми я называю одних лишь богатых.

Ст. 224. *Убогим смеюся* — насмехаюсь над бедными.

Ст. 235—236. Когда сын видит в тебе то, что постоянно ставишь ему в вину, и напрасно ищет в тебе то, что ты хвалишь.

Сатира VIII. На бесстыдную нахальчивость (стр. 173). Впервые — изд. 1762 г., с искажениями. Более точно — изд. Ефремова. В настоящем издании текст сверен и исправлен по Академическому списку. Сатира известна только в одной редакции, представленной в этом списке.

Ст. 2. *Полдести* — половина дести (см. примечание к ст. 83 сатиры IV).

Ст. 28. *Стрегучись* — остерегаясь.

Ст. 30. *Рудомета* — лекаря, пускающего кровь.

Ст. 69. *Клуши* — см. примечание к ст. 114 сатиры I.

Ст. 88. *Право весить знает* — умеет верно оценивать, взвешивать.

Ст. 91—92. Большинство из нас считает многословных разумными, а молчаливых — глупцами.

Ст. 94. *Нелестный* — верный.

Ст. 101. *Тот уже чин дел отменился* — уж тот порядок вещей изменился.

Ст. 121. *Что пользует* — какая польза.

Ст. 124. *Малят* — унижают.

Ст. 127. *Над всем* — кроме того.

Ст. 128. Пусть порочный не приближается к престолу.

Ст. 129. *Ея* — добродетели. *Нас управляет* — нами управляет.

Сатира IX. На состояние сего света... (стр. 181). Впервые напечатана Н. С. Тихонравовым (БЗ, 1858, т. 1, № 3, стр. 69—74) по списку, хранящемуся ныне в ГПБ под шифром О, XIV, 2. Более точное воспроизведение этого списка — в изд. Ефремова. В 1892 г. С. Брайловский опубликовал текст сатиры по более исправному списку, находившемуся тогда в собрании новгород-северского библиофила Ф. К. Пономаренко (см. С. Брайловский. Девятая сатира Кантемира по вновь найденному списку. ЖМНП, 1892, кн. 7, стр. 66—80). Новый список отличается от предыдущего не только большей исправностью текста, но и важными дополнениями: в нем имеется свод авторских примечаний, отсутствовавший в ранее открытом списке. Ныне местонахождение списка, опубликованного С. Брайловским, неизвестно. В настоящем издании текст печатается по публикации С. Брайловского с некоторыми исправлениями по списку О, XIV, 2. В предсмертный сборник, подготовленный Кантемиром для печати, сатира не вошла.

До сих пор в трудах, посвященных Кантемиру, господствует мнение, впервые высказанное В. Я. Стоюниным, что сатира была написана в 1731 г., до отъезда автора за границу (см. изд. Ефремова, т. 1, стр. LXXIX—LXXX). Это мнение, имеющее чисто гипотетический характер, основано на косвенных данных, не во всем точных. Между тем в авторских примечаниях к сатире в списке, опубликованном С. Брайловским, точно указана дата: «Писана сия сатира 1738 году месяца июля в последних числах» (ЖМНП,

1892, кн. 7, стр. 69). Это указание автора до сих пор не принималось во внимание. Ряд исследователей, не знакомых с публикацией С. Брайловского, не знает о существовании авторской датировки сатиры. Другие, например Т. Глаголева, Ф. Я. Шолом, хотя и знали об этой датировке, но усомнились в ее точности и предпочли остаться при старом мнении. Для этого, однако, нет никаких оснований. В самом тексте сатиры имеется ссылка на исторический факт, произошедший в 1738 г.: сожжение в начале июля этого года капитан-лейтенанта Возницына за переход в иудейскую веру (см. ниже). Но поскольку сатира писалась в июле 1738 г., то, разумеется, не в Москве, как полагал Стоюнин, и не в Париже, как считал Е. Петухов, а в Лондоне, так как в Париж Кантемир выехал только в конце августа 1738 г.

Авторская датировка уточняет и вопрос о последовательности, в какой Кантемир создавал свои сатиры. В. Я. Стоюнин и исследователи, разделявшие его точку зрения, полагали, что данная сатира писалась Кантемиром после пятой и фактически является *шестой*. В действительности же сатира была написана после *шестой* (по нумерации автора) и фактически должна считаться *седьмой* (VI сатира «Об истинном блаженстве» была создана в начале 1738 г.). Но чтобы не вносить путаницы, в настоящем издании сохраняется традиционное обозначение ее в качестве *девятой*. Название сатиры в списке, опубликованном С. Брайловским: «На состояние всего света. К Солнцу». В настоящем издании заглавие воспроизводится по списку, обнаруженному Н. С. Тихонравовым. В списке, напечатанном Ф. Я. Шоломом, заглавие сатиры: «На состояние века сего. К Солнцу» (см. Наукові записки Київського університета, т. 11, вып. IX. Філологічний збірник, № 4, 1952, стр. 138—151).

Ст. 12. *Аза в глаза не знает* — ничего не смыслит, не знает. *Аз* — старинное название буквы «а».

Ст. 14. *Разбивают* — разбойничают.

Ст. 33. *Вон де за то одного и сожгли недавно.* В литературе высказывались различные мнения относительно лица, упоминаемого в данном стихе. Н. С. Тихонравов считал, что здесь разумеется казнь протестанта Квирина Кульмана, сожженного в Москве в 1689 г. (БЗ, 1858, т. 1, № 3, стр. 70). С этим мнением солидаризировались В. Я. Стоюнин и П. А. Ефремов (см. изд. Ефремова, т. 1, стр. 179). С. Брайловский в своей публикации, ссылаясь на авторское примечание к этому стиху, заметил, что в сатире речь идет не о Кульмане, а о другом, но не пытался определить, кто же это лицо (ЖМНП, 1892, кн. 7, стр. 74). Упоминаемый в примечаниях Кантемира «морского флоту капитан» — несомненно, капитан-лейтенант Возницын, обращенный в иудейскую веру Борухом Лейбовым. Оба они по указу императрицы Анны Иоанновны были сожжены в начале июля 1738 г. (см. Полн. собр. законов, № 7612; а также С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 20, гл. 3). Указание, содержащееся в стихе «сожгли недавно», вполне согласуется с утверждением Кантемира, что сатира писалась в конце июля 1738 г.

Ст. 46. *В отдышку* — для отдыха.

Ст. 48. *Святцы* — здесь: святые.

Ст. 53. *Сошник* — от слова «соха» — крестьянин, мужик.
Ст. 55. *По грамоте бродят* — грамотные.
Ст. 63. *Медлети* — проводить время.
Ст. 69. *Аввакума* — имеется в виду протопоп Аввакум (1621—1682), поборник русского старообрядчества.
Ст. 71. *Те* — истории, россказни.
Ст. 111. А потому нам уже перестали дарить.
Ст. 131. *В правости важен* — праведен.
Ст. 138. Этот и следующие стихи изображают положение дел в Академии наук. По замыслу Петра I, в обязанность членов учрежденной в 1725 г. Академии наук входило и обучение слушателей «из славянского народа». Однако это указание Петра всячески игнорировалось. От русских студентов руководство Академии наук стремилось всеми способами избавиться. Ломоносов, описывая судьбу студентов, присланных в Академию в 1732 г., отмечал, что половина из них была взята в Камчатскую экспедицию, другие «быв несколько времени без призрения и учения, распределены в подьячии и к ремесленным делам. Между тем с 1733 года по 1738 никаких лекций в Академии не преподавано Российскому юношеству» (В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, стр. 28—29). Кантемир, подобно Ломоносову, возмущался тем, что русские юноши, «кто сердцем учиться желает», вместо «высоких наук» находят в Академии лишь «комплементы» «заморских учителей». Кантемир, как известно, стремился стать президентом Академии наук, с тем чтобы «восстановить Академию по мысли ее основателя» (см. «Ученые записки имп. Академии наук по первому и третьему отделениям», т. 1, вып. 1. СПб., 1852, стр. XVIII).
Ст. 141. *Умножить к ним чести* — усилить к ним уважение.
Ст. 143. *Пишут печатные вести* — т. е. объявляют в газетах.
Ст. 146. *Оных* — учений, наук.
Ст. 150. *Стени* — тени.
Ст. 151. *Точатся* — текут, расточаются.
Ст. 190. *Табак пить* — нюхать табак.
Ст. 196. *А себе четвериком сам валит за губу.* Четверик — мера или предмет, содержащий в себе четыре какие-нибудь единицы. Смысл стиха: лицемер, обличающий других за то, что они «пьют» табак, сам употребляет его четверными порциями.
Ст. 212. *Вся злая* — все злое, порочное.
Ст. 213. *По человечески бы могло премениться* — т. е. могло бы измениться, как изменяется человек.

На Зоила (стр. 190). Впервые опубликовано Т. Глаголевой (Материалы, стр. 39). Текст сверен и исправлен по единственному известному списку (ГПБ, Собр. Вяземского, F, CXXIX). В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, сатира не вошла. В упомянутом списке сатира помещена среди переводов сатир Буало и обозначена здесь в качестве пятой. Однако сатира не является переводом. Это видно, в частности, из уцелевшей части примечаний, где говорится о том, что лицо, выведенное в сатире под именем Зоила, могло бы сделать «честь российской нации», если бы избавилось от присущих ему пороков. Сатира имеет в виду определен-

ное лицо, но кто это — установить не удалось. Впервые мысль о принадлежности данной сатиры Кантемиру высказала Т. Глаголева. Основным аргументом в пользу авторства Кантемира для исследовательницы служит сходство сатиры «На Зоила» с сатирами Кантемира (по стилю, содержанию, построению), а также ряд прямых текстуальных совпадений, например стихи 26, 36, 55—56 сатиры «На Зоила», соответственно со стихами 44 (IV сатира), 174 (V сатира),[1] 1—2 (IV сатира)[2] первоначальной редакции.

К приведенным Т. Глаголевой примерам можно добавить еще ряд аналогичных:

На Зоила	Стихи Кантемира
Ст. 23.	*IV сат., первонач. ред., ст. 94*
Что уж слова на спинах легче писать мелом.	...легко их узнать, хоть нет в спине мелу.
Ст. 61.	*«Петрида», ст. 1—2*
Злые нравы исправлять с забавою складно.	Я той, иже некогда забавными слоги, Не зол, устремлял свои с охотою роги.
Ст. 55—56... 65—66	*Речь к Анне Иоанновне, ст. 63—66*
...что так рассуждаешь, Столь грубыми стихами почто исправляешь? . . . .ей, чтоб не пострадали, Молчи убо впредь, а то быть так, как сказали.	Но, однако же, безбедный молчати Быть узнал, нежли грубы похвалы писати. Молчу убо, но сильно почитаю Тую, от нея же честь и жизнь признаваю.

Все эти совпадения, взятые вместе, разумеется, нельзя объяснить случайностью; в то же время они не дают основания для категорического утверждения об авторстве Кантемира, ибо могли явиться результатом чьего-либо намеренного подражания сатирику. Поэтому Т. Глаголева и заключила, что «рассматриваемая сатира

---

[1] Т. Глаголева не обратила внимания на совпадение рифмы «чести — вести» в обеих сатирах.

[2] Стих 2 является подражанием Буало. Ср. начало VII сатиры:

Muse, changeons de stile et quittons la satire.

Но у Буало отсутствует эпитет «грубый», часто применяемый Кантемиром для характеристики своих стихов, стиля и т. п. Ср. указанный стих сатиры «На Зоила»: «грубыми стихами».

или принадлежит Кантемиру, или же является искусным подражанием. Однако исследовательница не использовала всех бывших в ее распоряжении данных для решения вопроса. В самом тексте сатиры «На Зоила» имеется место, позволяющее более определенно судить об авторе сатиры. Следующие стихи, в которых автор, обращаясь к музе, говорит:

> Про нас с тобой уж и так всякое зло трубят;
> Иль тебе не печально, что люди не любят?

несомненно указывают на то, что автор не впервые берется за сатиру, что он известен читателям в качестве сатирика. Но известным сатириком, писавшим силлабическим тринадцатисложником до 1746 г. (в списке имеется помета: «Спис. генваря 14 д. 1746 г.»), мог быть только Кантемир. Косвенным подтверждением авторства Кантемира может служить и следующее соображение. В III сатире (в обеих редакциях) характеристика завистника Зоила намеренно и внезапно обрывается автором. В примечаниях к ст. 229 сатиры III (первоначальная редакция) находим такое объяснение: «Под Зоила именем описать намерен был сатирик самолюбивого, завидливого, но да не продолжить чрезмерно сатиру — кончает внезапно...» Почему именно прерывается описание Зоила, а не другого персонажа? Думается, что это сделано не случайно. Видимо, Кантемир не хотел в III сатире возвращаться в развернутом виде к теме, которая была им уже воплощена в отдельной сатире («На Зоила»). Все это дает основание считать Кантемира автором комментируемой сатиры. Датировать ее следует, по-видимому, 1729—1730 г. (до написания III сатиры, т. е. до августа 1730 г.).

Зоил (IV век до н. э.) — греческий грамматик и ритор, подвергавший мелочной, придирчивой критике поэмы Гомера. Впоследствии имя его стало нарицательным и служило для обозначения злобного, завистливого человека, придирчивого критика.

Ст. 2. *Устне* — уста.

Ст. 10. *Ортоланы* — птицы из семейства так называемых овсянок (садовые овсянки).

Ст. 11. *Убрусом* — платком, полотенцем.

Ст. 22. *В девятый* — девятый раз.

Ст. 24. *Вредительному* — наносящему вред.

Ст. 30. *Тех* — страстей, пороков.

Ст. 33. *Врази* — враги.

Ст. 34. В то время как ты был здоров и предавался веселью, тебя объявили мертвым.

Ст. 43. *Збавь жизнь* — лиши жизни.

Ст. 48. *Промыслом твоим* — благодаря твоей заботе.

Ст. 59 и след. *Князь, красота Парнаса* — по-видимому, имеется в виду римский поэт Гораций. Выражения «князь Парнаса», «князь стихотворцев» Кантемир употреблял для обозначения наиболее знаменитых поэтов (ср., например, авторское примечание к ст. 111 I сатиры, где Кантемир назывaет Вергилия «князем стихотворцев латинских»). Известно, что Гораций, издав вторую книгу сатир (ок. 30 г. до н. э.), больше не возвращался к этому жанру. Во вступительной сатире второй книги Гораций говорит, что его

обличения вызвали недовольство многих; он обещает, что перо его не будет больше никого задевать, разве только тогда, когда ему придется отражать нападки других. Эти обстоятельства литературной деятельности римского поэта, видимо, имеются в виду в комментируемых стихах.

ПЕСНИ <ОДЫ>, ПИСЬМА, БАСНИ, ЭПИГРАММЫ

ПЕСНИ <ОДЫ>

Кантемир отобрал для печати всего четыре песни, но написал больше. Не все, однако, до нас дошли. Очень важные свидетельства об этих не дошедших до нас произведениях дают уцелевшие отрывки Курбатовской рукописи (см. примечания к первоначальной редакции сатир, стр. 502). Сопоставляя различные материалы — сохранившуюся часть оглавления («Таблицы»), краткие примечания, дошедшие до нас отрывки текста и данные истории рукописи, — можно с уверенностью заключить, что, кроме четырех песен, отобранных для печати, Кантемир написал еще по крайней мере четыре песни, или, как они назывались в ранних редакциях, оды («К императрице Анне в день ея рождения», «К ней же на ея победы против варвар», «О императоре Петре Великом» и «Ода философическая»).

Текст оды «К императрице Анне в день ея рождения» сохранился не полностью (см. ниже, в примечаниях к ней). Остальные три песни (оды) совсем не дошли до нас. О двух из них можно судить по примечаниям, сохранившимся среди отрывков Курбатовской рукописи. Об оде «К императрице Анне на ея победы против варвар» здесь говорится следующее: «Одержанные российским войском победы в 1736 году, так на Дону, как в Крыму и Кубани, подали причину сей оды, которая от автора из Лондона к приятелю К. А. М. Ч. в С.-Петербург послана. Так надписана была: Анне Иоанновне, августейшей императрице и самодержице всероссийской на взятие Азова и благопоспешение ея величества оружия над татары в Крыму и Кубани, победная песнь от всеподданнейшего ея раба К. А. К. Стихотворец наш начинает описанием ея им. вел. славных действ в польской войне и в той, которая от польской в Германии и Италии взгорелася; потом слово сводит к осаде и взятию Азова».

Под инициалами К. А. М. Ч. имеется в виду князь Алексей Михайлович Черкасский, к которому Кантемир в октябре 1736 г. отправил свою оду (см. письмо Кантемира к Черкасскому от 1 октября 1736 г. в книге: Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб, 1903, стр. 57—58). К. А. К. — обычная криптограмма имени сатирика: князь Антиох Кантемир. В примечаниях имеется в виду война России против Турции (1736—1739). В победоносном исходе этой войны Кантемир был и лично заинтересован. Дело в том, что, согласно условию, заключенному между Петром I и Дмитрием Кантемиром, отцом сатирика, в случае если Молдавия отойдет к России, то должна будет управляться кем-либо из рода Кантемиров. Победы русских

войск над турками возродили у детей бывшего молдавского господаря, в том числе и у Антиоха, надежду на восстановление наследственных прав в Молдавии. Характерно, что в упомянутом письме к А. М. Черкасскому Кантемир говорит о турках не только как о «неприятелях христианства», но и как о своих «партикулярных» врагах. Кантемир придавал данной оде особое значение и считал ее одним из лучших своих произведений: «...если мне о своих <стихах> позволено говорить, чаю, что из всех моих сии лучшие», — писал он А. М. Черкасскому. Кантемир просил последнего, занимавшего тогда пост кабинет-министра, представить оду императрице Анне. Однако дальнейшая судьба оды неизвестна.

О другой не дошедшей до нас оде, «О императоре Петре Великом», в примечаниях Курбатовской рукописи сказано: «Оду сию в похвалу Петра Великого писал в 1735 году, на корабле едучи из Голландии в Англию. В оной коротко все сего императора чудные дела заключил, приуподобляя его богам древности, к Аполлону, богу науки». Т. Глаголева считала, что дата здесь указана неправильно, так как из Голландии в Англию Кантемир ехал в 1732 г. О подобной поездке в 1735 г. ничего не известно. Впрочем, лондонский период жизни сатирика изучен слабо. Не исключено, что здесь имеется в виду поездка, состоявшаяся в 1736 г., когда Кантемир из Лондона отправился в Париж для лечения глаз. Возможно, что обратный путь он совершил через Голландию. Если это так, то вероятнее предположить, что 1735 г. ошибочно указан вместо 1736 г., если вообще здесь имеет место ошибка. Но независимо от точности датировки сам по себе факт создания Кантемиром оды в честь Петра I примечателен. Отказавшись от попытки завершить «Петриду», Кантемир не оставил своего замысла воспеть Петра I и осуществил его в ином жанре — в не дошедшей до нас оде.

Наконец, важно учесть сохранившееся в протоколах Общества любителей российской словесности при Московском университете сообщение А. Ф. Мерзлякова, обследовавшего Курбатовскую рукопись в начале XIX века. Из этого сообщения видно, что в составе рукописи тогда находилась еще одна не дошедшая до нас ода, под названием «Ода философическая», но, кроме названия, о ней больше ничего не известно. Эти скудные и отрывочные сведения о не дошедших до нас одах имеют тем не менее важное значение. Они свидетельствуют о том, что одическое творчество Кантемира было значительно обширнее и разнообразнее, чем об этом можно судить по четырем «песням», отобранным Кантемиром для печати. Последние представляют Кантемира как автора, культивировавшего преимущественно так называемую горацианскую оду. Между тем сведения о не дошедших до нас одах говорят о том, что он пробовал свои силы и в оде политической и панегирической. Еще в Курбатовской рукописи (1740) Кантемир называл эту группу произведений «одами», или же компромиссно: «Оды, то есть песни» (таково заглавие рубрики на листе из этой рукописи, найденном составителем. См. фотокопию на стр. 209. Русское название: «песни» — установилось при подготовке предсмертного сборника, предназначавшегося для издания (1743). «Приличнее... показалося употребить своего языка речь, чем чужую, — объясняет

Кантемир и добавляет: — Столь наипаче, что в церковных книгах уже греческое Ode переведена по-русски — песнь»).

Затруднительна датировка песен. За исключением III песни, Кантемир сам не указал времени их создания. Правда, в примечаниях ко II письму («К стихам своим») сатирик пишет: «Первые пять сатир и большая часть басней, песней и эпиграмм сочинены в 1729 и 1730 году». Но сразу же нужно отметить неточность: IV и V сатиры были написаны в 1731 г. Видимо, Кантемир имеет в виду период 1729—1731 гг. (т. е. до отъезда за границу). Кантемир писал названное письмо после составления предсмертного сборника, включавшего четыре песни. III песнь датируется им самим 1735 г. Остальные три песни (I, II, IV) и составляют, если буквально толковать приведенное свидетельство Кантемира, «большую часть... песней», которая, по его словам, была написана до отъезда за границу. Однако полной уверенности, что все три оды относятся к указанному (с уточнением) периоду, нет. Особые сомнения внушает Песнь II. По ряду соображений, о которых здесь невозможно распространяться, ее следует отнести к более позднему времени.

Песнь I. Противу безбожных (стр. 195). Впервые — изд. 1762 г. Написана, вероятно, в 1730—1731 гг. В песне нашли отражение деистические взгляды Кантемира: «Доказывается в ней бытие божества чрез его твари» (примечание Кантемира). Близка по содержанию к философским письмам Кантемира, впервые полностью, но неточно опубликованным в изд. Ефремова, под названием «Письма о природе и человеке» (т. 2, стр. 21—96).

Песнь II. О надежде на бога (стр. 197). Впервые — изд. 1762 г. Песня обращена к Н. Ю. Трубецкому. Написана, по всей вероятности, не ранее 1739—1740 г. (с 1732 по 1739 г. у Кантемира, по его собственному признанию, не было связи с Н. Ю. Трубецким).

Песнь III. На злобного человека (стр. 198). Впервые — изд. 1762 г. По свидетельству Кантемира, написана в 1735 г.

Песнь IV. В похвалу наук (стр. 200). Впервые — изд. 1762 г. Написана, по-видимому, в 1730—1731 гг. Среди уцелевших отрывков Курбатовской рукописи сохранился текст песни, отличный от публикуемого: в нем недостает пятнадцатой строфы; кроме того, имеются незначительные разночтения; называлась в рукописи «Одой об науках». Л. В. Пумпянский отрицал оригинальность произведения, считая его переводом с итальянского (сб. «XVIII век», вып. I. М.—Л., 1935, стр. 94—97). С этим, однако, нельзя согласиться: Кантемир был очень щепетилен в вопросах авторства и не стал бы помещать переведенную оду среди своих оригинальных произведений, не оговорив этого особо. Даже в тех случаях, когда Кантемир в отдельных местах подражал тому или иному автору, он всегда на это указывал в своих примечаниях, делал ссылки на источник, а зачастую и просто цитировал соответствующее место оригинала.

К императрице Анне в день ея рождения (стр. 211). Впервые, без первых 23 строк, опубликована Т. Глаголевой

(Материалы, стр. 43—45). Начало оды публикуется здесь впервые по листу из Курбатовской рукописи. Лист этот хранится в Рукописном отделении ГПБ, среди автографов Кантемира. В предсмертный сборник, предназначенный для печати, ода не вошла. В примечаниях Курбатовской рукописи говорится: «Ода сия писана латинскими стихами и от учеников академической школы поднесена императрице в день ея величества рождения в 1731 году. Автор наш ее на стихи переложил с русского готового переводу и, желая по близку держаться слов первоначального, не прилежал, чтоб стихи были равносложные: что потому не бесплодно случилось, что в сей оде включены почти все различные роды стихов, кои на русском стихотворстве употреблять можно». Во вновь найденном листе, содержащем начальные 23 стиха оды, на полях рукой Кантемира вписаны варианты некоторых строф.

Стихи 5—8 обведены рамкой, а против них на полях рукой Кантемира вписаны следующие стихи:

Естество хитрый ум все испытует,
Из самой бездны до неба выводит
Истину, чин звезд предписует,
Полки, строй и держит и водит.

Стихи 9—17 обведены рамкой, на полях рукой Кантемира вписано четверостишие:

Народы правит, царства укрепляет,
Правдой суровость в злобных обуздая,
Небесна рода в небо простирает
Смелые крылья, землю презирая.

Против стихов 18—21 на полях рукой Кантемира вписано:

Царя твари зная, почитает
И тому служит, которое дело
Есть душа (иже частица являет
Божия духа) и смертное тело.

В последнем стихе слово «смертное» написано вместо зачеркнутого «земное».

На стихе 23 заканчивается основной текст первого листа, найденного нами. Вслед за этим стихом на нижнем поле помещены следующие стихи, написанные рукой Кантемира:

Кои телу, не уму ищут погождати,
Но сколь кормчий над гребцом, сколь обык являти
Превосходней воина той, кто полки водит,
Столько храбрость военну мудрость превосходит.

В остальной части текста никаких исправлений нет. Видимо, Кантемир начал переделывать оду, но не закончил. По всей вероятности, причиной этому была смерть Анны Иоанновны (Курбатовская рукопись создавалась незадолго до смерти Анны Иоанновны, т. е. до октября 1740 г.).

ПИСЬМА

Письмо I. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому (стр. 214). Письмо II. К стихам своим (стр. 216). Впервые — изд. 1762 г.

БАСНИ

Кантемиром написано шесть басен. Относительно времени их создания существуют противоречивые свидетельства автора. В примечаниях окончательной редакции (Академический список) говорится, что первые четыре басни сочинены в Москве в начале 1731 г.; в «Примечаниях на басни», содержащихся в Курбатовской рукописи, указано, что первые три басни написаны в Москве в 1732 г., а четвертая «писана в Лондоне в 1735 году». Указанная в Курбатовской рукописи дата создания первых трех басен (1732) ошибочна; Кантемир 1 января 1732 г. уехал из Москвы за границу. Подлинной датой сочинения этих басен следует признать 1731 г., как указано в Академическом списке. Что же касается четвертой басни, то, вопреки указанию Академического списка, она была создана не в 1731, а в 1735 г., как утверждается в Курбатовской рукописи. Доказывается это между прочим и тем фактом, что первые три басни встречаются изредка в сборниках, заключающих произведения Кантемира, написанные им до отъезда за границу, тогда как четвертая басня в этих списках не попадается. Относительно V басни в Курбатовской рукописи нет никаких хронологических указаний. В Академическом списке она приурочена к 1738 г., что, по-видимому, и соответствует истине. Наконец, VI басня может быть датирована лишь приблизительно. Прямых указаний самого Кантемира нет. Из того обстоятельства, что она отсутствовала в составе Курбатовской рукописи, но вошла в Академический список, следует заключить, что она, вероятно, была написана не ранее конца 1740 и не позднее марта 1743 г. Мотивы басен заимствованы Кантемиром у Эзопа, но содержание их, как это в ряде случаев установлено исследователями, приноровлено к конкретным историческим событиям, современным русскому поэту.

Басня I. Огонь и восковой болван (стр. 221). Впервые — изд. 1762 г. В рукописном сборнике, хранящемся в ГПБ под шифром О, XIV, 2, помещен текст ранней редакции басни. Здесь она названа «Огонь и восковая статуя». По сравнению с окончательной редакцией имеются разночтения. Существенно отличается концовка басни, содержащая «Нравоучение»:

Исправив и основав дело, свету дивно,
Прилежать нужно, чтоб все, что ему противно,
Прекратить: не может бо долго что стояти,
Коли пагубы вину презрил скореняти.

В басне содержится намек на политические события, связанные с воцарением Анны Иоанновны. «Дело», которое следует утвердить «на долги веки», искореняя все, что ему вредит, — это восстановление самодержавного правления. Кантемир считал, что после поражения

верховников необходимо по отношению к ним проявлять бдительность, дабы они не могли вновь подняться для свержения самодержавной власти.

Басня II. Пчельная матка и змея (стр. 222). Впервые — изд. 1762 г. В рукописном сборнике, хранящемся в ГПБ (Собр. Вяземского, F, CXXIX), содержится неоконченный текст ранней редакции басни:

Змея люта некогда, зверь злобного нрава,
Вопросила матку пчел, еже царска права:
«Почто, рече, ты одна, нося пчел корону,
Не имеешь никую себе оборону?
Все скоты вредить могут, досаду отмщати,
Ты одна терпеть мусишь, хотя б и страдати.
Взыди к Йовишу в небо и спроси ти жало:
Никому, верь, лютость так, как царю, не пристало».
Пчела, простерши крылья, от зверя лукавна
Отлете, рек: «Мне твоя, змие, речь ненравна;
Добре бог образом мя царем хотел дати,
Чтоб, будучи добрыми, как злым быть — не знати».

Нравоучение

Злы советы правящим...

<Текст обрывается.>

Басня, как видно из ее «морали», обращена к «правящим». Кантемир имел в виду в первоначальной редакции Анну Иоанновну, а в окончательной — Елизавету Петровну. Он пытался предостеречь императриц от «злых» советов, внушая, что не «в лютости» заключается сила власти, а в доброте и милости по отношению к подданным.

Басня III. Верблюд и лисица (стр. 223). Впервые — изд. 1762 г. Сохранился текст ранней редакции басни (ГПБ, Собр. Вяземского, F, CXXIX):

БАСНЬ 3

Верблюд, груботельный зверь, урод той природы,
В нем же память злых живет чрез многие годы,
Видев некогда вола, что лоб украшенный
Рогми имать, завистью бысть тот раздраженный,
Как-то говорит в себе: «Столь подлы животный
Так красиву имеет, хотя худоплотный,
Защиту себе! А я, что могу назваться
Царем почти зверей, мушу ль тех лишаться?
Нет. Потребно да и я красивое тело
Умножу теми и всем навожу страх смело».
Лисица по случаю подслушала речи
И с притворным учтивством вышла к нему встречи:
«Господине верблюде (речь тая лукава),
От края до края земли прошла твоя слава;
И подлинно, как судил, одними ты скуден
Только рогами; на то вем способ нетруден:

Зришь ли щель сию в лесу? мастер обитает
В ней, иже рога тотчас во лбу водружает.
Всунь голову в ту дыру, и вскоре, немноги
Хоть претерпишь страх, на лбу твоем будут роги».
Лестный бысть ея совет, ибо лев там хищный
Жил, но той не дознался, знать умом не лишный
В главе той, что ищет роги; лисицы совета
Послушал, всунул голову в щель, не знав навета.
Рад добычи, лев тотчас в гостя уцепился;
С ушми был тогда верблюд, — в них ногтьми влепился.
Тянет лев; узнал верблюд прелесть, стало больно;
Дерет из щели главу, та идет не вольно.
Нужно было да главу вынеть оттоль здраву,
Потерять там и уши, — не нажил рог славу.

Нравоучение

Славолюбцы! вас поют, о вас басни дело;
Верблюжее я нанял для украсы тело.
Кто древо, как говорят, не по себе рубит,
То, большего не достав, малое погубит.

В басне намекается на попытку членов Верховного тайного совета во главе с Долгорукими установить после смерти Петра II свое правление в России. Затея этой олигархической клики кончилась крахом. В феврале 1730 г. при активном участии Кантемира, Татищева и Прокоповича была восстановлена самодержавная власть Анны Иоанновны.

Басня IV. Ястреб, павлин и сова (стр. 225). Впервые — изд. 1762 г. В примечаниях Курбатовской рукописи сказано, что басня «писана в Лондоне в 1735 году и сначала учреждена была заключить вторую сатиру, но потом автор отменил свое мнение». В. Я. Стоюнин, не зная об этой рукописи и опираясь на ошибочное указание в примечаниях к окончательной редакции, будто данная басня была написана в Москве в начале 1731 г., пытался истолковать ее содержание как непосредственный отклик на политические события, связанные с началом царствования Анны Иоанновны. Это мнение утвердилось в литературе, однако цитированные строки из примечаний Курбатовской рукописи опровергают его.

Басня V. Городская и полевая мышь (стр. 226). Впервые — изд. 1762 г. Написана в 1738 г.

Басня VI. Чиж и снегирь (стр. 228). Впервые — изд. 1762 г.

ЭПИГРАММЫ

Кантемир отобрал для печати всего девять эпиграмм. В настоящем издании печатается пятнадцать, однако они не исчерпывают всего числа произведений, написанных Кантемиром в этом жанре. По свидетельству А. Ф. Мерзлякова, обследовавшего Курбатовскую рукопись в 1811 г., в ней тогда содержалось пять эпиграмм, не

вошедших в издание 1762 г. Они в свое время не были опубликованы, а листы с этими эпиграммами ныне утеряны. Из сообщения А. Ф. Мерзлякова мы знаем теперь лишь их названия: «К любовнице», «К моему портрету», «О Феофиле и Феофане», «О Меналке» и «На Харона». Не исключено, что до нас не дошли и другие эпиграммы. Точная датировка эпиграмм затруднительна. Сам Кантемир в примечаниях Курбатовской рукописи признавался: «Трудно точно означить время сочинения сих епиграмм, но то известно, что все писаны в Москве после первой и второй сатиры, и то в разные случаи». Из этого можно заключить, что все эпиграммы, входившие в состав Курбатовской рукописи, были написаны в 1730—1731 гг. Однако сейчас неизвестно в точности, какие именно эпиграммы были представлены в этой рукописи. В примечаниях окончательной редакции, относящихся к девяти эпиграммам, отобранным для печати, Кантемир указывает, что все эпиграммы, за исключением двух последних («На Леандра, любителя часов» и «На гордость нового дворянина»), были написаны «в Москве 1730 году». Но это свидетельство несомненно нуждается в уточнении. Так, например, в число первых семи эпиграмм, написанных, по словам Кантемира, в 1730 г., входит VI эпиграмма («Хроностическая на коронацию Петра II»), которая безусловно была написана ранее, до 1730 г.[1]

О последних двух эпиграммах (VIII и IX), названных выше, известно лишь, что они не были написаны «в Москве 1730 году». Но где и когда написаны? Судя по тому, что Кантемир, подготовляя Курбатовскую рукопись, не включил в нее указанные две эпиграммы, можно допустить, что они были написаны после 1740 г. О датировке остальных эпиграмм, не вошедших в сборник, подготовленный Кантемиром для печати, см. в примечаниях к отдельным эпиграммам.

В Курбатовской рукописи Кантемир писал по поводу своих эпиграмм: «В них нет ничего приметного, кроме новости своей, понеже до сих пор на нашем языке, чаю, епиграммы не писаны». Продиктованная авторской скромностью, эта характеристика, однако, верно отражает объективный исторический факт: эпиграммы Кантемира — действительно первые в русской поэзии опыты в этом жанре.

I. На самолюбца (стр. 233). II. На икону святого Петра (стр. 233). III. На Брута (стр. 233). IV. На старуху Лиду (стр. 234). V. О прихотливом женихе (стр. 234). Впервые — изд. 1762 г.

VI. Хроностическая на коронацию Петра II (стр. 234). Впервые — изд. 1762 г. Эпиграмма по форме представляет хроностих. Выделенные шрифтом буквы первого стиха по старославянскому обозначению имеют и числовое значение (в алфавитном порядке: а — 1; в — 2; д — 4; е — 5; и — 8; i — 10; к — 20; л — 30; н — 50; п — 80; р — 100; с — 200; т — 300) и в сумме со-

---

[1] К этому обстоятельству внимание составителя привлек П. Н. Берков, впервые высказавший сомнение в правильности авторской датировки данной эпиграммы.

ставляют 1728 — год коронации Петра II. По всей вероятности, в этом году эпиграмма и была написана, хотя Кантемир и включал ее в группу эпиграмм, созданных в 1730 г. Коронация Петра II состоялась 25 февраля 1728 г., а 18 января 1730 г. он внезапно скончался, так что во вторую годовщину коронации Петра II уже не было в живых, между тем в эпиграмме о нем речь идет как о царствующем. В день коронации Петра II Кантемир был пожалован в подпоручики. Это, по-видимому, и побудило Кантемира в знак благодарности написать хроностих.

VII. К читателям сатир (стр. 234). Впервые — изд. 1762 г. В списках первоначальной редакции помещена перед III сатирой. Третья строка здесь читается: «И аще не нравен слог и вам досаждает».

Ст. 1. *В обществе* — вообще.

VIII. На Леандра, любителя часов (стр. 234). IX. На гордого нового дворянина (стр. 235). Впервые — изд. 1762 г.

Сатирик к читателю (стр. 237). Впервые — изд. Ефремова. В изд. Ефремова эпиграмма приписана Феофилу Кролику и помещена среди его стихов, обращенных к Кантемиру. Т. Глаголева, однако, привела убедительные доводы в пользу авторства Кантемира (Материалы, стр. 55—56). В списках заглавие варьируется: «Сатира <Сатир?> к читателю», «Автор к читателю», «К читателю», «Той же сатирик к читателю». В ранних списках эпиграмма встречается только на русском языке (например, в списке БАН, ф. 1, оп. 1, № 22), в более поздних — на латинском и русском. Вот ее латинский текст:

Si te pungo, tace, quia te non nomino; clamas?
Proditor es vitii (non ego culpa) tui.

Возможно, что именно Кролик перевел эпиграмму на латинский язык, почему она и попала в число его латинских стихов, посвященных Кантемиру. Судя по тому, что эпиграмма находится в названном выше списке, заключающем одну только сатиру в самой ранней редакции текста, время создания эпиграммы следует отнести к концу 1729 г., когда была написана сама сатира. Ср. содержание эпиграммы с предисловием к I сатире в первоначальной редакции (стр. 361), а также с примечанием к ст. 70 сатиры IV в первоначальной редакции (стр. 514).

Автор о себе (эпиграмма I) (стр. 237). Впервые — изд. Ефремова, по неисправному списку. А. Родосский в 1894 г. опубликовал (Описание, стр. 233) текст эпиграммы по другому списку, уточнив чтение последнего стиха: по-галльски вместо по-польски. Т. Глаголева, исследовав ряд списков, напечатала (Материалы, стр. 54) исправный текст эпиграммы, уточнив попутно и чтение третьего стиха: «Да верна. Ума хоть пределы узки» (вместо «Да, верно, ума хоть пределы узки»). Печатается по публикации Т. Глаголевой и сверена со списками, содержащими

сатиры Кантемира в первоначальной редакции. В стихе 4 в некоторых списках встречаются еще чтения: «по-галански», «по-италски». Первое чтение (как и «по-польски») бессмысленно и должно быть отвергнуто. Что касается варианта «по-италски», то в печати высказывалось мнение, будто оно, возможно, дает правильное чтение спорного стиха (Записки Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 11. М., 1950, стр. 99). Однако это мнение нельзя признать обоснованным. Если принять чтение «по-италски», то содержание стиха 4 надо связать с именем Горация, но последнего Кантемир всегда именует латинским (или римским) стихотворцем, равно как и язык его сочинений — латинским, а не «италским». Этой последней формы Кантемир вообще не употребляет. У него встречается форма «италиянский», но применительно к современному языку Италии, а не языку древних римлян. Кроме того, чтение «по-италски» портит стих: вместо одиннадцати слогов в нем оказывается двенадцать. Правильным является чтение «по-галльски», т. е. по-французски, что естественно связывается с первой строкой: «занял у француза». В ряде списков имя последнего расшифровывается на полях следующим примечанием: «У Боало, сатирика французского, который много с Горация имитовал». В одном списке эпиграмма озаглавлена: «На свое сочинение». Обычно в списках помещена перед I сатирой (в первоначальной редакции). Написана в 1730 г. В сборник, подготовленный Кантемиром для печати, не вошла.

Автор о себе (эпиграмма II) (стр. 237). Впервые — изд. Ефремова, не совсем точно. Поправка сделана Т. Глаголевой (Материалы, стр. 54). Эпиграмма в списках обычно помещается перед текстом первой сатиры. В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошла. Для датировки эпиграммы следует учесть следующие обстоятельства. Первые (по крайней мере, две) сатиры Кантемира распространялись анонимно. Но Феофан Прокопович, прочитав I сатиру, по свидетельству Кантемира, «ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи. . .». Ясно, что после этих действий Прокоповича имя автора сатиры стало известно, и писать эпиграммы, намекающие на его личность, уже не имело смысла. «Похвальные сочинителю стихи» — это приветственные октавы Прокоповича «Не знаю, кто ты, пророче рогатый». Как было указано выше, в примечаниях к I сатире, стихи Ф. Прокоповича датируются апрелем 1730 г. Все это дает основание отнести создание данной и следующей эпиграмм либо к самому концу 1729 г., либо к началу 1730 г. (не позже апреля).

Млады мои лета. В сентябре 1729 г. Кантемиру, по его свидетельству, исполнилось 20 лет (сейчас принято считать годом рождения Кантемира 1708, а не 1709 г.).

Автор о себе (эпиграмма III) (стр. 237). Впервые опубликована Е. В. Петуховым (Заметки, стр. 20). Т. Глаголева, не зная об этой публикации, напечатала эпиграмму, полагая, что делает это впервые (Материалы, стр. 54—55). Текст выверен по спискам, содержащим первоначальную редакцию сатир Кантемира. Встречается в немногих списках, где обычно следует после двух

предыдущих эпиграмм перед I сатирой. В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошла. О датировке см. предыдущее примечание.

Ст. 4. *Добро, бывше в руках, сплыло* — намек на несправедливое решение дела о наследстве, оставшемся после смерти отца Кантемира. См. примечание к ст. 125—126 «Epodos Consolatoria» (стр. 479).

Ст. 5. *Отца, матерь погребох в отрочески лета* — отец Кантемира умер в 1723 г., мать — в 1713 г.

Ст. 6. *Хоть могу быть не отец* — намек на молодость автора.

К читателям (стр. 238). Впервые — изд. Ефремова. Текст выверен по спискам первоначальной редакции сатир, где эпиграмма помещена перед IV сатирой. В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошла. Эпиграмма написана в 1731 г., тогда же, когда и названная сатира.

На Езопа (стр. 238). Впервые — «Русский архив», 1865, № 10—11, стр. 358. Варианты и уточнения приводятся у Е. В. Петухова (Заметки, стр. 20—21) и у Т. Глаголевой (Материалы, стр. 57). Текст выверен по спискам, содержащим произведения Кантемира в первоначальной редакции. В сборник, предназначенный автором для печати, не вошла. Написана в 1730—1731 гг. В некоторых списках в стихе 8 встречается вариант: «много дум исправил».

ПЕТРИДА

Петрида (стр. 241). Впервые напечатана Н. С. Тихонравовым (Летописи, т. 1, отд. III, стр. 16—22). Более точно — изд. Ефремова. Текст выправлен по спискам, хранящимся в ГПБ (Q, XIV, 6 и А, IV/8). В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошла. Первая книга была написана в 1730 г. (между мартом и августом). Поэма о Петре осталась неоконченной, хотя мысль о продолжении ее занимала Кантемира впоследствии. Подобное намерение у него, в частности, появилось в конце 1731 г., когда решился вопрос о его назначении резидентом в Англию. Об этом сохранилось свидетельство Кантемира. «Сатирик наш, — говорится в примечании к первоначальной редакции V сатиры, — по окончании своей четвертой сатиры намерен был, оставя сей стихов род, употребить время свое, которое ему до отъезду в чужие краи оставалося, на продолжение *«Петриды»,* которой одну первую книгу издал еще прежде третьей сатиры; но, уразумев через искус, что дело то не малого требует прилежания, также лишаяся к тому потребных известий, отложил то до другого времени, когда и способы к тому лучшие будут и мысли его, различными нуждами ныне смущаемые, спокоятся». Позднее Кантемир, видимо, отказался от продолжения «Петриды» и воспел Петра I в похвальной оде «О императоре Петре Великом», до нас не дошедшей (см. примечания к песням; стр. 464). Общий замысел «Петриды» новейший исследователь характеризует так: «В первой книге поэмы Петр не умирает, а только

заболевает. В конце песни олицетворенная и названная латинским именем Странгурио болезнь, «прияв власть», данную ей по божественному поручению архангелом Михаилом, «устремися на Петра». Однако эта власть была дана болезни только при условии, что она в течение целого года не посмеет поразить свою жертву смертью... Следовательно, в первой книге мы имеем только завязку, за которой должно было последовать действие, рассчитанное на целый год, после чего должна была наступить развязка — смерть героя. Такое толкование замысла Кантемира подкрепится, если мы учтем, что существовало принятое многими теоретиками, в том числе и некоторыми русскими авторами рукописных пиитик, правило о годичной длительности действия эпопеи. Заболевание и смерть Петра как пограничные моменты действия давали Кантемиру право на второе заглавие поэмы: «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора всероссийского...». Повествуя о последнем годе деятельности Петра, Кантемир, несомненно, нашел бы повод рассказать в форме «предыстории», обычной для классической эпопеи, и о событиях предшествующих лет. Такое понимание сюжета поэмы оправдывает первую и основную часть ее монументального заглавия: „Петрида“» (А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, стр. 85—86).

Ст. 2. *Устремлял свои с охотою роги* — имеются в виду рога мифологического сатира, в образе которого здесь представлен сатирик. Кантемир, как и многие в XVIII веке, ошибочно полагал, что слова «сатир» и «сатира» этимологически связаны, а потому и изображает автора сатир с атрибутами мифологического существа.

Ст. 6. *Смеху дав прежде вину* — дав прежде причину для смеха.

Ст. 7. *Роксолян народе* — русском народе.

Ст. 17—18. Музы! если иным вольно призывать вас на помощь, то у меня более всех достаточно причин требовать того же.

Ст. 21. *Нелеть смертну* — нельзя смертному.

Ст. 32. *Не вовсе надежду непщуй прекращенну* — не считай, что надежда совсем потеряна.

Ст. 37. *Хоть ин владеет* — хоть царствует иной (имеется в виду не Петр, а Анна).

Ст. 60. *Лепу склонность* — сильную склонность.

Ст. 79. *Огненными его вои* — огненными его воинами.

Ст. 82. *Михаил* — архангел Михаил; в христианской религии один из старших ангелов, предводитель небесного воинства.

Ст. 93. *Сие же веждь* — знай же это.

Ст. 94—100. Петр I скончался зимою (25 января 1725 г.).

Ст. 110. *Нозе* — ноги.

Ст. 112. *Сотка* — соткала.

Ст. 118. *В ню же зрение стрелец мудр наводит* — в нее мудрый стрелец целится.

Ст. 128. *Ужаснул подземную и народ геенны* — привел в ужас преисподнюю и обитателей ада.

Ст. 134. *Не паки ли прейде скореняти* — не снова ли пришел искоренять.

Ст. 157. *Скудоплотны* — тощие.

Ст. 170. *Двизанием крыл его весь ад облистался* — от движения его крыльев весь ад наполнился блеском.

Ст. 180—181. *Бывшая в долзе у соседах подвластна* — бывшая долго подвластна соседям.

Ст. 184. *Ингрия* (Ингерманландия, Ижорская земля) — прежнее название исконных русских земель, расположенных по берегам Невы и Финского залива. Эти земли несколько раз переходили от русских к шведам и обратно. Окончательно отвоеваны Петром в 1702 г.

Ст. 185—186. Речь идет о Неве. *Устами* — устьями.

Ст. 193. *Шестибочная крепость* — Петропавловская крепость.

Ст. 197. *Обонпол* — на противоположном берегу (Невы). Дальше речь идет о строительстве кораблей в Адмиралтействе.

Ст. 199—200. *И флот, уже страшный многим, творят что дневно наипаче ужасный* — и флот, уже устрашающий многих, строители делают с каждым днем еще более страшным.

Ст. 204. *Два рамена* — два плеча; здесь — рукава.

Ст. 209—210. *В нуждах, наступить имущих народу, способ ища* — ища способ удовлетворить нужды, которые возникнут у народа.

Ст. 217. *Сорало* — избороздило.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Читателю (стр. 251). Впервые — изд. Ефремова, по тексту которого воспроизводится в настоящем издании. В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошло. В 1726 г. Кантемир перевел с французского языка сатирическое описание Парижа, поместив в конце перевода данное стихотворное обращение к читателю. Полное заглавие перевода: «Перевод с итальянского на французский язык некоего итальянского письма, содержащего утешное критическое описание Парижа и французов, писанного от некоего сицилианца к своему приятелю. На славянороссийский язык переведено с французского в царствующем С.-Петербурге, лета господня 1726 г.». Письмо это — первый опыт Кантемира в переводе с французского. Судя по стихотворному обращению к читателю, можно предположить, что Кантемир намеревался опубликовать свой перевод. Стихотворение, как и перевод, датируется 1726 г. Это самое раннее из известных нам стихотворных произведений Кантемира.

Metaphrasis ps. 36 (стр. 252). Впервые — изд. Ефремова. В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошло. Стихотворными переложениями псалмов занимались многие русские поэты XVII—XIX веков (Симеон Полоцкий, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Ф. Глинка и др.). Содержание псалмов, при соответствующем его истолковании, предоставляло широкие возможности для обличения социальных язв современной действительности. К тому же авторитет духовного источника служил известной защитой для поэтов, использовавших «гражданские» мотивы псалмов для воплощения своих идейных замыс-

лов. Всеми этими возможностями воспользовался и Кантемир, предприняв переложение двух псалмов — 36 и 72 (см. ниже). Общим мотивом обоих псалмов, усиленным в переложении сатирика, является убеждение в непрочности благ и недолговечности успехов, основанных на неправедных действиях, вера в конечное торжество добродетели и справедливости. Но этот отвлеченный моралистический смысл псалмов связывается Кантемиром с конкретными политическими событиями — с попытками членов Верховного тайного совета узурпировать власть в стране. Несомненно также, что в переложениях отразились и чувства, испытанные Кантемиром в связи с несправедливостью, учиненной по отношению к нему верховниками при разборе дела об отцовском наследстве. Переложения эти, по-видимому, были созданы во второй половине 1730 г., после ликвидации «затейки» верховников. В самом этом историческом факте Кантемир увидел подтверждение идеи, заложенной в псалмах, — идеи о неизбежном возмездии, ожидающем тех, кто несправедливым путем присваивает себе не принадлежащие им по праву богатство, власть, славу.

Ст. 26. *Что благим токмо случаются злая* — что только с благими (добродетельными) случаются несчастья, беды.

Ст. 32. *Наследит землю* — получит землю в наследство.

Ст. 53. *Сих и в зло время сыты будут чада* — дети праведников и в годину бедствий будут сыты.

Ст. 55. *Пара* — пар.

Ст. 73. *Аки вдовицы с Сидонской Сарепты.* В Библии (3 книга Царств, гл. 17) рассказывается, что бедная вдова из города Сарепта Сидонская в течение трех лет голода давала пропитание пророку Илии.

Metaphrasis ps. 72 (стр. 255). Впервые — изд. Ефремова. Текст исправлен по спискам, хранящимся в ГПБ. В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошло. См. также примечания к предыдущему произведению.

Ст. 7. *В огнь пришед* — превратившись в огонь.

Ст. 47. *Новой сласти* — нового удовольствия.

Ст. 66. *Не довольны* — не довольствуются.

Ст. 78. *Сущ, не видит* — существуя, не видит.

Ст. 95. *Их же он своя нарече чада* — их же он назовет своими детьми.

Ст. 98. *Егда трудился, да вины узрит* — когда трудился, надеясь узнать причины.

Ст. 115. *В оном веце* — в загробной жизни.

Ст. 129. *Донде и аз сия постигох* — до тех пор, пока и я это постиг.

Ст. 131. *Бых, могох* — был, мог.

Ст. 136. *Меж прельщенных* — между заблудшимися, соблазненными, обманутыми.

Ст. 143—144. *Ничто земли держава есть у грешных* — ничто власть грешных на земле.

Ст. 155. *За тебе* — вместо тебя.

Ст. 166. *Правый* — верный, справедливый.

Ст. 167. *Твои хвалы* — тебе хвалы.

Ст. 170. *Вил* — славянская форма имени финикийского бога Бэла. Здесь употребляется как нарицательное наименование, в значении: идол, истукан.

Ст. 171—172. *Егда грешников вскоре отъемлешь злобных духи* — когда у злобных грешников вскоре отнимешь дух.

Ст. 175. *Сих дел странных* — этих изумительных дел.

<Благодарительные стихи Феофану Прокоповичу> («Устами ты обязал меня и рукою...») (стр. 260). Впервые — изд. 1762 г. Стихи написаны в ответ на стихотворение Ф. Прокоповича «Не знаю, кто ты, пророче рогатый...» (см. стр. 442) и были предпосланы III сатире, посвященной также Ф. Прокоповичу (см. авторские примечания к данной сатире).

Epodos Consolatoria... (стр. 261). Впервые полностью напечатан Н. С. Тихонравовым (Летописи, т. 5, отд. III, стр. 38—41). Более точно — изд. Ефремова. Текст исправлен по спискам, хранящимся в ГПБ. В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошел. Эпод написан в ответ на элегию Феофана Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастьи»:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красных?
Коли явится милость прещедра
Небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно,
Все ненастье,
Нет и надежды, о многобедно
Мое счастье;
Хотя ж малую явит отраду
И поманит,
И будто нечто польготит стаду
Да обманет;
Дрожу под дубом, с крайним гладом
Овцы тают,
И уже весьма мокротным хладом
Исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевных
Нет отмены,
Нет же и конца воплей плачевных
И кручины.
Потчися, боже, нас свободити
От печали,
Наши нас деды к тебе вопити
Научали.

Элегия была написана Ф. Прокоповичем в январе 1730 г. в период господства реакционной клики верховников, когда его политическое положение серьезно пошатнулось, а враги торжествовали победу. «День пятый», о котором упоминается в элегии, — это пятый год со дня смерти Петра I. В ответном стихотворении Кантемир утешает Прокоповича (изображенного в образе пастуха Пимена),

ссылаясь на наступившие политические перемены — ликвидацию олигархической власти верховников и восстановление самодержавного правления в лице Анны Иоанновны. Стихотворение насыщено многочисленными намеками на политические события, связанные с переворотом 25 февраля 1730 г. После переворота положение Прокоповича резко изменилось к лучшему, тогда как в судьбе Кантемира на первых порах существенных перемен не произошло. Отсюда заявление Кантемира: «Меж пастушками брожу единый несчастливый», жалобы его на то, что он лишен «стадца», «хижины» и «нивы», не имеет «льготы нимало». Согласно традиционному мнению, создание «Epodos Consolatoria» приурочивается обычно к началу 1730 г. (до переворота 25 февраля). Мнение это ошибочно. В действительности стихи Кантемира, как явствует из всего их содержания, были написаны после февральских событий 1730 г. Во всяком случае, в них упоминается коронация Анны Иоанновны, состоявшаяся 28 апреля 1730 г. С другой стороны, 20 декабря вышел именной указ императрицы о пожаловании детям покойного молдавского господаря (в том числе и Антиоху) имений в Нижегородском и Брянском уездах в вечное владение. После этого указа Кантемир вряд ли мог жаловаться на то, что не имеет «льготы нимало». Все это дает основание утверждать, что «Epodos Consolatoria» написан в период с мая до середины декабря 1730 г. (скорее всего в мае; см. ниже примечание к ст. 61). Эподом в античной поэзии называлось стихотворение, в котором длинный стих чередовался с коротким. «Эпод» Кантемира построен на чередовании десятисложного стиха с четырехсложным.

Ст. 13. *Сенька и Федька* — имеются в виду Стефан Яворский и Феодосий Яновский — реакционные церковные деятели, противники Феофана Прокоповича.

Ст. 16. *Ветчиною* — салом.

Ст. 20. *Егор* — ростовский архиепископ Георгий Дашков. В царствование Петра II добивался восстановления патриаршества, метя стать патриархом. Стремясь склонить в свою пользу влиятельных лиц и в первую очередь временщиков при Петре II — Долгоруких, Дашков дарил им лошадей, которых добывал незаконными путями. После воцарения Анны Иоанновны попал в опалу. Указом от 21 июля 1730 г. был уволен из синода; 24 октября того же года вышел указ о производстве следствия по делу о разорении Ростовской епархии. В процессе следствия выяснилась и история о взятках лошадьми. 8 декабря 1730 г. Дашков был лишен сана и сослан в монастырь.

Ст. 49—50. *Для чего ж плачешь чрез пять дней* — пять лет после кончины Петра I. Здесь Кантемир ссылается на стихи из элегии Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастьи»: «Прошел день пятый, а вод дождевных нет отмены».

Ст. 61. *С барашка уж на близнята* — с созвездия Овна на созвездие Близнецов. Солнце, совершая свой видимый годичный путь по зодиаку, вступает в созвездие Близнецов весною, в мае.

Ст. 65. *Диана* (греч. миф.) — богиня охоты; здесь в образе богини выведена Анна Иоанновна, увлекавшаяся охотой. Но дальше Кантемир говорит об охоте («ловитве») в переносном смысле, разу-

мей расправу императрицы с политическими противниками, т. е. с верховниками и их приверженцами.

Ст. 81. *Корысти* — здесь: добычу.

Ст. 87—88. *Да не вас льстивых волков зло чадо повреждает* — да не повреждает вас злое детище льстивых волков.

Ст. 90. *Венчал красно* — имеется в виду коронация Анны Иоанновны, состоявшаяся 28 апреля 1730 г. и произведенная Ф. Прокоповичем.

Ст. 97. *Ея похвал ты певец славный.* Прокопович написал в честь Анны Иоанновны ряд панегирических стихотворений.

Ст. 125—126. *Но и сих Егор и его други отогнали.* Намек на несправедливое лишение поэта права на отцовское наследство. «Други» Егора (т. е. Георгия Дашкова) — члены Верховного тайного совета. Среди них большим влиянием пользовался Д. Голицын, под давлением которого дело о наследстве было решено в пользу его зятя — Константина Кантемира, брата поэта.

Речь к императрице Анне Иоанновне (стр. 266). Впервые напечатана К. Калайдовичем в изд.: «Сочинения в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете», ч. III. М., 1823, стр. 98—106. В изд. Ефремова воспроизведен более исправный список. Важные уточнения и дополнения сделаны Е. Петуховым (Заметки, стр. 18) и Т. Глаголевой (Материалы, стр. 46). Текст выверен и исправлен по спискам, хранящимся в ГПБ, ИРЛИ. В сборник, подготовленный Кантемиром для печати, не вошла. «Речь» написана в подражание Буало («Discours au Roi»), но совершенно самостоятельна по своему содержанию и тесно связана с обстоятельствами литературной деятельности Кантемира-сатирика. «Речь» была написана в июне 1731 г., после создания IV сатиры. Законченные к этому времени четыре сатиры Кантемир намеревался издать вместе с другими своими сочинениями. Выступление в печати должно было представить его поэтом преимущественно сатирического направления. Кантемир ясно сознавал опасность, которую навлекал на себя столь «неблагонадежным» уклоном своего творчества (см., например, признания на этот счет в IV сатире). Чтобы предохранить себя от неблагоприятных последствий, Кантемир хотел добиться разрешения на издание от самой императрицы, полагая, что такое разрешение послужило бы ему щитом против всяческих нападок и происков его врагов. Расчет этот осложнялся, однако, тем обстоятельством, что сама Анна Иоанновна и ее ближайшее окружение с подозрением относились к Кантемиру, в творчестве которого явственно обнаруживалось пристрастие к сатирическому жанру и полное пренебрежение к панегирическому. «Речь» и была написана Кантемиром с той целью, чтобы оправдать перед императрицей занятую им творческую позицию, защитить свое право на сатирические обличения и вместе с тем рассеять назревавшее обвинение в «злостном» нежелании настроить свою лиру на хвалебный лад в честь императрицы. «Речь» не оказала, однако, желаемого действия на Анну Иоанновну, и Кантемир до самой смерти императрицы (как, впрочем, и позднее) так и не получил разрешения на издание сатир. «Речь» к Анне Иоанновне и переделанное из нее позднее

«Словоприношение» Елизавете Первой — своеобразные документы общественно-литературной борьбы Кантемира за сатирическое, т. е. по сути социально-критическое направление в русской литературе.

О жизни спокойной (стр. 270). Впервые опубликовано Т. Глаголевой (Материалы, стр. 61—62). Текст печатается по единственному известному списку (ГПБ, Собр. Вяземского, F, CXXIX). В сборник, подготовленный Кантемиром для печати, не вошло. Авторство Кантемира подробно доказывается в упомянутой статье Т. Глаголевой. Стихотворение написано не позже 1740 г. После этого времени у Кантемира не встречаются силлабические стихи с неупорядоченным предцезурным ударением, какими написано данное стихотворение. По содержанию оно связано с VI сатирой, с философскими письмами и рядом других произведений Кантемира.

Ст. 1. *Сенека.* Луций Анней Сенека, или Сенека Младший (родился за несколько лет до н. э., умер в 65 г. н. э.), — известен как автор ряда философских трактатов на естественно-научные и моральные темы, а также как поэт, написавший несколько трагедий, сатиру, эпиграммы. Этические воззрения Сенеки носили эклектический характер. Причисляя себя к стоикам, Сенека использовал многие положения эпикуреизма. Умеренность, уход в частную жизнь, внутренняя независимость и душевный покой — таковы основные элементы нравственного идеала, проповедуемого Сенекой в трактатах: «Моральные письма к Луцилию», «О душевном покое», «О досуге» и др. Мораль Сенеки находилась, однако, в резком противоречии с образом его жизни. По словам Энгельса, «этот стоик, проповедывавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, имениями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангелического Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи. Только когда Нерон собрался схватить его за горло, он попросил императора взять у него обратно все подарки, так как с него достаточно его философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 607). От Кантемира не укрылась противоречивость Сенеки (см., например, его примечание к ст. 131 сатиры VI). Тем не менее он считал, что «сего Сенеки имеются многие и почти лучшие из древних нравоучительные книги» (Сатира I, ст. 110, примечание). В стихотворении «О жизни спокойной» также чувствуется, что Кантемир сознает двойственность облика римского философа («Всяк волен тя презирать или подражати»). Вместе с тем он без колебаний провозглашает свою решимость следовать за Сенекой, имея в виду, конечно, моральные принципы мыслителя, а не противоречившую им практическую деятельность. Поэтому стих 4 «Я тебе подобну жизнь хочу повождати» надо понимать не в буквальном значении. В нем автор провозглашает свое намерение вести жизнь в соответствии с моральной философией Сенеки, что и раскрывается всем содержанием стихотворения. Стихи несомненно навеяны трактатами Сенеки, особенно «De vita beata» и «De tranquillitate animi» («О счастливой жизни» и «О душевном покое»), названия которых сконтаминированы в заглавии стихотворения «О жизни спокойной». Однако само умонастроение Кантемира, способствовавшее восприя-

тию нравственного идеала Сенеки, имеет глубокие корни в реальной жизни. О том, каков был истинный смысл и практическое значение этого идеала для Кантемира, см. примечание к VI сатире.

Ст. 41. *Другая* — страна (сторона).

Ст. 44. *Та* — т. е. жатва; жатва обогащает земледельцев (в награду) за их труды.

Ст. 51. *Чиня брань животным* — охотясь на животных.

Ст. 53. *Лесть* — обман, ложь.

О спящей своей полюбовнице (стр. 272). Впервые — изд. Ефремова. Текст печатается по авторизованному списку (ГПБ, Собр. Погодина, № 2023). В списке это стихотворение следует за переводами 55 песен Анакреонта. Перед заглавием указано: «Песня переводчикова в подражание Анакреонту». Написана между 1736 и 1743 гг. В эти годы Кантемир трудился над переводом сборника анакреонтических стихотворений.

Ст. 1. *Благодати* — хариты, грации.

Ст. 9. *Спочивает* — спит.

Ст. 11. *Тыя* — те.

Словоприношение к императрице Елисавете Первой (стр. 273). Впервые — изд. 1762 г. В изд. Ефремова неточно передано заглавие стихотворения («Елисавете Первой. . .»). Печатается с исправлениями, по Академическому списку, где оно помещено в вводной группе произведений (после приветственных стихов Прокоповича и Кролика, предваряя «Предисловие на сатиры»). «Словоприношение» является переделкой «Речи» к Анне Иоанновне (см. примечание к «Речи», стр. 479).

В 1740 г., предприняв незадолго до смерти Анны Иоанновны новую попытку издать сатиры, Кантемир переделал названную «Речь» в «Дедикацию сатир». «Дедикация» не сохранилась, название ее известно лишь по уцелевшей части оглавления Курбатовской рукописи, но А. Ф. Мерзляков, знавший рукопись в более полном составе, свидетельствует, что это посвятительное стихотворение первоначально было адресовано Анне Иоанновне, но затем обращено к Елизавете Петровне, что видно из собственноручной правки Кантемира. В письме Кантемира к М. Воронцову от 3/14 марта 1743 г. содержится очень ценное замечание относительно «Словоприношения», раскрывающее тактический замысел произведения. Заявляя Воронцову, что предоставляет самой императрице решить вопрос об опубликовании сатир, Кантемир пишет: «Я их <сатиры> сочинил в одном том намерении, чтоб, охуляя злонравие, подать охоту злонравным исправляться; и столь то мое намерение невинное, что потому смелость принял самой ея имп. величеству оной мой трудок приписать речью, которая в начале книжицы найдется» (Архив Воронцова, стр. 357). Так же как в свое время «Речь к императрице Анне Иоанновне», «Словоприношение к императрице Елисавете Первой» призвано было доказать «невинность» намерений сатирика и содействовать получению «высочайшей апробации» на издание сатир. «Словоприношение» было написано в начале 1742 г. Окончательный текст определился к началу 1743 г.

Елисавете Первой (стр. 277). Впервые — изд. Ефремова. Печатается по авторизованному списку, хранящемуся в ГПБ. В стихотворении Кантемир посвящает Елизавете Петровне свой перевод писем Горация (см. ниже, стр. 487). Написано не ранее марта 1743 г. Это видно из того, что в авторских примечаниях говорится о трех книжках, которые уже прежде были Кантемиром «приписаны» императрице. Три книжки — это: 1) Сборник сатир и других оригинальных сочинений Кантемира (предсмертный сборник); 2) Перевод анакреонтических произведений и 3) Перевод истории Юстина. Все три книжки Кантемир посвятил Елизавете и отправил их из Парижа в Россию в марте 1743 г. (см. Архив Воронцова, стр. 357).

<Стихи из философских писем> («Почитаю здесь закон, повинуясь правам. . .») (стр. 279). Впервые — изд. Ефремова. В сборник, предназначенный Кантемиром для печати, не вошло. Стихотворение служит поэтическим заключением к одиннадцати философским письмам Кантемира (в изд. Ефремова они произвольно названы: «Письма о природе и человеке»). Точно датировать философские письма, а с ними и стихотворение — затруднительно. Единственным хронологическим признаком здесь служит тот факт, что в стихотворении Кантемир не применяет уже старых правил силлабического стихосложения. Отсюда можно заключить, что стихотворение написано между 1740 и 1744 гг. Оно представляет единственный пример силлабо-тонического построения тринадцатисложного стиха в поэзии Кантемира.

СТИХИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Стихи на французском языке (стр. 280). В настоящее время известно два стихотворения, написанных Кантемиром на французском языке. Впервые — сб. Élite de poësies fugitives, à Londres (Paris), 1764, t. II, p. 69 и t. III, p. 13. Одно из них — мадригал герцогине д'Эгийон, — как установил А. Мазон, было перепечатано также в «Nouvelle Bibliothèque de ville et de campagne», t. VI. Genève, 1788, p. 73. В научный оборот стихотворения введены Гр. Лозинским (Grégoire Lozinskij. Le prince Antioch Cantemir, poète français. — «Revue des études slaves», t. V. 1925, f. 3 et. 4, p. 238—243). Печатается по статье Лозинского. Герцогиня д'Эгийон — приятельница Кантемира. В салоне д'Эгийон собирались выдающиеся деятели французской культуры, группировавшиеся вокруг Монтескье. Вместе с Монтескье она содействовала изданию французского перевода сатир Кантемира. Автор перевода и близкий друг Кантемира Октавиан Гуаско посвятил герцогине д'Эгийон [1] свой перевод сатир и написанный им биографический очерк о Кантемире. В посвяще-

---

[1] Посвящение обращено à Madame *** (см. Satyres de monsieur le prince Cantemir. Londres, 1749, p. 3—6). О том, что здесь имеется в виду герцогиня д'Эгийон. см. «Lettres familières du President de Montesquieu à divers amis d'Italie». Rome, 1767, p. 53—54. Ср. Biographie universelle, t. XVIII, 1817, p. 602.

нии Гуаско ссылается на тесную дружбу, связывающую д'Эгийон с русским сатириком. Французская исследовательница М. Эрар, характеризуя отношения Кантемира и д'Эгийон, пишет следующее: «Что касается герцогини д'Эгийон, той, которую называли «доброй герцогиней», «толстой герцогиней», чей ум, по выражению ее подруги м-м дю Деффан, был «так же уродлив, как черты ее лица, и так же бросался в глаза», то она, благодаря своей порывистости, стремительности, своей доброте, более чем-кто либо другой была способна сломить сдержанность Кантемира и весело принять мадригал, которым другая женщина, быть может, и не удовлетворилась бы полностью» (M. Ehrhard. Le prince Cantemir à Paris. Paris, 1938, p. 199—200).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ КАНТЕМИРУ

Песня («Житье — море неспокойно...») (стр. 281). Впервые напечатана Т. Глаголевой (Материалы, стр. 58—59). Встречается в различных вариантах во многих списках 30—60-х годов XVIII века (например, ГПБ, Q, XIV, 19; ГПБ, Собр. Вяземского, Q, CXXXVIII; БАН, ф. 25, оп. 7, № 14; ГИМ, 3973 и др.). Печатается по списку ГПБ, Q, XIV, 19 (с исправлениями по тексту других списков). Предположение об авторстве Кантемира впервые высказала Т. Глаголева в названной статье.

Стихи на желающих чести при дворе (стр. 282). Впервые опубликовано В. Г. Дружининым в статье «Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира» (ЖМНП, 1887, кн. 12, стр. 194—204). Печатается с исправлениями явных погрешностей. В статье Дружинина, кроме данного стихотворения, было опубликовано и другое, начинающееся строкой: «Державнейший монарх, твой секретарь трудился». Оба произведения автор статьи приписал Кантемиру, но, как доказал П. Н. Берков, последнее стихотворение представляет русский перевод немецких стихов Ганке и не имеет никакого отношения к русскому сатирику (П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. — Сб. «XVIII век», вып. I. М.—Л., 1935, стр. 78). Нельзя считать бесспорно решенным и вопрос о принадлежности сатирику комментируемых здесь стихов. Стилистические и языковые особенности их заставляют серьезно сомневаться в этом.

«Невелик хотя удел, но живу спокоен...» (стр. 288). Печатается по «Собранию разных песен» М. Д. Чулкова. СПб., 1913, стр. 145—146. Указана А. В. Позднеевым. Приписывается Кантемиру предположительно. По содержанию и общей идее песня близка к VI сатире Кантемира и особенно к стихотворению, заключающему его философские письма («Почитаю здесь закон, повинуясь правам»). Стихотворение это и песня, кроме того, сходны по особенностям стихосложения. Последнее обстоятельство тем более разительно, что названное стихотворение, как уже указывалось, — единственный образчик силлабо-тонической организации тринадцатисложного стиха в поэзии Кантемира.

«Света лукавства и беды злые...» (стр. 289). Текст песни сообщен составителю А. В. Позднеевым. Песня известна в шести вариантах. Печатается по списку ГИМ, 3134. По содержанию песня близка к VI сатире и ряду других произведений сатирика. Об авторстве Кантемира говорит и встречающаяся в песне форма «трожды», распространенная в его сочинениях, а также выражение «малым доволен» (ср. ст. 1 сатиры VI: «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен»). Последнее обстоятельство особенно важно. Дело в том, что VI сатира могла стать известной в России не ранее 1743 г., когда Кантемир прислал из Парижа предсмертный сборник своих сочинений. Между тем данная песня встречается в списках, относящихся к более раннему времени. Это исключает возможность использования кантемировского оборота кем-либо из его подражателей (если допустить, что сходство вызвано подражанием VI сатире).

ПЕРЕВОДЫ

ИЗ АНАКРЕОНТА

Впервые полностью — изд. Ефремова. Кантемир перевел 55 песен, приписывавшихся вплоть до XVIII века древнегреческому поэту Анакреонту (VI век до н. э.). Как установлено было впоследствии, песни эти в действительности принадлежат не самому Анакреонту, а его последователям и подражателям позднеантичной эпохи. Кантемир не мог еще этого знать и полагал, что переводит подлинные произведения древнегреческого поэта. В предисловии к книге своих переводов Кантемир писал: «...общее о Анакреонте доброе мнение побудило меня сообщить его и нашему народу через русский перевод. Старался я в сем труде сколь можно ближе его простоте следовать; стихи без рифм употребил, чтоб можно было ближе подлинника держаться». В качестве основного источника Кантемир использовал греческий текст изд. Дасье (M-me Dacier) — одного из лучших комментированных изданий Анакреонта в XVIII веке. В рукописи (ГПБ, Собр. Погодина, № 2023) книга озаглавлена: «Анакреонта Тиейца песни с греческого переведены и потребными историческими примечаниями изъяснены трудами князя Антиоха Кантемира в Лондоне 1736 г.». Поставленная здесь дата служит, видимо, указанием на начало работы. Судя по ряду данных, перевод был завершен в 1742 г. В марте 1743 г. Кантемир отправил рукописную книгу своих переводов из Анакреонта М. Л. Воронцову с просьбой поднести эту книгу вместе с двумя другими Елизавете Петровне, которой все они были посвящены. Кантемир первым перевел сборник анакреонтических произведений на русский язык. Вслед за ним переводами из этого сборника занимались многие поэты, начиная от Ломоносова вплоть до Пушкина, Мея и других поэтов XIX и XX веков. Впрочем, непосредственного влияния на литературную традицию переводы Кантемира не оказали, так как более столетия оставались неизвестными. В настоящем издании представлены избранные переводы. Текст их выверен по названному выше списку из Собр. Погодина (ГПБ). Ниже приво-

дятся наиболее существенные места из примечаний Кантемира к переводам.

О своих гуслях (стр. 293). «В сей песне, которая предисловием к следующим служит, Анакреонт хотел изобразить, что он искал отстать от сочинения любовных песен и прилежать к чему важнейшему, но природная склонность его к тому не допустила».

Ст. 1. *Атридов петь.* «Атриды суть Агамемнон и Менелай, которых Омир <Гомер> и другие сказывают сыновьями Атрея. Именем *Атридов* Анакреонт тут разумеет Троянскую войну».

Ст. 2. *Кадма петь.* «Кадмус был сын Агеноров, брат Европин, король и, по мнению некоторых, основатель фивейского города. Анакреонт в сем стихе именем *Кадма* означает Фивейскую войну».

Ст. 7. *Ираклев бой.* «*Ираклий,* той же что *Геркулес*...»

О любви («Некогда в часы полночны...») (стр. 295).

Ст. 2—3. *Когда медведь уж вертеться начал под рукой Воота.* «Медведем астрономы называют констелляцию (т. е. собрание нескольких звезд), ближну к северному полусу, из седми главнейших звезд составленну и у нас Лосем называемую, которой следует другая констелляция, у греков *Воот* или *Арктофилокс,* т. е. *Медведостраж* именуема».

Ст. 7. *Стал стучаться.* «Любовь есть имя женского полу, потому надлежало бы говорить *стала стучаться,* да здесь *любовь* значит *купидона,* бога любви, и потому мужеска полу».

О беспечном житии (стр. 297).

Ст. 2. *На трилистнике зеленом.* «В греческом стоит *на лотных травах.* Лотос у греков называлась трава некая пахучая, гораздо подобна нашему трилистнику».

Ст. 11—13. *Мирром мазать гроб... дары.* «Обычай был у древних не только на тело, но и на гробы умерших лить благовонные духи, или мирры, и приносить жертвы, в которых драгоценные вещи проливали при гробах. Анакреонт говорит, что напрасно такие убытки делаются, понеже, по мнению Публия Сира, «кто мертвому дарит, ему ничего не дает, а себе отымает».

Ст. 18. *К подземным умерших танцам.* «Древние думали, что блаженные души в полях елисейских забавляются танцами, скаканием на конях и другими в временной жизни употребляемыми забавами».

Ст. 19. *Разбить мысли.* «Т. е. веселиться».

О любви («Хочу, хочу я любити...») (стр. 299). «Намерение сей оды есть, что напрасно мы боронимся против любви, понеже всегда она верх имеет».

Ст. 8. «*Ахиллес,* знаменитый князь греческий, сын *Пелея* и *Фетиды,* прославился при Троянской войне, где всех греков от крайнего искоренения своею храбростию сохранил, убив непобедимого Гектора, троянского царя мужественного сына».

О себе («Ты фивов поешь войну...») (стр. 300).

Ст. 1. *Ты фивов поешь войну.* «Чрез Фивейскую войну Ана-

креонт разумеет войну семи начальников против фивян, которая случилася 600 лет прежде Анакреонта. *Фивы* были город греческий и республика славная».

Ст. 2. *Шумы фригов.* «Омир, стихотворец, примечает, что фригийский народ на битву шел с великим криком (как теперь турки делают), а греки, напротиву, в великом молчании. *Фригия* — провинция Малой Азии на Пропонтиде и Эгейском море; теперь часть губернии натолийской в турецкой Азии».

Ст. 3. *Свою плень.* «Сиречь свою потерю, свое порабощение».

О стакане серебряном (стр. 301).

Ст. 3. *Весенний глубок стакан.* «Для того, может быть, весенним Анакреонт называет, что имели быть вырезаны на нем цветы».

Ст. 16. *С Именеями.* «Именеи <Гименеи>, по баснословию древних, суть боги брака. Сказывают их сыновьями Бахуса и Венеры, понеже любовь и вино часто свадьбу производят».

Ст. 23. *Фебус.* «То ж, что Аполлон, бог наук. У древних всегда красным молодцем изображается».

О своей полюбовнице (стр. 305).

Ст. 3. *Родийского искусства.* «Родиянцы в старину были славны в искусстве живописном и в резании статуек. *Родос* есть один из Спорадских островов близ Малой Азии, и древнее имя свое сохраняет».

Ст. 9. *И, буде воск.* «Древние писывали лица воском разных цветов, как и теперь делается».

Ст. 20. *Минервиные.* «Минерва — богиня премудрости; по баснословию древних, рождена в мозгу Юпитерова».

Ст. 21. *Светлы.* «В греческом стоит: *мокры,* понеже мокроватые глаза гораздо живее, да по-русски того сказать не можно».

Ст. 22. *Шипки с молоком смешавши.* «Анакреонт хочет, чтоб нос полюбовницы был не красный, но румяный; так надобно разуметь шипки с молоком, понеже те красны, сие бело».

Ст. 24. *Уста сделай таковые.* «В греческом стоит: *напиши уста, каковы богини увещания.* Древние богиню увещания имели, которые всю силу в устах поставляли, понеже они суть орудие увещания. *Пифою* ее называли. По-русски слово от слова место сие перевесть не можно».

Ст. 28. *Белой, как снег, шеи.* «В греческом стоит: *Лигдиновой шеи.* Лигдий есть мрамор белый из острова Фарос».

На ластовицу (стр. 307).

Ст. 6. *Отлетаешь к Мемфису.* «Одни сказывают, что ластовицы зимою отлетают в теплые места; другие говорят, что они не отлетают, но хоронятся на зиму в ямках и щелях гор. *Мемфис* был в старину город Египетский близ Нила-реки, столица Египетских царей. Многие чают, что тот самый город есть нынешний *великий Каир,* да великий Каир лежит на другом берегу Нила, насупротив того места, где лежал Мемфис».

К трекозе (стр. 311).

Ст. 3. *Испив росы.* «По свидетельству Феокрита (Идилл. IV), Виргилия, Калимаха и других, трекоза питается росою».

Ст. 15. *Не вредит тебе старость.* «Анакреонт здесь припоминает баснь *Гитонову,* который, пожелав быть бессмертным и забыв при том просить, чтоб ему молодость вечно сохранена была, так стар стал, что *Заря,* жена его, умилився над ним, претворила его в *трекозу,* которая николи не стареет, но чрез всю свою жизнь в одном состоянии пребывает».

О блюдце, на котором вырезана была Венус <Венера> (стр. 313).

Ст. 15—17. *Частью тела, что выше шипковых титек, белыя ж шеи пониже.* «То есть плечми, понеже, плавая, тою частию тела воду рассекаем».

Ст. 24. *Имер.* «Божок древних, товарищ Купидонов. Ни в одном из баснословцев не мог я доискаться об нем пространнейшего известия».

О шипке (стр. 314).

Ст. 16—17. *Изведать, счастливы ль наши любови.* «Греки некогда для сего намерения употребляли розовые листы, положив их на кулак и ладонью сверх приударив: буде лист лопался с звуком, чаяли, что их любовь удачлива; буде звону не происходило, то рассуждали противное. Все робята таким образом, хоть не в том намерении, у нас листами играют».

Ст. 22. *Заря.* «Древние язычники все почти вещи в боги претворяли; так, *Зарю* называли богинею. . .».

Ст. 23. «*Нимфы,* которых Виргилий называет *матерьми вод,* были, по баснословию древних, дочери *Океана* и *Фетиды.* Имя *Нимф* не токмо богиням вод, но и земным и небесным приписуется».

Ст. 27. *Мертвым помогает.* «Розы мешивали в тех бальзамах, коими мертвых обмазывали».

Ст. 33—34. *Кифиру пенюю порождал Понтус.* «*Кифира* или *Венера,* матерь любви и богиня всех сластей, родилася из уд тайных *Целуса* бога, которые *Сатурн,* отсекши, бросил в море. *Понтус* — море толкуется».

О любителях (стр. 316).

Ст. 2. *Имеют знак.* «Весьма древнее обыкновение есть пятнать коней в стегно. Греки к тому две литеры употребляли — Каппа и Сан, которых начертание было следующее: К. С.».

Ст. 3. *Парфянских мужей.* «Парфия есть провинция Асиатическая, которая некогда составляла часть Персидского царства».

Ст. 8. *В сердце скрывают.* «В греческом стоит: *имеют бо некий малый знак внутрь сердца.* Я не знаю, как можно видеть внутрь сердца, для того прибавил, что *на лице видеть знак того, что в сердце кроется».*

ИЗ ГОРАЦИЯ

Впервые полностью — изд. Ефремова. Избранные переводы печатаются по этому изданию, с поправками по списку, хранящемуся в ГПБ. Римский поэт Гораций (Квинт Гораций Флакк; 65—8 гг. до н. э.) был одним из любимейших писателей Кантемира,

«Между всеми древними латинскими стихотворцами, я чаю, Гораций одержит первейшее место», — писал Кантемир, отмечая, что «творения Горация... и через семнадцать веков при всех ученых людях во всех почти народах заслужили себе многое почтение». Гораций привлекал Кантемира многими сторонами своего творчества. Как автор сатир, Гораций, наряду с Ювеналом и Буало, оказал значительное влияние на русского сатирика. Хорошо знал и высоко ценил Кантемир оды римского поэта. Наконец, послания Горация особо привлекли внимание Кантемира, и он взялся за перевод их на русский язык. Мотивируя выбор для перевода именно этих произведений, Кантемир ссылался на то, что послания (или, как он их называет, письма) Горация «больше всех его других сочинений обильны нравоучением». Кантемир перевел 22 письма — всего около 2000 стихов. Все письма снабжены подробным, тщательно выполненным комментарием, свидетельствующим о большой филологической культуре Кантемира, о превосходном знании и тонком понимании творчества римского поэта. Над переводом Кантемир трудился несколько лет. К 1740 г. он закончил перевод 10 писем и в том же году отправил их в Россию, в Академию наук. В 1744 г. перевод этих писем вместе со стиховедческим трактатом Кантемира «Письмо Харитона Макентина» были изданы в одной книге. Перевод всех писем был выполнен, как это указано в заглавии сохранившейся рукописи, в «Париже 1742 году». Полностью перевод увидел свет только в 1867 г. в изд. Ефремова. Свой переводной труд Кантемир посвятил Елизавете Петровне, написав по этому случаю стихотворное посвящение (см. в настоящем издании стр. 277). Переводам было предпослано специальное предисловие (из него выше цитировались суждения Кантемира о Горации и его сочинениях), а также краткое «Житие Квинта Горация Флакка» — едва ли не первый опыт критико-биографического портрета в новой русской литературе. Кантемир стремился как можно ближе держаться оригинала, идя на то, чтобы во многих местах, как он сам говорит, «переводить Горация слово от слова». Последнее делалось с тем расчетом, что переводом будут пользоваться не только читатели, не знающие латыни, но и те, «кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно выразуметь». Из тех же соображений, «чтоб по близку держаться первоначального», Кантемир перевел письма Горация «на стихи без рифм», т. е. белыми стихами (в своем стиховедческом трактате Кантемир называет их «свободными»). Белые стихи интересовали Кантемира не только с точки зрения их близости к античной версификации (античное стихосложение не знало рифмы), но и по мотивам принципиального характера, имеющим отношение к судьбе русского стихосложения. В европейской стиховедческой литературе времен Кантемира шли горячие споры по поводу того, возможны ли в поэзии нового времени стихи без рифм. Вопреки позиции французских стиховедов, отрицавших такую возможность, Кантемир, ссылаясь на опыт итальянской и английской поэзии, положительно решал этот вопрос. Переводы из Горация (и Анакреонта), кроме своего общекультурного значения, имели значение и специальное: они призваны были практически подтвердить тезис Кантемира о том, «что в сочинении стихов наших можно и без

рифмы обойтися». Для разъяснения малопонятных мест текста ниже приводятся отрывки из примечаний Кантемира.

Писем книга I. Письмо I. К Меценату (стр. 317). «Из самого начала сего письма усмотреть можно, что оно писано в ответ Меценату, который Горация понуждал писать лирические стихи. Гораций ему представляет, что уже нынешние его лета не позволяют упражняться в таких безделках и что, избирая дело возрасту своему согласное, к одной только философии склонен. Потом показывает, сколь полезна людям в любомудрии прилежность, которая насаждает добрые и искореняет злые нравы.

Каий Клитий Меценат, к которому письмо сие писано, был один из главнейших министров и временщик Августа Кесаря, над всеми ему любимый, особливый защитник наук и ученых людей, искренний приятель и благодетель Горациев».

Ст. 3. *Отставного.* «Изрядно Гораций соравняет лирическое стихотворство боевому позорищу, и стихотворцев — единоборцам или подвижникам. Как единоборцы не должны были стареть в позорище, понеже за истощением сил никакого увеселения зрителям тогда подать бы не могли, так и лирический стихотворец должен заблаговременно от своего ремесла отстать, чтоб не потерял в старости славу, которую прежних лет удача ему доставила».

Ст. 6. *Веяний.* «Знаменитый римский боец, которого образом Гораций подтверждает, что в старости должно отставить молодого возраста забавы. *К дверям ружье Геркуля привесив.* Когда римляне покидывали свое ремесло, обычай имели посвящать орудии того ремесла богу, которому то ремесло было подчинено. Для того Веяний посвящает ружье свое Геркулю <Геркулесу>, богу поборищ и единоборцев».

Ст. 8—9. «Отставным бойцам позволялося возвращаться к своему ремеслу, но уже не вольны они бывали отстать, пока вторично народ их не освобождал. Когда боец, или отставной, или неотставной, желал получать свою свободу, подвигался на край площади и умильным лицом и голосом прашивал оную от народа».

Ст. 10. «*Уши очищенны* значит исправленное здравым рассуждением сердце от всяких страстей и вредных мнений».

Ст. 16—17. *Что честно и истинно.* «Сиречь обучаюся нравоучению, прилежу в исправлении нравов своих».

Ст. 20. *Под каким вождем.* «Гораций вождями называет начальников всякой философической ватаги или секты».

Ст. 27. «Приметно, что Гораций называет *Аристиповым наставлением* Эпикурово учение, которого он всегда держался. И подлинно из Лукиана показать можно, что Эпикур был ученик Аристипов. *Подкравшись* значит, что он не вдруг из стоической в киринеическую секту переходил, но помалу-помалу, так чтоб в его поступках ничего прекословного усмотреть было не можно».

Ст. 40. «*Линций* был сын Афареев, о котором Гораций напоминает по 2 сат. книги I. Понеже он первый нашел в земле руды, слово пронеслося, что он имел так острый взор, что мог видеть сквозь землю до самой ея средины. Был еще другой Линций, который с Картажской пристани мог видеть и перечесть корабли, отходящие из Сицилии».

Ст. 42—43. *«Хирагра* есть жестокий лом в руках с опухолью и свербежем. Та ж болезнь, когда в ноги сходит, называется подагра... *Гликон* был знаменитый греческий философ, который, непрестанно бьючися с борцами, достал себе непреодоленную силу и тела состав укрепил, равно как бы сам был один из их числа».

Ст. 64. *«Борцы* римские, прежде нежели приходили должность свою отправлять в столице, провожали несколько лет в уездных городах и в селах... И понеже не во всех тех местах имелися домы зрелищные, бой свой отправляли на площадях и на распутиях или кресцах».

Ст. 72. *С краю Яна до другого.* «Была в Риме улица, в которой жили банкиры, и называлась она *улица Янусова* или *улица двух Янусов,* понеже на обоих краях той улицы поставлены были болваны того бога».

Ст. 75. *Нося под левой мешок рукою и счеты.* «Мешок, в кой деньги класть; *счеты* или *таблицы,* на которых счет выкладывали римляне, как мы на своих счетах костьми выкладываем».

Ст. 76. *К четыреста тысячам если не достанут.* «У римлян по силе уставленного закона нужно было иметь четыреста тысяч сестерциев для вступления в чин всадника».

Ст. 80. *Буде право поступать станешь — царем будешь...* «Гораций здесь упоминает о игре, называемой urania. Младенцы в той игре брасывали мяч вверх, и кто из них чаще оный на лету схватить мог, тот царем бывал, а кто оный всегда миновал, назывался ослом и принужден бывал от игры отстать».

Ст. 84. *«Росциев закон,* уставленный Л. Росцием Офою, трибуном народным, определял первейшие в правительстве чины тем, кои имели известной суммы богатство, как, наприклад, 400 тысяч сестерциев (10 000 рублей), и именно запрещал производить во всадники свобожденников и детей свобожденнических. Таким образом, Росций давал достоинства рождению и богатствам, а не добродетели».

Ст. 86. *Храбрым Куриам люба и Камиллам.* «Гораций здесь говорит о Манлие Курие Дентате и о Марке Фурие Камилле, которых мужественными называем за их храбрость и добродетели. Камилл спас Рим и побил галлов в конец за триста лет пред рождеством Христовым. С семьдесят пять лет потом Манлий Курий Дентат победил самнитов, сабинов и луканиев, выгнал Пирра из Италии...».

Ст. 90. *Стихи Пуппия плачевны.* «Сиречь трагедии стихотворца Пуппия, о котором никакое известие до нас не дошло».

Ст. 112. *«Баии,* ныне *Баия* называемое, — место чрезмерно приятное меж Кумою и Неаполью, в самом краю Пуццолской морской пазухи, и знаменито банями и теплицами, которые были весьма в чести так для здоровья, как и для сластолюбия. Для того берега морские и той пазухи наполнены были пышными домами, кои римляне строили один другого богатее».

Ст. 117. *«Теанум* — город в Кампании, или поле повыше Баии. Место то также славно было теплицами...».

Ст. 119. *«Протей* был сын Нептуна, морского бога, и царь египетский. Одарен искусством пророчества, ответ отказывал тем, кои к нему спрашиваться приходили, и для избежания их докук

переображался в различные виды. Тот только ответа у него добивался, кто его связать мог так сильно, чтоб понудить его принять свой сродный образ, тогда он уже пророчествовал бессумненные пророчества».

Писем книга I. Письмо VI. К Нумицию (стр. 321). «Намерение Горациево в сем письме есть показать, что напрасно мы ищем истинное свое благополучие в знаменитых достоинствах и в богатстве; что все то, что рождает в сердце нашем боязнь, пагубно нам напоследок бывает; что та боязнь и желание рождается оттого, что мы легко чудимся, легко всяким вещам дивимся; что, следовательно, кто хочет быть истинно счастливым, должен отложить то удивление, которое совсем противно добродетели, которая в том состоит, чтоб иметь ум покойный и постоянный, ничем подвижный, ни устрашаемый, ни удивляемый».

Ст. 5—6. *Что убо о земли мнишь дарах.* «Сиречь о золоте, о серебре и о прочих рудах и вещах, которые она нам дает. *Что о моря, богатяща индиян и аравлян крайных...* То есть *о бисерах, о жемчуге,* который родится наипаче в *Персидской морской пазухе* и в Индейском море близ Зейландского острова».

Ст. 8—9. *Дары народа благосклонного.* «Дары его суть чины, достоинства, кои у римлян народ раздавал, и обыкновенно тем раздавал, кто меньше их был достоин».

Ст. 10. *Равно дивится и он, как тот, что желает.* «Кто боится убожества и отказа, дивится равно как тот, что желает чины и богатство; и как оба равномерно дивятся, так оба боятся равномерно».

Ст. 22. *Тирейскому цвету.* «Сиречь багрянице тирейской. Лучшие багряничные раковины находилися в Африческом и Тирейском море».

Ст. 31—35. *Агрипповым вратам. «Porticus, портик,* латинское слово, не значит прямо *ворота,* но *предворотню.* Два таких *портиков* Агриппа в Риме состроил: портик Нептунов и другой портик Агриппов... лежащий близ Панфеона, при входе Марсова поля. Гораций здесь говорит о сем последнем... *Принужден, однако ж, будешь сойти, куды сшел и Нума и Анкус.* Однако ж принужден будешь умереть. Все величество твое не избавит тебя от смерти, которой не минули Нума и Анкус, два славные римские цари».

Ст. 43. *Чтоб ты торг не потерял Цибиры и Вифины.* «Чтоб ты не потерял случай получить прибыток в торгу цибиринском и вифинийском. *Цибира* был великий город в Писидии, к востоку реки Ксанфа. *Вифина,* или *Вифиния,* страна в Малой Асии, между Пропонтиною и царством Понта, которому была смежна, сходбище для торгу всея Асии и Эвропы».

Ст. 44. *Тысячу скопи талант. «Талант* вместо *талантов... Талант* у древних иногда значит *вес,* иногда *число денег,* иногда *монету».*

Ст. 48. *Украшает денежных Пифо и Венера.* «Богатые люди и сладкоречивы и приятны. *Пифо* по-латински *Suadela* — богиня увещания; Венус — богиня *любви и приятности».*

Ст. 49. *Каппадокийский король, рабами обильный. «Каппадокия* — царство в меньшой Асии, меж Черным морем, малою Арме-

нию, горою Тавросом и Галатиею. Каппадокияне почти все были рабы... денег у них столь мало было, что бык продавался по копейке, а человек — по четыре копейки. Потому Гораций право говорит, что *каппадокийский король рабами обилен, в деньгах недостаточен»*.

Ст. 51. «Лукуллус был благородием, сладкоречием и богатством знатный римский воевода, над Африкою правительствовал правосудно и над Митридатом не одну победу одержал».

Ст. 63—64. *Купим раба, кой бы нам имена гражданов сказывал.* «Римляне, которые чинов добивалися и желали достать себе благосклонность народа, держали всегда при себе рабов, которых вся должность в том состояла, чтоб знать всех римлянов имена и оные господину своему сказывать, дабы сей мог всякого, своим именем и прозвищем называя, поздравить, понеже такое поздравление у римлян и у греков значило особливое почтение. Рабы те называлися *номенклаторы»*.

Ст. 66—67. *Сей в Фабиевом силен колене, в Велинском — сей.* «Холоп то хозяину говорит, показывая сего и того мещанина. Колено *Фабиево* так названное от семьи Фабианов, которая была того колена. *Колено Велиново* имя взяло от озера Велина в стране Сабинской».

Ст. 69. *Докучник.* «Importunus, неспокойный, упрямец, который охотно всякому досадить ищет и противится всякого желаниям. *Пучки вручить консульски.* Пучки лоз, которые пред римскими консулами нашивали *ликторы* в знак их власти... *Креслы слоновые...* были знак вышних римских достоинств, как, например, консульского, преторского, эдилского и проч.».

Ст. 81. *«Церес* был нарочитый город в Тоскане, которого жители за бунт лишены голоса в собраниях римских. Потому, когда ценсоры римские отымали какому гражданину голос и объявляли его обесчещенным, называли то действо: *вписание в книги Церетские,* и книга, в которую имена таких шельмованных вписывалися, называлася... *таблицы Церетские»*.

Ст. 84. *Мимнермус.* «Стихотворец Ионийский, который жил во временах Крезуса и Солона, слишком за 600 лет прежде Спасителева пришествия. Сей стихотворец крайнее блаженство поставлял в сластолюбии, сиречь в играх, в забавах, в любви, одним словом в насыщении всякой похоти... Из всех Мимнермовых сочинений к нам малые частицы только дошли, из которых видно, однако ж, его высокое искусство. Удивительно удачлив он был в описании забав и похоти».

Писем книга I. Письмо XX. К своей книге (стр. 324). «Нетрудно усмотреть, что сие письмо служило предисловием в книге, в которой собраны были Горациевы творении. Говорит он в той книге как к сыну, который, наскучив жить под опекою и надсмотром отцовским, ищет скинуть узду и на волю выйти. Отец ему изъясняет, в какие бедства он себя подвергает, и напоследок, не могучи его унять, дав ему некие наставления, пущает его на волю».

Ст. 1. *К Вертумну, книга моя, кажешься и к Яну смотреть.* «На площади римской к концу тосканской улицы стояло два ку-

мира, один бога Вертумна, а другой бога Януса; все то место окружено было лавками книжников и других торговых людей».

Ст. 2—3. *Хочется тебе показаться чиста и украшена у Сосиев в лавке.* «В латинском стоит: *хочется тебе выставленною быть на продажу, очищенна губкою Сосиевою.* У римлян книги писывалися на пергаменте, которого книжники губкою, так называемым ноздреватым камнем, очищали, чтоб способнее по нем писать. Писали же на оной страницу листа, а другую выкрашивали красною или желтою краскою и, лист к листу склеив, свертывали в сверток, который покрывали кожею, на которой золотыми словами означали титло книги. Изрядно и вразумительно тому, кто помнит наши старинные столбцы, которые во всем сходны тем римским книгам, кроме того, что писаны по бумаге. *Сосии,* два брата, были славнейшие книгопродавцы».

Ст. 19. *Сошлешься в Илерду.* «Илерда — город в Ишпании, ныне Лерида».

Ст. 20. *В Утику побежишь.* «Книжник пошлет тебя в Утику, город в Африке, чтоб ты забавляла африканцев; ибо книжники отсылывали в дальние провинции книги, которые не можно было продать в Риме».

Ст. 22—23. *Как тот, что упрямого.* «Гораций притчу здесь напоминает, в его временах знакомую, в которой сказывалося, что человек некий, видя своего осла на краю ужасной пропасти, всеми образы оттянуть его старался, но осел упрямился его воле следовать, напоследок человек, рассердився, пихнул его в пропасть».

Ст. 27—28. *В дальных улицах.* «Сиречь в самых подлейших школах, где учат худые учители простого народа детей. . .».

Ст. 28—29. *Когда же зной солнца приумножит слушателей.* «Понеже училища лежали в низших местах, как скоро солнце, поднявся, горячо становилося, много людей схаживалося туда, ища холодок и желая слушать в то же время чтение стихотворцев».

Ст. 29. *«Свобожденник,* слово от меня вновь употребленное, которым изображаю латинское libertinus. Либертины называлися рабы, на волю пущенные».

Ст. 30—31. *Я большие крылья, чем гнездо было мое, протянул.* «Я рожден от отца свобожденника, в малом имении трудами своими, своими сочинениями достал себе славу и богатства, род мой превосходящие».

Писем книга II. Письмо I. К Августу (стр. 326) «В сем письме Гораций с краю до другого насмевается римлянам в суде их о стихотворцах, но притом многими преизрядными о стихотворцах рассуждениями наполнено; не забыты искусные похвалы Августу Кесарю, которого наконец увещавает ободрять стихотворство своим великодушием».

Ст. 1. *Когда столь важны дела и столь многи правишь ты один.* «За 17 лет прежде писания сего письма римляне вручили Августу Кесарю всю самодержавства власть, прося его, чтоб на себя одного все правительство государства принял».

Ст. 6. *Ромул и вольный отец, и с Кастором Полукс.* «Ромул, создатель города Рима, первый король и основатель римского царства, по смерти в число богов вписан. *Вольный отец,* сиречь

Бахус... который у язычников почитался богом вина и вождем муз... *Кастор и Полукс* — дети Ледины, которая породила их в двух яйцах, один зачатой из Тиндара, ея мужа, а другой Юпитера, который Леду прельстил в образе лебедя. Оба те братья следовали Ясону в Колхиду для добычи златого руна. По смерти названы морскими богами, и римляне почитали их своими покровителями».

Ст. 11. *Той, что злую идру сокрушил.* «Сиречь Еркуль <Геркулес>...».

Ст. 17. «Августу Кесарю при животе его поставлены капищи, жертвы приношены, и имя его как божие призывано. В его время тиснены медали с надписью: богу Августу. *Почесть благовременну.* Благовременну, ибо при животе твоем, не упуская времени, заслугам мзда следует».

Ст. 28. *На Албанской горе.* «Гора Алба близ Рима».

Ст. 29. *Десятьми сочиненны мужами законы.* «В 302-м году по создании Рима римляне, кои до тех управлялися весьма неисправными законами, которые называли священными и царскими, послали в Грецию трех посыльных для испытания Солоновых уставов. По возвращении посланных за теми уставами учреждены децемвиры, то есть десять мужей с полною властью для расположения оных уставов в порядок и для предложения народу».

Ст. 30—31. *Договоры царей с народом габийским, иль с суровы сабины.* «О тех мирных договорах слово идет, которые Ромулус с сабинами, а Тарквинус Гордый с габийцами заключил. *И первосвященник книги.* Книги первосвященников, сочиненные Нумою, вторым королем римским, и в которых было уставлено все то, что к богослужению принадлежит».

Ст. 39. «*Ахивы* то ж, что греки; а для того мазанны, что прежде борьбы обычай имели тело мазать маслом деревянным».

Ст. 59—60. «То есть дивится лишь тому, что писали умершие творцы. *Либитина* — богиня умерших».

Ст. 60. *Энний мудрый, храбрый* и проч. «Гораций способом здравого смысла доказал, что древность сочинения цену того не прибавляет, то же подтверждает и образцом Энния, древнего латинского стихотворца, который между всеми современными себе превосходил и мудрецом и вторым Омиром себя быть хвастал, худо то свое имя защищает в своих творениях».

Ст. 61. *Словам судей буде верим.* «Судьи, кои о состоянии и доброте книг судят, критиками называются у латин и других народов; мы не имеем сему имени другое равносильное».

Ст. 62. *Сны Пифагорски.* «Мнение Пифагорское о переселении души из тела в тело, которого Енний держался».

Ст. 64. *Невия в руки никто не берет.* «Гораций, показав мнение критиков о Еннии, желает говорить о Невии, другом старинном стихотворце: „Невия никто в руки не берет, никто не читает". Но суперник Горациев, речь перебив, тотчас ответствует: „Но знают все наизусть, и как бы его сочинении были свежие, отчего ты можешь судить, сколь святы всякие древние стихи"».

Ст. 68. «*Пакувий и Акций* были два старинные римские стихотворца. Оба знамениты сочинением трагедий. Пакувий жил около 154 лета прежде рождества Христова, сказывают его племянником, от сестры Енния, стихотворца. Акций жил около 171 лета прежде

рождества Христова. Цицерон и Квинтилиан много выхваляют его трагедии».

Ст. 69. «*Афраний* был древний римский стихотворец, *Менандр* — греческий; оба прилежали сочинению комедий, и Афраний в своих употреблял римскую епанчу, toga, тога называемую, и для того его комедии Togatae именованы. Афраний жил около ста лет прежде рождества Христова, и сего гораздо Цицерон и Квинтилиан выхваляют. Менандр многую славу у греков заслужил. Родился в 342 годе прежде рождества Христова. Умер в 292 или в 93. Превосходство его сочинений заслужили ему имя князя новой комедии».

Ст. 70 *Плаутус Сицилийского.* «Плаутус <Плавт> и Эпихарм — другие два списателя комедий: первый — латинской, другой — греческой. Плаутус умер около 184 лета прежде рождества Христова. Эпихарм, уроженец из острова Сицилии, жил во временах Пифагоровых, около 450 лет прежде Христа. . .».

Ст. 71. *И спешит к цели своей прямо.* «Плаутус в своих комедиях больше действа, чем слов употребляет, не оставляя зрителей унывать, но беспрестанно их приближая к решению басни».

Ст. 72—73. «Стаций Цецилий — стихотворец латинский, сочинитель комедии, многой у древних славы над прочими превосходил в расположении басни, поважностью, силою речений, удобных в зрителях желаемые страсти производить. Теренций родом африканец, из города Картагины, сочинил 6 комедий, которые и до наших времен дошли; искусен весьма в описании нравов человеческих. Хотя чужестранец, столь чистым языком латинским стихи его писаны, что Цицерон, почтительнейший в том деле судия, называет его лучшим списателем латинского языка. . . Цецилий жил в 179-м году прежде рождества Христова. Теренций умер в 159».

Ст. 76. *С веку Ливия.* «С самого времени Ливия Андроника, первого римлянина, которого бы стихотворцем называть было можно и который начал играть свою первую комедию год спустя после первой картагенской войны, то есть в 514 годе по создании Рима. Ливий начал славен становиться около 244 лета прежде рождества Христова».

Ст. 87. *Нещадный Орбилий.* «Гораций был учеником Орбилия Пупилла. . . который в 50-е лето своего возраста училище завел в Риме в консульство Цицероново».

Ст. 98. «Титус Квинтиус Атто был стихотворец, сочинитель многих римских комедий, который умер за десять лет прежде Виргилиева рождения; назван Аттою для того, что был хром и не мог стоять на ногах. . . Потому Гораций искусно сим стихом о том несовершенстве стихотворца касается, как бы он говорил: если я скажу, *что не знаю, прямо или криво* хромоногий Квинтий идет по позорищу, цветами настланному и орошенному шафранною водою, все сенаторы безумным меня назовут. . .».

Ст. 99. *Весь синклит.* «Весь сенат».

Ст. 101. «Есоп <Эзоп> и Росций были два славнейшие действители всего Рима. Первого поважным Гораций называет для того, что страсти в зрителях возбуждал, или для того, что поважно стихи выговаривал. Росций был весьма, весьма учен, для того титлом премудрого почтен».

Ст. 108. «Второй римский король Нума учредил к служению

бога Марса двенадцать священников, которых назвал salii — плясальщиками, и дал им молитвы самим и которые от тех священников певалися».

Ст. 117. *Кончав войны.* «То есть после Троянской и прочих войн, которыми, пока Греция была упражнена, не могла прилежать к распространению наук».

Ст. 142. «Парфянский народ весьма лживым почитали, для того что, по свидетельству Геродотову, учреждены были у них жесточайшие законы против лжецов».

Ст. 184. «*Пан и Сильван* — бог лесов, земель и плодородия».

Ст. 186—190. *В таких изобретенна.* «То есть в забаву свою те грубые пастухи и земледельцы перебранивалися на стихах и начальниками стихотворства были. Нетрудно судить, каковой грубости были те стихи, которые голое движение природы производило в мужиках, всякого искусства лишаемых, без всякого предыдущего размышления. Мы и сами много таких стихов имеем, которые суть вымысл простолюдного нашего народа и от которых можем о тех первых римских стихах судить. Например, я помню начало одной песни о браке царя Ивана Васильевича, которая, будучи довольно приметна, при сем оную приложу:

Как в годы то старые,
В времена было прежные,
При старом, при славном царе,
При Иване Васильевиче,
Соизволил да царь-государь,
Соизволил жениться-ста,
Не у нас в каменной Москве,
Да на той, на проклятой Литве.
Поимает да царь-государь
Марью Темрюковну,
Молодую черкашенку,
А за ней берет приданова,
Как на сорок бояринов,
Полтараста татаринов,
Шестьсот донских казаков,
Удалых добрых молодцов и проч.

Отважность фесценинская. Для того фесценинская отважность, что оные вольные и скаредные стихи выдуманы вначале от жителей города Фесцении в Тоскане... Оные стихи дали начало комедии, которая столько же груба и гнусна была, каковы суть наши деревенские игрищи. Когда же комедия римская в лучший порядок приведена, имя *фесценинских* стихов осталося одним срамным стихам, а наипаче тем, кои певалися на браках и которые гораздо были неприличны целомудренным ушам».

Ст. 197. *Уставлен закон.* «Закон двенадцати таблиц: „Ежели кто говорил или сочинил стихи против чести кого или в чью обиду, да будет казнен смертию“».

Ст. 199—200. *Склонность творцов* и проч. «Когда узаконена смерть против сочинений укоризненных, страх отменил склонность стихотворцев, и уже они принуждены стали сочинять стихи по-

хвальные и которые б не досаждать, но забаву производить имели...».

Ст. 204 *Сатурнские стихи*. «Стихи фесценинские, о которых выше упомянуто, и сатурнскими, как бы сказать весьма древными и сочиненными в Сатурново царствование в Италии, называлися».

Ст. 209. *По войнах пунических*. «По войнах с картагинейцами».

Ст. 211. *Софокл, Есхил, Феспис*. «Три стихотворца греческие, знаменитые в сочинении трагедии. Феспис, за шестьсот лет прежде Христа, первый трагедии писать начал; Есхил около ста лет спустя оную исправил, и напоследок, в старость Есхилову, Софокл в удивительное совершенство привел».

Ст. 226. «*Доссенус* или *Досунус* — знаменитый списатель римских комедий. Столь мало способен был вымышлять новые характеры, что во всех своих комедиях вводил параситов, то есть похлебников, которые благосклонность и обеды чужие ищут всякими подлостями».

Ст. 228. «*Полок* в зрелищах называется место, на котором действители изображают».

Ст. 238. *С отказу венца*. «С отказу похвал или впрямь с отказу венца, понеже стихотворцы за превосходные сочинении венец получали лавровый, равно как победители. В латинском вместо венца стоит лавр, palma».

Ст. 250. *Четыре иль более часов занавеска опущена* и проч. «Гораций здесь говорит, что часто живало, что среди комедии тот, кто ту народу давал, вываживал толпу действителей изображать триумф (сиречь въезд победный, торжество победное), который продолжался чрез четыре часа и больше, так что между тем комедия переставала и действители немы стаивали».

Ст. 265. *Гарганск лес*. «Лес, который стоит на горе Гаргане, превысокой и подлежащей непрестанным ветрам. *Море Тосканское*. Моря Средиземного часть, которая Тосканскому княжеству дотыкается».

Ст. 272. «...город Тарент особливо славен был деланием парчей шерстяных и краскою багряничною».

Ст. 285. «Геликон — гора в Греции, по баснословию древних — обиталище муз».

Ст. 307. *Александр Великий*. «Царь македонский, сын Филиппов, Дариев победитель».

Ст. 308. *Взлюбив Херила*. «Двое было Херилов, оба стихотворцы. Один весьма искусный и знаменитый, современный Фуцидиду <Фукидиду> и Геродоту, другой гораздо плохой, который пожил в временах Александра Великого».

Ст. 309. *Филиппов*. «Так называлась монета македонская, на которой с одной стороны было лицо царя македонского».

Ст. 313. *Так смешную книгу*. «Какова была Херилова, за которую Александр, сказывают, за всякий стих заплатил по одному филиппу».

Ст. 314. «Александр запретил всем живописцам, кроме славного Апелла, писать его лицо и, кроме Лисиппа, выливать оное в меди».

Ст. 319. *О дарах девяти сестр*. «О дарах муз».

Ст. 320. *В грубых он родился Беотах*. «Народ беотийский был

грубейший из всех греческих; так, в пословицу вошло говорить: ухо беотийское — вместо уха грубого, нечуткого, неразличающего согласие, и свинья беотийская — вместо человека грубого, неискусного. *Беотиа* — знаменитая провинция греческая, в которой лежал славный город *Фивы*».

Ст. 323. «*Луциус Вариус* был знаменитый стихотворец во времена Августа Кесаря, которого панегирик описал; сочинил тот же и несколько трагедий. Виргилий Маро другой не меньшей славы стихотворец тех же времен. Его сочинений Енеида, Георгики и Буколики до нас дошли и чрез столько веков от всех народов читаны с удивлением и услаждением. Оба те стихотворцы были в особливой милости у Августа Кесаря».

Ст. 331. *И сильные твержи, горам наложенные.* «Сильные крепости, на горах построенные».

Ст. 334. *И заключенны врата.* «В Риме имелося капище, посвященное Янусу, богу войны и мира, которого ворота во время военное держалися всегда отперты, а во время мирное запиралися вовсе. Август в свое царствование дважды то Янусово капище затворял».

Ст. 335. *И римску в твоих руках.* «Парфяне, опасаяся, чтоб Август против них не поднялся, прислали ему назад знамена римские и полоненников в войне с Антонием и Крассом».

ИЗ БУАЛО

(Стр. 335)

Впервые опубликованы Т. Глаголевой (Материалы, стр. 67—85). Известны в единственном списке (ГПБ, Собр. Вяземского, F, CXXIX), по которому печатается в настоящем издании. Явные ошибки исправлены. Интересен состав списка. На вкладных листах отличной от всего списка бумаги помещены отрывки из азбуки Кариона Истомина; открывается список азбуками (калмыкская, армянская, еврейская и др.); далее следует пять сатир Кантемира в первоначальной редакции. За ними — переводы из Буало («Речь к королю» и первые четыре сатиры), сатира «На Зоила» (в списке она обозначена V сатирой и, видимо, воспринималась переписчиком как перевод сатиры Буало), стихотворение «О жизни спокойной». Заключается список «Экспликацией о совести» Дмитрия Кантемира, обращенной в графу Гавриилу Головкину. На л. 59 (новейшей карандашной пагинации) имеется надпись: «Спис. генваря 14-д. 1746 года». «Этот список, — писала Т. Глаголева, — является для нас одним из наиболее интересных в виду того, что содержит совершенно неизвестные, как переводные, так и оригинальные, произведения, которые непосредственно примыкают к сатирам Кантемира и, очевидно, считались принадлежащими его перу» (Материалы, стр. 4). Приписывая переводы из Буало Кантемиру, Т. Глаголева оговорила, что делает это «предположительно». Но вопрос может быть решен более определенно. Сопоставляя стихи Кантемира, восходящие к Буало, с соответствующими стихами из переводов, обнаруживаем поразительное сходство. Например:

Перевод из Буало	Сатиры Кантемира
IV сат., ст. 23—26	*III сат., первонач. ред., ст. 332—336*
К тому ж иной безбожник без души, без веры, Волю свою чтит в закон, а там всё химеры; Демона и адский огнь не чает имети, Мнит старинные басни, чтоб боялись дети.	Где проклятый безбожник, без души, без веры, Иже волю за закон вменяет без меры, Иже духи и адск огнь, в нем же злым страдати, Басни сказывает быть, чтоб робят стращати.
«Речь королю», ст. 55—56	*III сат., первонач. ред., ст. 112*
Но не могу стерпети, кто свыше науки Рифмы две прибрав, чает поймать стихи в руки.	Рифмы не могу прибрать, как хвалить желаю.[1]

Ср. также перевод ст. 133—134 сатиры I Буало:

А наука печальна, нету места жити,
Сбита отвсюду, негде главу приклонити

с известными стихами из I сатиры Кантемира (первонач. ред., ст. 153—154; окончат. ред., ст. 165—166).

Это сходство нельзя объяснить тем, что и Кантемир и переводчик (если допустить, что это разные лица) пользовались одним оригиналом. Степень совпадения здесь (особенно в первом примере) превосходит обычное сходство двух самостоятельных переводов одного и того же оригинала. Показателен и следующий факт: в ряде случаев имена, упоминаемые во французском оригинале (например, в I сатире — George, Jaquin), заменены другими, встречающимися в сатирах Кантемира (Фабиус, Тулий). Важно обратить внимание и на своеобразное написание второй части фамилии Буало — «Деспро» (ср. Despréaux), какое встречается в примечаниях к переводу «Речи королю» и в примечаниях Кантемира к ст. 54 сатиры IV (окончат. ред.). У современников Кантемира обычно было принято написание «Депро» (см. у Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова) или же «Депрео».

В тех же примечаниях к переводу «Речи королю» (см. ниже, примечание к ст. 4) содержится характеристика Буало, совпадающая

---

[1] Ср. Буало: Je ne puis louer rencontrer une rime. В прямом значении «rencontrer» здесь — «найти», а не «прибрать». Ср. еще:

Не успел бы он стихов так скоро прибрати,
Как сия злые нравы может скореняти.

Это ст. 45—46 из «Речи к императрице Анне Иоанновне», в примечаниях к которой Кантемир сам указывает на подражание «Речи королю» Буало. Но прямого соответствия с оригиналом и тут нет. «Рифмы прибрать», «стихи прибрать» — специфически кантемировские обороты.

с той, которую Кантемир дает французскому сатирику в примечании к ст. 54 сатиры IV (окончат. ред.): «В подражании древних стихотворцев весьма удачлив. Сатиры и письма его, нашего стихотворца лучшая забава и предводители, соравняться могут тем, которыми древность хвастает» (в первонач. ред.: «Сатиры и письма его, если *не превосходят всех тех*, которыми древность хвастает, подлинно соравняться им могут»). Наконец, характер и структура примечаний переводчика к «Речи королю» весьма близки к примечаниям Кантемира и обнаруживают глубокую филологическую культуру, свойственную русскому сатирику. Все это вместе взятое позволяет заключить, что переводы из Буало принадлежат именно Кантемиру.

Работа над переводом Буало несомненно относится к раннему периоду творчества Кантемира, по всей вероятности к 1727—1729 гг. Перевод остался незавершенным. Кантемир успел перевести только «Речь королю» и четыре первые сатиры Буало, а прокомментировать — и то не до конца — одну только «Речь».

Приводим сохранившееся начало «Примечания» к «Речи королю»:

Хотя речь сия прежде других стихов поставлена, однако она не первая; творец сочинил ее в начале 1665 году, который уже пять сатир сделал. В том же году сия речь вмещена в стихотворное собрание прежде, нежели творец имел время оную исправить; потому сам ее напечатал в 1666-м году с первыми седмию сатирами. Рение <Ренье> в зачале у своих стихов также под сим титулом писал к Генрику IV.

Стих 3. *Без помощников един.* После смерти кардинала Мазарина, случившейся в 1661-м году, король, тогда будучи 22 лет с половиною, не хотя более имети первого министра, начал править сам собою.

Стих 4. *Правишь все сам собою.* Подражание Горацию, L. II. Ep. II, ст. 7: «ot susteneds et tanta negotia sopus». Здесь приметить можно, также и в других многих местах, что наш творец подражати древних тщался. Всех превосходит над оригиналом: или мысль исправляя, ставя ону в удобнейшем месте, дает больше силы, или, выражая острейшими словами и новыми виды, весьма украшает.

Сам говорит о таких подражаниях, что то ни подражанием, но прибавкою против своего оригинала назваться может.

Стих 6. *С почтением нудит мя.* Здесь видеть можно, что уже творец сочинил другие стихи еще прежде сего разговора.

Стих 10. *Бежит, тяжкое бремя.* Некоторые критики порочили сей стих, требуя, что нельзя сказать «тяжкое бремя»; однако ж говорят: «сие бремя весьма тягостно». Такая экспрессия кажется ничего неправильного в себе не имеет, и на герб сему ж подобную употребил: «Mais si la jog du terre d'une charge si grande venue à monde. . .», т. е. если тягость столь великого бремя дерзновенную моему противна бывает и проч. Де Маретс в 1674-м году публиковал свою работу, названну «Защищение героической поэмы с некоторыми примечаниями на стихи господина д***». Стихами и прозою он трудился вместе с дюком Неверсом и аббатом Тестю.

Господин Деспро часто пользовался их критикою, некоторыми примерами. Наше сие примечание «тягость бремяни» у них не ускользнуло. Комментарий господина Деспро требует, что сия экспрессия всюду годится, ибо нет никоего единства между сими двумя фразисами; важности бремени значит вес, который в нем находится, а тягость изъявляет, что носить неудобно тому, кто его подъемлет.

Стих 11. *Лучи высокой славы.* Стих сей и следующий в первых эдициях поставлены были тако: «et ma pente mal-prorpre».

ИЗ ВОЛЬТЕРА

О двух любвях (стр. 355). «Les deux amours». Впервые — Архив Воронцова (стр. 372). По тексту этой публикации печатается в настоящем издании. Исправлено лишь явно ошибочное чтение стиха 6. В первопечатном тексте было: «. . .когда там уж веселится». Перевод этот извлечен из письма Кантемира к М. Воронцову от 6/17 октября 1743 г.

ИЗ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА

<Драматический отрывок> (стр. 356). Впервые — изд. Ефремова, по тексту которого и воспроизводится в настоящем издании. Отрывок записан в календаре Кантемира на 1728 г. на обороте майского листка (от 17 по 30 мая). На этом основании отрывок датируется приблизительно маем—июнем 1728 г. Отрывок представляет собой начало перевода какой-то французской комедии. Об этом говорят имена героев, традиционные для французских комедий XVIII века; французское обозначение: «Acte I». Наконец, поправки, внесенные Кантемиром в текст отрывка, также свидетельствуют о переводном характере последнего. (Поправки см. в изд. Ефремова, т. 2, стр. 347—348.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

САТИРЫ КАНТЕМИРА В ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ

До появления изд. 1762 г. сатиры Кантемира распространялись в списках. Рукописные сборники и первое издание значительно разнятся между собой как по составу, так и по тексту. Рукописные сборники включают обычно пять сатир (I—V); в первом издании их восемь; трех последних в списках недостает. Все рукописные сатиры короче соответствующих печатных, причем разница колеблется от десятков стихов до сотен. Весьма существенно разнятся рукописные сатиры от печатных в идейном, стилистическом и языковом отношениях. Отлично и стихосложение: первые написаны обычным силлабическим тринадцатисложником; вторые — тонизированной силлабикой, по правилам, изложенным в «Письме Харитона Макентина». В списках сатиры сопровождаются специальными предисловиями (например, I, II, V); в изд. 1762 г. имеется общее предисловие к сатирам, но нет предисловий к отдельным произведениям. В списках сатиры предваряются «Речью к императрице Анне Иоановне»; в изд. 1762 г. им предшествует «Словоприношение к импера-

трице Елисавете Первой». Уже эта далеко не полная сравнительная характеристика свидетельствует о том, что рукописные сборники содержат особую редакцию сатирического цикла Кантемира. После выхода изд. 1762 г. рукописная традиция вскоре угасла, и в течение столетия о ней почти ничего не было известно. Только в 1858 г. А. Н. Афанасьев опубликовал (БЗ, 1858, т. 1, стр. 592—603) отрывки из рукописного цикла сатир, а в 1867 г. этот цикл был впервые полностью воспроизведен в изд. Ефремова. По почину Афанасьева, закрепленному в изд. Ефремова, текст рукописного цикла стали именовать первоначальной редакцией сатир. С тех пор и до настоящего времени принято считать, что первые пять сатир имели две редакции текста: первоначальную и окончательную (известную уже давно по печатным изданиям). Однако более детальное изучение рукописного наследия Кантемира свидетельствует о том, что творческая история и история текста сатир является более сложной, чем это обычно изображается в литературе. Составителю настоящего издания удалось обнаружить уникальный список (БАН, ф. 1, оп. 1, № 22), содержащий одну только I сатиру, текст которой несомненно предшествует по времени так называемой «первоначальной» редакции, и притом существенно отличается от последней. Имеются убедительные доказательства, что существовал и более ранний текст II сатиры, также отличавшийся от «первоначальной» редакции, но до нас не дошедший. Из всего этого явствует, что редакция, представленная рукописным циклом пяти сатир, не отражает первоначального их состояния, а является результатом переработки более раннего текста (по крайней мере первых двух сатир), итогом определенного этапа творческой работы Кантемира, завершившегося в конце 1731 г. (Чтобы не вносить разнобой в установившиеся наименования, мы сохраняем за текстом рукописного цикла название первоначальной редакции.) Оказывается также, что между «первоначальной» и окончательной редакциями были еще две посредствующие редакции сатир. Текст этих редакций не сохранился полностью. Судить о них можно по уцелевшим отрывкам, хранящимся среди автографов Кантемира в ГПБ. Как удалось установить, эти отрывки восходят к рукописи, представленной П. А. Курбатовым в 1811 г. в Общество любителей российской словесности при Московском университете (почему и названа в настоящем издании Курбатовской рукописью). Т. Глаголева, исследовав известные ей отрывки I, II и V сатир, заключила, что «весь текст сатир представляет собой сочетание первоначальной и окончательной редакций» (Материалы, стр. 7). Анализ дополнительных материалов (например, вновь обнаруженного отрывка III сатиры и др.) привел составителя к выводу, что указанные отрывки содержат не одну, как думала Т. Глаголева, а две промежуточные редакции сатир: первая датируется октябрем—ноябрем 1740 г.; вторая — началом 1742 г.

По сравнению с «первоначальной» редакцией в обеих посредствующих редакциях Курбатовской рукописи сатирические обличения приняли более острый характер, критика социальных пороков стала более глубокой и резкой, хотя и не достигла той силы и глубины, как в окончательном тексте.

Выявленные три новые редакции сатир — самая ранняя и две

промежуточные — дают возможность более полно и детально представить творческую историю сатир и тем самым более конкретно проследить идейно-художественную эволюцию сатирика. Здесь печатается лишь «первоначальная» редакция пяти сатир. Эта редакция, созданная десятью годами ранее окончательной, имеет самостоятельное идейно-художественное значение. Кроме того, следует учесть, что и при жизни Кантемира и почти два десятилетия после его смерти сатиры были известны лишь по тексту рукописного цикла, т. е. в «первоначальной» редакции. Именно в этой редакции (а не в окончательной, лежавшей под спудом до 1762 г.) они оказали непосредственное влияние на современников автора, на литературу и литературный язык. Все это придает так называемой «первоначальной» редакции важное историко-литературное значение и определяет необходимость ее воспроизведения в настоящем издании.

При подготовке текста «первоначальной» редакции к печати встречаются значительные трудности. До нас дошло множество списков этой редакции. Но среди них не сохранилось автографов Кантемира, и нельзя с достоверностью выделить авторизованные списки. В этих условиях весьма сложно установить аутентичный текст. В изд. Ефремова за основу текста взяты списки ГПБ (Q, XIV, 6 и F, XIV, 8). Они действительно относятся к числу наиболее авторитетных. Однако текст их нуждается в исправлениях на основании других списков. В настоящем издании для сверки текстов были использованы, кроме названных двух списков, и другие (например, ГПБ: F, XIV, 3; F, XIV, 70: Q, XIV, 5: Q, XIV, 22; Собр. Вяземского, F, CXXIX: Соф. № 1563: СПб. Д. А., № 233. ИРЛИ: Р. II, оп. 1, № 128; Р. II, оп. 1, № 130; Р. II, оп. 1, № 133. БАН: ф. 1, оп. 1, № 22; и др.). Авторские «Изъяснения» к «первоначальной» редакции сатир приводятся ниже, в наиболее существенных отрывках, отсутствующих или переработанных в примечаниях к окончательной редакции. При сравнении примечаний обеих редакций особенно заметны изменения, происшедшие в мировоззрении Кантемира.

Сатира I. На хулящих учение... (стр. 361). «Можно сказать, что сатира сия ни с чего не имитована, но есть выдумка нашего автора, понеже из всех сатириков никто особливую сатиру на хулящих учение не делал».

Ст. 36. *Мало бога знает.* «Знать бога и признавать его — несколько, по моему мнению, между собою разнят. Всяк православный признает бога; но очень мало знают его, т. е. ведают его свойства, лиц св. троицы разделение и прочая для истинного бога знания нужные известия».

Ст. 50. *Пять алтын достати.* «Алтын есть малая монета российская, имеющая цену трех копеек. Имя сие, как общее мнение есть, взято от татар. Турки и поныне червонец называют алтын. Пятью алтынами на рубль означает автор чрезмерные проценты, которых сребролюбцы от должников своих истязуют».

Ст. 63. *В невежестве гораздо больше хлеба жали.* «Неоднократно слова сии слышаны от многих, что как языки и обычаи чужестранные мы стали употреблять, то стал у нас недород хлеба, будто

они тому причина; а не хотят правильно рассудить, что вина тому землсдельцев леность и воздух непорядочный — знаки гнева божия, праведно на нас движимого за наши пред ним тяжкие преступления и обиды ближним, нами чинимые, что у других народов перенимать не нужно: у всех того и дома много».

Ст. 65. *На что нам грамматика.* «Рассуждение сие о грамматике несть фикция авторова, но подлинные речи человека непростого, который, в компании некоей будучи, пользу науки сей так грубо охуждал».

Ст. 74. *Камень веры.* «Книга в лист, творение покойного митрополита Рязанского (Стефана Яворского), издана в Москве 1728 года; содержит она в себе доводы разные из св. писания и отцов святых в утверждение правоверным в догматах своих и в обличение и сопротивление еретиков. Книга сия в великой похвале у всех имеется, и за такое нечто, чего лучше в душевную пользу написать невозможно».

Ст. 76. *Спорить смело.* «Когда кто властию силен и с низшими себя разговоры имеет, не нужны ему доказательства; понеже хотя слово его право, хотя — нет, никто прекословить не смеет, иной надежду имея милость какую от него получить, иной опасаяся беды в дерзновенном ответе. И потому обычайно знатные и великосильные речи свои авторитетом своим, а не доказательством и доводами подтверждают. Король французский, вместо всех доводов, указы свои так кончает: Nous voulons et nous ordonnons, car tel est notre plaisir, то есть мы хотим и повелеваем, понеже так нам угодно».

Ст. 79. *Бога неприлично.* «Богословие сим стихом описано».

Ст. 83. *В всех бедах кровь бедну винити.* «Эти слова не суть выдумка автора, но подлинно у многих древних людей слышаны, которые способ натуре, чрез лекарства чинимый, не только в глупость ставят, но и за грех почитают».

Ст. 93. *Когда вижу, что солнце всходит.* «Об астрономии тут завидливый говорит, да весьма несовершенно ее описует. В солнце лучшее его свойство минует, то есть свет его, который и прочим планетам подает; только два времени года напоминает: лето да зиму; а о весне и осени молчит и проч.».

Ст. 126. *Сребро, злато в приказах потеряет цену.* «То есть когда нельзя будет уже ничего деньгами в приказе себе на пользу сделать».

Ст. 128. *Предпочту Бахусу Минерву.* «Сила речения сего „предпочту Бахусу Минерву“ есть что: тогда не стану пить да стану учиться».

Ст. 141. *Не славить святую неделю.* «Попы обычайно всю неделю жадно для своей корысти по всем дворам воскресшего из мертвых Христа прославляют».

Ст. 142. *Нежли купцу.* «Купца имя тут значит посадского человека, которые обычайно суть пиволюбцы и почти всегда в Москве лучшие пива имеют, и понеже редко в их домах виноградное вино держат, пивом друг перед другом хвастают. *Не в три пуда хмелю.* То есть такое пиво, в которого варю положено три пуда хмелю. Купцы любят всегда пить крепкое пиво, живет у них и в пять пуд варя».

Ст. 148. *Златой век.* «Стихотворцы времена разделяют на четыре века: на золотой, серебряный, медный и железный, и говорят, что в золотом веке люди все одной только добродетели прилежали, отдаляяся всяких злостей; тогда все, кто что имел, обще для всех было, и лакомство не знатно было».

Ст. 164. *Платоном слыти.* «Платон был философ академической секты из Афин, сын Аристона; главный в науках философических ученик он был Сократов, после смерти которого поехал в Мегары и там слушал математику. Потом поехал в Египет, где, кажется, он познал веру еврейску. Родился около 325 по создании Рима, умре 406 г. по создании Рима, лета прежде Христова 347 или 348, исполнив возрасту своего ровно 81 год».

Ст. 178. *Семь бояр.* «...когда кто благороден, как ему жить не в знати? хотя б был такой, что в люди показать нельзя? Довольно кому быть благородным, чтоб мог быть всего достоин. Какое самолюбное рассуждение!».

Сатира II. На зависть и гордость дворян злонравных (стр. 368). «Сам автор в предисловии своем показал пространнее содержание и очистил себя, как мне кажется, довольным доказательством, так что мне о том же говорить нужды быть не видится. Сию материю описали из древних сатириков Ювенал в сатире VIII, а из новейших — Боало в V, которых наш весьма мало имитовал, как ясно может рассудить, кто всех трех сверстать похочет. Что же сатира сия разговором писана, то учинено с образца третьей сатиры Боаловой, в которой он смешной пир описывает».

Аретофилос. «Греческое имя; значит человека, который добродетель любит».

Ст. 13. *Много пользовать может совет.* «Опасно всегда следовать одному своему мнению. Человек бо часто в рассуждении своем ошибитись может, и для того совет здравый весьма нужен нам, если не так часто погрешать хотим. Когда же злы нравы, в сердце нашем вкорененные, не допускают нас охотно принимать увещания друзей, то уже нет надежды исправления, разве Христос спаситель вторицею воскресить Лазаря снидет».

Ст. 20. *Знаки в поле златы.* «Знаком я разумею фигуры, которые кто в гербе носит; таковые знаки, когда из металлов, т. е. серебра или золота составлены, то честнее, нежели бы они были из колеров или цветов».

Ст. 21. *Как в попах соборных, как в бабах из богадельнь.* «Не слыхано еще, чтоб несколько попов у одного собору могли пребыть без зависти меж собою, подобным образом и в богадельнях бабы нищие; а все то от жадности и сребролюбия, которое, не вем каким образом в священническом чине вкоренилося. Всяк уже из них печальным взором смотрит на богатство, которое не в его руках».

Ст. 27. *Кто горшком с подовыми.* «В сем стихе и следующем автор напоминает первое состояние самых подлейших. Что подлее, как быть пирожником. Но господин дворянин нерассудно попрекает незнатью пород благонравного простака».

Ст. 33. *Сам владел собою.* «Свое имел государство или княжение и был никому подвластен».

Ст. 34. *Дед прадеда много войск.* «То есть главным воеводою

был (как уже потерял свою землю) и многажды победоносец над войски неприятелей».

Ст. 35. *Отец его.* «Прадеда отец был адмиралом, и, как видеть, главнейшим, понеже всем флотом правил».

Ст. 40. *Паллас.* «Та же Минерва, наук богиня, Юпитера дщерь, рожденна из мозгу его без матери».

Ст. 43. *Салы нашей стены.* «Знать, у отца сего дворянина в сале по стенам расписаны были войны, в которых он присутствовал: иные благополучно выигранные, а иные, в которых его сторона урон получила; однако ж все то великодушием своим преодолел».

Ст. 50. *Ришелье.* «Арманд Иоанн, кардинал де Ришелье, был человек искуснейший в политических делах и много прославил имя свое в царствование Лудовика XIII, короля французского. В малолетстве сего короля, его умом королева, мать младенца, всем государством правила. Благоразумием своим так себя возвысил, что вдруг он был пэр и адмирал Франции, командор орденов королевских, начальник и надзиратель навигации и коммерции французской, секретарь и вскоре министр штатский, епископ лузанский и аббат десяти монастырей. Книга его под титулом «Тестамент кардинала де Ришелье» довольно показывает, какою политикою изобиловал муж сей. Родился он от Францишка Дюплеси, господина де Ришелье, кавалера орденов королевских и великого прево Франции, в Париже, сентября 5, лета Христова 1585, умер там же 4 декабря, л. Х. 1642. Здание его есть Сорбонна, феологическое собрание в Париже. *И. Мазарин.* Иулий, кардинал Мазарини, родился в Италии, в городе Писцина, 14 июля. л. Х. 1602, от подлых родителей. Чрез науку свою до того потом произошел при дворе римском, что нунцием екстраординарным послан во Францию л. Х. 1634, а в 1641 учинен кардиналом, тоже от короля Лудовика XIII статским советником и душеприказчиком по себе. В малолетстве Лудовика XIV великие знаки остроумия и знания дел политических показал, что можно видеть в житии Лудовика XIV. Книги, которые он сочинил, не в малой похвале у политиков имеются, только не весьма в своих максимах благочестив и правосудлив. Умер в Венсене 1661, марта 9. Он заключил славный мир с ишпанцами на острове фазанов».

Ст. 56. *Добра о пикете.* «Пикет есть игра картежная, в которой только 2 человека играть могут».

Ст. 65. *Побочных всех.* «Обычайно, но неправильно именем побочных разумеют детей не от законной жены, но здесь побочным в роде значит того дворянского сродника, который не из одной с ним линии, наприклад: его дядю, двоюродных братей и проч.».

Ст. 83. *Не пустое дело есть знатная порода.* «От сего стиха разуметь можно, что автор не хулит благородства преимущество, но показывает, что кто одним благородия именем довольствуется, небрежа о добрых делах и нравах, тот в нем малую себе красу находит».

Ст. 86. *В хранении права.* «То есть в правосудии».

Ст. 90. *От себя себе красу.* «Сиречь от своих собственных дел себе славу достать тщится; а не на ту уповает, которую нажили чрез труды предки его».

Ст. 91. *С корене сего так рожденны отрасли.* «Т. е. от благородных предков такие благонравные потомки».

Ст. 95. *И в равном достоинстве.* «Общее почти всем благорассудным политикам мнение есть, что если бы два человека было, из которых один был бы подлого роду, а другой из знатной фамилии, и надлежало бы из них двух в чин какой одного удостоить, а достоинство их обоих равное, т. е. и заслуги персональные, и ум, и благонравие, и службы время обоих равно, то должно предпочесть благородного для того, что хотя персональные их качества обоих равны, да благородного и предки услуги показали, а простолюдный сам первый в пользу отечества трудится; к тому же тот всегда лучше радит о общем интересе, который, ежели тому повреждение учинится, и он нечто потерять имеет, а благородные обычайно большие имения и владения в государстве имеют и потому с большим усердием и от внешних неприятелей защищают и внутренней того пользы ищут».

Ст. 111. *Разве ссохший пергамент.* «Грамоты обычайно пишутся на пергаменте, чтоб долее могли быть невредимы. Есть же пергамент зайча кожа, так чисто и бело выделана, что можно по ней писать как по бумаге».

Ст. 112. *От червей мог избежать навета.* «Т. е. которого черви не грызли, но уцелел чрез много лет».

Ст. 113. *С хвального ключа.* «Тут ключ значит место, откуду ручей какой истекает; источник по-книжному».

Ст. 116. *Лошадям... к примеру.* «Пословица есть у русских весьма умная: спесь только лошадям пристала; к сему автор аллузию делает в сем стихе».

Ст. 124. *Нептуна власть.* «Нептун, брат Юпитера и Плутона, сын же Сатурна, есть (по баснословию древних) бог, который водами морскими владеет».

Ст. 141. *В передних зевая.* «Т. е. с великою скукою ожидая, не имеючи другой компании, кроме холопьев».

Ст. 143. *Жертвуя и мухам.* «Т. е. кланяяся с покорностию и самым последним людям, которые к временщикам доступ имеют, ища в них себе помощи. . .».

Ст. 146. *Твоих.* «Разумей сродником или роду своему, понеже обычайно, когда кто хочет сказать, что такой-то человек ему родня, говорит: он мне свой; и потому во втором лице *твои* употребил сатирик».

Ст. 148. *Дядька твой порука.* «От которого воспитание ты имел».

Ст. 160. *Сибирским вотякам.* «Вотяки суть народ особливый в царстве Сибирском, императрице российской подвластны. Люди весьма дики, в полях пустых обитающие и никакого твердого жилища и постоянных домов имеющие. Житье свое провождают в шалашах и редко два годы на одном месте живут. Таким людям, чаю, довольно дики марморные домы».

Ст. 163. *Гроциус.* «Гуго Гроциус был родом голландец из города Дельфт, муж остроумный, и в гражданском правлении и в делах политических не последний. Между прочими его издания книгами крайную у всех ученых принесла ему славу та, что под титулом: *О правах войны и мира,* в которой первый основательно изъяснил закон естественный. О сей его книге сатирик поминает в сем стихе. Родился Гроциус лета Христова 1583, умер 1645 г.

И. Пуфендорф. Самуил Пуфендорф, историограф короля шведского, искуснейший нашего века человек в истории и политике; издал на латинском языке преизрядные книги, как-то: «Введение в историю», которая переведена по-русски; потом под титулом: «О должностях человека и гражданина». Именем Пуфендорфа сатирик сии две последние его книги означает, в которых содержится основание всего права естественного. Умер Пуфендорф лета Христова 1694, месяца октября, 6 дня, в 63 лето своего возраста». *И римские правы.* «От Иустиниана сочиненные. Различные того суть части и в многих государствах правам общим основанием были».

Ст. 169. *Науки высшего степени.* «Таковы суть: алгебра, астрономия, феоретическая катоптрика и прочая, которые в житейском употреблении не столько нужны».

Ст. 175. *Не только гол знанием.* «Не только глуп и ничего не знаешь, но и знать ничего не хочешь, что есть сущее, богу противное упрямство».

Ст. 177. *Как свою весть волю.* «Наука, которая сему научает, есть философия нравоучительная. Та, нам представляя должности наши, показывает, как нам весть себя, что делать и чего отбегать».

Ст. 181. *В фараонном бою.* «Фараон есть игра в карты».

Ст. 192—194. *Трудней тебе... барбера рукою.* «Труднее тебе без игры сидеть, нежели когда тебя неискусный барбер тупою бритвою по немокрой бороде бреет».

Ст. 195. *Легче дьяку.* «Нельзя тем людям удержать ветра в себе и за великую тяжесть своего тела (обычайно бо все толсты живут), и за пищу жирную, и многое питье, которое места ветру не оставляет; к тому ж они то в стыд себе не ставят, так, как подлые голландцы, нижним проходом лишний ветр выпускать в неучтивость не вменяют».

Ст. 196. *Писцу не чесать главу, на край стула севши.* «Не возможно есть подьячему не почесать головы, когда садится на стул, а обыкновенно они не всем седалищем садятся на стул, но маленько на край стула с великою трудностию; опрется так, что больше на коленках стоит. Кто любопытен — может искусить, ежели автор правду говорит или нет».

Ст. 198. *Аламброю гремя.* «Аламбра — игра картная, от ишпанцев вымышленна, весьма забавна... А для того *аламброю гремя,* что в эту игру больше марками (или знаками) играют, которые обыкновенно живут костяные и для того, когда их на тарелку складывают, в игре гремят. *Иль костьми стреляти.* Понеже много обману живет, ежели рукою кости метать; обыкновенно их из деревянных стаканов выкатывают, и потому некое сходство с стрельбою имеет игра сия».

Ст. 199. *Неприятель станет.* «Перестанет играти».

Ст. 203. *Умным быть наскучит.* «Нельзя пьяного умным звать, ибо лишитье вина ум выгоняет».

Ст. 210. *В скудость непристойну.* «Непристойно и гнусно убожество, то, которому сам кто подал причину; невольная же нищета хулы не достойна».

Ст. 211. *Конопать осмотришь.* «Т. е. осмотришь затычку бутылок, которую обычайно засмаливают, и потому с конопатью сходство некое имеет».

Ст. 212. *В микроскопий смотришь.* «Микроскопий есть инструмент диоптрический, чрез который самую малейшую вещь пространну и ясно видеть можно. Когда и от кого сии (микроскопии) вымышлены неизвестно, только что до 1618 г. их не бывало; потому знатно, что *Иероним Сиртурус,* который в том году «О начале к сочинению телескопиев» книгу издал, об них не упоминает».

Ст. 213. *Малы ладии.* «Как при больших кораблях боты или шлюпки бывают, так при бутылках рюмки или кубки быть должны».

Ст. 215. *Правишь.* «Управляешь весь чин веселия». *Сказываешь ветр.* «Сказываешь, какое здоровье пить».

Ст. 216. *Чтоб кто не сбился с пути.* «Чтоб кто не отбился от рюмки, не забыл бы, какое здоровье выпить, но всяк бы равно и правдиво пил».

Ст. 232. *Растрелли столь искусно.* «Граф Растрелли, родом итальянец, в российском государстве искусный архитектор. За младость возраста не столько в практике силен; что же в вымыслах и чертежах — почти первый. Инвенции его в украшении великолепны, вид здания его казист; одним словом, может увеселиться око в том, что он построит».

Ст. 237. *Какой металл приличен.* «По мнению щеголей, летом золото носить неприлично так, как зимою серебро, а резон к тому, что золото тяжелее, и потому теплее».

Ст. 239. *Когда составлял.* «Ликург был один из десяти ораторов афинейских, который многие в пользу республики законы уставил. Смотри житье его, описано в Плутархе».

Ст. 240. *Когда Минос критянам.* «Минос I того имени король был критский, и за сына Юпитерова почитается, которого имел из Европы, когда в быка преобразился. Так по баснословию древних. Правда же самая есть, что красавица эта, похищенная и на корабле, которому имя было Бык, привезенная в Крит к царю Асторию (которого за крайнюю его доброту Юпитером называли), в жены взята и бысть мать его, Миноса. Славен Минос суровым законов защищением и учреждением многих прав, народу своему полезных, и для того стихотворцы сказывают его быть судьею в аде. Начал он царствовать в лето по создании света 2645».

Ст. 250. *Всяк позумент газу.* «Газ есть легкий, одноличный позумент и почти кружево серебряное или золотое; на полевых платьях и в городе летом его употребляют, и вкус платью дает лучше всякого позументу».

Ст. 251. *В иулии.* «В иулии месяце, или, лучше сказать, в летнее время, в теплую пору».

Ст. 254. *Как попы искусные.* «В великое невежество себе почел бы иной поп не знать, в какой колокол своей церкви звонить в будни, в какой воскресный день и в какой в праздники, и многие из них лучше знают как звонить, нежели что читать».

Ст. 261. *Где ж в открытии* и проч. «Так щеголи и в том тщательны живут, что редко коробку свою с табаком одним образом отворяют, а всегда с великою бережью и принужденным искусством».

Ст. 263. *Подгибаешь колена.* «За красу себе почитают щеголи ходьбу такую, в которой всякая ступень мерою бывает, и для того

те поважно ступают, первее пальцами оперщися, потом же и пяту опущая».

Ст. 266. *В согласном убранстве.* «В одноличном уборе, или в уборе, который весь хорошо прибран».

Ст. 268. *Если б щегольству имя совершенства кстати.* «Т. е. если б прилично было щегольство совершенством назвать. Не худо сатирик сумнится имя сие такому приписать искусству; одна бо добродетель совершенством право зваться может; все прочее не полезно, иногда и вредительно, убо несовершенно».

Ст. 271. *Достоинство сильно есть.* «Сиречь, коли хочешь знать, кого почитать и кого иметь за славного человека, не имение титлов, но достоинство его (или Merita) рассмотрять должно, т. е. его нравы добрые, заслуги важные, знание, искусство и проч. собственные человеку украшения».

Ст. 278. *Коли той высок.* «Сиречь коли тот честен, богат, славен и достоинствами высокими почтен».

Ст. 281. *Если же противное зрит.* «Сиречь если видит, что хоть худороден, да добронравен, прилежен, не горд и во всем добром радетелен».

Ст. 284. *Полезен всем быть начинает.* «Добрый человек в партикулярном состоянии немногим полезен быть может, в знатное же достоинство если произведен бывает, редко кто доброту его не искусит».

Ст. 288. *Тех, иже нас судят.* «Тех, которые над нами власть некакую имеют, которые пекутся о благосостоянии нашем и проч.».

Ст. 292. *Слава наша с трудов их.* «Т. е. слава наша от их трудов несколько возросла; нечто и они помогли к приобретению славы отечества нашего».

Ст. 294. *И счесть годы не могут с тобою.* «Не могут те фамилии своей знатность показать за столько лет, сколько ты показал».

Ст. 297. *Твоих знают.* «Сиречь предки твои знамениты стали за 704 лета, да ведь не то начало человеческого рода. Были и прежде люди, из которых какой-нибудь и тебе был древнейший предок, нежели те, которые знамениты фамилиею».

Ст. 299. *Край же рода.* «Т. е. первоначалие фамилии».

Ст. 301. *В сохе сыщет начало блистательну роду.* «Сиречь доберешься того, что знаменитый род твой от мужика начало имеет, и поистине кто может сказать, что он из веков дворянин, хоть сколько ни считать древности рода своего лет, нужно напоследок исповедать, что некто из предков сохою и трудами хлеб свой добывал».

Ст. 302. *Часто адмиральский дед.* «Известно есть, что ни один адмирал в России не имел деда водовоза, но все знатного были дворянства, и потому видеть можно, что не в хулу их автор стих сей написал. Намерение его есть изъяснить, что часто многие из подлости добродетельми своими великие достоинства доставали и что нет таких, которого бы племя не из подлого рода начала некогда произошло; для того же *адмиральский* дед, а не иного кого, что между им и водовозом аналогия некакая противная имеется: сей бо воду таскает, той же водами обладает».

Ст. 303. *Но добродетель того.* «Прилично сему Мариус сказал некогда шляхетству римскому (Саллустий в войне югуртинской):

Quod si jure despiciunt me, faciant idem majoribus suis, quibus uti mihi ex virtute nobilitas cepit, то есть: коли они праведно меня презирают, то же и предкам своим да учинят, их же, яко же и мое, от добродетели благородие начало восприяло».

Ст. 311—312. *И труды не явим... слыти.* «Так сие разумей: если трудами своими не покажем, что и мы достойны зваться или имя то носить, что наши предки носили».

Ст. 317. *Плешивость Иулию.* «Есть некоего автора рассуждение, что Иулий Кесарь был плешив, но что тот недостаток природы покрыл лаврами, которыми за многие победы венчан был. Можно худородие уподобить сему власному на главе недостатку: обоя бо не от нашего произволения и худых наших поступков бывают, но от природы; обоя же и прикрыть трудами удобно можем».

Сатира III. О различии страстей в человецех... (стр. 378). «В сей сатире автор наш имитовал Феофраста, греческого философа, и из новейших Лабрюера, которые оба показали себя в ясном изображении различных человеческих нравов. Первый из них писал по-гречески, другой (будучи француз) — по-французски. Оба писали простым слогом, а не стихами».

Ст. 58. *У сего в руках нам уже наскучит.* «Сими словами сатирик хочет сказать, что как великое сокровище достанется молодому человеку, то от пышного его экипажу тесно будет людям на улице и беспутным своим прохлаждением свободно многим наскучит».

Ст. 59. *А сосед его.* «Для того мот Тицию-сребролюбцу сосед, что оба в равном суть расстоянии от того же доброго посредства, которое есть *умеренности добродетель*».

Ст. 61. *Множить мамону.* «Мамона часто вместо денег употребляется в разговорах простых; слово же сие по своему сродному знаменованию значит диавола».

Ст. 96. *Война будет, вижу.* «Филипп IV, король ишпанский, претендует от цесаря княжение тосканское и иные провинции в Италии и хочет, чтоб сын его *Дон-Карлос* вступил в Италию для восприятия земель тех. Цесарь ту его претензию не праву быть прежде смерти настоящего владетеля по прежним договорам показывает. От которого сих двух государей несогласия сказывают публичные ведомости, что война в Италии загореться имеет и что войско уже готовится туды идти на сих днях (1730 г., августа месяца) так цесарское, как и ишпанское».

Ст. 97. *Ишпанец передался.* «Известно, что король ишпанский заключил союзный договор с российскою и римскою империями и потом в... году для вышепомянутой претензии против цесаря, оставя тот договор, вступил в трактат севильский, заключив договор союзный с Франциею, Англиею, Свециею и Голландиею, в котором участники суть и иные европейские самовладетельные принцы; и потому вестей любитель говорит в сем же стихе, что союз их силен. Кто из них прямо сильнее, того я сказать не знаю. Сами лучше знают, до кого войн страх касается».

Ст. 99. *В сенате закрепили указ.* «Верна ли эта ведомость или нет, не знаю, только многие об ней сказывали; а подлинно не спрашивался для того, что ни на мне, ни на сатирике доимки нет».

Ст. 101. *В гвардии вчера была.* «Ея величество, по прибытии в Москву, нескольких из офицеров лейб-гвардии пожаловала пеpеменою чина; о которой тут сатирик говорит перемене — не знаю. Только можно видеть из следующих стихов, что о той, которую изволила учинить, будучи в Измайлове».

Ст. 103. *Синод умножен будет.* «Известно, что по смерти императрицы Екатерины Алексеевны синодское правление вручено четырем только архиереям, а архимандриты и протопопы выключены. Ея величество императрица, ныне благополучно царствующая, опять указала в синоде число особ прибавить, и уже все синодское собрание состоится в 14 персонах, между которыми имеются архиереи, архимандриты и протопопы, как было с начала уставления синода в России. *По Петра уставу.* По уставу Петра Великого, достойно вечныя славы императора, распространившего власть и славу государства своего, введшего добронравие в народ, святы учредившего законы и не напрасно названного *отца отечества*».

Ст. 105. *Генерал из Персии.* «Генерал-поручик Румянцев, к которому в июле месяце 1730 года послан указ прибыть в Москву из Персии, где над тамошним российским войском главный командир был».

Ст. 111. *Как у спасской обедни.* «Сиречь у обедни в Спасском монастыре, где часто учители (понеже тут школа имеется) поучения делают душеполезные и обычайно по воскресным дням и по праздникам».

Ст. 122. *И сколь тяжка его скорбь.* «Соравнение сие Ипокрита с сыном маловозрастным кажется натурально, понеже как сей, видя отца безнадежна и при смерти, молчалив, тих и лицо печально имеет, так и той; а для того сын млад, что он, будучи в несовершенном уме, не может удержать печали своей, но что в сердце имеет, то и на лице являет, что самое и той притворно в себе показывает».

Ст. 131. *Как красив тот весь устав.* «Хвалит Ипокрит установление доходов церковных, понеже ему те полезны, а не для того, что церковному благосостоянию нужны».

Ст. 143. *Внутрний строй.* «Обычаи и нравы его, или, лучше сказать, намерение его сердца».

Ст. 146. *Гордостью болен.* «Как разрушение порядка в частях тела есть телу болезнь, так нравов беспорядок есть немощь душевная».

Ст. 164. *Крепость имеет или грамоту.* «Т. е. купленная ли та его деревня или жалованная, понеже крепость есть запись приказная, которою продавец деревни или дома какого подтверждает в вечное владение купцу своему то проданное ему недвижимое имение; а грамоты даются на жалованные только деревни».

Ст. 176. *Иль приехал званный.* «Или выехал в службу зван от кого».

Ст. 187. *Календарь имен воеводам.* «Т. е. сочтет тебе бесчисленное число имен всех тех воевод, при которых он в войске был».

Ст. 188. *Кто был в их роте приставлен к заходам.* «Во всех ротах есть один человек, который заходы для солдат в лагерях и походах копает или чистит, называется профос; вместо палача в войске служит и винные у него под караулом содержатся».

Ст. 197. *Пойман целовальник.* «Целовальники называются люди те, которые в кабаках приставлены у продажи вина или которые в таможнях, мостах и перевозах пошлину государеву сбирают. Может всяк рассудить, что при таких делах красть удобно можно».

Ст. 209. *Если храм строить ищет или разорити.* «Таков был Эрострат <Герострат> ефесиянец, который, чтобы достать себе славы, в самый тот день, как Александр Великий родился, сжег преславный Дианы храм, который через два века с великим прилежанием и богатством был построен. Сколько в наших веках Эростратов!»

Ст. 217. *И дни ищет здравы.* «И здоров быть для того Катон хочет, чтоб его хвалили, что он болен не бывал и чтоб память осталась по нем, что был такой, который чрез всю жизнь свою болезни не чувствовал».

Ст. 250. *Ярыжного сана.* «Ярыжка называется пьяница записной, который неисходно живет на кабаках и питается одним прислужением в наливании в бочки вина, в катании бочек и прочими сему подобными трудами».

Ст. 256. *Что есть пусто в твари.* «Епикур, древний философ, основание всей твари поставляет в атомах (или телах так малых и твердых, которые никак разделиться на части не могут) да в порожности; *атомы,* болтает он, движущеся непрестанно в той порожности, произвели совокуплением своим все, что мы видим: небо, землю, звезды, солнце и проч. Сему его богопротивному мнению многие из тех же древних философов противилися, говоря, что нет порожнего или пустого в твари, но все небес пространство исполнено тонкою и водяною некакою материею (вещество), которая движется и собою понуждает двизатися и прочие все видимые тела, которые созданы от некоего сущего всесильного и всесовершенного, который может быть всея твари создатель. Сатирик к сему аллюзию делает, в смех говоря, что пьяница показывает ясно, что есть пустое в твари, понеже он сам не одну в день бутылку пустую сделает».

Ст. 257. *В египетском роде.* «Из всех древних идолопоклонников египтяне суеверство свое паче всех умножили; понеже, как сатирик правильно говорит, и чеснок свой боготворили. Что смешнее — всякому у них вольно было кланяться богу по своей охоте. Гораздо покойное богопочтение».

Ст. 299. *Не вем же, Зоил.* «Под Зоила именем описать намерен был сатирик самолюбивого, завидливого, но да не продолжить чрезмерну сатиру — кончает внезапно, как из следующего примечания видеть можно».

Ст. 308. *В дворе, в храме, в городе не напрасно славен.* «Т. е. недаром сей архиепископ содержится в милости ея величества. Недаром он в церковных делах и в правлении дел гражданских, елико к церковным касаются, славен, прилежен, трудолюбив, благочестив, верен и умом от бога чрез труды свои довольно одарен. Все же те добродетели неусыпно употребляет в пользу всем».

Ст. 311. *Или хочешь Калепин.* «Сатирик музу свою спрашивает: не хочет ли составить из страстей такой лексикон великий, каков есть Калепинов, который на семи языках содержащиеся все речи в себе заключает; книга в лист, чрезмеру толста».

Ст. 327. *Как трясет в рожке зуб слоновый.* «Чтоб игроки обману не делали в игре, кости обычайно из некаких стаканов деревянных или рожковых выкатывают, растресши их прежде гораздо; а для того *зуб слоновый,* что кости из такой кости делаются, итак, все вместо части написано».

Ст. 335. *Иже духи.* «Т. е. ангелов и диавола».

Ст. 338. *Черница мясо кушать.* «Известно есть, что черницы греческого закона запрещение имеют от мяса воздержаться, что и твердо содержат».

Сатира IV. К музе своей (стр. 388). «Четвертую сию сатиру писал автор в начале 1731 году, после первой книги «Петриды» и всех тех стихов, которые до сих пор народу известны. Причина ея есть, что хочет он с музою своею договор учинить, чтоб впредь сатир не писать, и резоны тому ставит, что бедственно ремесло есть людям смеятися, и можно от того пострадать; но напоследок признает, что нельзя ему сатиру не писать, хотя бы знал неведомо что претерпеть. *Боало* подобную сатиру написал, которая в его сатирах есть числом седьмая, из сей наш автор много имитовал, хотя большую часть от себя прибавил. Есть нечто в ней из Ювеналовой первой сатиры, только что слова все новые, хоть дело подобное».

Ст. 13. *Клеоб уже протест на меня готовит.* «Под именем Клеоба означает сатирик человека суеверного, который с глупости думает, что богопротивное есть дело смеяться бороде, и говорит, что нечистый дух в авторе бранит так достойно чтительное лица украшение. *Протест* есть латинское слово, по-русски *довод.* Вся Клеобова злость устремляется против 20-го ст. I-й сат.».

Ст. 17. *И Лентул с товарищи.* «Лентул есть человек, который защищает всякое злонравие для пользы своей и прибытка».

Ст. 20. *Что хуля Клитесов нрав.* «В 3-й сат., в ст. 244, под именем Клитеса описал сатирик пьяницу».

Ст. 22. *А Брутус.* «Брутус есть притворное имя, которым сатирик означает человека чрезмерно охотника к ученым ссорам и потому сказывает, что он всю библию прошел, только чтоб показать, что неприлично *мантию,* столь священное дело, называть *ризою полосатою.* Для того же библию острожской печати, что Брутус староверец, и то любит, что глупее: знает, что московской печати библия правильнее и с греческим сходнее, да острожская старее, убо и лучше».

Ст. 45—46. *Чтоб шляп не носили маленьких.* «В 1731 году мода была в Москве весьма малые шляпы носить».

Ст. 70. *Станем Туллию приветство писати.* «Вымышленное имя есть Туллия, так как и прочие, которые в следующих стихах найдешь, и гораздо умно автор в сем поступает, ибо не только сатирику, но и казнодею (которых власть гораздо больше) неприлично злонравного, именем называя, обличать. Поверь мне, коли пьяница видит, что о пьянице писано, хоть описание то было бы под именем Клитеса или Сенеки, узнает, что то об нем писано; однако ж за то сердитовать непристало и дурно, потому что таким образом сам свое имя покажет, когда автор укрыти его силится, и сделает то, чтоб весь свет знал то, что теперь один, может быть, сатирик только знает».

Ст. 119. *Кто был в краи чужды.* «Не все, которые были в чужих краях, в сем стихе заключаются, ибо многие, и большая их часть, гораздо не напрасно ездили, но в большой семье не без урода; есть и такие, которые вкус вина знают, да и то не худо, понеже и то искусство, лишь бы вкус тот не был весьма приятен».

Ст. 126. *И рог громкий посреди Москвы надувати.* «Т. е. нескладно в городе полевые писать песни, ибо рог — полевой инструмент».

Ст. 148. *Ест и пьет аргументом.* «Аргумент называется в логике, когда два предложения сличаю с некоим третьим предложением, и, усмотрев, что оба те сему третьему подобны, замечаю, что и меж собою они подобны. Вот образец: тот беден, который всегда недоволен; скупой всегда недоволен; убо скупой беден».

Сатира V. На человека (стр. 393). «Сатирик наш по окончании своей четвертой сатиры намерен был, оставя сей стихов род, употребить время свое, которое ему до отъезду в чужие краи оставалося, на продолжение *«Петриды»,* которой одну первую книгу издал еще прежде третьей сатиры; но, уразумев чрез искус, что дело то не малого требует прилежания, также лишаяся к тому потребных известий, отложил то до другого времени, когда и способы к тому лучшие будут и мысли его, различными нуждами ныне смущаемые, спокоятся. А чтоб между тем не потерять несколько дней напрасно, написал сию сатиру, которая почти вся сделана на подражание Боаловой сатиры VIII-й, с тем различием, что Боало в своей доказывает, что из всех животных человек глупее, а наш автор тщится показать, что не только он глупее всех скотов, но еще злее всех зверей и дичее всякого урода, которого бы ум вымыслить мог. С самого начала сатиры автор речь свою простирает к живописцам, которы чрез свойства свои описаны от 1-го стиха по 5 стих. Зачата сатира сия в августе месяце 1731 года».

Ст. 1—4. *Вы, которы... и мертвым сильны живность дати.* «Т. е. вы, которые искусным художеством обыкли в услаждение глазам нашим представлять все те твари, которых природа произвела и которые мертвым вашим изображениям умеете дать живность, в чем самой натуре подражаете».

Ст. 5—6. *Коль по прочих... и злобны.* «Т. е. когда вы, между прочими вашими делами, принуждаете ум ваш, который в выдумках плодовит, вымышлять какие ни есть дикие и страшные уроды».

Ст. 7—8. *Не сфинксе... одно составляти.* «Т. е. не трудитеся вымышлять сфинксе или химере чудный вид или составляя из разных чудных одно ужасное и дикое тело.

Сфинкс была урод некакой, — пишут Целий Лактанций и Диодор, — имеющий крылья и гарпиям подобный. Толкователь Еврипида, греческого стихотворца, говорит, что имела она лицо девичье, грудь и ноги львины, а крылья и перья птичьи. Полефат сказывает, что сфинкс была зверь некакой, который имел тело собачье, голову и лицо девичьи, крылья птичьи и голос человеческий.

Химера, по описанию стихотворцев, был чудесный некакий зверь или урод, у которого голова была львиная, тело козла, а хвост змийный. В сущей же правде Химера есть гора в Лиции, на которой

вершине львы живут, в средине ея место весьма к паству угодно, а при корени ея великое множество змей находится, что басни причину подало».

Ст. 12. *Пиши без оглядку.* «Напиши без всякого мнения или страху, понеже коли кто оглядывается в деле каком, то или ждет что, или чего ни есть боится».

Ст. 14. *Что Гораций описал.* «Гораций, римский стихотворец, в начале своей книги *О искусстве стихотворства* приуподобляет нескладную некую поэму такому уроду, у которого голова девичья, шея лошадиная, тело составлено из разных, сколько можно меж собою несходных частей, и все то покрыто перьями, а напоследок вместо хвоста висит ужасная рыба. «Humano capiti» etc.».

Ст. 30. *По несчастию, пусто.* «Подлинно бессчастием разве у судьи будет мешок пуст».

Ст. 37. *Иль оброк считая.* «Т. е. собирая деньги на платеж положенной на него подати или дачи, что помещику в год принести должен».

Ст. 48. *Дымные палаты.* «Известно нашим всем, что суть *палати* в крестьянской избе и что они всегда дымны, когда печь топится. Стих сей в рифмах недостаточен, понеже в предыдущем *солдаты* кончается на *ы,* а в сем *палати* на *и,* однако ж в долгой поэме, какова есть сия сатира, можно извинить сей недостаток, который приключился за тем, чтоб силу слов не потерять».

Ст. 55. *Заплачу подушное.* «Разумеется деньги подушные, подать, которую платят крестьяне в государственную казну».

Ст. 60. *Иль в праздник пойти в село.* «Уж того крестьянин не пропустит, чтоб у праздника не быть, коли не для того, чтоб молиться, так для того, что в тот день там даром потчуют».

Ст. 62. *Все бы бела рубашка.* «Регламент воинский повелевает, чтоб солдат имел бы всегда белую рубашку, когда в строй или на караул выйдет. Если не так, то жестоко бьют».

Ст. 66. *Наряжать мне все собой, а сотерых слушать.* «Т. е. все мне самому делать надобно; приказывать некому, а мне слушать надобно многих и их приказы исполнять».

Ст. 70. *Чтоб с ангельскими в счете был и он чинами.* «Известно есть, что чернцы называются ангельского чина люди, понеже, оставя все житейское попечение и умертвив плоть свою отречением мира, в славу божию прочие живота своего дни проводить обещаются».

Ст. 74. *В слабом теле.* «В таком, сиречь, теле, которого от сластолюбия удержать не можно».

Ст. 84. *Деньги те беречь.* «Будто это деньгам бережь, что не отдаст их на доброе, а промотает на гуляние, таковы человеков рассуждения обычайно живут; там мы скупы, где надобно быть тчивым, а в том великую сумму денег не жалеем, где копейку истратить грешно».

Ст. 85. *Поеду гулять в краи чужды.* «Не думает он для пользы себе и людям ехать в чуждые страны, но гулять. Куды умное дело! можно лучше бы и не ездить; дома быть дураком».

Ст. 92. *Разве с людьми уж не знаться.* «Куды какое глупое рассуждение! когда кто женится, будто должен с людьми не знаться. Мне кажется, что любезная жена ничего постоянному мужу

не мешает, и с людьми знаться так холостому, как и женатому легко можно, коли свои злые нравы тому не мешают».

Ст. 100. *Ни сродства на союз взирая.* «Т. е. и самых сродников своих не щадя. Славолюбив человек часто все должности забывает, когда чрез непотребства намерения своего дойти может. Полны истории примеров таких, и кто захочет их поискать, сыщет много и в своих временах».

Ст. 112—113. *Ума полон... кулек.* «Т. е. одарен умом больше всех животных, а поступки все глупые. Езоп говаривал, что люди носят два мешка: один за плечами, а другой на грудях; в том кладут свои дела, а в сем чужие, чтоб сии лучше рассматривать, а своих бы и не видеть. От сего и наш автор говорит, что висит на шее кулек глупых дел».

Ст. 114. *Работа.* «Т. е. порабощение, неволя».

Ст. 115. *Полну власть.* «Т. е. разумея изрядно, что полну имеет власть над волею своею, понеже всяк человек волен рождается душою и может быть всегда волен, если в младости привыкнет быть господином страстей своих».

Ст. 119. *Злостью же человека.* «От сего стиха автор начинает другую часть сатиры, в которой имеет показать, что человек всякого зверя злее».

Ст. 133. *Войнолюбца.* «Т. е. тирана такого, который любит войну и вступает в войну для того только, что война ему люба».

Ст. 134—135. *В чужестранны власти.* «Т. е. в чужое владение».

Ст. 140. *Башни, храмы, ворота.* «Теперь уж нет того обычаю, чтоб победителям посвящать храмы; а в старину много того бывало, когда в боги производить кого ни похочет народу позволено было. В римской истории образцов таких много найти можно. Башни в сем стихе значат пирамиды или другое какое строение, на знак действа какого поставленное. *Богом называют.* Пример тому *Ромулус* и *Юлий Цезарь,* которые за свои славные чрез войну дела обожены от суеверного народа».

Ст. 150. *Для воли и славы.* «Две обычайные отговорки и претексты бунтовщиков, которые, приятными сими именами подущая глупый народ, в худшее бесславие и неволю его приводят, пользу к себе привлекая».

Ст. 155. *Без проводника ввела на путь ада.* «Т. е. безопасных внезапно смерти предала; понеже кто в незнакомую дорогу без проводника идет, знать в дорогу ту вступать не думал или нехорошо себя предостерег. Ад вместо смерти греческие стихотворцы употребляют».

Ст. 156. *Мать... жрет собственны чада.* «Много таких примеров находится в историях. Иосиф, списатель жидовских древностей, повествует, что во время осады иерусалимской чрез Тита жена некая, именем Мария, испекла и съела сына своего, еще младенца. Правда, что тогда превеликий был голод; да однако ж то дело почти веры недостойно, если б не так верный то нам предал историк. Сколько ж таких матерей, которые для любви к второму мужу или для какого интересу погубили детей своих?»

Ст. 158. *Сын отца побивает.* «Кроме того, что в древних историях, много таких образцов в наших временах. Демидов некто убит от собственного своего сына в 1727 году».

Ст. 171. *Прельстит сильного невежду.* «Подговорит склонить на что сильного простяка, который, не зная, вредит. Подобным образом в похвале нашему автору написано: *знать тебе страшны сильных глупцов нравы»*.

Ст. 174. *Печатные вести.* «Вместо *печатные ведомости,* или *газеты*. Подлинно, что тем действом злым нельзя себе нажить славу, чтоб о тебе в газетах писали; надобно иные дела, полезные отечеству и праву естественному сходные, а чрез злодейства прославиться и трудно и недолговечно».

Ст. 181. *Истинный Пандоры дар...* «Пандору, как пишет Гесиод, Юпитер с неба на землю послал для прельщения людей, и дана в жену Епиметею глупцу, брату Прометееву. Ее же Юпитер, всеми дароданиями приятными украшенную, послал к Прометею, дав ей, чтоб ему в гостинец понести, коробку некую, которая снаружи была очень хороша, а внутри ея заперты были всякие беды и несчастия. Прометей не хотел принять подарок тот и приказал и брату своему Епиметею не принять его, если к нему Пандора его не принесет в отсутствии своем. Но Епиметей, убежден Пандорою, принял коробку ту, и лишь ее отворил — все злости и беды, в ней запертые, вылетели, а на дне осталася одна только надежда. Сей-то коробке автор наш ябеду приуподобляет, которая снаружи кажется хороша, а внутри бед полна, и в ней только, в утешение бедных, одна надежда остается».

Ст. 184. *Пока стряпчие...* «Известно тому, кто дело какое имел, какое несчастие есть, когда подьячий соглашается с стряпчим противника. Самые лучшие уставы кривым толком в вред просителя обращают, образ суда не хранят, всякое хоть малейшее преступление чрез промышленные происки великим делают, и напоследок, если таких же кто не имеет на свою сторону или к судьям сам доступить не может, то хотя прав, имеет быть виноват».

Ст. 188. *На доску стать не вызывают.* «На доску вызывают, когда один в суде в деле каком отпирается, а другой подтверждает и говорит, что рад пытку терпеть с ним вместе. Многие такие злобные суть люди, что хоть сам виноват, а когда ответчика обвинить не может, то розыском выиграть хочет, не жалея собственного своего тела».

Ст. 190. *Без пошлины взмутил его воду.* «Т. е. самую малую обиду сделал. Что меньше того, как воду, которая тебе, наприклад, принадлежит, напився и ее ненарочно смутить? Однак бывает, что за то люди великое делают отмщение. Есть такие места в Европе, где пошлину платят корабельщики только для того, что по морю верст с пять проплыли, и кто того не учинит, лишится корабля и всего товара».

Ст. 192. *За то, что он ему лучше кстати.* «Сколько чрез ябеду таких отъемов живет, в которых много резону нет, кроме того, что, например, деревня или дом какой бедного человека кстати пришел сильному господину».

Ст. 194. *Не утратит тем, что не стал к сроку.* «В уставах наших для упрямых людей уставлено, что если кто вступит в суд, а к учрежденному чрез судью сроку на суд с соперником не станет, то бывает виноват без всякого оправдания. Ябедники так свя-

той и полезный закон в такой вред претворяют, что не один за тем пропадает; понеже, когда срок приходит, то они какими ни есть способы чрез друзей, или напоем своего соперника, или куда отведут, чтоб он не мог на тот час судье предстать; а сами покажутся с прошением, чтоб записать его просрочку, и неправость свою тем самым очистят, а правого бессовестно обидят. Невозможно есть злость людей искоренить тем самым указом, которым законодавец неправду искореняет; не судья дает, но сами берут злобным толком и лукавыми поступками».

Ст. 195. *Да что ж, скажет.* «Автор наш, изъяснив образцы человеческой злости, начинает предлагать и добрые их дела, чтоб одно с другим на весках поставить и дать читателям рассуждать, которая сторона перетянет. В первое доказательство доброты приводит учреждение законов и нравоучительную науку, и то порядочно, понеже чрез них познается склонность людей к добронравию, но не всегда воле действо следует».

Ст. 197. *В пользу укрощати.* «В пользу народа прочего усмирять свирепость злых граждан».

Ст. 199. *Подлинно... не доброты — злости.* «Т. е. подлинно то знак есть, да не доброты, но злости».

Ст. 200. *На что б пила...* «Если б не тверда была кость, то на что бы токарям и прочим костяного дела мастерам пила; крепость их принудила крепкое вымыслить орудие».

Ст. 202. *Законы уставлены, чтоб исправить нравы.* «Т. е. законы учреждены, чтоб злые наши нравы исправлять, и подлинно — когда законы право уставлены бывают, не ино есть их намерение — только введение добродетелей и отвращение от злонравия, и потому философы определяют закон быти *предложение,* которое показует, какое дело делать и какого не делать: за добро, которое от того надеяться надобно, или за зло, которого от сего опасаться должно».

Ст. 203. *Что нам с детства сродно.* «Преосвященный новгородский в предисловии своем на книжицу под титулом «Первого учения отроком», говоря о человеке, пишет: *трудно тому не быть злу, который и родился зол*, а потом слово свое подтверждает священным писанием, приводя текст сей: все помышление его *на зло от юности его».*

Ст. 209. *Нет кражи без нужды.* «Волк крадет овцы, а лисица курицы для того, что есть хочет и без того с голоду умереть может: а люди, много имея, крадут без нужды».

Ст. 211. *Чистосердечны дела.* «Т. е. поступки зверей все без лукавства».

Ст. 216. *Столь и лучше.* «Тем самым лучше звери людей, что, не зная, что добро и что зло, больше того, чем сего держатся».

Ст. 230. *Иль трезвых видеть певчих... доме.* «Из ста архиерейских певчих редко не пьяниц десятерых сыщешь. Не знаю, для чего люди должности сей особливо к вину склонны, разве пение побуждает жажду или охоту дает к веселию».

Ст. 247. *Такого-то Диоген.* «Диоген был философ секты кинической, рожден в Синопе в 341 лето по созд<ании> Рима. Отца имел Ицесия. За дело подложной монеты высланный из отечества, приехал в Афины, где был учеником Антистена, и хотя учитель его был основателем секты кинической, однако он столько прославил

ее, что его за начальника почитают. Сей Диоген однажды вышел в город на площади в самую полдень с фонарем в руках, и вопрошающим его о таком чудном деле отвечал, что ищет человека; и к тому-то сатирик наш говорит: что не *сто свеч даром изжег*».

Ст. 248. *Был смехом века.* «Т. е. все того века люди смеялися».

Ст. 249. *К глупости приступим.* «Сатирик, описав непостоянство и злость человека, начинает глупость его изображать, что была третья часть его предложения».

Ст. 318. *Рядна роспись.* «Называется роспись, в которой написано *приданое невесте:* пишут роспись ту на гербовой бумаге, и отец невесты с многими свидетельми, заручив ее собственными руками, днем прежде свадьбы отдают жениху, который, если опасается, что тесть ему слова не додержит, записывает у крепостных дел».

Ст. 355—356. *И суеты полны... мысли.* «Не всякое о будущих попечение хулит сатирик, ибо мысль о будущей жизни не только не глупа, но весьма благоразумна и весьма потребна, как церковник нас учит: «Поминай последняя твоя и во веки не согрешиı». Но сатирик говорит о таких о будущем мыслях, каковы имел оный богач евангельский, который рассуждал разорить житницы свои и, создав другие, большие, собрать в них обильное свое жниво и сказать душе своей: «Душе моя, яждь, пий, веселися, имаши богатства много, лежаща на лета многи», которого рассуждения суету сам Спаситель обличил, повествуя, что бог тому богачу сказал: «Безумие, в сию нощь истяжут душу твою от тебе, сия же кому будут». О таких размышлениях говорит наш сатирик и для того приложил эпифетон суеты полны».

Ст. 363. *За вещь, правда, вкусную, но нам в естве вредну.* «Какова есть корица, гвоздика, мушкатный цвет, мушкатный орех и проч. приправы, которые подлинно вкус придают кушаньям, но, по мнению всех докторов, здоровью суть весьма вредительны. От стиха 361 по 367-й ст. сатирик описывает безрассудную отвагу людей, которые ездят по морю в Америку и в той езде столько бед и страху терпят, чрез время полугода, для приобретения вещей, без которых легко обойтись можно».

Ст. 377. *Богатством Цереры.* «Т. е. сборками всякого хлеба, потому что Церес была богиня плодов и овощей и, по баснословию древних, от нея зависело плодородие и недород хлеба (Гиралдия, в ист. богов, столб. 421)».

Ст. 397. *Дерзнул богом себя звать.* «Филон, жидовин, в описании посольства своего к императору римскому Каю Калигуле представляет нам ужасный сей человеческой глупости образец, понеже повествует, что сей император, побив всех своих сродников и видя, что не осталося кому бы противиться воле его, не довольствовался крайнею честию, которую людям подавать можно, но восхотел и ту себе присвоить, которая одному всесильному богу прилична. «И сказывают, — говорит Филон, — что, желая цесарь сей такое безрассудное мнение себе самому удостоверить, сим образом рассуждал: как те, которые пасут стада быков, овец и коз, не суть сами ни быки, ни бараны, ни козы, но суть люди, вида бесконечно превосходнейшего нежли тех животных; подобным образом тех, которые начальствуют над всеми тварьми, что ни есть в свете, достойно иметь за паче человеков и надлежит почитать их бо-

гами». Можно б и другие многие образцы, но о таком гнусном действе и сего одного довольно».

Ст. 405. *Люди ж те.* «О атеистах и безбожниках говорит сатирик».

Ст. 413—414. *И что уж двизатися... начало.* «Безбожников речи суть, которые, не признавая творца, говорят, что весь свет сделался сам собою и движется такожде, и понеже от себя самого начало имеет — не требует иной силы к своему продолжению, и сию силу автор наш *началом движения* называет».

Ст. 424. *Можно сказать, что душа вкупе есть и тело.* «Известно есть, что душа есть бесплотна, и потому, кто говорит, что душа имеет плоть или что дух есть душа и тело, тот предлагает самую невозможную вещь, равно как бы сказал, что то, что бело, есть черно, и что день — ночь».

Ст. 426. *Толпу людей брадатых.* «О суеверных церковниках говорит сатирик, которые, всякой науки лишены будучи, всякое мнение им неизвестное за богохульное почитают».

Ст. 434. *Собрав ружье, сам ударю с поля.* «Сатирик говорит, что окончит свою сатиру и употребляет к тому термин военный, понеже когда в войске барабан ударит с поля, то знак есть, что действо военное окончалося».

Ст. 454. *Во́спою греховною и вид потеряли.* «Сатирик тут аллузию делает к воспе, которая обычайно лицо человека портит, и потому говорит он, что Адам и Ева, учинивши преступление заповеди божией, воспою греха потеряли подобие божие».

ПИСЬМО ХАРИТОНА МАКЕНТИНА К ПРИЯТЕЛЮ О СЛОЖЕНИИ СТИХОВ РУССКИХ

(Стр. 407)

Впервые, вместе с переводом десяти посланий Горация, — в книге: «Квинта Горация Флакка десять писем первой книги. Переведены с латинских стихов на русские и с примечаниями изъяснены от знатного некоторого охотника до стихотворства с приобщенным при том письмом о сложении русских стихов. В Санкт-Петербурге при имп. Академии наук 1744 года». В настоящем издании исправлены многочисленные опечатки на основании авторизованного списка, хранящегося в ИРЛИ (Р. II, оп. 1, № 135). В списке два заглавия: на первом титульном листе — «Письмо Харитона Макентина, содержащее правила русского стихосложения»; на втором — общеизвестное заглавие. Имя автора, зашифрованное в неточной анаграмме «Харитон Макентин», раскрывается на титульном листе списка прямым указанием: «Сочинение князя Антиоха Кантемира». (Надпись сделана другой рукой и другими чернилами, чем весь список.) Список не датирован. Из дел, хранящихся в Архиве Академии наук, устанавливается, что Н. Ю. Трубецкой, которому Кантемир прислал рукопись «Письма», передал его секретарю Академии наук Сергею Волчкову 16 февраля 1743 г. Тогда же канцелярия Академии, находившаяся под начальством А. К. Нартова, разрешила напечатать «Письмо». По указанию Трубецкого корректуру издания поручили В. К. Тредиаковскому. Еще до этого (в мае 1740 г.) Кантемир прислал Хр. Гроссу свой перевод 10 писем

Горация, имея в виду напечатать его в Академии наук. Однако печатание почему-то задержалось. Когда же в Академию поступило «Письмо», его решили опубликовать в качестве приложения к переводу посланий Горация. Издание вышло в свет в середине 1744 г., уже после смерти Кантемира.

Для датировки «Письма» важно учесть, что в нем содержится следующее стихотворение:

Кому дам новую книжку, исправно
Многим очищенну трудом недавно?
Книжку забавную тебе дам, другу,
Никито, ты мои стишки с досугу
Охотно прежь сего чел, признавая,
Что в шутках кроется польза какая.

В этих стихах имеется в виду рукописная книга сатир и других поэтических произведений, подготовленных Кантемиром для издания. Работа над окончательной редакцией сатир, по собственному признанию автора, была завершена «в конце 1742» г. Если принять во внимание: 1) что 16 февраля 1743 г. «Письмо» уже было передано Трубецким в Академию наук, 2) что в начальных строках «Письма» говорится о высланных «в прошлом годе» книгах, которые дошли до автора «на сей неделе», то следует заключить, что «Письмо» писалось Кантемиром в самом начале 1743 г., а не в 1742 г., как считали А. А. Куник, П. А. Ефремов, В. Я. Стоюнин и ряд других исследователей.

Высказывалось мнение, будто содержащееся в предисловии к «Письму» заявление о получении книги «только на сей неделе», а также «самая форма письма к приятелю, и сам «приятель», и «Харитон Макентин»—только литературная форма, прием» (С. М. Бонди. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. В книге: Тредиаковский. Стихотворения. Л., 1935, стр. 101). «Письмо» бесспорно заключает в себе элементы литературной условности, но их не следует преувеличивать. В частности, «приятель», которому адресовано «Письмо», отнюдь не вымышленное, а реальное лицо. Это — «Никита», о котором упоминается в цитированном выше стихотворении, т. е. Никита Юрьевич Трубецкой, давний друг сатирика, интересовавшийся поэзией и, по отзывам последнего, сам писавший «не худые стихи».

Из предисловия явствует, что «Письмо» было написано Кантемиром в ответ на просьбу Трубецкого высказать свои суждения о стиховедческом трактате В. К. Тредиаковского, вышедшем в свет в 1735 г. под названием «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (в предисловии Кантемир неточно передает его заглавие). К тому времени, когда Трубецкой обратился с указанной просьбой, Кантемир уже успел разработать свою систему стихосложения и практически применил ее в окончательной редакции сочинений, включенных в предсмертный сборник. Просьба Трубецкого послужила для Кантемира лишь поводом к изложению разработанной ранее теории, и нет ничего удивительного в том, что он мог сделать это в сравнительно короткий срок. Заметим кстати, что подавляющее большинство параграфов «Письма» прямо соотносится с «определениями», «правилами», «королла-

риями» трактата Тредиаковского (в «Письме» материал лишь иначе систематизирован). Таким образом, круг вопросов, проблематика «Письма» была предопределена самим «Способом», и это также облегчило задачу Кантемира.

Из сказанного было бы, однако, неправильно сделать вывод, будто только в начале 1743 г. Кантемир впервые познакомился с трактатом Тредиаковского. По всей видимости, трактат был ему известен ранее. Напомним, что он был «приписан», т. е. посвящен «всем высокопочтеннейшим особам, титулами своими превосходнейшим, в российском стихотворстве искуснейшим и в том охотно упражняющимся моим милостивейшим господам». Едва ли нужно доказывать, что в их числе Тредиаковский в первую очередь имел в виду Кантемира, который в самом трактате охарактеризован как «без сомнения главнейший и искуснейший пиита российский». К тому же все изложение правил «героического стиха» строится в трактате Тредиаковского на материале I сатиры Кантемира. Поэтому сомнительно, чтобы Тредиаковский, прилагавший большие усилия к пропаганде созданной им системы стихосложения, не постарался каким-либо образом познакомить с ней Кантемира, с которым он состоял в переписке. О «Новом и кратком способе» Кантемиру мог сообщить до Трубецкого не только автор, но и Иван Ильинский, обучавший в свое время юного Антиоха русскому языку и стихосложению и сам писавший силлабические стихи. Ильинский вместе с Тредиаковским входил в «Российское собрание», созданное при Академии наук. С деятельностью этого собрания связано и написание трактата Тредиаковского. Совершенно невероятно, чтобы Ильинский, постоянно осведомлявший Кантемира о делах в Академии наук и присылавший ему различные книги, обошел молчанием такое важное событие в истории русского стихосложения, как выход в свет «Нового и краткого способа» и не прислал бывшему ученику экземпляр этого сочинения. О возможности более раннего знакомства Кантемира с трактатом Тредиаковского говорит и то обстоятельство, что на практике Кантемир, как уже указывалось, перешел к новым правилам стихосложения прежде, чем изложил их в «Письме Харитона Макентина». Есть все основания полагать, что именно под влиянием «Нового и краткого способа» сатирик пересмотрел свои прежние взгляды на русскую версификацию. В таком случае можно приблизительно определить и время, когда Кантемир мог узнать о теории Тредиаковского. Это, видимо, произошло между 1738 и 1740 гг. Еще в 1738 г. Кантемир писал традиционным силлабическим стихом, о чем свидетельствует так называемая IX сатира, созданная в середине этого года. Зато в одной из промежуточных редакций сатир, датируемой концом 1740 г., уже последовательно применены новые принципы организации тринадцатисложного стиха, впоследствии теоретически изложенные в «Письме Харитона Макентина». О существе этих принципов см. стр. 439—441 настоящего издания.

Стиховедческая позиция Кантемира в «Письме» расходится с теорией Тредиаковского. Кантемир не принял главного тезиса Тредиаковского о необходимости строить стих на основе правильного чередования стоп, т. е. на основе последовательного применения силлабо-тонического принципа. «Стоп рассуждение не

нужно», — лаконично замечает Кантемир, не утруждая себя сколько-нибудь серьезной аргументацией. Несогласен он и с большинством других положений, содержащихся в «Способе». Тем не менее и трактат Тредиаковского и собственный поэтический опыт побудили Кантемира отойти от чистой силлабики и внести в стих такие элементы (например, обязательное предцезурное ударение), которые неизбежно, хотя и непоследовательно, вели к ее тонизации. Это был шаг вперед по сравнению с традиционной силлабической системой, однако этот шаг был сделан уже сравнительно поздно, когда силлабике вообще пришел конец. Правда, сам Тредиаковский не сумел практически, своим поэтическим творчеством убедить в превосходстве предлагаемой им системы стихосложения. И это, по-видимому, было решающей причиной, в силу которой Кантемир не принял теории Тредиаковского, а противопоставил ей свою. (Следует подчеркнуть, что переделанный Тредиаковским первый стих I сатиры Кантемир забраковал, отметив, что переделка ухудшает, а не улучшает стих.) Нужен был теоретический и художественный гений Ломоносова, чтобы преимущества силлабо-тонической системы выявились полностью. Но Кантемиру не суждено было оценить подвиг Ломоносова. «Письмо о правилах российского стихотворства», равно как и поэтические творения Ломоносова, написанные еще при жизни Кантемира, остались ему неизвестны.

§ 2. Максимовская количественная просодия. Имеется в виду просодическая система, изложенная Мелетием Смотрицким (1578—1633) в книге «Грамматики славенския правилное синтагма» (первое изд. — 1618 г.). Как установил М. П. Штокмар, в московском издании 1648 г. имя автора не упоминается, зато в предисловии, составленном из различных сочинений Максима Грека (ок. 1475—1556), имя последнего многократно повторяется. Это и дало повод к названию грамматики и изложенной в ней просодической системы «максимовской» (см. заметку «Несколько слов о максимовской просодии» в книге: М. П. Штокмар. Библиография работ по стихосложению. М., 1933, стр. 177—181). Кантемир, как и Тредиаковский, также принимал труд Мелетия Смотрицкого за сочинение Максима Грека. Под количественной просодией разумеется система стихосложения, основанная на чередовании долгих и кратких слогов. Мелетий Смотрицкий пытался применить этот принцип, заимствованный из античной поэзии, в русском стихосложении, но безуспешно, ибо ни в славянском, ни в русском языке гласные не различаются по долготе и краткости. В. К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе» пишет, что автор «славенския грамматики, которая обще называется б о л ь ш а я и М а к с и м о в с к а я, желая наше сложение стихов подобным учинить греческому и латинскому, так свою просодию количественную смешно написал, что сколько раз за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтоб не быть, смотря на оную, смеющимся Демокритом непрестанно. Ежели б он тогда рассудил, что свойство нашего языка того не терпит, никогда б таковые просодии не положил в своей грамматике». Кантемир, в противовес Тредиаковскому, находил, что «различие русского языка с греческим в составе грамматическом

не столь велико, чтоб то было довольным поводом смеяться Максимовской количественной просодии».

§ 20. Стоп рассуждение не нужно. Тредиаковский ставил себе в заслугу «изобретение» «прямых наших стихов», т. е. настоящих стихов, «которые и число слогов свойственное языку нашему иметь будут, и меру стоп с падением приятным слуху, отчего стих стихом называется, содержать в себе имеют». Отвергая выдвинутый Тредиаковским принцип стопосложения, Кантемир имел в виду следующее определение стопы, данное в «Новом и кратком способе»: «мера, или часть стиха, состоящая из двух у нас слогов» (определение III). У Тредиаковского речь идет исключительно о двухсложных стопах (хорей, ямб, спондей, пиррихий); трехсложные русский стих, по его мнению, «принять никак не может» (правило I).

§ 22. Перенос позволен. Тредиаковский, наоборот, считал, что «стих героический не долженствует недоконченный свой разум переносить в часть токмо следующего стиха» (правило IV).

§ 23. Слитии не отметаются. Тредиаковский считал, что «стих героический для нужды больше двух слитий иметь не должен» (правило V).

§ 24. Упоминаемый здесь «поправленный» стих — переделанный Тредиаковским первый стих из первоначальной редакции I сатиры Кантемира (Кантемир неточно цитирует поправленный Тредиаковским стих. У последнего: «Ум толь слабый. . .»).

§ 28. Тредиаковский допускает предцезурное ударение в первом полустишии только на седьмом слоге.

§ 38. Эндекасиллаб катуллианский — одиннадцатисложный стих, широко использованный в произведениях римского поэта Гая Валерия Катулла (I век до н. э.). *Никито* — Никита Юрьевич Трубецкой. *«Книжку забавную тебе дам, другу».* Обещание вскоре было выполнено Кантемиром. Посланная в марте 1743 г. М. Л. Воронцову рукописная книга сатир и других произведений, как можно судить по ее копии — Академическому списку, открывалась «Письмом стихотворца к приятелю» (см. в настоящем издании стр. 434), представляющим в сущности прозаический вариант комментируемого здесь стихотворения. Хотя «приятель» и не назван, но из сопоставления со стихотворением можно установить, что это Н. Ю. Трубецкой.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Абие — тотчас, с тех пор как, когда.
Аз — я.
Аки — как, так как, подобно, словно, как бы.
Аще — если, хотя, когда.

Барбер — брадобрей, парикмахер.
Бдеть — заботиться; быть на страже, бдительным.
Беглость — скорость.
Бережь — осторожность.
Бесперечь — безусловно, несомненно, беспрестанно.
Бесстудный — бесстыдный.
Благой — добрый, хороший.
Бо — ибо, потому что.
Болван — статуя, истукан, чурбан.
Буде — если, ежели, когда, коли.

Валы — волны.
Вдругорь — опять, вторично.
Вина — причина, повод.
Власно — точно, собственно.
Во́лна — шерсть.
Вотще — напрасно.
Всуе — напрасно, попусту.
Выну — всегда, во всякое время, непрестанно.
Вящий — больший, высший.

Геенна — ад.
Горе́ — вверх.

Действители — актеры.
Денница — утренняя заря.
Десная, десница — правая, правая рука.
Десятью — десять раз.
Дивый — дикий.
Днесь — ныне, теперь, сегодня.

Довлеть — быть достаточным.
Довлеет — следует, должно, надлежит, прилично.
Дондеже — до тех пор, пока.

Егда — когда.
Еже — которое.
Елико — сколько.
Епанча — плащ, покрывало.
Ество — пища.
Естество — природа.

Живет — бывает.
Живот — жизнь, имущество.
Живут — бывают.

Завидит — завидует.
Зазор — стыд.
Законоломный — противозаконный.
Зде — здесь.
Зело — очень.
Зельный — огромный, сильный, великий.
Зеница — глаз, зрачок.
Злочинства — злодеяния.

Идра — гидра.
Иже — что, кто, который.
Инде — кое-где, в другом месте, когда-либо.
Искус — опыт.

Казнодей — проповедник.
Казнь — наказание, возмездие.
Картагинейцы — жители Карфагена.
Кой, коя, кое — какой, какая, какое.
Колико — сколько, как.
Коло — колесо, круг.
Конча — верно, непременно, конечно, очень.
Косный — медленный, неторопливый, неподвижный.
Красик — красавчик.
Красный — красивый, прекрасный, украшенный.
Крес<т>цы — перекрестки.
Кружало — кабак, питейный дом.

Лежень — лентяй, лежебока.
Лишитье — излишек.
Ловитва — охота.
Лоский — гладкий, блестящий.
Льзя — можно.
Льстить — обманывать, соблазнять.

Метафразис — переложение, иносказание.
Мнить — думать, считать.
Многовидные — многообразные.

Мочно — можно.
Мраз — мороз.
Мя — меня.

Нань — на него.
Начальник — основоположник, зачинатель.
Несть — нет.
Ниже́ — и не, отнюдь не, также не.
Нудить — принуждать.

Обжирство — обжорство, чревоугодие.
Обильность — богатство, сокровища.
Образа — обида, оскорбление, недовольство.
Ов, ова, ово — этот, эта, это; тот, та, то.
Одесную — справа.
Одноличнa — одинакова, неизменна, такова же.
Оный — тот.
Остуда — неприятность, обида, оскорбление, стыд, досада.
Отзде — отсюда.
Отнележе — с тех пор как.
Отщетиться — потерпеть, лишиться, утратить.
Отъем — изъятие.
Ошую — слева.

Пазуха — залив.
Паки — вновь, опять.
Паче — более.
Перси — грудь.
Персты — пальцы.
Персть — прах, пыль.
Плоть — тело.
Повадка — привычка.
Позорище — зрелище, представление.
Полно — достаточно.
Полок — сцена.
Понеже — поскольку.
Порода — происхождение (знатное).
Послежде — после того как.
Похлебство — лесть, угодливость.
Право — справедливо, верно.
Прелесть — обман, соблазн, коварство.
Претить — запрещать.
Приклад — пример.
Приписать — посвятить.
Промысл — предначертание, попечение, мысль
Противно — противоположно, наоборот.
Прохлады — удовольствия, наслаждения.
Пятью — пять раз.

Радеть — заботиться.
Рдеть — краснеть, стыдиться.
Рещи — сказать, изречь.

Свобожденник — вольноотпущенник.
Сиречь — то есть.
Слично — достойно, прилично, соответствующе
Смотрители — зрители.
Сотью — сто раз.
Стезя — дорога, путь.
Стерво — мертвечина.
Столчак — стольчак, стульчак.
Стропотный — строптивый.
Студ — стыд.

Таже — затем, потом.
Такожде — также.
Творец — бог, автор.
Ти — тебе.
Током — течением.
Торопеть — быть робким, пугливым.
Трожды, трожжи — трижды.
Тщивый — щедрый, усердный, заботливый.

Убо — ибо, так как, поэтому.
Уд — член.
Удобно — способно.
Устав — порядок, обычай.

Фразис — фраза, выражение.

Хвальный — достойный похвал.
Хвилый — слабый, хилый.

Чернец — монах.
Чин — порядок.
Чресла — бедра, поясница, стан.
Чтец — читатель.
Чтительный — уважаемый, почитаемый.
Чужится — чуждается.

Шипок, шипковый — роза, розовый.

Эдиция — издание.
Эфесиянцы — жители Эфеса.

Юже — что, которую.

Яже — что, которая.
Язык — народ, племя.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ СОЧИНЕНИЙ А. Д. КАНТЕМИРА

1. Satyres de monsieur le prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en François. A. Londres. Chez Jean Nourse. 1749. (Второе изд. — 1750 г.).

2. Heinrih Eberhards Freyherrn von Spilker. Freye Uebersetzung der Satyren des Prinzen Kantemir. Berlin, 1752.

3. Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни. СПб., при имп. Академии наук, 1762.

Изд. 1762 г.[1]

4. Сочинения Кантемира, Изд. Александра Смирдина. СПб., 1847.

5. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Под ред. П. А. Ефремова: т. I — Сатиры, мелкие стихотворения и переводы в стихах (СПб., 1867); т. II — Сочинения и переводы в прозе, политические депеши и письма (СПб., 1868).

Изд. Ефремова[1]

---

[1] Сокращенное обозначение, принятое в примечаниях настоящего издания.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Содержание[1]

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ПЕТРИДА

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Кантемир Антиох Дмитриевич
СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *П. Н. Берков*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *С. М. Пинус* и *Д. Д. Ливщиц*

Сдано в набор 29/X 1956 г. Подписано в печать 27/III 1957 г. Бумага 84Х108/32 Печ. л. 34 5/8 (28,39). Уч.-изд. л. 30,52. Тираж 15 000. Зак. № 984. Цена 10 р. 75 к.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28

Типография № 3 Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. 1/3.

„БИБЛИОТЕКА ПОЭТА“

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Вышли из печати

В. А. Жуковский
Н. И. Гнедич
И. А. Крылов
А. С. Пушкин
(тт. I—III)
Н. П. Огарев
Я. П. Полонский
«Поэты „Искры“»
(тт. I—II)
Иван Бунин
Александр Блок
Сергей Есенин
«Революционная поэзия
1890—1917 гг.»
Тарас Шевченко

Выходят из печати
в 1957 году

А. П. Сумароков
И. Ф. Богданович
Г. Р. Державин
Федор Глинка
Е. А. Баратынский
А. И. Полежаев
Ф. И. Тютчев
«Поэты-петрашевцы»
Иван Франко
Важа Пшавела

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка или стих	Напечатано	Следует читать
39	9 сн.	оный»	оный», и
60	ст. 152	нравы	правы
189	1 сн.	воспитывать	восписывать
191	ст. 39	оставлю	оставляю
216	ст. 15	нас	вас
244	ст. 125	врага	врата
258	ст. 147	в сердце	и сердце
259	ст. 150	страшный	страшливый
382	ст. 188	роде	роте
386	ст. 318	что	чтоб
446	24 св.	decesiècle	de ce siècle
499	12 св.	III сат.	IV сат.